

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ

ПИСЬМА

ДНЕВНИКИ

АФОРИЗМЫ

И МЫСЛИ

ОБ

ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •
М О С К В А • 1 9 6 8

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ
(1841—1911 гг.)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик *М. В. НЕЧКИНА*

СОСТАВИТЕЛИ
Р. А. КИРЕЕВА и *А. А. ЗИМИН*

Предисловие

Лаборатория ученого всегда представляет интерес для историка науки. Выписки из первоисточников, наброски планов, черновики работ, отражающие поиски нужных формулировок, движение исследовательской мысли к выводу — вот основные ее материалы. Они значительны, но все же недостаточны. Они свидетельствуют об очень многом, но все же не обо всем. Для исследователя истории науки всегда сохраняют особую притягательную силу также источники иного рода. Он с жадностью всматривается в ч е л о в е ч е с к и е документы ученого: мемуары, дневники, беглую стихотворную строку, запись философского размышления, письмо близкому человеку. Тут нередко блесит драгоценная россыпь данных о формировании личности ученого, о развитии его мировоззрения, о поисках себя самого, об осознании смысла жизни и своего в ней места. Тут часты штрихи синтеза как своей жизненной задачи, так и понимания эпохи. Без этих драгоценных свидетельств иной раз просто мертвы ученые выписки, черновики и поиски научных выводов. От этих человеческих документов струится особый свет на научное творчество.

Василий Осипович Ключевский парадоксальным образом соединяет в себе две черты: он широчайше известен и очень мало изучен. Тут нет логического противоречия: неисследованность в историографическом смысле — одно, известность — другое. Его неизученность может быть связана и с его близостью к нашему времени и со сложностью его научной индивидуальности и неповторимого таланта и с малым числом известных об его внутренней жизни документальных данных.

Эти данные значительно пополняются последними находками, поднявшими пласты почти нетронутых ранее архивных накоплений. Личный архив историка сохранил для нас незаменимые памятники его работы и жизни. В настоящем томе собраны некоторые важнейшие документы такого рода. Они не столь уж прямо ведут к страницам его «Курса» или «Боярской думы», но много дают для нашего

понимания, как слагался В. О. Ключевский, как он мыслил, какие раздумья вызывала у него окружавшая его действительность, каким он был человеком.

Архив В. О. Ключевского находится в разных архивохранилищах. Значительная часть документов хранится в Отделе рукописных фондов Института истории Академии наук СССР и Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Имеются рукописи В. О. Ключевского в Государственной исторической библиотеке, в Архиве АН СССР, в Государственном архиве Пензенской области и ряде других хранилищ. Значительная часть материалов настоящего тома публикуется впервые, часть текстов уже была опубликована, — об этом имеется информация в комментариях.

В том включены три основных рода документов: во-первых, письма В. О. Ключевского к близким и знакомым, во-вторых, дневники и «дневниковые записи» (большинство из них скорее материалы к дневникам, чем собственно дневники ¹⁾ и, в-третьих, его афоризмы и мысли об истории.

Из 120 писем В. О. Ключевского, которые включены в том, некоторая часть уже публиковалась ранее; в их числе — письма молодого Ключевского к товарищу своих юных лет П. П. Гвоздеву, которые уже были опубликованы С. А. Голубцовым в 1924 г., но из-за малого тиража это издание вскоре стало библиографической редкостью. Это последнее обстоятельство, как и исключительное значение этих писем для биографии и формирования мировоззрения молодого Ключевского, полностью оправдывает их перепечатку.

Комплекс публикуемого эпистолярного наследства, разумеется, не претендует на полноту: еще немало писем В. О. Ключевского будет найдено, — не так уж часто предпринимались их поиски за последние годы, да и по природе почти любой переписки письма одного человека неизбежно разбросаны по лицу земли — по линиям многих и в разных местах живущих адресатов; они и не могут храниться сосредоточенными в одном архивном пласте, где скорее можно найти письма к В. О. Ключевскому, нежели письма от него. Более сотни найденных писем и телеграмм вообще не вошли в настоящее издание. Отобраны наиболее значительные письма, свидетельствующие о научных интересах историка, его общественных связях, событиях академической или общеполитической жизни, которые возбуждали его внимание и интерес, письма, говорящие о мировоззрении и исследовательской работе историка.

Письма расположены в хронологическом порядке. Среди

¹ В этом отношении введение в заглавие тома термина «дневники» несколько условно. Мы предпочли, однако, сохранить его, чем заменить выражением «дневниковые записи», требующим пояснений.

адресатов — родственники В. О. Ключевского (например, члены семьи Европейцевых), пензенские знакомые, друзья и соученики, из близких товарищей — П. П. Гвоздев, В. В. Холмовский, Н. И. Мизеровский; редактор исторических журналов и сборников (С. Н. Шубинский), а позже широкой и явно преобладающей волной идут ученые, исследователи, профессора (С. М. Соловьев, А. А. Шахов, В. И. Герье, М. С. Корелин, Н. В. Калачов, Н. П. Барсуков, Н. А. Попов, Н. С. Тихонравов, П. В. Знаменский, С. Ф. Платонов, И. Е. Забелин, Н. Н. Фирсов, С. Д. Шереметев, С. А. Белокуров, А. Ф. Лавров, Е. С. Некрасова, Н. А. Рожков, А. Н. Пыпин, П. Н. Милюков, А. Ф. Кови, Р. Ю. Виппер, М. К. Любавский); меньше писем к представителям власти, но все же есть обращения к министру народного просвещения И. Д. Делянову, попечителю Московского учебного округа, позже министру народного просвещения Н. П. Боголепову, министру внутренних дел В. К. Плеве. В числе адресатов есть и ректор Московской духовной академии С. К. Смирнов, и либеральный публицист В. А. Гольцов; есть подписанная Ключевским телеграмма А. П. Чехову. Слабее прослеживаются личные связи с крупнейшими писателями эпохи, с левыми политическими деятелями, с миром искусства своего времени — музыкой, живописью, театром. В. О. Ключевский предстает в своей переписке в сравнительно узкой сфере академического — научного мира, преимущественно в «профессорской» среде, в основном официальной и лишь отчасти фрондирующей буржуазной науки. Мы знаем из других источников об его общении с Ф. И. Шалапиным и о драгоценных советах, данных им великому артисту, знаем и о некоторых других связях, не отразившихся в переписке. Но все же она — памятник его прочно сложившегося академического окружения. Она свидетельствует, что он жил в общем замкнуто и довольно одиноко.

Тем не менее переписка — драгоценный источник для изучения мировоззрения и жизни В. О. Ключевского. В ней виден весь пройденный им путь — от стеснительного семинариста, волнующегося перед вступительными экзаменами в Московский университет, до знаменитого профессора того же университета, широко связанного с миром буржуазной науки.

В. О. Ключевский не оставил сплошного текста дневников в собственном смысле слова. Исключение составляют лишь дневники двух десятилетий: 1867—1877 и 1901—1910 годов. Однако сохранились разрозненные записи дневникового типа, иногда датированные, которые он, возможно, хотел в дальнейшем использовать для дневников или воспоминаний. Все подобные тексты публикуются в настоящем томе в хронологическом порядке. Дневники и дневниковые записи опубликованы целиком, без какого-либо отбора текстов.

Особо сложным оказалось собрать афоризмы В. О. Ключевского. Большой мастер живого слова, признанный политический

и академический остролов, чьи изречения, как правило, полные иронии, подхватывались на лету и разносились сначала по Москве, а потом и другим российским городам и весям (преимущественно в академических кругах), — В. О. Ключевский неустанно оттачивал, полировал свои экспромты в тиши кабинета. Он их аккуратно записывал, иной раз даже под порядковыми номерами, подтверждая старую истину, что наилучшие экспромты тщательно готовятся. Потом умело и незаметно, как бы невзначай, эти летучие экспромты-афоризмы вовремя занимали свое точное место и в его лекции, и в научном докладе, и, по-видимому, преимущественно в его живой беседе с современниками. Они оттачивались не совсем «для себя», — почти в каждом из них точно чувствуется заданный адрес, определена их будущая функция. Некоторые — и не в столь уж малом числе — афоризмы явно сочинены специально для мужской профессорской компании и рисуют ее довольно невзыскательные вкусы.

Как документ, как источник афоризмы Ключевского в известной плоскости сближаются с дневниками и дневниковыми записями, отражая текущие раздумья автора над политикой, литературой, культурной жизнью страны и очень часто над бытовыми темами. «Афоризмы и мысли об истории» публикуются не в искусственной систематике, не «по темам», набор которых несомненно был бы произволен, а на основе единственного научного принципа — по комплексам сохранившихся рукописей, в том порядке, в котором расположил их сам автор. Неизбежны иной раз и повторения, хотя их не так уж много, — ведь Ключевский по нескольку раз возвращался к тем же темам, оттачивая, углубляя или уточняя свою мысль о чем-то. Самые же авторские комплексы афоризмов, объединенных в отдельных рукописях, датированы и расположены в хронологическом порядке. Публикуются и разрозненные афоризмы. Однако оказалось невозможным опубликовать все афоризмы Ключевского.

Подробный анализ публикуемого материала должен быть предметом специальной монографии — книги о В. О. Ключевском, которая уже пишется и, надеемся, не замедлит появиться. Думаем лишь, что здесь уместно упомянуть, что в публикуемых материалах крупнейшего буржуазного историка старой России глубоко проявляется такая значительная историографическая проблема, как кризис буржуазной исторической науки. Выходец из разношнцев, В. О. Ключевский, выросший, если можно так сказать, в непосредственной близости к идеям революционной демократии, хорошо знакомый с ними, не стал, однако, революционным демократом.

Семидесятилетняя жизнь Ключевского падает на эпоху нарастания революции, захватывает периоды, насыщенные революционным содержанием. Грани этой жизни — 1841 и 1911. Ключевский был свидетелем последних лет крепостной России, быстрого

развития русского капитализма; был современником революционного народничества, бурного роста рабочего движения и развития марксизма в России; пережил революцию 1905 г. и в эпоху ее нарастания пытался активно участвовать в политической жизни.

Ключевский пришел в высшую школу типичным разночинцем. Этот интеллигентский слой бурно развивается в 60—70-е годы и складывается действительно «из разных чинов», вызванный к жизни потребностями развивающегося капитализма. В него вливались многочисленные элементы, отпавшие в процессе дифференциации от прежней крепостнической классовой структуры общества: тут был и бывший дворянин, потерявший в этом процессе землю и крестьян, и купеческий сын, и бывший дворовый, и человек «вольного состояния», и выходец из духовной среды, мечтавший о роли литератора или педагога. Тяга семинаристов в высшую светскую школу характерна для общей социальной перестройки той переломной эпохи. Одним из таких семинаристов был В. О. Ключевский.

Он происходил из беднейших слоев сельского духовенства и представлял собой конечное звено длинного ряда поколений: его прапрадед в середине XVIII столетия был священником, прадед в 1770 г. стал дьячком, в этой должности и умер, дед девять лет был дьячком и в 1811 г. стал дьяконом, а рано умерший отец Ключевского, пробыв год дьяконом, в 1840 г. был переведен священником в село Воскресенское Пензенского уезда, где и родился у него в 1841 г. 16 января сын Василий. Восьми лет В. О. Ключевский лишился отца. Его мать с малыми детьми, из которых он был старшим, перебралась в Пензу и поселилась в маленьком домике, вернее, в одной его половине, так как другая сдавалась квартирантам. Семья жила бедно, и большой помощью для нее явилось казенное пособие, «бурсачный» оклад в 12 рублей, который Ключевский стал получать, поступив в Пензенское духовное училище. В 1856 г. он поступает в Пензенскую духовную семинарию и с первых классов начинает давать уроки, первый его урок был за 3 рубля в месяц. Несомненно, обстановка деревни, затем жизнь в маленьком провинциальном городе, обучение в духовных учебных заведениях и ранний самостоятельный труд ради куска хлеба наложили неизгладимый след на все мирозерцание Ключевского.

Решение порвать с семинарией, очевидно, созревало в Ключевском постепенно, но трудно проследить обстоятельства, его породившие. Примеры окружающей товарищеской среды, нежелание быть священником, тяга к светскому образованию и отвращение к семинарской схоластике были в числе причин.

Но, порвав с прежней средой, Ключевский не стал сразу своим человеком в новой. Отчужденность и замкнутость, и ранее для него характерные, еще более развились в университете и проводили его до конца жизни.

Письма молодого Ключевского с несомненностью показывают, что революционность своей эпохи он осознал, но результатом этого осознания был страх перед революцией, солидаризация с противореволюционными кругами и полное отрицание революционного метода действия. Этот страх и это отрицание Ключевский пронес через всю жизнь и глубоко запечатлел в своем научном мировоззрении. Выходец из той же духовной среды — Н. Г. Чернышевский в 1853 г., не колеблясь, говорил: «Когда вспыхнет революция, я приму участие... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня...» Ключевский же в 1861 г. пришел к не менее решительному выводу: ненависть к революции, страх перед «слепой ломкой». Уже одно это поставило этих двух разночинцев по разные стороны баррикады.

В публикуемой в настоящем томе дневниковой записи от 9 марта 1862 г. с силой отражается это душевное состояние: «...Жутко стоять между двух огней. Лучше идти против двух дул, чем стоять, не зная, куда броситься, когда с обеих сторон направлены против тебя по одному дулу. Мне часто хочется безотчетно и безраздельно отдаться науке, сделаться записным жрецом ее, закрыв и уши и глаза от остального, окружающего, но только на время...» Надежда, что наука поможет ему решить, в какую же сторону идти, не оставляет его. «Жутко стоять между двух огней! Лучше бы что-нибудь определенное скорее. Энергии, и без того небольшой, много пропадает в этих болезненных метаниях из стороны в сторону...»

Публикуемые материалы дают в руки советского исследователя большой круг документов первостепенной важности для изучения жизни и мировоззрения В. О. Ключевского.

История отечественной исторической науки нуждается в таких документальных материалах, и мы надеемся, что они послужат советской историографии, в которой давно назрела необходимость изучить одного из наиболее выдающихся историков дореволюционной России.

* * *

Найденные в последний момент, когда книга была уже набрана и сверстана, письма и записки В. О. Ключевского Н. М. Бородиной (сестре его жены) печатаются в отдельном приложении. Подлинники принадлежат Ольге Яковлевне Кудрявцевой, которой мы приносим благодарность за разрешение их опубликовать.

Академик М. В. Печкина.

Р а з д е л

I

ПИСЬМА

1861 г.

1. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ *

23—25 июля 1861 г.

Любезнейшие Иван Васильевич и тетенька!

Москва, 23 июля 1861 г.

Путь свой я кончил * и, благодаря бога, благополучно. 22-го в 8 с половиной часов вечера машина привезла нас к вокзалу Московско-Владимирской железной дороги — на самый край Москвы. Народ зашумел, засуетился, как обыкновенно бывает при высадке пассажиров; мы получили свой багаж и принялись отыскивать извозчика. Странное чувство охватило меня, когда я вышел из вокзала и стал садиться на извозчика. Москвы за темнотою и пылью нельзя было рассмотреть нисколько; чулось что-то громадное — и только. В первый раз в жизни почувствовал я себя одиноким, когда мы отъехали от станции жел[езной] дороги: ведь ни назади, ни впереди не было ничего не только родного, знакомого даже! Мы ночевали на подворье — в гостинице второй руки. Поутру сегодня я отыскал Маршева * и Покровского *; они сказали мне, что квартира нанята уже и что они ждали только меня, чтобы переехать на нее; мы вскоре и переехали. Теперь я сижу в квартире один — Мар[шев] и Покр[овский] ушли с Очевым (у которого они стояли до переезда на квартиру — родственника Мар[ше]вым) в парк пить чай и гулять, а я остался, чтоб собраться с духом и отдать отчет и себе, и вам в моем положении; я теперь вам буду во всем отдавать отчет, потому что вам я обязан более, чем кому-либо, вам и, разумеется, маменьке. Но прежде попрошу у вас известий о вашем житье-бытье. Что с маменькой? Мне сильно больно было расставаться с ней больной. Каково ваше здоровье? Вы, тетенька, слишком много плакали при прощанье, извините меня за это замечание: я, право, не стою этого. Поскорее известите о здоровье всех вас — тогда я буду вполне спокоен относительно Пензы.

Звездочкой отмечен прокомментированный в конце книги текст.

Теперь послушайте моей истории. Я сказал, что я сижу один в своей квартире; надо еще добавить, что в нижнем этаже огромного каменного трехэтажного дома вблизи Тверской — одной из лучших московских улиц. Квартира наша — да что и описывать ее — превосходная комната, с мебелью, в два окна, перегорожена ширмами. Перед окнами длинный забор и сад купеческого клуба; часто буду слушать здесь музыку. Так как дом, в котором мы живем, — не в самой Тверской, а в переулке, то здесь меньше шума, нет неугодной скакатни экипажей, — словом, прекрасно! Сегодня подали нам обед; мы, замечу кстати, положили обедать по-столичному в 4 часа с половиной. Каков же обед? Суп перловый, котлеты с макаронами и картофлем, жареный рябчик и, наконец, пирожное — что-то мудреное, чего я ни назвать, ни разобрать не умею. Очев, в качестве нашего наблюдателя и эконома (он живет недалеко от нас), очень хвалил наш обед; он нарочно приходил только для того, чтобы посмотреть наш стол и отведать. В случае какой-нибудь нужды мы звоним, и к нашим услугам является служитель. Дом, в котором мы живем, кажется, весь отдается в наем и разделен на такие же комнаты, какую занимаем мы; след[овательно], таких постояльцев, как мы, в нем много. Да, об ужине: ужина, разумеется, нет; кажется, его и не нужно после такого обеда, как сегодня, и после чаю в 8—9 часов вечера; и дорогой я уж испытал, что не ужинать — прекрасная вещь для здоровья, только привыкнуть немного. Что бы вы подумали о цене, которой стоит эта квартира и этот обед? 13 рубл [ей] сер[ебром] с человека. Что? Как на ваш взгляд? Дорого ужасно, не правда ли? И я совершенно согласен с вами, что ужасно дорого по мне; несмотря на все удобства, которыми нас окружили. Но послушайте, что дальше. Когда Маршев-сын сообщил, что квартира нанята хорошая и дешевая, всего в 13 р[ублей] с человека, я сказал, что очень по мне дорога, но меня начали уверять, что это очень дешевая квартира со столом один раз в день. Я, разумеется, не разуверился: карман очень ясно доказывал, что дорого, — и дело с концом. Но я ничего не сказал. У меня было в уме при удобном случае высказать тотчас Маршеву-сыну и Очеву, что меня напрасно ждали с такой квартирой, что можно было наперед видеть, что платить столько я решительно не в состоянии, но до самого обеда я не нашел случая высказать все это. Это я, впрочем, держу при себе до времени и вот почему: после обеда является хозяин. Я сказал, что Очев приходил пробовать наш обед. Он сейчас же сказал хозяину, нужны ли ему деньги; дело, видите ли, в том, что по-столичному деньги за месяц нужно отдать вперед; хозяин отвечал, разумеется, что деньги всегда нужны. Я думал, что придется мне тут объясниться, но Очев вынул и отдал 30 с чем-то рублей сер[ебром], и хозяин тотчас дал расписку, что получены деньги по 23 августа; след[овательно], за троих: меня, Маршева и Покровского. Вот судите по этому о моем будущем положении, да, пожалуй,

и теперешнем. Что будет впереди, я пока еще не знаю. Мне не хочется обманываться излишними надеждами: я ехал в Москву, крепко надеясь на бога, а потом на вас и на себя, не рассчитывая слишком много на чужой карман, что бы там со мной ни случилось. Маршев-отец, может быть, и думает удержать меня вместе со своими детьми и помогать мне, но он не говорил мне ясно, а только намекал на это. Я это со временем все уясню себе и передам вам; а пока я благодарен ему и за то, что он сделал для меня, и, кажется, могу быть уверен, что в продолжение этого месяца и августа обеспечен относительно стола и квартиры, не платя 13 р[ублей] с[еребром].

Теперь о самой дороге. Все время я был отлично здоров, ел все без разбора, и соленое, и кислое, и молоко, и яйца, словом, все, что запрещает диета, а лихорадка до сих пор и на глаза не показывалась, будто я бросил ее в овраг у пензенской заставы: даже дождь, ливший на нас в первую же ночь нашего путешествия, нисколько не подействовал на меня с дурной стороны. От шиблей и тряски нам-таки досталось; только на железной дороге мы отдохнули. Благодаря муромским пескам и прочим препятствиям мы проехали целую неделю до Владимира — т. е. 500 верст. Извозчики, чуя беду от железной дороги, брали очень дорого, но Тихон Алексеевич * блистательно торговался и этим значительно сократил наши путевые издержки. Дивное дело! При всеобщей дороговизне, которую мы встречали на пути, в селах брали с нас за разные потребности дороже, чем в городах, даже таких, как Муром и Владимир. Напр[имер], за воду и самовар без чаю и сахару в селах брали с нас по 15 к[опеек] сер[ебром], а в означенных городах по 10; за простой, негостинный обед (довольно сытный и сложный) в одном селе Влад[имирской] губернии мы заплатили по 30 к[опеек] сер[ебром] каждый, а в самом Владимире за такой же точный по 25 к[опеек] с[еребром]. Эти сельские дворники и особенно дворничихи — пакостный народ, настоящие кулаки. Посудите сами, неужели дешево и человечно взять за яйцо полторы коп[ейки] сер[ебром]? Мих[аил] Митроф[анович] * хотел на одном дворе полакомиться ветчинкой; ему подали довольно плохой, некопченый окорок и содрали 15 к[опеек] сер[ебром] за фунт, хотя у него недоставало сил съесть и четверти. Вся поездка с расходами на пищу и железной дорогой стоила мне 16 р[ублей] 55 к[опеек] с[еребром]. Нечего делать — Тих[он] Алексеев[ич] уверял, что ныне дороже, чем в прошлый год, и извозчики, и пища на постоянных дворах. Железная дорога от Владимира до Москвы тянется на пространстве 177 верст, и машина в 6¹/₂ часов прокатила нас по нему за 2 р[убля] 21 коп[ейку] сер[ебром], да чемодан потянул больше пуда, и я отдал за него 38 коп[еек] сер[ебром]. Эта цена ненормальная; говорят, на первых порах по открытии всегда бывает дороже, со временем подешевеет. Кстати замечу, что пензенскую и дорожную пыль я посове-

зтился везти в Москву: к такому городу, как матушка-Москва златоглавая, нужно подъезжать с чистым телом, по крайней мере, если не с чистой душой, и потому я был во Владимире в «дворянской», т. е., попросту сказать, довольно чистой бане и отдал 7 к[опеек] сер[ебром]. Я все цены прописываю здесь для того, чтобы вы сравнивали их с пензенскими и судили. К замечательным случаям поездки нужно особенно отнести два след[ующих]: я навестил Евфимия Петровича *, и однажды среди поля ночью мы созерцали звезды, лежа на траве или голой земле, не помню хорошенько. Последнее, впрочем, довольно обыкновенная в дороге вещь: ехали, ехали, вдруг хряснула ось, и мы слезли и расположились на поле на спинах в ожидании извозчика, который поскакал обратно в деревню за новой телегой. В Саранск мы приехали на другой день в 3 часа пополудни и стали у брата Флоринского *, моего товарища, который ехал с нами в другой телеге; у него мы и обедали; между прочим, ели превосходную яичницу, я съел так много, что мне стало страшно за себя; но лихорадка на этот раз спустила мне, как спускает и до сих пор. Отправившись к нашим, я прежде всего ходил посмотреть их церковь, но картин внутри не рассмотрел за своей слепотой и потому ничего не могу сказать о них. Кузин своих я не узнал ни одной, кроме Сашеньки *; она здорова и все та же, что была и в Пензе. Дмитрий Павлович * благоденствует и служит в какой-то конторе, кажется по питейной части, но когда меня потчевали водкой, он отказался отвести свой ряд. Наши все здоровы, я от вашего имени просил у них извинения в том, что вы долго не писали к ним, и просил их писать в Пензу, что они и обещали. Из Саранска я выехал с приобретением: по случаю моей слепоты тетенька посоветовала мне нюхать табак и заставила понюхать для пробы; я расчихался и утереться мне дали новый бумажный платок, так и шуршит. Я отказывался, говорил, что у меня в чемодане их множество, но меня заставили-таки взять.

25 июля.

С своим прошеньем я-таки посуетился *; мне должно было идти к президенту комиссии, чтобы просить его о позволении мне держать экзамен; он на мое объяснение, что в мае я не мог явиться по болезни, на что имеется свидетельство, заметил, что прошенье следовало бы подать тогда же, но поворочал бумаги, написал на прошенье «25 июля» и отдал, сказав: «Там примут» (т. е. в университете). 25 р[ублей] я отдал в университет. Мне не хотелось бы надоедать вам просьбами о деньгах, но вы теперь можете рассчитывать мои потребности; особенно мне необходимо обзавестись хоть сколько-нибудь порядочной одеждой, потому что неловко в старом и кое-каком платье явиться на урок к какому-нибудь порядочному человеку. А этот урок, может быть, откроется скоро;

я уже переговорил об этом деле с одним студентом университета из семинаристов; он рассказал мне о трудности жить в Москве на свои деньги, о своих опытах на этом поприще и о необходимости добывать средства всеми способами; он добавил, что зимой у него будет много случаев давать уроки и что он может сдать некоторые из них мне; он был так добр, что обещал похлопотать об этом в скором времени. Из сатина, подаренного дяденькой, я хочу сшить сюртук и брюки, если только хватит на это 4 аршин; в сюртуке я чувствую особенную нужду: мой старый стал уже совсем вытираться. Я теперь хожу в пальто, которое оставил у меня Митрофаньч: ему не захотелось везти его и еще теплое пальто в Питер. Так [им] обр[азом], до половины августа я прощеголяю в суконном пальто, а там начну в своем, а осенью... да осенью будет день, будет и пища.

О Москве я пока ничего не скажу, потому что еще не взгляделся в нее хорошенько. В своем письме, пожалуйста, требуйте от меня всевозможных сведений о Москве, каких вам захочется иметь; постараюсь сообщить удовлетворительный ответ на все запросы. Маменьке я не пишу особенного письма потому, что мне пришлось бы повторить все, что я пишу к вам, ведь теперь мне одинаково писать и к вам, и к маменьке; все, что я должен сказать матери, я должен сказать и вам. Заверьте ее, что я отлично здоров и всего более желаю, чтобы она не горевала о мне, потому что мое положение таково, что пока еще не о чем много тужить. Пишите как можно больше о себе и о всех наших, это будет для меня всего спасительнее; иногда страшно беспокоиться при мысли, что-то поделывается в Пензе. Лизе * — мой искренний привет. Дяденькам * — почтение. Бабеньку * поцелуйте за меня. Ваше письмо, надеюсь, выйдет из Пензы с первой же почтой по получении моего; пожалуйста, сделайте так. Как будет нужно, не замедлите, Иван Васильевич, сообщить мне тему будущей Вашей проповеди и назначьте срок, к которому я должен прислать ее. Означьте и то, в каком тоне нужно писать ее: Варлааму *, пожалуй, не по нутру напишешь. Впрочем, это уже несколько известно мне. Прощайте. В следующем письме я постараюсь сообщить Вам, тетенька, много своих наблюдений над московскими дамскими костюмами; может быть, найдется что-нибудь любопытное и забавное, над чем можно похотеть от всего сердца. Прощайте.

Ваш В. Ключевский.

Р. С. Пашеньку * прошу передать Маршевым две их книги, оставшиеся у дяденьки Николенки: «Смесь» и «Современник» 1857 года. Мишеньку * обнимаю «н е щ е т н о р а з». Катенька * прыгает ли?

М о й а д р е с : В Москву, на Тверской, в Козицком переулке, в доме Лопыревского, в квартире Неждановой, такому-то и м я р е к.

2. П. И. ЕВРОПЕЙЦЕВУ *

[26 июля 1861 г.]

Бесподобнейший Пашенька!

Я уверен, что тебе всего лучше хотелось бы услышать от меня что-нибудь вроде описаньица всех достопримечательностей дороги, как-то новых городов, муромского леса, железной дороги и, наконец, Москвы с ее бесподобными калачами и сайками, с ее золотыми главами на церквах, с ее Кремлем и пр., и пр., и пр. Хорошо, я тебя удовольствую во всех сих пунктах. Во-первых, новые для нас с тобой прежде и для тебя доднесь города, попадавшиеся мне на дороге, или не стоят того, чтобы упоминать о них в географиях даже, не то чтобы в письме, или слишком хороши, чтобы писать о них кое-как. Напр[имер], что за городок Владимир? Он по крайней мере вдвое меньше Пензы, но вылезь она хоть из кожи, не сравняется ей с маленьким и миленьким Владимиром. Улицы чистые, выложены камнем, так что пылинки нет, кажется, на них, стройные, окаймлены высокими красивыми домами; ну, словом, он так хорош, что я ничего не сумею сказать тебе о нем получше. Он на высокой горе, круче чем на нашем пензенском гулянье со стороны Поповки *, ажно смотреть страшно; думаю, поработали монголы, когда брали его. А в соборе мощей и гробниц княжеских сколько! Куда ни обернись. А ночью, когда приедет поезд из Москвы (по жел[езной] дороге), по каменной мостовой поднимается такая скакатня, что я уснуть не мог, вышел из номера и стал гулять по освещенной и оживленной улице. Шум, говор, стук, прилив и отлив толпы поразили меня; у меня дух захватило. Да, подумал я, здесь не Пензой пахнет. Помнишь ли, как ты чувствовал себя, когда в первый раз услышал при блестящей декорации музыку в театре? Как заискрились глаза и затанцевало сердце при виде ослепительных хромотропов? То же самое впечатление произвело на меня и оживленное движение улицы. Не обломовщина здесь: на каждом шагу боишься толчка и слышишь суетливый говор. «А Муром?» — спросишь ты. Ну, Муром почему-то показался мне посерьезнее Владимира, хотя и он так же оживлен и весел. Может, здесь имеет значение его древность и памятники исторические, которые здесь как-то ярче бросаются в глаза новичку. Я поклонился мощам Бориса и Глеба, жертвам Святополка Окаянного: они в открытой раке. Муром, говорят, богаче Владимира. Ну что тебе еще сказать об этих городах? Я вообще не очень наблюдателен, а потому довольствуйся, что успело попасть мне в разинутый рот, с которым я гулял по этим городам. Во-вторых, муромский лес — да что об муромском лесе и говорить! Мы ехали, ехали, верст 60, все муромским лесом, а настоящего леса, где Соловей-разбойник мог бы уместиться на просторе с

своим ухарским свистом, не видал. Все отрепье осталось по дороге, вылинял он, как моя голова, видно тоже лихорадку потерпел от топора русского мужика. Издали мне указывали его протяжение в длину; я смотрел, смотрел, полгоризонта заслонил он собой. Но сказочных страхов в нем нет и следа; я, напротив, любовался высотой и стройностью сосен: саженей 10, кажется, до верхушки и ни одного кривого сучка, ни одной кривой извилины. В-третьих, что сказать тебе о чугушке и не знаю, потому что слишком уж много хочется сказать. Тут, брат, все новость — чудо-юдо морское, да и только. Ни по каким описаниям и рисункам не доберешься до того, что дается понятию при взгляде; дело не в одном пониманье механизма, который для меня наполовину и теперь не понятен, но и во впечатлении, какое производит он в первый раз. Меня морозом подрало по коже, когда я сел в вагон, и машина, послушная звонку, тронулась сперва медленно, а потом все более и более ускоряла и, наконец, понеслась так, что трудно было рассмотреть мелькавшие мимо предметы. И при этой быстроте (до 30 в[ерст] в час) не тряхнет: колеса катятся по рельсам ровно, без толчков. В вагоне говор: знакомятся на живую нитку, курят, болтают, закусывают, спят, — все что угодно; машина спокойно тащит за собой целую деревню вагонов, только по временам фыркающая, как лошадь, или же оглушая продолжительным свистом, очень похожим на ржанье здоровой лошади: это выпускают из нее пар. И при этом обольстительно прислушаться, как неумолкаемо идет ее механическая работа: рычаги ворочают и колеса стучат по чугунным рельсам, ну, словом, есть от чего морозу пробежать по телу, не от страха — он и на ум никому не придет, когда сидишь в вагоне, а просто от восторга. Мне хотелось бы передать тебе наружный вид машины, да, кажется, не сумею: нужно его видеть самому, чтоб он ясно дался понятию. Притом нужно разобрать и ее устройство, а я и сам его не вполне еще знаю. Толковали мне, да не все еще уяснил я себе, а по книжке, брат, да по рисункам не все разберешь. Такая уж, видишь ли ты, штука: приглядись к ней в натуре. Извини за скудость этих сведений, со временем напишу потолковитее. А Москва, а Кремль, а Царь-колокол и Царь-пушка, а Иван Великий? Да, все это в Москве где-то, и Москва в Москве, и Кремль, и все, только кто их знает, — я не видел ни Москвы, ни Кремля, ничего, хоть три дня живу в Москве. Ходишь по Москве, а Москвы не разберешь, все улицы, улицы, улицы и все улицы — заплутаешься, или пойдешь к югу, и идешь все к югу, а вернешься домой с севера, — и как это вышло так, не поймешь. Но утешься, когда сам узнаю, все расскажу. А стоит того, чтоб походить да посмотреть; Русь вся тут, и с ногами, и руками, и с голицами даже. Но о калачах и сайках и баять нечего — заеденье. Стоят и те, и другие по 5 к[опеек] сер[ебром] за штуку; но они таковы, что одного калача или сайки достаточно для того, чтоб после быть спокойной относительно желудка по

крайности на три часа. Прощай! Пиши. Заклинаю тебя заниматься по древним языкам и арифметике. География сама за себя говорит. Сундук-то мой разрой.

Твой В. Ключевский.

З. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

19 августа 1861 г.

Любезные Иван Васильевич и тетенька!

Москва, 19 августа 1861.

Я заставил вас долго ждать от меня ответа на ваше письмо, хотя это зависело не от меня. Я сейчас объясню вам причину этого. Объявление от почтамта я получил, кажется 11 авг[уста], перед уходом в университет: 8-го начались экзамены и продолжались каждый день до 16-го, исключая двух праздников; духу перевести нельзя было, к каждому дню нужно было перечитать кипу книг,— одним словом, было горячее время. Мне никак нельзя было сходить на почту; мне ужасно хотелось поскорее прочитать ваше письмо, узнать о вас что-нибудь, а между тем письмо пробыло на почте до 16-го, когда был последний экзамен. Я с трудом донес письмо нераспечатанным до своей квартиры: так сильно хотелось мне распечатать его дорогой. Говорить ли вам, как меня обрадовали ваши полные прежней любви ко мне строки? Я прочитал их с свободным дыханьем, потому что впереди не было более этих беспокойных экзаменов. На этот раз, как нарочно к моему счастью, я был один дома и на просторе и помечтал, и погрузился так неизъяснимо сладко о вас, о своем прошлом и опять о вас, и погрузился с той радостью, с какой может грустить человек, окончивший экзамен и вспоминающий на досуге о далеких родных и далеком родном уголке, зная, что там все благополучно. Каждая строчка ваша напомнила мне что-нибудь из былого, и я много вспомнил и много передумал. Словом, мне было хорошо в эту минуту, как редко бывает в жизни. Вы поймете мое состояние в эту минуту. Мне было тем более хорошо, что и я с своей стороны имел сообщить вам известие, которое, надеюсь, хоть немного заплатит вам за ту заботливость о мне, какой полны ваши слова. Вот это известие, которого вы, вероятно, давно ожидаете от меня. Экзамены кончились, и кончились лучше для меня, чем я когда-нибудь думал. Я по всем предметам поставил «удовлетворительно», кроме истории, русской словесности (с сочинением), латинского и греческого¹ языков, по которым я отвечал «весьма удовлетворительно». (Замечу, что в университете существует три балла: неудовлетворительный — для неотвечавших или отвечавших сла-

¹ Первоначально было: латинскому и греческому.

бо, удовлетворительный — для отвечающих, сколько нужно, и весьма удовлетворительный — для отвечающих отчетливо и более чем сколько нужно для первоначального знания.) Объявление о принятии последует не раньше 25-го, но я об нем могу не хлопотать. Я; наконец, прошел эту тяжелую дорогу, которая называется вступлением в университет,— дорогу бесплодную вместе [с тем] по своим научным результатам: все к спеху да сроку, а наука, вы знаете, берется медленной, терпеливой осадой и ничем не стесненной головой. Слава богу, теперь я избавился от этой лихорадочной работы и начинаю другой свободный, еще мало знакомый мне труд! Благословите меня на этой новой дороге!

Кажется, теперь я довольно сказал о себе. Прежде всего я благодарю вас и мамашу за присылку, я вам буду аккуратно сообщать о каждом рубле, который потрачу на что-нибудь; теперь пока я купил себе только халат, дав за него свой старый и 2 р [убля] 50 к [опеек] сер [ебром], халат славный; мне говорили, что в Пензе за три р [убля] с трудом купить можно. Может быть, вы побраните меня за это немножко; но, право, дома ходить не в чем было, а в старом неловко — люди, знаете, бывают. Зато я теперь в нем чистый Илья Ильич Обломов: и хожу, и сплю в нем; он к тому же такой уместный, хоть на жениха Пастраны *, так в пору.

Вы пишете о Пашеньке и Мишеньке. О Пашеньке теперь много хлопотать, кажется, не нужно: он сам уже понимает больше, чем я в его лета понимал при помощи других, да на него всегда можно положиться. Мы с ним начнем теперь длинную трактацию о своих предметах, о классиках, историях и т. п. Его письмо ко мне так хорошо, так стройно написано, что даже при всей моей уверенности в способностях Пашеньки я не ожидал от него этого; расцелуйте его за это! Мишенька также не отстанет, что ни говорите; он только не похож на Пашеньку характером: Пашенька тверже, мужественнее, чем Мишенька, в натуре которого много женственного, нежного; потому-то он и кажется теперь слабее Пашеньки. Но слабее ли он в самом деле — это еще вопрос. Мне кажется, что для такого характера укрепляющим средством нужно избрать то, что ¹ благотельно вообще для всякого ребенка,— это стараться поддерживать в нем постоянно веселое, бодрое, живое настроение духа и отстранять от него все, что может привести его в уныние, в раздумье. Вы знаете, что неокрепшая еще голова особенно легко гнется под влиянием неприятных, тяжелых обстоятельств; тут нужно поддерживать, ободрить ее, и она будет свободно и легко развиваться.

Теперь касательно квартиры. Ожидаемый нами скорый приезд самого Маршева, вероятно, окончательно решит мое положение. Но вы не думайте, чтобы я стал платить 13 р [ублей] сер [ебром] своих денег за квартиру: никогда! Я говорил, что это не по мне,

¹ Далее зачеркнуто: для.

но меня пригласили, я проживу месяц, полтора, и если нужно будет, долее, а не нужно — так до свидания! Место и угол будет! Словом, по этому предмету как-нибудь сделаюсь.

В следующем письме сообщите, Иван Васильевич, текст на вашу проповедь и кое-какие другие подробности, что найдете нужным, и назначьте срок. В книжных магазинах здесь можно все достать — и очень дешево.

Вчера был у нас М. М. Попов, проездом из П[етер]б[урга] в Тамбов: по приезде в Пензу он обещал быть у вас, чтобы передать вам о нашем житье то, что не укладывается на бумаге.

В университете между студентами ходят толки о том, как бы избавиться от годовой платы за право слушания лекций, так беспардонно взимаемой со всех поголовно. Носятся слухи (разумеется, только в кружках, близких к университету), что подумывают о просьбе к императору по этому предмету. Пожертвования в пользу бедных студентов идут довольно живо; я еще буду иметь случай поговорить с вами об этом благодетельном явлении в безотрадной русской жизни. Много бы хотелось сообщить вам кое-чего касательно этого; у нас ходят толки, любопытные в высшей степени, намекающие на то, что и на Руси не все шито да крыто, что и в ней кое-где движутся и борются, а не безмолвствуют покорно; но об этом как-то еще страшно передавать на бумаге...

Теперь Вам словечка два отдельно, тетенька! Я знаю, кто особенно ¹ пролил много слез над моим первым письмом. Как ни отрадно мне видеть в Вас, милая тетенька, столько любви ко мне, но я опять прошу Вас поменьше обо мне горевать и быть поскупее на слезы обо мне: они нужны для жизни, для здоровья, которым Вы и без того не можете похвалиться. Я опять прошу Вас подождать обещанных мною сведений о Москве: только еще начинаю я изучать эту громаду с ее странными домами и улицами и вовсе не странными людьми. Простите за такое долгое неисполнение обещанного: все исполню. Маменьке, Машеньке * — мой искренний поцелуй, бабенке — мое сердечное уважение и всем вам — мой радостный привет и благодарный поклон до земли! П и ш и т е с к о р е е!

В. Ключевский

4. П. П. ГВОЗДЕВУ *

3 сентября 1861 г.

Москва, 3 сентября 1861 г.

Адрес мой: На Тверской, в Козицком переулке, в доме г-на Лопырева, в квартире г-жи Неждановой, студенту импер[аторского] Моск[овского] университета и пр.

Над зачеркнутым: больше.

Мой милый и достолюбезный Порфирий!

Я, наконец, разламываю печать молчания и пишу... Но после этого великолепного тропа меня бросает в холод пространство, на котором я предназначил себе пройтись, чтобы высказать тебе все, что нужно. Шутка ли, целый лист! А ведь я, ты знаешь, не люблю оставлять пустошей где бы то ни было, особенно на бумаге: все нужно вспахать и взбор[о]новать... хоть не сохой, а стальным пером, но все же и это не пустяки. Ну, да ничего: поучусь и испытаю себя на этом поприще просторном. Прежде всего снисхождение с твоей стороны: я сегодня чувствую в себе такой позыв на глупости, что непременно нужно с твоей стороны снисхождение, чтобы остаться спокойным мне насчет впечатления, какое может произвести на тебя мое послание.

Начну. Так[им] обр[азом] вступление мое таково, что твое милостивое снисхождение должно с него начать свою деятельность. Я болтаю без опасений, что скоро подойду к тому, впрочем, желанному местечку, где непременно уж нужно раскланяться и подписать: «Ваш покорнейший слуга имрк». Местечка этого еще далеко не скоро дождешься. «Да что же это такое!» — восклицает наш «Вечный Жид» *. Понимаешь кто, — который, конечно, вместе с тобой читает это глупое... pardon, не так — это длинное и умное писание: «Что он там городит? Что ж дела-то нет?» «А что такое это за дело? — спрошу я его в эту минуту. — Экзамен, что ли?» Да разве экзамен дело? Помилуйте, с Чуконского ¹ Носа, что ли вы? Европейцы, даже пензенские, этого не могут сказать безнаказанно, а московские (сиречь ваш покорнейший слуга В. О. К.) просто говорят, что это безделье. Доказательства нужно: подожди, мой «Жид» (я сильно сомневаюсь в твоей вечности и потому опускаю этот эпитет), смотри на обороте; а так как до него еще долго, так мы пофантазируем еще, сколько душевнышке угодно. Но... тс! Молчать, мальчишки! «Встаньте», — слышу я эти вдохновенные слова, из моего чудного далека слышу — завидую вам. Дивные образы, чудно ласкающие звуки встают в моей душе и сладко звенят в ушах. «Сочиненьице, сочиненьице-с! Пожалуйте-с! Что-с? Не написали-с? Как же-с это-с? Г[осподин] Алгебров! Пожалуйте-с!» — «Не написал, Кон[стантин] Федор[ович] *!»... «Что же так-с?» — «Проспал: вчера долго из догматики учил»... и пр., и пр. Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека вижу тебя! «Об овсе к след[ующему] классу!» — «Прор[ок] Иезекииль», — слышится тихий голос. Ух! Дух захватывает от воспоминаний! Терпение, друзья, терпение! Оно — величайшая добродетель! Другая картина: лето; тихий июньский день; окно открыто; тишина; слышно: «Как закон был руководителем иудеев... так и философия есть детоводительница ко Христу»; голос жур-

¹ Так в рукописи.

чит, как ручей, строчит, как приказный, а вдали светло, поляна нежится на солнце; тени, чудные тени медленно движутся, сменяются, словно декорации. Всесвятская роща * то темнеет, то вдруг освещается, а дальше — лес синееет, как кайма казенной бланки. Чудно, друзья, на волю скорее, на волю! «Пор[фирий] Гвоздев!» — слышится с кафедры. Прости, очарование! И листы тетради шумно начинают перелетать от одной руки к другой. Занавес, однако ж, опускается; действие второе, сцена первая: Воскресенский — в земле; Аристидов — *idem*¹; сцена вторая: Москва, университет, и Буслаев *, и Сергиевский, и Ешевский * — на кафедре. «Чтобы войти в интересы нравственной жизни народа, надобно изучить его словесность», — слышится с этой кафедры. Как ты думаешь, лучше ли это прежних сцен? Но постой: аудитория начинает волноваться; несколько голов кланяются, вставая; на кафедру всходит невзрачный, с алыми полосами вокруг глаз человек, торопливо собирает волосы на правом виске за ухо; кафедру окружает толпа; один бесцеремонно кладет бумагу, карандаш и локоть на самую кафедру подле тетрадки профессора; тихо; раздается неловкий, неясный, запинаящийся голос: «М[ило- стивые] г[оспода]!» — и полилась живая, горячая речь; все напряженно слушают, уставившись в кафедру глазами; а оттуда все льется и льется речь: «Вся жизнь древнего мира разобрана во всех частях, во всех подробностях; все могилы раскопаны; оттуда вынута все и нужное, и ненужное, остался один прах»... Чем дальше, тем шире раскрывается душа; ничего нового, все общее и более или менее читанное или слышанное; но любо становится на душе, и чувствуешь, как эти читанные и слышанные мысли с новой силой, с новым обаянием теснятся не в голову одну, а во всю душу, во все существо. Это Ешевский говорит о древнем мире! Как ты думаешь? Похоже ли это на мертвое чтение какой-нибудь допотопной статейки из «Христ[ианского] чтения» * 1820-х годов? Похоже ли это на горячее даже словоизвержение с высоты догматической кафедры — понимаешь кого?.. Но довольно: оборот подошел; досадно, как крещенский сочельник после святок! К делу, к делу... «Non ad rem»², — слышится... Но дальше, прочь воспоминания!

С чего ж начать? Да, с безделья, с экзамена. Какая проза! Боже мой! Неужели ты не чувствуешь, какая скука после Ешевского и др[угих] писать об экзамене? Нечего делать! Надобно сдержать слово, подать хлеб вместо камня, а может быть, и наоборот... Но нет, сил не хватает; опять звучит в ушах: «Отчизне кубок сей, друзья!» * Опять перо просится в Пензу (прости за это избитое выраженье). Что Флоринский? Что Разумов *? Что... Фу! Сколько имен просится на бумагу! Словом, что все вы? Пенза,

¹ то же самое (лат.).

² «Не к делу» (лат.).

семинария, ректор, инспектор *, Констехтер, Степан Васильевич *! Какие знакомые имена и сколько противоположных ощущений, благодарных и враждебных воспоминаний подымают они в душе! По-прежнему ли ректор лает на мир божий; по-прежнему ли К[онстантин] Ф[едорович] просит сочинений и трактует о Магомете? По-прежнему ли Ст[ефан] Вас[ильевич] своим мягким, женственным, полным симпатии, хотя немножко гнусящим голоском поведает своим неблагодарным, да, неблагодарным слушателям тайны откровения? Несравненный человек, который больше и жарче всех желал нам добра, меньше всех делал зла или, лучше сказать, вовсе его не делал и которого, однако ж, меньше всех ценили и понимали и, вероятно, ценят и понимают до сих пор! Тихая, безобидная душа! Возмутительно, безнравственно в высшей степени бросить грязью в такого человека. Привет ему от всей души!

Так, я прав: камень вместо хлеба; но ведь камни разные бывают, и хлеб хлебу розь (по пословице — надобно прибавить, чтобы оправдаться в незнании, как написать: розь или рознь). Нам, например, целых 10 лет подавали хлеб, но какой? Все духовный, самый наисытнейший, а если бросали камня, так уж непременно дикари ужасного размера *. А я подал тебе «драгоценный» камень — изумруд настоящий, алмаз дорогой. А хлеба? Где мне взять хлеба, когда у самого нет: в Москве все дорого... Даже просвещение покупается у Сухаревой башни на рынке (в Москве никто не говорит: на базаре; это слово татарское, хотя никому не приходилось так часто и так больно знакомиться с татарьем, как в Москве). «Да, будет тебе, хлын ты эдакой!» — кричит «Вечный Жид». Bravo, Степан Андреев, bravo! Везде себя выдержись. Молодёц! Всех клеймит своим именем. На колена перед Парадизовым, на колена! Заслуженный профессор плутологии! Повинуюсь тебе и пишу: К о н е ц с е р д ц е и з в е р ж е н и ю!

Ты просил, мой милый стойк Порфириус, написать тебе все, как было. Дело нетрудное, да и комедия не так сложна, чтобы затрудняться в передаче ее на бумаге. Но... еще отступление! Отгони «Жида» и прочти один; в этот миг перед моими окнами (коих два) стоит италиянец и вертит свою шарманку и дребезжащая шарманка играет вдохновенную песнь. О чем? И сам не знаю, — а сладко, невыразимо сладко слушать. Это обыкновенное явление дня, особенно праздничного, как сегодня, и я тебя не поздравляю с этим, потому что едва ли скажу что-нибудь дельное. Но италиянец ушел: взгомозившаяся поэзия опять улеглась у меня на душе, как голодная собака, увидевшая, что прохожий далеко. «Тра-ра-ра, тра-ла-ла!» — слышу я замирающие звуки. Ты, конечно, избавишь меня от необходимости описывать путешествие; если что в нем есть нового, интересного, так это первое знакомство с чугушкой, с локомотивом, фыркающим и ржущим, как усталая

лошадь.— А звук шарманки опять слышится...— Но ты сам можешь понять, что описать локомотива и всего поезда невозможно * и бесполезно описывать; нужно видеть самому, а до моих ощущений, возбужденных этой новой ездой, тебе, конечно, нет никакого дела.— Ах, проклятая! Опять играет! — Вот, брат, рекомендую: как этаких людей учтивее зовут! Прямо с экзамена начнем. «Ваше превосходительство! — сказал я, пришедши к председателю экзаменационной комиссии Щуровскому, чтобы просить его допустить меня к августовским экзаменам.— В продолжение апреля и мая я был нездоров, на что и медиц[инское] свидетельство имеется; потому... и пр.» — «Да теперь поздно», — отвечает Щ[уровский]; потом переверочал документы, прочел аттестат, с немалым усилием, как заметил я, разбирая слова ректора; наконец, написал на прошении «25 авг[уста]»¹ и отдал, сказав: «Отнесите завтра, там (т. е. в университете) примут». — Опять шарманка играет и что же?.. «Хуторок» Кольцова: «На горе за рекой хуторочек стои-и-тт» *. — Отдал я на другой день прошенье и 25 руб[лей] с[еребром] за первое полугодие и отправился к своим ненавистным алгебрам и геометриям. С 7-го числа начались экзамены *и пошли писать каждый день до 16 августа. Первый экзамен был письменный. Тема: «Мое воспитание». «Господа, — сказал профессор, — пишите прямо дело, без философских умствований и предисловий». «Господа, — продолжал Буслаев речь этого профессора, — обратите особенное внимание на правописание: одна орфографическая ошибка отнимает право на поступление в университет». Я, исполняя слова первого профессора, dixi², что было на душе, и animam levavi³. Всему досталось, а особенно семинарии; и торжественно заключил свое сочинение сими словесами: «Вечная память тебе, патриархальная, незабвенная школа! Ты больше поучала, чем учила!» После я опомнился и потрусил немножко за свою горячность, но все кончилось благополучно. Назавтра экзамен из русской словесности и закона божия. Приходит Сергиевский, солидный человек, с короткими волосами, с интересной бледностью лица, с ослепительно белыми воротничками рубашки и чудными большими ресницами, сообщающими какой-то девственный, очаровательный оттенок его мягкому взгляду, даже несколько ленивому. Движением руки он пригласил желающих подходить к столу; сам он не экзаменовал, предоставив это другому священнику из гимназии. Я стал отвечать из катехизиса о 9-м члене. Свящ[енник] спросил меня, сколько было вселен[ских] соборов, когда и по какому случаю был последний. Я сказал. Он взглянул на Сергиевского, произнеши «семинарист», тот кивнул головой — и дело кончено:

¹ *Описка В. О. Ключевского, исправлено рукой П. П. Гвоздева на июль (см. также письмо I).*

² *сказал (лат.).*

³ *душу облегчил (лат.).*

«удовлетворительно». «Вы из какой семинарии?» — спросил Сергиевский. Я сказал. «Кто у вас ректор?» — «Евпсихий». — «Откуда он?» — «Не знаю». — «Что это за слухи ходят, кажется, про вашу семинарию?» — «Не знаю; я давно-таки расстался с семинарией и потому мало знаю, что в ней случилось в последнее время. Он кивнул головой. Говорит он тихо, будто нехотя, но ясно, прекрасным, ровным голосом. Подхожу к столу словесности; здесь экзаменовал Соснецкий, учитель 3-й гимназии. «Вы Ключевский?» — спросил он, поворачиваясь ко мне своим полновесным брюхом. «Да» — «Ваше сочинение очень хорошо-с, очень хорошо-с; только вот здесь не совсем точно выражение. Не правда ли?» — продолжал он, прочитав неточное выражение. Я, разумеется, согласился: до возражений ли было мне; у меня горели глаза, глядя на очаровательную отметку, стоявшую под моим сочинением: «5». Я взял билет: досталось из истории русск[ой] сл[овесности] о Ломоносове. Я читал статью, кажется «Современника», о вновь изданных письмах Ломоносова, относящихся к его заграничному периоду жизни, когда он был в Марбурге *; верно, ты читал также. Поэтому об этом времени его жизни распространился особенно. Соснецкий мой то и дело твердил: «Хорошо-с, хорошо-с», когда я говорил о деятельности Л[омоносова] ученой, литературной и т. д., и кончил тем, что сказал: «Другой билет — из теории словесности». Он был, как нарочно, об образцах отечественного эпоса. Опять пришлось говорить о Лом[оносове] с его «Петриадой»*. Перед экзаменом я достал лекции этого самого Соснецкого, и мне легко было отвечать на все его вопросы, которые он давал почти слово в слово по своим лекциям. «Вы отвечали очень хорошо, — сказал он в заключение, — довольно-с». — «А из славянского — нужно?» — спросил я черт знает к чему. «Да Вы, вероятно, знаете его, ведь Вы семинарист? Довольно с Вас». Я пошел и возвеселился в сердце своем.

На другой день была история и география. Чувствуя, что только сумасшедшему может прийти в голову мысль готовиться к завтрашнему дню по трем книгам Вебера, я взял Берте *, прочитал его от доски до доски, повторил все цифры хронологические и все имена — весь этот исторический горох, так легко высыпавшийся из головы при первом дуновении ветра, русскую историю не перечитывал, географию русскую и всеобщую и не мечтал перечитать, — и таким образом на др[угой] день отправился. И досталась же мне из географии самая чушь: о полит[ическом] состоянии Австралии. Я сказал кое-что, прибавив в заключение, что это такая вещь, о которой я мало знаю подробностей. «Возьмите еще билет», — сказал плешивый экзаменатор. Я взял еще хуже: о племенах Российской империи; сказал, что знал, по крайней мере на половину вопросов ответил глубокомысленным молчанием и кончил тем, что спросил: «Сколько мне?» — «Удовлетворительно», — отвечал тот, хотя не совсем на вопрос. Из истории

дело шло гораздо лучше. Дело шло о Столетней войне Англии и Франции при доме Валуа в XIV и XV веках; из русск[ой] истории — об Ольге. Тут я был у себя дома, в своей тарелке. Экзаменовал солидный гимназ[ический] учитель: мы с ним болтали долго и кончили тем, что он сказал: «Довольно, хорошо», но сколько поставил, не знаю, ибо забыл спросить. Все его вопросы были очень простые и более или менее знакомы н а м, т. е. читавшим хоть что-нибудь историческое, кроме Берте, т. е. тебе, мне, как и другим из нашей среды. Хронологию нужно было определять приблизительно: половинами, четвертями века — и довольно; так определил я время царствования Людовика XI. Я был весел, но завтра математика и физика: мороз пробирает при одной мысли. Но нет трагедии в жизни без комического пятого действия. Я подошел к самому профессору математической мудрости и не раскаялся. Надобно сказать, что всех не поступающих на матем[атический] факультет экзаменовали особенно: доброе предзнаменование! Профессор посадил меня — как и всех экзаменовавшихся — подле себя на стулу, и я начал: разделал ему приведение дробей к одному знаменателю, умножение дробей, сказал, как вписать квадрат и шестиугольник в круге, прибавил, что десятиугольника не умею вписать и что из алгебры о формулах прогрессии не имам понятия; я врал — имел понятие, только когда-то, а теперь забыл... «Да Вы знаете что-нибудь из алгебры?» — спросил он в полной уверенности, что я отвечу, как следует, т. е. отрицательно. Но я отвечал, что знаю все, кроме прогрессий и логарифмов (т. е. все, кроме половины или еще менее). Он не удивился и дал решить уравнение; я решил и даже прибавил, что решение вышло отрицательное, тонко намекнув этим, что задача была не совсем правильная. Этим кончилась математ[ическая] комедия. Из физики еще лучше: экзаменатор выслушал несвязную болтовню о камер-обскуре, попросил описать барометр, как знаю, и сказал: «Довольно». Муза! Воспой милосердие математиков-профессоров! О формулах физики не было и речи. Но зато как же прохватили нас — филологов — по классической древности, сиречь по латинскому и греческому языкам! Нас также отделили; экзаменовал сам Леонтьев * и какой-то сердитый старик-учитель. Учителя вообще придиричвее профессоров. По-латыни был перевод на латинский; позволяли пользоваться грамматиками и спрашивать неизвестные слова. С латинского переводил я речь Цицер[она] против Катилины. «Что вы переводили?» — спросил меня старик. Я сказал что-то. «Да, впрочем, — ответил он, — Вы ведь на филологический фак[ультет], так должны знать все», — и открыл Цицерона. Я перевел строк восемь довольно опрятно. Затем началась грамматическая пытка; все формы глаголов, имен и пр., какие он спрашивал. Я ему честь имел доносить; та же комедия, что и при Любомудрове. То же по-гречески: написали только не перевод, а диктант; пробрал меня один учитель по формам склонения и

спряжения, разобрал я ему диктант; он был верен, только ударение одно я поставил не так; учитель доносит Леонтьеву, что этот господин знает формы отчетливо, только теорию ударений не совсем; я сижу у столика и думаю: «Каково? Из одной ошибки заключил. Ай да маэстро!» Сам Леонтьев изволил спросить меня об энклитических словах, а я изволил ему отвечать кое-что. Для других этот экзамен был гораздо слабее. По-немецки диктовка для нас — семинаристов — дело непривычное; но лексикон и, если найдутся, люди выручат; а перевод ничего не стоит, лишь имей лексикон в руках; перевод устный ничего тоже не стоит; вопросы не мудрые. А по-французски? О, французы — народ деликатный; они даже не заставляли писать под диктовку, а просто ограничились одним устным переводом, при котором не скупаясь сказывают незнакомые слова. Вот и весь экзамен; теперь ты видишь, дело ли это. Нет, милый мой стоик, это безделье, ужасное безделье, если к экзамену причислить все время приготовления. Голова тупеет, теряешь смысл в самых простых вещах по милости этого лихорадочного, торопливого приготовления. Не думай, что я говорю обо всем времени приготовления; нет, я говорю о последних двух месяцах перед экзаменом. Если у кого в распоряжении год для подготовки или около того (разумею наш кружок семинарский), тот свободно может сделать свое дело, не испытывая этой головоломки, тупой и бессмысленной, какую испытал я, приехав в Москву. Тебе, кажется, не нужно говорить, что самый плодотворный труд — это свободный, безотчетный, не для экзаменационного столика.

Вот вам и дело. Я, как видите, самый деловой малый: сколько написал об одном экзамене! Впрочем, сказал ли я, что нужно, — не знаю. Предоставляю тебе и всякому из нас и х адресоваться ко мне со всевозможными вопросами по этому делу. Заметь, что кончивший курс семинарии порядочно держит неполный экзамен.

Довольно ли? Я уж перешел заветное местечко подписи и перешел незаметно, и вот теперь ползу по этому участочку не без тайной боязни за тяжесть письма перед почтовой придирчивостью. Кажется — опять спрашиваю я — немудреная вещь этот экзамен? А между тем везде у нас говорят, что ныне особенно строг был августовский экзамен в Москве, что петербургский даже несравненно слабее. Да вот и факт: за латинский язык и сочинение не допустили даже к продолжению экзамена в одной аудитории (нас разделили по буквам на разные аудитории) из 22 целых 20 человек (в том числе всех пензенских гимназистов без исключения, которые приехали в Москву в университет). Но ведь это не по нашей, не по семинарской части: здесь дело идет о латыни и орфографии; а именно на этом и просаживается гимназическая братия. Неужто нам учиться латыни и орфографии, — нам, всю жизнь положившим на это! Так[им] обр[азом], приемка по десяти процентов никого из вас не должна возмущать. А это очень забавно: из 22 двое

вступили! А пензенская гимназия получила невыгодную репутацию; французский экзаменатор, узнав, что я из пензенской семинарии, сие ми рек: «Что это? Пензенская гимназия славится тем, что ученики ничего не знают по языкам». Я сказал, что я не знаю, почему. А? Как ты об этом мыслишь? Х ф а к т многозначительный!

Но берег, друзья мои, берег! Прощай, веселая семинарская жизнь! Но нет! Еще долго звучать будет во мне своими звучными, лучшими струнами эта жизнь! А ведь сознайся, что много, очень много прекрасных, мелодических звуков в этой жизни, как жизни, обхватившей нашу первую дорогую молодость; хотя и много в этой жизни терний и волчцов, но зато в ней есть одно благо, одно редкое, утешительное явление — это товарищество, задушевность между учащимися, и я жалею, что опустил это из виду, когда писал «Мое воспитание», чтоб хотя этим немножко смягчить суровость картины. Пожми руку всем прежним друзьям моим, которые, впрочем, останутся всегдашними нашими общими друзьями, и передай мой задушевный, искренний, семинарский привет. Д[митрий], В[асилий] Добросердовы, Е. В. Разумов, В. В. Прилуцкий *, А. И. Любимов, В. В. Холмовский, Алгебров, Сатурнов * — все, все, с кем на одной скамье слушали мы скудную семинарщину и кто еще до сих пор ее слушает — мой искренний привет! О Парадизоу уж и не говорю. Затем поздравьте меня с новым положением, — особенно ты, мой Порфириу!

Весь ваш, студент Московского унив[ерситета] историко-филолог[ического] факульт[ета] В. Ключевский.

Каково? Пишите все и спрашивайте все, что нужно. Adieu, mes amis! ¹

*Рукой П. П. Гвоздева: Получено 17 сентября.
Гвоздев.*

5. В. В. ХОЛМОВСКОМУ *

27 сентября 1861 г.

Москва, 27 сент[ября] 1861 г.

Мой адрес: На Тверской, в Козицком переулке, в доме Лопыревского, в квартире г-жи Неждановой, студенту имп[ераторского] Моск[овского] университета такому-то.

Васенька!

Ты, верно, заждался моего письма. Виноват, брани, только дай руку при свиданье. Так бы сказал я, если бы увиделся с тобой! Что подельываешь? Мучишься, думаю! Догматика, Констехтер!

¹ Прощайте, мои друзья! (*фр.*)

Ох, проклятые! Ну, а я — нет. У меня иная догматика! Я опять начал прежнюю жизнь, прерванную на время приготовлением, только, разумеется, нет прежней живости, да на носу явились очки, потому что наконец не стало никакой возможности щуриться, чтобы разобрать слово. Попались мне в руки опять мои милые классики, мой Саллюстий, Гораций, Virgilius — это мои старые знакомые; с другими только что знакомлюсь, как с Геродотом, Гомером, Ксенофонтом. Славное знакомство. А моя История, моя хорошенькая История! Я опять не разлучаюсь с ней ни математикой, ни катехизисом. Знаешь ли, какая миленькая девочка эта История? Только немножко чересчур серьезна, не всегда поддается влюбленным объятиям. Право, любо живется с таким обществом. А филологическая мудрость! Корни да формы, формы да корни!

Интересно ли будет для тебя дать тебе понятие о моей теперешней жизни, о моем житье-бытье студенческом? А ничего, довольно забавно! Сколько личностей всяких и странных, и смешных, и серьезных узнаешь в самое короткое время! Но прежде нужно кое о чем спросить тебя. Как поживает наша Поповка *? Как тамошние разные личности? Ордалион Васильевич * что поделявает? Петр Васильевич *? Авдотья Яковлевна *? «Век» * читаешь ли? Милый «Век»! Я давно не видался с ним, почти с тех пор, как уехал из Пензы. Обо всем сем напиши accuratissime et diligenter ¹.

Ну, а теперь посмотри, как я поживаю. Прежде всего, вероятно, ты желал бы познакомиться с университетом! Собственно домашнее житье мое уже я определил тебе, сказав, с кем я знакомлюсь. Чтобы показать тебе весь университет, выбираю пятницу, как такой день, когда выходят на сцену все замечательные личности. Так слушай, что я вижу и делаю в пятницу! В 9 часов я уже в университете, показываю сторожу свой входной билет, без чего не пустят, скидаю пальтишко, вешаю и бегу в аудиторию. Там шумно движутся толпы мундированных и немундированных студьянов и нестудьянов *. Человек с 200 в аудитории из разных факультетов. Вот спешат на места. Входит на кафедру человек лет сорока — стриженный, здоровый. Начинает нюхать табак будто из-под руки, тишком, так забавно посматривая на слушателей. Вдруг как заголосит, так наивно, будто с возу упал. Он начинает говорить... ну хоть о том, как поживали славяне в давно минувшую пору, когда еще не было Рюриков и варяг [ов] между ними, какие предания, какие верования были у них, какие песни пели они и какие сказки о богах, героях и чудовищах сказывали славянки своим детям, качая их в колыбели, словом, говорит о том, как жили, думали наши прадеды в эту далекую эпоху. Народ и только народ с его метким, вещим словом, с его понятия-

¹ самым тщательным образом и прилежно (лат.).

ми — вот что больше всего занимает его. Ты уже догадываешься, кто это. Это — наш простодушный Буслаев, горячий любитель родной русской старины, русского народа и его слова, — говорю любитель, хотя он ужасный специалист, ужасный ученый, а ученые редко питают такую горячую, такую свежую, юношескую любовь к своему предмету. Возьми любое его сочинение, каждая строка его говорит о его горячей любви к интересам нашего народа, равно как и о его глубоком знании этого народа. В одной песне, в маленькой пословице он укажет глубокий, жизненный смысл, откроет верование и воззрение народа. Иногда он, видимо, одушевляется, читая о народной, любимой им жизни, как-то забавно ударяя на особенно сильные слова своей речи.

«То старина и то дѣянье!
Нашим мѳлодцам на утешенье» и пр.—

так заключил он одну из своих лекций, объясняя, какой смысл имеет этот припев старинных наших сказок о Владимире Красном Солнышке. Пробыл звонок, и Буслаев уходит. Открывается второе действие. Я быстро пробегая записанную лекцию, разбирая странные каракули, которыми написал лекцию второпях. Предмет чтений Буслаева — «История древней русской словесности в связи с современным ей состоянием западных литератур того или другого века».

Входит Сергиевский, профессор богословия, редактор «Прав[ославного] обозрения» *. Как передать тебе его наружность? Он еще молодой, лет 35-ти, смугл и бледен, сколько можно быть бледным смуглому лицу. Черты лица его удивительно правильны. Глаза, с длинными ресницами, как-то особенно мягки. Волоса его очень коротки; он зачесывает их спереди назад почти без ряда, как у Горизонтова. Нарукавники, выбивающиеся из-под длинных и широких рукавов его рясы, поразительной белизны. Вообще он щеголь. Говорит он медленно, резко выговаривая язычные звуки ¹. Голос у него твердый и как-то беззвучный. Начинает он как-то басом, тихо, потом оживляется, все становится громче и громче и переходит во что-то среднее между обыкновенным, что называется ни басом, ни тенором, и тем тонким голосом, которым говорит человек до 15—16-ти лет. Разумеется, в его лекциях не нужно искать варлаамовской глубины; их нет у него. Зато он всегда умеет оживить их современным интересом, какой имеют для нас те или другие богословские истины. Лекции его знакомят нас не только с современной богословской, но и философской наукой, потому что он всегда ставит ту или другую истину богословскую глаз на глаз с философскими мнениями, не боясь, что окажется несостоятельным перед этими мнениями философских голов. Он смело вышел против Фейербаха, закорре-

¹ В рукописи ошибочно: буквы.

целого современного материалиста, отвергающего бога, душу и все духовное, не побоялся изложить его учение и твердо отвечал на все его антирелигиозные положения. И ведь это делает священник-богослов! Да не по-евпсихиевски. Евпсихий выругает и дело с концом. «Безумцы!» — сказал бы он об этих философах, не потрудившись даже узнать, в чем состоят эти безумства. Он знает смутно, что эти философы что-то против религии; ну и по морде их за это! Оттого-то так и живы лекции Сергиевского, что в них чувствуется нынешняя мысль, нынешний интерес, а не допотопные глубины Варлаама. Я бы хотел ближе познакомить тебя с его чтениями, не ограничиваясь общими и поверхностными заметками. Но подожди, время будет.

Но лекция кончилась. Небольшая кучка нас — историко-филологов — спешит из большой аудитории вниз в маленькую комнату. Класс и лекция из латинской стилистики, сиречь учение о лат[инском] слого. Профессор по этому предмету немец Клин, почему и предмет его прозвали вместо стилистики клинистикой: тут, знаешь, все — и профессор, и наука — заключены в одно слово. Входит седенький, беззубый старик и начинает «In proxima schola, carissimi, de nominativo diximus. Nunc pergamus...»¹ и пр. Такой неблагодарный немчура: лет 20 учит в Москве и не знает ни слова по-русски, по крайней мере не сказал еще ни слова; мелет себе по-латыни, выговаривая на немецкий лад «sibi»², как «зиби», «juvenes»³ — «юфенес», «neutrum»⁴ — «найтрум». Впрочем, я овладел совершенно его языком и понимаю теперь до слова его латинскую болтовню. Переводит он из немецкой книжонки с немецкого на латинский, обращаясь к каждому, кого хочет заставить переводить, так: «Tu, carissime, perge!»⁵ Беда, кто не знает по-латыни или по-немецки: ничего не поймет, лучше уходи из аудитории. А нюхает, как безобразно эта олицетворенная латынь! Вот хоть бы и римлянам поучиться у него этому мастерству, так в пору, если они только охотники были до него! Даже не всегда чувствует старей, что у него под носом не все обстоит благополучно, а нужно вынуть платок! Впрочем, старик хороший. Но конец латинской болтовне. Звонок, и мы опять спешим в большую аудиторию, чтобы освежить голову от различных герундий на *dim*, творит[ельных] самостоятельных, винительных с неопред[еленных] или неопределенных с винит[ельных], освежить живую речь, которая сейчас полетится с кафедры. Ждем новой живой головы, башки, как мы бывало говаривали, нового дельца мысли и науки. Вот, наконец, входит Ешевский, профессор все-

¹ «На последнем занятии, дражайшие, мы говорили о номинативе. Теперь устремимся...» (лат.)

² себе (лат.).

³ юноша (лат.).

⁴ средний род (лат.).

⁵ «Ты, дражайший, стремись!» (лат.)

общей истории. Странное, неприятное впечатление производит его лицо в первый раз. Оно неправильно, пос как-то похож на чекушку или сморчок, цвет лица какой-то синеватый; он по-видимому очень слаб, худ, глаза бесцветны, вообще невзрачный! Ему лет с 30 с небольшим. Но читает он прекрасно, т. е. содержание его чтений прекрасно, а выговор его не очень хорош. Он говорит тихо, слабым голосом, некоторые слова произносит с трудом. Но заслушаешься этого человека. Редко когда был я так поражен мыслью, словом другого, как после первой его лекции, где говорил он о значении древнего мира для нас, людей XIX века по р[ождеству] X[ристову], об интересе, с которым обращаются к изучению этого давно минувшего, величавого классического мира самые практические люди нашего века, как Наполеон III, или торговые североамериканцы. Какой, в самом деле, интерес могут, по-видимому, находить в этом отжившем мире современные практики, по уши погруженные в интересы кармана? А между тем это так. Английский банкир, — с именем банкира мы привыкли соединять мысль о сибарите и страшном эгоисте, который ничего не хочет знать, кроме кармана. Английский банкир Грот нашел же интерес в древней Греции, когда отдал на изучение ее истории целых 30 лет своей жизни и написал 12 толстенных томов * об ней, не из одного ли ¹ только гробокопательства делал он это, а, верно, находил живой современный интерес. Трудно передать тебе все содержание прочитанного Ешевским даже в общих чертах: содержание их очень богато. Он прочитал 8 лекций и еще не вышел из введения. И об нем я повторю то же, что о Сергиевском. Прочтем когда-нибудь вместе его лекции. Я составляю их особенно усердно *. Но и Ешевский уходит. Уже 2 часа. Еще одна лекция Герца *, который читает желающим историю и археологию искусства. Предмет совершенно новый! Приходило ли когда на ум разбирать, что это за стиль, по которому строены наши церкви, что это за византийский и готический стиль, а еще более романский? Герц выбрал на нынешний год читать историю византийского искусства. Сам он здоровенный красный человек лет 36— [3]8, с прекрасным перстнем на левой руке. Видно, что человек искусства. Но об нем я много не буду говорить или лучше закончу тем, что молодец по наружности. С ним я еще не успел сойтись близко, т. е. не познакомиться, а узнать. 3 часа. Желудок сильно дает это знать. Голова утомлена 6-часовой работой уха, если не мысли.

Вот я вывел тебе некоторых корифеев не только университетской, но и всей русской науки. Буслаев, Ешевский, Сергиевский — разве не вся Россия знает их, как самых смелых бойцов науки и образования? Равных им можно по пальцам перечесть. С другими еще успею познакомить тебя, хотя, может статься,

¹ Так в рукописи.

так же плохо, как с названными. Но ты извинишь меня. Ты просил меня описать экзамен вступительный; я описал его в письме к Гвоздеву * сколько мог, и ты, верно, уже прочитал. Пиши, пожми крепко, крепко руку Ордалиону Васильевичу и Петру Васильевичу с Ав[дотьей] Яко[влев]ной и передай мой искренний привет. О [рдалиона] В[асильевича] проси писать. Прощай.

Твой закадычный Ключевский.

6. П. П. ГВОЗДЕВУ

27 сентября 1861 г.

НВ: Читая вторую половину письма, не спрашивай, к чему это пишет он; иначе слишком часто придется спрашивать.

Москва, 27 сентября 1861.

Carissime Porphyri! ¹

Первым долгом почитаю пожелать тебе от бога всякого здравия и благополучия; о себе уведомляю, что жив и здоров, и посылаю тебе родительское благословение, в сем письме зашитое. Будь прилежен во всяких науках и учись. Слушайся наставников и старших и богу повинуйся. Ходи в церковь божию, молись усерднее. Тогда будешь хороший мальчик. Sic!..²

С того времени, как я писал в первый раз, прошло, кажись, 20 дней; отчего это так медленно ходит почта из Пензы, особенно из пензенской семинарии? Предоставляю решить это тебе.

Впрочем, неужели мне дожидаться, пока ты выучишь из догматики и напишешь мне? Я пишу и без твоего ответа опять задаю тебе вопрос. Так бывало делалось у нас. Итак, не сыграть ли тебе штучку элегического духа, как сделал я в прежнем письме моем? Нет, уж этого не сделаю, дорожа своей quasi³-репутацией.

Слушай. Я кончил в прежнем письме экзаменами. Глупая вещь! Теперь я хочу сказать тебе кое-что о наших профессорах. Хочешь ли?

Начнем с Сергиевского. С особой его ты уже знаком, да, кажется, и касательно направления *non es ignarus*⁴. Потому тебя трудно удивить какой-нибудь новостью. Но пусть назовешь меня ненаблюдательным, скажешь, что и без Вашего, мол, Студенческого Сиятельства знаем это, а я все-таки скажу, что Сергиевский для меня интересен. Он чует, что схоластикой Антония * поселишь только отвращение к богословию, притом в людях, и без того косо смотрящих на богословие. Потому всякий вопрос он ставит прямо

¹ Дружище Порфирий! (лат.)

² Имею таким образом! (лат.)

³ якобы (лат.).

⁴ хорошо знаешь (лат.).

перед лицом современной мысли. Когда он излагал обычные доказательства бытия божия от природы, от духа человеческого, — знаешь, космологическое, онтологическое, и прочие вещи, — видно было, что ему тяжело держаться на этих старых подмостках, но зато, как начал он говорить о современных взглядах на эту истину, об атеизме, материализме и прочих зверках немецкой головы, тогда люблю слушать! Он тут не чужд даже красноречия! Но я чувствую, что вяло характеризую! Не легко раскрыть тебе всю суть того впечатления, какое выносишь из его лекций. Я даже нередко после его чтения делался детски религиозен, невзирая на 20 лет. Но скажу тебе раз навсегда: ты знаешь, я охотник до красного словца, для которого не пожалею и отца, а потому извини, если я вместо дельного определения предложу тебе какое-нибудь чувствительное умиление от того или другого умилительного предмета. Сер[гиевский] начал свои чтения с того, что опрокинул предрассудки против богословия, что будто оно — наука духовная, не нужная для светских, что оно сухо и что оно, как и религия, не развивается.

Досталось же здесь и светским quasi-просвещенным прогрессистам, махнувшим рукой на всякое богословствование. Ты уж, разумеется, догадываешься, что сказал он о последнем предрассудке, т. е., что религия как истина сама по себе не развивается вне нашего сознания, что она искони существует полно и определенно, но что она развивается, как предмет нашего ведения, что в человеческую голову она не может разом войти всеми своими сторонами. Хорошо, по крайней мере я так думаю, характеризовал он различие между духовным и светским воспитанием, говоря о втором предрассудке. Вот его главные мысли: духовный (семинарист, сиречь и академик) живет больше в области понятий о предметах, чем в среде самих предметов; потому он сделает отличное определение предмета, а светский отлично опишет предмет. Как ты думаешь об этом? Хорошо говорил он о примирении между верой и разумом. По его [мнению], вопрос этот родился незаконно, в католицизме, и притом из побуждений, чуждых собственно науке, что в правильном развитии человек не задумался бы о разладе между верой и наукой. Но прости, лучше до следующего раза: неужели ты не чувствуешь зевоты от этих вялых словес моих? Лучше напишу, когда ты напишешь. Притом ты сам мастер на все богословствования, ну а я — нет, не то, что ты. Скажу: «Хорошо, интересно», — и только!

Перейдем к другим, в свою собственную тарелку. Ты уже догадываешься, о чем хочу баять. Словесность, история — вот тут, может, что лучше встретишь. Я, кажется, уже написал тебе несколько умилительных чувствий или чувствительных умилений о Буслаеве и Ешевском. Попытаюсь теперь сказать несколько о деле. Ешевский читает древнюю историю. Это худенький, плохонький молодой человек лет 30-ти. Говорит он слабым голосом,

некоторые слова выговаривает будто с трудом, как я — знаешь! Недавно был магистерский диспут Н. Попова*, профессора Московского университета. Ешевский был его официальным оппонентом. Я не был сам, но говорили, что он возражал чертовски хорошо. Ну, этот возразить сумеет. Направление его лекций не совсем обыкновенное. Пока еще он все продолжает вводить нас в науку. Главный вопрос для него в преддверии истории — вопрос о расах. Как образовались современные типы кавказский, монгольский, американский и пр., чем объяснить их физические и духовные особенности, как смотрят на это различные ученые — вот главное содержание того, что он до сих прочитал нам. Он распространяется о том, как влияют на племена внешние условия природы, как различные смешения племен изменяют физиономию их и пр. Надо сказать, что он здесь «довольно занимателен». Вот еще вопрос, затронутый им. Отчего это явление, что дикие племена так быстро вымирают, знакомясь с европейцами? В Америке и Австралии — везде, где является европеец с своей цивилизацией, дикари быстро уменьшаются. Много ли осталось первобытных жителей в Америке? Неужели их свежая натура не выдерживает этой слишком изысканной пищи, которую предлагает европейское просвещение? Как ты думаешь объяснил Ешевский этот вопрос? По его [мнению], не цивилизация, а сам европеец виноват ¹ в этом. Разве цивилизацию и евангелие приносит он в дикое общество прежде всего? Нет, он вносит в это общество свою жадность к деньгам, свою водку да ненасытимое сладострастие. Он знакомит дикарей прежде всего со своей саблей и ружьем, разумеется, пробуя их на диких же, а потом с европейским галантерейным волокитством, да болезнями Венеры. Сколько негров погибло от американских плантаторов? А сколько негритянок испорчено было их ненасытным сладострастием, несмотря на их черноту? Целое племя образовалось от этих грешков. Раствление вносит европеец прежде всего в общество дикарей, если не истребляет их окончательно. Вот где причина вымирания дикарей, а не в том, будто им не по нутру наука и христианство Европы. Понимают ли европейскую науку те рыла, которые так бесцеремонно хозяйничают в землях дикарей? О, когда-нибудь жестоко поплатится Европа за этих выродков своих, которые под знаменем христианства и цивилизации приходят к бедным дикарям, чтобы внести туда свою водку и зверское корыстолюбие, а за этот товар взять с них чистое золото да свеженьких дикарок! Конечно, они ведь не чета каким-нибудь дряблым камелиям! Прочти хоть историю завоевания Америки, чтобы видеть все это.

Дал ли я хоть малое понятие об чтении Ешевского, не думаю. Но я и не хотел дать этого, хоть и обещал. Знаешь ли отчего? Не умел — и только! Подожди, когда-нибудь прочтешь самые лекции:

¹ В рукописи дважды.

я записываю их очень подробно. Кстати, воспользуюсь случаем, чтобы пофантазировать и посентиментальничать на мой собственный счет. Знаешь ли, какая иногда апатия поселяется у меня в душе! Ведь вот не сумел же, да и не мог получше и поживее познакомиться тебя с самой сущностью лекций Ешевского! А ведь было бы о чем сказать. Разве, ты думаешь, только такие вещи говорят Сергиевский и Ешевский и так вяло, как я тебе передаю? Помилуй, пожалуйста, не думай этого! На свободе впервые чувствую я, что недаром прошли для меня семинарские и подобные им домашние потасовки, которые выпали мне на долю. Энергии, энергии недостает мне теперь! Страшная, мучительная апатическая пустота свирепствует подчас во мне. «Где мои прежние силы?» — спрашиваю я иногда себя с забавным отчаянием. Неужели их и не было, а я только электризовался нашим старым семинарским обществом? А ведь я семинаристом не чувствовал в себе этой апатии. Я был таков же, как и ты и все наши закадычные. Вы и теперь по-прежнему молоды и живы, а я старею, тупею. Господи, отчего это? Отчего иногда не хочется идти в библиотеку? Отчего руки опускаются иногда пред каким-нибудь сокровищем науки, которое подает библиотекарь? Отчего бессмысленно смотришь на строки, не понимая, не чувствуя, даже без надежды понять и почувствовать? Отчего это, скажи хоть ты мне! Ведь я не волочился, по крайней мере, горячо. Где же пропали, на что потратил я свои силы, свою энергию? Я даже в хорошеньких влюблялся осторожно; камелии были мне всегда противны. Пил я мало. Неужели два-три кутежа могли выбить из меня всю силу и молодость? Скажи мне ради бога? Ведь ты стойк и можешь спокойно разгадать эту загадку.

Вот что я скажу тебе: нынешней весной я много-таки понес потерь. Лихорадка, конечно, сама по себе вещь ничтожная, но она, мне кажется, не без причины так скверно выразилась. Знаешь ли что? К пасхе у меня много накипело горечи в душе и провидение сжалилось надо мной, разрешив все это страшным пароксизмом. Это была гроза летом, которая прочищает атмосферу. Я оговарюсь: тебя, может, забавляет эта наивная откровенность; ты, может, дивисься мелодраматическому отчаянию, с которым я, бог знает к чему, пишу тебе мою биографию. Но мне дела нет до этого. Ведь если не тебе, кому больше высказаться? А разве ты осудишь или выдашь? Забавляйся, сколько хочешь, а выслушай. Ты знаешь, где и как я жил в последнюю зиму*. Это не пустяки. Боже мой, сколько унижения, сколько тяжелых впечатлений пришлось мне вынести в эту зиму и весну. Ты думаешь шутка услышать хоть такие слова: «Вот, Вас[илий] Ос[ипович], поедете, да как не выдержите экзамена, а там еще жениться захочется. Так ли?» И это сказал еще человек, будто сочувствующий всему доброму, всему молодому! Как тяжело было на душе, когда мне сказали это! А ведь это не один раз случилось. Я не скажу,

кто так выразился; может, догадаешься. Человеку страшно хочется в университет, он готовится, боится, а ему говорят такие вещи! Да, подобные сцены не прошли мне даром. Много сора занесли они в меня! А домашние дела? Об них и говорить нечего; знаешь сам. Разве добро выйдет из постоянного сознания, что тебе нечем оборониться против какой-нибудь ¹... и какой-нибудь наезднической выходки петуха-мальчика насчет твоей личности? А этих мальчишеских выходов было много, и теперь они продолжают, и ты знаешь от кого. Но *necessitas est necessitas!* ² Значит, и говорить нечего. Хоть бы ты поднял какой-нибудь спор со мной, чтобы оживить меня, как бывало спорили мы в былые времена! Право, сделай это, повори как-нибудь мою бессильную апатичность, взволнуй какой-нибудь странностью, хоть выругай меня, что ли! Скучно иногда до смерти, даже совестно! Того ли ждал ты от меня из Москвы? Думал ли ты, мой стойк, что я, вступив в университет, находясь под влиянием Буслаевых, Ешевских и пр., стану говорить такие постыдные вещи? Тебе, может, даже смешно, дико читать и слышать такую чушь! Но что же я буду делать, когда дрожишь за себя, за свою силу и энергию, боясь потерять их, черт знает из-за чего, если уже не потерял? Пиши, прошу тебя, заспорь о чем-нибудь и дай обещание, что будешь слушать снисходительно всякую чепуху от меня. Я уж и не прошу о том, что ты поймешь и простишь всю эту странную элегию, которую я сейчас спел тебе. Побьешь, но выслушаешь. Я не сомневаюсь в этом. «А о Буслаеве что же?» — спросишь ты. Что делать? Видно, до следующего раза! Все до следующего! Зарапортовался немножечко. Пиши и спрашивай. Обещаю поговорить о нем ³ серьезнее, когда узнаю, чего именно ты хочешь. Иль ты уже изверился в мои обещания? Прости, прости! Все опишу, только скажи именно, что нужно. Что Флоринский? Жми руку всем нашим. О Парадизове опять не хочу говорить: что об нем говорить? Хлын — и только. Чтобы и он писал! А то я его! Передай другое письмо Холмовскому.

Твой Ключевский.

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 4 октября.

Гвоздев.

7. П. П. ГВОЗДЕВУ

11 октября 1861 г.

Москва, 11 окт[ября] 1861 г.

Carissime Porphyri!

Письмо твое от 27 сент[ября] и обрадовало и опечалило меня: обрадовало потому, что я дождался, наконец, от тебя слова,

¹ Далее на сгибе стерты слова три.

² пужда есть нужда (лат.).

³ Над строкой: Буслаеве].

опечалило потому, что я прочитал в нем кое-что и неприятное, напр[имер], исключение двух названных тобою старых наших товарищей; только этого недоставало им и притом почти у берега к желанному освобождению. Дальше: непонятно для меня, из чего заключил ты о блистательной выдержке мною экзамена? Вот об этой блистательности-то и не думал я, когда писал к тебе. Блистательность? Какое противное слово! В нем есть что-то гускающее пыль в глаза, ослепительное! А ослеплять, пылить глаза — это, как хочешь, незаконное кокетство собою! И из чего заключил ты о ней? Если я вошел в подробности при описании экзамена, то я хотел тебе дать этим возможно ясное представление об этом зверке, который так пугал меня в Пензе. Вероятно, ты понял в буквальном смысле слова Соснецкого: «Оч[ень] хорошо-с, оч[ень] хорошо!» Да ведь это особенная метафора, которая еще не попала в риторiku, метафора вежливости, всегда употребляемая в самом переносном смысле и часто значащая просто: «Как Вы, однако ж, скверно говорите». Такие ли еще фразы встречается слышать из уст ученой братии.

Проф[ессор] лат[инского] языка всегда так начинает нам свою лекцию объяснения Цицеронова «De officiis» (что мы теперь переводим, если можно назвать переводом самое микроскопическое рассмотрение каждого слова): «Если вы, г[оспода], позвольте мне, я попросил бы кого-нибудь из вас принять на себя труд продолжать со мной объяснение Цицерона», — и студента, который окончил перевод, всегда приветствует с самой вежливой дамской улыбкой: «Покорно Вас благодарю». Неужели можно что-нибудь особенное выводить из подобных комплиментов? Здесь все так: иногда даже совестно становится с непривычки слышать такие вежливости от какой-нибудь ученой головы. Раз как-то вздумал я обратиться к тому же профессору лат[инского] яз[ыка] за объяснением одной темной фразы в «Tusculanae disputationes» Цицерона (которые он сам же дал мне с таким ответом на мою просьбу: «Извольте, извольте! Сколько угодно!»). Не успел я еще раскрыть рта, как он уж: «Что прикажете? — Сделайте милость, сделайте милость!». И действительно, сделал я ему милость: продержал минут 15 в холодном коридоре, пока он путешествовал по пескольким книгам Цицерона, где у него замечены были фразы, объясняющие, в каком иногда смысле употреблял Цицерон глагол «contineo». А то лектор нем[ецкого] языка, заметив, что кто-нибудь сидит без книги, предложит ему свою и бесцеремонно усядется рядом с ним за партой. Такие уж нравы!

Твое заключение о моей блистательности испугало меня тем более, что ты пишешь, что читал мое послание посторонним лицам. Боже! Что подумают обо мне? «Хвастун», — скажут многие. Действительно, ты сделал лишнее, торжественно прочитав мое письмо. Даже Флоринскому не следовало бы переписывать всего письма: вторую половину, где о экзамене, и то с пропусками — и было бы

достаточно. Но уж если сделано, то сам же и защищай меня перед теми, кто будет обвинять меня в мнимом хвастовстве. Но не подумай, мой милый корреспондент, что я тебя упрекаю или, еще более, сержусь на тебя: помилуй бог! Я говорю только о первомигновом впечатлении. Письмо твое так хорошо, я прочитал его так жадно, что бог знает, что бы дал, чтоб пожать тебе тогда же руку. Как я рад, что Флоринский кончил хорошо! Сообщи мне, если он пишет что о Кивее и тамошней академической доктрине. Да вот еще что: какого тебе труда стоило, думаю, переписывать дословно наши письма, особенно мое! Ведь это не безделица!

Ну, а теперь что? Не об университете ли? Мне тяжело говорить о той катастрофе, которую теперь переживает наш университет *. Ты, может, уже знаешь что-нибудь и освободишь меня от обязанности подробно описывать тебе все дело, к тому же это и не совсем удобно в письме, посылаемом по казенной почте. Скажу тебе только вот что: по случаю закрытия Петерб[ургского] университета за волнения на юрид[ическом] факультете у нас читали прокламацию, рьяную, раздражительную, в тоне «Aux armes, citoyens!»¹. Она прислана была из Пет[ербур]га. Читавшему отвечали шумными рукоплесканиями. Входит инспектор: в это время чтение еще продолжалось; инспектор подошел к читавшему (он был поляк и читал с высоты кафедры, подняв вверх правую руку), взял его за руку и просил сойти. Но оратор продолжал читать, не удостоивая инспектора вниманием. Наконец он кончил и сошел при шуме рукоплесканий. Инспектор стал говорить о нарушении правила (чтобы не было ничего похожего на сходки, тем более возмутительные); ему отвечали оглушительным свистом, так что он не мог сказать слова. Дело сделано; аудитория опустела; все ушли в сад; начали составлять адрес к государю, чтобы отменить обязательность в платеже 50 р[ублей] и других стеснительных правил. Адрес был в таком тоне: «желаем», «желаем». Посуди, кто же согласится удовлетворить такому бесцеремонному желанию, кто удовлетворит ему из наших величественных регистраторов (понимаешь!). Стали подписываться под адрес[ом]. Между тем явился протест от многих студентов, что этот шум и свист для них чуждое дело и они не разделяли и не хотят разделять его. Значит, беспорядок — дело немногих мальчиков. На третий день по решению совета унив[ерсите]та 1-й и 2-й курсы юрид[ического] фа[культета] были объявлены закрытыми на год. Вот как! Но дело разгоралось. Раз из саду целая толпа студентов двинулась к дверям унив[ерсите]та и с шумом и криками начала требовать инспектора, грозя иначе вломиться силою и отыскать его.

Сам можешь обсудить, какого это рода дело! Я отвернулся от него, как и многие, возмущенные его обстановкой. Явились партии в саду, явились демагоги, кричавшие о том, что их имена

¹ «К оружию, граждане!» (фр.)

будут написаны золотыми буквами у потомства. Говорят, на совете С. М. Соловьев * и Б. Чичерин * сильно восставали против этих беспорядков и величали крикунов школьниками. Некоторые студенты так горячо увлеклись, что кричали: «Пусть закроют наш университет!» Как легко сказать это! А думал ли кто, что все эти крики не стоили одного слова лекции Буслаева или кого другого. Я приведу тебе слова речи Буслаева, которые остались у меня в памяти, речи, которой он объяснился с нами по поводу всех этих происшествий, и предоставляю тебе самому обсудить все это дело.

«М[илостивые] г[оспода]! Мне было бы тяжело продолжать мои лекции, не объяснившись с вами по поводу совершившихся событий, не сложив ту тяжесть, которая теперь лежит у меня на сердце. Слышатся возгласы о каких-то преобразованиях университета с его профессорами, которых обвиняют в том, что они замкнулись в своих науках и не хотят знать того, что делается вокруг них (это о студентах речь). Что сказать на это? Предваряю вас, г[оспода], что я решился высказаться откровенно. Всякое молчание ведет к недоразумению, а всякое недоразумение питает ложь. Итак, я откровенно объяснюсь с вами. Я сам вырос и физически, и нравственно в стенах этого университета, и, сколько припомню, при мне не было между студентами и профессорами другой теснейшей связи, кроме научной, и еще доселе не знаю, может ли существовать какая-нибудь другая связь. Теперь, г[оспода], эта связь разорвана. Слышатся возгласы: быть или не быть университету. В этих возгласах слышатся и другие: быть или не быть профессорам! Что это? Что значат эти хлопотливые заботы о житейских, практических делах (намек на хлопоты об отменении платы и т. п.)? Все эти крики о житейских вещах и преобразованиях, г[оспода], еще хуже самих свистков, которыми студенты награждают непризнанного оратора (инспектора). Они разрушают самовольно связь с наукой, отодвигают ее на второй план, разрушают прямые, самые дорогие отношения между представителями ее и слушателями. Быть или не быть профессорам! Это значит: быть или не быть университетскому образованию! Я никого не хочу ни обвинять, ни оправдывать, но позволяю себе видеть во всем этом не что иное, как глубокое оскорбление преподавателям, которые по мере сил своих посвятили себя на дело вашего образования, а в лице их и глубокое оскорбление мирной науке!» Он говорил горячо, изменялся в лице: то бледнел, то оживлялся как-то особенно. К сожалению, люди, о которых он говорил, т. е. агитаторы волнения, не слышали его: они были в саду, на совещаниях. Обсуди это дело, и ты согласишься со мной, что это не более, как вопрос дня — *question du jour*, — отличающийся сильным мальчишеством. Испортили сначала дело, а потом принялись за адрес. Вот почему я отвернулся от него. Адрес, кажется, падет, потому что приверженцы его разделяются на партии. О конце

сообщу в свое время. Еще оговорка: я слабо и без связи передал тебе речь Буслаева: 1) потому что она сама по себе была темна, 2) что я писал на память.

Но — да мимо идет от нас чаша сия! «Отче! — нужно бы сказать непризнанным демагогам. — Отче! Отпусти им, не ведут бо, что творят!» Говорят, скоро откроют закрытые курсы, хоть закрытие объявлено было на целый год. Поговорим лучше о мирной, никогда не падающей, вечно пребывающей науке. Вчера я был у Буслаева. Как радушно принимает он всякого, кто приходит к нему за наукой. Я пробыл у него часа с три, сидя за Гриммом, именно за его «Geschichte der deutschen Sprache». Буслаев отметил мне несколько глав, сказав: «Прочтете это — там я укажу Вам другое. Но говорю наперед, что Гримма читать нелегко!» И правда, есть над чем поломать голову. За его анализом так трудно следить, что приходится несколько раз перечитывать фразу. Но зато и стоит: подчас вслед за сухим филологическим разбором следует у него поэтическая тирада, воссоздающая ту или другую сторону древней жизни народа. Я прочитал вчера о различных эпохах развития первобытного народа: каменной, медной и железной и соединенном со второй из них быте пастушеском. «Я бы рад был, — сказал мне Буслаев при прощанье, крепко-таки пожимая мою руку, — если бы плодом всех моих лекций было прочтение одной этой книги! Еще привыкнете, вчитаетесь — и тогда будет легче!» Ты просил меня написать тебе какую-нибудь коротенькую лекцию. Исполняю твое очень понятное желание. Но какую же именно? Ты говоришь, чтобы я написал тебе, таков ли Сергиевский в своих лекциях, как в своем «Обзрении» *? Я тебе кое-что уже передал о нем, а теперь выписываю его последнюю лекцию о религии. Определение религии он сделал после изложения двух, по его мнению, основных истин христианства: истины личного бога и истины личного бессмертия человека. Я по возможности избегал своих дополнений и старался представить тебе с о б с т в е н н ы е слова Сергиевского; конечно, многое исчезло у меня, но я смело ручаюсь за точность развития мыслей в моем списке, как шли они из «прекрасных уст» нашего теолога.

Что такое религия? Всякому понятно, что физический человек живет в непосредственном единении с физ[ической] природой. А если взять одно только этимологическое значение слова «религия» (religio), то жизнь человека в непосредственном е д и н е н и и с природой будет тоже своего рода религия. Здесь религия физической жизни, физического человека. Точно так и личность человека живет в непосредственном единении с личностью бога. Это состояние выше физического. Факт того единения, этого высшего жизненного состояния человека и составляет то, что называется собственно религиею. Религия есть жизненное состояние, жизненный факт, а не какое-нибудь временное стремление к бесконечному; это целая действительная жизнь человека, а не умственное,

не мысленное только представление бога: это самая жизнь человека. В религии человек ищет не понятия только о боге, но самого бога, личное существо.

Если вы поняли сущность этого определения, что религия есть жизненное состояние человека, жизненный факт, то поймете, почему религию нельзя определять, как систему тех или других религиозных истин. Это было бы так же странно, как если бы мы стали определять связь человека с природой системой познаний о природе. Религия — не какое-нибудь понятие или умопредставление, а факт; она — не учение, а жизнь души; жизненное состояние человека... К этому определению религии близко, хотя и не совсем, подходит обыкновенное определение религии, как союза, завета бога с человеком. Под именем завета разумеется собственно божеств[енное] откровение, а выражение: союз бога с человеком — надо распространить: союз бога с человеком и человека с богом. Взаимное единение бога и человека предполагает уже деятельность и божественную, и человеческую.

С этой точки зрения не трудно понять значение и недостатки двух взглядов, противоположных один другому и враждебных истинному пониманию души человеческой, именно взгляда натуралистов и взгляда супранатуралистов. Натурализм — взгляд естественный или, лучше, естественников, если можно сказать такое слово; супранатурализм — взгляд сверхъестественный, сверхъестественников. Супранатурализм все содержание религии думает видеть в одном сверхъестественном и из сил и способностей человека делает только формальное употребление, как орудие для восприятия этого сверхъестественного. Натурализм, напротив, видит религию чисто в сознании человека, в одном разуме (и потребности изучения самой природы). Что же до откровения, то он или отвергает его совершенно, или же, если и принимает, то делает из него чисто формальное употребление, пользуясь им, чтобы прояснить свое собственное учение, но не принимает его за источник религии. Обе, таким образом, системы по самым принципам своим становятся в прямое противоречие между собою. Расходясь в основании, они расходятся и в выводах. Для системы супранатуралистов религиозная истина заключается только в божественном; религия есть нечто исключительно божественное, без всякого посредства со стороны человеческого. Для натуралистов она — нечто исключительно человеческое, без всякого непосредственного содействия от бога. Хотя натурализм употребляет слово «божеств[енное] откровение», но он разумеет здесь общее откровение, совокупность всех сил и истин человеческого ума.

Помещаясь исключительно на точке зрения одной какой-либо из этих систем, нельзя объять всю целостность религии, потому что каждая из них объемлет только одну часть того целого, которое составляет религию. Они разделяют то, что религия самим внутренним образом соединяет в одно органическое целое. Супранату-

рализм хочет понимать религию, как нечто исключительно божественное, вне всякого действия со стороны человеческого, вне истории. Натурализм силится высвободить религию из этой исключительности и делает из нее нечто чисто человеческое, натуральное, вне всякой существенной связи с божественным. Но религия — божественное и человеческое вместе; она состоит из двух сторон, которые удерживают свое полное значение только тогда, когда их не разрывают, а оставляют тесно соединенными одну с другой. Поэтому мы не проповедуем доверчивости супранатурализма, который вне сверхъестественного видит только глубокую тьму; равно не проповедуем и самодовольного натурализма, который думает, что для него все прозрачно и что нет нужды в божественном.

Вы видите, что обе системы равно грешат и грешат роковым заблуждением именно оттого, что смотрят на религию не как на самую жизнь, а как на учение. Но мы говорим, что религия не учение, а жизнь, совокупность действительных, жизненных отношений личности человека к личности бога, к живому божеству. Следов[ательно], с нашей точки зрения не может быть и вопроса о том, довольно ли или не довольно для наших познаний о религии одного откровения. Когда говорят о взаимном отношении, уже само собою предполагается деятельность и с той и с другой стороны.

Однако, если с нашей точки зрения вопрос этот решается сам собой, мы не можем не говорить о нем более подробно, потому что с других точек наше решение отвергается. Итак, нам нужно знать, почему и как отрицается оно, и показать несостоятельность этого отрицания.

Что такое божественное откровение вообще? Это личное самообщение человека с богом. Я утверждаю, что без откровения, так понимаемого, не может быть и религии. Хотя совокупность религиозных истин еще не составляет религии, однако, как жизнь вообще невозможна без всяких познаний, так и религия невозможна без восприятия тех или других истин. Итак, можно ли обойтись без бож[ественного] откровения? Наш ответ: нет, не может человек обойтись без него, и мы основываемся в своем мнении на теории наших познаний вообще. Потребность откровения в религии есть следствие самого образа познания нашего разума. Объясним.

Известно, что мы познаем умом. Какой предмет этого познания? Вся область этого познания можно разделить на два отдела: мы познаем или самих себя, или что находится вне нас. Как же ум наш приходит в соприкосновение с этими предметами познания? Себя мы познаем посредством внутреннего чувства, или самосознания, которое не оставляет ни малейшего сомнения относительно существования нас самих. Каждый сознает, что он мыслит, чувствует, действует, и никто не разуверит меня в моем существовании. Познавая так[им] обр[азом] самих себя, мы раз-

личаем между разнообразными впечатлениями и мыслями, приходящими извне, и между основой нашего сознания; эта основа есть наш внутренний капитал, наш внутренний фонд самопознания. Из этого внутреннего фонда мы выводим более или менее длинную цепь заключений. Вот 1-й метод нашего познания — «выведение» (*deductio*). Дедуктивную деятельность разума Бэкон сравнил с деятельностью паука, который сам из себя тянет нить своей паутины.

Но здесь представляется важный вопрос: может ли развиваться этот фонд без посредства природы, существующей вне нас? Опыт говорит, что не может. Не напрасно мы поставлены в тесной связи с внешней природой. Внешняя природа действует на нас, и вследствие этого действия зерна сознания, таящиеся внутри нас, пробуждаются к жизни, растут, распускаются. Как зерно хлеба не может расти без воды, воздуха, света, в пустоте, так и наше внутреннее нравств[енное] чувство, наша мысль не могли бы развиваться без действия окружающей нас среды и природы, если бы самая жизнь не делала запросов нашему уму и сердцу. Без соприкосновения с жизнью наше внутреннее богатство так и осталось бы скрытым в глубинах духа. Это доказывают дети, вследствие каких-нибудь обстоятельств оторванные от общества себе подобных, также глухонемые, по самому недостатку своему отчужденные от живого сообщения с окружающим обществом. К той же категории относятся и дикари; они, кажется, вполне сделались рабами природных влечений; в них спят непробудно требования нравственной и умственной жизни. Так много значит среда. Так [им] образом, человек не иначе может пользоваться своим внутренним богатством, как если не будет н а в е д е н на это богатство внешней природой и обстановкой. Отсюда другой метод познания — «наведение».

Но довольно. Продолжать буду в следующем письме, скором. Тороплюсь на почту. Пиши, пожалуйста, и больше. Да попроси и Парадизова. Боже! Как много еще места осталось — а некогда! Досадно. На вопросы твои даже не могу теперь отвечать — после. Досадно, что вчера проспал после Гримма. Прощай, друг мой. Не о б е с с у д ь за плохую лекцию, т. е. за плохую передачу ее. В следующий раз лучше будет. Пожалуйста, не давай ее тому, кто захочет видеть в ней меня с моими недостатками, но прочти всем желающим правды. Прощай!

Твой Василий Ключевский.

В. В. Холмовскому крепчайшее рукопожатие. *Idem et caeteris* ¹.

Проси их писать ко мне. Господи, как обрадует меня всякое ваше словечко. А я весь к вашим услугам. Боже! 12 без 1/4!

Ручкой П. П. Гвоздева: Получено 18 октября.

Г в о з д е в.

¹ То же и другим (*лат.*).

18 октября 1861 г.

18 октября 1861 г.

[...] Я полагаю, что Вы уже имеете некоторые сведения о наших делах. По всей вероятности, Вы слышали, что был закрыт Петербургский университет за беспорядки, произведенные студентами. По случаю этого закрытия и у нас произошли шумные движения — освистали инспектора и подобное. Но это было делом немногих. Большинство студентов объявило инспектору, что они против этих неприличных действий. Сами согласитесь, что не студентам свистать и буяннить в аудитории; это и на улице неприятно и не совсем законно. Однако же, так как эти действия произошли прежде всего в юридической аудитории, то совет университета решил, чтобы закрыть первые два курса юридического факультета на год. Теперь эти курсы опять открыты для тех, кто объявил себя против шумных действий. Это было в конце сентября, но дело здесь в том, что по милости всех этих событий мы были поставлены в самое неприятное, беспокойное положение. Было опасно писать письма, потому что носились слухи, будто на почте их вскрывают...

Из-за чего же, спросите Вы, произошли эти беспорядки?

Студенты хотели выручить товарищей, которые набушевали в аудитории, и решились хлопотать об отменении постановлений, стеснительных для студентов, особенно бедных, именно: об отменении поголовной обязанности платы за право слушания лекций; о позволении объясняться с начальством через депутатов, что по правилам не позволено. Все это было прекрасно. Предположено было подать министру или самому государю адрес обо всем этом. Но адрес сопровождался таким шумом, что он делался дерзким поступком, хотя в сущности он не должен быть таким. Напр[имер], однажды толпа студентов с шумом подступила из сада, где было сборище, к дверям университета и требовала инспектора, грозя в противном случае выломать двери, и на другой день в самом деле некоторые головы выломали решетку в коридоре, через которую проходят студенты, предъявляя поставленному здесь швейцару свои билеты. Ну, на что это похоже? Вследствие этого очень многие, в том числе и я, не хотели подписаться под адресом, во-первых, потому, что он производился уже незаконным образом, а кто хлопочет об изменении чего-либо, то для успеха должен еще подчиниться существующим постановлениям, не правда ли? — а во-вторых, и потому, что на этот адрес и не обратили бы внимания или еще и хуже сделали бы, как с поступком не совсем почтительным. Вы понимаете, кто бы это сделал? Напр[имер], в адресе не говорилось: просим о том-то, — нет, а прямо: желаем, требуем — и дело с концом. Наперед можно было видеть, что люди, к которым обращен был этот адрес, не привыкшие к такому тону бесцеремонному и еще недавно закрывшие университет

Петербургский, не очень ласково ответят и московским студентам. Мало-помалу подписка под адрес[ом] уменьшалась; все было стало утихать. Жаль было только, что два курса юридические закрыты. Но вдруг в начале октября в ночь схвачены были полицией некоторые студенты без всякого объяснения, за что и почему. Это взволновало опять студенческий люд. Стали требовать у попечителя* объяснения и при этом с шумом ввалились в комнату, где он был. Попечитель отказался говорить с такой бесцеремонной толпой. Призван был обер-полицмейстер*, но ему заметили студенты, что ему здесь делать нечего, и с шумным свистом проводили с университетского двора. На другой день то же, но кончилось трагедией. Студенты, получив отказ у попечителя, отправились толпой к дому генерал-губернатора, чтобы у него попросить объяснения, почему арестованы некоторые их товарищи. Отправились, разумеется, не все. Их сопровождала огромная толпа зрителей. Но здесь явилась полиция и проводила студентов до дома губернатора. При доме произошли беспорядки, и подан был жандармам знак хватать. Тут началось странное дело. Пешие и конные жандармы рассыпались по улице и всякого, кто имел какие-нибудь признаки студента (мундир, очки и подоб[ное]), бесцеремонно хватали за шиворот, стаскивали с дрожек, кто ехал, и тащили в часть. К Тверской нельзя было пройти. Некоторых студентов били палашами или чем попало. Сюда присоединились еще лавочники и прочая челядь, которой полиция успела объявить, что студенты хотят вместе с помещиками отнять у крестьян волю и что это все поляки бунтуют (какая нелепая несообразность!). Чернь также ловила студентов и с криками выдавала полиции. Многие посторонние были схвачены толпой по недоразумению, что они студенты. Иной студент шел, не зная ничего, по улице, и его беспардонно тащили в часть. Даже помощник инспектора просидел там несколько часов, потому что его приняли за студента. Поистине дело было плачевное! Хватали без всякого разбора и церемонности. Некоторые студенты вырывались и расстрепанные, оборванные прибежали в университет поведать товарищам о случившемся. Некоторое время университет был в осажденном положении, около него собралось множество народа, колясок, дрожек, будто на праздник, и в довершение декорации рыскали пред воротами жандармы, не пропуская никого ни в университет, ни из университета. Это многих, и в том числе меня, оставшихся в университете, спасло от жандармского палаша или копыта его лошади. Дело было слишком серьезное, чтобы не принять его к сердцу. Оказалось, что больше 300 человек сидели в части. Беспардонность полиции в обращении с студентами соединила всех студентов в той мысли, что полиции не должно пропустить это безнаказанно. Собрался совет профессоров и решили вести дело судебным порядком, назначив со стороны университета депутата. Между тем перед частью до самой ночи стояла огромная толпа

народу, и длинный ряд конных жандармов выстроен был в линейку на площади. Оставшиеся студенты сами хотели идти в часть и требовать, чтобы и их посадили вместе с товарищами, но их не взяли и некоторых схваченных выпустили и доселе продолжают выпускать. Лавочники и подобная челядь обнаружила себя против студентов, называя их буянами, говоря, что здесь действовали больше поляки, что они шли разбить окна у губернатора: ходили самые нелепые слухи. В этом говоре толпы была своя доля правды: студенты действительно побуянили неприлично, разумеется, немного, но дело в том, что хватали всех без разбора и хватали бесцеремонно, с чисто солдатскими приемами. Но если чернь заявила себя против студентов, то высшие сословия иначе отнеслись к ним. Некоторые, правда, из высшего сословия, говорят, обвиняли во всем студентов, но вообще все недовольны были полицией. Говорят, дворяне хотят протестовать против ее поступков. Упомянем об одном, пожалуй и трогательном, но отчасти и забавном выражении сочувствия студентам: дамы, бывшие постоянными зрительницами движений университета, после дневных арестов пришли к части (говорю, некоторые, иные очень щегольски одетые) и принесли узникам конфет целые узлы, объявив при этом, что они не будут танцевать с жандармскими офицерами, оскорблявшими их любимцев-студентов... Как хотите смотрите на это; я не отказываюсь видеть в этом и хорошее, но только смешно что-то немножко; видно, никакая комедия не обходится без трагедии и никакая трагедия без комедии; последнее-то и случилось с нами. Впрочем, от большей части дам московских и нельзя требовать большего: будет с них и этого. Во всяком случае, спасибо им! С какой стороны ни смотреть на эту бойню, она выходит очень нехорошим делом со стороны полиции. Теперь идет об этом дело, и еще не могу сказать вам, чем оно кончится. Между тем все взволнованы, до лекций ли здесь! Решили прекратить ходить на лекции до окончания дела. Закрытые курсы открыты для тех, кто объявил себя против нехороших сцен, произведенных студентами в начале всего этого дела. Заявить себя против этого всякий должен, говорю должен, потому что эти сцены не идут к студентам, делают их уличными буянами. В этом большинство нас сходитя; но бойня, учиненная полицией, заставляет забыть это и сочувствовать биенным страдальцам. Открытие курсов пришлось не вовремя, и порешили не ходить на лекции, пока не кончится все дело и не освободят всех арестованных. Вот и посудите, как дела делаются на свете. Что за время переживаем мы! Посудите сами: в Петербурге прекращены лекции, несмотря на то, что университет открыт (с изданием новых, еще более невыгодных правил для студентов); Киевский закрыт; говорят, то же и с Казанским университетом; Московский закрыли сами студенты (на неделю, не больше). Сколько остается после этого? Харьковский — и только, но еще не известно хорошо, что там делается. Как назвать это время?

Безуниверситетским, междуцарствием полицейским. Что-то грустно, как хотите.

Впрочем, не беспокойтесь. Дело уладится; найдутся и там, наверху, люди, желающие добра университетам, и если не отменят правил, стеснительных для студентов, то и хуже ничего не будет: можно надеяться на это. Для успокоения нужно Вам сказать, что университет Московский не закроют никогда: это не Петербургский и никакой другой. Это говорил один из профессоров. Временное прекращение лекций самими студентами ничего не значит и не есть официальное закрытие со стороны начальства. Оно необходимо для скорейшего окончания дела. Будьте спокойны: нас защитят и все пойдет своим порядком. Самое дурное в нашем деле то, что его связывают с польскими волнениями, тогда как это не имеет ничего общего с ними. Это домашнее университетское дело, а не политическая демонстрация. А между тем что за события происходят вместе с этим. В Туле семинаристы волнуются, и полиция также, говорят, вмешалась в дело. Смута со всех сторон. В Петербурге, говорят, деятельно сочувствуют волнениям университета. К чему это? Тих [он] Алек [сеевич] проездом в Новгород *, куда его назначили учителем, говорил, что и Шапов * опять замешан в дело студентов, хотя сам он отказался от него. Хотелось бы еще кое-что передать Вам о Петербурге, но 1) не ручаюсь за их достоверность и 2) сами знаете, почему нельзя писать об этом. Ждем императора в Москву из его путешествия на юг России. Я здоров, хлопочу об уроках, которые имеются в виду [...]

9. П. П. ГВОЗДЕВУ

27 октября 1861 г.

Р. S. Общее замечание: пожалуйста, осторожно давай или читай это письмо другим, да вообще и вовсе не читай, исключая разве трактата о поэзии. А о совести после. Эта заметка оч[ень] важна, как увидишь.

Москва, 27 октября 1861.

Carissime!

Спешу передать тебе последние университетские события, чтобы перейти к твоему дорожному письму от 6 октября. Я немного соврал в последнем своем письме, сказав, что все наши дела не больше как вопрос дня. Судьба разыграла из университета порядочную драму с трагическим оттенком. В самом деле, все есть: и пафос, и жертвы, и палаши, и даже кинжалы, хотя ими не действовали, а только они вошли в состав декорации, как самая видная и бросающаяся в глаза черта. Но не знаю, что выйдет из этой драмы; боюсь, как бы не кончилось, подобно всему трагиче-

скому на свете, комедией. А есть много задатков для такого окончания; в число действующих лиц вмешалось много таких личностей (чтобы не сказать «рыл»), которые с ног до головы пропитаны не только комедией, но даже самым пошлым водевилем. Слушай же, как ни печально вести хронику подобных событий. Я намекнул тебе в прошлом письме, что в университетском обществе образовались партии с различными направлениями и что адрес падает вследствие недостатка единодушия и умеренности в действии. Как нарочно, в тот же день, когда послал я тебе письмо, случилась катастрофа, притча, объединившая всех студентов и заставившая замолкнуть разноречивые толки. В ночь с 11 на 12 октября схвачены были полицией несколько студентов по неизвестным причинам. Студенты решили требовать у попечителя объяснения. Здесь крикуны на шумели, и попечитель отказался говорить. К несчастью, никакое дело не обходится без этих запечных певунов. Что оставалось делать? Толпой отправилось до 500 студентов к генерал-губернатору под предводительством выбранных депутатов, чтобы спросить его о причине ареста товарищей. Толпа эта двинулась из сада. Мы оставались в университете, и вскоре заперт был жандармами выход из него. Это спасло нас от многих бед. Надо сказать тебе, что еще с 11 числа, когда по случаю шума приглашен был обер-полицеймейстер, но студенты торжественным «браво!» проводили его со двора, так еще с 11-го перед университетом зевала густая толпа и стояло множество разнообразных экипажей. Дамы были не последними зрительницами дела; это заметь, потому что в связи с этим стоит одна комическая штучка, о которой скажу тебе ниже. Толпу провожала до самого дома полиция в лице нескольких жандармов. У дома произошли беспорядки, полиция не пускала, студенты теснились — искорка вспыхнула, и пожар разлился. По сигналу студентов оцепили и начали хватать. Некоторые бросились бежать; жандармы за ними; произошла свалка; несколько часов по Тверской и Никитской не было прохода. Жандармы не церемонились, с обнаженными палашами мчались за каждым, носившим какие-нибудь признаки студента, т. е. мундир, очки, книги и пр[очее]. При малейшем сопротивлении жандармы начинали употреблять военные приемы; многие студенты пострадали от их палашей и лошадей (но крови не было, плашмя значит). Чернь в лице лавочников, предупрежденная полицией (так говорят), что студенты хотят зарезать губернатора и что они думают вместе с помещиками отнять у крестьян волю, злобно бросалась на студентов и выдавала полиции. Мы узнали об этом от некоторых мучеников, вырвавшихся из жандармских когтей и прибежавших в университет в растрепанном виде и, разумеется, не без мелодраматических выходов, вроде подвязки глаза, на котором была ничтожная царапина, сделанная самим же (может, даже вследствие беседы с бутылкой). Но всех тронуло это событие. Ожесточение полиции было таково, что один

жандарм оказался задавленным лошадей другого; хватали без разбора, даже попался один субинспектор (на универ[ситетском] языке «субик»), принятый за студента. Так же и другие совершенно сторонние. К вечеру до 320 человек набралось в части. Студенты хотели идти в с е и требовать, чтобы и их взяли, некоторые действительно выкинули такое коленце, но им отказали по неимению места, вероятно. Что делать? Собрался совет; на другой день он объявил (т. е. совет профессоров и прочих) 2 пункта: 1) что он изберег депутата из числа профессоров для исследования дела и 2) чтобы студенты прекратили сходки (по правилам они запрещены, но происходили свободно, на крыльце и перед дверьми университета, не только в саду, причем не стеснялись даже касательно папирос). Перед частью на площади до поздней ночи происходили в густой толпе москвичей толки о случившемся. Чем же кончилось? А пока еще вот в каком положении дела: говорят, дворянство протестует, как против насилия; студенты решили перестать на несколько времени ходить на лекции, чтобы, с одной стороны, скорее кончить дело, а с другой, — дать знать, кому следует, что студенты не безопасны даже в стенах университета. И теперь мы дома, и почти можно сказать, что Моск[овский] университет закрыт наполовину студентами же, а не силою, разумеется, на несколько дней. Закрытые два курса юр[идического] фак[ультета] открыты для тех, кто заявил себя против выходов первых дней (27—29 сент[ября]). Вот и покачай головой-то, сказал бы я тебе, хлопая тебя по плечу, что за время переживаем мы! Слышно, Казанский университет закрыт; в Петербургском дела еще серьезнее, и хватают шире; в Киеве также, слышно, не читают лекций. Сколько университетов остается затем? Но Московский не закроют, разве студенты выйдут сами, но этого быть не может: Буслаев, Соловьев, Ешевский... Есть, за что подержаться. Где найдешь подобных? Но не знаю, что будет полиции: а надо бы дать ей заметить, что университетская молодежь — не толпа. Императ[ор] на днях, возвращаясь с юга, только два часа был в Москве¹; говорят, предоставил вести дело губерн[атору] Тучкову. А вот штука: некоторые дамы приходили к «узникам» с конфетами и серьезно объявили, что с жандармскими офицерами танцевать не будут за то, что эти оскорбили студентов. П л е н н ы х освобождают, и теперь их в части не больше 30 с чем-то. Что выйдет из всего, еще никто не знает.

Подождем, подождем, а между тем не верь тому, кто скажет тебе в доказательство того, что и студенты дрались с жандармами, что на площади-де поднято 3 кинжала и 58 палок, как напечатано в «Московск[их] полиц[ейских] ведомостях». Я слышал, что кинжалы эти куплены полицией же в магазине и объявлены за студенческие, а с палками ходит большая часть студентов (я также

¹ Далее зачеркнуто 6—7 неразобранных слов.

не в исключении из этого правила). Но некоторые дрались, защищались, правильное выражаясь, и это ничего не доказывает.

Довольно. На днях проездом из Петербурга в Новгород Нижний заходил к нам Т. А. Горизонтов и передал много свежих новостей. Он перешел в тамошнюю семинарию, кажется, на словесность. Он передал, между прочим, жалостную комедию, где действующим героем был Евпсихий. Замечательно, что в Петербурге до мелочей знают все наши семинарские скандалы. Благодетели Евпсихия выхлопотали было ему викария в Казань; вдруг в это же самое время шлет Евпсихий, кажется, неофициальное извещение, что он-де и слеп, и глух, и нем и не может отправлять богом порученную ему должность. Каков пассаж! Дело, говорят, стало вследствие сего: викарый божества улетел! Твое известие, что архиерей дурно аттестовал его, подтвердил и Горизонтов. Может, ты уже слышал это и вернее, чем я. Вот замечательно, что вся наша п а р т и я (sic!) оставила Пензу: Т. Горизонтова нет, Розанов* перешел дьячком в Штутгардт (Баденск[ое] герцогств[о]), при тамошней русской миссии, Лавров в Перми, я с Покровским в Москве. У, как раскидались! Теперь Яшенька* может спать покойно в объятиях ненаглядной Марьи Петровны; и только ты один, как одинокий дуб, стоишь еще на пути среди прочищенного поля и, к досаде неких и х, стоически шумишь своими многолиственными ветвями! Шуми, шуми, мой широко тенистый дуб, и не давай покоя сверчкам запечным! Но будь и осторожен или ты надеешься на себя? Т[ихон] А[лексееви]ч хотел списаться с тобой о чем-то. Горизонтов виделся в П[етерб]ург[е] со Щаповым, который передал ему, что в 3-м отделении (куда всех госуд[арственных] преступников сажают) еще ничего, хорошо кормят и пр[очее], но что в крепости отвратительно сидеть*. Он, Щап[ов] т. е., нечаянно замешался в дело тамошних студентов, и его прицепили было, хотя он отказывался от участия. Несчастливая голова! Он давно уже в венерической (заметь про себя) и, однако ж, страдает ужасно. Так вот какие дела, а между тем жалко все-таки, что Евпсихий так одурачен! Ведь не он виноват главным образом; но верно так уж ведется исстари, что на бедного Макара и шишки валяются.

Ну, а теперь твое письмо, к несчастью только еще второе. Минуя благодарности, которые здесь подразумеваются, и, как человек, которому не чуждо все человеческое, следов[ательно] и самолюбие, я указываю прямо на то место, где ты пишешь о памяти, оставленной мною в семинарии. Если меня помнят еще там, то и во мне еще свежо живет эта семинария и семинарское время. Странно, как часто ни разыгрываю в душе чувствительные фантазии на эту тему, они не смешны мне и даже часто трогают не на шутку. Откровенно передаю тебе одну забавную черту из моей теперешней жизни: потушив свечу после 5-часового коптенья над какой-нибудь «Kirchengeschichte der germanischen Völker»

или Геродотом и завалившись на диван, я люблю выводить в потемках на сцену свое былое: Пензу с семинарией, товарищами, знакомыми, научными спорами и (не смейся!) знакомками в 16—18 лет, которых, впрочем, было очень немного; люблю я в это время побаловать свою фантазию и даже посентиментальничать. Что делать? Былые мечты и образы так приветливо вьются в темноте, и что за беда, если между этими образами там где-нибудь на заднем плане мелькнет хорошенькая фигурка с белым лицом и черными волосами, а я безумствую, как в былые времена, смотрю на этот фантастический образ и опять влюбляюсь, как прежде. Смешно, а правда. Весело смотреть мне и на этот ряд моих прежних друзей (нечего и говорить, кто стоит во главе этого ряда), который вывожу я перед своими глазами, как древний чародей выводил тени людей, далеких или давно сошедших с поверхности земли. Но этот ряд друзей не сошел еще даже и с поверхности моего мозга и даже с оболочки сердца (выражусь так, по-риторски). Что ни говори, а долго не отживает еще это прошлое время, несмотря на перемену обстановки, и долго новое время не заменит вполне старого. И также долго не перестает человек, окруженный новой сферой, разогревать в себе старые чувства прошлого, как я разогреваю теперь к твоей досаде. Знаешь ли что? В каждом письме, где нет места для церемонности, непременно повторяются давно известные и уже избитые мотивы, которые после странно действуют на тебя же, не нравятся, но которых избежать нельзя. Это напомнил ты мне, выписав две фразы из моего предпоследнего письма; мне они показались странными, а я все-таки понимаю то состояние, в котором сказаны они, и не поручусь за то, что это состояние не повторится, — и что же? Вот действительно повторилось же. Я теперь опять так же готов написать тебе такие же чувствования, как прежде, если уже не написал. А все потому, что ты напомнил мне старое. Как я рад был, прочитав у тебя, что я еще в памяти у вас! Но признаюсь — ты чересчур расхвалил меня. Я попрошу тебя еще об одном: подмечай, что поговаривают обо мне старые педагоги (Абрам *, Бурлуцкий и подобные). Мне очень бы хотелось узнать их мнение насчет их заблудшей овцы. Вообще, ты хорошо, и сказать нельзя, как хорошо сделал в твоём письме, написав о делах семинарии и о своем в высшей степени забавном и геройском процессе с Бурлуцким. Я подивился. Между тем странным кажется мне, что не пишут Парадизов, Разумов, Холмовский. П о д в и г н и их и всех, кто имеет или имел со мною дело. Парадизов! Молчит «Жид» этакой — и только. Хотелось бы мне сказать ему теперь самый сахарный комплимент, да не идет в голову, и я посылаю ему крепкое словцо за его лень. «Степан Парадизов! — восклицаю я. — Что не пишешь? «Ж и д» б е с с м е р т н ы й!» Если имеешь что от Флоринского, передай, а ему напиши от меня крепчайшее пожатие.

На мне лежит еще обязанность познакомить тебя с тем студен-

ческим обществом, в котором я преимущественно вращаюсь. Оно пока еще очень малочисленно, но мы начинаем уже жить по-старому, семинарскому, тем более, что эти новые близкие знакомцы — семинарская же, следов[ательно] наша родная братия. Один из них — из Московской академии, где был он год, — Фивейский, самая идеальная, добрая, откровенная голова. Он скрипач, и мы часто, собравшись в кружок, слушаем его «Ах, подруженьки, как грустно». Любо. Я же страстно люблю слушать музыку, хотя также страшно не люблю учиться музыке. Другой из нашего кружка — Гиляров *, сын моск[овского] священника, племянник известного Гилярова-Платонова, из здешней семинарии. Я бываю у него; образуем кружок и болтаем. К тому же у него сестра, довольно сильная в деле очаровывания, а потому мы очень охотно собираемся у него и еще охотнее смотрим в комнату, где виднеется довольно высокий лоб с русыми волосами. Старая штука! Другие в этом же роде и хорошо с ними, хоть немножко заменяют старые знакомства и связи. Народ все дельный: поставим бутылку (впрочем, редко) и философствуем на престоле. И только тебя нет. Тогда все было бы как нельзя лучше.

Я не написал тебе об одном профессоре, бывало не выходившем у меня из головы, — это Соловьев. Он не читает у нас на 1-м курсе, так как у нас нет в программе первого года русской истории; она начинается со второго. Соловьев читает на 3-м и 4-м курсах. Я слушал его раз и заслушался. Он читает чрезвычайно медленно, так что можно записывать до слова. Лекции его как-то особенно выработаны, хотя он читает экспромтом. За живое задевает его здоровая, критическая мысль, подчас не чуждая самой трезвой поэзии. Я слушал его чтение о заселении славянами Северо-Восточной равнины и влияния ее на быт славян сравнительно с германскими народами. Я переписал эту лекцию на почтовой бумаге и как-нибудь перешлю ее тебе, потому что лень переписывать. Сам он довольно толстый, красный, уже пожилой человек, с золотыми очками на носу. Больше пока не знаю, что написать об нем.

Я писал к тебе, что хожу к Буслаеву читать Гримма, этого знаменитого исследователя немецкой литературы (я читаю Якова Гримма, так как есть еще другой — брат его, специалист по тому же предмету). Как-то при расставании мы разговорились с Буслаевым по поводу одного предмета филологического, а потом перешли и к постороннему. «Вы откуда?» — спросил он. «Из Пензы, из тамашней семинарии». — «А! Так мы с Вами земляки: я также оттуда». Вот тебе подтверждение слуха, который был у нас о его происхождении. Принимает он радушно и запросто, и как уютно сидеть у него между длинными шкапами с множеством книг на всевозможных языках. Как у исследователя русской старины у него целая куча всевозможных русских церковных книг, в которые и заглянуть-то страшно — так стары они и такой странной печати, вероятно, еще первых времен по заведению на Руси

типографии. Теперь я занимаюсь под его руководством древнегерманской мифологией по великолепному литературному памятнику, именно по песням древней Эдды *. Это произведение древнесеверной скандинавской поэзии поспорит с Гомером. В нем изображены мифологические воззрения германских народов и весь их эпос. Великолепна эта поэзия! Какое широкое, глубокое мировоззрение. Не то, что наша русская или, лучше, славянская поэзия. Я упомянул выше об одной книге, взятой мной у Буслаева, именно о церковной истории германских народов. Там по Эдде представлена вся мифология немецких племен с ее глубоким гуманным смыслом. Автор, изображая ее, находит в ней уже зачатки предрасположения к христианству. Вот как там, у немцев, разрабатывают свою церковную историю! И вообще хорошо действует на душу даже первое знакомство с германской народной поэзией. При всей любви к родному этого не найдешь в поэзии русской; не найдешь в ней этого смелого, широкого развития, этого бодрого духа, который веет в германском героическом эпосе, проникнутом самым гуманным чувством. Что за личности, светлые, самые человеческие, выступают в этом эпосе! А у нас не найдешь этого: кой-где, будто ненарочно, мелькнет в нашем эпосе светлое лицо вроде буй тура Всеволода Олеговича с его плачущей Ярославной * — и то уже в эпосе позднейшем, историческом (эти лица в «Слове о полку Игореве» — единственном несравненном эпическом произведении древней Руси). Да и с чего взяться у нас такой поэзии? Откуда явиться у нас этим светлым, поэтическим образам и лицам, какие находим мы в поэзии немецкой? Там жизнь была иная, удалая, свободная, праздничная, если можно так выразиться. Там действительность не была так сурова, чтобы заставить забыть о поэзии; там можно было увлечься народной фантазией в область светлых представлений, когда самая жизнь будила в человеке его светлые струны; там женщина всегда являлась с своими правами на гражданство, с своей вещей силой и смягчающим действием на общество. А у нас всегда была на первом плане тяжелая нужда, тяжелая борьба с бедной природой да давящими историческими обстоятельствами, татарщиной, византиевщиной, боярщиной и пр[очим]. Некогда было думать о поэзии. С первых пор христианства русский человек стал грехом считать свою родную старину, свою народность. Песню он называл бесовской потехой; пляску, музыку — выдумками дьявола. И ныне есть попы, разгоняющие хороводы в селах; таков поп, который сменил моего отца в известном тебе селе Можáровке *. Это я передаю тебе как факт, мною виденный. Где тут разыграться фантазии народа, когда над ней тяготели византийские ужасы адских мук и козней бесовских? Могла ли образоваться светлая семейная и общественная жизнь, когда женщина была лишним членом общества, когда в ней видели (с христианско-византийской точки зрения) только орудие беса, сосуд всякого зла и соблазна? Ее счи-

тали, да и ныне считает простой люд, существом хуже и бесполезнее лошади (ссылаюсь на статью «Около мужичков» в сент[ябрьской] кн[ижке] «От [ечественных] зап[исок]» 1861 г.) *. Она была заперта в тереме в высшем и богатейшем классе общества, а в низшем над ней тяготела домашняя забота и плетка мужа. Знаешь, что в древнем свадебном обряде отец невесты дарил жениха плеткой для известного употребления. Прочти, если не прочитал еще, «Грозу» Островского («Библ[иотка] д[ля] чт[ения]», 1860 г., янв[арь]); и ты увидишь, какая тяжелая сфера, какая безотрадная жизнь окружала и еще донныне кое-где окружает бедную русскую женщину. Тебе известен мотив, самый обыкновенный в нашей песне: удалой парень с тоски и кручины теряет свою голову и пускается во вся тяжкая, не зная другого выхода из сердечной тучи, или девушка, задавленная обстановкой, жалуется на судьбу или измену суженого: «Выйду ль я на реченьку, посмотрю ль на быструю, — унеси ты мое горе, быстра реченька, с собой!» * — вот ее обычная песня! Кольцов подчас идеализировал чисто народные мотивы, и потому у него самая грусть русской женщины выходит как-то особенно светло; но в самой народной песне было иначе, в гораздо более мрачном виде. Где тут родиться веселой песне или широкому светлому воззрению? Будни, безотрадные будни окружали русскую жизнь испокон века; оттого он, этот русский человек (я говорю о простолюдине, потому что высшее общество, созданное Петром, — это уже немецкие панталонники, как однажды выразился Буслаев в своем разговоре с нами, разумеется, у себя дома) и вышел таким материалистом, с таким прозаическим взглядом на жизнь, что резко бросается в глаза при всяком столкновении с ним. Он потерт жизнью, потерт и друзьями, и недругами и дорого купил свою опытность, практичность; он нуждой разочаровался в жизни и враг теории, которую зовет он немчурой, любя свой вековечный «авось» и «как-нибудь», лишь бы разделаться с делом. Нужда выучила его жить «себе на уме» и смотреть на все с высоты полетей. Разве песня его забава, плод светлого настроения? Он уныло тянет что-то нескончаемое и безрадостное, ходя в поту за сохой с своей клячей. «Ну, тащися, сивка!» * Кольцова — редкая минута в жизни русского мужика; чаще приходится петь ему: «Сяду я за стол — да подумаю: как на свете жить одинокому?» * Разве веселая струна звучит в песне русской женщины? Нет, там звучит какая-то стонущая нота. Послушай, что поет она о своей песне:

Нам и песни — не веселье!
От тоски мы их поем!

Эти слова хотя и не из чисто народной песни (из «Аск[ольдовой] могилы» — оперы Глинки *), прекрасно выражают всю историю русской поэзии. «От тоски мы их поем». Певец полка Игорева жалуется на княжеские распри; в каждой песне человек русский жалуется на судьбу, на злую кручину, а женщина — на злую

мачеху, на злого мужа или свекра — все жалоба, все стон, и нигде светлого мотива, веселого, игривого чувства:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песнью зовется:
То бурлаки пдут бичевой!
Волга, Волга! Весной многоводною
Ты не так заливаешь поля,
Как велкою скорбью народною
Переполнена наша земля!

(Некрасов. «Парадный подъезд» *)

А все же дорогá и эта поэзия, и эта грустная песня, и еще тем дороже, что поет ее бедный русский народ. Она дороже да и гуманнее всех песен Жуковского и Пушкина, и Лермонтова, песен блестящего, как фейерверк, и пустого, как фейерверк же, высшего света, созданного, скроенного, бог знает из каких заморских лоскутов, на живую нитку и часто вовсе не по плечу русского человека. Может, ты недоверчиво смотришь на мою нечуждую увлечения элегию на тему русской жизни. Прочти, и непременно прочти в сент[ябрьской] кн[ижке] «От[ечественных] зап[исок]» 1861 г. статью Буслаева «О русских народных книгах и лубочных изданиях», и ты увидишь, что я говорю правду. Тогда же я передам тебе и анекдот об этой статье, рассказанный самим Буслаевым нам — нескольким студентам, собирающимся у него, анекдот, характеризующий одну сторону университета.

Я разговорился и позабыл дописать тебе лекцию Сергиевского. Что делать? Уж негде. Видно, подождешь. Только пиши, пожалуйста. Эта прособа сделалась у меня вроде Катоновского «*Delandam esse Carthaginem*»¹, и кстати и не кстати все прошу писать тебя, да и других тоже, в чем и ты поможешь мне. О северной мифологии, о которой я так разглагогался, скажу тебе, что я непременно познакомлю тебя с ней, если есть охота слушать (а на охоту с твоей стороны я рассчитываю смело). Бываешь ли ты у наших? Не мешало бы, чтобы узнать их положение и передать мне; сами они этого не сделают. Только будь осторожен в передаче моего письма. Прощай же, дружище (как филолог, замечу, что «*carissime*» оч[ень] идет переводить «дружище»; там и здесь окончание длинное: «*issime*» — «ище» — сходно, не так ли?). Жми руку Парадизову, Холмов[скому], Любимову (А. И. и П. Я.), Разумову, Богоявл[енско]му, Добр[осерд]ловым (Д[митрию], В[асилию] и alii²), Ара[вийск]ому, Прилуцкому, Василькову, Сатурновым, Алгеброву, Весело[вск]ому и всем, всем друзьям, сколько ни есть.

В. Ключевский.

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 4 ноября.

¹ «Карфаген должен быть разрушен» (лат.).

² другим (лат.).

18 ноября [1861 г.]

Москва, 18 ноября.

Васенька!

Без дальнейших комплиментов я укажу тебе на одно обстоятельство, чтобы ты мог судить, как обрадовал меня пакет твой с тремя письмами. Часов около 6, сумерками, я валялся на диване с папирской, созерцая темный потолок и помышляя о делах человеческих, об их проходимости и между тем с сокрушением сердечным сетуя, что не пишут из Пензы. И нужно же было случиться так, что в самый разгар элегического умиленного сетования *madame de la chambre*¹, так сказать, подает письмо. Хотя это, надобно тебе заметить, и препротивная рожа, однако ж на минуту она показалась мне благодетельной феей, черт бы ее взял. Но мое удовольствие уцентрировалось, так сказать, когда прочел я твое милейшее письмо. Вот это хорошо, без церемоний, пожалуйста, пиши всегда на догматике: на ней отлично писать. Не знаю, как и похвалить тебя за твое равнодушие к очкам и мундирам и тому подобным украшениям зверей. Так! Что смотреть на них? Всегда при встрече с очками и мундирами и т[ому] п[одобным] помни, что под этими немецкими штуками кроется зверь или, по крайней мере, татарский баскак. Ты отлично умел заставить меня писать к тебе без отлагательств: нашедши в письме штучку, я не мог уже располагать своим будущим тогда и настоящим теперь письмом, ты заранее купил его у меня. Bravo! Посмотри, пожалуйста, неужели же я так обленился есмь, что не хватит у меня лишних сил сходить лишний раз на почту? Помилуй, пощади!

В моем письме я не обещаю ничего важного, а потому прежде всего перехожу к важнейшему. Ордалион Васильевич сделал мне сердечнейшую услугу, сделал приписку ко мне. Благодарение ему вот этакое! Знаешь, до земли поклонение. Петру Васильевичу, Авдотье Яковлевне и, если в Пензе, Александре Васильевне — мой самый искренний привет!

Потом я должен тебе заметить, что я вовсе не клял тебя за молчание, а только сетовал умильно по обыкновению. Каждое утро заходил я к раздатчику писем в университете спросить, нет ли письма, но, слава богу, получил на диване. Какой же повод прекрасный носетовать в том, что первое письмо твое погибло! Где бы оно могло завязнуть? Благодаря успокоению университетской бури в стакане теперь, кажется, на почте не вскрывают и не задерживают писем, адресованных на имя студента. Впрочем, я еще полагаю по почтамту, — авось найду! Что тебе сказать об делах наших, т. е. моих и немоих? Теперь я пустился в одну операцию, какую, и сказать не легко, — не то литературную, не то

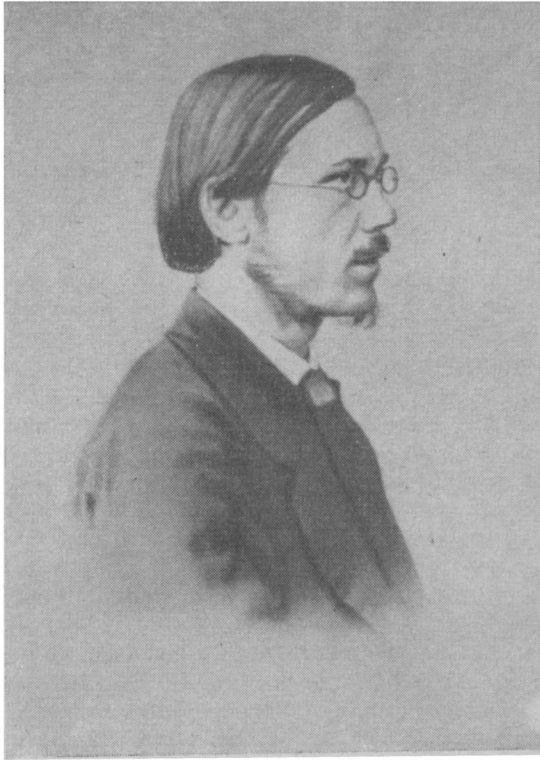
¹ хозяйка (фр.).

денежную, не то черт знает какую! У меня в порядке записаны были прочитанные нын[ешней] третью лекции Ешевского о древней истории; соболезнуя о участи студентов, не записывающих и даже не обнаруживающих желание записывать лекции, один сердобольный студент же решил литографировать лекции эти, знаешь как «Физика» — громадная книжища Тих[она] А[лексеевича] Горизонтова, что бывало таскал он в класс — в таком роде. Но взявшись за это, он не имел порядочно записанных лекций Ешевского, а у него нельзя было взять, потому что он читает экспромтом — ну, так[им] манером и втянулся неволью в операцию: я редактор текста, а он издатель и дело в шляпе и благословение племен и народов, нуждающихся в лекциях, особенно в тяжкую годину «испытаний» (examina). Вот тебе самая свежая, не успевшая даже и попортиться, новость по университету, случившаяся сегодня. Буслаев читал сегодня об Илье Муромце как самом ярком лице нашей мифологии, рассказал его интрижку с одной княжной и перешел к разбору мнений славянофилов об этом муромском герое, которые в увлечении всем русским и вместе и византийско-христианским, хоть это в сущности вовсе несовместимо, говорят, что в Илье Муромце олицетворилось много христианских воззрений народа, что, словом, это тот же святой русский (как угодник божий — чуть не так). Посмеявшись, как и следовало, над такой наивностью, Бусл[аев] перешел к разбору этих святош-ханжей, которые смотрят на все архиерейскими очками столпников и т[ому] п[одобных] чудаков, и, наконец, заключил лекцию подобной фразой: что-де наивное, искреннее верование язычника гораздо выше и лучше христианских верований ханжи и балаганного святоши. Ясно было, в кого он пускает стрелу. Раздался взрыв рукоплесканий, а это, знаешь, нам строго запрещено. Профессор встал на кафедру и вежливо раскланивался, пока гремели рукоплескания, а потом ушел, так как лекция была уже прочитана. Но вслед за ним явился инспектор *, взшел на кафедру и почтительно, с оговорками держал речь о том, что он должен напомнить и просить как частное лицо, а не в качестве инспектора, вспомнить, что аплодировать и т. п. профессору в аудитории нельзя. Тем, разумеется, все и кончилось. Но заметь, это важно: если аплодировали, значит, не вытерпели. Вообще, Буслаев — одним словом!

Не сказать ли тебе чего о театре? Был как-то на итальянской опере: но музыка — суть-то в опере — не понравилась, а итальянского языка не знаю; пенье было хитро, но совершенно бессмысленно. Но зато удалось же побывать и на хорошей штучке. Как-то Маршев-отец по приезде в Москву затащил нас в ложу; давали, между прочим, «Русскую свадьбу» *, балет. Он весь состоял в танцах маленьких-премаленьких учеников и учениц театральной школы. Ну, как уж мило пляшут эти штукари, особенно девочки! Зато, братец ты мой, и в другом роде штуки бывают.

Это был балет — и только. Но ты знаешь, что такое балет вообще. Это выставка, и притом вовсе не художественная, того, что все стараются скрыть — понимаешь? А ты думаешь, что все художественные выставки бывают на свете? И главная роль здесь танцовщиц. Такие здесь бывают поднятия ног, что и в очках одних, без бинокля жутко. Или, напр[имер], актер берет актрису и, поднимая ее вниз головой, описывает таким образом полукруг самый неделикатный. Меня в это время всегда интересуют больше дамы, сидящие так величественно скромно в нижних ложах, откуда особенно хорошо видно все. Каково им-то в это время? Вообще, танцовщицы кажутся красавицами, чуть не девочками, маленькими такими, хоть иная из них уже раз шесть носила в себе образ и подобие божие. А все такие легкие, воздушные, знаешь, старая штука! А старички-то, старички-то в восторге, сидя в креслах, приставляют бинокли к потухающим глазкам! Видно, как потряхивает вот этот солидный крестonosец плешивой головой, впиваясь жадно в каждое движение и о б н а р у ж е н и е актрисы, будто не видал от роду подобного у себя дома, дурак этакой! Если хочешь насладиться в Москве тем, что есть лучшего в театре, иди в Малый театр (сказанные штуки творятся в так называемом Большом), и иди именно, когда дают Грибоедова, Островского, Гоголя и т. п., впрочем немногих наших истинных комиков. Вот тут есть чего посмотреть. Здесь можно и посмеяться, как смеешься только в лучшую минуту жизни; отсюда же можно выйти и с таким впечатлением, какого в церкви не всегда получишь. Не забуду я «Грозы» Островского! Кажется, лучше пьесы невозможно написать! Теперь как-то боишься идти на эту пьесу в другой раз, будто боишься разбередить старую рану.

Из всего этого ты можешь видеть, что в Москве есть разные вещи, и такие, которые на пристойном языке называются хорошими, и такие, которые на том же языке именуется «неприличными». То же можно сказать и об университете, в частности. В силу того закона, что никакое почти жилье не обходится без тараканов, и у нас есть отличные прусаки. Вот хоть немец этот, лектор немецкого языка *. На экзамене строг и скромн, как Фетида иль Паллада, а послушай, что калякает он в аудитории, на лекции, если можно по привычке перевод назвать лекцией. Он в час переводит не больше 10 строк, а все остальное время рассказывает нам такие «штукенции», каких и в «Полицейских ведомостях» не прочтешь. Уморит! Это, впрочем, он делает только на нашем курсе филологов, потому что мы ходили к нему всегда не более, как в двух экземплярах, а чаще и по одному. Значит, бояться некого, людей немного, иногда не хватает и на то, чтобы хоть двойственное составить, притом и люди-то все приятели (мы, ходящие пока с ним), — ну и распоясывается себе, как душе немецкой угодно. Другое дело известный тебе уже стилист Клин. Впрочем, о нем я ничего не могу сказать, потому что в последний раз виделся с ним

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.
1860-е годы, Москва.

*Хранится в ГПИБ.
Публикуется впервые.*

еще в начале октября, кажется, и с того времени не бывал. Также поступают и все, и у него никогда больше одного не присутствует. Что ж? Ведь он тоже христианин; след[овательно], знает, что «иде же двое (а трое — оно уже и нельзя сказать) соберутся во имя мое» * и пр. ... Впрочем, не подумай, что так и с другими делают. Нет! К этим не ходят потому, что нужды мало, окольную несут. Немецкий, напр[имер], этот лектор однажды минут 40 рассказывал нам скандальнейшую историю про своего племянника, сев с нами за парту, и хохотал сам до упаду. Вот оно как!

Впрочем, и я вслед за ним занес чепуху. Разумову я не буду отвечать особенным письмом, хоть и чувствую, что поступлю скверно, Впрочем, только на этот раз, а впоследствии напишу непременно. Так передай ему сии слова: «Евфим-мол Васильевич! Первое, что я замечу тебе, это то, что за слова твои ты (т. е. я) заставляешь бояться, благоговеть — я бы по старому обычаю

уши надрал. А второе, ты так одолжил меня письмом, что ни пером написать, ни в сказке рассказать. Третье, что я вот как рад тому, что ты принялся за дело, хотя — слушай комплимент — ты и прежде был дельный. Пей, да дело разумеи! Вот молодец! Эх, если бы ты был в университете, да и все вы! Как любителю беллетристики чувства рекомендую тебе в [в]новь вышедшем издании сочинений Достоевского «Неточку Незванову» в первом томе. Чудо, что за роман! Редкий роман, если это роман только! По пальцам можно перечесть подобного достоинства. А выучишься ли французскому языку? Пожалуйста, как друга прошу выучиться, если в виду имеешь светскую карьеру. То-то удовольствие-то, если знаешь какой-нибудь язык европейский из западных! Каких нет сокровищ на этих языках! Я сам испытываю теперь это удовольствие. Прощай же, мой Евфим Васильевич, жму руку и прошу писать почаще!»

Ну что ж теперь еще? Прощай и ты, мой Васенька, т. е. не прощай, а ругай, если за дело; но до свидания. Поклонись от меня всем пензенским х о р о ш е н ь к и м, каких знаешь; это последняя статья моей просьбы. В Москве нет хорошеньких, все дрянь бульварная. В театр, куда ни посмотри, все рожа да рожа, почти ни на ком человеческого лица нет. Тряпки, как и их юбки! Прощай, пиши.

Твой Ключевский.

11. П. П. ГВОЗДЕВУ

25 ноября 1861 г.

Москва, 25¹ ноября 1861.

Порфирий!

Начну письмо вовсе не веселой новостью: на днях умер в Москве Добролюбов *, сотрудник «Современника» по отделу критики. Эта потеря стоит того, чтобы пожалеть о ней во глубине души. Прочти на память об нем его «Темное царство» в «Современнике» года за два назад *: увидишь, что был за человек! Семинарист он был и умер от чахотки.

Ну что, мой друг! Чем занять твой стоический ум? Какие интересы волнуют ваше общество? Как Бурлуцкий назидает вас душевспасительными примерами вместо русской церковной истории, которая для него что-то вроде terra incognita ²? Изучай эту мумию, как памятник когда-то бывшего периода само- и стародуров. Ведь уж отпетые, схороненные, изгнившие лица, хотя, может, переживут еще нас с тобой. Что им? Чем волнуются они? Разве раз в год, в ночь творчества — понимаешь? Да ведь это собачье волнение и вовсе не действует разрушительно на душу. Впрочем, я заговорил о Бурлуцком только потому, что он «соприкосновенен»

¹ Первоначально было: 22.

² неизведанная земля (лат.).

церковной истории, а я хочу тебе сказать о церковной истории. Эх, брат! Как жаль, что мы слушали с тобой, да и не слушали даже, а просто зубрили какие-то подонки из скандалов свят[ых] отцов, а не развитие христианских идей в человечестве. Сергиевский, как я писал тебе, читает хорошо, но я не нашел в нем того, чего желаю теперь. Слушание Сергиевского среди толков о разных системах, возникших и возникающих в стране систем, т. е. в Германии, из которых многие безусловно отвергают не только христианство, но и вообще религию, среди этих толков слушание догматики Сергиевского приводит меня к самому живому убеждению в необходимости изучения истории христианства. Надо заметить, что в переходное время, какое и мы переживаем теперь, когда затрагивают и вызывают на суд критики все стороны жизни, необходимо коснуться ¹ и религии. Интерес религиозный, след[овательно], теперь очень силен. Я не буду приводить тебе фактов этого религиозного движения: сам знаешь и читал. Но христианство подвергнуто, кажется, самой строгой критике: Фейербах отвергнуто окончательно всякую из существующих религий, назвав их все произведением человеческой фантазии. Бог, как выводит он из исследования всех религий, есть не отдельное, абсолютное существо, а произведение воображения, идеал человека данной эпохи. Боги Греции, веселые, волочащиеся с богинями, весело танцующие на Олимпе, суть не что иное, как отражение жизни греков, их идеал; суровые боги кельтов — идеальное воплощение их суровой природы, и Христос — идеал, созданный фантазией новоевропейского мира и т. д. Вот главная мысль Фейербаха, как говорит он в своих лекциях «О сущности религии» ² (я читаю теперь). Чтобы яснее видеть мог ты это, вот его слова *: «Всякий бог есть существо воображения, есть образ и именно «образ человека», но образ, который человек составляет вне себя и представляет существом самостоятельным. Воображение направляется, именно соответственно свойствам человека; мрачный, робкий, боязливый человек творит себе воображением страшных существ, страшных богов; довольный жизнью веселый человек, напротив, творит себе светлых, дружественных богов. Сколь различны люди, столь различны и создания их воображения, их боги. След[овательно], — гов[орит] Фейербах, — не человек создан по образу и подобию божию, а человеком творится бог по ³ образу и подобию человека». Вот главная идея, проникающая всю теорию Фейербаха. Фейербах — материалист и выдвигает на первый план природу, признавая, что ему не стыдно зависеть от природы и подчиняться ей, как действительно существующему, а не произведению воображения!

¹ В рукописи: коснулись.

² Над зачеркнутым: христианства.

³ Далее зачеркнуто: своему.

Вот откуда опасность для христианства. А сколько еще других, менее решительных и з м о в появляется теперь! Но разве утешение в том, что многие еще веруют в православие? Не в том дело. Теперь затронуты самые внутренние глубины православия и от них требуют решительного д а или н е т. Вот чем бы заняться всем теологам семинарий и академий, их преподавателям и высокопреподобиям, если они искренно хотят защитить целость православия. А они лишь ругаются и знать не хотят, что делается подле. Кто дельно разобрал у нас, не ругаясь, хоть одну систему Германии, несогласную с православием?

Вот ввиду этих обстоятельств и чувствуешь потребность поближе познакомиться с историей христианства. Без истории теперь; как и во всякое переходное время, нет спасения. Чувствуешь, что многое оказывается несостоятельным, а между тем, очертя голову, не хочется бросить своих старых верований, занявших столько душевных сил. Хочется прежде проверить их критически*, попытаться, нет ли еще в них чего удовлетворяющего. Жалко бросить их, потому что они прежде были родником лучших мыслей и чувств. Вот и хочется свести счеты: вызвать пред исторический трибунал всех этих святых отцов, спросить у них, что они сделали не для себя, не для немногих, а для массы, которая так доверчиво и так благоговейно отдалась их водительству? Развили ли они в чистоте истины Христа, не затемнили ли они, что ясно в евангелии, и не возвели ли самого Христа на высоту, которой, может, он сам не желал? Словом, проверить весь исторический ход христианства, проверить беспристрастно, и все равно, к чему бы ни повела эта проверка, хоть бы даже к отрицанию христианства; по крайней мере, тогда мы имели бы право, положи руку на сердце, сказать всем, что мы не покривили душой во имя какой-нибудь домашнего изделия теории, не поклонились ни пред каким авторитетом, чтобы им прикрыть несостоятельность собственного ума; словом, поступили добросовестно; след[овательно], либерально в настоящем значении слова.

Ты знаешь, что благодаря ревнителям псевдоортодоксии, которым любо было ловить рыбу в мутной воде, нас мистифицировали как дураков, нас, т. е. толпу, пугали нечеловеческими муками, ободряли грубыми удовольствиями рая, вроде ничегонеделанья и бесцельного созерцания чего-то. Ум человеческий, как злейший еретик, преследовался и еще преследуется; жаль, что он не горит, а то давно бы на костре сожгли. «Но, как говорит Гейне *, ум имеет свои вечные права; его нельзя задушить богословскими тезисами и убаюкать колокольным звоном. Он разбил свои цепи и разорвал железные помочи, на которых водила его мать церковей (Рим), и в опьянении свободой он полетел по всему миру, всходил на высочайшие вершины гор, торжествовал от гордости, вспомнил свое старое с о м н е н и е, раскопал все диковины дня и пересчитал звезды ночи». Какие энергические слова! Но кто виноват?

И за дело обманщикам под мантией православия, если этот ум разоблачит всю их тайную пошлость, а вместе с ними опрокинет и их учение!

Так ныне много вопросов задано христианству. Повторяю, нам нет спасения без истории. Но что делать с теми верованиями, которые воспитали нас, что делать с ними, пока будешь рыться в истории да добиваться от нее ответа? Что делать с ними, пока продолжится настоящий кризис, вызванный материализмом? На все наброшен скептический платок, а бараном быть не хочется; не хочется идти на помочах услужливых о т ц о в. Я не могу теперь ответить на это. Но пока в христианстве есть одна сторона, которой можно отдаться без опасений, пред которой еще можно преклониться с самой беззаветной, детской доверчивостью; это его всемирно-историческое значение, это его человечность, так много исцелившая ран в мире. Пока еще ничего не решено в вопросе, можно поклониться пред этим вечным, никогда не умирающим значением христианства. Ты, может, дивишься, как это я, такой консерватор прежде, такой богомольный, дошел до такой либеральности в деле религии. Подумаешь так и ошибешься. Я не дошел, а нашел эту л и б е р а л ь н о с т ь, если тебе хочется употребить это слово, ненавистное для меня в смысле слепой ломки, в каком его бол[ьшей] част[ью] принимают. Я прежде дорожил своими верованиями, вынесенными из детства, но потом, как и все, как и ты, может быть, увидел в них так много фальшивого, что и истинное сделалось сомнительным. Я не хочу делать ломку, сломя голову; мне жалко расстаться со стариной своей, мне, как и всякому, не хочется терпеть глазоотводов и фокусничества, чего очень много в наших верованиях, благодаря неутомимой фантазии наших отцов-капуцинов. Так не называй меня либералом, а просто человеком, как и всякий, ищущим истины.

Не знаю, будет ли время тебе: ведь у вас экзамены. Я бы хотел поговорить с тобой о Фейербахе. Да и ты поговорил бы со мной, отвечая на мои письма, поспорил, представил доводы, и т. д. Фейербах, как ты знаешь, запрещен у нас как атеист! Атеист! Не боятся ли испортить нас! Наши души воспитывают для царствия божия, как мусульмане своих дочерей для гарема султана — нежно, отдаляя от нас все нечистое, как бы мы не замарались, не простудились. Гнусно! Нет, чтобы закалить наш дух, поставя лицом к лицу со всем, что есть дурного и злого, дав только средства различить это злое и бороться с ним! Ведь это и называется настоящим воспитанием, а не тепличное прозябание в теплоте и неге! Так ли?

Прощай. Не забудь просьбы. Да скажи Флоринскому, если скоро будет писать, что я прошу извинить и даже простить меня за то, что я до сих пор не ответил на его письмо. Прилагаемое письмо передай Холмовскому, а он отдаст нашим. Кланяйся всей

семинарии и скажи, что я ей желаю лучшего, чего можно пожелать, — свободы мысли.

Твой Василий Ключевский.

Р. S. В университете тихо, будто ничего и не было. Пиши ко мне с простым адресом: «Студенту такому-то», прямо в ун[иверс]ите[т], без обозначения квартиры: может ее скоро переменим; и другим скажи, кто будет писать.

12. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

2 декабря 1861 г.

Москва, 2 декабря 1861.

Адресуйте письма прямо в университет, такому-то, без обозначения квартиры, до р о с п у с к а, т. е. до 20 декабря.

Дорогие Иван Васильевич и тетенька!

Первое, за что я благодарен вам в вашем письме от 22 ноябр[я], это обещание, что вы скоро еще напишете мне, — почему, и говорить не нужно, только за письмом издалека и отведешь душу. Странное впечатление произвело на меня ваше письмо; когда я прочитал его, мне показалось, что 10 часов прошло с того, как я начал его читать: так тяжелы были некоторые вести, сообщенные вами. Но они не удивили меня особенною странностью: от С о л о н к о в а нельзя ожидать что-нибудь другого. Только плюнуть на его дверь да отрясти прах с ног, чтобы не принести домой и пылинки из этого скверного дома аки благочестивого человека. Скотина — и больше клички ему нет! Я пожалел, что вы не передали подробно разговора с ним. Ведь только то мешает, что проживет долго в Пензе, а то бы можно весь его разговор и все это событие представить его же рылу, да только на печатном листе; тогда бы и заговорил он, что весь свет в пороках погрязает, что уважения к его святому свинскому рылу нет. Шебарша! В помойную яму бы его! Заговорил бы он тогда о премудрости сына Сирахова!

«История» Соловьева прежде стоила отдельно по выпускам, кажется, 2 1/2 руб[ля] серебр[ом]. Но, к счастью, теперь она вышла целой книжкой и стоит 1 1/2 руб[ля] серебр[ом]. Я думал было сделать так: купить и Соловьева, и Иловайского *, который стоит не больше рубля сер[ебром], если не меньше, да не знаю, сделаю ли; а обе эти истории были бы прекрасным руководством.

Я пишу к вам в субботу, а во вторник 5 дек[абря] Маршев выедет из Москвы в Пензу, — и что особенно замечательно, — с сыном. Я, следовательно, соврал, хотя невольно, сказав, что сын уедет в марте, а это потому, что у них на днях 7 пятниц. Вы просили, чтобы я о средствах своих написал вам, а теперь, по этому

случаю, это необходимо. Так как месяц окончится 23 дек[абря], то Маршев заплатил за него за всех троих, хотя сын уедет скоро, 5 дек[абря], но это уж так делается: прожил в месячной квартире 2 дня, а плати за весь месяц. Стало быть, мы с Покровским спокойно можем прожить еще 21 день на старой квартире, ну а там нужно убираться. По сделанным справкам видно, что мы можем отыскать себе комнату с порядочною ценою рублей в 5 или 6 сереб[ром] да обед рубля в 4 или 5 сер[ебром]: Мы высчитывали с Покровским, что вообще можно сделать так, что за стол и квартиру придется с брата хоть, напр[имер], рублей 8 в месяц и никак не больше, а меньше бы легко. По крайней мере, многие наши знакомые живут так и не жалуются. А в крайности можно и поубавить. На настоящей квартире, надо заметить, брали с нас по 13 рублей бессовестно, черт знает за что, потому только, что у Тверской, аки бы в центре, тогда как есть квартиры и ближе к университету, и дешевле, и не хуже. Так вот в каком положении дела; в эти 20 дней надобно кое-как устроить и — чему я очень радуюсь — стать несколько свободнее, т. е. дальше от чужих людей. Относительно платы за слушанье лекций скажу вам, что имеется в виду улизнуть от нее; не то, чтобы вовсе не платить, а заплатить совершенно сторонними деньгами. Есть одно общество, имеющее благую цель помогать для вступления в университет; плата за слушанье подходит под эту цель, хоть не прямо, а потому господин, чрез которого мы простираем виды на это общество, уверяет, что 25 р[ублей] можно будет получить наверно. Во всяком случае, надежда имеется. Изыскивать деньги нужно всячески, так сказать, и я прожектирую ужасно: авось удастся. Во всяком случае, не пропадем и до пули не дойдем и говорить об этом нечего.

Вы пишете, чтобы я просил Пашеньку писать ко мне поплодовитее. Действительно, я имею право упрекнуть его в короткости его последнего письма. Он бы свои какие-нибудь мысли высказал, как бы это было хорошо! При посылке книги я напишу ему вроде первого слова при вступлении в «Историю» Соловьева, а теперь прошу его подождать. Мишенька ленится, пишете вы. Не знаю, что на это сказать вам. Лениость надоедает мальчику так же, как и наука, если она не интересует. Поленится и перестанет! Не знаю, что бы отыскать ему особенно интересное по части книг. Ведь у нас такая дрянь эти детские книги, что беда. Может быть, найду какую-нибудь и пришлю в подарок. Пусть читает да будет весел: это всего важнее.

Ну, а Катюре хотел бы я написать о д у, вроде той, какую послал Мишеньке, да жаль, что еще не читает! Да! Получили ли письмо от Гвоздева, кажется, от 25 ноября? Там я писал вам, что Маршев возьмет сына в апреле или марте. Не знаю, что хотят они сделать. Говорят, что до мая будет сын готовиться к вступительному экзамену. Одно для меня показалось странным. Живя на счет чужих, Маршевых, и зная характер некоторых лиц этого

семейства, что и вам не безызвестно, я уверен был, что там в Пензе на чем свет стоит пушат нашу милость. Но добрый Ив[ан] Яков[леви]ч Покровский * в недавнем письме своем ко мне говорит, что обо мне еще живет добрая память в том доме, где прожил я больше года. Что ни говорите, а я этому оч[ень] рад, меньше икоты будешь испытывать, когда меньше ругать будут заочно.

Так Лиза-то чуть было не попала в попадьи села Котла! Хоть, может быть, эта история подействовала на вас очень неприятным и даже грустным образом, однако же в продолжение того, как я пишу к вам это письмо, у меня часто порывалась рука ¹ пошутить над этим обстоятельством. А хороша была б сельская попадьа, «матушка»! Теперь иначе и не буду писать к ней, как начиная письмо «Матушка». Пусть бранит!

Дяденька Н[иколай] Ф[едорович] имеет право сердиться на меня, но лучше бы написать и побранить, чем молчать. С книгой я надеюсь послать целый транспорт писем и ему постараюсь написать больше.

Пашенька пишет, что не объяснит он себе различие в выговоре é и è. Различие нелегко передать на бумаге: é произносится болсе или менее с замкнутым ртом, ближе к нашему «е с т ь»; потому и зовется é закрытое; а è произносится с открытым ртом, как э или подобным образом. Нужно довольно раскрыть сначала рот, чтобы выговорить его, напр[имер], рёге — пэр. Больше не могу написать об этом. Я прошу его не бросать древних языков, заниматься ими больше всего: это не пропадет даром. Нужно положить себе за правило — перейти в риторику, с уменьем свободно читать простую латынь, как, напр[имер], Юлия Цезаря и даже Кор[нелия] Непота, а по-гречески хоть знать хорошо грамматику, т. е. этимологию, если уж не станет сил дойти до свободного перевода. Вот бы мы заговорили тогда по-классически!

Не знаю, писал ли я вам, что я хожу по воскресеньям к Буслаеву, и вот зачем. Нас человека ⁴ обнаружили охоту к филологическим копаньям, и он решился с охотой читать нам у себя дома по воскресеньям сравнительное языкознание, общую грамматику индо-европейских языков. Нет ничего лучше этих чтений у него в кабинете, без церемоний и формальностей. Он сядет на своих странно устроенных креслах обыкновенно с ногами, т. е. не кресла с ногами, а он усядется на них с ногами, в туфлях — и пошла филология! Дай ему бог здоровья!

В университете он читает нам теперь о византийской литературе, из которой как источника шли к нам в первое время по принятии христианства литературные предания и образцы. Я хотел бы кое-что написать вам об этом, потому что это имеет значение для церковной истории. Я также хотел бы написать об римских катакомбах, с которыми познакомился по указанию Буслаева

¹ Далее зачеркнуто: пу.

из одного французского издания, где сняты все архитектурные и живописные памятники этих катакомб, бывших убежищами гонимых христиан первых веков. И напишу непременно! А теперь будьте здоровы. Кланяйтесь всем, маменьке, бабенке и всем-всем. А плакать не нужно. Стоит ли!

Ваш Ключевский.

13. П. П. ГВОЗДЕВУ

9 декабря [1861 г.]

9 декабря.

Порфирий!

Пишу, торопясь! Так твое письмо было хорошо, что решился ответить тебе, хотя уже опоздал и плачу штраф: получил письмо поздно в субботу. Благодарю, брат! На рожд[ество] не поеду; поезжай, куда хочешь, из Пензы. С Маршевым я тебе не написал, еще что выйдет! Получил ли письмо о Фейербахе*?

Вот что? Твое письмо, т. е. известный диалог в нем, мы хотим с Покр[овским] тиснуть гольем в «Искру» *. Как ты думаешь, дружище? Напиши, согласен или нет? Словом, скажи, как думаешь о сем!

Ты в университет! ¹ Святители, дай-то господи! Пиши еще до отъезда. Да вот что! Прислушайся, что будут баять о нас у М[аршевы]х. Вот я думаю штуки-то пойдут. Александру не верь ни в чем: знаешь, соврет на ⁹/₁₀, а остальное — правда. Прощай, дружище! Благодарю еще раз от души. Семинарии привет. Сегодня на юр[идическом] фак[ультете] освистали Чичерина *. История вышла.

На имя Очева письмо получил. Но, повторяю, пиши прямо в университет, без квартиры. Будь у наших, и еще им от меня известно что ².

Прощай!

Ключев[ский].

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 16 декабря.

Порфирий Гвоздев.

¹ Поговорю об этом в след[ующую] среду больше. (*Примечание Ключевского.*)

² Так в рукописи.

1862 г.

14. П. П. ГВОЗДЕВУ

27 января 1862 г.

Москва, 27 янв[аря] 1862 г.

Бесценнейший мой Порфирий!

Кажется, мы еще не видались с тобой в 62 году, так здорово, с новым, значит, годом! Давно порывался я написать тебе, да дело, дело по самое горло душило дыханье и не позволяло оторваться, а дело-то чуждое, заказное — беда! Проклятье ремеслу и ремесленничеству, где оно не у места! Уж как хотелось мне отвести с тобой душу! Ну, что ты делаешь? Что так долго не пишешь? От С. И. Флор[инского] получил я в продолжение вакации письмо, на которое ответил довольно оригинально, и сегодня (т. е. вчера 26-го) получил от него другое письмо, где он пишет, что «пустил» письмо к тебе. Дело вот в чем. Когда я получил письмо от него в вакацию, я был дурно настроен, выражаясь поэтически, если хочешь. Со злости я решился выместить досаду хоть на ком-нибудь, на тебе даже, если бы ты попался под руку. А тут получил я письмо от Степана с требованием немедленного ответа. «А! — думаю. — погоди, дружок, я тебе отвечу», — и сел, да и накатал такую чертовщину, что теперь и самому совестно. Видишь ли, читал я тогда книгу на франц[узском] языке «О происхождении языка» Ренана. Вот я и решился досадить Степану. Зная, что он не знает по-французски, да и по-немецки плохо понимает, я начал толковать в письме о книге Ренана и делать длинные выписки в подлиннике, не переводя, прибавляя после каждой выписки фразы вроде след[ующей]: «Смотри-ка, как это хорошо сказано, как метко, поэтично!» К довершению шутки я сравнил выводы Ренана с выводами другого филолога, но не француза, а немца — Гримма — и присоединил к французским выпискам тьму немецких, взятых из прочтенного мною сочинения Гримма под тем же заглавием, также сопровождая их вышеприведенными фразами и восклицаниями. Комедия — и только! Вот, думаю, помается! Знай, мол, наших, когда они не в духе. А прочитать ему было необходимо, потому что я требовал безапелляционно ответа на эти выписки. И действительно, я вполне достиг своей цели: судя по его последнему письму, мои выписки так измучили и досадили ему, что он чуть не со слезами молит меня не писать больше выписок (а я, замечу, еще обещал ему продолжать их и в след[ующем] письме) или, если уж на меня напала такая ярость хватать за горло всякого и совать ему в нос какого-нибудь Ренана, приговаривая: «понюхай-ка, чем пахнет?», то делать это на русском языке. Ведь сыг-

рал пульку, не правда ли? Думаю, он и тебе писал об этом. Бедный Степан! Ни за что пострадал. Ну что, если бы ты подвернулся! И тебе не спустил бы, ей-ей не спустил бы! Но нет, тебя спасла деревня, в которую ты убрался на рождество.

Теперь я не буду отвечать тебе на твоё суждение о Фейербахе, высказанное в твоём последнем письме. Теперь я сообщу тебе другую новость, важнее моего возражения. Впрочем, не думай, что я вовсе оставляю без внимания твоё мнение: нет, я ещё доберусь до него; оно мне показалось замечательным, несмотря на краткость, с какой ты высказал его, и вот по тому-то, по этой-то замечательности и, так сказать, типичности твоего мнения я выдвину против него всю свою полевую и тяжёлую артиллерию, и тогда, брат, держись! Но это до поры до времени. А теперь — к новости, о которой я упомянул.

У нас наконец читает Юркевич. Перетащили-таки его из Киева, к досаде Киевской академии. Ведь он, писал Степан, был её украшением. У нас он читает на филологическом факультете на 2-м и 3-м курсах, но к нему сходится множество других студентов. Предмет его чтений, как ты, может, знаешь уже, истории философии. Зная, что ты интересуешься философией и что у нас в семинарии (у нас в семинарии!) не было читано ничего похожего на историю философии, я решил передать тебе, что услышал на двух последних лекциях, и впредь обещаюсь подробно давать тебе отчет в его чтениях; ведь это не надоест тебе, как надоела Степану моя взятая напрокат филология?

Прежде всего о внешней обстановке и о личности Юркевича. На лекции Юркевича каждый раз ходят не одни студенты, но и другие интересующиеся этим: попечитель нашего университета генерал (единственный представитель воинства у нас), ректор Альфонский *, Сергиевский, сотрудник его журнала священик Преображенский * и другие профессора. Сергиевский даже бросает свою лекцию во вторник, потому что она совпадает с лекцией Юркевича. Представь же себе. Аудитория переполнена студентами и стульями для «высоких» посетителей. Вот расступаются толпы (плохо живописую, что делать), является блестящая свита под командой военного мундира, а на кафедру всходит маленький человек, смуглый, вовсе не с маленьким лицом, замечательно широким и выдавшимся ртом, лет 35-ти, в густых синих очках, с перчаткой коричневого цвета на левой руке, раскланивается так медленно и, не садясь, стоя, начинает говорить экспромтом с сильным хохлацким акцентом. А напротив него как раз уселись будто нарочно Чичерин и Сергиевский — эти два великие софиста нашей науки. Им только и сидеть рядом, как двум родным братьям. Но вот и вся картина. Теперь — к содержанию двух последних лекций Юркевича (двух первых я не слышал, потому что тогда еще не было у меня билета на вход в университет за второе полугодие).

Я не записываю за Юркевичем, да и невозможно. До записывания ли, когда неудержимо, нескончаемой нитью тянется мысль, и едва успеваешь следить за ее развитием. Да и не нужно. После каждой лекции в голове остается такое ясное представление о всем прочитанном, что стоит только употребить небольшое внимание, чтобы после быть в состоянии повторить весь ряд мыслей. Так ясно, диалектически последовательно изложение Юркевича. Признаюсь, я не ждал этого, судя о Юркевиче по его статье, перепечатанной в «Русск[ом] вестн[ике]» из киевского издания, статье, подавшей повод к курьезной полемике в «Современнике». Не читал ли отзыв о ней Чернышевского в «Современнике»?* Я постараюсь по возможности, насколько могу т. е., [изложить] содержание этих двух лекций, приводя иногда самые слова Юркевича, оставшиеся у меня в памяти. О его взгляде на философию вообще — после.

Дело идет о характере главных направлений философских, которые коротко передал Юркевич как введение в историю философии. Он начал с идеализма. Слушай же и извини, где не сумею ясно представить мысль Юркевича: это уж относи прямо ко мне. Попытаю себя в философском изложении с чужих слов.

При взгляде на каждый предмет у нас рождается вопрос: от чего он произошел, какие его свойства? Т. е. самый простой анализ вещей, подлежащих нашему чувству, приводит нас к вопросу¹ об их причинности и свойствах. Но свойства вещей постоянно изменяются (для объяснения философ[ских] направлений я обращаюсь только к последнему вопросу о свойствах, потому что он связан теснее с ними, и оставляю в стороне первый вопрос: так сделал Юрк[евич]). Ни одной вещи не можем мы приписать какого-нибудь постоянного, несокрушимого качества. Вода делается паром, пар сгущается в облако, облако разрешается водой и т. д. То же и во внутреннем мире духа человеческого. Воображение строит образы, но рассудок разбивает их; чувства враждуют также с холодным рассудком, рассудок с тем, что мы называем совестью. По-видимому, нет единства и здесь, как и во внешнем мире нет постоянства, общности. Но при такой изменчивости мы не можем мыслить о предметах и их свойствах. Как подчинить размышлению эти непрерывные изменения вещей? Как помирить с разумом, требующим единства, эти противоречия вещей? Где найти точку опоры? Вещь постоянно меняет свои качества, постоянно делается неверна самой себе. Огонь погас. Но если он погас, то он перестал быть огнем, а если он огонь, то он не погас. Так, подступая с анализом к простым выражениям обыденного смысла, мы встречаемся с вопросами, составляющими первые, начальные задачи философии.

¹ *Над зачеркнутым:* анализу.

На решении этого вопроса об изменении вещей и основывается построение системы идеализма. Простой, обыденный смысл держится на вере в вещи, на непосредственном их восприятии нашими чувствами. Философский анализ мирит или старается примирить те противоречия, которые открываются в вещах мыслящему духу при помощи этого анализа. Как же смотрит на изменение вещей идеализм, как решает он это изменение их свойств, не подпадающее мышлению?

Протагор высказал принцип: «Человек есть мера вещей». Это значит, что вещи существуют только сообразно с нашим впечатлением, с нашим восприятием, а не самостоятельно, не как факт даже! Идя далее, приходим к тому, что самое их бытие создается нашими чувствами; их свойства и развитие существуют только по требованию нашего ощущения, нашего «я», в процессе нашего мышления, что ли, если можно так сказать, нашего ощущения. Следов[ательно], бытие вещей само по себе призрак, создание нашего «я». Эти вещи нужны для нашей внутренней жизни, и мы создаем их. Такого крайнего развития достигло это идеальное направление у Фихте. Протагор, говоря, что человек есть мера вещей, решал изменение вещей тем, что эти изменения, все свойства вещей суть результат развития нашего внутреннего впечатления. Вещь существует так, как воспринимает ее наше ощущение; ее свойства не в ней самой, а в нашем ощущении. От изменения нашего ощущения зависит изменение вещей. Фихте пошел дальше, отрицая самую сущность вещей и делая их созданием наших чувств. Так решен вопрос этими двумя идеалистами. Все существует только по отношению к нашему «я». Это идеализм «субъективный», поставляющий центром и точкой исхода всех вещей наше внутреннее «я».

Но с той же логикой, какой пользуется этот идеализм в отношении к вещам, можно подступить и к этому центру и этой точке исхода всех вещей, к этому внутреннему «я». Почему же наше внутреннее восприятие несомненный факт? Почему не сказать, что и наше внутреннее ощущение, создающее вещи, есть такое же призрачное «ничто», как и создаваемые им вещи? Почему только наше ощущение есть несомненная мера, надежный критерий бытия вещей, а не принадлежит к разряду этих же явлений, которые оно создает так произвольно? Но тогда что же будет точкой исхода нашего ощущения? Каким еще началом будет обуславливаться бытие нашего ощущения? Очевидно, мы приходим к полнейшему нигилизму. Да кроме того, вследствие чего именно является у нас нужда создавать в своем впечатлении те или другие вещи? Откуда мы получаем толчок к этому?

Но есть еще идеализм предметный, объективный. Этот идеализм предоставляет вещам бытие, независимое от нашего ощущения, но делает его чисто формальным. Вещь существует, но не сама по себе и для себя, — не «an und für sich» по немецкому вы-

ражению, а подчиняется другому, собственно, внешнему¹, пожалуй, началу, идее, для которой вещь служит только формой, выражением. Вещь изменяется, становится другой, эта другая вещь опять становится другой, и так *ad infinitum*², до бесконечности, и все это бесконечное изменение, развитие вещи, вся эта ее история заканчивается одним положительным результатом — полным выражением лежащей в ней идеи. Следов[ательно], все изменения, все развитие вещи есть не что иное, как форма, в которой идет развитие идеи. Таков взгляд на вещи и их изменение у Платона и Аристотеля, также смотрят на это Шеллинг и Гегель. Аристотель высказывает мысль, что все держится на мысли; следоват[ельно], эту мысль он делает исходом всего существующего; следоват[ельно], повторю, все постигаемое нашими чувствами есть только внешнее, невольное, необходимое выражение лежащей в основе всего мысли.

Таково воззрение идеализма предметного. Сквозь все вещи он смотрит, как сквозь прозрачные формы, на лежащую в них идею. Вещь развивается не для себя и не сама по себе, а по требованию и мере развития этой идеи.

«Этот идеализм, — говорит Юркевич, — особенно рекомендует себя тем, что лучше всех истолковывает, осмысляет историю человечества. Для него все явления жизни человеческой не случайные, слепые, досадные явления, ни к чему не направленные и не из разумных начал выходящие, а необходимые, логические выражения жизни духа человеческого». Все существующее действительно и разумно, говорит Гегель.

Больше Юркевич не сказал ничего об этой заслуге идеализма. Но здесь я остановлюсь немного, чтобы сделать одно замечание. По словам Юркевича выходит, что ничего лучше и быть не может для истории, как толкование по идеализму судеб человеческих, потому что лучшего, по-видимому, нет. Чего же больше? Все явления осмысляются, в исторических событиях можно найти смысл, можно верить вечно присущему истории человеческому духу, который ведет человечество такой умной дорогой и уж, вероятно, к не менее умной цели. Остается сложить руки, или, если это уж слишком по-магометански, делать свое дело, несмотря ни на что и все предоставляя разумному началу, движущему историй. Прогресс несомненен, разумный принцип не может привести к глупой цели. Не правда ли, как легко и как блестяще? Но под этой наружностью, так заманчивой и блестящей, лежит мертвящая доктрина. Возьмем самого Гегеля. Как он объяснил историю? Он скомкал и по-своему начертил программу для прошедшего и заставил его выстроиться и идти по этой программе. Он

¹ Т. е. не то, чтобы внешнему, а не связанному с ними органически, просто влитому в том смысле, как неорганически связан с формой металл, который в нее влит. (*Примечание Ключевского.*)

² без конца (*лат.*).

мало обращал внимания на порядок фактов, переставлял хронологические цифры по-своему, у него буддизм является прежде брамаизма и под.¹, он, словом захотел вытянуть историю в ровную философскую струнку. И действительно, история вышла у него такая умная, как будто ее двигали гении человечества по умному, наперед составленному плану, — такая ровная, нигде иголки не подобьешь, как говорят. Но это только потому, что проницательный философ ловко сумел заткнуть все малейшие дырочки в истории своими толкованиями. На основании такого идеалистического толкования возникла целая школа историческая. Для этой школы все бывшее и существующее вытекало из естественных причин и условий, следов[ательно] неизбежно, след[овательно], так тому и быть надлежало или надлежит. Но, во-перв[ых], ведь это пахнет магометанским фатализмом; когда все необходимо и разумно, что было и есть, все вышло из прямых причин естественным образом, то дух человеческий не может; следоват[ельно], восстать против чего-нибудь положительно вредного в истории, потому что оно было неизбежно и разумно; следовательно, у духа отнимается инициатива действия, и он должен подчиниться неизбежному ходу исторических причин и условий. Ведь уж машина истории заведена; следова[тельно], нельзя изменить ничего, что она сработает, потому что так необходимо при ее действии. И что это за фатум такой — этот неизбежный ход исторических причин и условий? При таком воззрении со всем нужно мириться, все оправдывать и ни против чего не действовать. Соловьев оправдывает же и даже защищает московскую централизацию с ее беспардонным деспотизмом и самодурством. Предоставляю тебе додумать остальное. Я хотел только заметить тебе, что принцип исторической необходимости, основывающийся на положении Гегеля «все действительно и разумно», положении, стоя на котором, так легко спрашивать со всем в мире, — что этот принцип вовсе не лучше мертвящего фатализма, потому что равно обезоруживает свободную деятельность во имя каких-то неисповедимых и неотвратимых путей истории. Это положение и было одной из главных причин, заставивших так скоро стащить на кладбище гегелевскую систему. Но Юркевич, может, потому не занялся более подробным рассмотрением этой стороны, что еще будет время при самом изложении истории идеализма. Во всяком случае, я не думаю, чтобы он стоял за этот принцип Гегеля.

Итак, в основе всего лежит идея. Вещь — только форма ее. Изменение вещи — неизбежный и постоянный закон, налагаемый на нее жизнью и условиями развития идеи. Так решается вопрос об изменении вещей у идеализма.

Совсем иначе смотрит на дело реализм. Для него вещь прежде всего вещь и больше ничего. А есть а, нечто (т. е. вещь) не может

¹ Так в рукописи.

быть другим, не тем, что оно есть. Следов [ательно], за каждой вещью он признает самостоятельное значение и постоянное, несокрушимое качество. Существовая не для какой-нибудь идеи, а для себя, вещь всегда сохраняет свое качество, без которого она перестает быть собой самой. Но как же объясняет реализм изменения, постоянно замечаемые в вещах. А очень просто. Представь, что весь мир существует из 10 простых вещей, А, В, С и т. д. Все вещи, подлежащие чувству, сложны. Положим, что А в соединении с В производит в нас впечатление света, в соединении с С — ощущение тепла, с F — электричества. Так[им] обр[азом], А в различных соединениях производит различные впечатления. Но следует ли из того, что оно меняется в своем основном качестве? Нет, оно только видоизменяется от различных соединений, нагревая вещь в соединении с С, электризуя ее с F¹ и т. д. Мы ощущаем только сложное действие различных элементов, различных агентов, производящих в нас то или другое ощущение, а основное свойство каждого элемента, каждого агента не дается нашему ощущению, так как эти элементы существуют только сложными. Очевидно, дело склоняется к атомам с их постоянными, несокрушимыми свойствами. Что же такое изменение вещи? А это не что иное, как следствие различных комбинаций элементов, основных атомов, это кучка, которая составила из соединения² основных частей. Если вещь изменяется, значит, в ее состав вошли другие ингредиенты, начала, основные атомы, как угодно назови их, или же те же самые атомы расположены различно, но их свойства все-таки остаются неизменны. Вода переходит в лед, потому что иначе располагаются составные ее элементы. Стало быть, если изменения суть только комбинации вещей и их свойства не изменяются, а только не даются нашему опыту, то все развитие вещей есть вариировка одних и тех же элементов, а не выражение какого-то прогрессивного движения идеи; значит, во всех изменениях нет никакого высшего начала, которому они служили бы выражением, воплощением. Так и смотрит реализм на это дело. Представитель его в новейшее время есть Герbart.

Борьба этих двух направлений — реализма, который прежде всего видит в вещах то, что они есть, и идеализма, для которого вещи только форм³... совершенно друг³... проходит по всей истории философии, след[овательно], по всему развитию духа человеческого. «Не было ни одной образованной эпохи, — говорит Юркевич, — в которой мы не нашли бы рядом представителей того и другого. Уже в самом начале развития греческой философии выступают Гераклит и элеатическая школа с этими двумя противоположными направлениями; в наше время наравне с Гегелем и

¹ В рукописи ошибочно: В.

² Далее зачеркнуто: соединения.

³ Далее текст рукописи поврежден на сгибе.

Шеллингом стоит Гербарт. Это оттого, что оба направления имеют важное практическое значение; их влияние не ограничивается наукой, но проходит и в ежедневный порядок вещей и сообщает жизни особенный строй. Много практических вопросов решаются так или иначе, смотря по началу, из которого выводят их решения; реализм решает не так, как идеализм, и обратно. Ныне всякий непременно должен стать на ту или другую сторону. Самые обыкновенные, житейские, государственные и общественные вопросы, решаясь с точки зрения того или другого, разделяют общество, каждого его члена от другого. Если бы, — говорит Юркевич, — собрать всех ученых в одну республику, конечно, это была бы самая бурная, беспокойная республика, — то каждый, к какой бы специальности он ни принадлежал, непременно заявил бы себя в пользу или реализма, или идеализма».

Так возьмем взгляд того и другого на государство. Для идеалиста государство — норма жизни, блага народного, неизбежное и единственно разумное условие жизни человечества, потому что так сложилась история, что составилось государство. Видя во всем высший смысл, высшее начало, идею, идеализм и в государстве видит форму, необходимую для высшего развития человечества и соответствующую с идеей человека. Если идеализм говорит об улучшении, о преобразовании государства, то для него важнее всего не настоящая потребность, а условие истории. Он спрашивает прежде всего, на какой ступени развития стоит в настоящую минуту народ или общество, чтобы вывести из этого соответствующее с условиями и требованиями истории преобразование. Настоящие нужды принимаются в расчет уже после. Очевидно, он дорожит правильным ходом истории и боится нарушить этот ход произвольным шагом вперед. Оттого идеализм так отзывается консервативным духом. Не так смотрит на государство реализм. В чем идеализм видит высшее начало, там реализм находит простое явление. То же и в государстве. Интересы каждого лица приходят в столкновение с интересами другого; является борьба эгоизма, разделяющая людей. Для ограничения этой борьбы выдумали, изобрели государство, где люди, соединяясь, уславливаются друг с другом не вредить своим эгоизмом друг другу. Следов[ательно], государство также придумано для облегчения отношений, как письменность и книгопечатание для облегчения¹ ... а не логически неизбежное следствие высшего развития духа человеческого. Преобразование то хорошо, которое соответственно с современными нуждами общества. Если эти нужды идут наперекор истории, не стоит останавливаться пред этим. Отчего не разорвать связи с прошедшим, когда это нужно? Государство вовсе поэтому не форма, соответствующая и необходимая по идее человека, а сделка лиц между собою. Условия изменились, отчего не изменить и этой

¹ Далее текст рукописи поврежден на сгибе.

формы, когда нужно. Реализм не признает высшего начала в развитии государства; не может быть, следов[ательно], и высшей системы политической, руководящейся историческими результатами и условиями. В государстве может быть только благоразумие, политическая практичность, умение удовлетворить настоящим потребностям, которые составляют единственную основу и руководство для его преобразования. Таков взгляд реализма. Каков он по себе, предоставляю оценить тебе.

Этим я ограничусь. Скоро передам тебе характеристику других систем, эмпиризма, рационализма, мистики. Ты напишешь, в каком виде я должен сообщать тебе выслушанное мною. Чувствую, что это письмо у меня вышло не совсем стройным и ясным. Но ты извинишь. Пиши же. Парадизову и Разумову, и Холмовскому, и всем мое нижайшее.

Твой В. Ключевский.

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 4 февраля.

Гвоздев.

15. П. П. ГВОЗДЕВУ

14 февраля 1862 г.

Москва, 14 февраля 1862.

Порфириус!

За последние слова твоего последнего письма «Прошу извинения за глупейшее заключение» и пр., за эти слова предоставляю тебе самому сделать себе нотацию, да еще какую!

Диалог пойдет, кажется, в дело; по крайней мере, я стараюсь. Кое-что я добавлю, но кроме указанного тобою ничего не изменю. Теперь он еще, впрочем, к печатному станку не подвинулся, и это оттого, что мне навязали перевод длиннейшей и чуждейшей мне статьи из немецкого журнала, которую я дня два только еще кончил. Потом, приотдохнув, двину диалог и дам тебе знать обо всем, как следует.

Отвечаю ли я на твои запросы? Напомни, если о чем смолчал по забывчивости.

Я ждал было от тебя другого письма, да вот уже масляница, а блин еще комом. К Флоринскому после известной тебе проказы не писал еще. Хочет, думаю. Да я его повожу еще за нос.

Сергиевский — писал ли я тебе? — неистовствует еще о сущности христианства. Нечего делать ему! А когда-то ведь я его защищал. Каюсь, да мало ли в чем я теперь каюсь!

Юркевич по-прежнему является с военной и невоенной свитой и по-прежнему его чтения возбуждают интерес; это потому, что он не говорит фраз. Чрезвычайно любопытно, слушая его, оглянуться по сторонам, на эти внимающие лики слушателей. Иной самые глаза выстроил так, что хочет проглотить вместе с лекцией

профессора. Другой так себе, будто говорит: «Гм! Мы это знаем, нас не проведешь, нам это знакомо, а, впрочем, что же не послушать». А третий и глаз выстроить не умеет и равнодушным прикинуться сил нет; хочет быть тоже будто так себе, а чего — видно, как у него лоб воротит, а ничего нейдет. Знаю я одного товарища, знатока латинского языка и вообще любителя классической древности. Как взглянешь на его узкий лоб и на эти, с каким-то усилением поднимающиеся из-под очков, глаза, так и хочется сказать: «Эх, малый!» Без ума от классиков: на днях сел за Цицерона, за его «*Tusculanae disputationes*» и сейчас же бежит (он стоит в соседн[ей] комнате с нашей): «Ах, что за философская голова у Цицерона!» Вот уж признаюсь, что ни поп, то батька. И, благоговей перед компиляторской философией à la Сісего¹, эта голова (т. е. сего господина любителя), кажется, от роду не осенялась присутствием с в о е й мысли. Ни разу не сказал еще он ни одного дельного слова о Юркевиче и его лекциях, не побранил даже, а ведь горяч как — беда! Сочувствуем-де... Не советую быть таким любителем классиков!

Но я, кажется, вдался в физиологию, так сказать, своих товарищей. Ты, пожалуй, подумаешь: «Вот-де гусь-то, своих же однокорытников похабит. Честно ли это?» Честно ли, нечестно ли, а описанная особа — тип студенческого кружка и, признаюсь, не веселый тип. Да будет..., ну его! Везде много таких.

Ты, пожалуй, спросишь, к какому же разряду внимающих я принадлежу — к выстраивающим ли глаза во фронт, или свысока небрежно вззирающим, или туполобым любителям классиков, как описанный. «Бог ё знает», — как сказал бы мужик. Но по снисходительности ты, конечно, не отнесешь к последнему. Я только потому заговорил об этом, что действительно любопытно, слушая Юркевича, посмотреть вокруг. Славные лбы можно встретить, м н о г о о б е щ а ю щ и е, не одни классические с трудно поднимающимися очами.

Да! Парадизов на меня за что-то сердит, это очевидно; не пишет. Ефим — то же. Что с ними будешь делать?

Как тебе показалась моя реляция о чтениях Юркевича? Вот, чай, поломал ты голову, распутывая эту путаницу! Что ни говори, а написал я скверно. Не удастся ли получше теперь? Посмотрим. Начну.

Я тебе должен бы еще передать характеристику некоторых систем философских, напр[имер], эмпиризма, мистики, рационализма. Да это при случае. Теперь к самой истории философии. Не знаю, для чего Юркевич почти две лекции посвятил только тому, чтобы доказать, что к изучению истории философии мы не можем приступать с каким-нибудь готовым взглядом, что это ничему не поможет, если не помешает еще правильному пониманию дела.

¹ на манер Цицерона (*фр.*).

Кто же сомневался в этом, да и не в одной истории философии, а и во всякой вообще науке? Здесь он кстати изложил взгляд Гегеля на ход истории философии и вообще человечества. С основным положением этого взгляда мы уже знакомы с тобой: все существующее или существовавшее разумно, т. е. происходит от логических причин, не случайно, а необходимо. Все исторические явления, по Гегелю, не простые, случайные явления, а необходимо обуславливаются предшествующим развитием. Так и в истории философии каждое движение, каждая новая система логически вытекала из прежнего состояния философии и не зависела от каких-нибудь случайных, посторонних причин, посторонних, т. е. для философии; следовательно, для Гегеля не может быть и речи о так называемых исторических случайностях. Но, очевидно, такой взгляд нельзя провести чрез всю историю и приложить к каждому явлению. В иных случаях действительно историческое развитие философии правильно следует закону постепенности; следующая система берет другую сторону предмета, чем прежняя; следов[ательно], восполняет ее, развивает, следов[ательно], логически выходит из прежней. Но иногда то или другое направление философии зависит не исключительно от прежнего состояния ее, а от причин, для нее сторонних, случайных, которые могли быть и не быть, напр[имер], от политических переворотов, от настроения общества на какой-нибудь лад, вынужденный историческими обстоятельствами, как во времена Канта, в конце прошлого и начале настоящего века, была мания на мораль. Все эти условия проистекают из обстоятельств «дорогих для человечества, может быть, но посторонних собственно для философии». Ведь человечество живет не для одной только философии как науки; у него есть другие нужды и потребности, не столь высокие, но не менее законные и неизбывные. Следов[ательно], развитие философии, какое хочет навязать ее истории Гегель, могло быть только тогда, если бы в истории человечества была одна высшая цель — философия; но этого не могло и не может быть. Это первая мысль Гегеля; ее можно вложить в такую формулу определения истории философии: история философии есть развитие, вечное движение духа человеческого, который развивается притом с а м и з с е б я, т. е. помимо посторонних обстоятельств.

Далее, Гегель проводит в истории ф[илософии] ту мысль, что каждая система соединяет в себе все формы и начала предшествовавших систем и, кроме того, составляет еще высшую ступень развития духа, непременно высшую, т. е. развитие совершается в неизменном порядке возрастающей прогрессии. Но этот взгляд может оправдаться в приложении только к цветущей поре философии, напр[имер], в Греции во времена Сократа, Платона, Аристотеля. Действительно, учение двух последних строго соединило в себе формы и начала общего корня — Сократа и, кроме того, повело дальше его развитие. Но по связи этой мысли с прежней и

это не всегда оправдывается. Философия не всегда следует такому правильному развитию. Вся схоластика средних веков была разве продолжением греческой философии, а не полнейшим упадком всякой философской мысли?

Таким образом, взгляд Гегеля на историю философии формулируется так: «Художник работы тысячелетий есть живой мыслящий дух человека, постоянно и правильно развивающийся сам из себя. Дело его состоит в том, чтобы привести в сознание то, что он есть. Каждая система есть ступень той бесконечной лестницы, по которой он восходит до этого самосознания». Вся историческая работа — дело духа человеческого и его самосознания. Поэтому философия есть мысль о мире, поскольку он завершен, т. е. насколько он развился до настоящего момента. Следов[ательно], история философии имеет предметом проследить процесс образования мира, как и развития духа, входящего деятелем в этот процесс. Мыслимо только прошедшее и настоящее, что выработано историей, а то, что будет, должно быть, философия не может определить. Живой мыслящий дух в своем восхождении к самосознанию не может зайти вперед и предсказать будущее развитие мира: там он еще не действовал и потому это лежит вне его сознания. Кант добавляет, что философия есть мысль и о том, что должно быть. Но Гегель предоставляет будущее развитие неизменному действию законов развития и не берется судить о нем.

Последователи его вели дальше это воззрение. Если Гегель предоставлял духу человеческому деятельное участие в развитии и ходе истории, то один из его последователей (Эрдман) отнял эту деятельность, предоставляя ему только наблюдение. По его взгляду, вся история человечества идет двумя руслами: одним идет свободное развитие человечества, другим — его понимание. След[овательно], история этого развития есть история собственно человечества, а уяснение, сознание этого развития есть история философии. Гегель ограничивал философию только тем состоянием, той ступенью, которой достиг мир в настоящий момент, и не пускал ее дальше; Эрдман признает за философией или за мыслящим духом только пассивную роль и не дает ему деятельного участия в жизни. Мыслящий дух или философский — не деятельный, творящий элемент в жизни, а только страдательный наблюдатель совершающегося, так как он дает только понимание существующего, не имея силы дать ему направление. Мишле говорит, что философия (я называю здесь то философия, то мыслящий дух — понимаешь — в каком значении: всякий думает умом, но не всякий философствует) не дает новых определений для жизни; ее обязанность — сознать разумность существующего. Как будто жизнь идет так, что днем действуют, а в сумерки отдают себе отчет в сделанном. Вследствие этого философия своим пониманием относится только к прошедшему, обдумывает его после самого процесса развития. И тот и другой последователь делят историю че-

ловечества на две струи, из которых одной течет самая жизнь, а другой — у первого одновременно идущей, а у второго немного отстающей — идет мысль над этой жизнью, анализ, рефлексия. Из всего этого выходит то, что философия имеет только теоретический интерес; она — спокойное, пассивное понимание существующего, которому она не может дать направления, тона и не входит в историю как деятельная сила.

На чем основываются эти взгляды? Основания эти ведутся так: народ начинает свою историческую жизнь не мыслью о том, как жить, в каком направлении вести свое развитие, след[овательно], начинает не философией; его цивилизация прежде всего обуславливается географическими, этнографическими и прочими причинами или деятелями, обстановкой народа. Философия является у него уже после, когда он совершит значительный акт развития, достигнет известной степени образования и степени значительной, след[овательно], как бы уже под вечер, как бы уже для того, чтобы на отдыхе и досуге от прежних работ взглянуть на пройденную дорогу, свести счеты с прожитым, осмыслить его и собраться с мыслями и силами для дальнейшего хода. Но это прожитое, пройденное, стало быть, прожито и пройдено под влиянием других деятелей, не философии. И дальнейший ход вовсе не определяется явившейся под вечер философией; на завтра, на утро жизнь опять начнется под влиянием прежних деятелей, и опять не философии. Но такой взгляд может опереться только на некоторые факты. Приведу от себя в пример нашу историю. Мы прожили 1000 лет. Выработали ли мы что-нибудь, нажили ли хоть сколько-нибудь своего добра, это вопрос другой, но только очевидно мы жили, действовали, не спали же, а вечер еще далеко от нас, и долго не настанет, может, время свести полные и ясные счеты с своим прошлым; следов[ательно], философия у нас не действовала, потому что ее нет на Руси и доселе, т.е. нашей, нами добытой философии. Но Россия не пример для всех и не общее правило. И нельзя отказать в деятельной силе философии по отношению к жизни, к истории народа и человечества. Конечно, жить можно и без философии; мы жили же тысячу лет; но где есть она, выработалась, там она не может остаться без влияния на дальнейшую судьбу народа и человечества. Довольно указать на два примера. Сократа осудили за его учение: следов[ательно], боялись не одного только теоретического влияния его философии. В XVIII веке энциклопедисты, Руссо и проч[ие], были одними из главных деятелей, произведших революцию.

Таким обр[азом], по взгляду Гегеля: 1) Все философские системы следуют одна за другой постепенно по закону необходимости; каждая есть логический вывод из предшествующей; этот логический вывод может быть или продолжением прежнего, или ему противоположным явлением: в том и другом логика не нарушается. За развитием, напр[имер], идеализма может следовать раз-

витие реализма, и это будет логично; далее, за реализмом прогрессивно может явиться материализм, как это видим мы в наше время, — за Гегелем идет Герbart, за Герbartом Бюхнер. 2) Каждая система принимает в себя все начала и результаты прежних и ведет их дальше, представляя в ы с ш у ю ступень философского развития. Очевидно, эта вторая мысль стоит в тесной внутренней связи с первой: она — оправдание первой мысли; логическое развитие философских систем нарушилось бы, если бы следующая система, отвергнув результаты прежней, начинала сызнова. Наконец, у последователей Г[егеля] философия есть только безучастная зрительница и толковательница того, что совершается перед ее глазами под влиянием иных деятелей. Наблюдая жизнь, философия меж тем своим порядком развивается помимо всех временных и случайных причин и условий, идет своей незаграждаемой интересами дня дорогой, руководясь вечно неизменными, родными ее сущности логическими законами. Такова, кажется, мысль Гегеля и его школы.

Но мы видим, что не всегда философия идет так независимо от вопросов дня, от нужд ежедневной жизни. Она подчиняется обстановке истории, агентам, чуждым собственно ей, но важным для жизни; следов[ательно], не всегда повинуется строго логическим законам, часто зависит от сторонних для нее, след[ова]тельно, более и менее случайных обстоятельств. Время не всегда предано исключительно интересам науки, не всегда ставит философию высшей и конечной целью истории. Часто и философия подчиняется чуждым для нее интересам и условиям общественным, нравственным, религиозным и т. д. Этим определяется и прогресс философии. История человечества постоянно идет и развивается в своих формах. Но таков ли этот прогресс, что следующее непременно лучше прежнего? Кажется, ответить утвердительно нельзя за всякое время и без оговорок ¹. Если бы философия была исключительной целью исторических работ человечества, то в ней было бы постоянное движение вперед; но она только маленькая частичка в общем развитии человечества. Так, повторю, нужно знать, чем заинтересована известная эпоха, историей ли философии или вообще историей человечества, в которой история философии составляет только струю в потоке.

Такими мыслями и доводами привел нас Юркевич к тому выводу, что нельзя полагаться на какой-нибудь общий взгляд на историю философии и с ним приступать к изучению ее. Развитие философии слишком разнообразно, как и всякой другой стороны жизни человечества, чтобы подвести его под мерку какой-нибудь строго определенной и более или менее узкой системы, теории или мысли.

¹ Прогресс, кажется мне, совсем не то. Извляни это рассуждение о п р о г р е с с е, таком избитом слове. (Примечание Ключевского.)

В следующем письме я передам тебе начало самой истории философии, т. е. характеристику первых греческих школ: понийской, элейской, пифагорейской. Ну, удалось ли на этот раз? Едва ли.

Чтобы не обременять почты, я нарочно избрал такую оригинальную бумагу *. На ней можно сколько угодно переслать, хоть целую книгу, за одну марку. Досталось, чай, тебе разбирать слова на этой бумаге!

Пиши о наших, что знаешь. Я живу так себе, по-прежнему. Могу сказать вполне о себе, что Пушкин сказал о телеге жизни:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка *.

Жми руку всем прежним с о с л у ж и в ц а м.

В. Ключевский.

В. В. Холмовский — что не пишет? Батюшки мои!

Рукou П. П. Гвоздева: Получено 27 февраля.

П о р ф и р и й Г в о з д е в .

16. П. П. ГВОЗДЕВУ

17 марта 1862 г.

Москва, 17 марта 1862.

Порфирие!

Какое впечатление произвело на меня твое письмо, в каком ты спорил со мною, спрашиваешь ты (оно получено). Да какое? Отвечать хорошенько я на это не могу: не комплимент же сказать тебе. Ты сказал в нем свой взгляд, основанный на положениях, из которых с некоторыми я согласен, а с некоторыми — нет. Но я теперь не буду оспаривать тебя. Но ты, вероятно, лжешь, говоря, что писал его не столько потому, что был убежден в этом взгляде, сколько потому, что надо было что-нибудь написать. Относительно же «нотации» мы, вероятно, друг друга не переспорим. Флоринский не писал еще, и я тоже, и чувствую, что делаю скверность, да как-то времени не нахожу, да и о чем писать, еще не надумал. Ты вызываешь на объяснение о Сергиевском. Да что же — буду говорить о нем, чтобы доказать, что он нас на кафедре надувает, морочит, как баб деревенских коробейник, выкладывает им свои гнилые, но подкрашенные новейшей краской товары и говорит, что первый сорт, самоновейший. Сергиевский — лирик, двух слов не скажет, чтобы не высказать «чувства»; его место на церковной кафедре перед публикой, немного образованной и требующей от проповедника сладкого, праздного щекотания ушей «свободномыслящим» словом. И он так привык (его любят в Москве) к этой церковной кафедре, что и перед студентами он

является не профессором богословия, а оратором à la Массильон. Суди сам, в прошлой лекции он минут 45 говорил сильно, с жестикуляциями, разумеется, приличными, выразительно — и все о чем же? О том, как бог возлюбил человека и послал им сына своего единородного, и нового ничего не сказал, да и не ждал никто, по надобности эта приторная, бабья, не приличная на кафедре толкования. Ты хвалишь его журнал *, и я согласен с тобой: журнал хороший, кажется, и во всяком случае нужный. Но ведь я сужу только по лекциям его, а в журнале своем он, кажется, ничего не пишет. Он не сух и мертв, как пишешь ты; он мягок, как намоченное шелковое платье барыни, и жив, как эта барыня подчас. Но что тяжело видеть и слышать это — я согласен с тобой. Не переварилось, значит, направление, взятое со стороны, напрокат, из немецкого магазина, и вот теперь разрешается поносом ненужных слов — извини за циничность выражения.

А славную пулю отлил кто-то в «Искре»! Bravo! Если бы времени побольше, мы бы не отстали с тобой. Да подожди. Пар[адизов], Разу[мов], Холм[овский] не писали. А в Пензу я не знаю, приеду ли; во всяком случае, не раньше половины июня. Засел, значит, в Москве, как прежде в Пензе.

Вот тебе и еще факты из деятельности нашей иерархии клирической. Не видал ли ты в сент[ябрьских] «От[ечественных] з[аписках]» статью Буслаева о лубочных изданиях *? Там стоит: «статья первая». Вторая не допущена духовной цензурой: религия-де страдает. Я видел у Буслаева эту отверженную статью с красными пометками. Ну, и «завязывал» же он их святействам.

Для университетов вышли неофициально новые правила и обсуждаются советами университетов *. Бусл[аев] уверяет, что они не пройдут. Представь, карцер! А? Профессора восстали на правило, запрещающее студентам выражать знаки одобрения или порицания профессорам, т. е. свист и аплодисменты. Плата со студентов падает окончательно.

Что же о Юркевиче? Его лекции литографируются, но дурно составлены. Они будут в Пензе у Марш[ева]. Давай говорить о философии греков! Ну, прочитал он до Сократа и теперь о нем будет говорить. Я передам кратко содержание его лекций до Сократа, что запомню. Начал он с ионийской школы. Ионийские колонии, знаешь — на берегу Малой Азии, опередили европейских греков в просвещении, и там вместе с эпопеей Гомера и «Историей» Геродота возникли первые начала философии. Юркевич, впрочем, вовсе не говорит ничего, почему здесь возникла прежде философия. Вообще он ведет свою историю особняком как-то от остальной общественной жизни греков, а ведь связь-то неразрывная. Ионийская школа: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен — решали вопрос о натуре вещей. От чего вещь произошла, из чего состоит она? Фалес полагал коренным началом всего существующего воду, другой — воздух (Анаксимен), третий — огонь *. Элейская школа: Зенон, Ксено-

фан, Парменид—развивала идею единства мира, идею, что кажущееся разнообразие вещей и их изменение только существует в опыте, но не в самой природе вещей. Зенон показывал здесь, как ошибается ежедневный опыт в своих определениях; он основал диалектику, науку указывать противоречия ежедневного опыта или обыкновенного смысла. Обыкновенные понятия о пространстве, времени, множественности он подверг анализу и указал в них нелогичность. Здесь Юркевич много говорил об атомисте Демокрите, материалисте. Ты уже знаешь учение атомистов, как эти атомы по «случаю» соединились и образовали мир. Подробности — не теперь. Наконец, пифагорейская школа в основе вещей как главное, существенное их качество полагала¹ число. Все имеет число, составлено из единиц. Эта строгая математическая школа проповедовала строго нравственное учение о человеке, о добродетели и мудрости. Хоть собственно из этого ничего нельзя понять ясно, но я не буду распространяться. Когда-ниб[удь], при случае поговорим еще. Этим я хотел только показать тебе, как много прочитано до философии Сократа и софистов, с которыми он боролся.

Около этого времени в Греции развивался взгляд практически философский на жизнь. С одной стороны, философы учили о благе, которое они думали найти в отсутствии неприятного — Эпикур, или же в наслаждении положительно — Аристипп. Платон, развивая этот взгляд, старался определить идею блага и из нее вынести понятие практического блага, счастья.

Пока оставляю развитие этого учения о благе, а равно и взгляды софистов и противоположные им взгляды Платона и Аристотеля на общественно-политическую жизнь. Это после, может быть. Теперь об учении софистов, о мышлении и о возражениях против них Сократа.

До софистов философия изучала вещи, их изменения. Зенон, напр[имер], показывал, как логическое мышление расходится с теми понятиями, которые мы составляем по непосредственному опыту. Теперь нужно было решить задачу, что такое само мышление, что познание, какое его значение? Софисты решали вопрос так: человек есть мера всех вещей, что истина может измеряться взглядом каждого. След[овательно], общей истины, в которой сходились бы все личные, неделимые взгляды, не может быть. Для каждого истина то, что он считает истиной, и потому сколько голов, столько и истинных взглядов, хоть бы они взаимно себя уничтожали: что ни мужик, то вера, что ни баба, то толк, как выражался, кажется, один из наших иерархов, ростовский, что ли*, о раскольниках (или другой кто — черт его знает)². Что же

¹ Далее зачеркнуто: в.

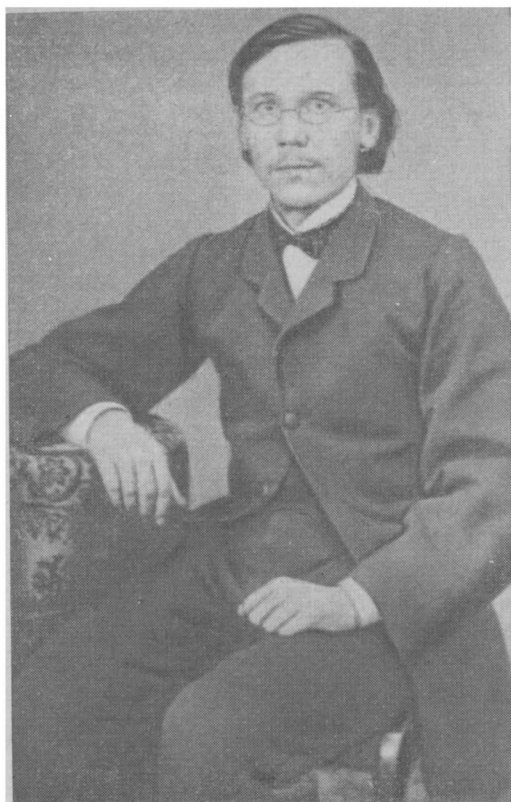
² Это, конечно, мне принадлежит; Юркевич этого не говорил. Видишь, я пишу не одно то, что слышал. (Примечание Ключевского.)

привело к таким понятиям об истине? На каких основаниях со-
здался этот взгляд?

Мы получаем знание от впечатлений; красный цвет мы видим в вещах, потому что он такое впечатление производит на наш глаз. Другая вещь производит впечатление голубого цвета. Прежнее впечатление изгладилось, вытеснилось новым, а с ним и знание. Так в постоянной смене впечатлений сменяются и наши познания. Наше знание, так[им] обр[азом], постоянно изменяется, течет. Вот положение софистов, из которого они выводят законность взгляда каждого. По мне это красно, а по тебе бело; но у меня такое впечатление еще в голове держится, а у тебя другое уже вошло. Но ведь мы оба правы и говорим то, что говорят наши чувства. Сократ дал залп по такому взгляду, сказав, что мы имеем изменчивое, непостоянное знание, но что вместе мы знаем и об этом непостоянстве, что у нас есть еще знание и об этом изменчивом знании; стало, мы его можем контролировать.

Сказав, что наши впечатления и знания приходят и уходят, софисты останавливаются на том, что наши знания чисто личные, субъективные, как кто чувствует по опыту, а потому общей истины быть не может, потому что нельзя чувствовать одинаково. Ты с холоду вошел в комнату и тебе в ней тепло, но можешь ли сказать вообще, что в ней тепло; а я слез с жаркой печи и чувствую, что мне в этой же комнате холодно, но и я не могу также сказать, что в ней вообще холодно. Значит, каждый по себе мерит истину, каждый — мера вещей. Отсюда естественно то заключение, что ложных мнений нет, а есть только несходные между собою мнения. Ты говоришь: это — чиж, а я: это — стриж; мы оба говорим правду, потому что нам кажется так, ощущение глаза таково. След[овательно], могут существовать два противоположных взгляда, и оба они истинны. Вот другое положение софистов. Теперь смотри же, как просто и естественно поддел их Сократ. Если, говорит он, два совершенно противоположные взгляда истинны, то истинно и третье, считающее оба эти взгляда ложными; след[овательно], истинно и то, что два противоположные взгляда ложны. Ты говоришь — чиж, я — стриж; мы правы; третий говорит — ни чиж, ни стриж; след[овательно], истинно и то, что мы врем. Ведь таков взгляд третьего.

Далее, все наши понятия и впечатления подходят под те или другие высшие представления, общие категории. Все тела подходят под понятие тяжести, а металлы подходят под понятие тел; стало, и металлы подходят под понятие тяжести. Так. Это отношение силлогизма установлено Аристотелем. Но у софистов одно понятие подходит разом под несколько разнородных категорий. На этом основании они умели отлично морочить и развили ораторство, красноречие, в чем Юркевич видит заслугу софистов. Дело в том, с какой стороны взглянем на вещь. Путешествие хорошо, потому что делает нас опытнее. Ты развиваешь это так: оно зна-

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.
1861—1865 гг., Москва.

Хранится в ГПИБ.

комит с новыми людьми и землями; обогащает знаниями, наблюдениями, расширяет понятия; а я так: знакомит с новыми удовольствиями, потребностями, что рождает роскошь, опустошение кармана; делает нас опытнее, способнее надувать ближнего. Мы оба опять правы. Стало, все можно доказывать и опровергать в одно и то же время. Школа Сократа в лице Аристотеля установила про[тив]¹ такого взгляда правильное отношение силлогизма: каждое понятие нужно подводить под то высшее понятие, под которое оно подходит целиком, всем своим объемом.

Теперь к третьему взгляду софистов (предшествовавший риторский²... следствие второго). Наши понятия связаны словами. Ты видишь вещь красную, я — зеленую, а тот — белую. Эти

¹ Чтение предположительное, в рукописи коричневое пятно.

² Далее на сгибе стерлось одно слово.

ощущения мы называем цветом. Но цвет не общее понятие, а слово, которым мы с тобой уговорились называть наши ощущения. Общих родовых понятий нет. Это только общее название впечатлений. Сократ спрашивает софиста: что такое красота? Тот отвечает: прекрасная женщина. Он не определяет красоту общими, типическими чертами, так как для него не существует отвлеченного общего понятия красоты, а есть только в опыте формы, которые он «называет» прекрасными. Так [им] образом], софисты приходят к отрицанию мышления, привязывая его к узкому впечатлению опыта, взаимно уничтожающемуся без общей категории.

Наконец, софисты уничтожают метафизические представления. Вот забавный силлогизм их. Когда мы учим другого, то хотим его сделать умным, но он, значит, еще не умен; стало, мы его хотим сделать не тем, что он есть, стало, хотим его уничтожить. Какова метафизика?

Тот же дух проникает и взгляды софистов на общество, государство. И здесь против них выступает учение Сократовой школы. Но об этом до следующего раза, скорого, добавлю тебе в утешение.

Жаль, что мое прошлое письмо так опоздало и распечаталось. Верно, любопытство заставило наших сделать это нарушение прав собственности. Но ты этого не делай с письмом, которое я прилагаю здесь, а отнеси его поскорее. В нем ничего любопытного. Извини за краткость и пиши скорее. Что Маршевы? Но им не передавай этого вопроса. Зачем? Прощай.

Твой Ключевский.

Р. S. Каковы по тебе «Отцы и дети» Тургенева в втором номере «Русск[ого] вестн[ика]»? Прочти, пожалуйста. Ведь там — мы, наше поколение, самоновейшее, значит.

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 24 марта.

17. П. П. ГВОЗДЕВУ

21 апреля 1862 г.

Москва, 21 апр[еля] 1862.

Порфириус!

Ну что? Пришла ли к вам весна? А к нам пришла: мостовая уж раскаляется, кровь смутно бродит, романтическое тряпье встает на душе. Москва, видимо, просится на дачу — на покой. Старые шутки со всем обаянием начинают действовать, и я чаще насвистываю какую-нибудь песню, хотя не всегда знаю, какую именно. Словом, прочти любое описание весны у Тургенева, и ты поймешь меня; у него, что касается весны, чувства, — все верно, хорошо, щечочет эстетическое чувство, ну, а вот в послед-

нем романе * наврал и не совсем по-детски, как врал порой в прежних сочинениях.

Вот тебе отчет по нашему делу — помнишь, по делу о масле. Последнее твое письмо с столь любезным диспутом твоим с Яшенькой живо заставило меня приняться за дело. Оно кое-что напомнило мне из «недалекого прошлого», для тебя еще, к несчастью, продолжающего быть настоящим (хотя — о штука! — ненадолго уже), и я взял да и переписал твои два письма с диалогами, кое-что подбавил из воспоминаний и составил таким образом «Педагогические сцены», коих две: первая — «Поучение», вторая — «Трагедия с маслом». В первой к твоему последнему диалогу подбавил я небольшую сцену свою с Яшей, оставшуюся у меня в памяти — рассуждение о том, что надо ходить раньше в класс и не надо читать критики в журналах — говорил, кажется, я тебе об этом. Переписав все это с вышеозначенными заглавиями, что составило почтовый большой лист моего письма (стало быть, два обыкновенного письма), отправил его к Миллеру, редактору «Развлечения»*, издающегося в Москве. Но я никогда не знал, что такое «Развлечение», и потому послал «Сцены» невпопад. Миллер сказал мне, что в его журнале помещаются о ч е н ь л е г о в ь к и е, смешные статейки, а «Сцены», где даже есть рассуждение о критике, слишком серьезны для него. «А ну, так убирайся к черту», — подумал я, принимая от него свой лист, и на другой день запечатал его и послал в «Искру», в Питер, значит, приложив письмо следующего содержания:

«Прошу редакцию «Искры» дать прилагаемым «Сценам» место в журнале, если она найдет это удобным. Двое выведенных здесь деятелей просвещения — давние знакомцы «Искры»; это Псих и Урлук *. Прилагаемые сцены не больше, как сколок с того, что говорят эти педагоги и стараются внушить своим воспитанникам. Недавно в семинарии, где они действуют, случилось событие, сильно их взволновавшее: один из учеников зарезался. Испуганные этим, а еще больше слухом, что по этому поводу дано знать в Петербург, Псих и его сотрудники подвергли энергическому порицанию некоторых молодых учителей, говоря, что в смерти несчастного виноваты больше всего вольные идеи, распространяемые этими учителями. Для предохранения от этих идей велено не брать книг в библиотеке»...

И прочее еще кое-что, не помню. Теперь жду и не знаю, как пойдет дело. Скверно, если и «Искра» откажется напечатать под предлогом неудобности. Э, черт их возьми с неудобностью. Посмотрим. Отправил я 19 апр[еля], и вот почему так долго не писал тебе: хотелось з а п р а в и т ь дело, а потом уж известить тебя. Я старался всевозможно замазать, что дело идет в семинарии, но всякому ясно это. Да что за беда? Только если там напечатают, ты приготовься действовать на случай. Прицепят ведь, пожалуй, и х б р а т я: вали тогда все на меня. Вот посмеемся с тобой

в бороды-то, если дело увенчается успехом. Ну, да помолчим пока. Да, ты назван в «Сценах» Протовым, Семен — «Иван Кузьмичом с многоветвистыми бакенбардами», ректор — старичком в шапочке и т. п. ¹ Если же не напечатаются сцены, мы удерем другую какую-нибудь штуку — а то ведь жаль, если эти гомерические подвиги Психа и Урлука с К^о «не будут записаны для потомства на скрижалях истории» и пр.

Теперь я совершенно предан приготовлению к экзамену и потому ничего не делаю, разве иногда сядешь часа на три и переведешь стихов 80 из «Илиады». Да, на что тебе адрес моей квартиры? В университете у нас не прекращается прием писем, хоть и нет лекций, — так пиши в университет по-прежнему, да и нашим, если будет случай, передай и в н у ш и это; а то они тоже, оправдываясь пасхальной вакацией, не пишут ко мне и, след[овательно], считают себя вправе ² молчать, — остроумное ведь заключение?

О Маршевых мало пишешь, — вот беда, а меня ведь это интересует. Понимаешь? Субъекты-то больно уж симпатичные. Не знаю, придется ли нам с тобой свидеться летом, а хорошо бы, черт побери! Мне ужасно хочется повидаться и попить с тобой! Да и со всеми пензенскими н а ш и м и! А ты, разумеется, во главе их. Но если придется п р о з и м о в а т ь все лето в Москве, то я утешусь хоть немного тем, что улизну на дачу подмосковную (понеже дешевле и приятнее) с товарищем одним, болгаром по происхождению. Отличный малый! Черный, чумазый, энтузиаст, не любит фраз — одним словом, сильно смахивает на тебя *. А таких прямых голов, известно тебе, я очень люблю, потому что сам чувствую в своей натуре большой недостаток этой прямоты душевной и бесцеремонности, как тоже известно тебе. Ну, и т[ак] далее — пойдут дела. Если я не [у]лизну в Пензу, постараюсь прислать тебе портрет с своей рожицы, которая, замечу кстати, немного расплылась и потолстела, черт знает с чего — сплю много, вероятно по случаю скорых экзаменов, а другой причины нет: на пасху ни с кем и н т е р е с н о не целовался... Теперь я, братец ты мой, относительно содержания своей физиономии хлопочу о двух статьях: об отрощении и беспрепятственном рощении волос на голове и взлелеянии баков. Впрочем, заботы по этому предмету ограничиваются пока тем, что я редко чешусь и никогда не помажусь и через два иль три дня, если сижу дома, умываюсь. Да, если я останусь в Москве, то буду развлекаться прогулками к Буслаеву и с ним в Синодальную библиотеку — в интересе разбора рукописей старинных наших книжников и фарисеев. Что де-

¹ Да, Ст[епан] В[асильевич] — Василем Степаньичем, Воскресенский — Вознесенским, Абр[ам] Павл[ович] — Андреем Павловичем, я — Замковым и пр. (Примечание Ключевского.)

² Далее зачеркнуто: ничего.

лять? Заинтересовавшись филологией, надо идти к самому делу к приложению филологии, т. е. к изучению словесности старинной и истории языка; иначе незачем было и приниматься за филологические операции. А вещь — ничего, изрядная.

Что тебе еще сказать? О Москве — нечего: весь день на улице — зеванье «Эй, яйца, яйца! Свежи лимоны-ы-ы!» и пр., а вечером тихо все, только в потемках по улицам да бульварам, да тротуарам шмыгают *amicae noctis obscurae*¹. Ты знаешь, что такое московский бульвар? Вещь, стоящая изучения в статистическом и психологическом интересе. Это, братец ты мой, длинная аллея, усаженная деревьями, вроде нашей скверы, только длинная, не круглая, вдоль широкой улицы, посередине, между двумя рядами домов — понимаешь, ведь живо рисую? Такие бульвары огибают всю середину Москвы. Самый знаменитый из них в отношении охоты за шляпками — Тверской, сиречь именно тот, от которого недалеко помещаюсь я. Только я там редко бываю, — утешься и не бойся за меня. Вот как наступит вечер, там музыка около маленького ресторанчика и, братец ты мой, столько прохвостов, что и-и! Здесь царствуют такие патриархальные нравы, что всякую даму встречную, если есть охота, ты можешь без церемонии взять под руку и гулять с ней, толковать обо всем: о Вольтере, о значении его в истории развития безбожия и камелий, об эмансипации женщин — только не крестьян, о том, что такое любовь и что кошелек — словом, обо всех живых современных вопросах левой руки. Нагулявшись, ты можешь, если опять есть охота, попросить спутницу (признаться, иногда очень красивую и милую) проводить тебя самого до квартиры и непременно получишь согласие. Дошедши до квартиры, можешь попросить войти, и войдет, и опять можете продолжать диспут о современных вопросах и т. д., и т. д. — до конца всех концов... Не веришь, — спроси, когда увидишься, Вышеславцевых: они оба — ходоки по этим делам, специалисты, можно сказать. По субботам ты можешь заметить в Москве славную штуку: на помлонение Иверской б[ожьей] матери в Москве особенно усердствует, как ведомо, купечество. Так по субботам ты можешь заметить в некоторых местах Москвы явления такого сорта: мчатся экипажи из всей мочи, а в них сидят джентльмен с разряженной мамзелью. Спроси кого угодно: «Кто это?» — и получишь ответ: «Это купчики едут в баню!» А? Ведь в Пензе еще не дошли до такой общежительности.

Ты, я думаю, посылая к матери все нравы Москвы, ждешь чего получше, хоть, напр[имер], продолжения философии Юркевича. На этот раз уж, пожалуйста, прости за несоблюдение обещания. Если бы я думал писать о философских лекциях Юркевича, то 1) не принялся бы до следующей почты за письмо, а 2) пошел бы наперекор настроению, болтать, *carissime*, хочется, и дело

¹ подруги ночи темной (лат.).

с концом. Весна,— пойми ты это! А впрочем, нет ничего отвратительнее весны в Москве; причин тому много; некоторые изложены мною выше. Отрядив это письмо только на болтовню, я ни слова не скажу серьезного, кроме разве немногих слов о журналах, которые я теперь читаю довольно прилежно. Интересно следить за этой борьбой разных партий и мнений, борьбой, часто пересыпаемой изрядною бранью, но все же живой, энергической. Всех виднее в этой перепалке «Современник» с Чернышевским,— этим бесцеремонным семинаристом-социалистом и пр. Славно — что ни говори — отделяет он кой-кого. Борющиеся стороны или лагеря страшно перепутываются. Чичерин твердит об идеальном государстве — народе и народе — государстве (по его — это одно и то же), ратует за выделение в изолированное сословие дворянства, а Громека и Бестужев-Рюмин стреляют в него из «Отч[ественных] зап[исок]» здоровенными залпами. «Современник» колотит по носу славянофилов, вопиет о бедствии пролетариев и частит по-русски праздную умозрительную философию. Буслаев, любитель и поклонник народности, пушит духовенство и славянофильское учение о русском народном духе, а «Современник» в лице Пыпина катает и Буслаева. Аксаков с своим «Днем» * отстреливается исподтишка, а Соловьев мечет стрелы в Костомарова за его увлечения и «богопротивную» статью о басне, выдуманной народом, что ли, или кем другим, будто Сусанин спас царя. Соловьев говорит: «Спас! Костомаров соврал!» — и обнаруживает поползновение объяснить дело духом народа, по-славянофильски! Вот как! Соловьев, западник, непрочь протянуть руку славянофилам? Славная вообще возня идет в журналистике! *

Поблагодари Парадизова за письмо и проси писать еще. Написал бы ему, да лень,— сказать по правде. Сходи к нашим и скажи, что здоров, или соври лучше, что нездоров, скорее напишут. А то, пожалуй, не ходи, а передай как-нибудь, если это не затруднит тебя.

Записывай все, что интересного говорится педагогами вашими: пригодится, брат. Свиснем.

Холмовскому, Разумову — мое нижайшее. Скоро еще напишу, и Парадизову вместе. Прощай.

В. Ключевский.

NB. Как образец полемики Громеки прочти, если хочешь, «Совр[еменную] хронику» «От[ественных] зап[исок]» в третьем номере 1862 г. Он ее пишет.

Рукой П. П. Гвоздева. Получено 1 мая.

Гвоздев.

с. Зимарово, июня 14, 1862.

Porphyril

Когда я, задумав наконец отвечать на твое последнее письмо, посмотрел на его дату и увидел, что она показывала 2 мая, я пришел в некоторый род ужаса, — серьезно говорю. Черт знает, как случилось, что я пишу тебе больше, чем месяц спустя после твоего уже письма, а мое последнее, следов[ательно], было еще раньше. Черт возьми, как ты, я думаю, разукрашивал меня за это! Да не писал ли ты еще ко мне после того? Если писал, то вотще погибло твое письмо: 29 мая я сдал последний экзамен, а 30-го [п]олудни катил уже по Рязанскому шоссе по направлению к деревне, из которой теперь пишу тебе. Впрочем, я потороплюсь кой на что ответить прежде тебе, а потом уж поговорим frei¹.

С самого отвезда я не видал «Искры»; знаю, что до восемнадцатого номера нашей вещи не было. Что после — не знаю. Думал было сделать запрос, да не удалось. Проездом чрез Рязань я заходил к Глебову* и просидел дов[ольно] долго, т. е. с 4 до 12 ночи. Он на мой вопрос сказал, как человек, сносившийся с редакцией, что, всего вероятнее, вещь не явится, потому что духовная цензура сильно влияет и на этот журнал. Он добавил, что Розанов отправлял список всего своего дела с Психом, а явилось в печати только кое-что. Вот вследствие этого-то я, извини, и махнул на «Сцены» рукой. Но мы не должны бросать дела. Во всяком случае, у тебя с августа руки будут свободнее — мы примемся, а материал к тебе близко, и ты им воспользуешься. Вследствие этого ты дол же н писать мне преaccuratissime² с первой почтой, где, как в зеркале, представить свое настоящее положение. Да, редакции не имеют обычая отвечать письменно из экономии 10 к[опеек] сер[ебром], а печатного не видел. Глебов же сказал, что он посылает обыкновенно без страховки.

«Какой я экзамен держал?» — спрашиваешь ты. Да на стипендию — и выдержал; вот баллы по первому курсу, поставленные мной: 4 (греч[еский] яз[ык]), 5, 5, 5, 5, 5. Не улыбайся, пожалуйста; это легче еще вступительного, кроме греч[еского] языка: там филология, филология и филология, да еще сравнительная³.

А что сдуру ли или по естественной какой причине врет тебе А. Маршев о том, будто меня надули? Что он там, как баба на печи, ворочается да говорит черт знает что? Напиши, выдержал ли он и держал ли опять экзамен в университет, т. е. гимназический⁴ выпускной экзамен, нужный для поступления в ун[иверсите]т.

¹ свободно (нем.).

² самым тщательным образом (лат.).

³ Далее зачеркнуто: п.

⁴ Над зачеркнутым: экзамен и еще одним неразобранным словом.

Экзаменовавшиеся в Москве из невыдержавших в прошлый год опять провалились все; их было, кажется, 3. Муравьев не экзаменовался — и сделал умнее всех; да он, кажется, во всех статьях будет лучше всех своих *aequales* ¹.

А портрет-то? Присылай свой, а мне нельзя раньше половины августа. А если бы ты прислал, да еще если бы снялся кто другой из наших — черт возьми, как это было бы великолепно. Казани ждать долго.

Думаю, ты видел Покровского. Собравшись на живую нитку, я не успел сказать ему ничего для передачи в Пензу. Послушай его, но постарайся уловить с первых же слов его любимый конек, и тогда поймешь его слова лучше его самого. Это с ним часто случается: конструкция мозга такая. Между прочим, постарайся передать к нему, чтобы он написал мне, если хочет, как он расстался с известным нам пастушком — так и скажи ему — В. И. Рязанцевым и виделся ли перед отъездом с болгаром, тем самым, о котором я писал тебе.

«Вот уж истинно, ты незабывающий и незабвенный друг»!! Это не я тебе говорю, а ты мне писал. Чудак!... А Флоринский где? Приедет ли в Пензу? Вот этакое ему открой объятие и вспомни о Гримме и Ренане... Жаль, что ты мало так читаешь журналов. Впрочем, что ж, если их негде брать. Не бегать же за ними с высунутым языком. А петербургские пожары 21, 22 и 28 мая * — все-таки оч[ень] грустная вещь. В газетах прочтешь, если еще не читал. Определено всех заподозренных в поджоге судить в 24 часа военным судом.

Хочешь ли два слова о Благоразумове? Женился на московской сироте и, помимо законного кандидата, вступил профессором в московскую семинарию. Это я знаю по словам Автократова — Рафаила. Как думаешь, весела история или нет? Может, для героя ее и весела, а для меня как зрителя пахнет тупой комедией. Он даже спросил Автократова, который с ним знаком, завидует ли он ему? Смешно! Кочующий цыган-студент, как все мы, завидует ли осевшемуся б л а г о р а з у м и ю — фи, какая штука! Впрочем, *de gustibus non est disputandum* ² — вольному воля. А Автократов — редкая голова! Поговорить с ним — значит прожить хорошую, веселую минуту, выражаясь немного поэтически.

Теперь о себе. Да что о себе? Из моего ч у д н о г о, п р е к р а с н о г о д а л е к а простираю я теплые объятия Пензе. Мечта не сбылась — нынешним летом едва ли я буду там. А хотелось бы, хоть для того только, чтоб с тобой повидаться (или лучше с в а м и, в собирает[ельном] смысле), да еще кой с кем; впрочем, последних не много... Я, бывало, мастер был на о п и с а н и е. Теперь едва ли. Да и что описывать? Перед окнами ровная, длинная

¹ ровесников (*лат.*).

² о вкусах не следует спорить (*лат.*).

чисто русская равнина, на которой волнообразно движется от ветра рожь. Над этой равниной часто появляются тучи, богатые молниями и громами (риторика) и тяжелые грядущими дождями, по выражению Гоголя, да хандрой, которую производят они на меня, по моему выражению. Странное развитие принимает во мне эта дождевая хандра, отчего — не знаю: должно быть, нервная машина испортилась, и я чиню ее временной апатией ко всему на свете. Ты думаешь, может быть, что я теперь отдыхаю от трудов, свожу счеты с прожитым университетским годом. А я думаю совсем другое. Отдыхать, собственно, с намерением отдыхать я не люблю, как и работать с намерением работать. Да я и плохо различаю между этими понятиями: иногда считаю бездействием, что другие называют важным занятием, и наоборот. А счеты с прожитым годом я свел давно, почти одновременно с процессом самого проживания, и едва ли буду когда проверять их. Я теперь, кроме педагогических занятий, почитываю да подумываю. Часто вижусь с мировыми посредниками и слушаю о крестьянских делах. Недавно видел рязанского губернатора * и сидел за одним с ним столом; он проездом останавливался здесь и обедал у князя: *sic humilis tollitur ad coela!*¹ Не правда ли? Что и говорить!

Впрочем, тебе, думаю, интересней знать что другое. Проездом в Рязани мне пришлось много кой-чего послушаться. Но я тебе скажу о семинарии. Туда я ходил, чтоб узнать адрес Глебова. Вот здание-то! Полы чугунные, над классами доски с надписью, двор чистый, лестницы — что в университете, церковь семинарская — просто шикарство. Вечером был у инспектора училища с Глебовым иеромонаха... позабыл. Но славный человек — на обратном пути опять увижусь. И теперь у меня смутно бродит в голове смесь всего, что он говорил при мне Глебову: так много было говорено с о в р е м е н н о г о, что опасешься за пищеварение. Архиерей — торгош, известный всему духовному люду своим монгольским отношением к поповскому карману, и без того не плотно набитому. Это Смарагд *. Но в другом, светском обществе Рязани (к которому принадлежало семейство, в котором мы по знакомству остановились) о нем говорят, как о ловком, светском немножко человеке, но не сухом педанте. Из этого ты можешь воссоздать во всей первобытной свежести его образ...

А Глебов — прежняя дельная голова: читает философию по современным немецким материалистам — Бюхнеру, Молешотту и Фойгту, от одного имени которого дрожат католические отцы — проповедники. При этом он занимается еще по крестьянским делам в комитете губернии. Да, этот человек — действительно семинарист: его не стыдно назвать этим именем; многие не стоят этого имени, понеже оно значит многое, чего нарочно не выду-

¹ так низкий поднимается до небес! (лат.)

маешь и не вычитаешь, а что создается только под удушливым веянием семинарской жизни.

Что тебе еще? Прощай — вот что. Пиши скорее. Мне хочется еще списаться с тобой до 15 июля. Пожми руку Парадизову, Разумову, Холмовскому и пр[очим] и плюй больше на фатальные болтовни разных Алек[сандров] Маршевых. Vale ¹.

Адрес мой: Рязанской губернии, Раненбургского уезда, в село Зимарово, его сиятельству князю Сергею Васильевичу Волконскому *, с передачей В. Ключевскому.

В. Ключев[ский].

Р. С. Михаилу Митрофановичу от меня постарайся вручить рукопожатие или просто показать ему эти строки.

На обороте: П. П. Гвоздеву (по возможности, в немедленном времени).

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 23 июня.

Гвоздев.

19. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

14 июня [1862 г.]

[...] Экзамен на стипендию сдан и хорошо: только из греческого 4, из остальных 5. О количестве стипендий еще ничего не знаю.

Экзамен кончился 29 мая, а на завтра в полдень я уже был в дороге: без сожаления и даже без всякого чувства оставлял я за спиной Москву; с Пензой я не расставался так. А ведь, кажется, и прожитой год в Москве стоил чего-нибудь: да, он многого стоит, так что другой раз он не повторится; дело ведомое, вчерашнего не воротить. А все же, выезжая из Москвы, я готов был сказать ей: э, убирайся!

А все же, выезжая за заставу, я вздохнул свободнее. Впрочем, кто ж не вздыхает свободнее, выходя вообще за заставу? Это уж так водится. А у меня к этому присоединилось еще то, что год кончился, проползши по сердцу холодным и тяжелым чем-то, но не задев серьезно. Впрочем, ведь и это водится — и так следует. Обыкновенно накануне нового года жалеют, что скоро прошел старый год; а я благодарю судьбу, что так скоро прошел мой старый год, и бесконечно рад этому. Шахматам приходится становиться в различные клеточки: не мудрено, что так странно расходятся иногда взгляды на один и тот же предмет. Вы спросите, впрочем, едва ли спросите, видел ли и знаю ли я Москву. Я скажу, что видел Москву очень мало; в Успенском не был ни разу

¹ Прощай! (лат.)

(зачем?), Филарета не видал и не хочу видеть; в Кремле — два раза мимоходом; в церкви вообще — два раза — в ноябре да на пасху как-то, к концу. Неужели при таком любопытстве я могу сказать, что видел Москву? Видел я Царь-колокол и пожалел, что такая масса стоит без дела; видел памятник Минину и Пожарскому перед Кремлевской стеной, да не полюбопытствовал даже поискать надписи и вовсе не почувствовал особого эффектного ощущения в себе от руки Минина, указывающей на Кремль. Но я могу сказать, что Москва мне хорошо знакома, по крайней мере, некоторыми сторонами; дух их я, кажется, понял... Да стоит ли об этом? Вот что в Питере за ужасы: не читали ли о пожарах 21, 22 и 28 мая, когда сгорело Министерство внут[ренних] дел (Щукин двор)? Полагаю, хорошо положение некоторых небогатых семейств: спасли очень мало из имущества или лучше почти ничего: некуда было тащить. Вообще винят поджоги. Подозреваемых или замеченных в поджоге велено судить в 24 часа по военному суду. [...]

20. П. П. ГВОЗДЕВУ

20 ноября 1862 г.

Москва, 20 ноября 1862.

Carissime!

Многочастие и многообразие надувал я смертных на своем веку, но так, как я с тобой поступил, уж и не запомню, когда поступал. Я уж хотел жар к жару поддать и писать тебе так, будто не получал твоего письма, — на дороге, мол, село, — чтоб придать хоть маленько вид благопристойности своему безбожному поступку. Означенная наверху дата гласит, что я отвечаю тебе ровно через два месяца после того, как ты мне писал! Конечно, в летописях корреспонденции таких случаев отыщешь немного. Но лучше поздно, чем никогда, — и я отвечаю на твое письмо. И ведь не то, чтобы некогда было писать: куда! — а просто черт знает, что такое: «замстило!»

Твое письмо порадовало меня двумя известиями: первое, что товарищем тебе из пенз[енской] семинарии был Парадизов, а не кто иной; второе, что Разумов поступил вольным слушателем Каз[анского] университета. Хоть, говорят, профессора Каз[анского] университета большей частью — ох! — *cura melius*¹, но хорошо уж и то, что он в Пензе не остался.

Ты спрашиваешь, не знаю ли я чего о Флоринском. Ничего, решительно ничего с того самого письма злополучного, в котором я стрельнул в него Гриммом и Ренаном, а ведь это было еще в конце прошлого года. Что же до другого твоего вопроса о письме твоем от 26 июня, то я получил его, но не знаю или по-

¹ оставляют желать лучшего (лат.).

забыл, писал ли ты мне о моем письме, писанном красными чернилами *. Кажется, писал, что получил.

Ты поступил великолепно, представив в письме своем содержание лекции о [тца] Хрисанфа *. Но напрасно добавил, что она не интересует меня. Напротив, она очень меня заинтересовала, и в первую минуту по прочтении я хотел отвечать на нее подробнейше, но теперь уже поздно. Хрисанф, очевидно, умный человек и за ум взялся. Но я не могу не обратить твоего и своего внимания на одно место лекции, именно сие: «Нравств[енное] богословие, чтоб быть живой и современной наукой, должно нисходить с своей высоты до разбора характеров и типов, обрисовываемых в повестях и романах современной литературы, как это делает эстетическая критика». Конечно, он прав, сказав, что христианская истина, неизменная в сущности и внутреннем развитии, изменяется в приложении к жизни. Но вывести из этого то, что он вывел в приведенной фразе, — это, воля твоя, сюрприз! Интересно знать, что будет делать нравств[енное] богословие, когда с своей высоты сойдет до разбора характеров и типов, обрисовываемых в современной литературе, характеров и типов, подвижных в своем развитии и образе действий всевозможными мотивами, но только вовсе не нравственно-богословскими. Да будет мне позволено сказать, — это парадокс Хрисанфа, и его богословие почувствует себя очень в дурном состоянии духа, когда вмешается в толпу обыденных и литературных характеров и типов. Из тона и взгляда иеромонаха я даю себе право надеяться, что он вовсе не склонен винить современную обыденную и умственную жизнь в равнодушии к богословским принципам и в отсутствии их на практике. Думаю, что у него достанет на это исторического такта, чтобы не взыскать вину эту на современную жизнь. Если ведь было время, когда каждый мелочной лавочник интересовался знать, чем решили святые вселенские учителя вопрос о двух естествах И. Христа, то почему же не быть и такому времени, когда не только лавочник, но и покнижнее люди не хотят помнить не только о нравств[енном], но и всяком другом богословии. Теперь спрашивается, какую же позицию займет нравств[енное] богословие при разборе обыденных и литературных типов. Ведь в их деятельности нет ни капли нравственно-богословских принципов и тенденций, а между тем многие из них ведь очень нравственные характеры. Я понимаю, когда физиология общества разбирает житейские личности и деяния; но мне непонятным становится, когда за это дело берется богословие. Может, отец иеромонах, замечая слабость или даже отсутствие богословских или вообще христианских побуждений и начал в современной жизни, думает влить в нее эту недостающую струю, ну хоть в интересе полноты этой жизни. Но мне в таком случае обидно и не хочется отнести его к слезливой фаланге людей, льющих слезы о современном растлении людей: кажется, он далек от этой кучки. Да и зачем

именно насильно вливать эту религиозную струю в жизнь, когда она и без нее обходится, не делаясь, однако ж, хуже, что бы ни говорили там печальные плакальщики о совершенном падении морали в мире. Кажется, не ошибемся, если скажем, что философию никогда не помиришь и не сольешь с богословием; с этим соглашается даже Лоран, несмотря на то, что постоянно твердит о незримых путях и целях Промысла, определяющих человеческую жизнь и невидимо ведущих ее к тому-то и тому-то. Наш автор «Православия и современности» * хотел сделать что-то вроде предлагаемого Хрисанфом, да впал в такой туманный, непонятный мистицизм, правда довольно поэтический, но все же восточный, что лучше бы уж и не родиться той книжке на свет. Дело в том, что людям, волнующимся и проникающимся всеми живыми интересами, подобные книги и подобные стремления не понятны, а людям, чаящим живой воды от богословия, ничего оно не дает, т. е. они-то сами видят в ней только предлог и основание к своим задушевному мистическим суеверьям: и в том и другом случае доброе намерение богослова не доходит по адресу.

. И что это за девическая ухватка — рекомендовать нравств[енному] богословию деятельность, которой занимается эстетическая критика? По-моему, дать какой бы то ни было науке характер или близость этой беззубой старухи — значит, неуважительно отнестись к самой науке. Эстетическая критика! Будто она когда-нибудь обмолвилась хоть одним дельным словом о житейских характерах и типах! Уж оставил бы Хрисанф Григорьеву и Анненкову допевать их эстетические песни, беспрепятственно раздающиеся, как глас вопиющего в пустыне, который слушают разве институтки, — да и то едва ли.

Но я верую, что Хрисанф обмолвился — и больше ничего. Я с уважением отношусь к его словам: «Обращение в православие иноверцев мы не поставляем целью нашей науке», — и поэтому не хочу придавать большого значения его словам о житейской, практической роли нравств[енного] богословия.

Благодаря тебя за эту лекцию, я бы попросил еще больше писать об академической науке. Что сказать тебе, да и говорить ли о своих занятиях? Трудно резюмировать мои занятия. Черт знает, чем я не занимаюсь. И полит[ическую] экономию почитываю, и санскритский язык долблю, и по-английски кой-что поучиваю, и чешский и болгарский язык поворачиваю, — и, черт знает, что еще. Вообще же элемент сравнит[ельной] филологии и философия, так сказать, языкознания принял[и] на втором году свирепые размеры. Он льется и с кафедры греческого, и с кафедры славянских наречий из уст Бодянского, и с кафедры русской словесности от Буслаева, и каждая душонка наша бредит корнями и суффиксами. Окунуться в этот мир микроскопических инфузорий, называемых корнями и приставками, — значит увидеть много интересного.

Прилагаемый портрет или вернее карточка * представляет меня, Покровского и Голубева, поступившего на юридический факультет. А на каком факультете Разумов? Жми руку Парадизову и постарайся писать скорее. Я было не хотел посылать карточки по ее плоховатости, да все лучше, чем ничего. Прощай. Увидишься с Разумовым — до земли ему. Потрудишься написать, какие темы у вас для сочинения были за текущую треть.

Твой Ключевский.

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 24 ноября.
Г в о з д е в.

1863 г.

21. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

20 марта 1863 г.

[...] Недели две тому приезжал князь * один. Поговорили о выборах (дворянских в Рязанской губернии) и о разных материях. Он, между прочим, сообщил мне много новостей. Так, с нового года в Рязанской губернии за генварь месяц было 160 человек, опившихся от удешевления водки. Вы знаете, что с 19¹ февр[аля] 1863 г. кончились зависимые отношения дворовых к помещикам и они отпускались на все четыре стороны. Поэтому ждали многие чего-то вроде волнений. «Но, — говорит князь, — я нарочно пробыл в Рязани дней пять после 19 февр[аля], и ко мне поступила только одна жалоба (от предводителя дворянства в Раненб[ургском] уезде) дворового на помещицу, да и то потому, как оказалось из слов дворового, что он лентяй — и потому помещица виновата, что он лентяй!»

Любопытно, какое впечатление произвела на дворян мысль, высказанная на выборах князем. Он передавал это с некоторым сожалением. Мысль состояла в том: так как с преобразованием в суде и земском устройстве прежнее сословное разделение должно уничтожиться, то и дворянство не должно теперь иметь особенных, дворянских интересов, отличных от крестьян и остальных сословий. А потому и в собраниях дворянских должны принимать участие все сословия. Многие очень недовольны этим, т. е. многие дворяне. Странно! А долго ли еще будут эти многие надувать губы по-барски, когда лучшие люди из их же среды уже громко говорят об этом. [...]

¹ Вероятно, в публикации опечатка: 10.

20 декабря 1863 г.

[...] Когда Вы, Ив[ан] Васильев[ич], будете совершать службу на рождестве, вспомните, что и я стою в церкви и вас всех вспоминаю. В последнее время я стал усердно ходить в церковь, и я сейчас объясню Вам причину. Мне надо было писать сочинение по истории средневековой литературы, и я выбрал для этого сочинение одного епископа французск[ого] Дюрана * «Rational des divins offices», что в простом переводе значит — толкование божественных служб XIII века. Книга эта состоит из пяти томов и излагает толкование всего богослужебного католического обихода средних веков. Несмотря на то, что XIII век был временем полного развития могущества пап и сам автор близко стоял к папскому престолу, прежде чем стать епископом, в книге его еще не чувствуется того печального раскола, который уже был в полной силе между восточной и западной церквами. Может, это происходило оттого, что Дюран спокоен без прений хотел истолковать свой предмет и не заводил намеренно речи о несогласиях в христ[ианском] мире. Вот для изучения этой книги мне и понадобилось бывать в нашей церкви, чтобы присмотреться к нашему богослужению и сравнить его с толкованиями средневекового епископа. Хотя сочинение уже окончено, но изучение книги продолжаю я и теперь, потому что она сообщает чрезвычайно важные исторические факты.

Сообщаю Вам новость из нашего университетского мира: Соловьев начал читать публичные лекции по Европе после Наполеоновской империи. Доселе прочитал он до того времени, как Наполеон стал первым консулом. Его характеристика Наполеона не лишена некоторых оригинальных черт. Он смотрит на него как на богатыря, вызванного бурями революции. Он, говорит Соловьев, преемник Франции, так как родился в Корсике. Сам Наполеон смотрел на себя как на героя вроде Македонского. Соловьев сообщил интересный разговор Наполеона с одним министром, когда уже был он императором. «Да, я поздно пришел», — сказал Наполеон. Министр изумился. «Я поздно пришел. Александр Македонский мог назвать себя сыном бога, и вся Азия ему поверила: только мать его Олимпиада, да Аристотель, его учитель, да несколько афинских умников (философов) знали, что это ложь. А я — назови я себя сыном бога, — последняя пуассарка меня освищет. Да, я поздно пришел. Народы Европы слишком просвещены и с ними не сделаешь ничего великого!» Такой человек-богатырь сознавал бессилие своей энергии против цивилизации Европы; он смешной санкюлот (по-нашему голоштаный). А племянник лезет на переделку мира! Нас, филологов двух последних курсов, Соловьев пускает даром! Как ясно и просто излагает он, можно видеть из того, что на прошлую лекцию я проводил

одну знакомую, не знавшую истории прошлого столетия, знавшую только самые общеизвестные факты о Наполеоне, и по окончании она сказала мне, что все понятно ей и она все запомнила из читанного. [...]

1864 г.

23. [А. М. БОРОДИНОЙ]

23 июня [1864 г.]

Пищу к Вам. В каком бы настроении ни застало Вас мое письмо, — все равно; я буду писать, что взбредет на ум. Рассказать ли Вам, как поверенной, историю моей души за прошлую неделю, или пофилософствовать о том о сем, или¹ того и другого понемножку? Лучше последнее.

Я начинаю, как добродушная Татьяна у Пушкина. Вы не смотрите на такое торжественное начало: оно не помешает мне помучить Вас всевозможным хламом. Слушайте же Вы, поверенная души моей, что случилось с моей бедной головой. Будьте терпеливы в новом² звании — поверенной.

Во-перв[ых], ничего не случилось. После дождя я пришел к Вашим, здесь со мной произошло одно из тех превращений, которых ни одному смертному не миновать. В наших головах крепко сидит старое, закоренелое заблуждение, будто мы видим перемены в вещах только тогда, когда вещи переменяются. Совсем не так, и правду говорят на этот раз философы, что эти перемены только в нас, в наших глазах или ушах, а вещи остаются те же. Это³ и случилось со мной. Притом — пусто что-то. Как будто «огни погашены, гирлянды сняты со стены». Фортепяно стало выше, будто вытянулось. А ведь не оно вытянулось, а моя голова принизилась, придавленная чувством запустения. Вы улетели, мой тихий гений, и стало нам пусто и скучно.

Вот Вам и рассказ с философским объяснением. «Какие нежности!» — сказала бы Н[адежда] М[ихайловна] *. Что делать? Я уж известная мягкая тряпка. А Н[адежда] М[ихайловна] была по-прежнему: сердилась, отвечала⁴ на мои комплименты: «Ну ж, пожалуйста, кому другому, а не мне», — и смеялась своим неслышным, внутри уходящим смехом.

¹ Далее зачеркнуто: и за.

² Над зачеркнутым: своем.

³ Над зачеркнутым: то же.

⁴ Над зачеркнутым: говор[ла].

Кстати, расскажу о своем новом рыцарском подвиге. Вы знаете, рыцарские подвиги совершаются рыцарями для их владычицы, по их воле. Так и я удостоился совершить такой подвиг для своей владычицы. На другой день заходил на минуту М. И. К.* Надежда М[ихайловна] была в большой досаде, что он не принес 3-й части «Марева» * и после, обратясь ко мне, тихонько, под рукой и глядя в землю, сказала: «В[асилий] О[сипович]! Принесите мне 3-ю часть „Марева“». Я ответил спокойным «хорошо», которое ясно говорило, что просьба исполнится чрез полгода. Но если б кто знал, что делалось в моей рыцарской душе! На другой день, не чрез полгода, а чрез полсутка книга с шумом влетела в окно, а податель продолжал мерным шагом свое дальнейшее шествие: он шел самоуверенно и гордо, ибо совершил свое дело, исполнил волю повелительницы. Да, я рыцарь хоть и чумазого пера. А теперь нет моей повелительницы: она ушла дня на два.

И вот этот рыцарь сидит целый день с затворенными ставнями, не зная, что делать с собой от тоски и жару. Пошел в Сокольники, и там вместо одного блага — жара — попал разом на три — жар, пыль и людей. Боже, сколько людей! И все повелительницы! В каждой аллее, куда ни загляни, все сидят они одни или с рыцарями. Богородица! Унеси из этого рыцарского, пыльного приюта — и я, одинокий, странств[ующий] рыцарь чумаз[ого] пера, побрел к вечеру обратно к своему спасу — Н.

Получил письмо из Р.* — очень милое и обязательное. Наконец-то отвел душу. Вот и вся моя внеш[няя] история за прошлую неделю. Во внутреннем же мире души моей не[т] ¹... ничего, кроме скорби и тоски, — и вот опять слышу над ухом, словно удар молота, резкие слова Н[адежды] М[ихайловны]: «Какие нежности!»

А Вы-то, Вы-то что ж, мой «благодатный гений» (слова Гете)? Какие думы теснятся ² в Вашей голове? Ходите ли Вы в полуд[енный] жар блуждать между деревьев, и, отмахиваясь от комаров, сидите ³ ли под вечер ⁴ на мосту, следя задумчивыми глазами за медленным ⁵ движением последних теней дня, между тем как певучее население леса спешит закончить свои дневные песни и заботы? Видите, как поэтически силюсь я представить Вас ⁶ в Вашем лесном жилище. Скоро ли я увижу Вас? Хотелось бы, а предложить поездку кому-нибудь из Ваших еще не решаюсь; вот, скажут, как скоро соскучился. Напишите хоть строчку, хоть обругайте, если можно! До свиданья.

23 июня.

¹ Далее одно слово не разобрано.

² Над зачеркнутым: волнуют. .

³ Над зачеркнутым: или.

⁴ Далее зачеркнуто: сидите.

⁵ Над зачеркнутым: переходами.

⁶ Над зачеркнутым: среди.

29 июня—1 июля [1864 г.]

Я не исполнил Вашей просьбы, мой друг, не принялся за письмо в субботу, а пишу теперь, в понедельник, меж тем как в ограде Петра и Павла шумит и вертится ребячий базар. Мы возвратились, разумеется, без приключений, выпив дорогой от жару довольно меда и пива. Ваша дорога, действительно, короче, но такая пыльная, открытая. Я хотел любоваться видом открывающейся Москвы и особенно мигающей на солнце главой спаса — поэтическое чувство у меня запросилось было наружу. Куда тут! Наши головы повисли, ноги едва двигались — не до видов и пейзажей!

А слово свое я исполнил: как только Вы скрылись, я стал и объявил решительно, что не пойду, не объевшись земляники. Мы вышли из лесу через час. У Ваших домывали полы; мы пришли к чаю и передали, что нужно. Я сказал, что Вы удвоились от толстоты. Н[адежда] М[ихайловна] острела, смеялась, капризничала. Рассказывала о своей прогулке в Химки, — словом, была весела, как редко бываем мы с Вами. Я остался дочитывать «Марево» до всенощной. Веселое расположение моей повелительницы сообщилось и ее покорному слуге: хорошо быть около здорового человека в хорошую минуту, хотя и чувствуешь, что далеко стоишь от него и не все в нем понимаешь. Нам с Вами не смеяться таким смехом, каким смеются такие люди.

Я воротился домой опять без аппетита. Почему-то мне хотелось не спать эту ночь, и я прибегнул к помощи лиссабонского, — не помогло, хоть я и просидел за полночь. Я имел причины на это: мне хотелось повертеть в голове приключения прошедших суток. Ну вот, думал я, еще одно из эфемерных (т. е. на несколько часов) знакомств, — и всему виной эта Никсочка*! Я уверен, что Е. Г., вспомнив о нас, не помянет добрым словом этого растрепанного рыболова с красным носом, — если только вспомнит... Я старался припомнить и осмотреть все наши похождения: сколько смеха и сколько копеечного горя. Но были две минуты — одна долгая и вместе короткая, драматическая, другая очень короткая, но глубоко комическая. О первой Вам нечего говорить: помните нашу прогулку в глубь рощи, эта минута продолжалась поутру. Видите, как я нескромен. Другая была, когда Е. Г. накрыла нас на берегу; это было высоко комическое положение ¹, когда я напрасно старался оправдаться, нагнувшись над св[оим] окуном, и она повела нас за собой, как баранов за рога.

Дама сердца сделала мне любезность, просила прийти на другой день, на время всенощной, от скуки. Я пришел, и мы гадали на какой-то любовной книжке А. Сумарокова, в стихах. Я загадал, равнодушна ли Н[адежда] М[ихайловна] к В. Я. П., —

¹ Над зачеркнутым: движение.

и вышло великолепно. Она загадала и обо мне; вышло, что я целую даже тропинки, по которым шла моя возлюбленная. Загадали и об Е[лизавете] М[ихайловне]*,— и диво, вышло что-то вроде того, что она благоразумием рассудка побеждает увлечения сердца. Долго смеялись и острили друг над другом. С[ергей] М[ихайлович]* вернулся от всеобщей и объявил, что был В. Я. П. с двумя господами, он ¹ приводил их показывать А. С.* , и они, говорил С[ергей] М[ихайлович], нарочно прошли мимо нее, смотря на нее почти в упор. Я постарался изъяснить неудовольствие на такую смелость, но Н[адежда] М[ихайловна] сказала: «Не беспокойтеся, ей приятно это». Я внутренне согласился с этим замечанием. В самом деле, А. С. может по праву и, разумеется, самодовольно петь колыбельную «Что он ходит за мной, что он ищет меня?» * Рыцарственная тройка была и у меня, но без меня.

Я не был в церкви, даже на праздник. Сегодня после обеда пошел нарочно и, нашедши под окном ² Н[адежду] М[ихайловну], объявил, что войду в ограду кутить с мальчишками. Н[адежда] М[ихайловна] увещевала меня не срамиться и наконец пригрозила пустить в меня чем-то, если я не уберусь домой. Но я не послушался и прошел чрез ограду в надежде встретить С[ергея] М[ихайловича] и подурачиться ³ с ними; не тут-то было: где его отыскать среди сотен мелюзги, кишашей по траве. Окна у А. С. открыты все и уставлены цветами без цветов. Я постарался пройти как можно растрепаннее, как тоже празднующий.

Утром нашел в университете Ваше письмо. Добрый друг мой! Зачем хитрить и писать: $\frac{Вы}{Т}$? Так бы и звали: Ты; это лучше идет к Вашей прямоте. А я вот не могу так: слишком церемонен. Меня не даром считают хитрым, хотя Вы ⁴ с большей справедливостью и называете⁵ просто трусом. Вы как-то заметили мимоходом, что нельзя верить тому, что я пишу. Вы отчасти имели право сказать это. В самом деле, на бумаге я выражаюсь свободно и готов написать патетическую и — заметьте — искреннюю тираду Вам, моему доброму гению; а с глазу на глаз⁶, когда Вы так доверчиво и просто склоняете ко мне свою голову⁷, я стою как пень, у меня и руки опускаются, и я боюсь сделать лишнее движение. Это коренная черта и верный признак труса.

Видите, до чего дописалась моя бумажная смелость — опять до «нелепостей».

29 июня.

¹ Над зачеркнутым: кото[рых].

² Над зачеркнутым неразобранным словом.

³ Над зачеркнутым неразобранным словом.

⁴ Далее зачеркнуто: гораздо.

⁵ Далее зачеркнуто: меня.

⁶ Над зачеркнутым: при Вас.

⁷ Над зачеркнутым: миленья [ую].

Благодаря моей лени, у меня невольно выходит что-то вроде дневника. Вместо того, чтобы послать вышенаписанное тотчас же, я собрался это сделать через день и теперь считаю нужным приписать хоть что-нибудь,— именно рассказать об одном случае¹, происшедшем вчера в моем душевном мире, выражаясь высоким стилем. Смешно сказать, что случилось. После обеда вдруг мне стало прозаически скучно — и отчего? Оттого, что послышалось на улице: «Садова клубника». Как будто не каждый день по сту раз слышу я это. «Вот каприз больной души»,— скажете Вы. Но слушайте дальше. Этот крик напомнил мне почему-то август, осень; я как будто хватился за голову, опомнился: «Ведь лето проходит»,— тоскливо думалось мне. Мне почему-то все кажется, что лето я должен прожить какой-то широкой, полной жизнью. В мае, когда я был занят² три четверти суток, меня так и тянуло вдаль «взглянуть на дальние поля, узнать, прекрасна ли земля»*. А теперь, на досуге мне не хочется³ нос высунуть из комнаты. И вот накануне первого июля я будто вспохватился: какой-то мираж мелькнул перед глазами. «В поле, в лес»,— зашевелилось в душе с тем томительно-элегическим чувством, которому подобное можно найти только в стихах Жуковского. Так моя прозаическая скука сама собой перешла в элегическую грусть. «Где ж найти,— думалось мне,— ту минуту, когда бы все силы души проснулись и натянулись⁴ со всей силой; хоть бы раз испытать это напряжение и⁵ прорвать⁶... упрямо-черствое, серое переживание дна за день». Но вот лучшее доказательство неспособности к такому полному ощущению: даже и этот нежданно налетевший элегический каприз⁷ не мог удержаться долго и только оставил на весь вечер дрянную скуку, которую заметила даже Н[адежда] М[ихайловна]; точь-в-точь как фосфорная спичка, всыхнув на минуту красивым огнем, оставляет после себя отвратительный запах.

«Ну уж случай,— подумаете Вы,— стоило рассказывать о такой дряни». Да что же мне рассказать Вам получше, когда ни в одном углу моего существа не нахожу я ничего, что бы имело праздничный, нарядный вид, когда одеяние души моей так же растрепано, как и внешнее одеяние?

Завтра у Вас праздник — веселитесь хорошенько, чтоб мне⁸... было весело.

1 июля.

¹ Далее зачеркнуто: который едва ли будет Вам интерес[ен].

² Далее зачеркнуто: больше.

³ Далее зачеркнуто: и глаз казать.

⁴ Далее зачеркнуты два неразобранных слова.

⁵ Далее зачеркнуто: среди упрямо.

⁶ Далее не разобрано одно слово: мне (?); или (?).

⁷ Далее зачеркнуто: сменилс[я].

⁸ Далее не разобраны два слова: в душе (?).

13 июля.

Вы имеете полное право сердиться на меня, и даже больше, чем сердиться. В тот вечер, как Вы приехали, я изволил быть в дурном настроении духа, т. е. смотреть букой. «Фи! Как ломается человек», — сказали, вероятно, Вы с справедливой досадой. Я хотел оправдываться в этом письме, но, рассудив, погнал прочь все оправдания. Но за то я ведь и наказан, — и, признаюсь, довольно тяжело: я хотел застать Вас на другой день, чтобы покаяться, а тут вдруг дождь; само небо стало за Вас. Я пришел чрез полчаса после Вашего ухода.

Но и не совсем справедливо было бы сказать, что мне захотелось поломаться. Скука переходит в тоску или в тупую злость, когда совершенно теряешь власть¹ над самим собой². «Известное оправдание, — подумаете Вы. — Скука!» Но не забудьте, что я не хочу оправдываться, потому что наказанным нет нужды оправдываться. Нет, я хочу сделать кое-что другое. Нет ничего скучнее, как слушать жалобы на скуку, — и я вовсе не для того заговорил о скуке, чтобы доложить Вам, что вот и я-де скучаю и потому имею право делать грубости. Далеко не то: я хочу — знаете ли, что я хочу? Я хочу от скуки пофилософствовать о скуке, и имею на это важные причины. Во-перв[ых], иначе мне³ не о чем писать Вам. Я должен описывать Вам события моей внешней и внутренней жизни. Но около меня ничего важного не произошло, а мой внутренний мир представляет собою обширное серое поле, на котором ничего нет и на которое смотреть не хочется. Во-втор[ых], — но вторая причина так оригинальна, что нужно сделать маленькое отступление. Помните ли Вы Спинозу — того чудного философа, о котором мы как-то раз читали с Вами? Это был необыкновенный человек и великий философ: все человечество и прошедшее и настоящее не считает у себя таких людей даже десятками. Как-то даже⁴ неловко представлять его в ряду людей: так непохож он был на нас, обыкновенных смертных; словом⁵, это был падший дух, посланный на землю⁶ на покаяние. Воспоминание о высшем мире, где он прежде жил, постоянно тянуло его мысль куда-то высоко от земли, а сознание проступка спасло его от того гордого пренебрежения к бедному миру людей, которым часто щеголяют н е з д е ш н и е существа; примирение, полное примирение с землей и небом, с добром и злом, с радостью и горем, — вот что

¹ Над зачеркнутым: самообла[дание].

² Далее зачеркнуто: «Знаю, знаю, что Вы.

³ Далее зачеркнуто: нечего.

⁴ Над зачеркнутым: трудно даже.

⁵ Над зачеркнутым неразобранным словом.

⁶ Далее зачеркнуто: для.

проповедовал он людям. Постоянно подымаясь мыслью над землей, он достиг недостигаемой высоты и оттуда, с своего прекрасного высока, бесстрастным, но внимательным и полным примирения взглядом окинул вечно волнующийся и ¹... мир и провозгласил (жаль, что немногие могли расслышать его слова), что в мире действительно существует только одно божественное существо, а все остальное призрак — волны на море, мгновенно поднимающиеся и пропадающие без следа в вечном движении.

Так вот этот философ² предложил людям верное лекарство от страстей: хоть он был³ чужой между своими, но знал, чем особенно болеют люди. Он сказал, что страсть, как бы ни была она сильна и дурна, не надо ни презирать, ни любить⁴, ни ненавидеть, а нужно понять и разобрать и тогда она исчезнет сама собой. Не подыхать ли и нам с такой же операцией к скуке, которая мучит нас не хуже всякой страсти? Не хватить ли ее философским ножом? Хоть это, по правде, и не совсем острый нож, но для такого тупого злодея, как скука, м[ожет] б[ыть], такой и надобен. Поэты, кажется, сравнивают скуку с змеей; а змею бесполезно резать на куски: лучше разбить ей голову обо что-нибудь тупое и жесткое. Итак, мы будем философски разбирать скуку. Чтобы остаться верными всем правилам философских рассуждений, мы начнем с определений, что такое скука, как она действует между людьми и т. д. Это будет прелюбопытное рассуждение, и Вы сохраните его, как памятник, как доказательство, что от скуки я едва не поглупел,— ибо кому в полном разуме придет на ум философствовать о скуке?

Итак, что такое скука? Скука, говорят, есть болезнь образованных людей: простые люди никогда не скучают. Сколько несообразностей? Во-перв[ых], скука — не болезнь: всякая болезнь⁵ более или менее сильно занимает, тревожит душу и тело, напрягает⁶ наши силы, а скука есть именно такое состояние, когда ничто тебя не занимает, когда ни одну струнку души натянуть не можешь, хоть бы и хотелось, когда все силы твоего существа находятся в полном ослаблении, хоть и нет усталости и⁷ смутно востребность⁸ потребность что-нибудь делать⁹; это, конечно, от души, но тот тяжелый и скверный летний сон, когда заспишься, спишь выше меры, смутно слышишь все, что около тебя происходит, и, однако ж, не хочешь подняться. Довольны ли Вы моим определением, из которого и я сам не могу ничего понять. Но... да будет так;

¹ Далее не разобрано одно слово: движущийся (?).

² Далее зачеркнуто: сказал.

³ Далее зачеркнуто: между людей, как.

⁴ Над зачеркнутым: хвалить.

⁵ Далее зачеркнуто: есть нечто такое.

⁶ Далее зачеркнуто: все.

⁷ Далее зачеркнуто: она в.

⁸ Далее зачеркнуто: созн[ан]ие.

⁹ Далее зачеркнуто: говоря о.

пойдемте же дальше. Скука есть болезнь образованных людей. Вот это уж из рук вон смешно! Образование, говорят, дает человеку ясный взгляд на вещи, на других и на себя, на свои отношения к ним, на обязанности, подним[ает] силы души и тела¹, а скучающий² не знает, что и делать с собой: во всех уголках его души хоть шаром покати, все куда[-то] спряталось, — ни мыслей, ни стремлений, ни сил — ничего нет, хоть плюнь³. Нет, здесь что-нибудь да не так. Мой философский нож⁴ оказывается слишком плох: только мнет, а не режет. Поищем, нет ли где еще указаний на скуку. А помните ли Вы, что отвечал у Пушкина Мефистофель Фаусту*, этому несчастному доктору, который за раз уж слишком много хватил из чаши жизни⁵, так что ему все приелось? Фауст говорит: «Мне скучно, бес!» Мефистофель...

«О-го,— подумаете Вы,— куда хватил!» Да, от своей маленькой, минутной, можно сказать, скуки я⁶ шагнул к колоссальной, мировой фаустовской скуке. Злой Мефистофель!⁷ Как насмешливо и холодно отозвался⁸ он об этой гигантской скуке доктора Фауста? Итак, мы прощаемся с своей маленькой скукой; она исчезает при созерцании⁹ скучающего гиганта, который так сердито говорит:¹⁰ «Мне скучно, бес!» А между тем, действительно, век просвещения вызвал много скучающих людей. В начале нашего века явился байроновский Чайльд Гарольд — тоже громадный образ разочарованного и скучающего. А тут и у нас¹¹ тоже пошли скучающие с и л ь н ы е х а р а к т е р ы: Онегин, Алеко, Печорин, Демон и пр., и пр. Какая пропасть скучающих героев¹²! Все они — сильные, могучие характеры, по свидетельству¹³ их авторов, каждый из¹⁴ [них] готов сказать, как Печорин: «Я чувствую в себе силы необъятные», — а между тем сидит с своими необъятными силами да зевает во весь геройский рот. А все ли они были¹⁵ цвет образования¹⁶, пресыщены¹⁷ до тошноты, как Алеко? Нет, здесь что-нибудь да не то. А что же?

Я уверен, что Вы начнете терять терпение, дожидаясь, скоро ли

¹ Далее зачеркнуто: и т. д. и два неразобранных слова.

² Далее зачеркнуто: то и дело вздыхает да и одно неразобранное слово.

³ Над зачеркнутым: так что и.

⁴ Над зачеркнутым: поищем, что ли, где; итак.

⁵ Над зачеркнутым неразобранным словом.

⁶ Далее зачеркнуто: хватил.

⁷ Далее зачеркнуты два неразобранных слова.

⁸ Над зачеркнутым: встретил.

⁹ Над зачеркнутым: перед таки[м] скучающим.

¹⁰ Далее зачеркнуто: «Бес».

¹¹ Далее зачеркнуто: пошли.

¹² Над зачеркнутым: гигантов.

¹³ Далее зачеркнуто: поэтов своих.

¹⁴ Над зачеркнутым: все они.

¹⁵ Далее зачеркнуто: люди.

¹⁶ Далее зачеркнуто: по уши завязли (?) в цивилизации.

¹⁷ Далее зачеркнуто: цивилизацией.

кончу я эту глупую затею трактовать со скуки о скуке. Я уже кончил, мой друг! Это ничто, что кончил вопросом: когда-нибудь решим, когда¹ опять найдет минутный каприз трактовать от скуки. А теперь уж нет ее, этой² злодейки, и я впадаю в такой веселый лиризм, что стираю к³ Вам свои грязные руки⁴, мысленно осыпаю⁵ Вас поцелуями⁶ и чуть не с плясом говорю: «Нет, мы не будем скучать, пока есть в нас капля жизни!»

26. [А. М. БОРОДИНОЙ]

23 июля [1864 г.]

23 июля.

Я только что воротился из вояж де плезир⁷, предпринятого в Богородск, — воротился усталый, испеченный. Впрочем, это путешествие имело целью не один плезир: увы, плезир⁸ досталось мне очень мало! Я имел лукавую⁹ мысль исполнить тайное желание Н[адежды] М[ихайловны] — собрать сведения о К. и ими пощекотать ее уши. Я наконец совершенно делаюсь старой кумушкой, исполняющей сердечные поручения и подчас не чуждой желания посплетничать. Я ничего не узнал, а уж сколько наплету!...

Всякие вояжи тем особенно хороши, что дают вояжеру отличный случай поболтать¹⁰ о таких путевых впечатлениях, каких он и не испытал, а какие-н[ибудь] выдумал, где-нибудь прочитал, а от кого-н[ибудь] слышал. Но моя лень дает Вам лучшее ручательство, что я не решусь ни на то, ни на другое, ни на третье. Мне не хочется рассказывать и того, что было. Разве кое-что для потехи, но с условием — слушать терпеливо. Решившись ночевать в Б[огородске], я вздумал под вечер сходить в Сокольники повидаться с Г. Возвращаясь уже в сумерки, я предался размышлениям... Ведь могу же и я иметь свои размышления, как всякий барон имеет свою фантазию. Из этих элегических размышлений я выведен был около одной дачи, разумеется, музыкой: м[аленький?] оркестр играл какую-то польку или мазурку, а может быть, и польку-мазурку — не знаю. В пьеске были и заунывные, и веселые, задушевные нотки, но что сказывалось резче всего, — это глубокое чувство меры. Каждый мотив, каждая задушевная нотка тянулась ни больше, ни меньше, как сколько следует, ни дразня,

¹ Далее зачеркнуто: пр[идет].

² Далее зачеркнуто: сук[и].

³ Над зачеркнутым: готов послать.

⁴ Далее зачеркнуто: готов.

⁵ Над зачеркнутым: даю Вам м.

⁶ Далее зачеркнуто: Ваши руки.

⁷ приятное путешествие (фр.).

⁸ Далее зачеркнуто: очень мало выпало.

⁹ Над зачеркнутым: коварную.

¹⁰ Далее зачеркнуто: даже.

ни утомляя слуха, а¹ как-то мягко лаская его. Я думаю, такие именно ноты звучат в душе романтика[ического] любителя живых цветов, когда он вдруг появляется среди них с заранее приготовленной веселой бонтоной болтовней и ароматом от каждой нитки своего платья, оставляя в передней все свои закулисные дрязги. Подойдя ближе, я увидел среди двора на усыпанной песком площадке несколько танцующих пар больших и маленьких, но больше маленьких. Они весело кружились по площадке одна за другой, и во всех их движениях (вероятно, и в глазах, если бы я мог разглядеть их глаза) сказывалось² то же чувство меры, которым была проникнута музыка. Кажется, здесь все можно было высчитать математически: столько-то золотников грации, столько-то золотников симпатии³, столько-то удали, столько-то⁴ унций страстишки и т. д.

И т. д., и т. д. Когда я воротился, было уж совершенно темно. Весь Богородск пахнул сыростью; по улице неслись крики хоровода. Мы пошли слушать хороводные песни. Кружком стояло несколько десятков больших и малых обоого пола, и все тянули какую-то песню, из которой я разобрал: «Дома нету никого, полезай, сударь, в окно!» Но наше внимание привлекла след[ующая] сцена: среди этого кружка стояла взрослая, бледная дева с папиросой во рту, одетая по-городски, с растрепанной прической, запустив обе руки в карманы черного бурнуса. Перед ней в кафтане с золотым воротничком и высоких сапогах рисовался парень, неистово выводя сильно охрипшим голосом ту же песню. Он не только пел, но и разыгрывал песню: то поправит шапку на бок, то топнет ногой, то станет фертом, то положит обе руки на плечи своей прелестной визави, которая изредка отвечала ему некоторыми движениями. «Кукшина, Базелейт», — толкнул я своего приятеля. «Погоди, не торопись», — отвечал тот. Затянули «Плыла лебедь». Кружок тронулся и начал медленно двигаться вокруг, сцепясь рука с рукой. Одна пищала бог знает чем, другой басил тоже бог знает чем, третий просто орал на весь базар, и все это вливалось в ту невыразимую мелодию, которая могла бы взять за живое⁵ и упоить подпившего молодца, но которая совершенно расстроит трезвый слух. Вдруг появляется в кругу⁶ довольно пожилой, приземистый человек босиком, в пестрой рубахе и страшно тянет «Как по морю по Волынскому». Упомянутый парень с Кукшиной* среди круга разыгрывал «лебеда со лебедушкой». Он же играл и сына Ивановича, Дуная в другой песне⁷; известный

¹ Над зачеркнутым: она.

² Исправлено из слова: чувствовалось.

³ Далее зачеркнуто: удали.

⁴ Далее зачеркнуто: вож[деления].

⁵ Над зачеркнутым: сердце.

⁶ Далее зачеркнуто: старик.

⁷ Далее зачеркнуто неразобранных слов пять.

хороводный обиход, идущий от седой старины. Наконец, запели плясовую; из круга борзо вылетела какая-то тетка, руки в боки и пошла, и пошла; навстречу ей горничная в белом фартуке. «Эх, как¹ бы теперь гармошку», — закричал кто-то в толпе. Вот тут уж нет меры: тут кто в лес, кто по дрова и руками, и ногами, и горлом; что в ком есть, то и стараются и выкричать, и вытоптать ногами. Тут не вычислить математически ничего, ни граций, ни чувства, ни удали; тут все берут в охапку. Это отсутствие меры и числа может сильно понравиться, но, увы, только под нетрезвую руку. Вдруг является среди круга вышеупомянутый человек² в пестрой рубахе и босыми ногами начинает вытаптывать прелюбопытные штуки; всей компанией овладел необычайный восторг, мальчишки и девчонки заорали вслед за большими, и шапки полетели вверх со страшным «ура!». Этим все и кончилось. Мы потеряли из виду нашу Кукшину и ушли. Стояла тихая, темная, прохладная³ ночь, обещающая дождь. «Какую дрянь он мне рассказывает», — подумаете Вы. Что делать? Мой русский глаз ничего больше не мог приметить. Хоровод разошелся, но его песни и движения, казалось, еще носились в воздухе. Те же песни и движения исполняет вся русская земля в праздничные минуты, заканчивая⁴ их трепак[ом] под игру гармошки. Что же другое можно мне заметить? Нужно очень тонкое чутье, чтобы в эти праздничные минуты заметить что-н[ибудь] больше трепака и возбуждаемых им чувств. О буднях не говорю. И так везде — снизу доверху; прочтите какой угодно русский роман или⁵ повесть, там тоже мало меры и в его речи звучит тот же мотив, который сказывается в стихах песни «Дома нету никого». Да, все вертится на этом мотиве и трудно представить, какое широкое имеет он приложение на практике.

27. [А. М. БОРОДИНОЙ]

9 августа [1864 г.]

9 авг[уста].

Сейчас ходил⁶ я в у[ниверситет] и пишу.

Вы, может быть, уже знаете, в какой тревоге обретаемся мы, благодаря чьим-то стараниям поджечь дом Сарач[ева]. По рассказам обитателей, несколько попыток не удавалось, но вчера загорелся было сарай на том дворе, но пожарные затушили скоро. Ваши были, конечно, в испуге, особенно, кажется, Е[лизавета] М[ихайловна]. «Точно в Польше»*, — сказала А[лександра]

¹ Над зачеркнутым: вот.

² Над зачеркнутым: старик.

³ Над зачеркнутым: покойн[ая].

⁴ Далее зачеркнуто: веселое и два неразобранных слова.

⁵ Над зачеркнутым: и.

⁶ Над зачеркнутым: получил.

М[ихайловна] *, сидя на выдвинутом¹ сундуке. Вчера же все важные² вещи отправили в безопасное место и успокоились. Вечером Н[адежда] М[ихайловна] страшно хохотала после испуга, и мы долго ночью гуляли по двору, к а р а у л и л и. За фортепьяно мы все поклялись крепко стоять, я — рад даже голову сложить³. Итак, будьте покойны.

Теперь посчитаемся. Я только что прочитал Ваше письмо. За начало я не стану Вас благодарить: я прочитал его раза три и еще не раз буду перечитывать⁴. Но — выражусь с досады несколько витиевато — зачем в мелодию, полную звуков бетховенской сонаты, вводить звуки, составляющие с ней странный, неприятный диссонанс? Помните ли Вы т у строчку в письме, вдоль листа? Она так и перерезала хорошие поперечные строки. Она спрашивает⁵, стоите ли Вы того названия, которое я Вам дал. А[нна] М[ихайловна]! Во всяких сколько-нибудь близких отношениях есть вещи совершенно решенные, хотя никто никогда не решал их: они сами решились и доказали себя тем, что явились и сознаются обеими сторонами, проще — и мной и Вами. Стоите ли Вы и пр.? Неужто Вы хотите, чтоб это было Вам доказано? И так это решено: для устранения диссонанса я принимаю Ваш вызов за д а и для себя и для Вас.

Я давно не писал и каюсь, искренно каюсь. А расскажу Вам курьезный случай. Вчера во сне на меня страшно нападала собака. Спрашиваю Ал[ександру] М[ихайловну], что это значит. «Друг». — «Что такое друг?» — спрашиваю я. «Друг, друг, — отвечает она с улыбкой. — Кто-нибудь Вас поминает и желает с Вами видется». — «Ну, — подумал я, — знаю, кто это», — и боясь, чтобы не догадались, понес какую-то околесицу. А сегодня и сон в руку! Пишу это для того, чтобы Вы, читая, так же весело засмеялись, как смеюсь я теперь.

Еще Вам н о в о с т ь: В. Я. П. был у меня два раза и оба раза объявил желание идти со мной к Вашим⁶. С Н[адеждой] М[ихайловной] они опять говорили — о чем? Разумеется, о романтизме, о любви и проч. Она сама сказывала, что едва не проговорилась е му о несчастных «Котах».

Вы пишете о тоске и великолепных ночах: опять диссонанс! А я хотел было писать Вам, что от этих великолепных ночей нет покою. Ну⁷ зачем эта седая⁸ молчаливая бабушка ходит всю ночь такими неслышными шагами и так внимательным глазом заглядывает⁹ во все углы и окна, что ей за дело до этих углов и окон?

¹ *Над зачеркнутым:* узле.

² *Над зачеркнутым:* нуж[ные] вещ[и].

³ *Далее зачеркнуто:* по выражению пап.

⁴ *Далее зачеркнуто:* это.

⁵ *Над зачеркнутым:* гласит.

⁶ *Далее зачеркнуто:* и мы ход[или].

⁷ *Далее зачеркнуто:* что за дело этой.

⁸ *Далее зачеркнуто:* холодная.

⁹ *Над зачеркнутым:* посматривает.

Я сердит на нее: она не дает ни спать, ни дело делать, все манит вон из дому. Вы, впрочем, не дивитесь этому неудовольствию: людям несколько мечтательным, как я, не нравятся эти ясные¹ ночи; все так резко выступает на этом² холодном трезвом³ свете, что нет⁴ простора фантазии⁵; подобным мне людям всё были⁶ эти сумрачные, душные майские или июньские ночи⁷, а я их так жалко проспал или прозевал⁸.

Чем же мне разогнать Вашу тоску? Как-то я обещал Вам сообщить свои наблюдения⁹, впечатления, вынесенные из созерцания А. С. Займет ли это Вас? Предмет такой знакомый, да с тех пор я уж не видел ее и мне придется припоминать; горячий след остыл. Но мне хочется написать Вам побольше о чем бы¹⁰ то ни было, и я рад всякому подвернувшемуся под руку предмету. Перекрестясь, приступлю к сему делу трудному и великому.

Позвольте, не бьется ли сердце? Об этом не мешает справиться предварительно: ведь у многих билось и может биться не только сердце, но и все бренное существо при одной мысли, а я принимаю дерзкую роль описателя. Нет, спокойно,— и рука не дрожит, можно пуститься. Она села на том месте, где часто сидел я около Вас, в углу, у двери в другую комнату; против нее спиной ко мне сидела Н[адежда] М[ихайловна], и мне из-за ее плеч можно было видеть ее лицо, но так, что в случае нужды легко¹¹ было и отвернуться. Я¹² дал вид, что внимательно рассматриваю дом визави, а меж тем исподтишка поглядывал куда следует. Она была, по видимому, уверена в безопасности с моей стороны, и, бросив на меня несколько беглых, недоверчивых взглядов, мало-помалу увлеклась разговором с Н[адеждой] М[ихайловной], ведомым негромко и не тихо. Я его не слушал, не тем был занят. «Ну,— думаю,— она теперь забыла обо мне, а перед таким знакомым человеком, как Н[адежда] М[ихайловна], притворяться не станет». Я начал приглядываться¹³; сначала я ничего не заметил, даже смигнул, словно перед глазами моими мелькнула какая-то пестрая вещь, расписанная самыми яркими красками¹⁴. Обглядевшись, я стал всматриваться понемногу в это полное, красивое разгоревшееся лицо; меня так и обдало веянием здоровья. «Экая сила!»—

¹ *Над зачеркнутым:* светлые, трезвые.

² *Над зачеркнутым:* облито таким.

³ *Далее зачеркнуто:* серебристом.

⁴ *Далее зачеркнуто:* [не] дают.

⁵ *Далее зачеркнуто:* вот бы.

⁶ *Далее зачеркнуто:* туман.

⁷ *Далее зачеркнуто:* которые.

⁸ *Далее зачеркнуто:* за кнпгой.

⁹ *Наверху зачеркнуто:* замечания.

¹⁰ *Над зачеркнутым:* и я рад.

¹¹ *Над зачеркнутым:* можно

¹² *Над строкой:* оперся руками на.

¹³ *Над зачеркнутым:* всматриваться.

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* Потом.

шевельнулось в голове. В самом деле, сила сказывалась прежде всего на этом полном круглом лице — такая сила, что сама обладательница не могла с ней сладить; все на нем двигалось как-то само собой, даже не слушаясь ее воли, с какой-то удалью¹, еще не испытывавшей себя, не знающей себе меры. Ну, думаю, это растение выросло дома, не в поле, не на ветрах. Помните ли Вы рассказ Кохановской «После обеда в гостях»*, который мы с Вами читали зимой? Помните ли ту незабвенную болтуню² Любовь Архиповну, которая так наивно рассказывает о своей шаловливой, беззаботной, девической³ жизни? Я уверен, что такую именно удалой силой дышало ее лицо. Хоть еще долго А. С. жить, чтобы дожить до Любови Архиповны, но почему[-то] мне вспомнилась она при рассматривании лица А. С. Нельзя сказать, чтобы ему, этому лицу, и «скалы и тайные мели, и бури ему ничем»*, но оно не знает этих скал и бурь. Да, это растение росло в домашнем, спокойном, но в запущенном саду, на всей воле и просторе, без всякого вмешательства человеческого искусства (т. е. педагоги), как указала мать-природа. Но красивость, здоровье — дело известное, всякий видит это сразу: что ни дальше. Всмотр[иваюсь] дальше. Мне нет нужды описывать Вам черты лица: Вы их припомните. Впрочем, припомните ли? Н[адежда] М[ихайловна] как-то раз с своей обычной резкостью и меткостью выразилась об А. С., что пока видишь ее, кажется, хорошо ее знаешь, а ушла она, и⁴ не вспомнишь ни одной черты, как будто она незнакома. В самом деле, каждое лицо врезывается⁵ в память какой-нибудь одной выдающейся чертой, одной какой-ниб[удь] особенностью, в которой мы стараемся уловить его характер; по этой черте, по этой особенности мы и припоминаем все остальные черты и особенности. И вот я с напряжением вглядываюсь, стараясь поймать эту черточку, — нет, не дается; глаз скользит, как по отполированной металлической поверхности, не останавливаясь ни на одной точке. Все черты, все движения как-то равны, одинаковы, и между тем на этой ровной поверхности идет какая-то странная игра, от которой рябит в глазах. Небольшие — сравнительно с лицом⁶ — глаза так прытко бегают, выражение так быстро меняется; только начнешь ждать, что глаза⁷ раскроются и остановятся на Н[адежде] М[ихайловне], брови поднимутся и лицо осветится добродушной, веселой улыбкой, — глядишь, нет, а уж свет пропал, какая-то тень подернула его и опять слетела, и еще несколько таких⁸ п е р е л и в о в

¹ Далее зачеркнуто одно слово: сваливало (?).

² Над зачеркнутым: старушку.

³ Над зачеркнутым: молодости.

⁴ Далее зачеркнуто: позабуд[ешь].

⁵ Далее зачеркнуто: нам.

⁶ Над строкой зачеркнуто: светл[ые].

⁷ Далее зачеркнуто: широко.

⁸ Далее зачеркнуто: изм[енений].

прошло, прежде чем глаз¹ успел мигнуть². Эта поминутная³ игра смешивает наблюдателя и не дает ему ни на чем остановиться. В ясный солнечный день при ветре смотрите на гладкое место, покрытое тенью деревьев: зашелестит ветер и странно заиграют тени листьев и ветвей по гладкой⁴ поверхности, оставляя на ней постоянно меняющиеся полосы света. Глазу приятна эта игра света и тени. Такая же игра происходила и предо мной, но на человеческом лице она действует неприятно. «Подвижная физиономия», — подумаете Вы, и удивитесь: у А. С. подвижная физиономия! Совсем нет: подвижная физиономия глубоко волнуется, уж если говорить сравнениями; а это⁵ какая-то зыбь, не выносящая ничего из глубины, подобная той, которой покрывается зеркало в о д, когда мгновенно набегаёт на него легкий порыв ветерка⁶. Попробуйте остановить⁷ здесь внимание на какой-нибудь одной маленькой волне, попробуйте разобрать порядок и строй в этой ряби; ничего не разберете, это не то, что мирно поднимающиеся и падающие волны моря, заключу я опять сравнением, увы, не моим⁸, избитым поэтами всех времен и народов!

28. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

12 августа 1864 г.

Москва, 12 авг[уста] 1864.

Любезные Иван Васильевич и тетушка!

Здоровы ли вы все? Вы уменьшите долю зыскания, которая следует с меня за то, что пишу спустя 1 1/2 мес[яца] после вашего письма, — уменьшите во внимание к той скуке и тоске, в которой я провел нынешнее лето. Лето ведь уже проходит; под окнами то и дело кричат: «Сливы, яблоки, садо-вишень!» Это такой же верный признак близкой осени, как и стаи журавлей, стремящихся на теплые воды. Я часто порывался писать, но на другой день вставал часов в 11 и уверял себя, что до почты не успеешь. И зато сколько вопросов готов я теперь задать вам: как прошел ваш храмовой праздник, потом 2 августа? Как прошла ярмарка? Как прошло у вас лето? И все прошло! Одно только идет еще: именно ходите ли за орехами? Дядюшка А[лександр] Ф[едорович] непременно ходит. Он великий мастер рвать орехи! Далее, вопро-

¹ Над зачеркнутым: один ми[г].

² Далее зачеркнуто: глазом.

³ Над зачеркнутым: странная.

⁴ Над строкой: освещенной.

⁵ Далее зачеркнуто: похожа на что-то.

⁶ Далее зачеркнуто: Разберите и над ним одно неразобранное слово.

⁷ Над зачеркнутым: сосредоточ[ить].

⁸ Далее зачеркнуто: а столько раз.

сы. Были ли цветы в присаднике? Были ли огурцы в огороде? Течет ли в нем еще Шелаховка * и ставят ли Поль с Михаэлисом мельницы на ней? И т. д., и т. д.

Благодарю вас за известия, к сожалению краткие, которые вы написали в прошлом письме. Вы пишете, что Лиза была у вас летом и жаловалась, что я не пишу. Но я и не мог и теперь не могу писать, потому что не найду того письма, в котором вы обозначили ее адрес, а в памяти он не удержался. Я бы хотел написать; вы передайте ей от меня поклон и скажите это, если будете ей писать или увидите. В следующем вашем письме я прошу вас написать и о том, по какому адресу посылать ей письма. Как она поживает?

Я должен опять повторить к вам просьбу — напишите что-нибудь о саранских *. Я знаю, что неисполнение этой просьбы зависит не всегда от вас: саранские мало и редко пишут, а потому и вы о них часто не имеете сведений. Я же совершенно ничего не знаю и вообразить не могу, как они поживают. Евфим Петр[ович], думаю, и сердиться на меня перестал с тетушкой *. А как бы хотелось узнать что-нибудь о Сашеньке! Я думаю, она теперь значительно изменилась: три года не безделица. Есть ли у ней дети? Если есть, напишите: я подниму голову и скажу в раздумье: «Да, и я уж дядя!» А может, я давным-давно уж дядя. Не знаю, ибо о Евлампии Евф[имовне] и Алексее Евф[имовиче] * также ничего не знаю.

Потом, погрудитесь написать — вместо того, чтобы писать о себе, я все прошу вас писать о мамаше, бабеньке: здоровы ли они? Попросите мамашу приписать строки две *: уж сколько времени она ничего не писала. Вообще, как вы провели лето — напишите.

Теперь о Поле. Я ему не пишу прямо: пусть он еще раз почувствует, что не хорошо гулять месяц и ни разу мне не писать. Это говорю я по собств[енному] опыту, ибо сам гуляю вот уже третий месяц и не писал до сих пор и живо чувствую, как это нехорошо. Что же он делает на свободе? Созерцает летнее небо и позабывает, как всякий небо созерцающий, что ему следовало бы отписать мне обо всем. Как досадно! Я не писал ему к именинам именно потому, что было досадно. Теперь август — поэтическая пора лучших праздников — преображенья, успенья, Ивана постного, — лучших потому, что они вакационные, а время семинарское и теперь еще подчас так живо чувствуешь, будто еще только-только простился с ним. Во-перв[ых], всего лучше было бы в это поэтическое время его — положим — не поэтической руке изобразить свое состояние духа, а во-вт[орых], мимоходом написать, в котором он классе, как идут его семинарские отметки и как шествуют его собственные занятия, ибо, думаю, он этих вещей не смешивает. Какие учителя у них и учат как и чему? А я тогда написал бы ему свои мнения о том о сем, свои воспоминания, какие пойдут к делу, и все бы пошло, как следует. Да и о Михаэлисе написал бы, что он и как; ведь это е г о дело. Одним словом, я готов разжурить

Поля. Но собственно для него напишу новость. Так как он еще пребывает в обаянии риторики, то она не будет ему безынтересна. Российская словесность, она же и риторика, как известно, самый безалаберный предмет, некая куча навозная, где ни порядка, ни строя не имеется. И это не в семинарской одной словесности, но и во всех; в гимназии она — прибежище для учительской и ученической болтовни о разных художественностях, гениальностях, поэтичностях и прочих высших взглядах, не имея, однако ж, того достоинства семинарской, чтобы выучить писать без ошибок грамматических и орфографических. Теперь вышла программа, которая определяет, что должен знать по словесности учащийся в среднем учебн[ом] заведении, следов[ательно] и семинарии. По ней теперь экзаменуются для поступления в университет. Начало этой программы, которым она руководствовалась, правило ее: *pop multa, sed multum*, — знать не многое, но о немногом знать много, попросту немного, да хорошо. Программу эту давно составлял, я знаю, добрый Ф. И. Буслаев с некоторыми учителями здешних гимназий. Во-перв[ых], риторики, словесности, пиитики, всех этих учений о родах и видах произведений, всех этих теорий нет в программе, а есть только история литературы и то лишь главнейших писателей, да и из них требуется изучить какое-нибудь одно произведение, а из одного произведения, если оно большое, напр[имер], «Илиада», «Мертвые души», надо изучить хорошенько одну какую угодно часть, так чтобы в состоянии быть основательно разобрать ее. Общие рассуждения нужны только настолько, насколько требует его разбираемое место — не более. В семинарии нет истории русской литературы: теперь эта обширная quasi-наука сокращена так, что и семинарист может один одолеть ее. Вместо перечисления всех произведений русской словесности в программе стоят только след[ующие] писатели и произведения: былины и духовные стихи, Нестор, «Слово о полку Игореве», «Домострой» Сильвестра, Котошихин, Ломоносов, Державин, Карамзин, Крылов, Фонвизин, Пушкин, Гоголь — и все. Из каждого надо изучить одно или несколько произведений, причем указано и то, что писано об авторе, откуда можно узнать о нем нужное. Из иностранной литературы — только то, что переведено на русский язык. Поль может достать программу эту и в Пензе из любопытства, а пожалуй, и для руководства. Там узнает и то, что требуется по русской грамматике и церковнославянскому языку.

Но подобно древнему Катону, который о чем бы ни говорил, всегда оканчивал речь роковыми словами «*Caeterum censeo Carthaginem esse delendam*»¹, и я повторяю Полю, что лат[инский] и гр[еческий] языки не должны никогда выходить из круга его занятий. И он ничего об этом не хочет писать, сколько раз я ни задираю его! Кстати, занимается ли он новыми языками? Вот

¹ «Кроме того я считаю, что Карфаген должен быть разрушен» (лат.).

если бы выучился он по-немецки, я прислал бы ему для философии отличную немецкую психологию — маленькую книжечку («Neue Seelenlehre»), написанную просто и увлекательно, но излагающую учение о душе по системе знаменитого немецкого философа Бенеке. Читаешь ее, как занимательную повесть: ни глубокомысленных рассуждений, ни философского языка, а между тем не хуже какой угодно глубокой психологии разобраны и объяснены все явления душевной жизни. Итак, Поль должен избавить меня от досады на его упорное молчание.

У нас ждется новость: 15 авг [уста] будет примерное сражение и маневры в присутствии императора, чего говорят, с Николая уже не бывало. Но я не пойду смотреть; народу будет тьма, и мне с слепыми глазами ничего не удастся видеть, если бы и пошел.

Пишите; Вы, тетушка, также давно не писали сами, а как бы хорошо было. Да чтобы карточку-то! Я здоров и отсыпаюсь в ожидании открытия лекций. Кланяйтесь от меня всем, бабеньке, Ал[ександру] Фед[оро]вичу (просите и его написать), мамаше; Катюру и Михаэлиса н е с ч е т н о р а з! Прощайте до скорого письма!

Ваш В. Ключевский.

Передайте приложенное письмо дядюшке Н[иколаю] Ф[едоровичу]. Настя * здравствует ли?

29. П. И. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

[Ранее 28 октября 1864 г.]

Любезный Поль!

Признаться ли? Если бы на конце твоего письма не стояло твоего имени, я мог бы усомниться, ты ли писал это письмо. Не то, чтобы там встретил я противное тому, что ты прежде говорил, но ты с такой догматической смелостью определил свой взгляд на некоторые предметы образования. И я не присутствовал при процессе этого определения, ты не соизволил посвятить меня в тайны той работы, которой ¹ сложила и определила в тебе эти взгляды! Что делать? Ты не захотел, молча делал свое дело, и я могу только посетовать на твою скрытность.

Но, во всяком случае, благодарю за письмо: столько приятных новостей принесло мне оно! Ты порядочно читаешь по-французски, готовишь себя для ест[ественных] наук и, — само собой уже разумеется, — не пренебрегаешь и математикой, без которой немислимо естествознание. Итак, ты, питомец теологии и философии, не презрел этих мирских, грешных наук! Похвально оказывать покровительство неправедно гонимым! Притом не везде же гонимы они, эти грешные науки. Там, за стенами теологии они высоко

¹ Так в рукописи.

подняли свое знамя, и смотри, сколько бойцов стоит под этим знаменем. Вся поднебесная оглашается кликом их славы. Я — абсолютный невежда в этих науках — даже я слышал имена и Гумбольдта, и Агассиса, и Дарвина, и др. Но главное — ты ищешь не мертвого, парализующего образования, но такого, которое поддерживало бы внутреннюю жизнь души человеческой», и проч. И я после этого не понимаю, зачем бы тебе «с таким направлением стоять на воздухе и болтать ногами». Знаю, мало пища дает семинария; но смотри, какая масса книг переведена и переводится на русский — все по естеств[енным] наукам, а для математики не нужно много книг: голова — лучшая книга для вычислений. Но... «в пылу философского восторга я,— пишешь ты,— забываю, что у меня под ногами нет почти ничего», т. е. нет реального образования. Вот в чем дело!... Дальше, ты говоришь, что больше обрадовался бы, если бы я сказал что-нибудь в пользу новых языков, и прибавляешь: «Но древние языки — к чему мы тратим столько времени на них? Лат[инский] хоть в медицине и ест[ественной] истор[ии] пригодится... но греческий?» Позволь мне развить твою мысль по правилам хрий сравнениями, уподоблениями и примерами и прибавить несколько *pars pathetica*, т. е. чувствований души по этому поводу. В самом деле, почему? Для медицины и ест[ественной] ист[ории] нужно немножечко латинского, так пустяки, несколько названий, а тут за ним сидят, сидят!... И как досадно, что не только духовная школа, но и все европ[ейское] человечество тратило, тратит и, кажется, еще думает тратить столько дорогого времени за какими-нибудь Гомером, Фукидидом, Цицероном, Горацием *et caetera* ¹! И что это за злая ἀνάγκη², что за неумолимая εἰμαρμένη³, что за адское *fatum*⁴, что новоевроп[ейское], христианское человечество с тех пор, как только стало помнить себя, сидит за этими язычниками и доселе не может отрешиться от грустного предрассудка, что уму-разуму надо учиться у этих чуждых нам людей и преимущественно черпать его из греч[еской] и лат[инской] грамматик!

Итак, напрасно считал я этот вопрос порешенным, напрасно вопиял катоновским «*Carthaginem esse delendam*»⁵. Итак, я был βοῶν βοῶντος ἐν τῇ ἐρήμῳ!⁶

Между приведенными отрывочными замечаниями твоего письма я нашел такую связь: ты ищешь живого образования; живое образование есть образование *ре а л ь н о е*, именно такое образование дает естествознание, преимущественно по кр[айней] мере; для такого образования нет большой нужды в древних языках,

¹ и так далее (*лат.*).

² необходимость (*греч.*).

³ роковая судьба (*греч.*).

⁴ неотвратимая судьба, рок (*лат.*).

⁵ «Карфаген должен быть разрушен» (*лат.*).

⁶ гласом вопиющего в пустыне (*греч.*).

гораздо важнее языки новые; не нужно для него и философской премудрости, ибо одна эта премудрость заставляет только болтать ногами на воздухе. Правильно ли восстановил я порядок твоих мыслей, скажи сам.

Прекрасно и это искание живого образования и прочной реальности знания, прекрасно и это недоверие к одним философским эволюциям и желание посредством знания новых языков стать участником современного умственного движения, совершающегося. увы, у других народов и от которого к нам летят одни щепки. Но, любезный Поль, выслушай, что я тебе скажу. Мне кажется, в основании твоего ряда мыслей лежит кое-что неясное; все неясное должно быть устранено, и я прошу преклонить твое ухо к моему ряду мыслей; может, кое-что станет для нас яснее.

Во-перв[ых], что такое мертвое образование, которого ты отворачиваешься с похвальным негодованием? Есть ли это известные знания, навсегда осужденные на мертвенность, или что другое? Поразмислим о сем. Напрасно ищущу я такого знания, которое абсолютно во всякой голове ложилось бы мертвым куском. То, что лежит таким куском в одной голове, смотришь — прекрасно растет и приносит самые свежие плоды в другой голове. Примечай-ка хорошенько! Не повторяется ли с нашим знанием та же история, какая случилась с семенами притчи Христовой? Одинаковые семена были вынесены на ниву, но одно упало на камень или в глухую трущобу, а другое на хорошую землю, и от этой разницы, т. е. от разницы в свойствах почвы, а не семени произошло то, что одно семя стало мертвым, а другое выросло. Имеющий уши слышать да слышит! Семя — это знание; разные виды почвы — это разные мозги человеческие. Вот тебе толкование притчи, сделанное по строгим правилам герменевтики. Перенести точку зрения: знание, если оно уж знание, а не призрак или обман, не может быть мертвым; но оно может попасть в голову, не могущую принять и вырастить его. А эта печальная история может случиться со всякой головой, даже превосходной головой. Почва, по которой превосходно растет ячмень или рожь под 60° или 65° сев[ерной] шир[оты], конечно, хорошая почва, но не сей на ней нежных злаков юга, ибо пропадет твое семя, умрет в этой все-таки хорошей почве, «умрет и не воскреснет». Итак, переместись на солнце своей мыслью и там увидишь, что земля вертится; когда стоишь на земле, необходимо должно все прочее вертеться — у тебя в глазах. Мертвенность образования происходит не от тех или других знаний, усвояемых нами, а от способа усвоения, от свойства усвояющей головы. Мертво то, что лишено способности движения, развития; знание есть деятельность или продукт деятельности ума; если эта деятельность, направившись на известный предмет, ничего с ним не сделала, если он вошел в голову мертвой массой, то он так и остался мертвой массой, но не сделался знанием, — и не потому не сделался им, что мертв по своей природе — таких

предметов не имеется в области познаваемого, — а потому, что пришлось не по силам и свойствам познающей деятельности.

Я не стал бы пускаться в эти философствования, которых ты не любишь, если бы они не имели тесной связи с тем взглядом на твои занятия, который я хочу высказать тебе. Ты по опыту знаешь, чем отличается молодой ум, т. е. ум в молодости: он необыкновенно легко и крепко за п о м и н а е т; говорят, в детстве и молодости свежа память. Пользуясь этим, детей и заставляют усваивать то, что требует только памяти, — заставляют многое учить наизусть, занимают их н о в ы м и языками и т. д.¹ Это время живой восприимчивости; с усиленной энергией действуют тогда господствующие, пассивные силы души, подчиняющие ее внешнему действ[ию] мира, — внешние чувства, память, воображение, сердце. Тогда особенно живется и думается по непосредственному впечатлению, безотчетно. Эти силы постоянно стесняют своим влиянием свободную деятельность² ума. Отсюда и этот детский каприз, детское упрямство. Как³ освободить молодую душу от этих внешних влияний, с такой силой⁴ подсказывающих ей⁵ решения помимо ума, как заставить ее действовать иногда одним умом? Вот для этой цели предлагают молодой голове математику. Она уединяет⁶ нас⁷ от всего ост[ального] мира, сосредоточивая внимание исключ[ительно] в пределах ума; здесь ум становится глаз на глаз с самим собою. При мат[ематических] вычислениях можно⁸, а иногда даже нужно не только забывать все, что видел, слышал и т. д., но и отрешаться от остальн[ых] способностей души; при реш[ении]⁹ мат[ематических] задач молчит твоя¹⁰ лю-

¹ *Далее зачеркнуто:* Но самое тревожное, самое щекотливое дело в воспитании — пробуждение и развитие мыслящей деятельности. Как пробудить в этом запоминающем, пассивном уме потребность отчета, правильного мышления о том, что вошло в голову извне, потребность добираться до причин и угадывать следствия. Для этой цели предлагают ему математику. Математика не дает ничего реального, но она заставляет мысль идти по строгим правилам здравого рассудка, заставляет выводить из данного только то, что выходит из него, — ни более, ни менее. В ней все — отвлеченность; с отвлеченностей начинаются ее первые строки: что такое ч и с л о, единица, как не чистые отвлеченности? Арифметические или алгебраические вычисления становятся ум глаз на глаз с его природными законами и требованиями, отрешая от остальных способностей, которые изменяют иногда действие этих чистых законов, и, уединив так[им] обр[азом] ум сам в себя, заставляют его уяснить эти законы и по ним вести свою деятельность.

² *Далее зачеркнуто:* рассудка.

³ *Далее зачеркнуто:* обуздать это.

⁴ *Далее зачеркнуто:* действ[ующих].

⁵ *Над зачеркнутым:* ему.

⁶ *Далее зачеркнуто:* тоже.

⁷ *Далее зачеркнуто:* в пределах нам.

⁸ *В рукописи ошибочно:* нужно.

⁹ *Над зачеркнутым:* решая.

¹⁰ *Над зачеркнутым:* не чувствуешь ни.

бовь и ненависть, тебе не подсказывает¹ никакое постор[оннее] соображение, никакой авторитет, ты не думаешь, что так следует сделать потому-то и потому-то, а просто говоришь: т а к н а д о и т о л ь к о. В мате[матике] все отвлеченности; с отвлеченностей начинаются ее первые строки: что такое число, единица, пять, как не чистые отвлеченности.

(Что такое за выражение « $8+2=10$ », как не выражение того же закона, который требует признать, что 10 есть 10 и только, что э т а вещь есть э т а вещь и ничего более,— закона, который логика окрестила именем «закона тождества». А вот эта алгебр[аическая] формула « $a - (-b) = a + b$ » даже не мыслима, нелепа на практике, а между тем она есть выражение того же строгого закона ума.) Вот почему математика кажется сухой для детского ума: кто весь находится под влиянием внешних впечатлений, тому скучно и тяжело уединяться в своей голове и иметь дело, так сказать, с беспредметными представлениями и понятиями.

Но нельзя ограничиться одними беспредметными представлениями. Мы живем среди предметов внешних, случайных для нас, которые мы волей-неволей должны понять и узнать,— и вот тут-то начинается более скользкая дорога для нашего ума. В математике сложение поверяется вычитанием, а вычитание — сложением; в познании внешнего мира мы не отыскивали еще таких способов проверки; здесь, сбившись с прямого пути рассуждения, можно дойти до конца и не заметить заблуждения².

30. П. И. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

28 октября [1864 г.]

[...] Ты заявляешь, что классические языки, мертвые языки, «слишком высоко поставлены в нашем образовании». Предоставляя тебе самому судить, хорошо ли делать нападки на мертвых, я спрошу: где они слишком высоко поставлены в нашем образовании? Кто это ставил их так? Что гимназистов заставляют знать склонения и спряжения по Кюнеровой грамматике — неужели это значит поставить древние языки слишком высоко? Неужели выучиться ощупью идти (по указке учителя) по какому-нибудь Саллюстию или Корн[елию] Непоту — значит потратить много времени и м н о г о с и л, как ты выражаешься? Зачем клеветать на русское образование, что оно заставляет тратить много времени и сил на древние языки? Эта клевета была бы отличным комплиментом ему, но, к сожалению, она — клевета, этого нет на самом

¹ Над зачеркнутым: поможет.

² Далее зачеркнуто: Мир наших логических понятий — довольно светлый мир, издали можно заметить, где придется стукнуться лбом, и заранее повернуть на прямую дорогу. Мир внешний — потемки.

деле. «Жаль, что нет Чернышевского, — восклицаешь ты, — вот человек!» Вероятно, ты не договорил, что вот этот человек задал бы этим несносным мертвым языкам, отнимающим у нас столько времени и сил. Ну, задал бы, поразил бы: что же из этого? Много ли чести бить лежачих! Вот если бы он заговорил об этом в Германии или Англии, там это имело бы смысл: там действительно теряют на них м н о г о времени, но не сил, а, напротив, приобретают от них громадные силы, делающие возможными такие явления в науке, как братья Гумбольдты, братья Гриммы, Лессинги, Фихте и проч., и проч. Как это умеют они делать, — не нам с тобой попытаться. А на нашей бедной ниве просвещения — позволь выразиться несколько по-семинарски — поднимут вопрос о том, что-де если в учебной программе порядочные педагоги приняли ставить древние языки, то не мешало бы и нам подучить греческие и латинские грамматики, — только этого и потребуют, не больше, — а глядишь, там уж в «Современнике» или «Русском слове» подняли страшный гвалт, зачем томить молодые, свежие силы над пустяками! Чернышевский — талантливая голова, ловкое перо, но если он говорил когда-нибудь печатно против древних языков в духе «Русского слова» или Антоновича, то будущий историк русской цивилизации, покрыв полным забвением и «Русское слово», и Антоновича с другими теперешними подвижниками «Современника», не отнесется с сочувствием к выходке Чернышевского, которого, разумеется, не пройдет молчанием. [...]

1866 г.

31. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

20 апреля 1866 г.

20 апр[еля] 1866.

Любезный Иоанн Васильевич!

Известия, сообщенные Вами мне в полученном мною сегодня поутру письме, прибили и принизили меня. На днях Маршев, встретясь со мной, сказал: «Что у Вас там случилось?» — «Что?» — спрашиваю я его. — «Да, говорят, тетка, мать»... Вы знаете, Иван Васильевич, из моего последнего письма, к каким ожиданиям я был настроен; но намек¹ Маршева на тетку показался мне до того нелеп, что я ничему не поверил и замаял речь. Может быть², утешал я себя, чаша эта по милости божьей мимо идет нас.

¹ Над зачеркнутым: слова.

² Далее зачеркнуто: думал.

Я ждал известия от Вас, а между тем до сего дня боялся зайти в университет, обходил его, чтобы не наткнуться на письмо. Сегодня¹, когда я взял письмо² и увидел на нем черную печать, в сердце стукнула темная мысль: «Все кончено! Бедная матушка!» Но я никак не думал, что горе, которого я ожидал, только половина горя, о котором возвестило мне Ваше письмо. Две потери сразу*, — и какие потери! Теперь, когда я пишу к Вам³, когда я немного одумался и опомнился от тупого забвения⁴, давившего меня весь день, я чувствую⁵ два едкие⁶ ощущения, которые никак не соединяются в одно. К известию о матушке я был уже немного подготовлен: я спрашивал о⁷ болезни, которой она страдала, и получал ответы, не позволявшие много надеяться. Но, дорогая моя тетушка? Мог ли я⁸ предполагать что-нибудь подобное? Когда я прочитал первые строки второй половины Вашего письма⁹, где Вы¹⁰ после спокойного напоминания¹¹ уже известных мне событий прошлого года вдруг¹² переходите к известию о¹³ тетушке, мне показалось, что Вы не пишете, а плачете: таким горьким горем проникнуты эти первые строки и так неожиданно и горько переданное ими известие, что, — признаюсь Вам, — я почти равнодушно прочитал далее о матушке¹⁴; это последнее¹⁵ после первого показалось мне¹⁶ по как[ой]-то странной логике очень простым и естественным. Теперь, читая и перечитывая вторую страницу Вашего письма, я с тупым упорством стараюсь решить¹⁷, какая потеря¹⁸ тяжелее, — та или эта. В¹⁹ печали по матери говорит кровь: это тяжелая, долгая, глухая печаль; иного рода чувства²⁰ сказываются в печали о тетушке. Мне грех забыть, чем была она для нас всех, для меня²¹ в особенности, хотя, может быть, по недостатку нравственной²² силы я не всегда ценил это²³ надлежащим обра-

¹ Далее зачеркнуто: получив.

² Далее зачеркнуто: взглянув на.

³ Далее зачеркнуто: по прошествии более по.

⁴ Далее зачеркнуто: в каком.

⁵ Далее зачеркнуто: что.

⁶ Далее зачеркнуто: чувства.

⁷ Далее зачеркнуто: ее.

⁸ Далее зачеркнуто: предпо[ложить].

⁹ Далее зачеркнуто: полагая.

¹⁰ Далее зачеркнуто: вдруг.

¹¹ Далее зачеркнуто: преж[де].

¹² Далее зачеркнуто: перех[одите].

¹³ Далее зачеркнуто: смерти.

¹⁴ Далее зачеркнуто: в этом.

¹⁵ Далее зачеркнуто: я уже почему-то был.

¹⁶ Далее зачеркнуто: почему-то.

¹⁷ Далее зачеркнуто: что.

¹⁸ Далее зачеркнуто: хуже.

¹⁹ Далее зачеркнуто: горе.

²⁰ Первоначально было: чувствами.

²¹ Над зачеркнутым: всех, для меня, дл[я].

²² Далее зачеркнуто: [нравствен]ного чувства.

²³ Далее зачеркнуто: в.

зом¹. Теперь я живо припоминаю² весну перед отъездом моим в Москву³, мою болезнь,— припоминаю, как о н а⁴, моя дорогая тетушка, с опасностью для себя заботилась обо мне, как накануне отъезда ночью долго беседовала со мной, там, в зале, у зеркала⁵, давала советы, просила писать по крайней мере раз в неделю, как плакала при прощанье, хотя сама едва встала с постели, — все это я живо вспоминаю теперь и⁶ горько сознаю, что⁷ все это по той же слабости нравственного чувства, развлекательный ежедневными мелочами, я забывал⁸. Теперь я тщательно пересмотрел все уцелевшие письма, где есть ее приписочки, перечитал их: столько нежного, материнского чувства ко мне в этих немногих, наскоро написанных строчках! Я думаю, и Вам теперь дорога каждая строка ее: вот одна из ее приписок в Вашем письме от 20 марта 1863 года.

«Милый В. О! Примите и от меня поздравление с наступающим светлым праздником, желаю в радости проводить оный; благодарю Вас за поздравенье и заботливость о моем здоровье, теперь слава богу здоровью, чего и Вам желаю⁹. Как бы желательно повидаться с Вами; и во сне редко вижу. Прощайте. С любовью к Вам остаюсь Е[вдокия] Е[вропейцева]».

Я всматриваюсь на карточке в ее доброе лицо, немного постаревшее в сравнении с тем, как я¹⁰ знал его в Пензе, и едким, болезненно сжимающим чувством поднимается во мне раскаяние. «Теперь посудите,— пишете Вы в заключение,— в каком я нахожусь положении». Хотя смутно, но я понимаю Ваше¹¹ душевное состояние, сравнивая его с своим: я¹² чувствую тяжесть этих невознаградимых потерь, хотя¹³, вероятно, далеко не в такой степени, как Вы; но для Вас¹⁴ воспоминания о наших милых, недавно покинувших нас, не¹⁵ соединяются с упреками совести¹⁶, как для меня, и в этом мое горькое преимущество пред Вами. Вот что унижает меня нравственно, ослабляет во мне доверие к моим собственным нравственным силам: самым дорогим для меня людям я не воздал должного при их жизни. За матушку я буду отвечать

¹ Над строкой: степени.

² Далее зачеркнуто: лето.

³ Далее зачеркнуто: свою.

⁴ Далее зачеркнуто: с опас[постью].

⁵ Далее зачеркнуто: просила.

⁶ Далее зачеркнуто: все знаю.

⁷ Далее зачеркнуто: не сделал.

⁸ Далее зачеркнуто: и не сделал половины того.

⁹ Далее зачеркнуто: желательно.

¹⁰ Далее зачеркнуто: видел.

¹¹ Далее зачеркнуто: поло[жение].

¹² Далее зачеркнуто: сам.

¹³ Далее зачеркнуто: далеко, может быть.

¹⁴ Далее зачеркнуто: горесть.

¹⁵ Над строкой зачеркнуто: уснпява[ются].

¹⁶ Над зачеркнутым: чувств[ом] раскаяния.

богу; мой неисполненный долг¹ к тетушке лучше всего высказать Вам. Я как теперь вижу ее накануне моего отъезда в Москву: с любовью, которая может равняться только материнской любви, она давала мне советы, высказывала свои желания, говорила долго; ее советы я слишком часто забывал, то, о чем она просила, я едва исполнил и вполовину. Вот что внушает мне плохое доверие к своему нравственному чувству. За это я и наказан нравственно: мне не пришлось бросить прощального комка земли в их могилы...

Итак, родственный круг наш редет, гнездо разоряется, судьба сурово разбрасывает нас далеко друг от друга, но чаще всего препровождает в ближнее вечное селение, к женам мироносицам; здесь, вокруг дедушки, понемногу один за другим² ложатся его чада и внуки, заводится новое гнездо,— спокойное, непробудное до д н я о н о г о. И мне страшно сравнивать число отошедших в т у с е м ь ю³ на моей памяти с числом оставшихся здесь, с бабушкой: я боюсь прийти к слишком грустному итогу.

Может быть, любезный Иван Васильевич, при Вашем теперешнем⁴ тяжелом положении не совсем уместна моя печальная болтовня; но для меня это единственное средство освободиться от тягостного чувства одиночества, которое особенно болезненно⁵ жмет после Вашего письма. Вы будете снисходительны к моему⁶ теперешнему многословию.

1867 г.

32. П. П. ГВОЗДЕВУ

22 января 1867 г.

Москва, 22 янв[аря] 1867.

Любезный сват и кум!

Из глубины моего бессовестия пишу к тебе, *carissime Porphyri!* Следовало бы писать красными чернилами, чтобы наглядно представить цвет, который должен бы выступить на лице моем. Увы, и этого нет: лицо мое бело белизной Якова Петровича.

«Отчего же это?» — спросишь ты. Отчего!... Я думаю, ты или кто-нибудь другой, имея обо мне лучшее мнение, чем следует,

¹ Далее зачеркнуто: пер[ед].

² Далее зачеркнуто: собираются.

³ Далее зачеркнуто: вечной памяти.

⁴ Далее зачеркнуто: печальном.

⁵ Далее зачеркнуто: дало.

⁶ Далее зачеркнуто: многословию.

поговаривал: «Не заболел ли? Не пропал ли где-нибудь в чувашском овраге?» Нет, не пропал, но болел — и чем? Болезнью, против которой не найдешь ничего в аптеке, — бессовестием.

Впрочем, ты немножко извинишь меня, если войдешь в мое положение. Приехав, я едва успел обогреться, оттереть нос, как почувствовал, что неудержимая сила втягивает меня в колею, из которой я выступил на такое короткое и блаженное время. От[о]всюду протянулись пары рук, между которыми была не одна пара маленьких и очень недурных: подойди, подойди, — кивали эти руки, и разом цап-царап! И понесли, и помчали — и только отходя ко сну, иногда вспомнишь, что было, что надо сделать и чего не сделано. Ты ознакомился с моими эстетическими поползновениями, и представь, в Большом театре идет такая сволочь, все по части Терпсихоры, — и ни одной оперы. У кого и были голоса, верно, охрипли, и бедная Эвтерпа, оборванная и без юбки, стоит в уголку и горько рыдает; и я-то, ее записной поклонник, запиваю хмельничком свое горе. Проклятые Островский и Мольер свирепствуют на обоих театрах перед публикой, давно страдающей страстью саморугания. Вот, в эстетическом голоде твой повеса спляется по домам, где может перепасть в его уши один-другой заветный звук Бетховена или Мендельсона-Бартольди.

Вот тебе и объяснение беспутства, с которым я до сих пор не собрался писать тебе. О другом не говорю: там пыль, скука, сор.

Москва — как всегда: голова у задницы, а впереди живот да кулак. Как только приехал я, мне рассказали, что известный московский миллионер Хлудов с товарищи побил немцев и немку в одном трактире. И ничего! Молодые адвокаты защитили так, что им проходу не давали после товарищи, тыча в глаза устарелыми вещами вроде совести, чести, уважения к общественному мнению и т[ому] п[одобным] сором. Потом рассказали мне, что замоскворецкие купцы решили поддерживать материально Аксакова и его «Москву» *, а может быть, даже и вызвали его к издательской деятельности, к которой он, впрочем, до сих пор не обнаружил особенного таланта. Я, впрочем, не читаю «Москвы» и не могу ничего сказать о ней. Но вот скандал: вчера в университетской типографии узнал я, что «Москва» получила первое предостережение за то, что резко выразилась о высшем московском иерархе (зри в «Москве», если хочешь). Как, думаю, повернулись замоскворецкие желудки! Но ты не можешь себе представить того дыма, той чепухи, которой наполнилась наша атмосфера по случаю закрытия Петерб[ургского] земского собрания. Ведь мы — политики, мы — т. е. кружок камрадов, живущих в номерах одного дома: Катков всегда в руках у нас за чаем * в 6 часов вечера. Вот поспорив, поговорив в этом маленьком кружке, я остался при мысли, что Петерб[ургское] собрание напакостило; почти все против меня. и только сегодня угомонился немного, прочитав передовую статью «Моск[овских] ведомостей»*, где развиваются мысли.

подобные вчера мною высказанным. Смотри, как мы сошлись с московским генералом от журналистики. Но зато — боже мой! — что делается в Москве, как надулись петухи, как распустили хвосты родовитые павлины! Голов совсем не видно, одни нарядные перыстые задницы. Наших задели! Вот из-за чего дело, а не из чего-либо другого, не думай!

Будущее, закон, преуспевание родины — все это такие мерзлые идеи, которые портят зубы, — а вот «наших задели», «нас смазали по приличным физиономиям» — это понятно, и «Aux armes, citoyens!» А citoyens? Что сделают citoyens? ¹

Посмотрят, да и скажут: «Баре!» А то и этого не скажут.

Все перемелется! Не подходи к конуре, когда там злая собака лежит; в этом храбрости немного, это лишь мальчишки делают. Таковы правила, которых держится теперь твой покорный слуга. Эта змеиная мудрость, соединенная с голубишой кротостью, теперь очень по душе мне, ибо дает возможность оставаться спокойным среди либеральной эрекции, которую вызвало несчастное событие.

Читаешь ли «О народном представительстве» Чичерина? Прочти хоть не всю, всю прочесть — большой подвиг! Одно жаль: никому эта книга в настоящем случае глаз не колет, никто не черпает оттуда объяснения событий и правила для руководства; никто не хочет извлечь оттуда того результата, что есть писанные пряники сумеет всякий, но выучиться грамоте не всякому хочется, да и не легко.

Читай отчет о твоём поручении: достал я греческую книгу — диалоги Платона, с немецкими комментариями; Виргилия Вагнера имею в виду; на днях один из товарищей, занимающийся древними языками, принесет мне список других классиков с примечаниями и комментариями, идущими к тебе; я положился на его библиографические знания и буду руководствоваться ими в выборе изданий. Достал еще по дешевым ценам Ксенофонов «Anabasis», к этому присоединяю Гомера Крузиуса, по которому сам учился, и лучшее издание Тацита—Вальтера, к сожалению, только один 2-й том, — это в виде презента тебе. Все это ты должен обсудить и дать мне наискорейше отзыв. Что это давно я должен был послать тебе и не послал только по бессовестной медлительности, — это вне всякого спора и сомнения. А книжонки мои до сих пор не достал *: вчера только узнал, что назначенные мне экземпляры валяются где-то в университетской типографии. Надеюсь скоро выправить и постараюсь очистить закоптевшую свою совесть.

С. А. Парадизова жду все в Москву и чуть не каждый день справляюсь в университете, нет ли письма по городской почте, извещающего о его приезде. Засвидетельствуй ему, его супруге

¹ «К оружию, граждане!» А граждане? Что сделают граждане? (фр.)

и бесценным тестю и теще мое глубокое почтение, если еще я не потерял на это права. А музыкантке * — как хочешь, лучше не т, ибо нехорошо, хоть я ей обязан не одной доброй минутой из моего казанского пребывания. Пиши, ведь ты бываешь у них, не бранит ли Парадизов, что я как в воду канул, ни слова не писал почти два месяца. Пиши, впрочем, все, что в голову придет, и, пожалуйста, без всякой связи, этак поразмашистей, — вот как я теперь.

Ивану Петровичу * свидетельствую почтение. Если увидишь¹ Ник[олая] Ив[ановича] Ильм[инского] *, тоже передай и ему.

Черт знает, что я накатал тебе! Н а ш и м — Керенскому *, Загоскину и т. д. — по поклонницу.

Прощай и забудь, что я ein grosser Schwein². Жду письма.

Твой В. Ключев[ский].

Разумову теперь же пишу. Вот, чай, злится на мое свинство!

Р. S. Кажется, мне придется обратиться к тебе с просьбой о справке в одной рукописи. Не знаю, будет ли это удобно. Писать обещаю чаще.

33. П. П. ГВОЗДЕВУ

9 февраля 1867 г.

Милейший Порфирий!

Пишу тебе неожиданно по поводу дела, которого ты, конечно, предвидеть не мог. Пишу с стесненным сердцем, с тяжестью на душе, какую я испытывал только в самые тяжелые минуты жизни. Забудь на время все свои текущие интересы, очисти душу от ежедневных впечатлений, сделай ее белым листом, и тогда почувствуешь, сознаешь весь истинный смысл того, что я имею передать тебе. Перенесись мыслью в наш университет, припомни кое-что из говоренного тебе мною и внемли. Сол[овьев], Чич[ерин], Дмитр[иев], Кап[устин], Рачин[ский] и Бабс[т] подают в отставку, вследствие гадостей, сделанных им большинством совета, и — и — одобрения этих гадостей министром *. Во главе этого гадкого большинства стоят ректор, Леонтьев, Юркевич и Любимов; это самые крупные подлецы. Затем о значении этого события суди на следующих основаниях. Большинство выходящих принадлежит юрид[ическому] факультету, и после них смотри, кто остается на этом и без того бедном профессорами факультете с т а р е й ш е г о русского университета: дура ректор*, совершенно тупой Никольский (проф[ессор] гражданского права), меньше чем недалекий Беляев *, да ни рыба ни мясо Мильгаузен (проф[ессор] финан-

¹ Далее зачеркнуто одно неразобранное слово.

² большая свинья (нем.).

с[ового] права). Филологич[еский] факультет — да нужно ли говорить, кого лишается филологический факультет? Проф[ессор] ботаники Рач[инский] — также один из самых любимых студентами. Я не передаю тебе подробностей: тяжело написать и то, что ты читаешь теперь на этом листке. Напишу — не замедлю. Дело, вероятно, получит еще развитие.

Я уверен, ты закроешь своего Цицерона, прочитав вышенаписанные строки, и задумаешься на минуту. Что бы ни вывел ты в своем раздумье из совершившегося, ставь в конце концов грустный-прегрустный итог: старейший русский университет уподобляется оборванной вдове, лишаясь лучших людей, державших светоч мысли и науки¹; обращаясь к остающимся дымным ночникам, ты прибавишь: уподобился ободранной и блудной вдове. Я не разумею здесь немногих порядочных людей, е щ е н е у х о д я щ и х, которые, впрочем, исчезают в массе.

Ты можешь поделиться сообщенным с теми немногими, которые поймут его значение: это не секрет, но нет причины разглашать всего этого тем, которые останутся к нему равнодушны или переломают вкривь. Дело знают еще немногие; оно, собственно, исполнится завтра. Я только что вернулся из среды, откуда оно исходит. Жди подробностей. Упомянутыми шестью, вероятно, дело не ограничится. Бусл[аев] оказывается в е р т и х в о с т о м и наивным, каким был всегда.

Позволь мне заключить это письмо известной тебе аллегорией, только немного измененной и подкрашенной, которая, может быть, не идет к моему письму, но почему-то упорно держится в голове. На скудную, хотя и нетронутую ниву, в пасмурный день вышли немногие избранные деятели, взбороздили ее и полили собственным потом, чтобы на утро посеять семена истины. Но исконный враг, не х о т я й д о б р а р о д у ч е л о в е ч е с к о м у, рано, до зари выслал на ту ниву толпу бездельников, которые бросили в свежие борозды семена плевел и начали самодовольно расхаживать по полю, плюя и сморкаясь на землю, политую не их потом. С рассветом пришли вчерашние делатели, но, встретив наглую толпу с бесцеремонными манерами, с грустью отвернулись. Что они — махнут ли рукой на потерянный труд или будут ждать лучших времен?...

Ты не заставишь меня прилагать толкование.

Твой В. Ключев[ский].

Москва, 9 фев[аля] 1867, 2 ч а с а п о п о л у н о ч и.

Р. С. За письмо твое оч[ень] благодарен; надеюсь, оно будет о б р а з ц о м для следующих твоих писем. За мою готовность поделиться с тобою без отлагательства тем, что глубоко ложится

¹ Над зачеркнутым неразобранным словом.

на душу, ты не останешься у меня в долгу, конечно. Книжонку свою из типографии выправил и надеюсь скоро двинуть к вам с другими. Сегодня от Герье * слышал об Осокине, приехавшем сюда для магистерского экзамена по всеобщей истории из Казани. Когда он спросил меня, что я узнал в Казани об этом человеке, я сказал, что ничего. Странный отзыв Герье о нем по беседам, которые первый имел с ним, хочу поверить его сочинением и достаю его «Савонаролу» *. Прощай и поменьше хвали меня. Ответ на твое письмо после, когда на душе будет полегче. Кланяйся всем моим казанским друзьям и с е б е, в о п е р в ы х.

Разумов доселе не отвечал еще.

34. П. П. ГВОЗДЕВУ

16 февраля 1867 г.

Москва, 16 февр[аля] 1867.

Vita mea!¹

Сегодня поедут к тебе давно ожидаемые тобою книги. В состав вязанки, спитой нежными ручками, входят:

1. Десять экземпляров моего недопеченого печенья *. Раздай их по надписям и при этом держи речь на тему, что об ученических писаниях, как и о мертвых, *aut bene aut nihil* ², т. е. читать их не следует. Ненадписанную отдай Е. Разумову для кого-то.

Куплены мною у Кунта для тебя:

2. Цицерона два творения: «*De natura deorum*» и «*Orator*»; первое нахожу важным по содержанию, второе — по изяществу изложения.

3. Виргилия — «Энеида».

4. Плавта — «*Captivi*».

5. Горация — «Сатиры» и «Эпистолы».

Все эти стоят 5 р[ублей] 25 к[опеек].

Затем следуют книги, купленные в лавке дешевых книг совершенно случайно:

6. Платона — несколько диалогов, в трех томиках.

7. Ксенофонта — «*Anabasis*».

Эти два грека обошлись: первый — в 80 к[опеек], второй — в 75 коп[еек], оба — в 1 р[убль] 55 к[опеек].

Из своих посылаю тебе только

8. Фукидида — несколько начальных книг.

Гомера и Тацита не мог найти; куда-то завалились во время моего отсутствия. Найду — пришлю.

Обещанной мною «Синопимики» Деделерейна нет ни у Кунта, ни у Дейбнера, главных здешних немецких книгопродавцев.

¹ Жизнь моя! (лат.)

² или хорошо, или ничего (лат.).

За комментарии поставлю авторитет здешних профессоров: они, т. е. Иванов и Пеховский, обыкновенно указывают на эти издания студентам. Особенно в этом отношении рекомендую Вагнера и Крюгера.

Ты не преминешь заявить, не опустил ли я какого-нибудь сочинения, которое тебе желалось бы иметь, а также доволен ли ты выбором присланных.

Книгу Квачевского посылаю по письму Парадизова. Нашел ее в пятой лавке; не знаю, почему она так мало распространена. Стоит 1 р[убль] 85 к[опеек], не знаю, такова ли о б ъ я в л е н а я цена.

На рожке моей не прогневайся: карточки снять не успел.

Увольнение шести профессоров подняло шум в некоторых, даже во многих московских сферах. Баршева ругают, — а стоит ли? Вот Леонтьева с Юркевичем надо бы пробрать: ведь они — эссенция-то. Прочти, если попадетя, передовую статью в «Москов[ских] ведом[остях]» 11 февр[аля] *; зная дело, ты поймешь заднюю мысль и намеки; что за подлость! От н и х с а м и х — пока ничего. Сегодня — четверг; надеюсь узнать кое-что у Сол[овьева] любопытного; тебе сообщу в таком случае. Оптимисты надеются, что все уладится и шестеро воротятся; судя по их сдержанной твердости, по решительному и спокойному тону, — едва ли. Я этому мало верю, может быть, именно потому, что сильно желаю этого.

Vene vale, oculo mi!¹

Кланяйся друзьям. Объясни мне, если можешь, молчание Е. Разумова. Ильминскому и Некрасову засвидетельствуй при передаче, что поручено. Ивану Петровичу — накрепчайше жми руку. Не забыл ли кому обещанного экземпляра?

Твой В. Ключ[евский].

P. S. Остальные твои деньги и книги пришлю по получении письма от тебя.

Рукой П. П. Гвоздева: Получено 1 марта.

Г в о з д е в.

¹ Прощай, свет очей моих! (*лат.*)

1868 г.

35. Н. И. МИЗЕРОВСКОМУ *

25 февраля 1868 г.

Москва, 25 февраля 1868.

Любезнейший Николай Иванович!

Письмо твое от 14 июня 1867 передано мне братом на днях, и я спешу отвечать тебе, хотя оно писано год почти назад.

Вместе с письмом получил я и три карточки с изображениями тебя и твоей супруги. Тон твоего письма, дружеский размах чувств и пера, с которым оно писано, самый излишек карточек — все это слишком красноречиво говорит о той особенной логике души, которая руководит старым другом, логике, понятной и трогательной, хотя не похожей на ту, которую учил я сперва по скаредным запискам Абрама, а потом по сухим немецким учебникам. Эта логика так сильно действует, что я нарушаю свою привычку — не отвечать на письма скоро и пишу к тебе. Письмо твое, короткое и скупое на известия, многое напомнило мне, многое полузабытое подняло в душе и во многом укололо меня. Сильнее всего уколола твоя нелогичная дружеская логика: ни в чем не виноватый, ты несколько раз просишь у меня прощения. Я помню все просьбы, переданные тобою чрез сестру, чрез покойную мать, чтоб я написал тебе, — и ни одной до сих пор не исполнил: вот кто виноват, вот кому следует неоднократно просить прощения — мне!

Ко всему этому, к дружбе, оставшейся неизменной, к присылке письма и портретов, присоединилось еще то, что рассказал мне брат о последних днях жизни покойного Ивана Васильевича; ты был при последних его минутах и похоронил его. Когда придет бог мне увидеться с тобой, я крепко обниму тебя за все.

Ты просишь уведомить тебя о моем житье-бытье. Прости за откровенность: я не мастер и не охотник писать об этом, именно об этом. Постараюсь дать тебе понятие о своем житье чрез противоположение его твоему: кажется, это будет всего лучше. Ты служишь и служишь давно; я уже почти три года как вышел из университета с кандидатской степенью и нигде не служу, не потому, чтобы не находил места, — мест много представлялось и представляется, а потому, что мне правится не служить, я успел почувствовать прелесть и где не служебная, если можно так выразиться, и стараюсь продлить по возможности дольше это состояние, тем более, что необходимости давящей еще не чувствуется, завятия, дающие деньги, есть, и их можно усиливать сколько угодно, было бы здоровье. Товарищи, кончившие со мною вместе университетский курс и ниже меня, давно уселись по местам, почти все переженились, при встречах со мною качают поучи-

тельно головой, прибавляя: «Пора, пора служить!» Я, с своей стороны, одобряю их совет и думаю про себя воспользоваться им как можно позже. Вот и ты определился, уселся, завелся спутницей (и по секрету, тебе одному на ухо скажу: «о ч е н ь и о ч е н ь м и л о й»). А я по-прежнему остаюсь в разряде людей, о которых сказано: «Н е и м а м ы з д е п р е б ы в а ю щ е г о г р а д а , н о г р ы а д у щ е г о в ы с к у е м » *. Не подумай, пожалуйста, что я хвастаюсь, наряжаюсь в это равнодушие к оседлой степенной жизни; нет, я глубоко уважаю людей, которые успели осесться, стать людьми, и считаю странствующих артистов, подобных мне, полулюдьми. Но я скажу тебе причину, почему я, уважая оседлую жизнь, избегаю ее: уважая ее, людей, вступивших в нее, я ценю то мужество, силу души, характера, которые нужны для этого; избегая ее сам, я делаю это потому, что чувствую в себе недостаток этих свойств. Но ты знаешь, можно не только примириться с своими слабостями, можно даже полюбить их. И мне действительно нравится это сознание слабости, этой неспособности отвечать за двоих или даже больше, которая нужна человеку оседлому и которой, кажется, у меня нет от природы. Чувство одиночества не только не пугает меня, даже доставляет эгоистическое удовольствие. Вот тебе моя дружеская исповедь. Продолжаю начатое противоположение. Энергией веет от твоего лица. Когда я посмотрел на карточку, представляющую тебя с супругой, я подумал: «Да, на этого можно опереться, поддержит». Посмотри на мою т е п е р е ш н ю ю фигуру, изображенную на прилагаемом при сем н е р у к о т в о р е н н о м , по твоему удачному выражению, образе; я тебя настоятельно прошу написать мне, что ты найдешь в этой фигуре, изменился ли я; но что бы ты ни нашел, ты не найдешь одного: силы воли, энергии или чего-нибудь подобного. Я продолжаю заниматься предметом, который я избрал трудом своей жизни, говоря высоким слогом, т. е. русской историей. Теперь я занимаюсь историей древнерусских монастырей *, читаю жития русских святых в рукописях, которых так много в здешних библиотеках. Занятие это доставляет мне большое наслаждение: оно укрепляет веру в русский народ, о котором так сильно сомневаются, выйдет ли из него что-нибудь путное. Мои напечатанные трудишки меня не удовлетворяют *; тебе я послал бы их, да нахожу лучшим подождать, пока выйдет из моей головы что-нибудь более дельное. К этому направлены пока все мои планы о будущем; о карьере пока думаю мало: что бы ни было со мной впоследствии, как бы ни устроилась моя жизнь, я иногда молю бога только о том, чтобы душевный мир, так часто возмущавшийся, не оставлял меня: дальше этого не простираются мои желания.

Два слова о Пензе. Ты знаешь, как она опустела для меня. Но меня утешает одно: когда мне придется взглянуть на ее родные мне стены, я буду знать, кого искать, с кем поговорить, и один из

первых домов, куда постучусь я, будет дом на Дворянской, третий от угла.

Я надеюсь, дорогой Н[иколай] Ив[анович], что я скоро получу от тебя не ответ на мое настоящее письмо, а просто письмо. Это будет началом возобновления наших отношений.

Свидетельствую глубокое почтение твоей супруге: я уже предполагаю себя знакомым ей, хотя, по непростительному недосмотру, ты не сообщил ее имени.

Преданный тебе В. Ключевский.

1869 г.

36. П. П. ГВОЗДЕВУ

2 сентября 1869 г.

Москва, 2 сент[ября] 1869.

Mein lieber, cher, dear, amicissime, ѿ φιλτατε, kochany, liby¹
и любезнейший Порфиросодец!

Радуюсь твоему выступлению в жизни: самый трудный шаг сделан, фрак надет и белый галстух повязан. Оно, конечно, паскудно выступать в свет на педагогическом обеде, да еще по распоряжению начальства; но делать нечего, такие уж нравы, что никто теперь на обедолюбивой Руси не обедает так часто публично, как почтенное учено-педагогическое сословие. А желал бы взглянуть на тебя во фраке и белом галстухе. Но самое приятное в твоём вкушении действительной жизни для меня то, что ты совершил это вкушение и будешь продолжать это на берегах быстроводной Казанки и бурного Булака. С этим тебя можно поздравить; себя я уж поздравил от души, ибо боялся твоего «уединения» из Казани.

Итак, ты опередил меня: ты уже гражданин со всеми, правда, паскудными политическими правами российского гражданина, с правом быть присяжным и т. д., а я еще нет, еще *semicivis*², если такое слово есть в лат[инском] лексиконе. Но и меня разобрала жажда гражданской полноправности при чтении рассказа о твоей консекации в гражданство. Я хотел, по крайней мере, убедить тебя и, — что еще труднее и безнадежнее, — себя в способности к гражданскому полноправию. Средством для этого избрано

¹ Мой любимый, дорогой (нем., фр., англ., итал., греч., польск., чешск.).

² полугражданин (лат.).

исполнение дружеского поручения. Из того, как я исполнил это поручение, можешь судить о степени означенной способности.

Паршивый Дейбнер до сих пор не получил писем Плиния, хотя, как уверяет, послал за ними; в других лавках их также нет. Я хочу отдать за них деньги вперед, чтобы поощрить к скорейшему исполнению дела. Относительно переводов римских классиков достигнут некоторый успех: к тебе едут речи Цицерона («in Sati-
linam» нет, а они-то вероятно и нужны), Ю. Цезарь, Овидий, Саллюстий, Virgilius, 21[-я] кн[ига] Т. Ливия, Гораций, — словом, все, что значится в твоём письме. Здесь меня смущает одно: нет ли всего этого в других лучших переводах и изданиях. Но я взял, что было в магазине. Далее, некоторые из приведенных писателей изданы и в русском переводе; но я предпочел немецкий: и дешевле и безопаснее. Качество же пересылаемых переводов узнаешь употреблением и напишешь мне. Далее, издания Горация и Virgilius с размерами меня несколько затруднили. Так размеченного Virgilius, как у тебя в письме, не нашел в магазине. Уж как-нибудь изловчись с Virgiliusом гекзаметром сам или спроси, где бы поискать его. Что до Горация, то я посылаю своего в издании Наука: все просмотренные мною в лавке издания или ничего не говорят о метре, или же выставляют такую табличку, какую найдешь вначале у Наука. Здесь отыщешь все гораціанские метры лирические с обозначением, каким метром писана каждая ода. Помню, что у нас в университете других метрических обозначений к одам Горация ни у кого не было. Впрочем, ты напишешь, попал ли я в твоё требование или нет. Латинская грамматика, о которой ты пишешь, не посылается тебе потому, что я еще не виделся ни с одним авторитетным классиком, у которого можно было бы справиться о сем. Когда я учился, хвалили Мадвига; но, может быть, эту ты имеешь или она уже не лучшая. Не знаю, насколько я досажу тебе тем, что отложу высылку грамматики до справки, но вышлю, будь покоен.

Однако ж воспой будущего гражданина, может быть на свое горе. Уж если он начнет подвизаться по части гражданских добродетелей, то перельет чрез край. Впрочем, таковы вообще все будущие, но не действительные граждане. Я превзошел твоё требование в некоторых пунктах, хотя в других, может быть, более важных, не удовлетворил им вполне; и это — неизбежное свойство тех же ожидаемых наклеывающихся граждан. Ты писал, что когда будут у тебя деньги, ты попросишь меня выслать разные римские литературы и древности. Я же, не дожидаясь твоего экономического развития, взял да и послал тебе чаемые тобою сочинения. Впрочем, здесь я соблюл некоторую осторожность: взял «Древности» Ланге — классическое сочинение, но о Беккере, про которого ничего не знаю, буду ждать дальнейших распоряжений. Кроме Бэра мне показывали недавнюю книгу по истории римской литературы Тейфеля; Бэр же издается новым изданием, коего

вышел 1-й том и 2-й, но еще не получен; поразмыслив, я решил, что человеку, привыкшему к населению казанских лесов, безопаснее послать медведя, чем черта,— и послал 1-й т[ом] Бэра. Ты напишешь, выслать ли тебе конец сочинения по прежнему изданию или ждать выхода нового, уже начатого. Хочешь — сердись, хочешь — нет, но ты видишь, что я, все еще состоящий при министерстве ничегонеделания по департаменту неисполнения слов и обещаний, иногда люблю заглянуть и в другие ведомства.

	Счет	
Классики в переводах все огулом	с уступкой	8 руб. 50 коп.
«Римские древности» Ланге, два тома	» »	4 руб. 30 коп.
«Ист[ория] римск[ой] литер[атуры]» Бэра, 1-й т[ом]	» »	4 руб.
Горация «Оды и Эподы», ко[мменти-роганные] Науком	» »	0 руб. 0 коп.
Пересылка		Не знаю
	Итого . . .	16 руб. 80 коп.

Итого ты мне должен 6 р[ублей] 80 к[опеек], да за пересылку, о коей до след[ующего] письма.

Передай мой искренний поклон Ивану Петровичу и Ф. М. Керенскому.

Преданный тебе В. Ключевский.

Деньги можешь выслать не тотчас, даже попридержать по моему примеру на неопред[еленное] время.

NB. Обозначь, по прежнему ли адресу писать впредь или по какому-н[ибудь] новому.

37. П. П. ГВОЗДЕВУ

15 сентября 1869 г.

Москва, 15 сент[ября] 1869.

Aestuosissime!¹

Разрешаю твое aestum². Получаю я однажды претолстый конверт, в коем под двумя 10-копеечными марками нахожу тетрадь в 4 почтовых полулиста; разворачиваю, проглядываю — и удивляюсь. Достало же у человека терпения выписать статьи целиком. Я не могу обозначить тебе с доскональностью, сколько выписано из каждой статьи строк, ибо тетрадь твоя вместе с моим портфелем находится в эту минуту в музее, где я роюсь в рукописях

¹ Беспокойнейший! (лат.)

² беспокойство (лат.).

Ундольского *. Но я тебе представлю осязательные доказательства получения этих выписок для рассеяния твоего фоминского неверия. Щупай — выписки на 4 полулистах: сперва идет продолжение сказания о Михаиле Черниговском; дальше целиком жития Петра митрополита и Никиты архиепископа; затем в конце, на последней странице твое письмо, где между прочим извещаешь, что № 238 не достал еще, но достанешь. Главным доказательством должно послужить для тебя то, что статьи выписаны целиком; это для меня совершенно неожиданно, и выдумать этого я не мог. Судя по твоим выражениям о¹ посылке, возбуждившей твои опасения, я с своей стороны убежден, что она — та самая, которую я получил, кажется, на другой день по отсылке к тебе книг и которая описана мною выше. К тому же подумай, Фома: ты мне прислал только одно письмо на полулисте — без выписок, с описанием твоего выступления в свет и с поручениями; все же полученные мною выписки до и после спорной посылки были на листах; как же мог я выдумать, что самые большие выписки ты поместишь на полулисте? Наконец, ты пишешь, что посланных книг еще не получил; но видно, что ты получил письмо, отправленное одновременно с ними. В этом письме, начинающемся тьмою эпитетов на всех сколько-нибудь известных мне диалектах, я, кажется, изображал тебе мое восхищение от такой объемистой посылки, превзошедшей все мои ожидания.

Однако ж это дрянно, что книги тобой еще не получены. Чрез это я лишен твоего отзыва о том, так ли исполнил я твои поручения, как следовало, те ли издания послал, какие было надобно, и, наконец, дорого ли дал или нет по внутреннему их достоинству и т. п. О метрах пишешь, что хотелось бы изучить все; если посланное мною издание Горация с обозначением метрических схем недостаточно, то не поискать ли какого специального руководства к римской метрике: у немцев непременно есть. Бэра получишь, когда приедет его 2-й том. Как поступить с Тейфелем — недоумеваю. Подожди, спрошу у знатока и поступлю сообразно с отзывом и с ценой. О Беккере выражаешься нерешительно: «Не мешало бы». По мифологии не хочешь ли Преллера? Имеешь ли «Античную общину» Фюстель-Куланжа? Переведена Коршем сносно. Там остроумно указана связь античной религии с гражданским устройством Греции и Рима: тоже, значит, немножко по части мифологии. Остальное исполню по возможности согласно с буквальным смыслом твоих слов.

В письме своем ты сообщаяешь мне пречувствительное для меня известие: это поездка Ф. М. Керенского в нашу губернию и свидание его с моей сестрой. Дело вот в чем. Года два тому я послал к ней письмо по сомнительному адресу; хотя письмо было денежное, однако я с тех пор не получал от нее ни строчки. Потому я решил,

¹ Далее зачеркнута буква: б.

что адрес негоден и письмо не дошло. Но другого я не знал и потому с тех пор не писал к ней. Это производило во мне скверные чувства неизвестности, опасения и т. п. Расспроси, пожалуйста, Ф[едора] М[ихайловича], не знает ли он, как надо адресоваться в эту мерзкую Пестровку, и извести меня о результате. Или, если он переписывается с кем-нибудь из тамошних, не может ли он прописать для передачи ей чрез знакомых, чтобы она скорее писала ко мне по адресу, тебе известному? Впервые узнаю, что мы с Ф[едором] М[ихайловичем] некоторым образом свойственники *. Если он чрез твое посредство выведет меня из неизвестности относительно пестровского захоlustья, я за его и за твое здоровье свечку 10-коп[еечную] поставлю Николе угоднику!

Деньги за Квачевского, должны мне Парадизовым, я перевел на тебя и, кажется, тогда же уполномочил тебя взыскать. Если же ты не получил, то я тебе был должен 10 р[ублей] + 1 р[убль] 80 к[опеек]. По этому расчету и определяй теперешний долг мне.

Я было хотел попросить тебя кой о чем насчет «Православн[ого] собеседника» и его изданий, да ты уж сделал такую тьму по моим поручениям, что совестно; да могу и обойтись, сберегая твое терпение для будущих более важных нужд, кои опять попрошу тебя привести к удовлетворению и кои, разумеется, будут касаться той же, столь надоевшей тебе, соловецкой б[иблиоте]ки. Представь, какая неожиданная встреча: кажется, мне придется в своей книжке понюхать вашего попечителя, а моего бывшего инспектора (в первый год моего университетского) курса) Шестакова * и подрать его за его блудодеяния по части российских житий святых, напечатанные в «Ж[урнале] Мин[истерства] н[ародного] просв[ещения]» и в «Прав[ославном] соб[еседнике]». Если это случится и я не раздумую, тогда нарочно пошлю ему экземпляр. Напиши при случае, каков и как читает Осокин, как думают о нем студенты. Я с ним встречался в Москве во время его многострадального магистерского экзамена и беседовал; он произвел на меня неприятное, мож[ет] б[ыть] неверное, впечатление. Во-перв[ых], он мне показался страшным педантом, а во-втор[ых], мнящимся быти если не Нибуром, то по крайней мере Грановским. Книжищи его об альбигойцах не читал *, но Герье прескверного о ней мнения. Но зато, что за душа у вас Аристов — русак с подошвы до маковки и, кажется, не без дарований, сколько мог я узнать его в продолжение часового знакомства.

Кажись, пока довольно. Передай специальный поклон Ивану Петровичу и потом кланяйся всем нашим приятелям, живым и мертвым.

Раствой В. Ключев[ский].

Деньги высылать не спеш. Подчеркнутые в поганных языках слова я почти все разобрал и догадался, как исправить; остальные неясности и погрешности неважны. Вообще, ты сделал выписки

славно, за что да попомнит тебе бог в день страшного суда в числе других твоих добродетельных деяний. За все это посылаю письмо к тебе в розовом конверте.

1870 г.

38. С. М. СОЛОВЬЕВУ *

9 марта 1870 г.

Москва, 9 марта 1870.

Многоуважаемый Сергей Михайлович!

Наперед прошу извинить меня, что не пропускаю случая воспользоваться Вашим позволением и беспокою Вас просьбой о совете. Не полагаясь на полноту и точность своего воспроизведения, присоединяю к своему письму и самый материал, письмо Котляревского. Две вещи в нем особенно повергли меня в затруднение. Во-перв[ых], он, кажется, превысил свои условия и полномочия. В первом письме он выставил для меня непременно условием получение степени и избрание до мая; я отвечал, что такой срок для меня невозможен, но что я решил кончить сочинение * к началу будущего академического года. Теперь Котл[яревский] повернул дело совсем иначе, как я не предвидел и не желал. Во-втор[ых], обходный путь, сначала выборы с более чем вероятным veto¹ министра, потом вторичное представление — не слишком ли это сложный и потому лишний маневр? Этими двумя вопросами я думаю отвечать в Дерпт *, повторив при этом сущность своего первого ответа, что не прежде, как исполнив лежащую на мне обязанность, я рад воспользоваться предложением. Не знаю, удобен ли такой ответ; если необходимы поправки, покорнейше прошу их у Вас. Есть и третье недоумение, развившееся под влиянием этой дерптской переписки, особенно официального, любезного письма Швабе: мысль, что мне придется начинать в среде, заранее предубежденной не только против моей русской osoby, но и против самого предмета преподавания, действует, вероятно, парализующим образом на труса, как я. Думаю, что в Дерпте могут немного подождать. Покорнейше прошу Вас сообщить свои замечания, если найдете их нужными, наиболее удобным для Вас образом, по возвращении в Москву или прежде.

С совершенной преданностью и уважением имею честь быть

Василий Ключевский.

¹ запрещаю (лат.).

Р. S. Письмо Швабе повторяет то же, /что письмо Котл[яревского], и писано по-немецки; я недоумеваю, на каком языке отвечать ему; кажется, на официальное лучше отвечать на национальном наречии. На всякий случай обозначаю свой адрес: Полянский рынок, д. Сарачева, № 337, кв. 21.

39. П. П. ГВОЗДЕВУ

30 марта 1870 г.

Москва, 30 марта 1870.

Милый Porphyri!

Твое последнее письмо взывало ко мне напрасно: отвечаю только теперь. Прежде всего величайшее спасибо тебе и Ивану Петровичу за присылку «Прав[ославного] соб[еседника]». Остается узнать опять, сколько я должен тебе. О сем, кажется, ты не пишешь. О Бэре я спрашивал у Дейбнера раза три: сует мне первое издание, а я спрашиваю второе издание 2-го тома: «Нет, еще не получали!» Вообще, свинья этот Дейбнер. И тебя и Ф. М. [Керенского] благодарю за пересылку адреса к сестре; недавно я от нее получил письмо. Напиши, пожалуйста, обо всем, между прочим о том, читал ли кто из знакомых о Шапове в «Прав[ославном] обзор[ении]» * (1870, № 2) и что говорит. Я думаю, память о казанском светиле еще держится в Казани. Пожалуйста, пиши и не сердись на меня. Меня тянут в Дерпт, а я упираюсь. Спешу домарать свою книжицу *.

Поклон Ивану Петровичу.

Преданный тебе В. Ключевск[ий].

Новый адрес: Полянский рынок, д. Сарачева, № 337, кв. 21.

1871 г.

40. В. И. ГЕРБЕ *

9 июля 1871 г.

Москва, 9 июля 1871.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Радуюсь за Вас, что степной воздух делает свое дело, и немножко завидую. Впрочем, я не жалею и на московский. В июне, говорят, у нас была нестерпимая жара: преувеличивают, было только тепло. Притом по воскресеньям я исправно освежаюсь

прохладой широковетвистых деревьев Нескучного. Жаль только, что эта прохлада несколько уменьшается с одной стороны от жгучих страстей, с другой — от семейной философии. Носителем тех и другой является почтеннейший харьковский *réfugié*¹. Во все время прогулки не слышно голосистых птичек за шумом слов «Лавровский», «Каченовский», «Костомаров», «Хмельницкий», «Тетеря» и т. д. А угомонятся Лавровские и Тетери, уляжется воинственный лиризм и эпос, непременно пойдет дидактика: «Понимаете... вот в чем дело... во всякий час... семейная жизнь также государственная служба, еще хуже... военная повинность... вот в чем дело... хочешь не хочешь...» Хочешь не хочешь, а слушать надо.

Я справлялся у Сергея Михайловича * о курсах и передал ему Ваше сообщение. Он сказал, что нового ничего не знает об этом деле, и ждал известий от Вас. По-видимому, и для него новость, что высшая инстанция по народному просвещению в III отделении.

В деле о рецензиях я виноват: мне следовало зайти к Вам и переговорить, и я сделал это в тот понедельник, когда Вы уехали. Теперь я держу корректуру 25-го листа *: моя стряпня чувствует непонятную охоту разрастаться. Кажется, осталось еще листа 1^{1/2}, и тогда я поспешу исполнить по мере сил свое обещание, хотя Ваш совет — ограничиться тем, что имеет значение в о о б щ е д л я н а у к и, — вычеркивает едва ли не все имена в моем списке и прежде всех мое многогрешное. Если я² успею что-нибудь написать до августа, пришлю Вам для пробы.

5 июля приезжал в Нескучное свящ[енник] Сергиевский поздравить именинника * и сообщил о смерти Левшина. Из Петербурга привез кто-то (кажется, Веселовский, который живет летом на даче около Москвы) известие, что профессора Ореста Миллера призывали в Министерство просвещения и объявили, что за статьи в «Голосе» * против классицизма он может получить отставку, если не исправится. На именинах был и Б. Н. Чичерин.

Благодаря Вас за письмо, прошу передать Авдотье Ивановне * мой почтительный поклон и мое желание, чтобы степной воздух сослужил ей вполне свою летнюю службу.

Преданный Вам В. Ключевский.

¹ беженец (фр.).

² Далее зачеркнуто: 5 пю[ля].

1872 г.

41. В. И. ГЕРЬЕ

15 июля 1872 г.

Все факты, многоуважаемый Владимир Иванович, изложенные обо мне в письме Вашем, наприм[ер], что я легкомысленнейший и неаккуратнейший человек в мире, выше всякого сомнения и опровергать их с моей стороны значило бы без всякого запроса давать новые материалы для моей биографии с изложением и других подобных же свойств моего характера. Что же касается до Ваших предположений о моей недоверчивости ко всему роду человеческому и о состоятельности Вашем «под моим подозрением», то эти предположения я могу опровергнуть более удачным и решительным образом, нежели опровергал возражения высокоученых и великодушных оппонентов моих на диспуте*. Вот несомненные факты, Вами излагаемые: 1) я обещался в субботу или воскресенье занести Вам начало рецензии; 2) до сих пор я не прислал Вам ни рецензии, ни письма.

1) Виною первого — мое российское шлопайство. Я повадился на себя, думая, что успею присоединить к Бестужеву предисловие и Иловайского и переписать. К утру воскресенья я переписать не успел, а около 4 часов встретил Ф. Е. Корша, узнал от него, что Вы уехали. Тогда я решил продолжать рецензии, чтобы послать Вам приличную тетрадь, но

2) в начале текущего года в нашу академию* было прислано предложение Академии наук разобрать представленное на премию сочинение Горчакова, известного Вам профессора Петербургского университета, по русской церковной истории. Совет нашей академии возложил разбор на одного из профессоров русской церковной истории. Сей последний продержал у себя книгу до мая, а потом объявил, что разбирать ему некогда, ибо он собирается за границу, а вот лучше перевозложить разбор на Тяпкина-Ляпкина, на преподавателя русской гражданской истории. Сначала я на его предложение отвечал нерешительно, говоря: посмотрю, прочитаю, может быть, и т. п. Но приехав на другой день после Вашего отъезда в академию, я услышал от вышереченного профессора решительное требование разбора с прибавлением известия, что уже совет занес в протокол поручение мне писать разбор и что уже срок представления сего последнего, назначенный Академией наук, истекает. Видя во всем ходе этого дела родное мне шлопайство, я принялся перелистывать паршивую (*sit venia dicendi!*)¹ книгу Горчакова. Почти до конца июня я строчил и переписывал, настрочил разбор* в 2 пе-

¹ (да будет так сказано!) (лат.). Далее примечание Ключевского: Этой фразы Ф. Е. Коршу не показывайте, особенно до обеда.

чатных листа, если не больше, и без сомнения толку в нем так же мало, как в той чаше в полтора ведра, которую единым духом выпивали старинные рецензенты русских винных погребов — богатыри. Таким манером, выражаясь словами моего друга Г. Ф. К[арпова] *, я почти до июля ничего дельного не мог сделать, а став свободным, принялся было за продолжение начатых рецензий. Тут пришло Ваше обязательное письмо, произведшее во мне импонирующую моральную корректуру, как сказал бы другой мой, увы, бывший друг А. Л. Д. Прочитав L-й псалом Давида *, я стал сбираться с духом, чтобы отвечать Вам.

Теперь Вы знаете историю, а не оправдание моих неисправностей. Эта история достаточно рассеивает Ваши подозрения, предположения и опасения. Настоящее письмо есть предтеча рукописи, которая скоро поедет с Бестужевым, Иловайским, Погодиным, Хлебниковым и Сергеевичем *. Кстати, о Погодине. Нынешний год вообще несчастлив для меня в литературном отношении. Начался он выходом диссертации и диспутом, о чем доселе слезы лью. Потом эта рецензия [на] Горчакова не вовремя. А еще раньше случилось следующее. Получил я по адресу от Юрьева *, известного Вам шута горохового, просьбу или предложение написать для «Беседы» разбор Погодина. Мне показалось это странным, ибо я знал, что Погодин — и х н и й приятель. Однако ж настроил. Через несколько дней передали мне от имени Юрьева, что он вполне согласен с рецензией и сам написал бы то же; но... у Кошелева старая дружба с автором, выйдет неприятная сцена, Погодин обещал сотрудничество и проч. Извините-де! Так статья у них и засела, а была она по меньшей мере в $\frac{1}{2}$ листа печатных. Зачем же, думал я, поручать разбор м н е, если и проч. Ведь я в житиях усомнился, а в житии Михаила Петровича *, коего мощи ходят пока, а не лежат, тем паче, ибо вся история Руси, им начертанная, есть не что иное, как житие, и же во святых отца нашего юродивого Михаила Саллоса *, от северная страны, русейскаго царства провоссиявшего во блаженстве и юродстве Х[ри]ста ради мнозем.

О курсах скажу кратко *: в принципе не имею ничего против и рад стараться. Но я ничего не знаю о характере преподавания, какой Вы намерены сообщить им. Может быть, Вы поведете преподавание так, что моих ученых ресурсов не хватит. Это, кажется, единственное, о чем я питаю сомнение некоторое, т. е. что может остановить меня перед дверьми «жаждущих просвещения красавиц».

Интересных известий, Вами ожидаемых, к сожалению сообщить не могу: по случаю выставки их, кажется, нет. На выставке я еще не бывал и, может быть, не попаду вовсе именно потому, что она очень близка и всякую минуту туда попасть можно. 5 июля в Нескучном было весело, был Кетчер и страшно раздражил Фили-

монова и супругу Василия Попова, брата Н[ила] А[лександровича], православную польку: чуть не дошло до слез и брани. В июне были холода и дожди, а теперь стоят жары и идут дожди. Я живу в городе и благословляю город за жары, а жары за дожди и всех вкупе за непутное лето.

До свидания. Благодарю Вас от души за письмо и за передачу поклона от Авдотьи Ивановны и в свою очередь прошу передать ей мой нижайший и почтительнейший поклон.

Искренно Вас уважающий Вас[илий] Ключевский.

15 июля 1872, Москва.

42. А. Ф. ЛАВРОВУ *

[*Не позднее 6 сентября 1872 г.*]

Пишу к Вам, многоуважаемый Александр Федорович, только что воротившись из посада *, не успев хорошенько отогреть руки и успокоить внутреннюю, психиатрическую лихорадку, с которой воротился. Это письмо мое пойдет, так сказать, в погоню за Вами. Не знаю, как выразить Вам мое сожаление, что не застал я Вас в посаде, а Вы меня — в Москве. Марья Николаевна сообщила мне, что Вы ждали меня несколько раньше, и я себя бранил всеми тропами и фигурами риторики, что не приехал раньше. Цель, с которой я пишу теперь, объяснить заранее одно событие в академии, которое может произойти, хотя может и не произойти. Мне кажется, что в первом случае оно может несколько встревожить Вас, если не будет объяснено предварительно, и только поэтому я отбавляюсь на несколько минут отвлечь Ваше внимание от петербургских Ваших занятий и возвратить его к посаду. Признаюсь Вам просто и откровенно, что если я чувствую себя обязанным перед кем-либо в академии объяснять свои действия, с нею связанные, то именно перед Вами. Вопрос п о ч е м у здесь едва ли понадобится.

Сущность дела состоит вот в чем. Совет решил, что для четырех лекций, составляющих по уставу *minimum* занятий преподавателя в академии, необходимы т р и дня. Когда я узнал об этом, я долго думал, какие научные соображения могли руководить при этом решении. Соображений, имеющих неопровержимую силу, я отыскать не мог, и по своему обычаю решил, что здесь действовали какие-нибудь посторонние побуждения. Всегда и во всем плохой логик, я прежде всего подумал или, лучше сказать, вообразил, что это постановление направлено именно против меня одного, что в нем, следовательно, выражается неудовольствие или недоверие совета ко мне. В таком случае, думал я, ясно, как и что я должен делать: когда кредитной бумажке не верят, она подлежит изъятию из обращения. За такую бумажку я принял себя, полагая в своем содержании, как преподавателя, очень мало чистого

металла. Я, однако ж, хотел предварительно проверить основательность своей гипотезы. Не застав Вас, я лишился лучшего средства для этой проверки, т. е. самого надежного для меня источника, откуда мог я получить прямой совет. Потому-то, может быть, Вы найдете мало такта в том, как я поступил. Я поговорил об этом с о[тцом] ректором и П. И. Горским. Из этих бесед я узнал совершенно новую, неожиданную для меня сторону дела. Я убедился и, по-видимому, основательно, что в постановлении совета нет ни капли недоброжелательства или недоверия лично ко мне, что это постановление вышло, так сказать, из дисциплинарного соображения. Именно, найдутся-де преподаватели, которые пожелают сосредоточить все свои лекции в один день, чтобы остальные 6 дней недели провести с большим удовольствием и с меньшим преподавательским трудом в Москве, что, следовательно, грозит эмиграции многих преподавателей из посада. Далее, я подвергаюсь-де этому постановлению главным образом потому, что если будет для меня сделано исключение, то я буду служить примером, соблазном для желающих эмигрировать, которым совет не будет иметь основания отказать в просьбе о сосредоточении часов.

Узнав об этом обстоятельстве, я вполне признал его силу и понял резонность советского постановления, хотя я и не эмигрирую из посада, а следов[ательно] не могу, собственно говоря, ни для кого служить соблазнительным примером. Но я не мог не видеть, что я становлюсь козлом отпущения. А мне ли служить образцом служебной морали! Впрочем, из всего этого дела для меня не вышло бы никакого вопроса: я без труда согласился бы отдать, кроме понедельника и вторника, еще и среду на занятия в академии, т. е. собственно на чтения в ней, е с л и б ы речь шла только о капризе, об удовольствии приобрести лишний день для веселой жизни в столице. К сожалению, у меня здесь замешались интересы более существенные. На следующий академический год я удержал за собою в Москве очень небольшие вечерние занятия в одном учебном заведении *, чтобы иметь свободными все дни, кроме двух, проводимых в посаде. Моя вторая диссертация * несколько страшит меня в одном отношении: если, думается мне, первая потребовала от меня шести лет б о л е е свободных, то при такой неповоротливости сколько протянется стряпанье второй? Неуменше мое работать скоро и споро для меня теперь доказанный исторический факт. Я хотел поспешить и вооружиться по возможности досугом для занятий в архивах у Оболенского и Калачова, где, к сожалению, отведено очень мало времени для занятий и притом суббота принадлежит к праздничным дням. Потеря одного из трех дней при моем малодушии для меня очень чувствительна, особенно если единственной ее причиной служит сдержанье эмиграции, ибо я по крайнему своему разумению убежден, что сосредоточение назначенных мне четырех часов в два дня не отзовется никакими лишними недостатками в объеме и характере моего курса, как распост-

ранение этих часов на три дня не прибавит к нему ни одной лишней доблести.

Но, с другой стороны, я очень хорошо знаю, что ни моя диссертация, ни другие мои личные и временные обязательства не имеют никакого права действовать на решение совета или привлекать к себе его внимание: вне своих служебных обязанностей я для совета не существую. Заключение силлогизма для меня, как по всей вероятности и для Вас, ясно, хотя для меня оно и печально: когда личные обстоятельства приходят в столкновение с интересами или требованиями более общего или авторитетного свойства, тогда лицо должно посторониться, чтобы дать проход праву. Извините меня за эту самодельную и неуклюжую формулу давно Вам известной юридической леммы, если не аксиомы. Оканчивая свое объяснение с П. И. Горским, я просил его сделать такое заявление совету, когда он будет представлять расписание лекций на его утверждение: «Доцент такой-то просит покорнейше поместить на значенные ему 4 часа в понедельник и вторник и сделать это, во внимание к некоторым его особенным личным и временным обстоятельствам, в виде личного, ни до кого не касающегося исключения; докладчик при этом позволяет себе прибавить, что, судя по мотивам, которым назван[...]»¹

1875 г.

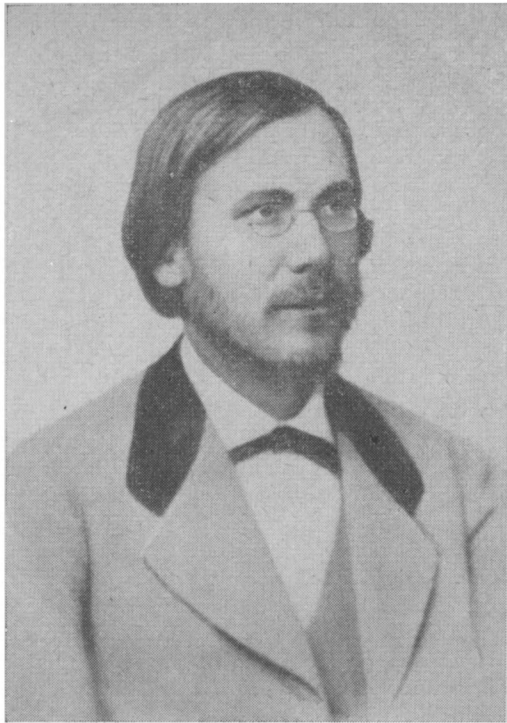
43. С. Н. ШУБИНСКОМУ *

[1875 г.]

Милостивый государь Сергей Николаевич!

Я слишком замедлил ответом на Ваше письмо и с выражением искренней благодарности за высылку Вашего сборника *, который получаю совершенно аккуратно. Причиной замедления было ожидание книги, которая обещала мне материал для ближайшей статьи, предназначенной мной в Ваш сборник. Это — книга г[осподина] Петровского «О Сенате в царствование Петра Великого», на днях появившаяся. По поводу этого труда и воспользовавшись другим сочинением по истории русской администрации, я думаю сделать не очень пространый и возможно популярный очерк характера и строя высшего центрального управления, созданного Петром *, сопоставив его с центральной администрацией Москов-

¹ Дальнейший текст не сохранился.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.

1873 г., Киев.

Хранится в ГПИБ

ского государства XVI—XVII вв. Если Вы находите такой предмет удобным для сборника и не имеете в виду специалиста, более меня занимавшегося историей русских государственных учреждений, я бы желал знать, нужно ли мне или нет поспешить обработкой предпринятой статьи для Вашего издания, к за[да]че которого — распространению в обществе интереса и знакомства с отечественной историей — я могу относиться только с искренним желанием посылить содействовать возможно более широкому ее выполнению.

Прошу верить искренности моего к Вам уважения и сочувствия Вашему делу.

Всегда готовый к услугам В. Ключевский.

Адрес мой, неполно сообщенный Вам Г. Ф. Карповым: Москва, Большая Якиманка, у ц[еркви] Николы в Голутвине, д. Рахманиной, Василию Осиповичу Ключевскому.

44. А. А. ШАХОВУ *

13 марта 1876 г.

Я не писал Вам так долго потому, что собирал материалы для письма, т. е. дожидался, пока этот материал появится.

Вскоре после Вашего отъезда В. Г. * заболел простудой и пролежал — я сам видел, как он лежал, — больше недели. Заметка о диспуте была отложена. По выздоровлении, при косвенных напоминаниях, он выражал сожаление о просрочке и принял мысль предварительно снестись с редакцией; между тем заметку он собирался показать оппонентам до напечатания, чтобы сплетен не было от них. Редактор отвечал полной готовностью, а дурак-то В. Л. * поспешил облегчить дело, тиснув другую статейку, где повествовал, что это Вы настояли на публичной защите, чтобы поговориться перед барышнями, а судьи хотели судить сначала при закрытых дверях, негласно. Сам к р ю к уж перестал одобрять болвана, так как затронули его ч а с т ь — устав: «Нет-ш, это по уштаву... што он там мелет?» Теперь, вероятно, дело уже вышло и из печатного тиска: я еще не видал последних двух номеров газеты, за которой стал следить специально с этой целью. Отсюда Вы увидите, почему дело затянулось. Ничего нельзя было поделывать: я искренно жалел, что отсутствовал в день Вашего венчания.

Что говорили Вы о р а з д р а ж е н и и, Вами, т. е. книгой *, произведенном, это правда: даже глупости иногда говорились без раздражения, до этого, пожалуй, не дошло бы. Ильич * сетовал на медленность своего учебного дела о предшественниках, на что отвечали ему одобрительными упреками: видно-де и без того, что основательный человек, да уж слишком, пора и написать. «Нет-ш, вот кто привезет новую диссертацию, ражом жготовит-ш» — «Да зачем она ему?» — «Ну»... и ничего не сказал, запнулся, как тогда — помните — после разговора с ним В. И. Г. о факульт[етской] цензуре. Эпизод любопытнее был в один из вторников. Пришла и белокурая риторическая фигура (это данное мною прозвище П. П. М-ву). Зашла речь о б о г о р о ш и т ь. «Да, я слышал о книге. Читать ее не буду. Ныне вообще век д е м о к р а т и ч е с к и й и потому в моде уличные выражения. Притом, говорят, в этой книге есть такие куриозы, до которых я не охотник». — «Например?» — «Да что-то о Шатобриане очень дикое». Началось изложение главы о Шат[обриане]. Душа и Вл. поддерживали, и выведено было заключение, что, может быть, не все сказано о Ш[атобриане], но сказанное вовсе не дико и притом написано языком далеко не уличным. «Напротив», — прибавила Д., улыбнувшись, как она улыбается, когда вспоминает, что и в ней есть капля чего-то дворянского, салонного. — «А-а, в таком случае прочесть надо». —

«Прочтите, прочтите» (она же). Но не прочитал, как я после убедился.

Правда, правда — детенышей потревожили, в гнездо теплое, насиженное холодной воды налили, лавочку закрыть покусились — Вы. Фонды строгой науки унасть могут. Сердятся, сердятся: в этом Вам можно даже позавидовать.

Дача в Р[аменском] для Вас отыскана; но вот при каких обстоятельствах придется Вам жить, если согласитесь. У пономаря домик, в саду весь. Вам 4 комнаты. Через сени хозяин с пономарихой, но мешать Вам, пожалуй, и не будут. 100 р[ублей], задаток отдан. Кушанье — как захотите: будет готовить хозяин или как иначе. Выговорено условие — в Вашей печке не готовить ни в каком случае, даже если Вы своего кухарца заведете. Мебель есть, но кутейническая, плохая. Отпишите обо всем этом. Есть еще изба против нас, но не хороший вид на обгорелые столбы и притом мужичья, вроде нашей. А у пономаря, говорит жена, жить можно.

Новостей нет. Богол[енов] отпечатал книжицу *. Л. млеет попрежнему. Душа о Лили как-то рассказывала мне такие темноты, что я ничего не понял: кажется, еще не поправилась. В след[ующий] вторник танцы; прежде весь пост играли в вопросы и ответы и в рифмы. Весело! У меня катар в горле, и я потому хожу в легком пальто: приятно быть больным, опаздываю везде еще больше. Курсы Вам кланяются и Кат. Ф. в особенности.

Я напишу Вам скоро опять, посылая вырезку из «Гилярки» *. Расскажу об одном занимающем меня деле.

Ваш ¹

Москва, 13 марта 1876 г.²

45. В. И. ГЕРЬЕ

18 августа 1876 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Из письма А. А. Шахова в ответ на Ваше письмо от 2 авг[уста] Вы узнали, что сделано по курсам и чего не сделано. Я собирался ехать в Москву для публикаций, когда вернулся в Раменское Шахов и известил, что они уже отданы в редакции. Винюсь в промедлении. Вместе с тем Ш[ахов] сообщил мне, что он писал Вам о Веселовском. По его настоянию я поспешил открыть путь к сношению с ним, хотя нам еще неизвестно Ваше отношение к этому проекту и я прежде помышлял о Павлове *. Отыскав с трудом хорошего приятеля Веселовскому и моего знакомого Сизова, я изложил ему дело. Веселовский за границей и неизвестно, когда во-

¹ Далее вместо подписи поставлены две горизонтальные черты.

² Две последние цифры написаны синими чернилами под зачеркнутыми 65, которые, как и все письмо, написаны черными чернилами.

ротится. Сизов обещал написать туда, узнав адрес, и известить меня о результате. Из разговора с ним я узнал, что Весел [овский] закадычный приятель Стороженка и т. д., идя до Н. С. Т [ихонравова]. Боюсь, не выйдет ли отсюда новой кляузы. Я, впрочем, не прочь от того, чтобы навести справку у самого Т [ихонравова], не переменял ли он своего майского сердитого решения, хотя Ш [ахов] в этом со мной не согласен. Не перестаю жалеть, что Миллер дал отрицательный ответ на предложение, припоминаю жалобу арх [иепископа] Геннадия, который еще в XV в. писал об оскудении русской земли людьми, умеющими учить грамоте.

Порученную Вами справку у Зенгера наведу на днях, потому что теперь еще ничего нельзя добиться в музее.

Жму Вам руку и прошу вместе с искренним поклоном передать Авдотье Ивановне, что замечания на новые теории о начале Руси я изготовил п р о с е б я * и едва ли решусь показать их людям, которые относятся к вопросу не так легкомысленно, как я.

Искренне Вас уважающий В. Ключевский.

Москва, 18 авг [уста] 1876.

1877 г.

46. Н. В. КАЛАЧОВУ *

Июнь 1877 г.

Милост [ивый] государь Николай Васильевич!

По Вашему письму и по названию журнала, еще не зная его программы, я составил себе понятие о нем, как специальном учебном издании, которое своими задачами будет напоминать «Архив истор [ических] и юрид [ических] сведений», а так как я всегда сожалел о прекращении этого издания, то могу ответить на Ваше обязательное приглашение только выражением полной готовности принять посильное участие в «Исторической библиотеке» *. В непродолжительном времени я надеюсь окончить одну работу, давно лежащую на моих руках, и тогда буду иметь возможность изложить Вам подробнее, что могу сделать для предпринимаемого издания; теперь же могу только сказать, что буду вкладчиком того отдела «Истор [ической] б [иблиоте]ки», главную редакцию которого Вы приняли на себя.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть готовый к услугам

В. Ключевский.

[ию]ня 1877 г.

11 ноября 1877 г.

Уважаемый Нил Александрович!

За выбор в комиссию очень благодарен тем, кто выбирал меня, и приму охотно посильное участие в ее трудах. Но на Ваш упрек в равнодушии и осторожности могу представить смягчающие вину обстоятельства. Я до сих пор не получал ни одной повестки о заседаниях Общества, а «Моск[овские] вед[омости]» читаю раз в неделю случайно. О заседании, где выбирали секретаря, я узнал вечером на другой день от Карпова; о вчерашнем мне утром сообщил Н. С. Тихонравов; но репетиция в училище у меня кончилась в 40 мин. 9-го *, и я думал, что могу уже не застать заседания; к этому предположению я склонился тем охотнее, что истрепанный репетицией я должен был сегодня встать в 7 час[ов] утра, чтобы приняться за обязанности преподавателя. Притом мне приходила на мысль возможность столкновения совсем особого рода, возможность, в которую я мог верить, зная характер и образ действий Ваших противников. Я еще не получал ни малейшего извещения, никакого знака, что я избран в члены Общества, и не знаю, напечатан ли протокол заседания, на котором был избран. Мне представлялось затруднение, в какое был бы я поставлен, если бы кто-нибудь из якобинцев, которых Вы очень хорошо знаете, — г-н Б., или г-н Ф., или какой еще там NN, спросил бы меня, имею ли я сертификат своего членства. Не имея в руках никакой бумаги, я доселе не заплатил взноса в Общество, делаемого при вступлении в него, не получал диплома и не беру выходящих книг журнала, даже не знаю, как это все сделать; в прошлом году только в декабре, кажется, тотчас по избрании стороною добыл чрез другого одну книжку «Чтений». Вот обстоятельства, вину облегчающие. «Так нельзя быть членом Общества при таких обстоятельствах», — скажете Вы, может быть. Согласен, хотя эти обстоятельства устранимы и не каждый день действуют. Но в таком случае я, хотя и с сожалением, сложу с себя звание члена, если этого кто-нибудь пожелает из тех, кто на последних заседаниях дал ходу дел в Обществе оборот, которому я только могу сочувствовать.

Искренне Вас уважающий В. Ключевский.

11 ноября 1877.

1878 г.

48. Н. П. БАРСУКОВУ *

[1878 г.]

Я не успел списать весь памятник (житие Филиппа Ирапско-го) и не могу послать его с Вами. Но я пошлю его скоро, дня через два. Прошу передать это кн[язю] Вяземскому и спросить у него, можно ли набирать текст жития прежде объяснительного введения, которое пришлю после. Сказания о костромской иконе по некоторым встретившимся затруднениям я отложил до окончания издания жития Филиппа *. Будьте так добры, доведите об этом до сведения князя, чтобы он не терял надежды на исполнение данных мною обещаний.

Преданный Вам В. Ключевский.

Жаль, что сегодня не могу зайти к Вам по разным делам, от которых никак не избавишься, когда нужно.

Рукой Н. П. Барсукова: 1878 г.

1879 г.

49. В. И. ГЕРЬЕ

23 июля 1879 г.

Москва, 23 июля 1879.

Павел Гаврилович * передал мне Ваше желание, чтобы я возможно подробнее написал Вам о болезни С. М. С[оловье]ва. Боюсь, что описание выйдет очень неудовлетворительное в медицинском отношении. Сообщу немного, что знаю, т. е. что видел и слышал.

Я долго не решался зайти к больному в мае, хотя не раз проходил мимо павильона в Нескучном, где он поместился на нынешнее лето. Узнав, что он принимает, я навестил его вместе с Перетяковичем и едва мог узнать прежнего С[оловье]ва в худом и совершенно желтом, постаревшем человеке. Он уже не мог лежать, впрочем вставал с кресла, чтобы дойти до колясочки, на которой его катали по саду, и даже пошутил, садясь в этот непривычный экипаж, с библейским изречением: «И повезут тя, аможе не хоще-

щи». Следуя за ним, надобно было говорить как можно больше, чтобы он слушал и реже вмешивался в разговор. Захарьину сообщено было о положении больного, и он приезжал к нему. Явившись в Нескучное 5 июля на именины, я узнал от сына Всеволода, что дело плохо, но о сущности болезни получил очень смутное понятие. Захарьин не нашел рака в печени, который предполагали, но оказался порок сердца. По-видимому, Захарьин не подал надежды на выздоровление, но нашел возможным некоторое улучшение при соблюдении известных условий, особенно полного спокойствия; в противном случае смерть может последовать очень быстро. От застоя крови или неподвижности (С[оловьев] уже не катался и не вставал с кресла) у него начала развиваться водянка, и была уже сделана накануне операция. Вид именинника свидетельствовал, что в последние недели болезнь сделала большие успехи. То были самые тяжелые именины, какие только могут быть на свете. Дождь усиливал их ужас, хотя Кетчер был налицо и, следовательно, было не тихо. Все гости, несмотря ни на что, были удержаны на обед, и не было возможности уйти: Всеволод и Поликс[ена] В[ладимировна] * объявили, что малейшее отступление от заведенного порядка встревожит больного и возбудит в нем подозрение, что он опасен. Кажется, сам он не скоро понял свое положение, если только понимает его и теперь: по крайней мере еще в июне он все собирался ехать на должность в Оруж[ейную] палату. Продолжительный обед в душной комнате в ненастный день вместе с болезненным голосом С[оловьева] из соседней спальни, где он сидел, вид семьи и гостей, с усилием себя подбадривающих, чтобы не привести в уныние больного, и вид больного, с усилием себя подбадривающего, чтобы развеселить семью и гостей, — все это было очень тяжело и стало еще тяжелее, когда к концу обеда явился, чтобы посмотреть больного, доктор Зенгер, тот самый З[енгер], который — помните — так лихо отделивал русскую на юбилее Кетчера. Не знаю, как другие, а что до меня, то я думал, что вернется одна из тех апрельских минут, от которых я начал освобождаться [с] помощью мер, указанных добрейшим И. Н. Пушным. Сельтерская, которую я давно променял на вино и водку, оказала мне и на этот раз услугу. Н. А. Попов сообщил мне любопытное признание больного, объясняющее отчасти быстроту, с какой развилась болезнь С[ергея] М[ихайловича]. Последний сказал ему, что он надул, совершенно надул публику — то, что обыкновенно делал он летом, сделал уже весной, находясь в отпуску по случаю поручения в Петербурге. Если я верно понял это сообщение, переданное мне, когда я чувствовал у себя ускоренный пульс — предвестник апрельской минуты, — С[оловьев] написал, значит, заранее или почти написал свой следующий том. Если так, то вся хитрость заключалась только в хронологическом скачке: осторожный человек, всю жизнь ходивший систематическим шагом, теперь шире прежнего шагнул к той дате, которая в биогра-

фиях отмечается знаком †. На днях еще раз я побывал в Нескучном: больной очень поправился, сидит уже в зале, даже может спать лежа. Я застал его за книгой; но кататься он еще не в силах. Здесь мы встретились с Б. Н. Чичериным, который возвращался с объезда Ярославско-Вологодской железнодорожной линии.

Больной очень доволен посещениями знакомых: они развлекают его, особенно если не утомлять его деятельным участием в разговоре, хотя довольно трудно удерживать его от этого. Вопреки впечатлению, вынесенному мною из первых посещений, я теперь начинаю думать, что он еще может поправиться, что бы там ни говорил Захарьин. Скоро я собираюсь опять побывать в Нескучном.

Вот все, что могу сообщить Вам на Ваш вопрос.

Прошу передать мой нижайший поклон Авдотье Ивановне. Я помню упрек, сделанный мне ею в записке перед отъездом, но думаю, что он не вполне справедлив: мне хотелось бы рассказать о беседе с врачом уже тогда, когда не будет надобности возобновлять ее, а к И. Н. Пущину я отправлюсь тотчас по окончании этого письма.

До свиданья!

Искренне преданный Вам В. Ключевск[ий].

Покорнейше благодарю Вас за оставленные книги: Бертинские и Ваастские летописи я протудировал от начала и до конца с большой пользой.

50. В. И. ГЕРЬЕ

5 августа 1879 г.

Москва, 5 авг[уста] 1879.

Нынешнее лето мне в другой раз приходится быть для Вас, Владимир Иванович, печальным корреспондентом. К прискорбным известиям, которые я сообщал Вам о С. М. С[оловьеве], спешу прибавить еще одно, касающееся другого предмета, если только Вы уже не узнали об этом из других рук. Совершенно случайно узнал я вчера, что по редакциям периодических изданий разослан циркуляр из Мин[истерства] нар[одного] проsv[ещения], приглашающий их воздержаться от суждений по поводу имеющих скоро быть обнародованными распоряжений об усилении правительственного надзора над делами университетов. Так передал мне циркуляр человек, имевший случай видеть его собственными глазами в одной из редакций в Москве.

В последнее свидание с С. М. С[оловьевым] я нашел его на террасе; ему, видимо, лучше, желтизна почти исчезла с лица, но в

этот день он не мог ничего есть: прием пищи вызывал тошноту. Болезнь его, которой я не назвал в прошлом письме,— жировое перерождение сердца.

Мой поклон Авдотье Ивановне.

Преданный Вам В. Кл[ючевский].

51. Н. А. ПОПОВУ

21 ноября 1879 г.

Милостивый государь Нил Александрович!

Следуя Вашему совету, я думаю начать свой курс в университете * 28 ноября в среду на следующей неделе. Боюсь, вовремя ли я сообщаю Вам об этом. Если Вы найдете, что осталось уже мало времени для надлежащего объявления о вступительном чтении, то я прошу Вас назначить это чтение на 5 декабря (в среду же).

С истинным почтением, готовый к услугам

В. Ключевский.

21 ноября 1879.

52. С. А. ЮРЬЕВУ *

8 декабря 1879 г.

Положение «Думы»*, многоуважаемый Сергей Андреевич, очень печально: разные обстоятельства, как нарочно, помешали привести план в исполнение. Теперь пишу для университетского отчета о С. М. Соловьеве * и не могу кончить введение к «Думе» по крайней мере раньше конца следующей недели, т. е. 15 декабря. Кончив введение, в двое суток могу приготовить к печати уже написанные 3 главы. Вообще, числу к 18 будет готово листа 2 1/2 или 3. Имея все это в виду, решите, как поступить, начать ли печатание с 1-й книжки или отложить до 2-й.

С прискорбием думаю о том, что не могу исполнить Вашего желания начать с 1-й книжки.

Истинно Вас уважающий В. Ключевский.

8 дек[абря] 1879 г.

Как только будет готово все начало, доставлю его Вам, а Вы уже распорядитесь его судьбой, смотря по тому, можно ли его пустить в № 1 или нет.

1883 г.

53. Н. А. ПОПОВУ

17 октября 1883 г.

Милостивый государь Нил Александрович!

Студенты IV курса, кажется, не совсем точно изложили Вам порядок занятий на русскоисторическом семинарии. Я не назначал 3 ноября окончательным сроком для представления письменных рефератов. Студенты IV курса готовят свои рефераты по р[усской] истории с 22 сентября до 3 ноября, а с 3 ноября до 8 декабря будут отдавать отчет в своих работах у с т н о или п и с ь м е н н о в том порядке, какой им будет указан 20 октября. Порядок этот соображен, сколько то было возможно, с ходом их занятий по всеобщей истории, о чем у нас была речь с В. И. Герье. Они только должны к 20 октября изучить и обдумать указанный материал (146 страниц «Истории России» С. М. Соловьева), на что они имели достаточно времени с 22 сентября. Просторные промежутки между тремя рефератами, которые они должны представить по трем отделам назначенной им в нынешнем учебном году работы по р[усской] истории, дают возможность устранить затруднения, которых нельзя предвидеть преподавателю, если только каждый студент с умением распорядится своим временем.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть готовый к услугам

В. Ключевский.

17 октября 1883.

1884 г.

54. Н. А. ПОПОВУ

18 апреля [1884 г.]

Милостивый государь Нил Александрович!

Я расхворался хуже прежнего. На следующий год для исторического отделения я предполагаю курс о м е т о д е , т е р м и н о л о г и и и о с н о в н ы х и с т о ч н и к а х р у с с к о й и с т о р и и * (по 2 часа в неделю). Не знаю, можно ли это назвать «Древностями», так как под это понятие подходит только вторая часть предполагаемого курса и разве частью третья.

С истинным почтением и преданностью готовый к услугам

В. Ключевский.

18 апр[еля].

55. С. К. СМИРНОВУ*

22 июня 1884 г.

Ваше высокопреподобие!

Письмо Ваше долго ходило за мной из Скобеева в Москву и обратно; вот почему я несколько замедлил своим ответом.

Очень жаль, что И. Д. Мансветову нельзя ехать на Археологический съезд. Если нет желающих предпринять эту поездку, я приму на себя поручение академии, хотя и знаю, что буду плохим заместителем настоящего археолога. Не знаю, удастся ли мне до съезда собрать достаточно материала, чтобы принять желательное активное участие в его занятиях. Впрочем, если здоровье И. Д. Мансветова поправится, я охотно передам ему свои полномочия.

Жена кланяется Вам, Софье Мартыновне и всему Вашему семейству. Анну Сергеевну * надеемся скоро видеть в Скобееве.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашего высокопреподобия покорнейшим слугою

В. Ключевский.

22 июня 1884 г.

Р. S. Если поручение академии останется за мной *, то согласно с правилами съезда благоволите, Ваше высокопреподобие, уведомить об этом комитет съезда для подлежащих с его стороны распоряжений. Адрес: Одесса, в распорядительный комитет VI съезда, в здании университета.

1886—1887 гг.

56. В. А. ГОЛЬЦОВУ *

[1886—1887 гг.]

Простите, многоуважаемый Виктор Александрович, что напрасно задержал книжку журнала: разные непредвиденные дела помешали кончить статью, хотя осталось немного, а до утра понедельника, конечно, нельзя задерживать книжку. Думаю, не оставит ли совсем мысль написать злополучную речь *.

Преданный Вам В. Ключевский.

1887 г.

57. А. И. ГЕРЬЕ *

1 марта 1887 г.

Поздравляю Вас, многоуважаемая Авдотья Ивановна, и желаю Вам возможно скорее поправиться от болезни. Эта болезнь — единственное, что заставляет сетовать на Поссарта *, косвенно в ней виноватого. Она лишила меня удобнейшего случая лично поблагодарить Вас за то, что я теперь с никогда не испытанным удовольствием перечитываю Шекспира, которого не читал лет 20, и даже боюсь пристраститься к драматической сцене, к которой всю жизнь оставался равнодушен. Тем и другим я обязан преимущественно Вашей настойчивости. Я уже терял надежду на возможность привить такие интересы к такой сухой смоковнице, как мой вкус. Может быть, эта прививка в мои лета — уже запоздалая и излишняя роскошь; но я думаю, что иное лишнее нужнее многого необходимого, а запоздалому интересу рад, как долгожданному гостю. Еще раз спасибо и будьте здоровы!

Истинно Вас уважающий В. Ключевский.

1 марта 1887.

1888 г.

58. Н. П. БАРСУКОВУ

15 марта 1888 г.

Милостивый государь Николай Платонович!

На днях получил я Вашу милую книгу о Погодине *. Характеризую ее этим неудачным эпитетом не для того, чтобы умалить ее ученое значение, а для того, чтобы выразить то приятное впечатление, которое она производит на читателя, не смотря на свою ученость. Не будь я теперь так разорван факультетскими делами, я с наслаждением написал бы рецензию на Вашу книгу. Впрочем: 1) я уверен, что ее сумеют оценить не хуже меня другие более досужие читатели; 2) окончание ее, может быть — дай то бог! — совпадет с концом моих неученых занятий, и тогда я не останусь у Вас в долгу, напишу о Вашей книге много и прежде всего лично Вам, а пока только душевно благодарю Вас за Ваш милый подарок.

Истинно Вас уважающий В. Ключевский.

15 марта 1888 г.

Рук. Н. П. Барсукова: Получил 17 марта 1888, СПб.

16 ноября 1888 г.

Многоуважаемый Николай Саввич!

Г. А. Иванов сегодня сообщил мне о вчерашнем разговоре своем с Вами. Вы жаловались ему на перестановку Ваших часов, будто мною сделанную. Г [авриил] А [фанасьевич] прибавил, что он не знает, шла ли речь о распределении лекций в текущем или в будущем полугодии. Так как в порядке Ваших лекций в текущем полугодии не произошло и не предполагалось решительно никакой перемены, то я думаю, что Вы имели в виду мой разговор с Вами о порядке Ваших лекций в весеннем семестре 1889 г. Спешу уведомить Вас, что распределение лекций на этот семестр было окончено мною вечером того же дня, когда я об этом беседовал с Вами; оно уже давно переписано для министерства и, может быть, завтра пойдет в Петербург. Ваши лекции в нем расположены совершенно так, как Вы того желали: во вторник и в пятницу в прежние часы, а в субботу прак[тические] занятия от 10 до 11. Между тем мне говорят, что Вы громко жаловались на какой-то произвол с моей стороны, против которого надобно искать защиты в совете университета и даже у министра. Слушая это, я только удивлялся и недоумевал. Если бы мне вздумалось поступить произвольно с порядком Ваших лекций, я не пошел бы к Вам просить Вашего на то согласия. Позволяю себе напомнить Вам ход нашего разговора в пятницу 11 ноября. Я хотел узнать, можно ли перенести Ваши часы с пятницы на среду, и просил Вас согласиться на это, если Вам это все равно. Я помнил, что в начале текущего семестра Вы считали возможным читать в среду и собственноручно отметили это на печатном распределении лекций. Я не хотел ничего навязывать Вам; я хотел только навести справку и попросить: можно переставить часы — хорошо, а нельзя — все останется по-прежнему. Прощаясь с Вами, я сказал, что оставляю за Вами прежние часы, а новый час будет в субботу. Вот почему я недоумевал, слушая, что мне рассказали сегодня. Меня нисколько не тревожит Ваше намерение жаловаться министру: я готов сам просить всех жаловаться на мою деканскую неспособность *, чтобы этим подготовить мне разрешение начальства сложить с себя непосильную для меня должность. Мне прискорбно слышать, что заслуженный профессор и мой учитель громко говорит о своем желании жаловаться на меня как декана за произвол. Разве справка и просьба — произвол и преступление? Конечно, мне не следовало бы беспокоить Вас и справкой. Но я думал, что мое давнее и доброе знакомство с Вами дает мне на это если не право, то некоторое оправдание.

Несмотря ни на что, по-прежнему искренно Вам преданный и уважающий Вас

В. Ключевский.

16 ноября 1888 г.

1889 г.

60. В. А. ГОЛЬЦОВУ

18 декабря 1889 г.

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Извините, что я несколько замедлил своим ответом. Мне хотелось пересмотреть написанное и сообразить, когда я могу кончить статью. Статья будет носить такое заглавие: «Состав представительства на земских соборах Древней Руси» *. К 1 января будет готова первая часть этой статьи, что войдет в первый номер журнала, если редакция найдет возможным начать печатание статьи с января. К набору этой части можно будет приступить с 22 декабря, если понадобится.

Преданный Вам В. Ключевский.

18 декабря 1889.

1891 г.

61. И. П. БАРСУКОВУ *

11 апреля 1891 г.

Милостивый государь Иван Платонович!

Не знаю, как благодарить Вас за новую Вашу книгу *, которой займусь в наступающие каникулы. Прекрасный подарок Ваш напомнил мне, что я в бумажном долгу перед Вашей дочерью. Пользуюсь случаем, чтобы уплатить этот долг, и прошу Вас передать моему доброму кредитору прилагаемые при сем две статейки.

С истинным почтением и преданностью готовый к услугам

В. Ключевский.

11 апреля 1891 г.

62. Н. С. ТИХОНРАВОВУ

27 ноября 1891 г.

Многоуважаемый Николай Саввич!

Я не собрал еще достаточно данных для определения менового отношения екатерининского рубля к нынешнему *. Потому не могу дать Вам основательного ответа на вопрос об этом отношении за 1780—1789 гг., тем более что этот период не совпадает ни с одним из тех, по которым я слежу за колебаниями этого отношения. Цены хлеба вследствие неурожая начали быстро возвышаться уже в 1786 г., а в 1787 г. они стали на высоту, совсем ненормальную. Имеющиеся у меня не дост а т о ч н ы е данные наводят на п р е д п о л о ж е н и е, что в десятилетие, предшествовавшее 1786 г., по ценам хлеба в н е ч е р н о з е м н о й полосе тогдашний рубль относился к нынешнему кредитному, как 4 или даже $4\frac{1}{2}$ к 1.

С истинным почтением и совершенной преданностью готовый к услугам

В. Ключевский.

27 ноября 1891 г.

1892 г.

63. С. Ф. ПЛАТОНОВУ *

15 января 1892 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Оправившись несколько от болезни, я пересмотрел 13-й том «Р[усской] ист[орической] библиотеки»*, столь любезно мне доставленный Вами. Счастливая мысль исполнена прекрасно. Значение памятников, Вами собранных, разобранных и изданных, трудно преувеличить, а за труд их подбора и издания всякий занимающийся русской историей скажет Вам большое спасибо. Душевно благодарю Вас за добрую память. Дай Вам бог с неослабевающими силами продолжать путь, на который Вы вступили таким твердым шагом. Отживающему старику Вы не откажете в удовольствии подать руку с таким напутственным пожеланием молодому товарищу по занятиям.

Истинно Вас уважающий В. Ключевский.

Москва, 15 января 1892 г.

[После 6 июня 1892 г.]

Высокоуважаемый Петр Васильевич! ¹

Попав в Москву на несколько дней после долгого отсутствия, я нашел в своей квартире две почтовые посылки, одну с Вашей «Историей К [азанской] д [уховной] академии» *, другую с другими Вашими сочинениями. За все эти подарки приношу Вам глубокую сердечную благодарность; это для меня слишком ценное вознаграждение за маленькое участие, какое мне пришлось принять в известном Вам деле * и которое притом уже доставило мне двойное удовольствие — от собственной мысли об исполненной обязанности и потом при виде прекрасного отношения целой корпорации к высшему духовно-учебному заведению и к одному из его ученых работников. Ни в факультете, ни в совете университета при чтении представления о Вас и по прочтении оно² с указанием на предстоящий юбилей К [азанской] д [уховной] академии и на поддержание желательной научной и нравственной солидарности высших учено-учебных заведений, трудящихся на поприще народного просвещения (резюмирую кой-как заключительную часть представления), не только не послышалось никакого возражения, но не было замечено ³ ни одного сомнительного взгляда.

«История К [азанской] д [уховной] академии» была невольной причиной того, что я несколько замедлил своим ответом на Ваше любезное письмо. Я поджидал обещанной присылки этой книги. По привычке я отыскал по оглавлению некоторые места в Вашей книге, казавшиеся мне особенно любопытными, чтобы прочитать их прежде, чем отвечать Вам. Но, прочитав несколько отмеченных страниц, я раскаялся в таком дурном способе читать книги и начал чтение с первой страницы. И мое раскаяние было награждено. Редко случалось мне в историческом п о м и н а н ь е ⁴ встретить такой ряд ж и в ы х людей, живых, не ж и в у щ и х ⁵. У меня нет причин говорить Вам комплименты, а у Вас, надеюсь, не найдется побуждений подозревать меня в этом плохом ремесле. Потому признаюсь ⁶, в Вашем рассказе мне впервые показались понятными некоторые видные люди, о которых я и прежде кой-что знал, но не имел живого представления. Таковы, между прочим, Иоанн

¹ Карандашом рукой В. О. Ключевского приписано: Знаменский.

² Последние 4 слова вписаны карандашом.

³ Над строкой карандашом написано: и желания возражать.

⁴ Далее зачеркнуто: [помина]льном изложении видеть перед собой.

⁵ Далее зачеркнуто: По случаю юбилея Вашей академии... Портреты людей, развешанные по стенам вашей академической конференц-залы, вынули из рамок и заставили снова ходить, думать и говорить, тщательно наблюдая, чтобы они теперь прорепетировали все это точно так, как делали это в свое время их оригиналы, давно и неосторожно вообразившие себя свободными от всякого земного наблюдения и испытания покойниками.

⁶ Над зачеркнутым: Но только.

Соколов и Никанор. Не ручаюсь ¹, угадал ли я Вашу мысль и согласитесь ² ли Вы со впечатлением, вынесенным мною из Вашего рассказа об этих ректорах. Это впечатление решительно против первого, как решительно за второго. Я напрасно искал признаков Иоаннова таланта, особенно ораторского, которым он гремел в свое время. Он прилежно ³ изучал лексикон красноречивых слов, но в том, что он складывал из них, звучало что угодно, только не красноречие, как в иной музыкальной пьесе слышишь расщитанно подобранные музыкальные ноты, но не чувствуешь музыки. С этой стороны ⁴ он ⁵ в свойстве с проф. Д. Ф. Гусев[ым], столь выпукло Вами изображенным; разница лишь в том, что первый смачивал свои ораторские слепки ⁶ капризной желчью, а второй — простодушной пресной водой ⁷. Кутаясь в надменно-обиженную личину загадочного и непонятного человека, он больше всего боялся, что его поймут и разгадают. Читая Вашу повесть об Иоанне, я часто вспоминал некоторые лица из драм Островского. Не настаиваю на своем мнении и даже охотно готов променять его на другое лучшее; но пока мне кажется, что при желании иметь о нем возможное лучшее мнение всего безопаснее считать его больным человеком. Что касается до Никанора, то он в Вашем рассказе совершенно прозрачен, так же как ⁸ был в своем существовании; скорее можно совсем не понять его, чем ошибиться в нем.

65. П. П. ГВОЗДЕВУ

11 октября 1892 г.

Москва, 11⁹ окт[ября] 1892.

Согласно обещанию спешу сообщить тебе, глубокоуважаемый Порфирий Петрович, что я еще узнал или сообразил по дальнейшим справкам. Если твоему сыну придется остаться в Белом * до января, он должен заpastись видом на жительство, свидетельствующим о его принадлежности к студенчеству. Таким видом для отсутствующего студента служит от п у с к по болезни или какой-либо другой уважительной причине. Поэтому, кроме прошения

¹ *Зачеркнуто*: Не знаю. Судите сами. Не могу.

² *Над строкой зачеркнуто*: верно; *на полях*: Не ручаюсь, верно ли я понял Ваши характеристики.

³ *Над зачеркнутым*: тщательно.

⁴ *Далее зачеркнуто*: Это в своем роде, это тот же. Вероятно, должно было быть: Это в своем роде — проф. Д. Ф. Гусев, столь выпукло Вами изображенный, но, заменив это в своем роде *выражением* с этой стороны он в свойстве с..., Ключевский ошибочно не согласовал с этим *конец фразы*, оставив ее неизменной с ...проф. Д. Ф. Гусев....

⁵ *Далее зачеркнуто*: сродни пр.

⁶ *Над зачеркнутым*: постройки.

⁷ *Далее зачеркнуто*: В надменно-обиженной позе загадочного.

⁸ *Над зачеркнутым*: так и.

⁹ *Первоначально было*: 9.

ректору о выписке из гимназии аттестата зрелости, надобно еще обратиться к инспектору с просьбой об отпуске и с представлением удостоверения причины, оправдывающей отсутствие студента.

Затем остается еще вопрос: будет ли твой сын в мае допущен к полукурсовому испытанию, если он не зачет по отсутствию первого семестра, но зачет второй?

На юридическом факультете этот незачет не мешает допущению к майскому экзамену. Но бывали ли подобные случаи на нашем факультете и какая практика установилась на нем для таких случаев, если они бывали — об этом пока сказать тебе что-либо не решаюсь, потому что не имел еще возможности говорить об этом с нашим деканом. В мое деканство, когда новые правила зачета только еще вводились, таких случаев и быть не могло. Увижусь с деканом 14 октября, и если незачет первого семестра окажется по действующей практике препятствием, мешающим допущению к майскому испытанию, напишу тебе о том немедленно. В противном случае писать не буду: мое молчание будет значить, что твой сын может не зачесть первого семестра, не подвергаясь опасности потерять и второй, т. е. целый год.

Истинно уважающий тебя В. Ключевский.

1893 г.

66. И. Е. ЗАБЕЛИНУ *

9 января 1893 г.

Глубокоуважаемый Иван Егорович!

Позвольте мне как члену Общества истории и древностей российских обратиться к Вам как старшему и высоко ценимому мною товарищу с несколькими словами, цель которых предупредить одно возможное недоразумение. На двух последних заседаниях Общество обсуждало два дела, возбужденные письменными предложениями Тихонравова; об отсутствии представителей Общества на Вашем юбилее *, т. е. о безучастии Общества в этом ученом торжестве, и о ненормальном ходе дел в Обществе. Я считаю себя вправе высказать Вам как сочлену свой взгляд на оба эти дела прежде, чем Вы узнаете его из протоколов. Я резко различаю их, потому что они различны по существу. Безучастие Общества в Вашем юбилее навлекло на Общество вполне понятные нарекания, хотя это случилось не по вине самого Общества, и я не перестану сожалеть об этом прискорбном случае вместе с другими почитателями Ваших ученых заслуг и Вашего таланта. Помочь Обществу

выйти из затруднения, созданного этим случаем, есть долг каждого члена Общества, и я безусловно согласился с постановлением, состоявшимся по этому делу на заседании 21 декабря минувшего года. Напротив, второе дело создает только новые излишние затруднения для Общества, могущие повредить дальнейшему ходу его дел. Неправильности, какие можно заметить в положении и делах Общества, имеют свой источник в переживаемом им переходном состоянии и легко устранимы, как скоро будет утвержден новый устав. Только об этом деле и только в этом смысле говорил я на последнем заседании. Я слишком уважаю Общество и Вас, одного из старейших и заслуженнейших его членов, чтобы смешивать два дела, из которых одно укрепляет достойное отношение Общества к Вам, а другое затрудняет положение Общества. Но возникнув одно вслед за другим, оба дела, к сожалению, как-то сплелись между собою в ходе занятий Общества. Потому могут подумать, будто я, решительно высказавшись против одного дела, иду против другого. Заранее протестую против этого мнения, как совершенно несправедливого. Из университетского адреса и из слов, сказанных мною Вам на юбилее от имени Моск[овской] дух[овной] академии, Вы знаете мое отношение к Вашей ученой деятельности, и я не изменю ему, готов подтвердить его при всяком удобном случае. Позвольте мне остаться уверенным, что ничье ошибочное суждение не поколеблет Вашего доверия к этому отношению, выраженного мне Вами на юбилее и столь мною ценного.

С чувством глубокого уважения Ваш искренний почитатель

В. Ключевский.

9 янв[аря] 1893 г.

67. Н. Н. ФИРСОВУ *

5 мая 1893 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Давно жду Вашей статьи о торгово-промышленных компаниях, чтобы доложить о ней Обществу *. Надеюсь, препятствий ее напечатания в «Чтениях» не окажется. Касательно другого предмета, о котором Вы писали, пока я по наведенным мною справкам еще не получил определенных указаний, которыми можно было бы Вас снабдить.

Статью можно адресовать или прямо в Общество (Москва, Моховая, в здании университета), или казначею Общества Сергею Алексеевичу Белокурову (Москва, Садовники, дом церкви св. Георгия).

Истинно Вас уважающий В. Ключевский.

5 мая 1893 г.

5 июня 1893 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Сердечно благодарю Вас и Авдотью Ивановну за письма. Все-го более обрадовало меня то, что Вы пишете об улучшении ее здо-ровья, и то, что она подтверждает это улучшение.

Затем я решаюсь пожаловаться Авдотье Ивановне на нее са-моё. Она как будто готова обвинить себя в нарушении долга веж-ливости за то, что долго не отвечала на мое письмо, и ей не грешно было прибавить, что это нарушение ей самой очень тяжело. Читать эти слова было еще тяжелее, чем писать их. Ведь я сам просил не отвечать на мое письмо, зная, что т о г д а Авдотье Ивановне бы-ло трудно писать. Уверьте ее, что в деле вежливости она никогда не была должницей ни перед кем, всего менее передо мной, не бы-ла потому, что говоря ее словами, это на нее не похоже. А письмо ко мне — не уплата долга мне, а новое обязательство для меня быть благодарным.

Испытательная комиссия кончила свои дела благополучно и даже благодушно. Не раз нуждались в Вашем мнении.

Думаю куда-нибудь поехать, только не знаю куда. Более все-го хотелось на Запад, в Европу, чтобы посмотреть на Европу п е р е д в о й н о й, может быть, перед последней войной е в р о-п е й с к о й, потому что после этой войны боюсь уже будет некому и не с кем воевать.

Преданный Вам В. Ключевский.

5 июня 1893.

Мой искренний поклон Вашим дочерям.

69. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ *

29 августа 1893 г.

Простите, что по разным причинам я не мог ответить на Ваше письмо так скоро, как бы мне этого хотелось. Одною из этих при-чин было то, что Ваше письмо долго искало меня, из Сергиева по-сада * было возвращено в Москву, где пролежало несколько дней, а отсюда было отправлено во Владимирскую губернию, где я про-жил август месяц.

Мне было бы трудно исполнить выраженное Вами желание, что-бы я «немножко поэкзаменовал» Вас по вопросу о царевиче Ди-митрии *. Думаю, что такой экзамен не удался бы при самом при-ступе к нему, заставив испытателя задать испытующему такие во-просы, на которые первый сам затруднился бы дать ясные и твер-дые ответы, если бы второй обратился к нему за ними. Испытание само собой превратилось бы в беседу, в которой испытующему при-шлось бы больше пополнять свои знания, чем проверять чужие.

Я пока не знаю всех фактических данных, которые Вы кладете в основание своей мысли, и только могу предугадать некоторые из них. Но самую мысль или решимость поставить такой вопрос я не соглашусь признать «грехом», как Вы изволили назвать ее. Напротив, в этом вопросе еще многое ждет пересмотра и разъяснения, чему не может не содействовать новая своеобразная его постановка. Естественно ожидать, что Ваш взгляд будет горячо оспариваться, вызовет возражения и запросы. Можно даже предвидеть некоторые запросы. Позволю себе изложить один из них, который, — я уверен в этом и желал бы этого, — Вы найдете легко устранимым, т. е. легко разрешимым. Будут спрашивать: если по смерти царя Бориса на московский престол вступил истинный царевич Дмитрий, как могло возникнуть и завоевать себе доверие в значительной части тогдашнего общества сказание о том, что это был Лжедмитрий? Нам легче понять обратный ход дела: легче уверить людей в подлинности поддельного, чем в поддельности подлинного. Может быть, это вопрос народной или политической психологии, а может быть — и полемической тактики; но он возможен, как и другой, ему подобный. Вы отрицаете в этом темном деле XVII в. и простое самозванство, а есть ли средство отвечать тем, кто будет настаивать на *д в о й н о м*? Известный монах, как рассказывали, бежал из Москвы в Литовскую Русь, спасаясь от беды, грозившей ему за его намеки о своем мнимом царственном происхождении, но он ли именно воротился в Москву под именем мнимоубитого царевича? Того ли встретили, кого проводили?

Во всяком случае, если представится удобный случай, я с живейшим интересом выслушаю соображения, которые приводят Вас к высказанному Вами взгляду, и изложу Вам свои недоумения, вызываемые мнениями по этому делу, высказанными в нашей исторической литературе. Буду ждать такого случая *.

В. Ключевский.

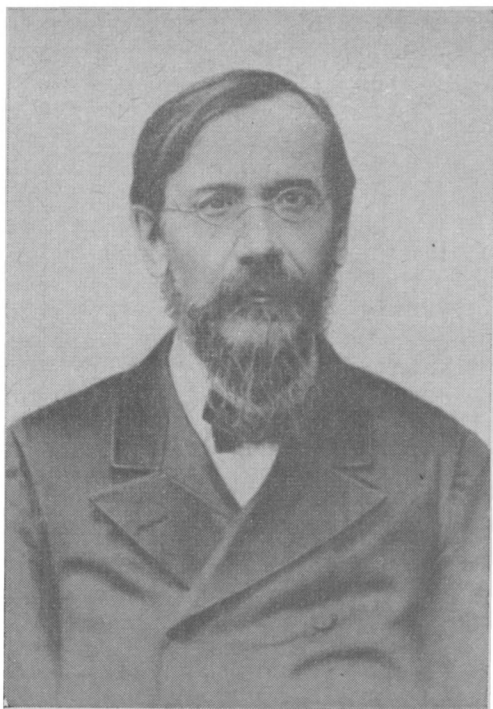
Москва, 29 августа 1893 г.

70. И. Д. ДЕЛЯНОВУ *

3 октября 1893 г.

Ваше сиятельство милостивый государь
граф Иван Давыдович!

В письме, вчера мною полученном, Ваше сиятельство сделало мне честь, выразив желание иметь экземпляр моего университетского курса в литографированном издании, слух о существовании которого дошел до Вашего сиятельства. Я уверен, что этот слух вызван появлением в прошлом году в Москве *л и т о г р а ф и р о в а н н ы х* записок по русской истории под *м о и м* именем, без моего разрешения. Какие это записки, кем изданы — я не знаю. Доселе я не мог их достать,

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.
1893 г., Москва.

и от меня их как будто намеренно скрывают. Появление этих неизвестных мне записок составляет для меня предмет глубокого огорчения. Я перестал разрешать студентам издавать мои лекции со времени введения нового университетского устава. К параграфу утвержденных Вашим сиятельством университетских правил 1885 г., безусловно воспретившему студентам самим литографировать лекции, я отнесся тем с большим сочувствием, что я убежден и всегда убеждаю студентов во вреде для них этого мною учебного пособия. Чтобы облегчить студентам подготовку к экзамену, не устраняя необходимости для них слушать курс, под моим наблюдением издается из года в год «Пособие по русской истории», о котором я имел честь сообщать Вашему сиятельству нынешним летом. Это краткое извлечение из курса, дающее ответы на те вопросы экзаменационной программы, которые обойдены в рекомендуемом мною студентам печатном пособии — учебнике Соловьева.

Курсы мои, литографированные студентами до 1885 г., вышли из обращения. Притом они мало соответствуют курсам, ныне мною

читаемым: частью преподавательский опыт, частью новые экзаменные программы побудили меня во многом изменить план курса и приемы его изложения.

У меня сохранился один экземпляр такого литографированного курса, при обычных неисправностях студенческого литографирования он испещрен моими поправками и дополнениями, в которых трудно разобраться другому читателю. Если мне удастся найти опрятный экземпляр такого курса, я почту долгом доставить его Вашему сиятельству.

Я позволил себе войти во все эти подробности с единственной целью объяснить положение дела, поставляющее меня в прискорбную невозможность исполнить немедленно желание Вашего сиятельства.

Я мечтаю напечатать свой курс, когда мне удастся окончательно установить его состав и текст, доселе при устном изложении с кафедры ежегодно изменяемые. Если я когда-нибудь решусь на это, письмо Вашего сиятельства послужит к сему живейшим побуждением.

С чувством истинного почтения и совершенной преданности честь имею быть Вашего сиятельства покорный слуга.

Василий Ключевский.

Москва, 3 октября 1893 г.

Рукой И. Д. Делянова. Отличное письмо, показывающее большое знание профессором своих обязанностей как учителя юношества.

71. В. И. ГЕРЬЕ

24 октября [1893 г.]

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Уезжаю из Москвы с чувством глубокого соболезнования Вашему горю, тяжесть которого вполне понимаю. Хотелось бы повидаться с Вами перед отъездом, чтобы сказать Вам несколько слов в утешение, но я боялся потревожить Вас своим сочувствием.

Душевно преданный Вам В. Ключевский.

24 окт[ября].

9 декабря 1893 г.

№ Вашей квартиры забыл; адресую в университет.
Абастуман, 9 дек[абря] 1893.

Добрый Михаил Сергеевич!

Вы поступили очень великодушно, написав мне раньше, чем я исполнил свое обещание сообщить Вам свой адрес, и за это я сугубо Вам благодарен. Помнится, перед отъездом *, получив с места надлежащие сведения, я просил своих передать адрес всем знакомым, которым он может понадобится. Но это не снимает с меня вины, и я досаду на свою забывчивость. В первое время по прибытии на место хлопоты новоселья вместе с неизбежными следствиями дальнего переезда при дождливой погоде были причиной того, что я и к своим писал довольно редко, а потом наступили холода — новая помеха п и с а т ь: после полудня, когда я наиболее свободен, у меня иногда так остывают комнаты, что писать можно только так, как рисуют живописцы, выводя каждую часть буквы с особыми усилиями и по наперед обдуманному плану.

Какими печальными вестями и соображениями пришлось Вам наполнить Ваше письмо! Известие о смерти Тихонравова я получил за день до Вашего письма. Я пожалел сильно, что меня нет в Москве: мне хотелось бросить прощальный комок земли на его гроб. Прискорбно все, что Вы пишете о похоронах.

О несчастьи В. И. Герье и писать не буду ¹. Об этом известила меня жена, когда Борис лежал в инфлюэнце. Можете представить, каков был тон извещения. Как подействовала потеря на Авд[отью] Ив[ановну] и сестер?

Очень благодарен Вам за то, что Вы сказали обо мне на заседании факультета по поводу вопроса о вознаграждении Милюкова. Мне показалось не совсем ясным различие между н о р м а л ь н о й платой за практические упражнения и ненормальной. Во время разговора с попечителем не было речи о размере платы, а выяснялось только, что размер определится состоянием специальных средств университета и, разумеется, усмотрением факультета и что предложение удобнее сделать к концу учебного года, когда можно будет сослаться на и с п о л н е н н ы й труд. Я, конечно, буду за максимальный размер. Таково было и мнение попечителя, который одобрил мое предложение и обещал поддержку. Если я возвращусь к предположенному сроку, я успею сделать предложение факультету; в противном случае направлю ходатайство через декана. «А о будущем поговорим после», — повторю я Ваши слова в письме.

Живу я пока благополучно и к условиям места привыкаю с не-

¹ Над строкой карандашом, очевидно рукой Корелина: (смерть сына).

которой удачей. Всего труднее привыкнуть к здешней комнатной температуре, когда холодно на дворе; нос и руки, избалованные московскими печами, особенно страдают.

Если представится удобный случай, выразите Влад[имиру] Ив[ановичу] мое сострадание ему: его поистине сердечно жаль.

Дошел ли вовремя мой отзыв о сочинениях на медаль и что присудил факультет?

Пишу афоризмами, без связи, ввиду почтальона, пришедшего вынуть письма из нашего ящика и меня дожидającegoся. Не забывайте Абастумана, Малой Полянки; поклоны общим знакомым и особенный Надежде Петровне *.

Преданный Вам В. Ключевский.

73. С. А. БЕЛОКУРОВУ *

[Не позднее 31 декабря 1893 г.]

Абастуман

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Старый год доживает свои последние минуты, и я спешу расплатиться с старыми долгами прежде чем наступит новый год, а долг мой перед Вами давно просрочен.

Прежде всего спасибо Вам за два письма и две посылки. Новости, Вами сообщенные, одни очень любопытны, другие донельзя печальны. Упокой, г[оспо]ди, душу Н[иколая] С[авви]ча *: мне его очень жаль. У Вас в Москве, очевидно, была тяжелая осень.

Истинно утешило меня согласие Майкова *, а также поетановление комиссии о рецензенте сочинения Любавского *: о выборе Вашем на новое трехлетие и говорить лишне потому, что не было неожиданностью. Но что случилось с нашим Ю. Д. Ф[илимоновым] * — недоумеваю, но скорблю.

Вы просите на досуге написать о своем житье-бытье. Что написать? Живу хорошо, веду свое дело по мере сил и умения и чувствую себя хорошо в обществе превосходного хозяина и добрых товарищей. Надобно было привыкать к температуре, не похожей на комнатную московскую; но здешний зимний воздух помог одолеть и это затруднение; только по почерку этого письма можете видеть, что у меня в комнате не жарко и перо не твердо держится в руке.

Теперь о деле. Посылаю Вам документ от профессора русской истории Д. А. Корсакова (Каз[анский] унив[ерситет]). Мне переслали этот запрос из Москвы. Благovolите принять надлежащие меры по содержанию бумаги, доложить о ней Обществу и т. п. Я, с своей стороны, напишу автору, что буду просить Общество об исполнении его предложения, смотря по положению нашего издания. Некоторые из предлагаемых вещей кажутся мне весьма любопытными...

Я уже собирался пред отправкой письма на почту заключить его выражением моей общей признательности Вам и всем сочленам за память обо мне, как получил Ваш новый пакет, наскоро перебрал присланные карточки, наскоро просмотрел Ваше любезное письмо и увидел, что если бы я удесятерил силу предположенных мною благодарственных выражений, то вышло бы далеко не все то, что мне хотелось бы сказать моим добрым сочленам, вспоминая обо мне на заседании. При свидании передайте им это и пожмите за меня руку каждому, начиная с Аполлона Александровича *. Я решил послать эту записочку тотчас, хотя по поводу нового Вашего письма хотелось бы кое-что прибавить. Наступающий день обещает хлопоты, и мне до вечера едва ли удастся сесть за письменный стол, вследствие чего письмо замедлит более чем на сутки.

Итак, еще раз всем душевное спасибо, Вам прежде всего, и всех с новым годом.

Преданный Вам В. Ключевс [кий].

Рукой С. А. Белокурова: 31 дек[абря] 1893.

1894 г.

74. С. А. БЕЛОКУРОВУ

[Не позднее 3 февраля 1894 г.]

Добрейший и любезный Сергей Алексеевич!

Получив почтовую повестку о посылке на 25 фунтов, я сделал очень кислую мину, думаю, семестряки из академии — будет работа. Приняв с почты целую кладь, я согласно Вашей инструкции не вскрывал присланного до 30 января, недоумевая о содержании. Поутру 30-го * я получил и Ваше письмо, и пакет с посланием и подписями и вскрыл сооружение, как будто оно при вскрытии грозило взрывом: казак мой осторожно, как умеют это делать казаки, вынимал гвоздик за гвоздиком...

Вечером наша маленькая колония с добрым хозяином во главе собралась в свитский дом, где я живу, и я ей показал любопытные произведения московского археологического досуга, палеографического остроумия и кондитерского искусства. Особенно увеселило читателей препроводительного послания * выражение, надлежаще мною прокомментированное: «в стране инихов, колхов и рода тавров», а также «жадение зрети тя утробу нашу удолеет». Впрочем, и все послание найдено безукоризненным, как и самое кондитерское сооружение. По надлежащем расследовании замечено, что бумага подлинно древняя и с археологическим бессер-

дечием вырвана из старой рукописи. Решено герба не разрушать и всю постройку сохранить на память. С этой целью пряник мною отдан повару с наказом выдержать его в о л ь н о м д у х е и засушить; он теперь и сушится

Я глубоко тронут был любезным вниманием всех добрых моих сочленов по Обществу, подписавшихся под посланием, и долго раздумывал, как бы получше отблагодарить их за неожиданную остроумную посылку. Написать каждому письмо? Адресы большинства забыты в Москве. Написать коллективное послание на славянском языке? Не сумею, да и как его довести до сведения каждого адресата? Я придумал такой путь к выходу из затруднения. Кого из подписавшихся увидите, скажите, что я низко до земли бью челом за добрую память обо мне, благодарю за расположение ко мне от всей души, никогда не забуду этого расположения, — а кахетинское будет, и уже приняты к тому надлежащие меры. Прибавьте к этому, что 30 января — день, который мне впервые пришлось провести вдали от своих, между прочим благодаря полученному мною именинному прянику, в нынешнем году стал одним из приятнейших дней для меня. Все это скажите и А. А. Майкову, и А. Т. Карповой, и Е. В. Барсову, и себе самому, и всем подписавшимся — чин по чину, ряд по ряду.

Благодарю за вести и присланные издания. Я здоров, чего желаю всем Вам.

Истинно Вас уважающий В. Ключевский.

Ручкой С. А. Белокурова: 3 февраля 1894 г.

75. Е. С. НЕКРАСОВОЙ *

5 февраля 1894 г.

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

От всей души благодарю Вас и Анну Степановну * за поздравление и добрую обо мне память.

Вы выражаете в письме своем опасение, что климатические удобства Кавказа не часто заставляют меня добром поминать Москву. Может быть, это и было бы так, если бы нравственные удобства Москвы не брали верх над приятными особенностями кавказского климата. По крайней мере, 30 января Москва заставила меня помянуть ее таким большим добром, что я затрудняюсь достойным образом отблагодарить ее за это. Ваше доброе письмо усилило это затруднение. Я вижу, как оправдывается чье-то изречение, что расстояние сближает; по крайней мере, я опытом узнаю, что оно не удаляет, и глубоко благодарен добрым людям, которые помогают мне понять эту видимую несообразность. Помню, сидя за прощальным ужином у А [лексея] Н [иколаевича] и Л [идии] Ф [илипповны] Маклаковых, я

думал, но не помню, сказал ли, что не так страшно пускаться в неведомую даль, когда позади себя оставляешь столь благосклонно расположенных и доброжелательных людей. Вы теперь пишете, что по четвергам среди читаемых драм и комедий, даже не взирая на страшные рассказы Л. М. Л[опати]на [и] М. Н. М[уромце]вой, нет-нет да и проскользнет мимолетное воспоминание о кавказском абсентеисте. По этому поводу прошу Вас передать мои признательные поклоны Лидии Филипповне и всему ее семейству с А[лексеем] Н[иколаевичем] во главе.

К сожалению, я сам не отличаюсь такой памятью — напротив. Вчера и третьего дня я силился припомнить, 3-го ли февраля именины Анны Степановны, или в другое время, собирался несколько раз идти на телеграф и не решился, боясь ошибки. Если я ошибся, не послав приветствия 3 февраля, прошу Вас передать от меня Анне Степановне хотя запоздалое поздравление. Надеюсь, она великодушно простит невольный промах моей изношенной памяти.

Благодарю Вас за московские вести и сочувствую мысли почтить труды Н. И. С[торожен?]ка. Что касается Вашего взгляда на юбилей вообще, без отношения к отдельным лицам, я вполне с Вами согласен. Юбилей, как они обыкновенно справляются, похожи на домашние репетиции любителей драматического искусства, готовящихся к публичному спектаклю. Юбиляра готовят вести себя с надлежащим самообладанием и достоинством на последнем публичном выходе под белым или черным балдахинном, а себя самих — к роли ассистентов, умеющих хранить при этом случае на своих лицах печать достоюлжной грусти и стереотипного прискорбия. Поэтому для людей, подающих надежду, что они будут смиренно вести себя на собственных похоронах и с положенным по требнику достоинством принимать приносимые им изъявления, — для таких людей юбилей — акт вполне обходимый.

Желаю Вам здоровья и всего хорошего.

Искренно уважающий Вас В. Ключевский.

Абастуман, 5 февраля 1894 г.

76. М. С. КОРЕЛИНУ

7 февраля 1894 г.

Абастуман, 7 февраля 1894.

От всей души благодарю Вас, любезный Михаил Сергеевич, и прошу Вас выразить мою глубокую признательность Надежде Петровне за то, что Вы не забыли заброшенного в закавказское ущелье отшельника и вспомнили о нем в день, когда и я много раз вспоминал о Москве, перебирая, кого я увидел бы там в этот день. в числе своих гостей.

Впрочем, о Москве мне приходится вспоминать каждое будничное утро, когда принимаюсь за дела. Спасибо ей, особенно академии, которая особенно заботливо старается занять мой досуг диссертациями и другими душеполезными работами [ми] учеными и ученическими. Так как здесь я располагаю довольно ограниченным количеством свободных часов да к тому же ухитряюсь протужаться и при здешней превосходной погоде, оставаясь верен дурным московским привычкам, то и недоумеваю, когда закончу с этими рукописными и печатными московскими сувенирами.

Благодарю Вас за вести. Очень рад, что мои конкуренты получили медали (Булатова Вы назвали, вероятно, вместо Бирюкова?). Если Вы жалуетесь на недостаток новостей, то у нас их совсем и быть не может при нашем во всех смыслах отшельническом чине жизни. Встречаем и провожаем день-за-день среди занятий, повторяющихся как по расписанию.

Подивился я, читая Ваш рассказ о предостережении «Р[у с к о й] м ы с л и» *. Жаль, что этого журнала за прошлый год нет здесь (его выписывают только в нынешнем). Мне хотелось бы прочитать статью, навлекшую такой гнев на бедное издание.

Как провели Вы 12 января *, весело ли и с приключениями ли, или без оных? Мне пишут, что съезд утомир и умы, и желудки и потому 12 января прошло в общем не так оживленно, как проходит обыкновенно. Здесь колония моряков отнеслась очень сочувственно к университетскому празднику, и мы проводили его тем веселее, что вечером в этот день получена была телеграмма об обручении вел[икой] княжны.

До свидания. Спасибо за указание о вознаграждении Вашем за искусство: это мне пригодится. Мой почтительнейший поклон Надежде Петровне.

Преданный Вам В. Ключевский.

77. В. О. ШЕРВУДУ *

16 сентября 1894 г.

Еще раз от всей души благодарю Вас за великое одолжение, Вами мне сделанное. Если задача искусства мирить с действительностью, то написанный Вами портрет вполне достиг своей цели: он помирил меня с подлинником. Признаю себя в большом долгу перед Вами и не знаю, сумею ли расплатиться.

Жена в восторге от портрета. Оба свидетельствуем свое глубокое уважение Вам и Вашей супруге. Счастливого пути и благополучного возвращения, а прежде всего здоровья.

16 сент[ября] 1894.

Р. S. Портрет, конечно, остается в Вашем распоряжении, если для чего-либо Вам понадобится.

1895 г.

78. М. С. КОРЕЛИНУ

3 февраля 1895 г.

Любезный Михаил Сергеевич!

Сколько обрадовало меня Ваше письмо, столько же огорчили сообщаемые в нем известия; за первое сердечно благодарю, за вторые, разумеется, виню Вас. Я не ожидал такого развития дела. По некоторым признакам мне казалось, что наша петиция * потонет в великодушном забвении администрации, как — сделаю такое натянутое уподобление — как тонут в песках степные реки Средней Азии. Кой-какие доходившие сюда от министерских властей известия, переданные мне адресатами, поддерживали меня в этой надежде. Именно мне сообщали, что министерство считает московских профессоров «странными людьми, написавшими бог знает что в своей петиции», — только странными, а не преступными. И вдруг — исключение четырех профессоров * и «страшный разгром»! Откуда такая строгость и чем руководствовались в выборе искупительных жертв? Впрочем, ректорское пророчество о страшном разгроме — едва ли самородная мысль самого ректора*: перед отъездом она была высказана мне в этих самых терминах попечителем. Ее источник, кажется мне, скрывается в административной психологии, недостаток которой — привычка смешивать процесс собственного воображения с ходом дел, т. е. принимать свои опасения за опасности. Кто придумал категорию «нравственно изнасилованных», поистине тяжко осложнив заповедь новым грехом, неслыханным даже и в Тифлисе? Пространное возражение на петицию, составленное попечителем, мне известно только по краткому изложению, по которому трудно догадаться о цели, какая имелась в виду при составлении этого документа; по крайней мере я не могу сообразить, с какой стороны он может повлиять на ход дела желательным образом. А в Петербурге, по моим сведениям из указанных выше источников, в начале января министерские власти были расположены думать, что в Москве дело, хотя и было сначала очень дурно, улаживается.

Колония, в которой я состою временным и случайным поселенцем, живет тихой жизнью пустынных монастырей, без событий; только жалуемся на оттепель и недостаток снега; горы вокруг черные, как осенью. Надеюсь кончить свое дело и возвратиться в Москву в начале марта, даже в конце февраля, может быть. По возвращении поговорим и о темах по русской истории для народных изданий, о которых Вы пишете *. Дело это не только доброе, но и очень серьезное. Я на досуге подумываю о нем; но мне нужны

некоторые указания и знакомство с подробностями программы по другим предметам.

Надеюсь, Вы не откажете мне в извещении, если что случится по нашим университетским делам важного и любопытного. Я проживу в Абастумане, наверное, до 20 февраля, а письмо из Москвы идет сюда 6 суток, если путь благополучен.

Мой поклон Надежде Петровне, а также Герье и всем моим добрым знакомым, с которыми встречался я у Вас по пятницам.

Преданный Вам В. Ключевский.

3 февраля 1895, Абастуман.

79. С. А. БЕЛОКУРОВУ

5 февраля 1895 г.

Многоуважаемый и любезный Сергей Алексеевич!

Здесь дела не давали мне досуга написать Вам тотчас по получении Вашей посылки.

Она немного смутила меня. Считаю лишним говорить о том, как глубоко тронули меня и карта, и поздравительное послание, и фотографический снимок *, — каждая вещь в отдельности и все вещи в совокупности. Но, любясь ими, я задавал себе вопрос: нужно ли было расточать столько усилий, хлопот, остроумия и изобретательности на составление такой сложной, предусмотрительной и драгоценной во всех отношениях любезности и какое придумаю я равнозначительное возмездие за эту любезность? По возвращении в Москву, узнав, кто составил такое остроумное поздравление, я попеняю ему за расточительность, а пока прошу Вас привянуть и передать Аполлону Александровичу и по возможности всем другим участникам послания мою сердечную благодарность за их доброе ко мне расположение, заставляющее меня признавать себя неоплатным должником перед ними.

Близится срок моей командировки.

По ходу дела надеюсь возвратиться в Москву к началу марта, даже к концу февраля. Если задумаете о чем-нибудь известить меня или что-либо мне переслать, попомните, что письма из Москвы здесь получаются при благополучном состоянии пути в горах на седьмой день, а 22 февраля я, может быть, уже уеду из Абастумана.

Мой поклон Вашему батюшке и Елпидифору Васильевичу *.

Преданный Вам В. Ключевский.

Абастуман, 5 февраля 1895.

80. Н. П. БОГОЛЕПОВУ *

1 октября 1895 г.

Москва, Житная улица, д[ом] Смирновых.

Многоуважаемый Николай Павлович!

Простите, что я заставил Вас так долго ждать ответа на Ваше письмо: причина тому — неудачи и служебные дела. Согласно с желанием Г. Г. Даниловича * ответчу Вам, может быть, даже слишком откровенно.

Признаюсь, вопрос, Вами мне переданный, поставил меня в некоторое затруднение. Моя речь внушена была моментом, который уже миновал. Она вызвала прискорбное для меня недоразумение *. Потому я не только вправе, но и обязан быть осторожным. Мое согласие на предложение генерала Демьяненкова дало бы делу вид пропаганды с моей стороны. Прошу Вас довести до сведения генерала Демьяненкова, что я глубоко благодарен ему за его доброе отношение к моей речи и предоставляю решить дело его испытанной и хорошо всем известной педагогической опытности.

Благодарю Вас за добрую память обо мне и о моей семье. Очень огорчило меня, что Вы пишете о нездоровье Вашей супруги. Когда будете писать ей, передайте ей мой почтительнейший поклон.

Мы с одним архивистом приводим в известность, что есть в здешнем Архиве иностр[анных] дел по истории морского дела в России, и кое-что нашли уже. Но пока ничего не выписываем в ожидании Ваших дальнейших указаний.

Искренне преданный Вам В. Ключевский.

1 октября 1895 г.

1896 г.

81. Н. А. РОЖКОВУ *

9 июня 1896 г.

Милостивый государь Николай Александрович!

Простите — по обстоятельствам я заставил Вас слишком долго ждать ответа на Ваше письмо. Согласно Вашему желанию мы с деканом уговорились так повести Ваше дело. В начале сентября Вы пришлете в университет на имя декана историко-филологического факультета (Матв[ея] Мих[айловича] Троицкого) прошение о том, чтобы факультет допустил Вас к испытанию на степень магистра русской истории, и к прошению приложите программу экзамена по русской истории (перечень избранных Вами для испы-

тания вопросов по этому предмету). Университетский диплом возьмите с собой на всякий случай, когда поедете в Москву. Поездку свою рассчитайте так, чтобы приехать в Москву к среде 25 сентября; в этот день Вы и будете держать первый экзамен (факультет собирается по средам). Одновременно с посылкой прошения известите меня письмом, по какому предмету желаете Вы держать первый экзамен: это нужно для факультетской повестки, которая пойдет, может быть, до Вашего приезда. Желая Вам благополучного пути.

Искренно преданный Вам В. Ключевский.

Москва, 9 июня 1896.

Мой адрес: Житная улица, д[ом] Смирнова.

1897 г.

82. А. Н. ПЫПИНУ *

15 января 1897 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Я очень рад, что моя записка о Н. С. Тихонравове * Вам пригодилась. Я писал ее для Вас и отдаю ее Вам в полное распоряжение, предоставляю Вам воспользоваться ею в той форме, какую найдете наиболее для себя удобной.

Маленькое дополнение к этой записке. Припоминаю, Н[иколай] С[аввич] говорил при мне о своем намерении написать большое сочинение о «Слове о полку Игореве» * в двух частях, из которых одна будет посвящена разбору языка памятника. Язык Слова бывал предметом и «семинарских» занятий Н[иколая] С[аввича] со студентами. Любопытно узнать, остались ли в бумагах покойного какие-либо следы задуманного труда.

С истинным уважением и совершенной преданностью

В. Ключевский.

15 января 1897 г.

83. Н. Н. ФИРСОВУ

9 марта 1897 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Рассмотрение Вашей диссертации, замедленное неотложными делами, теперь окончено *. К глубокому сожалению, я не надеюсь провести ее в факультете и не хотел бы подвергать ее риску,

уважая память и ученые труды Вашего покойного отца *. Мой ответ: не найдете ли возможным написать декану Матвею Михайловичу Троицкому, что по изменившимся обстоятельствам Вы просите его не давать дальнейшего движения делу о Вашей диссертации. Мое искреннейшее желание видеть Ваше исследование переработанным на основании более полного изучения предмета с устранением того, что не относится прямо к теме.

Искренне преданный Вам В. Ключевский.

9 марта 1897 г.

84. В. П. НИКОЛАЕВОЙ

19 октября 1897 г.

С.-Петербург, Васил [ьевский] остр [ов], 10 лин [ия],

Высшие женские курсы ¹.

Вере Петровне Николаевой.

19 окт [ября] 1897, Москва

М [илостива] я г [осудары] ня Вера Петровна!

Очень сожалею, что не могу разрешить слушательницам Высших женских курсов в Петербурге переиздать мой курс русской истории, как и вообще я не разрешаю этого кому бы то ни было ²; все же находящиеся теперь в обращении издания [и] переиздания ³ появились в свете без моего разрешения — подпольным образом.

С совершенным почтением В. Ключевский.

1899 г.

85. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

14 января 1899 г.

14 января 1899 г.

Задуманное Обществом критико-библиографическое издание нахожу вполне целесообразным и желательным. Настоят [ельная] потребность в таком издании чувствуется давно и нет нужды говорить о его пользе. Нельзя не согласиться с соображениями, изложенными в особой записке.

¹ Далее зачеркнуто: слушательнице.

² Далее зачеркнуто: между прочим ввиду искаженного и спутанного текста ходячих литографий, изданных без моего разрешения и ведома.

³ Далее две круглые скобки: ().

Вы считаете издание обеспеченным, если бы возможно было заручиться сотрудничеством пяти-шести лиц. Можно только от всей души пожелать Вам найти столько соотрудников¹, у которых достало бы досуга, чтобы вести² «Л е т о п и с ь»³ по всем отделам русской историографии.

Согласен, что осторожнее начать издание в виде бессрочного сборника без подписки. Но мне кажется, что каждый выпуск такого сборника должен представлять отчет о движении русской исторической литературы за известный определенный период времени, например за год. Не обязывая себя⁴ срочными выходами, оно будет периодическим по содержанию.

Может быть, уже предположены в составе «Летописи» общие систематические обзоры за известный период времени по разным отделам, какие будут введены в программу сборника. Мне такие критические обзоры представляются существенными дополнениями и к отдельным критическим статьям о важнейших трудах по русской истории, и к кратким библиографическим обзорениям текущей русско[исто]рической литературы.

Очень желательно было бы устроить в предпринимаемом сборнике постоянное обозрение провинциальных изданий по русской истории, особенно трудов губернских архивных комиссий, где нередко появляются весьма дельные статьи и любопытные материалы.

86. Н. П. БОГОЛЕПОВУ

[Апрель 1899 г.]

Прощаясь с нами в прошедшем году перед отъездом в Петербург, Вы выразили мне надежду найти⁵ нравственную поддержку со стороны профессоров Московского университета на том трудном посту*, на который Вы были тогда призваны. Настоящее письмо, с которым я беру решимость к Вам обратиться, примите за ответ⁶ за оказанное тогда Вами доверие ко мне как к профессору, имевшему честь принадлежать к числу Ваших сослуживцев по Московскому университету. Не надеюсь сказать Вам ничего особенно важного; как нельзя более далек я от мысли давать Вам какие-либо советы. Но внизу, на ограниченном поле наблюдений, бывают заметны подробности, не лишённые некоторого значения и легко ускользающие от внимания наверху, в широком кругозоре. Если в моем письме не окажется таких подробностей, оно найдет себе

¹ Далее зачеркнуто: между которыми можно было бы распределить всю работу по изданию.

² Далее зачеркнуто: в.

³ Далее зачеркнуто: обозрение.

⁴ Над зачеркнутым: периодически[ми] по времени.

⁵ На полях: пметь.

⁶ На полях вопросительный знак.

некоторое оправдание только в чувстве долга, обязывающем преподавателя всеми законными средствами, со включением и неудачных¹, содействовать усилиям власти внести² мир и порядок в глухо встревоженную среду нашей учащейся молодежи.

Пишу о деле, которое вот уже третий месяц не перестает быть тяжелой причиной общей тревоги*. Я не коснусь ни хода самого движения, что Вам известно несравненно лучше, чем мне, ни направленных против него мер московского университетского начальства. Да оно, это движение, и обращено было ко мне совсем не той стороной, с какой следила за ним³ власть. Последняя наблюдала размеры и формы, какие принимало оно, захватывая массы, а мне⁴ заметны были мотивы брожения и действия начальственных мер, как то и другое обнаруживалось в отдельных лицах, отражавших в себе настроение товарищеской среды. Позволю себе только несколько соображений о некоторых нуждах и недостатках университетской жизни, вскрывшихся во время этих печальных событий.

Я имел немало случаев видеть, какое тяжелое впечатление производило на студентов, даже не участвовавших в беспорядках, увольнение из университета без допроса обвиняемых, без точного объяснения осужденным их вины, без⁵ предоставления им возможности защищаться. Никакими административными соображениями нельзя оправдать перед студентом такого в его глазах бессудного удаления его из университета; студент не поймет этого оправдания. Гимназическая молодежь, вступая в университет с нравственными чувствами, еще не погнутыми и не вразумленными житейским опытом, всего более смущается и становится глуха к голосу благоразумия, когда на самом пороге зрелой жизни встречается с тем, что ей кажется произволом. Не этим ли хотя отчасти объясняется особенно неосмотрительное поведение первокурсников в последних беспорядках? Об это смущение разбивались самые настойчивые и убедительные увещания сохранять порядок, что многие профессора неоднократно имели случай испытать, обращаясь к студентам с такими увещаниями в феврале и марте текущего года.

По поводу вышеизложенного мне представляется возможным снять с правления университета, учреждения хозяйственного, прикладное бремя университетского суда по студенческим делам⁶. По крайней мере, для ведаемых правлением дел о наиболее важных нарушениях студентами порядка и дисциплины в стенах универ-

¹ На полях: рпсковом.

² Три последних слова написаны сверху стертго текста, прочесть который не удалось.

³ Далее стерто: нач[альство].

⁴ На полях: как проф[ессору].

⁵ На полях: 1.

⁶ На полях: разбир[атель]ства § 41, 7.

ситета или вне оного в случаях, указанных статьей 124 действующего университетского устава, желательное учреждение особого университетского суда, состоящего из председателя — юриста, не принадлежащего к профессорской коллегии, и из нескольких заседателей, избираемых или назначаемых из состава этой коллегии. За инспекцией остается предварительное расследование дела с преданием студента университетскому суду, а при разбирательстве в суде она поддерживает обвинение. Действующая ныне система взысканий (семь видов), налагаемых на студентов университетскими властями, представляется мне слишком сложной. Если будет признан нужным пересмотр изданных по этому предмету министерством правил 1885 г., не удобнее ли было бы несколько упростить эту систему, установив за менее важные проступки предостережение, обращенное не столько к чувству страха за последствия нового проступка, сколько к чувству студенческого долга и приличия, а за проступки более важные, констатированные университетским судом, предложение ректора виновному взять из университета свои документы, т. е. уволиться по собственному прошению? Студент должен твердо усвоить себе мысль¹, что, совершая известный проступок, он сам удаляет себя из университета, и крайне желательно, чтобы этой мысли было достаточно для поддержания порядка в университете.

В связи с устройством университетского суда стоит получивший немаловажное значение вопрос о служителях инспекции (педелях), которые заняли не подобающее им положение в университете. Эти низшие органы инспекции, определяемые по найму «для надзора за порядком в зданиях университета и для исполнения поручений инспектора и его помощников по наблюдению за поведением студентов вне означенных зданий», в мирном течении университетской жизни стали еще и ближайшими блюстителями² учебного прилежания студентов, а во время недавних студенческих волнений оказались едва ли не главными показателями благования и благонадежности учащейся университетской молодежи. Пользуясь первым значением, как одним из средств для зачета семестров, они не гнушались взимать поборы с неисправных в посещении лекций студентов, а благодаря второму значению приобрели излишне большое влияние на участь студентов, потому что их показаниям, часто ошибочным и небеспристрастным, оказывалось слишком доверчивое внимание при разбирательстве дел о студентах, замешанных в беспорядке. Не хотелось бы, а приходится верить целому ряду случаев, вскрывших такие прискорбные ошибки и злоупотребления в Московском университете. По крайней мере, со стороны студентов едва ли на что другое в университет-

¹ *На полях:* Подготовка нравств[енная] д[олжна] быть поставлена на уровень с научной.

² *На полях:* наблюдат[елями].

ском порядке слышались более горькие жалобы. Если в этих столь малонадежных органах надзора, положенных университетским уставом «в случае надобности», надобность еще не миновала, их обязанности в интересе университетского порядка необходимо регулировать точной инструкцией, по крайней мере, устранить их от всякого участия в зачете студентов полугодий, отменив самую запись посещения студентами избранных ими лекций как дидактическое средство, оказавшееся малопригодным и само по себе не соответствующее духу и целям университетского образования.

Самую тяжелую мерой для восстановления в Московском университете порядка и спокойствия, нарушенного недавними волнениями, было массовое увольнение студентов, сопровождавшееся полицейской высылкой уволенных из Москвы. Трудно сказать ввиду многочисленности высланных, была ли при этом и даже могла ли быть точно установлена виновность каждого лица, подвергнувшегося такой двойной каре. Можно опасаться, что настоящей причиной увольнения и высылки многих была предполагаемая их неблагонадежность, а не действительная виновность, доказанная фактами¹ активного участия в беспорядках. Может быть, самой мере придавалось значение не столько наказания за проступки, сколько предохранительного средства для удаления из студенческой среды вредных элементов. На такое значение указывала непонятная без этого связь увольнения из университета с полицейской высылкой, ибо увольнение, как наказание, не должно, казалось бы, влечь за собою, как неизбежное последствие, удаление из Москвы, которое по крайней мере для многих само по себе есть уже особое и очень тяжкое наказание. Но и в этом втором значении мера постигла многих лиц, ее не заслуживших. Молва передает немало таких случаев, всегда неизбежных в поспешном деле с массами. Не берусь судить о практической целесообразности такой меры; но нравственное впечатление, произведенное ею на студентов и общество, мне было хорошо видно. Студенты, сознававшие свое поведение не вполне исправным, подвергаясь этой каре, начинали чувствовать себя оправданными перед самими собой и даже страдающими как бы за правое дело. Оставшиеся раздражались еще более за высланных товарищей. Самые смиренные люди, до тех пор сторонившиеся от движения, невольно вовлекались в него по чувству товарищества и не хотели² ни слушать, ни размышлять ни о его целях, ни о смысле и следствиях своих дальнейших поступков, решившись на все, что бы ни случилось. Вследствие вмешательства полиции можно опасаться, [что] мера³, рассчитанная на охрану студенчества от вред-

¹ *На полях:* уликами.

² *На полях крупным почерком В. О. Ключевского:* Подало об освобод[ени]и от платы [в] 1899—[1]900 [гг.] 8 6 4.

³ *На полях:* средство.

ных влияний, распространяла заразу и на тех, кого предполагалось¹ уберечь от нее. Не говорю о настроении общества: дни усиленных арестов и высылки были для Москвы временем тревожного недоумения и сострадательных повествований.

87. Н. П. БОГОЛЕПОВУ

17 мая 1899 г.

К Ваш[ему] в[ысокопревосходитель]ству препровождена записка десяти профессоров (проф. Н. Умова и др.) Московского университета по университетским делам. Я почти вполне разделяю соображения, в ней изложенные и принимал² участие в их обсуждении, но³ не⁴ подписал записки⁵, когда увидел, что она не с о х р а н и т тон строго конфиденциального назначения⁶, который я считаю необходимым условием ее корректности. Подписавшиеся выразили мне ж е л а н и е, чтобы я довел до Вашего сведения о своем согласии с содержанием записки, что я исполняю⁷, думая⁸, что этим не нарушаю требований служебного долга.

17 мая 1899.

1900 г.

88. В. В. ХОЛМОВСКОМУ

3 декабря 1900 г.

Москва. 3^о декабря 1900.

Уж и не знаю, как благодарить тебя, дорогой Василий Васильевич, за радушие, с каким ты приглашал меня к себе на праздник нашей родной семинарии*, и за второе письмо с описанием праздника и с целой литературой обо мне грешном*. Эту литературу я читал с великим смущением. Конечно, меня радует, что в Пензе все еще помнят обо мне доброжелательно. Но — ох, как все преувеличено, как страшно все преувеличено, что сказано обо мне и в исторической записке уважаемого А. И. Троицкого*, и

¹ На полях: пмело целью.

² Над строкой рукой Б. В. Ключевского: некоторое.

³ Далее зачеркнуто: отказался.

⁴ Слово написано над строкой рукой Б. В. Ключевского, как и зачеркнутое: безусловно.

⁵ Исправлено рукой Б. В. Ключевского по прежнему тексту: подписать записку.

⁶ Над зачеркнутым: характера.

⁷ Далее зачеркнуто: уверенный.

⁸ Слово написано над строкой рукой Б. В. Ключевского.

⁹ Так в копии В. Н. Бочкарева.

в статейке А. Ф. Селиванова*! Особенно жутко мне было увидеть себя в записке рядом с Н. И. Ильминским, приснопамятным просветителем инородцев русского Востока*. Утешаюсь лишь мыслью, что такое сопоставление совершенно несоизмеримых величин произошло по случайному недоразумению, а преувеличенные воспоминания обо мне объясняю общим подъемом духа, какой испытали участники торжества и который расширил объектив их памяти,— как выразился не особенно удачно один мой знакомый — фотограф.

К моему крайнему сожалению, я не мог приехать на юбилей по многим причинам. Во-первых, дела, во-вторых, тяжеловатость на подъем, в-третьих, сильный кашель. Я очень здоровый человек*, но расположен к простуде, особенно к кашлю, которого, впрочем, и не признаю болезнью; для меня это просто неизбежная осенняя неприятность, нечто вроде московской климатической повинности, которую и отбываю с гражданским мужеством, как подобает отбывать всякую окладную городскую повинность, без ропота и без всяких предосторожностей. Кашель привязался ко мне с начала ноября, а потом к нему присоединились насморк и головная боль, что уже было сверх оклада. Подумай, сидя с такими-то вокальными и персональными украшениями в актовом зале семинарии 26 ноября, как бы я был похож на свой величественный портрет, набросанный смелой кистью А. И. Троицкого с такой расточительной тратой радужных красок!

Я долго обдумывал, в какой бы форме выразить воспитавшей меня семинарии чувства благодарного питомца. Земляки выручили меня из затруднения. В. П. Войденов, преподаватель Московской семинарии, приходит ко мне и сообщает мысль, вероятно, известного тебе московского протоиерея Н. В. Благоразумова* послать нашей семинарии адрес от живущих в Москве ее воспитанников. Я, разумеется, изъявил полную готовность подписать адрес, который и был ими обоими составлен. Войденов обещал и отвезти его в Пензу. Из твоего письма не видно, был ли этот адрес читан на семинарском акте и какой встретил прием, если был читан, а с Войденовым мне не пришлось видеться после юбилея. Меня сильно тревожит опасение: что, если наш адрес почему-либо не был читан или прошел незамеченным среди множества других приветствий? Близкие к семинарии участники торжества могли подумать, что я, один из старейших теперь ее воспитанников, ничем не отозвался на приглашение своей воспитательницы, столь радушное. Я был бы огорчен до глубины души, если бы оказалось, что так действительно и вышло. Конечно, я тут не без вины: мне следовало бы тотчас отвечать на твое первое столь любезное письмо, и при свидании, о котором ты пишешь теперь, ты мог бы сообщить мой ответ о [тцу] ректору*. Но отвечать наскоро мне казалось непристойным, а написать обстоятельно не собрался среди ежедневной суматохи текущих дел. Устаешь, и с каждым годом

все живее ощущаешь в себе один недостаток — излишек лет. Если тебе представится случай видеться с о[тцом] ректором семинарии, засвидетельствуй ему, как глубоко тронут я вскрывшейся на празднике доброй обо мне памятью и как я благодарен ему за слова, сказанные им тебе обо мне, благодарен, собственно, за доброе обо мне мнение, сказавшееся в этих несколько торжественных словах. Впрочем, пользуясь твоим известием, что в семинарской библиотеке нет ни одной книги моего изделия, может быть, я пошлю ему «Древнерусские жития святых, как исторический источник» — свою магистерскую диссертацию, несколько экземпляров которой, кажется, еще уцелело в кладовой, и при этом поблагодарю его и семинарию за благожелательное ко мне отношение. «Боярской думы» от двух изданий у меня остался только один экземпляр первого. Советуют переиздать, да мешают лень, поддерживаемая вопросом: зачем? кому нужна?

Так как ты сам завел речь о моей письменности, то на себя и пеняй, когда получишь от меня кое-что из моих последних журнальных упражнений с приложением не найденного тобою в лавке «Краткого пособия по русской истории». Это далеко не руководство, а просто сокращенное и бессвязное извлечение из читаемого мною курса, изданное только для моих слушателей как дополнение к обязательному для них учебнику Соловьева и рассчитанное на их экзаменную программу. Для публики эта книжка не предназначалась. «Житий» тебе не пошлю, если даже найду лишний экземпляр: учены до мигрени.

Очень жаль, что климат «дорогой родины» так неблагоприятен для тебя и особенно для твоей супруги, и я не стану отговаривать тебя от задуманного переселения на Кавказ*, а когда ты поселишься в Сухум-Кале, стану даже завидовать тебе: и к моей жизни Кавказ прибавил не одну пару лет. Большое тебе спасибо за обещание не уезжать туда, не повидавшись со мною. Подивись, что случилось со мной по прочтении твоего письма и особенно этого обещания. Я размечтался: не съездить ли самому как-нибудь в родную Пензу после 40-летней разлуки повидаться с немногими оставшимися там старыми родными и друзьями, вспомнить прошлое с первыми и до земли поклониться вторым за многолетнюю товарищескую дружбу. Твое письмо разбудило, казалось, давно уснувшие чувства и освежило стертые временем и расстоянием впечатления давних лет. И за это спасибо: чем больше живешь, тем реже удается пожить хоть минуту жизнью молодости... Не продолжаю об этом — опасная тема: чего доброго, пожалуй, еще заговоришь рифмованными стихами.

Еще раз благодарю за письмо и приложения. Как можно больше здоровья тебе и особенно твоей супруге; ей мне хотелось бы послать мой почтительнейший поклон, если бы я имел на то право.

Искренно преданный тебе В. Ключевский.

89. В АКАДЕМИЮ НАУК

[1900—1901 гг.]

По делу о предпринятом Историко-филологическим отделением издания грамот Коллегии экономии честь имею представить вниманию Конференции несколько соображений и справок в порядке предложенных мне в письме Вашего превосходительства вопросов.

1) В Московском архиве Мин[истер]ства иностранных дел имеется 31 картон «монастырских дел» вместе со старою их описью. Большею частью это поземельные дела монастырей, состоявших в ведении Посольского приказа. Дела относятся к XVI (с 1540 г.), XVII и первым десятилетиям XVIII века. Я не знаю о подробностях плана задуманного издания грамот Коллегии экономии. Но если имеется в виду собрать в нем по возможности все старые документы, касающиеся церковного землевладения и отношений, из него возникавших, то картон Архива иностр[анных] дел, думаю, могли бы дать для этого издания значительный материал, однородный с делами Коллегии экономии в Моск[овском] архиве юстиции. Далее, в библиотеке Троицкой Сергиевой лавры есть несколько больших рукописных сборников актов этого м[онасты]ря. Сборники составлены в XVII в., еще до учреждения Монастырского приказа, и грамоты расположены в них по уездам. Подлинники этих грамот в свое время были взяты из монастырского архива и вместе с грамотами других церк[овных] учреждений ныне хранятся в Московском архиве юстиции, в отделе Коллегии экономии. Но¹ все ли подлинники уцелели? Может быть, сборники их копий помогли бы восполнить утраченное. Подобные сборники есть и в других монастырях.

2) Расположение актов Коллегии экономии в Архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, специаль[ными] практическими нуждами учреждения, облегчало деловые справки. В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позднейших, в хронологическом порядке без дальнейшего² их подразделения. Но было бы полезно принять во внимание и некоторые специальные цели, с которыми могут обращаться к ним исследователи, и приложить к изданию два указателя или перечня: г е о г р а ф и ч е с к и й — по уездам и д и п л о м а т и ч е с к и й — по роду актов (духовные, купчие, закладные и проч.).

3) Не могу точно рассчитать, насколько будет обременено пред-

¹ Далее зачеркнуто: возникает вопрос.

² Над строкой: [дальнейш]их.

принимаемое издание перепечаткой уже изданных грамот коллегии. Но было бы весьма желательно, чтобы исследователь в этом издании имел под руками все важнейшие из сохранившихся производств по избранному отделу архивного материала, точно определенному и по возможности объединенному, не теряя времени на соби́рание документов, рассеянных по разным изданиям, старым и новым. Так было бы весьма полезно издать не только столбцы коллегии, но и подходящий материал, выбранный из ее книг, если бы это оказалось возможным.

4) Было бы полезно внести в указатели предметов не одни «учреждения» собственно, правительственные места, должности, но и вообще юридические институты и правоотношения, также звания, занятия и другие бытовые подробности, обозначавшиеся терминами, теперь вышедшими из общего употребления или утратившими свое первоначальное значение (вять, позем, делюн, гибель, присуд, путь, соседи, строи и т. п.).

1902 г.

90. Я. Л. БАРСКОВУ *

26 апреля 1902 г.

Дорогой Яков Лазаревич!

Со времени нашей разлуки Вы уже написали мне целый ряд писем, прочитанных мной с великим удовольствием и за каждое из которых я мысленно посылаю Вам душевное спасибо, а сам только теперь собрался писать Вам. Что делать? Едва свалив с плеч «Думу»* на 6-й неделе поста, должен был приняться за спешную срочную, притом просроченную работу, которая отняла у меня страстную и светлую и только третьего дня сдана на почту, а вчера весь день ушел на экзамен. На беду еще пост закончился нездоровьем. «Маститость», которой столь милостиво пожаловали меня «самобратия» Б[арсуковых] *, имеет свои неудобства, если только вся не состоит из одних неудобств.

До праздников успели заброшюровать только 300 экземпляров нового издания «Думы» и ни одного из предназначенных для друзей и знакомых. Типография обещала все кончить на этой неделе, и один из первых экземпляров непроданных будет послан Вам. Это бы ничего, если бы все прорехи нового издания были вроде указанных Вами в главе XVII: боюсь худших. И в других главах

найдете значительные переделки; только не знаю, улучшили ли они книгу.

Я перечитал все, что Вы писали мне о своем деле с Хрущовым *. Благодарю очень за Ваше доверие к моему мнению и Вашу осторожность. Не могу найти достаточного препятствия, которое мешало бы Вам принять предложение Хрущова, и соглашаюсь с советом С. Ф. Платонова; конечно, Вы будете настаивать на своем плане. При этом условии решайтесь — и наверное сделаете полезное дело.

А финляндское дело * совсем затуманилось: после известных Вам перемен я пока сильно сомневаюсь в возможности вести его при тех обстоятельствах, какие созданы совершившимися событиями. Мне только будет жаль, до боли прискорбно подумать, что Ваши усилия по этому делу не получат надлежащего практического приложения. Из Ваших писем я знаю, как много успели Вы прочитать и обдумать; план Ваш почти совпадает с предположениями, какие я собирался Вам сообщить. Подождем еще немного в чайнии, авось что-либо выяснится, а тем временем нам, может быть, удастся с Вами увидаться и переговорить об этом подробнее. В ближайшем письме попомните, что я сейчас пишу Вам, и выскажите свое отношение к мысли и возможности оставить это дело; оно, Ваше отношение, очень меня заботит.

Многое еще хотелось бы Вам написать, да боюсь пропустить почту. Кланяйтесь от меня моим добрым знакомым — Котляревскому, Платонову и др. Но первый поклон мой, разумеется, Ольге Яковлевне *. Еще раз сердечное спасибо за Ваши письма, и не скупитесь на них, памятуя, что имеете во мне внимательного читателя и — плохого корреспондента.

Искренно преданный Вам В. Ключевский.

26 апреля 1902.

91. В. К. ПЛЕВЕ *

17 июня 1902 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Константинович!

Тревожные обстоятельства минувшего полугодия задержали все мои работы и между ними составление обещанного плана по истории Финляндии *, для чего надобно было ближе ознакомиться с литературой предмета и частью с положением источников. План готов, но я пока не решаюсь послать его Вам, потому что, к сожалению, не могу взять на себя его исполнения.

Минувшее полугодие закончилось для меня весьма неблагоприятно. Ввиду состояния своего здоровья, а также необходимости окончить некоторые работы, ставшие неотложными (издание курса и др.), я испрашиваю себе годовой отпуск и в продолжение всего следующего года не буду в состоянии приняться за какое-либо новое дело.

Я подыскивал и¹ людей, которые могли бы принять участие в предположенном труде, и одного из них наметил было себе в ближайшие сотрудники*. Укажу² его Вам, если Вы того пожелаете. Препровождаемый при сем экземпляр нового издания «Боярской думы» прошу принять на добрую память об авторе³.

С истинным почтением и совершенной преданностью готовый к услугам

Василий Ключевский.

Москва, 17 июня 1902 г.

92. Н. Ф. ДУБРОВИНУ *

16 октября 1902 г.

Москва, 16 октября 1902 г.

Милостивый государь Николай Федорович!

В ответ на письмо Ваше считаю долгом выразить глубокую благодарность Конференции Академии наук за честь, какую она мне оказывает, предлагая продолжать издание, начатое по мысли и под руководством покойного Н. В. Калачова*.

Но, к сожалению, я вынужден просить Конференцию не возлагать на меня этого поручения. Необходимость окончить давно начатые и ставшие неотложными научные работы, даже при годичном отпуске, испрошенном мною с этою целью, и ввиду неудовлетворительного состояния здоровья не оставляет мне досуга для нового научного дела. Притом значительную часть текущего учебного года я предполагаю провести вне Москвы.

Обо всем изложенном покорнейше прошу Ваше превосходительство довести до сведения высокочтимой Конференции.

Примите уверение в моем глубоком уважении и преданности.

В. Ключевский.

93. А. П. ЧЕХОВУ

4.12.1902

4 декабря 1902 г.

Ялта. Антону Чехову

Сидим у Тестова и гуртом радостно пьем здоровье дорогого Антона Павловича.

Шалапины, Андреева, Горький, Серов, Коровин, Стюарт, Гримальди, Телешов, Серафимович, Тихомиров, Скирмунд, Симов, Марья Чехова, Кундасова, Бунин, Фелитесы, Пятницкий, Пешкова, Ключевский, Скиталец, Крандиевский, Розенберг.

Ручкой А. П. Чехова карандашом: Бенефис Шалапина.*

¹ Зачеркнуто карандашом.

² Вместо зачеркнутого: Я у[кажу].

³ Слово авторе зачеркнуто карандашом и написано: Истинно Вас уважа[ю(ий)].

7 декабря 1902 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Простите за неповоротливый ответ. Ваше письмо застало меня в тяжелом раздумье, ехать или не ехать в Петербург. Я действительно мечтал съездить туда нынешней осенью или зимой на несколько недель, и эта поездка входила в план моих дел, для которых я попросил себе годовой отпуск. Но для этого необходимо было подвинуть дела до известного момента и освободиться от других, побочных дел вместе с кашлем, привязавшимся ко мне с прошлого сырого лета при содействии моего рыбацкого спорта. Между тем мне не только не удалось разделаться с пристальными делами, но и к ним чуть не каждый день прилипают еще все новые неожиданности, хотя и мелкие, но своей совокупностью поглощающие почти весь досуг и прочие удобства срочно-отпускного положения. С своей стороны, и кашель с наступлением холодов, непривычных даже для московских континентальных ушей, до того усилился и осложнился, что мне посоветовали не только не ездить на север, но и возможно пореже выходить из дому, если я не желаю быть вынужденным ехать, пожалуй, даже с бессрочным паспортом куда-нибудь в противоположную сторону — на теплые воды, до которых я небольшой охотник. Все это после некоторых колебаний, замедливших мой ответ Вам, и заставило меня, к великому моему прискорбию, отложить поездку в Петербург на неопределенное, боюсь, некороткое время.

Отсрочка эта тем прискорбнее для меня, что я очень задолжал в Петербурге и Академии наук, и моим добрым друзьям, а в мои лета не рано думать о расплате. Сердечно благодарю Вас за гостеприимное приглашение: первая квартира, в которую постучался бы я по приезду в Петербург, была бы Ваша. Передайте мою глубокую благодарность вместе с моим большим поклоном и всем тем, кто разделяет выраженное в Вашем письме доброе ко мне расположение, так ободрительно поддерживающее дух, по обстоятельствам наклонный к пониманию.

Не посетуйте на меня за столь пространное изложение своих обстоятельств. Вы сделаете мне большое одолжение, если доведете их до сведения Комитета Общества Санкт-Петербургских В[ысших] женских курсов *. Комитет сделал мне большую честь, почтив меня столь лестным для меня постановлением, о котором Вы меня известили, и при других условиях я почел бы за долг воспользоваться случаем быть чем-либо полезным Обществу Санкт-Петербургских В[ысших] женских курсов. Но — и рад бы в рай, да грехи не пускают.

Искренне преданный Вам В. Ключевский.

Москва, 7 декабря 1902 г.

[Декабрь 1902 г.]

Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Я представлятельству пред Вами о деле, про которое прежде всего осмелюсь сказать, что Вы поступили бы подобно мне в моем положении. Для людей¹, работавших над минувшим родным, не может² быть безразлична участь человека, бескорыстно и усердно хотя и ложно в ином работавшего на том же поприще. Я прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, совершить что-нибудь для облегчения участи арестованного Милюкова. Не столько он сам, сколько его семья меня заботит. Избрав такой путь жизни и не имея средств обеспеченных, этот человек имел низость или слабость завести семью: у него маленькие дети и жена (моя старинная ученица*, дочь бывшего, ныне покойного ректора Моск[овской] дух [овной] академии С. К. Смирнова). Теперь она без средств, кроме самого скудного и неверного по силам ее журнального заработка. Может быть, Вы найдете возможным употребить светлое влияние Ваше к тому, чтобы вернуть Милюкову возможность работать для семьи.

О самом Милюкове я выскажу — и со знанием человека — одно: он не из худших в своей рати. Это наивный, тяжеловесный, академический либерал, в действиях своих даже глупый, а не вояк[а] искушенный и неуловимый. В заблуждениях своих такие, как Милюков, все же хранят нечто культурное и благомыслящее, на что у меня есть данные бесспорные.

Я пишу Вам, глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич, очень поспешно, среди многих неотложных дел, в прямой, хотя робкой надежде, что при проезде Вашем чрез Москву Вы найдете возможным вызвать меня для нескольких минут разговора.

Глубоко, истинно и сердечно счел бы себя тогда Вам обязанным.

Наверху листа приписано: Написано мною как проект по просьбе отца. Борис Ключевский*.

1903 г.

96. [П. Н. МИЛЮКОВУ]*

[Начало 1903 г.]

Сердечно благодарю Вас за извещение о Вашем выходе из «Креста»*. Своему письму я не придаю важного значения: оно по-

¹ *Над зачеркнутым:* Я прошу.

² *Над зачеркнутым:* должен.

служило только началом дела. Настоящую причину распоряжения, сделанного министром, я вижу в той «предварительной беседе»* его с Вами, о которой Вы упоминаете. Жалею об одном: все это могло бы случиться раньше, если бы раньше дошло до меня известие о Вашем аресте.

Я очень порадовался за Вас и за Анну Сергеевну, читая, как Вы устроились в Удельной*, и стал больше уважать русскую читающую публику за то, что Ваши книги приносят Вам хотя небольшой постоянный доход. Большое Вам спасибо и за то, что Вы коснулись в письме наших отношений. Это дает мне право и повод прямо высказать Вам, что давно лежит у меня на душе.

97. В. В. ХОЛМОВСКОМУ

22 ноября [1903 г.]

Очень жаль, что ты, дорогой Василий Васильевич, не обратился за справками прежде всего ко мне или прямо в редакцию «Научного слова»*, которое благополучно выходит с января текущего года д е с я т ь ю книжками в год; вышло девять книг. Цена годового издания с доставкой и пересылкой 6 руб., за полгода 3 руб. Издатель прив[ат]-доц[ент] нашего университета Рахманов, редактор проф. Умов. Адрес: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский переулок, дом Куманина, в контору редакции «Научного слова». Увидевшись с издателем, попрошу его выслать тебе печатное объявление. Если пожелаешь иметь и текущий год, имей в виду, что первая статейка в № 1 «Задачи научной популяризации»*, никем не подписанная, — моя.

Большой поклон твоей супруге.

Преданный тебе искренне В. Ключевский.

22 ноября.

Тороплюсь кончить печатание первой части «К у р с а р у с с к о й и с т о р и и».

98. Я. Л. БАРСКОВУ

26 декабря 1903 г.

Дорогой Яков Лазаревич!

С особенным удовольствием прочитал я Ваши последние два письма: они показали мне, что Вы не сетуете на меня за продолжительное молчание. Вплоть до праздника я был занят хлопотами по выпуску первой части курса, диссертацией Кизеветтера* и разными мелочными, но суетливыми делами.

Сердечно благодарю за петербургские новости и впредь прошу на них не скупиться. Вы единственный в Петербурге москвич и

притом столь мне близкий, который осведомляет меня о петербургских делах, нас касающихся. Потому я вполне за Вашу решимость извещать меня «о своих подвигах среди петербургских историков».

Ваши переговоры с Панч[енко]м * представляются мне наиболее важным делом, участие в котором соединено со значительным риском. Вы описываете это предприятие очень симпатичными чертами, но не скрываете и опасных его сторон и спрашиваете моего совета. Я совершенно согласен с Вами, что дело «само по себе» стоит полного внимания. Но приводящие соображения во втором письме привели Вас к решению, что Вашего имени в этом издании «нет и не будет». Сколько я понимаю это дело по Вашим письмам, Вы приняли наилучшее решение и отстойте его. Не думаю, чтобы П[анченко]в из-за подписи решился потерять такого сотрудника, особенно если Вы ему дадите почувствовать, что надобно сперва направить дело прямым путем, не через «царевы кабаки», и поставить его вне нежелательных влияний; тогда и сотрудники станут к нему в более прямое и доверчивое отношение. Что касается моего участия в этом деле, то сказанное Вами П[анченко]ву кажется мне лучшим, что можно было ему сказать, и за это крепко жму Вам руку. Но это нисколько не мешает моей готовности просмотреть и выработанный Вами план издания, и список намеченных Вами тем; это я сделаю для Вас, а не для П[анченко]ва.

К сожалению, я не мог воспользоваться Вашим предложением переслать к Вам через Вашего брата 10 экзempl[яров] курса для моих петербургских знакомых: книга не успела выйти к празднику, когда Ваш брат мог отвезти ее к Вам.

Список трудов А. Н. Пыпина * получил, просмотрел внимательно и благодарю за него. Список мною написанного * просмотрю охотно и пополю, если замечу пробелы: кой-что уже забылось, да и все ли написанное заслуживает места в списке? Но печатать этот список в «Чтениях» или где бы то ни было нахожу неудобным.

Не знаю ни программы, ни размеров предпринимае[мо]го академического издания важнейших памятников русского законодательства, но мысли предприятия весьма сочувствую: в подобном издании дажно ощущается настоятельная потребность.

Большое Вам спасибо за Вашу готовность дать мне в своей квартире приют в случае моего приезда в Петербург. О поездке в северную столицу пока и не мечтаю: не знаю, как управиться со своими московскими делами.

Передайте мой поклон Н. А. Котляревскому. Чем он занят в настоящее время? Давно не имею о нем никаких известий.

Заканчиваю письмо просьбой и впредь, насколько позволит Вам досуг, извещать меня о новостях и работах по русской истории в Петербурге, не смущаясь моим молчанием¹. Вы ведь знаете,

¹ Особенно буду ждать известий о Ваших дальнейших «подвигах среди петербургских историков». (Примечание Ключевского.)

какой я вообще неповоротливый корреспондент. А Ваше письмо я всегда прочту с большим удовольствием.

Мой сердечный поклон Ольге Яковлевне. Жена, сын и Лиза * кланяются и благодарят Вас за память.

Искренно преданный Вам В. Ключевский.

26 декабря 1903.

1904 г.

99. [С. Ф. ПЛАТОНОВУ]

22 октября 1904 г.

Милостивый государь! ¹

Слова, выписанные Вами из «Боярской думы»*, относятся только к и з л о ж е н и ю или редакции вопросов, предложенных царем Стоглавуму собору: я хотел сказать, что они изложены так, как будто были написаны или продиктованы самим царем. Вместо слов «к а к в и д н о» точнее было бы сказать «к а к м о ж н о п о д у м а т ь». Происхождение царских предложений объяснено в книге актов самого Собора: царю стали известны разные беспорядки в русской церкви, и он немедленно повелел составить о них доклад в форме вопросов, которые сам от своего лица и предложил Собору, взяв на себя инициативу дела согласно с тогдашним московским порядком законодательства. Роль руководителя в деле приписывают митрополиту Макарию, под руководством которого, вероятно, работало несколько лиц, подготавливая материалы для занятий Собора. Но нет оснований отвергать и участие царя даже в пересмотре и изложении предназначенных для Собора проектов; следы его пера и темперамента слишком заметны в некоторых вопросах, а особенно в его послании к Собору. Несмотря на недостатки своего воспитания, молодой царь в те годы много думал и при своей восприимчивости быстро осваивался с делами, что давало ему возможность принимать деятельное участие в важных предприятиях московского правительства того времени.

22 окт[ября] 1904.

¹ Далее строка выскоблена.

1905 г.

100. Н. М. БОРОДИНУ*

13 августа 1905 г.

13 авг[уста] 1905.

Сегодня телеграфировал тебе следующее: «Мало хорошего...»

Телеграмма эта есть результат моих переговоров с А[нной] С[ергеевной]*, у которой я был сегодня утром. Она писала тебе обо всем подробно; что ты ее письмо получил, это подтверждает твоя телеграмма от сегодня[шнего] числа... Но так как адрес на конверте она написала неверно, то есть основание предположить, что ты не письмо получил, а самые материалы. Содержание моей телеграммы основано на переговорах с А[нной] С[ергеевной], которая просила не писать тебе и выразила готовность ехать с е г о д н я в Москву для личных с тобой объяснений. По возвращении от нее я нашел твою телеграмму. Поездка ее после этого не имела бы смысла: или ты в курсе дела, или материалы тобою получены. Ввиду сего обстоятельства я собирался встретить ее на вокзале и отклонить ее решение, но она сама меня предупредила, заехав ко мне перед поездом часа за два. Я показал твою телеграмму и просил ее не беспокоиться поездкой в Москву. Цель ее поездки в М[оскву] следующая: чтобы выручить материалы, мы условились, что я пишу частное письмо Трепову с приложением твоего письма ко мне, прося его материалы выслать на твое имя и таким образом сохранить спокойствие В. О., который, если узнает о случившемся, будет в высшей степени взволнован и потрясен. Так как это ходатайство имеет частный характер и большой шанс на успех, то мы нашли нужным по этому поводу объяснить с тобой, и для ускорения этого дела она решила ехать сама переговорить с тобой лично.

Если материалы не получены тобою и ты еще не предпринял никаких шагов к этому, то телеграфируй мне, согласен или несогласен на наш проект.

101. Д. Ф. ТРЕПОВУ *

[Не ранее 13 августа 1905 г.]

Позвольте отнять у Вас несколько минут Вашего, знаю, слишком занятого времени.

Мне сообщили, что г-н Милюков арестован*. Мне неизвестны причины ареста, и я не могу судить о степени виновности арестованного. Но я считаю себя обязанным по этому поводу высказать (некоторые) соображения, на которые Вы, может быть, обратите

внимание. Г-н Милюков—мой ученик по Моск[овскому] университету и давний знакомый, с которым меня связывает одинаковый научный интерес, занятие русской историей. Я достаточно знаком с его образом мыслей и его отношением¹ к разным агитационным кружкам. Он совсем не радикал и хорошо понимает вред подпольной агитации; опыт и изучение научили его трезво смотреть на положение дел в отечестве, и в этом направлении он определенно и даже решительно высказывался в печати². Мне достоверно известно, что в последнее время он резко разошелся с крайними партиями, между прочим, и по вопросу³ о Государственной думе. Но, негодуя на его умеренность и отсталость, крайние, однако, прислушиваются к его мнениям⁴ и считаются с ними. Вы знаете лучше меня, думаю, лучше, чем кто-либо, характер внутреннего брожения в России и его разветвления, и не мне убеждать Вас в нецелесообразности правительственных мер, которые можно было бы истолковать в смысле желания власти дразнить общество. Арест г-на Милюкова представляется мне неудобным прежде всего с этой стороны. На свободе г-н Милюков окажет сдерживающее влияние на увлекающихся; в тюрьме он будет выставлен жертвой, которой не преминут воспользоваться в целях агитации те же крайние, столь возбужденные и даже обескураженные его противодействием⁵. Не посетуйте на меня за откровенное мнение, что освобождение г-на Милюкова было бы актом⁶ справедливости, которое, я в том уверен, успокоительно подействует на общество и предупредит многие нарекания.

Еще покорнейшая просьба о принадлежащих мне и взятых у г-на Милюкова при аресте документах по делу о Гос[ударственной] думе. Они переданы ему не мною, но я не требовал их возвращения в полной и вполне г-ном Милюковым оправданной уверенности, что он не злоупотребит ими. Вы обяжете меня глубокой Вам благодарностью, разрешив или указав мне средство получить обратно эти бумаги⁷.

На обороте рукой В. О. Ключевского: Трепову о Милюкове.

¹ *Над строкой и на полях:* взглядом и руководящими идеями его деятельности. Не безукоризненной, быть может, с форм[альной] стороны.

² *На полях:* Он хорошо сознает и понимает тяжелую нравственную ответственность, какая падает на популярного среди молодежи писателя за каждое неосторожное его слово.

³ *Над строкой:* отнош[ению].

⁴ *Над строкой:* голосу.

⁵ *Над строкой:* несогласием с ними; *на полях:* доказа[тельство] полной бесплодности примир[ительных] программ.

⁶ *Над строкой:* делом.

⁷ *Ниже приписка:* Не догма, а характер деятеля. М[илюков] — фермент порядка, исповедуя не более того, что другие.

1906 г.

102. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ» *

8 апреля 1906 г.

В уважаемой газете Вашей дважды, вчера и сегодня, сообщалось о возможном или предположенном назначении моем в члены Государственного совета. Мне ничего неизвестно о предположениях такого рода, и самое известие о них я склонен считать не более как слухом. Независимо от обстоятельств, затрудняющих мне жительство в Петербурге, я не нахожу положение члена Совета достаточно независимым для свободного в интересах дела обсуждения возникающих вопросов государственной жизни. Тем не менее, состоя выборщиком для выбора членов Совета от университетов и Академии наук, я постараюсь оправдать высокое доверие родного университета посильным содействием тому, чтобы провести в выборные члены Совета деятельных и полезных работников. Сам же я, как следует из вышесказанного, ни по выборам, ни по назначению вступить в Государственный совет не намерен*.

В. Ключевский.

8 апреля 1906 г.

103. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

13 июня 1906 г.

Письмо в редакцию

В № 151-м уважаемой газеты Вашей напечатано заимствованное из газеты «Ст р а н а» известие, будто я возбудил ходатайство перед Государственным советом о сложении с меня обязанности члена Государственного совета и ходатайство мое было передано на усмотрение Министерства народного просвещения, которое ходатайство это удовлетворило. Сомневаюсь в точности этого известия и думаю, что оно основано на недоразумении. Своему заявлению об отказе от звания члена Государственного совета, сделанному в самый день закрытия избирательного съезда 15 апреля* сего года, я вовсе не придавал значения ходатайства и не имел в том надобности, потому что каждый выборный член Государственного совета имеет право на такой отказ по закону (Учрежд[ения] Гос[ударственного] сов[ета] ст[атья] 27-я и Учр[еждения] Гос[ударственной] думы ст[атья] 17). Совсем невероятно, чтобы понадобилось передавать мое заявление на усмотрение Министерства народного просвещения. Это значило бы подчинять выборных членов одного из законодательных учреждений, каков Государственный совет, в пользовании своим правом усмотрению учреждения подчинен-

ного, исполнительного, и превращать выборный состав совета в какое-то приказное представительство. Я уверен, что Государственный совет не мог допустить такого простодушного нарушения закона и собственного достоинства. Мое сомнение в точности известия подкрепляется еще тем, что то же известие признает вероятым *н а з н а ч е н и е* на мое место одного из профессоров Петербургского университета*. Замена выборного члена [Совета] назначенным прямо противоречит статье 24 Учреждения Государственного совета.

В. Ключевский.

13 июня 1906 г.

104. А. Ф. КОНИ*

21 июля 1906 г.

21 июля 1906.

Известие о вступлении Вашем в Мин[истер]ство Столыпина* давит меня как кошмар, и я пишу¹ в надежде, что этот кошмар с меня спадет. Вас не призвали в Гос[ударственный] совет, где Вы больше, чем любой из общественных деятелей, наиболее страшных для прав[итель]ства, могли бы внести луч света госуд[арственной] мысли и порядка в сбродный хаос дилетантов или реакционеров. Теперь Вас тянут в состав кабинета, распустившего Думу в неотложную минуту ее работы. Внимательно присматриваясь к дея[тельно]сти этой² Думы, я б[ыл] принужден признать два факта, которых не ожидал³, ее⁴ бесспорной консолидации в народном сознании как на самый надежный орган верх[овной] власти и⁵ потом бесспорной умеренности господствующего настроения, ею проявленного. Это настроение авторитетного в народе учреждения неизмеримо умереннее той револю[ционной] волны, которая начинает⁶ заливать страну, и требования Думы — это самое меньшее, чем⁷ может быть достигнуто⁸ бескровное успокоение страны. Поэтому поддерживать Думу является делом практич[еского] патриотизма, вопросом политич[еской] тактики, а не стратегии. Теперь дело идет уже не о требованиях бывшей Думы⁹,

¹ *Далее зачеркнуто:* под влиянием.

² *Далее зачеркнуто:* распущенной, бывшей.

³ *Далее зачеркнуто:* даже не желаю.

⁴ *Над строкой:* быстроты, с какой сложился в народе взгляд на нее.

⁵ *Далее зачеркнуто:* и столь же.

⁶ *Над строкой:* нас.

⁷ *Над строкой:* ценою чего.

⁸ *Над зачеркнутым:* куплено.

⁹ *Над строкой зачеркнуто:* или когда.

а о [существовании] единственного высшего учреждения¹, которому верит народ. Поддерживать прав[итель]ство в такую минуту — значит помогать осуществлению той идеи заговора, которую разрабатывает Двор и власти, ибо госуд[арственных] идей без непрерывного содействия Думы они осуществить уже не могут. Простите великодушно, что я взял смелость написать Вам эти строки. Я ² не вмешивался бы в Ваше решение, если бы меньше Вас уважал. Дея[тельно]сть Кони касается ³ всякого русского человека, и всякий русский в иной час может позволить себе в нее вмешаться.

105. В КОМИССИЮ ПО ПРИСУЖДЕНИЮ ПРЕМИЙ УВАРОВА ПРИ АКАДЕМИИ НАУК

23 октября 1906 г.

В Комиссию по присуждению премий гр. Уварова при императорской Академии наук.

Покорнейше прошу Комиссию снять с меня поручение рассмотреть представленное на соискание премий графа Уварова сочинение профессора М. Грушевского «Очерк истории украинского народа». Осложнение занятий в университете и необходимость ускорить издание моего курса русской истории лишают меня в текущем академическом году необходимого досуга для всякой иной научной работы. Глубоко сожалею, что эти обстоятельства лишают меня возможности исполнить поручение Комиссии.

Книгу проф[ессора] Грушевского при сем возвращаю.

Академик Василий Ключевский.

23 октября 1906.

106. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «Р[УССКИЕ] В[ЕДОМОСТИ]»

[Не ранее 17 декабря 1906 г.]

Письмо в редакцию «Р[усских] в[едомостей]»

Прочитав в Вашей газете отчет о заседании* Московского губернского дворянского собрания 15 декабря сего года по делу об исключении Ф. Ф. Кокоскина, я с удовольствием заметил, что Ваша газета воздержалась и от одобрения, и от порицания резолюции, принятой большинством этого собрания. Я бы желал, — позвольте мне выразить это ни к чему не обязывающее Вас жела-

¹ Над строкой: народного представительства, пользующегося.

² Далее зачеркнуто: никогда.

³ Над зачеркнутым: принадлежит.

ние, — я бы желал, чтобы Вы продолжили это беспристрастное воздержание. Вы покажете этим, что не идете по следам большинства московского дворянства, не вмешиваетесь в чужое дело. Это большинство судило и осудило г-на Косошкина за государственное преступление, за подпись «Выборгского воззвания»*. Императрица Екатерина II в статье 65 «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. дозволила собранию дворянства «исключить из собрания дворянства дворянина, который опорочен судом или которого явной и бесчестной порок всем известен, хотя бы и судом еще не был, пока оправдается». Эта статья вошла и в действующий ныне Свод законов (т. IX, ст. 165 и 166). Закон дозволяет сословной корпорации судить не политические преступления российских граждан, а только пороки своих сочленов, констатированные судом или общественным мнением («опорочен судом», «явной и бесчестной порок всем известен»). Преступление и порок — понятия совершенно различных порядков, и смешать их можно только по недоразумению. Государственное преступление есть государственное, а не сословное дело, и суд над ним принадлежит общим судебным, а не сословным учреждениям. Дворяне, подписавшие «Выборгское воззвание», уже отданы под суд таковых общих учреждений. Судебного опорочения подследственных подписчиков еще не последовало. Трудно понять, какую роль восприняло большинство московского дворянства в этом деле: желает ли оно соперничать с общим государственным судом, или инспирировать его, или, наконец, конспирировать против него, — все это неизвестно, да и нелюбопытно. Но нельзя подвергать людей страданию из-за недоразумения. Большинство, осудившее г-на Косошкина, ссылалось на чувство дворянской чести. Я — не дворянин; но это не мешает мне понимать это чувство, как и ценить исторические заслуги дворянского сословия, историю которого, — кстати сказать, без похвалы, — я позволил себе знать лучше многих дворян. Поэтому я решаюсь напомнить, что русское дворянство никогда доселе не делало из предоставленного ему права такого употребления, какое позволило себе большинство московского дворянства в заседании 15 декабря 1906 г. Декабристы 1825 г. совершили более крупное дело¹: они провинились не в подписании бумаги, призывавшей — положим так — к мятежу, а в выводе вооруженных солдат на площадь для известной цели, которую восторжествовавшее правительство *post factum*² объявило мятежной. Эти декабристы были дворяне разных губерний; но ни одно губернское дворянское собрание, ни тульское, ни курское, ни само московское, догадалось не исключать из своего состава этих государственных преступников. Это были дворяне старого, теперь уже устарелого политического воспитания, которые при

¹ Далее зачеркнуты полторы неразобранные строки.

² после свершившегося (лат.).

всех своих сословных грехах и предрассудках не теряли способности ощущать в составе своей совести присутствия общечеловеческой бессословной повинности — быть благоразумными. Очевидно, внуки и правнуки этих дворян не страдают атавизмом¹. Жесткое, но заслуженное слово направил на большинство московского дворянства кн. П. Д. Долгоруков*, сказав, что «гораздо бесчестнее злоупотребление словом б е с ч е с т н ы й по отношению к своим политическим противникам, чем инкриминируемые Ф. Ф. Кокошкину проступки».

Итак, прошу Вас, насколько могу просить как Ваш читатель, не судите большинства московск[ого] дворянства, не порицайте и не одобряйте его. Это не ваше дело, не мое и не Ваше. Для них есть суд более беспристрастный и потому более строгий. Я как недворянин не знаю, насколько это большинство — дворяне, не по мундиру, а по сознанию, по знакомству с прошлым своего сословия, по пониманию своего настоящего положения и по предвидению своего будущего. Но я знаю, что они дождутся с в о е г о суда. Все они — люди образованные, а образование обязывает не меньше, чем обязывает дворянство. В рядах этого большинства я читаю имена, которые носили их отцы и дядья, работавшие на других поприщах и своей работой заслужившие себе вечную память в русском народе. Оставьте в покое их потомков. Они найдут своих судей в себе самих.

Недворянин.

1908 г.

107. Я. Л. БАРСКОВУ

8 октября 1908 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Ваша телеграмма, на которую Борис ответил Вам тотчас, не выходя из почтовой конторы, вероятно, была вызвана газетным известием о моем нездоровье. Но я, слава богу, пока здоров и благодарю Вас за Ваше обо мне беспокойство. Доживаю последние крымские дни и 13 октября надеюсь возвратиться в Москву. Крымский ли воздух, или крымское удаление от московских дел тому виной, только я чувствую себя теперь гораздо лучше, чем в Москве до отъезда. В курсе подъезжаю к Екатерине II.

Просматривая летом составленный Вами список статей*, мы, помнится, оставили некоторые под знаком вопроса как сомнитель-

¹ Фраза написана на отдельном листе.

ные. Мне бы хотелось еще раз пересмотреть их, чтобы решить, как поступить с ними. Не найдете ли возможным прислать мне копию с того списка и со знаками вопроса, если только это не затруднит Вас среди Ваших осенних каторжных работ? Буду очень благодарен Вам за это. Пересмотрев, выскажу Вам свои соображения и буду ждать Ваших замечаний.

Мой почтительнейший и сердечный поклон Ольге Яковлевне и всем здоровья. Поклонитесь от меня Н. А. Котляревскому.

Искренно преданный Вам Василий Ключевский.
Н. Симеиз, 8 октября 1908¹.

108. Я. Л. БАРСКОВУ

8 ноября 1908 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Почти одновременно получил я телеграмму с подписями и официальное извещение председателя отдела изящной словесности Академии наук об избрании моем в почетные члены* сего отдела или разряда. Отсюда для меня, москвича, не обучавшегося петербургскому чиновничеству, возникают три не разрешимые москворецким умом обрядовые вопроы: кому писать благодарственное письмо: 1) президенту Академии К [онстантину] Р [оманову]*, который первый подписался под телеграммой, 2) председателю разряда или 3) и тому и другому, конечно, в разных конвертах? Не надеясь найти разрешения этих мудреных вопросов шварцевского богословия в старообрядческих гребниках Е. В. Барсова, даже писанных скорописью XII века, как он уверяет, покорнейше прошу Вас спросить уставщика всех староверческих толков Н. А. Котляревского², как поступить в означенном тройственном случае, а главное — нельзя ли как-нибудь не поступить никак, т. е. не писать никому ни вместе, ни раздельно. Скорейшим ответом на сей запрос даже в наименее изысканном стиле Вы премного облегчите страдания трясомого лихорадочным ознобом вот уже третий день и жестоко преследуемого за это нежно любящей меня и еще нежнее мной любимой семьей почетного члена разряда изящной словесности имп. Академии наук

Василия Ключевского.

8 ноября 1908 г.

Мой почтительнейший поклон Ольге Яковлевне, а Вам — здоровья и сил для Вашей безустанной, ежедневной, беспередышной работы.

¹ В рукописи ошибочно: 1708.

² Он же, конечно не без насилия над своей декабристской совестью, подписался под телеграммой. (Примечание Ключевского.)

13 ноября 1908 г.

[...] Пребольшое Вам спасибо за Ваше участие в моем избрании.

Оно смутило меня; читая известительную телеграмму, я спросил себя: за что? Но в подписях я прочитал имена, которые привык произносить с глубоким уважением и любовью, и они меня успокоили.

Вы спрашиваете, как мне живется. И так и сяк. Лето закончил воспалением горла, поправился в Крыму, а теперь опять расклеиваюсь, простужаясь то и дело. Эти передраги и мешали мне быть исправным Вашим корреспондентом. Но не вините меня за то строго: я умею ценить Ваши письма и только не умею своевременно отвечать на них. Не знаю, как благодарить Вас за присланную Вами статью о гр [афе] Л. Н. Толстом и за «Отрывки из воспоминаний»*. Не буду разборчив в выражениях, напишу первыми попавшимися словами. Во-первых, «Отрывки» заставили меня пережить чуть не половину моей жизни, 60-е, 70-е и 80-е годы минувшего столетия, и это вторичное переживание пополнило мои личные воспоминания и во многом их исправило. А потом Вы прямо-таки открыли мне Тургенева, Достоевского, Некрасова, Писемского, превратили литературные силуэты, какими они мне представлялись, в живые, яркие образы. И знаете, за что я Вам особенно благодарен? Из Ваших рассказов, столь для меня новых, я не вынес разочарований, напротив, обогатил только запас своих сочувствий: в ежедневной действительности, как Вы изобразили этих мастеров, в конкретнейших, иногда мелких случаях их жизни, Вами рассказанных, они не менее привлекательны, даже нередко привлекательнее, чем в своих произведениях. Сколько в них, думалось мне при чтении Ваших воспоминаний,— сколько в них исторического и вместе сколько трагического! Не каждый из них носил на шейном шнурке мундштук вместо креста, подобно Писемскому; но на плечах каждого, не исключая и Писемского, тяготел крест русской жизни. Желал бы я видеть смельчака, историка той же нашей эпохи; который решился бы обойтись без Тургенева, Достоевского и т. д. не в главе о литературе, а в отделе об общественных типах, и Вам в этом отделе волей-неволей придется занять в подстрочных примечаниях место пушкинского Пимена.

Только что прочитал продолжение Ваших судебных воспоминаний в последней книжке «Русской старины». Это изнанка той же эпохи, и можно только позавидовать безгрешной завистью, с каких разнообразных сторон пришлось Вам взглянуть на жизнь своего времени. Новые рассказы поразили меня не менее прежних. Семья чиновника NN останется в моей памяти таким же г л у б о - к и м р у б ц о м, как и игумения Митрофания. Не сердитесь на меня, дорогой Анатолий Федорович, за мои признания: я знаю, они Вам не нужны; но Вы ведь в них виноваты.

Вы спрашиваете, прислать ли Ваши речи в Государственном совете об университете Шанявского и по другим вопросам? Я прошу Вас об этом. Мало того: я надеюсь, приехав в Петербург (чего на свете не бывает!), услышать Ваш рассказ об одном деле, Вами мне обещанный. Видите, как я иногда памятлив.

Я был очень огорчен известием о прекращении «Вестника Европы»: без «Вестника Европы» я не понимаю русской журналистики, как не понимаю очков без стекол. Но, слава богу, очки останутся со стеклами. Хотелось бы узнать что-нибудь о М. М. Стасюлевиче. Хорошо помню его «день субботний».

До свидания. Не обходите меня ни письмами, ни литературными произведениями: те и другие для меня лекарства от моих недугов.

Душевно Вам преданный В. Ключевский.

1909 г.

110. СЕРГЕЮ АЛ-ЧУ

8 марта 1909 г.

Глуб[окоуважаемый] Сергей Ал-ч.

Я задержал у себя Ваш «Т е р м и д о р» дольше всякого приличия. Оправдание мое — недостаток досуга. Пр просмотр издания доставил мне глубокое удовольствие¹, за которое Вас сердечно благодарю. Конечно, это удовольствие — в чужом пиру похмелье. Но оно² убеждает, что свободу надобно брать, а не получать. Еще раз сердечное Вам спасибо.

8 марта 1909.

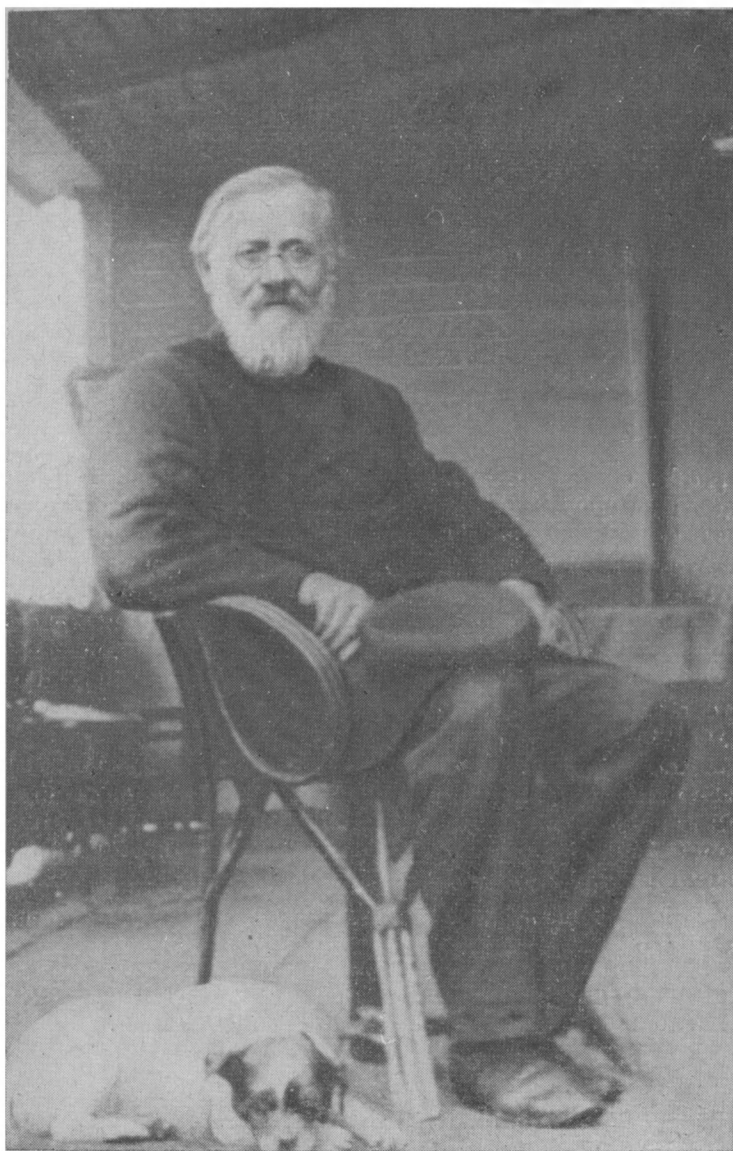
111. Р. Ю. ВИППЕРУ*

23 мая 1909 г.

Многоуважаемый Роберт Юрьевич, считаю долгом своим поблагодарить Вас от всей души за внимание к моему трудному положению в те заседания советской комиссии, когда обсуждался вопрос о посылке делегации от Совета в С.-Петербург. Не отказавшись повидать моего сына, поговорив с ним, Вы дали мне возможность ознакомиться с чертами прений, от которых было отстранено

¹ Над зачеркнутым: наслаждение.

² Над строкой: еще лишний раз убеждает меня.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.
3 июля 1909 г., Сушнево.

Снимок С. И. Смирнова.

мое внимание, и вообще помогли нам разобраться в этом деле. Эти заседания дали мне почувствовать, как трудно мне становится быть активным¹ членом комиссии, и я решил отказаться от участия в ней раньше каникул. Думаю отложить на год и самое чтение лекций, чтобы избежать опасности сделать это поневоле, обратиться с силами.

До свидания осенью.

Искренне благодарю Вас и за участие Ваше к нам.

23 мая 1909 г., Болдино.

112. Я. Л. БАРСКОВУ

7 июня 1909 г.

Многоуважаемый Яков Лазаревич!

Премного порадовали Вы нас обоих решимостью приехать вместе с Нестором Александровичем* к нам в Сушнево. Только не ослабевайте оба в своей благой мысли и как-нибудь обладьте свои петербургские дела для этой поездки. Во избежание опасности не заставить которого-нибудь из нас в минуту прибытия известите письменно дня за четыре или меньше о предполагаемом дне приезда.

Хорошо, что выяснилось дело о напечатании грамоты свободным сельским обывателем. *Lapsus memoriae!*² В моей решетчатой памяти завязло смутное воспоминание, из которого нельзя было сделать никакого научного употребления.

Работаю так себе; не жалуясь, но и не проникаюсь самоуверенностью. Смущаюсь кой-какими недоумениями; но об них поговорим все вчетвером в Сушневе. Только приезжайте.

Борис кланяется Вам, оба — Нестору Александрову, и от обоих почтительнейший поклон Ольге Яковлевне.

Душевно преданный Вам Василий Ключевский.

7 июня 1909.

Письмо Ваше мы получили уже в Сушневе: много дней оно пролежало в Москве, откуда мы выбрались 9 мая.

113. М. К. ЛЮБАВСКОМУ *

[Ранее 5 декабря 1909 г.]

Многоуважаемый Матвей Кузьмич, искренне благодарю за сведения, переданные сыну, насчет возможности для меня отложить на год чтение лекций. Очень рад я был узнать, что это можно

¹ Далее зачеркнуто: и полезным.

² Ошибка памяти! (лат.)

сделать без ущерба для правильного хода преподавания, что у Вас, а также¹ у некоторых из приват-доцентов имеется² соответствующий курс для прочтения. Теперь я могу спокойно думать о некотором отдыхе. Не для того, чтобы оторваться от университета, а для того именно, чтобы сохранить с ним связь, я думаю воздержаться от лекций, покуда я не войду в свою колею и не почувствую себя лучше. Вы советуете повременить с решением³. Вот почему я все-таки в скором времени пришлю заявление об отсрочке на год своих лекций согласно указаниям, данным Вами сыну.

Если только Борис не ошибается самым непростительным образом, то не невозможно известное товарищеское воспоминание того факта, что 30 лет тому назад я начал университетские свои лекции. Какие-либо поздравления в этом году мне до крайности были бы тяжелы. Пишу это Вам как своему близкому товарищу в уверенности, что Вы меня поймете, в надежде, что и мне поспособствуете в этом⁴ деле⁵.

114. А. Ф. КОНИ

25 декабря 1909 г.

25 дек[абря] 1909.

Мн[огоуважаемый] Ан[атолий] Фед[орович]!

Посылаю Вам только что отпечатанную IV часть своего курса; примите ее с привычною Вам благосклонностью. Пользуюсь сим благовидным предлогом, чтобы причинить Вам новое беспокойство. Дело вот какое. Много лет тому, собирая разные старинные рукописи, я купил — у кого, теперь не помню, — несколько каких-то тетрадей старых. Рассмотрев их, я посредством продолжительных⁶ справок убедился, что это разрозненные части собственно-ручных записок Н. М. Смирнова*, мужа известной в свое время Алекс[андры] Осиповны, урожденной де-Россет; он был губернатором в Кал[уге], потом сен[аторо]м. Записки не лишены исторического к ним отношения. Как и откуда взяло их лицо, мне их продавшее, где его теперь найти, где находятся другие части записок, если они были написаны, остались⁷ ли после у автора их наслед-

¹ Над зачеркнутым написано карандашом: и даже.

² Над зачеркнутым написано карандашом: найдется.

³ Далее зачеркнуто карандашом: Я боюсь каких-нибудь осложнений, предвидеть которые нельзя, но которые всегда возможны, боюсь обстоятельств, которые сделают отказ мой не столь благовидным, и затем не вижу причин ждать, когда побудительная причина к отказу все равно отнюдь не может ослабеть к осени; имеется уже теперь и.

⁴ Далее зачеркнуто карандашом: щекотливом.

⁵ Далее зачеркнуто карандашом: Так как и дорогое мне внимание товарищей может повлечь за собою знаки внимания со стороны чуждых мне людей.

⁶ Над строкой: долгих.

⁷ Над зачеркнутым: есть ли.

ники и где они,— про все это я ничего не знаю. Что мне делать с этими тетрадами, т. е. в какой мере я могу считать себя их владельцем, а не простым хранителем, и могу ли ими пользоваться печатно — вот вопросы, для меня неразрешимые, насчет которых мне очень хотелось бы знать Ваше мнение. Если это нimalo Вас не затруднит, сделайте мне превеликое одолжение, вразумив меня в моих недоумениях.

1910 г.

115. С. П. МЕЛЬГУНОВУ *

12 февраля 1910 г.

Многоуважаемый Сергей Петрович!

Тема намеченной для сборника статьи* у меня еще не установилась и самое исполнение ее не обеспечено достаточно от случайностей, могущих помешать исполнить ее к надлежащему сроку.

Потому лучше думаю пока не упоминать о моей статье в проспекте.

Уважающий Вас В. Ключевский.

12 февраля 1910 г.

Р. С. Кстати. В напечатанной программе сборника значится отдел об осуществлении Положения 19 февраля и о следствиях крестьянской реформы. Где же цельный, систематический анализ самых Положений 19 февраля, их юридических и экономических начал или оснований? Может быть, это войдет в тот или другой из упомянутых отделов? По крайней мере, казалась бы не лишней особая статья, посвященная разбору акта 19 февраля как законодательной разверстки прав и интересов двух общественных классов, предопределившей их дальнейшие отношения друг к другу. Делаю это замечание мимоходом, на всякий случай.

116. А. Ф. КОНИ

3 марта 1910 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

В Москве задуман к 19 февраля 1911 г. сборник статей о важнейших деятелях по освобождению крепостных крестьян. Редакция издания просила меня обратиться к Вам с покорнейшею просьбой написать для этого сборника о вел[икой] кн[язине] Елене Пав-

ловне. По этому делу обратится к Вам с письмом и сам издатель, приват-доцент нашего университета Г. К. Рахманов, издававший журнал «Н а у ч н о е с л о в о». Не откажите ему в Вашем участии, которое обеспечит желательный успех предприятия.

Искренно Вам преданный В. Ключевский.

3 марта 1910 г.

Р. С. Поправляясь понемногу от продолжительного нездоровья, я пересмотрел IV часть своего курса и нашел в ней немало досадных погрешностей, из которых важнейшие отмечены на прилагаемом листе.

1911 г.

117. П. Н. МИЛЮКОВУ

[*He ранее 4 — не позднее 19 февраля 1911 г.*]

Простите, что мы замедлили ответом. Я все выжидал, как определится мое положение, а Борис в последние дни захворал. Со мной переменнo, то хуже, то лучше; теряю надежду, выпустят ли меня когда-нибудь из лечебницы¹. Мне бы очень хотелось написать что-нибудь для «Речи» * по поводу 19 фев[аля]. Но вот какое обстоятельство. Еще на похоронах Муромцева * редактор «Р[усских] вед[омостей]» * говорил со мной о статье по этому предмету. Я отвечал неопределенно, предвидя операцию. После я думал, что редактор забыл об этом разговоре, но он посетил меня в лечебнице и настоятельно напомнил о разговоре, как о полуобещании. При больничных неудобствах для писания и под гнетом университетских событий я мог лишь сказать, что попробую, но не уверен, напишется ли что-нибудь пригодное. В раздумье, не зная, что делать, лежу и ничего не делаю — таково мое положение в настоящую минуту. Хотелось бы написать две статьи, и для «Р е ч и» и для «Р[у с с к и х] в е д[о м о с т е й]», но недоумеваю, как напишу хоть одну.

Р. С. Пишу карандашом кое-как, лежа: встать нельзя.

¹ *Далее зачеркнуто:* это вместе с университетскими делами мешает думать о чем-нибудь серьезно.

118. Б. В. КЛЮЧЕВСКОМУ *

[Ранее 10 апреля 1911 г.]

Как жаль, что нельзя переговорить лично. Написать всего нельзя. Трудно просить отсрочки на непродолжительное время, когда сегодня Стор [оженко] сказал *, что едва ли я выйду из лечебницы раньше пасхи. Положим, отсрочат: что же я буду предлагать в факультете? * За кандидатуру Кизеветтера выскажутся двое-трое *; в совет ее не внесут. Растолкуют мне, какая цель открытого личного противодействия Б [огословско]му при очевидной неудаче. Принципиальная демонстрация? Я вижу две формы ее: 1) письменное предложение Кизеветтера и 2) заявление официальное или приватное, что ввиду неутверждения предложенного мною кандидата я уклоняюсь от дальнейшего участия в деле о замещении кафедры и никого не рекомендую. Напиши обо всем этом и пришли сегодня или завтра утром. Як * допущен на кратчайшее время, принес сборник юбилейный Платонову *. Не разрезывай его; я возвращу его обратно.

Статьи, которые ты нашел, я давно берег на случай невозвращения оттисков Барсковым. Для меня это не находка. Найди жало в [анные] грамоты, если это тебя не затруднит. Они, наверное, в зеркальном шкафу или в моей комнате в шкафу между окнами. Письмо Люб [авскому] посылаю *. Прочти внимательно подчеркнутое.

119. М. К. ЛЮБАВСКОМУ

[Ранее 10 апреля 1911 г.]

Не разделяю¹ Вашего опасения насчет министерского назначения на кафедру русской истории. Думаю, что эта опасность не грозит факультету по крайней мере до конца текущего академического года. Притом можно ждать от министерства предварительного запроса факультету. Во всяком случае, оборонительно спешить навстречу ожидаемым шагам министерства, кажется мне, пока не стоит надобности. Мне было бы прискорбно по причине болезни быть устраненным от непосредственного участия в столь близком мне деле, и я буду глубоко признателен факультету, если он сделает мне честь² и во внимание к моему положению отложит на некоторое время суждение поставленного на очередь вопроса³.

¹ *Наверху листа приписка сыну:* Письмо к Люб [авско]му (проект). Подчеркни сомнительные места.

² *Далее зачеркнуто:* окажет внимание моим соображениям.

³ *Далее приписка сыну:* NB. Или ты на машине, или я карандашом, если понадобится только письмо. Пришли белой почтовой бумаги и свои соображения на мою записку, посланную с Левой *.

Ты поторопился сообщить письмо Вип[пе]ру; вам с ним следовало наперед выяснить, что же я предложу факультету по выздоровлении, чем оправдаю отсрочку, если на нее согласятся. Не можешь ли переговорить об этом с Вип[пером]? Ведь я рискую очутиться в неприятном положении, когда лично явлюсь на заседание ф[акультета]. У меня в виду одно предложение, какое я могу тогда сделать: раз не утверждён избранный кандидат — не избирать другого: пусть назначают, и если фак[ульте]т на это не согласится, — устранимся от дальнейшего участия в деле, не голосовать ни за, ни против Б[огословск]ого. Но будет ли этого достаточно для приличного отступления — вот в чём главный вопрос; наконец, прочтёт ли ещё Люб[авский] письмо фак[ульте]ту, а не доложит о нём по-своему? И это вопрос. Все до сих пор написано до твоего письма. Теперь о нём. Все недоумения надо решить до отсылки письма, и ты напиши о них и пришли с переписанным письмом. Прибавленную тобою фразу, отчеркнутую, лучше опустить: она не ясна и без нужды вскрывает изложенное выше мое намерение. Как это подписаться «не без оттенка публичного права»? Например?

Повторяю: пока не уяснятся недоразумения, нельзя посылать письмо. Мне даже минутами приходит мысль: не ограничиться ли заявлением, подчеркнутым выше красным. Жду ответа на все. Письмо если посылать, то завтра.

Р а з д е л

II

*

ДНЕВНИКИ

*

Дневниковые записи 1861—1866 гг.

1861 г.

21 октября

Сегодня для меня черный день, и я в ударе. Сегодня мне так тесно, так тесно, на сердце такая туча, что хоть бы в воду. Ничто с такой силой не вызывает мучительной, безотрадной мысли, самой ядовитой, разъедающей мысли, как подобная минута. А между тем я гоню эту мысль; мне хочется повторить общеупотребительный мотив в таком состоянии; выражаясь трагически или, лучше, мелодраматически, мне хочется упиться тоской. Ведь мысль ослабит, опошлит, осмеет мою мировую тоску; ведь ни радость, ни грусть, ни самая смерть — ничто не устоит против всеокрушающей силы анализа. А мне не хочется, чтобы даром прошла для меня эта черная минута; мне хочется, чтобы она оставила во мне глубокий след и честно, с достоинством ушла от меня к кому-нибудь другому, подобно мне дающему дань этой минуте, ушла с честью, а не со свистом рассудка, всегда неучтиво провожающего со двора подобные поэтические минуты. Потому хочется мне до дна вычерпать эту чашку желчи, накопившейся во мне, чтоб хоть этим взять с досады за скверное положение.

Я знаю два состояния, когда человек с радостью или, если уж это слишком, бестрепетно и без сожаленья готов обратиться бы спиной к жизни со всеми ее прелестями и охотно принять пулю в лоб от услужливой руки и что-нибудь в этом роде. Разумеется, я имею здесь в виду только себя и не могу рассчитывать на других. Первое, когда он в лирическом припадке слушает музыку, будь то хоть неловкое визжание скрипки в руках недоучившегося артиста; когда звуки в нем самом будят все живые струны и заставляют его забыть все, кроме настоящей минуты. Тут он готов хоть сейчас пожать на прощанье руку и друзьям и недругам и весело, без оглядки на прошлое и без пытливого исследования касательно той жизни, куда он сейчас хочет шагнуть, готов, очертя голову, броситься в эту жизнь или, лучше, не жизнь, потому что здесь он даже и не предполагает в будущем жизни и даже вовсе ничего не пред-

полагает, не имея даже времени и охоты спросить себя о том, что там будет, жизнь или ничтожество, или что еще хуже. Ему все равно, что бы ни было. Это состояние редкое, полупьяное, самое веселое, потому что чуждо всякого анализа, всякой мысли и потому бессмысленно. Но другое состояние не так упойтельно, хотя после делается не менее поэтичным. Это мое теперешнее состояние, когда на сердце что-то беспощадно скребет и рвет, когда все святое и все носящее признак так называемого счастья жизни делается чем-то в высшей степени возмутительным, когда кощунство — самая умеренная мысль в голове. Какая злобная насмешка, какой задирающий сарказм слышится во всей жизни. Это печоринское состояние. Здесь один шаг до полнейшего, чудовищного отрицания всего на свете. Это состояние убийственное и всего ближе к сумасшествию, и сумасшествию тем более мучительному, что и в нем не теряется сознание, будто *з д р а в о е*. Здесь мысль о смерти даже злобно радуется, потому что все, что обещает хоть какую-нибудь перемену, есть или кажется уже благом: по крайней мере, не предвидишь худшего. Здесь жизнь, прошлое уже враг, как и настоящее: здесь не протянешь руки даже другу. Эти минуты будят, что уснуло в душе, развивают, заставляют догонять, в чем отстал от жизни, но после и врагу не пожелаешь подобной минуты, как она ни поэтична. Но какой бессовестной сделки не в состоянии сделать человек с самим собой, со своей совестью!

Жизнь подчас злобно смеется над своими пасынками, а я, кажется, в их числе. Сегодня я получил то, чего никогда не ожидал; о чем только мечтал, как о несбыточном счастье, со всей пылкостью школьника, и случилось же так, что в *pendant*¹ с этим узнал самое скверное, самое отвратительное для всякого чувствительного настроения. Да, комедия превосходная! «Пряди, моя пряха!...»*

14 н о я б [р я]

... Какое-то беспокойное, будто тоскливое чувство овладевает душой, когда представишь себе эти неоглядные, безбрежные пустыни Сирии, Вавилонии и пр., на которых давно уже замолк всякий шум, остановилось всякое живое движение живой исторической жизни. А было время, когда и на этих пустынях раздавался этот исторический шум, горела эта живая историческая жизнь; когда необъятные города, полные народа, жили живыми интересами, многолюдные караваны шли с товарами издалека — из Финикии, Индии, Аравии, Египта, двигались бесчисленные² нестройные массы войск во главе с каким-н[ибудь] Небукаднцаром* и Рамзесом, часто одним разрушительным набегом стиравшие с лица земли многолюдные города. Было время, когда и над этими пустынями носился оживляющий дух человечества. Но несколько

¹ под статью (фр.).

² Далее зачеркнуто: армии.

губительных нашествий диких орд да тихое, незаметное действие исторической проходимости заглушили прежний живой шум, остановили прежнее живое движение; всемирно-историческая драма этих пустынь кончилась, и они теперь молчат, будто отдыхают от прежних волнений¹. А между тем историческая возня и движение перешли на другую почву, еще не истощенную жизнью, в другие страны, которые прежде, в пору разгара жизни этих пустынь², были так же безмолвны и не тронуты хлопотливой рукой человека, как теперь эти пустыни. Восстанут ли эти пустыни когда-нибудь опять к своей прежней жизни, которая звучит теперь в смутн[ых] сказаниях, восстанут ли, собравшись с новыми силами, и не погаснет ли опять живая жизнь в странах, где теперь так ярко горит она, чтобы в свою очередь погрузиться в вековой сон от вековых трудов и волнений?...

1862 г.

9 марта

...Жутко стоять между двух огней. Лучше идти против двух дул, чем стоять, не зная, куда броситься, когда с обеих сторон направлены против тебя по одному дулу. Мне часто хочется безотчетно и безраздельно отдаться науке, сделаться записным жрецом ее, закрыв и уши и глаза от остального, окружающего, но только на время. Здесь не страх перед действительностью, не трусость от сознания недостатка сил для восприятия и осуществления того, о чем речь ведется всеми деятелями нашей современной жизни. Нет, хочется поскорее набраться нужных запасов, без которых, говорят, ничего нельзя сделать, а чтобы скорее сделать это, я думаю на время замкнуться и не развлекаться. Но стоит заглянуть в какой-нибудь из живых, немногих наших журналов, чтобы перевернуть в себе эти аскетические мысли, стоит встретиться только с этими речами и вопросами, чтобы увлечься ими и забыть мирную книгу. В самом деле можно ли спокойно оставаться и смотреть, когда там копошится мысль в каком-нибудь далеком уголке Руси, когда неотступно, со всей силой тянут к себе эти вопросы, глухо, но сильно раздающиеся из-под маскированной, а подчас и немаскированной речи? И готов сказать себе: стыдно оставаться глухим при этом родном споре, стыдно не знать его. Что же за беда такая, что наука должна непременно заколачивать ухо от всего, что творится и шумит перед тобой! Жутко стоять между двух огней! Лучше бы что-нибудь определенное скорее. Энергии, и без того небольшой, много пропадает в этих болезненных метаньях из стороны в сторону.

Меня часто удивляет одно. Я знаю многих людей — людей мысли и знаний, неизвестных в литературе. Они не то чтобы

¹ Далее зачеркнуто: встанут ли.

² Далее зачеркнуто: бывшие.

окончательно не знали нашей современной жизни и ее стремлений и надежд: они иногда пустят сильной фразой, пожалуй мыслью о современном положении, но они как-то изолированно стоят, говорят, но не хотят возвести своих слов в живой принцип, в твердое верование, неотступно влекущее к делу. Они будто без лагеря, а как действовать теперь, не принадлежа к какому-нибудь лагерю? Отчего их так много, и не принимаются живо за дело, которое выходит из их же слов, как следствие, выведенное логически, а скажут, да и замолчат, словно обмолвились. Ведь есть же и у нас люди, но их немного, которые принялись за свое слово, как за жизненное дело, как за святое верование, как исповедники первых веков христианства. Ведь и у них пока еще все дело ограничивается словом, но это слово — жизнь, оно бросает в энергическое одушевление и дает силы и средства к делу. Отчего же другие, причастные делу жизни, не говорят так же? Отчего все, кому следует хоть по ремеслу, не соединятся в дружный протест и не заявят решительно, что все стоят за дело правды?..

Пока ограничиваешься такими мыслями и стоишь, как недоросль, которому хотелось бы побегать да пожить самостоятельно, но которого еще нельзя выпустить на волю, потому что не выучил урока. Пока не знаешь, что делать, и только урывками прислушиваешься к «подземной работе зиждительных сил жизни», как говорит Григ[орьев]*. А энергия и добросовестность уходит, и сам чувствуешь, что делаешь с собой нечестную сделку...

6 м а я

... Идут... Не хочу я разменять внезапно навеянного уединением так назыв[аемого] вдохновения на мелкие, внешние впечатления бульвара. Глаз на глаз с собой, под самодельный напев неведомой песни как-то свежее встает и копошится на душе вся эта дрянь, весь этот романтический хлам, накопившийся глухой жизнью, но милый для моей романтической души, среди которого, как среди сора, насмешливый петух найдет подчас довольно светлый камешек. И я, как петух, не раз находил этот камешек, но, как петух же, подчас не умел ничего с ним сделать. Но теперь, кажется, сделаю. И в виду движенья бульварного мне хочется замкнуться от всего и похвастаться незримо для всех, стало быть безобидно для всех, своим внутренним довольством, и хочется до злорадства смеяться над суетностью других. Да, романтизм!...

18 и ю л я

Да, славны бубны за горами!* Хороша бывает жизнь, да за горами, не у нас. Хорошо¹, у кого хватает сил навсегда иль, по кр[айней] мере, возможно дольше сохранить впечатление, вынесенное из суровых явлений, в которых был не зрителем только, но

¹ Далее зачеркнуто: кто.

и действующим¹ лицом, сохранив, и твердо систематически провесть в дело, не поддаваясь влиянию так назыв[аемых] милых очаровывающих явлений², которые подчас навертываются из разных передраг, комбинаций и столкновений. Зачем непременно поддаваться и изменять впечатлению, вынесенному из молодости? Да и какое имеешь право подумать, что эти светлые, в самозабвение приводящие явления непременно для тебя делаются, а не случайно столкнулись с тобой, как стоящим на дороге, хоть и кажется, что ты принимаешь в них совершенно свободное участие! Мало ли каких нет жизней, да разве во всех считать себя участником, тогда как с ними только сталкиваешься, — не больше. А ведь на это суровое, неловкое, неприличное для других понятие потратились силы молодости, помялись лучшие усилия человека! Их, этих сил и усилий, не достанешь в другой раз, а явления встретишь всякие; да и самому их выдумать немудрено для потехи, но не больше опять. Да-с. Все это бубны — и только.

1865 г.

Зм.³, 22 июля

Мудрые люди много толкуют о необходимости спокойствия духа, которое позволяет ясно смотреть на мир и жизнь и оставаться твердым во всех превратностях мира и жизни. Люди обыкновенные, не одаренные какой-нибудь долей впечатлительности и не лишенные стремления к лучшему, может быть, так же хорошо понимают разумность этого правила в теории и, однако ж, расстаются с ним без сожаления при первой житейской волне, нахлынувшей на них. Даже после, когда перетерпев много волнений по невнимательности к мудрому правилу, долго проносившись по бурным волнам угрюмого житейского моря, как говорят в стихах, они выберутся наконец на берег измученными и измоченными, — даже и тогда они с какой-то тайной симпатией оглядываются на только что покинутые воды и не жалеют, что забыто было ими на этот раз мудрое правило. Люди благоразумные, окружая их, размахивают руками, ахают и с наставительным упреком указывают на их смешной наряд и беспорядочные, усталые физиономии. И сами они не бросятся добровольно, без нужды в эти волны, на которые теперь они смотрят с такой любовью и с таким раздумьем, но, застигнутые ими неожиданно, они не побегут от них в различные убежища, созданные умом и верой человека. Им сладко чувствовать себя в борьбе, сладко сознавать, что и их силы, подобно этим волнам, поднимаются с глубины души и приходят в напряженное движение. Но какой выигрыш от этой борьбы, большею частью и главным образом происходящей внутри самих

¹ Далее зачеркнуто: персоной.

² Далее зачеркнуто: в.

³ Так в рукописи.

борцов, незаметно для посторонних глаз? Личные особенности характеров и различные обстоятельства, посторонние до бесконечности, разнообразят цели и приемы этой борьбы; но можно сказать, что эти цели и приемы не существенны, случайны в этой борьбе; главное — самая борьба, процесс ее, как в жизни моря главное самое волнение, а не те случайные, мелкие явления, которые происходят вследствие его, как кораблекрушения, выкидывания раковин на берег и т. п. Над процессом, в котором он сам главное, а не результат, обыкновенно смеются, как над делом, похожим на чтение гоголевского Петрушки; но в истории человечества, которая вся состоит из такой трудной работы и дает, однако ж, такие сравнительно неважные результаты, что пессимисты и различные скептики всегда являются с большими правами на бытие и даже внимание, в истории на первом плане всегда останется процесс жизни, а не результаты. Так и в жизни духа: главное в борьбе [то], что из нее может выйти дух, способный к борьбе, к деятельности.

Любопытно следить в обществе за типом этих молчаливых любителей борьбы, истинных житейских борцов; только это дело труднее, чем думают обыкновенно. Трудность происходит оттого, что это большею частью люди скромные, незаметные, ничем не бросающиеся в глаза. Мы привыкли соединять с понятием борьбы энергические жесты, размахивание руками, высокие тоны в голосе и т. п. Но подобных признаков мы не найдем в наших борцах. Они не имеют ничего общего с обыкновенными героями человеческого общества; они не имеют ничего общего ни с крикунами-самодурами, ругающимися направо и налево, ни с дерзкими фатами, проповедниками истины и добра, проповедовающими¹ это по привычке говорить о том, чего сами не знают, ни с теми блестящими, могучими героями, которые совершают чудные подвиги на славу себе и на удивление людям, которые важно расхаживают такими крупными шагами перед удивленными и аплодирующими зрителями. Ничуть не похожи наши герои на эти жалкие, безобразные остатки гомеровских Агамемнонов, Ферситов и Ахиллесов. Они не похожи и на новый тип тех бескорыстных, благородных, неугомонных двигателей общества, поборников правды и любви к человечеству, резко отмеченных печатью энергии и нервной стремительности, сильно смахивающей на жепственность, — этих деятелей нашего века, которым так приятно мутить воспитавшее их родимое болотце. Все эти люди, и старых и новых типов, больше живут внешней жизнью, любят прилагать к себе правило «что в печи, все на стол мечи», — люди, ходящие на пружинах, как бы ни были благодивны эти пружины и как бы далеко ни скрывались они в глубине их души; они так любят рисоваться своей борьбой, своими подвигами, даже прорехами на платье, полученными в борьбе вместо

¹ Далее зачеркнуто: об [это]м.

ран. Нет, наши герои — люди совсем иного рода. Их борьба происходит на заднем дворе человечества, — борьба бесславная, бесшумная, никого не беспокоящая. Эти гномы, подземные карлики, которые работают драгоценные металлы на людей, живущих на поверхности. Оттого их тиш наименее обработан и уяснен историческим сознанием человечества. Люди обыкновенные не обращают на них внимания, герои презирают их, а сами они слишком скромны и слишком уважают свое дело, чтобы заявлять о себе человечеству, чтобы тыкать в глаза каждому своим делом. История пропустила их; она отмечает на своих скрижалях только то, что шумит и гремит; но зато ведь так и поверхностна эта наука, так далека от первоначальных источников тех явлений, которые она описывает и исследует. Наши карлики незаметны для наблюдателей и, как карлики подземного мира, даже боятся обращать на себя внимание, бегают от любопытных глаз; но горько почувствовало бы человечество их отсутствие, если бы на минуту прекратили они свою подземную, незримую и неслышную работу на пользу человечества. Трудно наблюдать этих людей; но кто серьезно интересуется жизнью обществ и всего человечества, для того изучение таких людей — важное дело, а встречи с экземплярами этого типа — истинная находка; надо только смотреть в оба и всего менее оставаться на внешних чертах.

1866 г.

14 а п р [е л я]

... Мне знаком он *, — эта жалкая жертва; мы все хорошо знаем, вдвоём насмотрелись на этих бледных мучеников собственного бессилия! Теперь, и только теперь приковали его к стене, чтобы предохранить от покушения против себя, связать не владеющую собой волю. А прежде чего смотрели? Что было бы с несчастным, если бы вывели его показать народу? А это было бы поучительно; тогда можно было бы сказать, указывая на жалкого злодея: вот смотрите, отцы, на свое детище! В нем ярко высказалось все, что по мелочам рассыпано по вашим надорванным, вскруженным и отуманенным головам. Но нет, из всего этого вышла бы пошлая и зверская мелодрама, достойная только нашего театра. Растерзали бы несчастного, и без того измученного. Темная масса кинулась бы на свое детище, потребила бы от земли память его и опять принялась бы за овации, как будто уничтожив всех врагов. Господи! Какая безобразная путаница понятий! Какой чад в головах! Бледный, свихнувшийся ипохондрик и меланхолик, помышляя о самоубийстве, развивает идеи крайнего либерализма и социализма, выходит на площадь с ужасной целью, случай уничтожает нечестивый замысел, и вся страна ликует, весело кричит и, кидая шапки на воздух, провозглашает свое избавление от чего-то! Чему рада

эта толпа? Чего ей? Panem et circenses!¹ Вместо того, чтобы глубоко задуматься над бедствием, готовым совершиться, зорко прикинуть к опасности, показавшей когти, вместо того, чтобы грозным, сдержанным видом привести в трепет потаенного врага, вместо этого она самодовольно выходит на площадь*, своими дешевыми криками пред монуменстами народной славы тревожит святотатственно покой великих подвижников, потрудившихся на пользу родины. О родина! Не напугаешь ты этими пьяными овациями ловкого врага! Он здесь же из-за угла смеется над твоими патриотическими криками и вместе с другими² кидает в толпу грошовые хлебы. Нет в тебе, беззащитная родина, ни выдержки, ни умения понимать вещи, как следует. Не так поступали великие народы в минуты грозной опасности. Молча, стиснув зубы, готовились они встретить какого угодно врага; в полночь, среди глубокого молчания, под незримым покровительством высшей силы выбирался надежный муж, которому республика давала полномочие смотреть, чтобы отечество не потерпело какого урона, и пользоваться для этой цели имуществом и жизнью всех сограждан...

[Между 14 апреля и 7 мая]

А вот и интеллигенция!* Что она? Как себя чувствует? Грустно! Народ безумствует пред великими фигурами Минина и Пожарского, не понимая их смысла и значения, жаждет молебнов с ином, попирает и религию и историю — все свое нравственное и умственное достояние. А интеллигенции грезятся призраки или сама она становится безобразным призраком, в действительность которого не хотелось бы верить. Презренная учащаяся молодежь, ругающаяся и над верой и над народом, устраивает процессии к Иверской, ставит неугасимые лампы, носит на руках заведомого, осмеянного ей самой дурака и мошенника, — и всякий глупый торгош чувствует себя вправе сказать ей в глаза, что еще недавно она бунтовала на всех трех языках. Мыслящие люди, не учащиеся дети, — что они?² — толкуют о черни, смешивая ее с народом и сравнивая с парижским пролетариатом, глумятся над ее безобразиями и боятся ее дикой силы, кружатся в болоте собственных недодуманных, нервических соображений, — и не зная выхода, не видя ничего ни впереди, ни за собой, вызывают великие тени Петра и Екатерины, винят их в собственных гадостях, не желая подумать, что в их собственные головы не влезет и миллионной доли того, что продумали и выносили в душе поругаемые великие наши деятели. Предания, будущее и прошедшее, — все ничем!.. Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ! Ты являешься каким-то голым существом после тысячелетней жизни,

¹ Хлеба и зрелищ! (лат.)

² Далее зачеркнуто: будет.

без имени, без наследия, без будущности, без опыта. Ты, как бесприданная фривольная невеста, осужден на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который бы взял тебя в свои руки, — а не то ты принуждена будешь отдаться первому покупщику, который, разрядив и оборвав тебя со всех сторон, бросит тебя потом, как ненужную, истасканную тряпку. И теперь, когда везде, во всякой церкви и во всяком кабаке орут во весь голос «боже, царя храни!», мне хочется с горькими сдавленными слезами пропеть про себя «боже, храни бедный народ, бедную Россию!»

7 мая

Прежде давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего детства, я любил представлять себе разные патетические, трогательные сцены. Я, наприм[ер], любил представлять себе весенний, тихий, полный упоения вечер в темном саду: я гуляю с человеком или лучше сказать с женщиной, которая стоит выше потребностей своего пола, которая умеет милым, женским сердцем отозваться на великие вопросы времени. Вечер задумчиво безмолвствует; кажется, вокруг нет ни души, и мы тихо ведем свою задушевную беседу. Любил я представлять себе и другие сцены: тот же вечер и та же тишь, та же доверчивая душа около меня. Но это не друг, не сочувствующий мне друг, а любящая женщина, которой дорог каждый удар моего сердца. Все, что есть для нее лучшего в жизни, все это соединено во мне. Мы идем по такой же тихой аллее, вечером, вдали от шума. Господи! Что на сердце у нас! Кажется, все, что чувствовали люди с Адама до какого-нибудь парикмахера Алексея Иванова из Парижа, все это, исправленное и дополненное, бьется в нас неудержимым ключом. Все это любил я представлять в годы моей юности. Годы шли, и все мечты незаметно осуществлялись; сцены, одна мысль о которых приводила в дрожь юную душу, проходили одна за другой, и, раб мелких интересов, я не замечал, что осуществляется то, чего я так пламенно желал прежде. Я холодно проходил мимо таких моментов в моей жизни, которыми особенно дорожат добрые, чувствительные люди и которые так редко повторяются. Холодно и сухо отнесся я к ним. Холодно и сухо и теперь смотрю я на них. Но чем больше холодно было к ним тогда, тем больше жалею об них я теперь.

13 мая

Я стал, так сказать, на распутьи впечатлений: так много их перекрестилось во мне сегодня и так они разнообразны. Нет сомнения, для половины своих настроений мы не могли бы указать ясно и полно причин, их вызвавших, и даже точно представить процесс их образования. Действие этих причин лежит еще по ту сторону нашего сознания, причины эти начали действовать в то время, когда сознание было обращено на другое, и перемена,

происшедшая от действия этих причин, стала доступна сознанию уже тогда, когда она совершила целый огромный фазис своего развития, когда душа получила уже толчок к движению и совершает его по инерции, не выставляя причин, первоначально его производших. Все это очень похоже на ключ, бьющий из земли: место, где мы в и д и м его начало, есть только случайный пункт, часто бесконечно удаленный от действительного его начала. Но любопытно следить и за процессом внешнего обнаружения известного душевного движения, как ни мало указывает он на свои причины и как поэтому ни темен он сам по себе, как вторая часть повести, начало которой нам неизвестно. Я почувствовал себя как-то живее обыкновенного, точно что п о д м ы в а л о меня. Это происходило от мысли, что скоро последует перемена места. Такое само по себе маловажное обстоятельство всегда производит на меня странное, неопределенное действие, более, впрочем, тревожное: точно я сбрасываю с себя ношу, но в которой лежит что-то, чего я не хотел бы бросить вместе с прочими вещами, на мне лежавшими. Особенно сильно это чувство, когда знаешь, [что] вместе с¹ местом расстаешься с людьми, которых едва ли опять увидишь и во всяком случае не возобновишь прежних отношений. Здесь есть довольно простая причина: людей, с которыми хоть несколько месяцев прожил даже без привязанности к ним, жаль оставлять, потому что они занимали мысль, на установление отношений к ним, на изучение их потрачен труд, который сближает наши симпатии со всеми, к чему мы его ни направляем. Моя тревога выразилась в неуместных подшучиваниях над приятелем, который подвернулся и провинился только тем, что мне не хотелось знать того, что со мною происходило. Скоро мы вышли: теплый, но не жаркий солнечный день, какой бывает, когда небо закрыто облаками, еще не сгустившимися в тучу, навевал смутную мысль о том, что можно найти более надежное средство игнорировать себя на этот день, чем подшучиванья над приятелем; средство это — выйти из себя, как говорят, и отдаться внешним впечатлениям. Сначала внимательность к встречным, далее болтливая откровенная беседа с приятелем, а там — потянуло куда-то вдаль, подальше от настоящего местонахождения, где будет новое, где есть, с чем связаны былые воспоминания. И вот мы в Нескучном: к досаде моего больного приятеля, я таскаю его по аллеям, по пригоркам, стараюсь оживиться до последней степени и больше для возбуждения внутреннего удовольствия, чем для выражения его, повторяю: «Господи, как здесь хорошо! Как хорошо!» И усилия, сначала очень смешные, не пропали даром. Старое, редко испытываемое, но когда-то испытанное именно здесь настроение, по законам сцепления ощущений начало слагаться и овладевать душой, вытесняя смутные движения, бродившие прежде.

¹ Далее зачеркнута; этнм.

Дневник 1867—1877 гг.

1867 г.

23 марта

Во мне слишком резко отпечатлеваются внешние впечатления, — так резко и в таком количестве, что отнимают возможность всякого серьезного обсуждения. В мои лета внешние возбуждения не могут быть так благотворны, как 5—6 лет тому назад. Я чувствую, как в жару этих возбуждений тают мои нравственные и телесные силы... Господи! Дай мне опору потверже тех, какие я имею, за которую бы мог я ухватиться всякий раз, как эти внешние порывы будут совлекать меня с прямого пути! Дай мне силы стать в 25 лет добровольным старцем, чтобы в 30 не быть им поневоле!...

Три жизненные дороги, к которым подъезжали сказочные богатыри, мелькают и предо мной, — и ни одна из них мне не нравится. Пока я не подошел к ним, я призываю к себе спокойствие безучастного наблюдателя, пока рассеется мрак, покрывающий наше гадкое время. Тогда мне будет все равно, по какой ни идти дороге. Одного бы еще попросил я у бога — сохранения хоть капли веры в людей, след[овательно] и в себя...

30 марта

Тоскливо, грустно отзываются во мне звуки жизни. Сколько в них негармоничного, жестокого! Как раздражителен и восприимчив мой внутренний слух! Труд заглушает во мне эти отзвуки, полные боли. Но как только на минуту станешь свободен, опять начинаются эти припадочки... уныния. В степь бы... или в лес!

20 апреля

Нет, не варятся во мне впечатления, оставляемые несущейся вокруг меня жизнью. Чем более вживаешься в нее, тем сильнее растет во мне отвращение к ней. Она словно вино для меня: чем больше пьешь его, тем противнее оно становится. И как только на минуту почувствуешь отлив этого житейского потока, как только

мысль освободится от его давления, странная фантазия шевелится в голове: хотелось бы, закрыв глаза, уйти куда-нибудь далеко от живущего, в темный первобытный лес, на берега пустынной речки и с суеверной доверчивостью язычника в грустной, грустной песне поведать свои свинцовые думы и неподвижному вековому дереву, и вечно болтливой, вечно движущейся речке...

23 и ю н я

С привычным чувством берусь я за свой маленький дневник, чтобы занести в него несколько дум, долго и медленно спевших и до того уже созревших, что они, как что-то готовое и законченное, пали на дно души, словно спелые зерна, вывезенные ветром на землю из долго питавшего их колоса. Легкую, не волнующую радость испытываешь в минуты этого душевного счетоводства: ведь эти выношенные и выдержанные думы называют нравственным капиталом человека, и, занося несколько новых строк в эту приходную книгу души, самодовольно чувствуешь, как постепенно этот капитал растет и растет.

На этот раз, впрочем, я не увеличиваю его какой-нибудь положительной суммой, а скорее делаю к нему отрицательную прибавку: уничтожить долг значит также увеличить капитал... Много нравственных ценностей, недостававших у меня, стремился я приобрести; тревожнее и настойчивее всего добиваюсь я этой нравственной устойчивости против набегающих впечатлений, этой способности, вращаясь в круговороте жизни, не сходить с положения зрителя, мысль о чем так привязчиво преследовала меня. Но все это — преждевременные, напрасные усилия, пока еще не устранен наследственный недостаток, отцовский долг, мешавший дальнейшему росту благоприобретаемого душевного имущества. Прежде чем добиваться этой устойчивости, этой стоической *constantia*¹ духа, надо было освободиться от боязни нравственного одиночества, от этой болезненной потребности в чужом внимании, в чужом сочувствии к нам, которого мы ищем, едва тронется в нас развитие самосознания. Этому исканию посвящаем мы лучшие усилия своего духа; мысль о неуспехе в этом деле обдает нас холодом и болезненно сжимает сердце. И вот, кажется, эта мысль начинает терять свой пугающий характер, перестаешь чувствовать себя совершенно потерянным, когда представишь себя на дальнейшем пути нравственно одиноким бобылем, — и зарождается в глубине души сладкое чаяние, что завершение этого душевного процесса принесет тот внутренний мир, которого так жадно ищешь и просишь у судьбы, и ту нравственную устойчивость, при которой перестанешь быть степным ковылем, колеблемым в разные стороны по прихоти набегающего ветра...

¹ устойчивости (лат.).

Мы не привыкли обращать должного внимания на многие явления, из которых слагается внутренняя история человека, — и именно на те явления, которые, возникая из обыкновенных, самых простых причин, производят в нас незаметную, неосознаваемую работу и уж только результат дают нашему сознанию. Удивительно ли, что в нас иногда обнаруживается так много непонятного для нас самих, неожиданного, чудесного. Каждая дума, ощущение, каждая сцена, пронесшаяся пред глазами, оставляет след в душе, не всегда сознаваемый; а из суммы таких следов слагается известное настроение, даже взгляд. Если для образования известного характера необходим выбор подходящих к нему впечатлений, то этот выбор невозможен без предварительного изучения свойств и причин впечатлений, наиболее обыкновенных и часто возникающих, а также и условий, при которых они действуют на человека известным образом.

Сегодня любимые картины стояли пред глазами, любимые всегдашние думы пронеслись в голове. Условия, при которых встретились те и другие, тесно связали их между собою, как причины и следствия взаимодействовавшие... Вот опять с наслаждением шагал я по обширному, прекрасному саду. Бесконечным полукругом идущий пруд лежал так спокойно, неподвижно, что невольно замечаешь едва заметное движение выплывшей погреться на солнце рыбы, хотя не всегда видишь ее самоё. Мягкий, не слепящий свет вечернего солнца резкими полосами лег на воду; вот под острым углом отрезал он себе косую полосу воды от одного берега до другого, ярко выставив пред глазами и черную спину нежащейся рыбы, и один борт дремлющей у берега лодки, и скошенную траву на берегу, и, наконец, теряясь в чаще деревьев. Местами эти деревья, липы, сосны и березы, толпой подошли к самому пруду, с любопытством нагнулись над неподвижными, прозрачными водами и пристально, не шевелясь и не мигая, смотрят на свои зеленые пышные кудрявые ветви. А тут, в стороне, за небольшой рощей, другая картина. Глубоким полукругом стали тонкие березы; в него зеленым потоком врывается из необъятной шири и дали нива, вся сплошь озаренная ровным, будто утомленным светом. В стороне, из углубления поднимаются темные вершины деревьев, а над ними висят главы и кресты двух колоколен, еще горящие последними лучами. Стоишь и смотришь; а в душе точно все, вся внутренняя работа останавливается, мысль дремлет, никакого ощущения не назовешь по имени, сам точно расширяешься и наполняешься чем-то легким и свежим, — словом, становишься на рубеже, отделяющем сознательную личную жизнь от непосредственной общей жизни природы...

9 и ю л я

Любопытно, какие факты знаменуют время, обличают характер нашей государственной жизни. Начнем с самого верха. В Риге сказывается речь высочайшая о единении с русской семьей* как необходимом условии существования инородческих украин России, а министр проводит планы в духе полонизма, о которых и поляк-шляхтич безнадежно покачивает головой. Государь и народ радушно принимают славян, а правительственный орган ругает их и прием, им оказанный. Правительство дало свободу 20 миллионам душ, а правительственный орган скрежещет зубами и проповедует о необходимости патримониальной полиции. Правительство в видах свободы мысли отменило предварительную цензуру, а министр из личной мести дает газете предостережение на другой день по ее возобновлении после запрещения за не у в а ж е н и е к начальству: мелочная пошлость прикрывается святостью закона. Правительство нуждается в деньгах, продает все, что продать можно, — и сыплет пожизненными пенсиями ничего не сделавшим тузам, дает какому-нибудь управляющему департаментом бар[ону] Врангелю, вору и мошеннику всем известному, до 23 000 жалованья и между прочим за то, что он подал мнение — при составлении судебного устава — о необходимости жаловать судей орденами. В обществе то же: граф какой-нибудь, Бобринский напр[имер], человек либерального происхождения (предок — сын Екатерины II и Орлова), прежде считался красным из красных, а теперь один из типических затылков, на которых опирается «Весть»*. И чрез полвека какой-нибудь педант-историк, окидывая ученым и многоглупым взглядом недавнее минувшее, будет искать в действиях правительства и найдет великие принципы, им руководившие, а в обществе выследит зародыши великих движений и интересов, завязавшиеся в это время. Великие принципы, зародыши великих движений и интересов! Просто великое бессмыслие и жизнь день-за-день! Бывают же гнусные времена, доживает же до них общество, которому нет оснований отказать в будущем, когда желательными становятся насильственные перевороты!...

29 и ю л я

Наше поколение дряхлеет в мечтаниях и самообольщениях. Оно точно молодое дерево, застигнутое холодом во время весны: летнее солнце только сушит его тощие, худосочные листья. Известные учения, всем надоевшие измы выдохлись и брошены; высокообразованные и гуманно развитые люди, впрочем, сохранили немногие капли этих духов в виде благородных, гуманных убеждений и идей; но жизнь безжалостно докалывает эти пузырьки, сберегаемые для освежения и подкрепления слабых голов. Это похоже на игру чёрта с младенцем, и было бы чрезвычайно жестоко, если бы

одно недоразумение не делало этой игры смешной и нелепой. Между тем, как дух времени, общество избивает этих младенцев, гниющих в более или менее возвышенных мечтах о будущих лучших временах,

...Когда пароды, распри позабыв,
В великую семью соединятся*.

Оно не хочет подумать о том, что эти младенцы — его же дети и живая улика отцов. В чем сущность и последний результат этих не только социально-коммунистических, но и тех благонамеренных, так называемых научных, мечтаний о человеке и обществе, которые наши сентиментальные педагоги-институтки внушают при всяком случае своим гимназическим отрокам? В полном предании себя на заклятие обществу, в сквозном проникновении себя идеей о благе людей, о поголовном братстве и равноправности всех на одинаковое развитие, на одинаковые наслаждения и удобства, в совершенном обезличении человека. Зачем же наше общественное сознание брезгливо отворачивается от этих бредней, как противных духу и строю нашей жизни, как подрывающих основы ее? Разве не тем же пропитан дух и строй нашей жизни? Разве не этим же протухшим салом смазываются все ее колеса?...

5 а в г [у с т а]

Есть своеобразная поэзия в раздумье человека о будущей судьбе своей, когда он подходит к рубежу действительной, настоящей жизни хоть с каплей прежнего юношеского одушевления. Пробравшись извилистыми тропами юности и так называемого воспитания, с сомнением и надеждой останавливается он пред камнем, откуда начинается расход великих житейских дорог, читает вещи надписи, гласящие о выборе той или другой, и с тревожной думой смотрит в туманную даль. Все есть в этой думе, и трудно сказать, чего больше — мысли, сердца, фантазии и старания обмануть себя или чего другого; образы прошедшего, призраки и чаяния будущего стелкиваются в голове и набрасывают на все ее образы, создаваемые ею вместо мыслей, тот же туманный покров, какой лежит на простирающейся пред глазами дали. Тут все мыслит в человеке с ног до головы, и, разумеется, мыслит неясно, безотчетно, детски, как умеет мыслить только юность, незнакомая с разделением и определениями.

А и теперь каждого встречают тоже три дороги, какие останавливали сказочных богатырей по выезде из дома родного батюшки. Это не¹ карьеры, которые устраиваются для каждого большей частью посторонними обстоятельствами, независимыми от нашей воли; это особые мирозерцания, особые отношения к жиз-

¹ Далее зачеркнуто одно неразобранное слово.

ни, которые каждый может и должен избрать свободно, добровольно. Первая, средняя, есть дорога предания, пассивного, послушного следования за другими. Другая, направо, есть дорога насилия, физического, умственного или нравственного — все равно, дорога людей, стремящихся вести других за собой, давать им тон, вертеться везде впереди, импонировать...

14 а в г [у с т а]

Не так еще давно из разных лагерей неслись дикие крики, призывавшие к благоговению пред народом, пред черной народной массой. На колено пред народом! Учитесь у народа уму-разуму! Черпайте из его священной сокровищницы великие уроки истины и правды! Скиньте свои паскудные сертучишки и облекитесь в эти святые зипуны! Последний призыв нашел многих последователей. Но между тем как раздавались эти вопли о поклонении пред мужиком, мужик не слушал, да и не слышал их; между тем как увивались около него и лизали его грязный зипун, он, — сказать к чести его, — смеялся над этим холопским занятием. Эти вопли и безобразия, кажется, проходят, разумеется, без результатов и уроков, как все проходит на Руси. Но и теперь иной мистический глубокомысленный анналоед не прочь пугнуть робкого новичка, таинственно указывая на неразгаданный смысл, на эту коренную суть нашей народности, таящую в себе чудеса; красиво задумавшись и повесив голову, с видом генерала от истории он любит кольнуть начинающего или непосвященного замечанием: «Что все ваши изыскания и разглагольствия? Вот поди-ка, разгадай-ка мне, что таится в глубине народного нашего духа, раскуси-ка ядро нашей народности, — и тогда найдешь чудеса неслыханные и невиданные. Жар-птицу за хвост поймаешь, камень самоцветный в карман положишь!»... Но ведь это то же холопское ползание пред зипуном, только в более приличном, ученом виде...

Благоговение пред народом, массой, пред черноземной нашей почвой, пред ее глубокой и широкой нетронутой натурой! Но ведь благоговение возможно только пред сознательной, духовной силой. Имеет ли смысл преклонение пред громадой Мон-Блана? Наш народ совершил много великого, еще не созданного, не оцененного ни им самим, ни благоговеющими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и создания; но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение; это значит прилагать к ним, как к стене горох, свои собственные идеи или измышления, рядить их в свои наряды, как дети рядят куклы, и потом вести с ними умные беседы, слышанные от папеньки и маменьки. Что материальнее, бессознательнее чувства самосохранения? А ведь только эта одна

могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь. Слава народу, который выдержал эту борьбу; поучительна история этой борьбы для будущих веков; но этим еще не завершается его призвание; надо еще подождать, пока он оправдает свое право на жизнь, столь мужественно завоеванное; надо подождать, было ли зачем огород городить, — и тогда уже с благоговейным вниманием и надеждой искать в глубине его народности, его духа той глубоко поучительной разумной сути, которая даст нам чудесные истины для будущего. Эта разумная суть развивается и обнаруживается сама для разумно ищущего глаза только тогда, когда народ, совершив с победой материальную борьбу за жизнь, начинает жить на счет свободных, разумных сил, запасается свободными, разумными интересами. А эта предварительная черная работа, закладка материальных основ жизни, пусть продолжается она тысячелетие, проста и понятна, ибо в сущности везде и всегда одинакова; изучать ее ход надобно внимательно и долго, ибо это все же работа человека, человеческого общества; и в формах, какие она принимала, могущих разнообразиться до бесконечности, легла не одна черта оригинальная, характеризующая природу человеческого общества в¹ известном положении или прознаменующая имеющий сложиться впоследствии, в другом периоде жизни, характер народа, его мирозерцание; но в массе, вышедшей из этой приготовительной работы, подозревать чудеса, искать необыкновенных уже образовавшихся свойств и явлений духа значит отведывать неиспеченное тесто. Эта масса всегда и везде одинакова в сущности; ее особенности внешние имеют только временное или местное значение, и было бы напрасно искать в ней свойств духа человеческого, имеющих вечное и общее значение, дополняющих развитие его неисчерпаемого содержания. Такое искание может только навредить тому более простому изучению, которого ждет совершившаяся приготовительная работа народа...

1868 г.

... Самая строгая наука не обязывает быть равнодушным к интересам настоящего. Если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее. В этом отношении интересы текущей жизни, уроки ее, могут служить надежной руководящей нитью, готовым указанием на то, что наиболее требует разъяснения в своих началах и развитии, а равно и готовой проверкой этого развития. Наше развитие совершалось под тяжелыми влияниями эпохи, когда изменялись не одни внешние отношения, когда переделывались и самые понятия,

¹ Здесь В. О. Ключевским поставлен знак сноски.

самые принципы. Из хаоса этих переделок, можно надеяться, мы выносим не одно бесплодное чувство тягости и равнодушия. Если наши опыты, уроки переживаемой нами действительности имеют какую-нибудь цену, то лишь потому, что они настойчиво укоренили в нас сознание необходимости в народной жизни некоторых начал, некоторых основных условий развития и научали нас ценить их как лучшие человеческие блага. Эти начала привыкли сводить к двум главным: чувству законности, права в мире внешних отношений и к деятельной мысли в индивидуальной сфере. В развитии и упрочении этих благ все наше будущее, все наше право на существование. Никто не может сказать, что из нас выйдет в далеком более или менее будущем. Но мы знаем, что из нас ничего не выйдет, если мы не усвоим себе этих элементарных оснований всякой истинно человеческой жизни. Вот наша руководящая нить, маяк, который мы не можем выпустить из вида при изысканиях в сумраке минувшего.

30 м а р т а

В православном обществе есть класс людей, занимающих невыносимое положение относительно церкви. Эти люди, во-перв[ых], истые дети своей церкви. От нее научились они проводить строгое различие между словом Божиим, откровенной истиной, спасшей мир, и теми формами и формулами, в которые облекла ее человеческая мудрость или человеческое творчество, чтобы приблизить ее к людскому разумению и ввести в круг людских отношений, сделать из нее узел и основу человеческого общества. Они привыкли помнить, что слово Божие вечно и неизменно, а те формы и формулы сильно проникнуты духом времени и места. Они вообще привыкли не смеивать потребностей религиозного духа с наклонностями чувственной природы, имеющими религию своим источником или предметом. Потому они никогда не были за церковь, в которой слово Божие слишком заглушается человеческими звуками, живая и действенная истина поочередно анатомируется схоластикой и гальванизируется религиозным фурором, и вера тонет в море форм и впечатлений, возбуждающих воображение и поднимающих страсти сердца. Пусть эти звуки и эти формы — прекраснейшие создания человеческого вдохновения; пусть веет в них высокая поэзия; все же это — земная плоть и кровь, и церковь, которая этим поддерживает веру в людях, этим действует на них, оставляя все другое на втором плане, — такая церковь падает на степень театра, только с исключительно религиозным репертуаром. Непомерное развитие схоластики в вероучении и художественных форм в церковнослужении не спасли католической церкви, этой блудной дочери христианства, ни от богохульного папства с его учением о видимом главенстве и непогрешимости, ни от мерзости религиозного фанатизма с его крестовыми походами на еретиков и инквизицией, явлений, составляющих вечный позор католицизма. Люди,

о которых речь, никогда не были за такую церковь: они слишком прониклись духом своей строгой матери, учащей «пленять разум в послушание веры», чтобы сочувствовать учению другой церкви, внушающей «пленять его в послушание чувства». Они ценят дух своей церкви, предлагающей сознанию человека чистую божественную мысль, как она высказана в простоте евангельского рассказа и в творениях первоначальных церковных учителей, — мысль, не закрытую для человеческой веры схоластическими наслоениями и не разбавленную поэтическими развлечениями и декорациями. Ее обряд, скудный художественным развитием, всегда трезв и не туманит, не пьянит верующей мысли; формы ее богослужения, простые и сдержанные до сухости, более похожие на первые намеки, не заслоняют собой перед созерцающим умом великой истории примирения бога и человека, вечной истины и человеческого духа, — истории, которая легла в основание нашей религии и жизни. Этих характеристических свойств форм православия не могут не ценить люди, не любящие жертвовать чистой созерцаемой религиозной истиной возможно красивому ее выражению, возбуждающему наиболее приятные законные ощущения, — люди, привыкшие не терять из-за негармоничного голоса одинокого дьячка нити воспоминаний, вызываемых его чтением и пением, — и пусть указывают им на неразвитость православного церковного искусства или на недостаток пропагандистской энергии, также характеризующий нашу церковь, — они не посетуют ни на то, ни на другое, зная, что с церковью связаны у человека потребности повыше художественных и что не какое бы то ни было насилие, нравственное или физическое, лежит краеугольным камнем в ее основании. Потому-то так крепко стараются они держаться за церковные догматы и формы в их первоначальном, чистом виде, какой они находят в православии. Все их нравственные интересы и много общественных связаны с церковью; ей обязаны они воспитанием и укреплением в себе нравственных начал, которых не могла дать им недалекая, слабосильная школа нашего времени. И однако ж им неловко в церкви; они чувствуют себя будто только вполовину ее членами. Двойная причина производит это. Религиозные основы православия вечны и неизменны; но подробности его догматических определений, его церковной жизни, церковной обстановки создавались под разнородными временными и местными влияниями, уже исчезнувшими, и потому теперь обветшали. В глазах этих людей церковная жизнь и формулы церковного верования стали бессмысленными, по преданию, по привычке, установившимся переворачиванием великого содержания, завернутого в износившуюся оболочку, ленивым повторением изо дня в день раз затвержденных азов¹ из религиозной азбуки без движения вперед. Им смутно чувствуется что-то чрезвычайно кощунственное

¹ В рукописи: задов.

в этой неподвижной правильности церковного порядка, и необходимость обновления сознается яснее и яснее.

А между тем как некоторые чувствуют потребность обновления, дальнейшего углубления церковной жизни и вероучения в неисчерпаемое содержание христианства, большинство христианского общества чувствует себя довольным. Не в его среде создалось это содержание, не ему поведена впервые религиозная истина; наше общество само вышло из купели этой истины, и как тогда начало оно по внешним чертам христианства учиться складам в азбуке этой истины, так продолжает оно складывать и доселе. Здесь оно довольствуется складами отвлекаемой другими интересами в других сферах жизни, а между тем привычка раздвояться нравственно, служить и богу и мамоне, оставлять религию за порогом будничной жизни родила в последней множество нравственных противоречий, непримиримых, пока не возвратится в нее полнота нравственной жизни, т. е. пока не будет внесен изгнанный религиозный элемент ее. Что же делать этим некоторым людям ввиду двустороннего отчуждения от церкви, с которой они так крепко связаны? Неужели каждому из них остается затвориться в своей душевной келье и там одному продолжить дело, которому нет места ни в праздничной, ни в будничной жизни христианского общества?...

18 а п р [е л я]

... (К прежнему.) Чтобы идти твердо, надо знать почву, по которой идем. Почва, по которой мы идем, набросана событиями и движениями последних двух десятилетий. Эти события и движения у всех еще в свежей памяти. Их исход в более или менее отдаленном будущем; но во всяком случае, когда бы ни произошел он, он существенно зависит от пробуждения и развития в обществе сил, бездействие которых и дало¹ этим событиям и движениям такое тяжелое направление. Может быть, это направление обнаруживает силу и живучесть, какой нет в его природе, какая искусственно сообщена ему недостатком противодействия: тем сильнее должна чувствоваться необходимость, чтобы эти силы скорее пробудились и восстановили равновесие в духовной жизни общества, нарушенное их продолжительным усыплением. Как среди непрерывных изысканных пиров люди, к ним не привыкшие, ощущают иногда недолимый позыв к куску черного хлеба, так и мы среди легкой роскоши изысканных теорий не раз с тоской и жаждой вспоминали о самых простых, самых первоначальных основах общественного развития — о бодрости мысли и чувстве законности. Среди наших умственных и общественных оргий эти два питательных элемента находили себе всего меньше места; но чем больше перепереваримые изобретения надорванного духа притупляли наш умственный и

¹ Здесь В. О. Ключевским поставлен знак сноски.

нравственный вкус, тем сильнее чувствовали мы питательность этих забытых или отверженных элементов, тем яснее сознавали их необходимость для общественного организма и привыкли ценить их, как лучшие блага, лучшие опоры человеческого общества...

24 а п р [е л я], н а б е р е ж н а я

Опять грезы и тревога! Опять на душе тот теплый пар, среди которого легко и свободно распускаются привычные и все еще не надоевшие думы. Сырой ночной дождь лежит еще свежими лужами. Месяц с чистого, жидко-голубого неба сыплет дождем по воде свои играющие блески, пытливо, дерзко заглядывая в самое гнездо моих дум,— и они с тревогой поднимаются, как спугнутые птицы... Вот они, эти белые праздные стены и чешуйчатые богини векового городка: безмолвно, глупо смотрятся они в давно знакомые воды, сжатые гранитом; точно они сделали свое дело, спели свою песню и ждут похвалы или награды. Но в этих стенах и башнях спят великие предания прошедшего: они — его бесполезные, но дорогие и красноречивые гробницы. Когда это прошедшее жило и действовало, и они не были без движения, и они тряслись от народных кликов, и они умели говорить огненными устами свинцовые слова разным заволжским, заокским и заднепровским недругам.

28 м а я

Наука русской истории стоит на решительном моменте своего развития. Она вышла из хаоса более или менее счастливых, но всегда случайных, частных, бессвязных, часто противоречивых взглядов и суждений. В ее ходе открылся основной смысл, связавший все ее главные явления, части, остававшиеся доселе разорванными. С этого момента и начинается развитие науки в собственном смысле, ибо только выработкой этого основного смысла явлений кладется прочное основание дальнейшей научной обработке подробностей. Это научное основание нашей истории положено трудом, развивающимся неуклонно почти уже два десятилетия, «Историей России с древнейших времен»*...

18 и ю н я

Нельзя мыслить без предположений и гаданий. Мысль невольно забегает вперед факта и в области будущего старается положить свои последние результаты. История человечества есть бесконечный ряд фактов, совершающихся независимо от личной воли, независимо даже, по-видимому, от какого-либо индивидуального сознания. В этом отношении они очень похожи на явления природы: и те и другие одинаково проникнуты характером необходимости и, следов[ательно], сами в себе одинаково чужды сознанию, ибо где действует необходимость, там нет места ни для сознательной воли, ни для свободной мысли. Чтобы овладеть областью таких

явлений, мысли необходимо облечь ее покровом своей логики, ибо только под таким покровом и возможно сознание внешнего мира. В истории человечества есть своя связь явлений, свои неизменные законы, столь же чуждые уму и столь же мало покорные его влиянию, как связь и законы явлений природы. Мысль едва в силах обнять необозримую вереницу изменений, пройденных человечеством. Но этот необъятный процесс, этот громадный ряд ступеней, которым первобытный дикарь, дитя и раб внешнего мира, поднялся до сознания какого-нибудь Фихте, отрицающего внешний факт, есть недоигранная драма, роман без развязки и потому не имеет никакого смысла, если мы не поставим в конце его цели, выведенной логически из того смысла, какой сознание даст этому процессу. История слагается из двух великих параллельных движений — из определения отношений между людьми и развития власти мысли над внешним фактом, т. е. над природой. Смысл этого второго движения ясен сам по себе и оставался одним и тем же с первого момента движения. Ход его бесконечен, но результаты легко предвидимы и неизбежны. Мир факта есть мир, совершенно чуждый духу и бессознательный; он существует без него; законы его неизменны, дух может действовать на мир, но не может изменить его законы. Направить их по своему плану, заставить служить себе — вот его неисчерпаемая задача относительно этого мира. Дух встречает отпор своему действию на мир в неизменности его законов, но только пассивный, оборонительный отпор: обратного такого же воздействия на дух, наступления бессознательный мир оказать не может. Так, с одной стороны, только неподвижный отпор, с другой, постоянное наступление, — вот залог постоянного успеха в борьбе духа с природой. Не то в среде человеческих отношений. Подобно природе эта среда возникла также помимо мыслящего и отвлекающего, т. е. индивидуального духа; он не чертил своих планов, когда завязывался первый узел общества; он не присутствовал при установлении законов, по которым живет и развивается человеческое общество и которые, по-видимому, так же бессознательны, так же неуступчивы влиянию и произволу духа, как и законы безличной природы; он не руководил первоначальными отношениями, сложившимися между людьми: здесь действовали другие силы человеческой природы, менее мыслящие, менее сознательные. Однако ж положение духа в сфере человеческих отношений совершенно другое, нежели в сфере материальной природы; там оно гораздо сложнее и труднее. Эта сфера не чужда ему: он связан с ней неразрывными связями. Возникнув без него, она не может обойтись без него в дальнейшем своем развитии. Он призван быть в нем необходимым активным деятелем; но он — здесь не единственный сознательный активный деятель. Среда, на которую он призван действовать, есть живая сознающая себя среда, а не слепая бессознательная природа; его действие встречает не один пассивный отпор от бессознательных сил челове-

ского общества, но и такое же активное противодействие со стороны других ему подобных умов. Отсюда бесконечная борьба идей, личностей, партий и целых народов. Потому одно основное движение исторического процесса идет быстрее и прямее другого: власть духа над материей развивается быстрее, чем определяются человеческие отношения; законы духа и законы природы сознаны яснее и скорее, чем законы жизни человеческих обществ; там, где метафизика достигла весьма широкого развития и где столько сил природы покорно работают на человека, в общественных отношениях заметно и сильно действует еще много черт, относящихся по своему характеру к поре первоначальных варварских обществ. С самого момента зарождения первого общества до настоящего времени борьба сознательных и бессознательных сил человеческого общества вызвала бесконечный ряд перемен, сопровождающийся страданиями для человека. Высший пункт, который наметило себе человечество как цель трудного процесса определения человеческих отношений, но которого оно еще далеко не вполне достигло даже в лучших своих обществах, есть благоустроенное государство и свободная личность. Но эти цели, намеченные сознанием, еще вполне принадлежат к области упований, и разве превеличивающий глаз способен усмотреть в действительности слабые признаки их осуществления... Благоустройство достигается в государстве ценою страшных жертв на счет справедливости и свободы лица; судя по характеру, какой развивают цивилизованные государства даже в текущем столетии, можно подумать, что они решительно стремятся превратиться в огромные поместья, в которых чиновники и капиталисты с правительствами во главе, опираясь на знание и насилие, живут на счет громадных масс рабочих и плательщиков. С другой стороны, личность, раздражаемая постоянными оскорблениями ее прав, стремится во имя своей свободы разрушить, по-видимому, самые необходимые основания человеческого общества. Вообще эти два начала до сих пор не нашли средств подать друг другу руку. Очевидно, и государство с своими претензиями и аппаратами благоустройства, и личность с своими воспаленными мечтами о свободе суть одинаково преходящие явления, принадлежащие по природе своей к числу тех, от которых человечество успело уже отделаться. Очевидно также, что эти явления не могут дать смысла истории, если жизненный инстинкт не ведет под покровом их движения более разумного, которое дух человеческий направит со временем к своим высшим целям. Это движение идет давно, и его можно охарактеризовать тем, что в борьбе противоположных начал, действовавших доселе наверху человеческих обществ и одинаково проникнутых духом насилия, выковывалась, как в горниле, способность человека правильно понимать и осуществлять свои отношения к человеку. Все в истории служило этой главной цели. Таким образом, многовековая история получает значение школы, в которой люди учились разум-

но жить друг с другом. Когда это воспитание кончится и начнет давать заметные плоды, тогда разум человеческий, овладев тысячелетним трудом инстинкта, сумеет снять с человечества все школьные аппараты, которые доселе составляли его историю. Что он поставит на их месте, какие начала, какие формы — это скрывается в дали едва гадаемого будущего...

29 с е н т [я б р я]

Поколение людей, переживающих теперь третий десяток своей жизни, должно хорошенько вдуматься в свое прошлое, чтобы разумно определить свое положение и отношение к отечеству. Мы выросли под гнетом политического и нравственного унижения. Мы начали помнить себя среди глубокого затишья, когда никто ни о чем не думал серьезно и никто ничего не говорил нам серьезного. Затем последовали военные бури; с ними совпали первые минуты нашей сознательной жизни, но нам не были известны ни их причины, ни смысл, — да и не нам одним. Восточная война*, падение Севастополя, Парижский мир — таковы были первые полученные нами самые свежие и сильные впечатления исторической жизни России, тяжкими камнями повисшие на нашей шее за грех отцов. Под бременем этих впечатлений мы принагнулись и присмирели.

6 н о я б р я

В душе человеческой есть дивное спасительное свойство реакционной экспансивности. Достигнув высшей степени напряжения, сузившись до крайности и здесь натолкнувшись на препятствие, не пускающее дальше, душа необъятно расширяется в прошедшее. Житейский толчок способен был бы привести в отчаяние, если бы эта расширяемость в прошедшее не являлась на помощь. Чем уже и тернистее становится путь человека, чем безнадежнее уходит он в себя, тем шире и глаже разворачивается в его воображении пройденная дорога. С прелестью теплого, насиженного гнезда восстает пред ним минувшее, восстает не в реальной смуте и холоде, а в той волшебной переделке, какую способно производить с прошедшим только пережившее его сердце. Опять поднимаются песни, когда-то звучавшие, оживают биения, когда-то бившие в сердце. Так всякий раз, когда останавливается движение жизни в будущее, является возможность вновь пережить прожитое, но пережить в другой, идеальной редакции, ибо здесь хозяйничает уже творческий дух, а не внешние силы. Вот где смысл тех камней, которыми и усеян путь человека и о которые он так часто спотыкается в своем вечном суетливом стремлении вперед.

1 я н в [а р я]

Встречая новый год с обычной грустью и раздумьем, я следую правилу оглянуться на прошлый и занести то новое, что дал он. Прошедший год был обилен для меня внутренней борьбой и скуден той поэзией, которая открывает человеческому разумению сокровенную жизнь природы. Но зато я вступаю в новый год под тяжестью нового нравственного приобретения, которого до сих пор, до 28-го года жизни, не доставало в моем духовном капитале. Прежде переживаемые нравственные невзгоды вызывали реакцию, которая выражалась в бодрости духа, в жажде добра. Тревоги последнего времени оставили другое, дорого стоившее, но очень неблагоприятное наследие. Я впервые почувствовал прелесть зла, сознательного, намеренного зла. Мне пришлось отведать всю сладость самодовольствия при виде слез, злости, отчаяния, которые сам вызвал. Оказалось, что зло есть сила, которой можно иногда сильнее влиять на людей, нежели чем другим более великодушным; оказалось, что часто надо мстить и ненавидеть, чтоб не быть пошлым. Но мне тяжело это приобретение, не варится во мне это наслаждение Мефистофеля, и я встречаю новый год желанием, даже молитвой — оскудеть опять этим новым чувством, и привлекательным и жгучим, как раскаленный империал.

2 и ю н я

Трудно понять, почему Гейне вышел у нас из моды. Если величие поэта измеряется силой и полнотой, с какими он воспроизвел затаенные чувства и нравственный образ века, Гейне — величайший поэт нашего времени. Что составляет душу его поэзии? Чем он так неотразимо действует на нас? Это смесь самой разъедающей злобы с глубокой симпатической печалью, та смесь, которая так озадачивает в его великих песенках с теплым, душевным началом и резко холодным, саркастическим концом. В этом отношении я не знаю более сильного юмориста. Он мучает читателя и вместе дает ему величайшее наслаждение, заставляет его переживать в быстрой очереди и самые горькие, и самые высокие думы нашего века. Говорят, есть яды с чрезвычайно сладким вкусом. В поэзии Гейне есть такой яд. Злоба — результат противоречия, а наш век — неугасимый очаг противоречий. Никогда тоска по свободе не охватывала сильнее европейское человечество, и никогда деспотизм не облакался в такие гигантские доспехи. Ум пролетария перешарил все закоулки общества, перебрал все основы его строя, осудил и отвергнул их как негодные, а социальное неравенство выступает еще угловатее, грубее от примеси аристократической и буржуазной спеси. Дух совершает громадные завоевания в внешнем мире — и все более забывается и подвергается вопросу в своей внутренней, духовной сфере. Никогда лич-

ность не чувствовала так сильно свои права и никогда так тяжело не давил ее установившийся, затвердевший порядок жизни, людских отношений со всем аппаратом цивилизации. Сколько элементов для воспитания в человеке тоски и злобы! Но, может быть, потому, что Гейне с такой ужасающей силой вылил в свой мятежный стих эти задушевные впечатления времени, его и спешит забыть человечество: оно спешит отвернуться, увидав в нем, как в зеркале, свой ужасный, безобразный образ...

1871 г.

1 августа

... Появление государства вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле. Я не понимаю, почему лицо, отказавшееся от самостоятельности, выше того, которое продолжает ею пользоваться, — почему первое совершеннее, развитие второго в общественном отношении. Говорят, прогресс в том, что приняты меры против злоупотребления личной свободой и эти меры основаны на идее общего блага, идее, лежавшей в основе государства и неведомой в прежней личной отдельности людей. Но опять непонятно, почему солдат, не умеющий пользоваться оружием и бросивший его, стал оттого более вооруженный. При этом теперь можно довольно самоуверенно утверждать, что государство вовсе не было выходом из состояния войны всех против всех. И до государства существовали общественные союзы, кровные, религиозные, которые ограничивали личную свободу во имя лучших побуждений, чем государство. Последнее заменило добровольное и естественное подчинение первых условным и принудительным. В смысле нравственном появление государства было полным падением. Существование государства возможно только при известных нравственных понятиях и обязанностях, признаваемых его членами. Эти обязанности и понятия очень резко отличаются от правил обыкновенной людской нравственности. Ничего не стоит заметить, что эта последняя гораздо нравственнее политической морали. Уже то, что политическая нравственность бесконечно разнообразится по времени и месту, ставит ее ниже частной, которая устояла почти в одинаковом виде от первого грешника до последнего, от Адама до Наполеона III или Бисмарка. Между тем несомненно, что государство являлось плодом очень насущных потребностей общества. Остается точнее обобщить характер и происхождение этих потребностей. Вывод, впрочем, ясен сам по себе: потребности эти создавались различными неправильностями и затруднениями, развивавшимися между людьми. Но едва ли здесь можно усмотреть какой-нибудь прогресс. Если человек ломает себе ногу, едва ли костыль его воротит ему прежнюю быстроту движения; если же этот костыль ослабит деятельность и здоровой ноги, то здесь едва ли что можно видеть, кроме печального

падения. Известно, что безнравственная политическая мораль иногда искажала понятия естественной человеческой нравственности. Все можно и должно объяснять; но оправдывать и считать прогрессом — едва ли...

1876 г.

10 с е н т [я б р я]

Говорят, одушевление к делу южных славян охватило и массы. Даже сильнее, чем интеллигенцию. Хотя говорят это преимущественно газеты, охотно верится этому, охотнее, чем противоположному. Масса увлекается легче, по недостатку анализа; особенно если источник увлечения прост, говорит чувству и бескорыстен. Говорят далее, но уже не газеты, а мыслители, что такое увлечение — небывалое явление в нашей истории, которым можно гордиться. Тем хуже для нас, что мы, прожив тысячу лет, не испытали еще даже такого увлечения. Несмотря на то, можно поверить и этому. Но совсем невероятно мнение, высказанное сейчас С., что этот энтузиазм есть реакция служению мамоне, которому народ русский предался с 1856 г. Нам будто бы надоела грязь материальных похотей, банков, концессий, стало душно в чаду акций, дивидендов, разных узаконенных мошенничеств, и вот народное чувство вырвалось на свежий воздух человеческих, национальных, нравственных интересов. Общество всколебалось от страха подернуться плесенью от бездействия и зарости травой от затишья, подобно стоячему пруду.

Так [им] обр [азом] текущие события вдвойне любопытны: они наглядно показывают, как делаются исторические события и как сочиняются исторические легенды, т. е. как работает исторический прагматизм. Не удивительно, если историки часто открывают в исторических событиях смысл, которого не подозревали их читатели, когда этот смысл был тайной и для современников событий.

Философы-наблюдатели и философы-историки очень часто подражают тому простодушному сыну, которого мать учила говорить при встрече с покойником «царство ему небесное» и который практиковал эту инструкцию при первой же встрече с свадебным поездом.

1877 г.

21 м а я

Стала чуть не общим местом фраза, что с каждым поколением падает нравственность. Особенно любят повторять это люди, которым перевалило за 40. Между тем можно надеяться, что народившиеся и имеющие народиться поколения будут нравственнее нас. Что такое наша нравственность, наше нравственное чувство? Это нечто очень произвольное, индивидуальное и неясное;

все, что в нем ясно, то отрицательного свойства. Мы твердо знаем такие требования морали: не воруй, не утирай носа пальцами, не прелюбодействуй, не ковыряй в носу при людях, не убий и т. п. Оказывается, что наш нравственный кодекс немного ушел от заповедей Моисея, а в некоторых пунктах отстал от него; так мы знаем, что не следует желать жены приятеля, но если со стороны возделываемой доказана любовь к возделывшему, то даже окружной суд, т. е. присяжные, принимают это за смягчающее вину обстоятельство, если из такой аберрации сердца выйдет какое-нибудь уголовное дело. Эта ветхозаветная мораль только подкрашена некоторыми положительными правилами позднейшего изобретения, из которых, впрочем, общеприняты только два: одно — выдуманное христианством, другое — полицией многолюдного европейского города, именно «люби ближнего твоего, как самого себя» и «идя по улице, держись правой руки». Но первое так неопределенно и неловко выражено, что не считается практически обязательным, а второе хотя и соблюдается строго, но не улучшает людских отношений. Христианство пыталось противопоставить отрицательным заповедям Моисея свои положительные заповеди блаженства, но это чисто пассивные добродетели кротости, чистоты сердца, нищенства духовного, милосердия; в них много могильного романтизма, но нет живой деятельности. Их смысл также отрицательный, отличающийся от моисеевского десятословия только грамматической формой: «умри для жизни и всех¹ страстей ее». Действенной положительной морали мы не создали, потому что² мало размышляли. То, что мы привыкли называть размыш[лением]...³

¹ Далее зачеркнуто: ее.

² Далее зачеркнуто: мы.

³ На этом текст обрывается; оборот листа чистый.

Дневник заседаний III Археологического съезда в Киеве, 1874 г.

2 августа

Заседание Отд[еления] церковных древностей.

Прот[оиерей] Лебединцев* читал археологическую историю Софийского собора. Сначала проследил по летописи историю построения собора. София существовала уже в X в. при Ольге, в 935 г. Она была деревянная и стояла не на том месте, где явилась потом нынешняя церковь. Референт долго разбирал летописные известия о времени постройки каменного храма Ярославом. Он отнес основание собора к 1037 [г.] и освящение ко времени митр[ополи]та Феопемп[та], устранив митроп[олита] Ефрема. Говоря о церковном значении храма, о[тец] Лебединцев разобрал значение слов «митрополия» и «епископия» в древних памятниках и вывел заключение, что София называлась митрополией как митрополичья кафедральная церковь. Объясняя значение храма для мирян, референт высказал нерешительно мысль, что в нем, кроме поставления митрополитов и епископов, происходило и настолование великих князей киевских с особым церковным обрядом. Потом рассмотрен им вопрос, по какому образцу строили храм. Разбирая его архитектурные части, автор нашел в них сходство с собором св. Марка в Венеции и другими церквами, но решительно отвергал мысль, что София киевская построена по прямому образцу Софии цареградской¹. Гораздо интереснее были собранные в реферате известия о дальнейшей судьбе первоначального храма. Вместе с Киевом он потом падал и разрушался; с конца XVI в. им завладели униаты. Когда Петр Могила возвратил его православным, храм был в совершенном разорении: службы в нем не было, галереи обвалились, на кровле росли деревья, внутри его водились скоты и звери. Даже гора Софийская была в запустении: в 1630-х годах на ней стоял крест, поставленный кн[язем] Острожским, с надписью, приглашавшей окрестных жителей селиться на опустелом месте:

¹ В рукописи описка: киевской.

Обновление Софии принадлежит киевским митрополитам XVII в., преимущественно Варлааму Ясинскому при содействии гетманов Самойловича и Мазепы. Очень любопытны были выведенные автором из мелких разысканий указания на то, что осталось от старинной Софии в ныне существующем храме.

После возражений, сделанных г-ном Поповым, среди которых автора поддерживали¹ Срезневский и гр[аф] Уваров, указавший, что киевская София вовсе не такое подражание Софии цареградской, каким была последняя по отношению к церкви св. Виталия в Равенне, даже в основании своем, в прямолинейном корабле, непохожем на овал, вписанный в квадрат, как в Софии цареградской и в св. Виталии,— референт прочитал еще любопытный очерк судьбы фресков Софийского собора. Он признает их современным построению церкви произведением, замазанным известью уже в XVII веке митрополитами из знати. Все сообщение богато отовсюду собранными любопытными указаниями, но не обработано литературно и потому несколько утомило публику².

3 а в г у с т а

Заседание IV отделения. Реферат Костомарова* о значении княжеской дружины.

К[остомаров] начал с определения тесного и широкого смысла слова «дружина» и в последнем смысле объяснил известие летописи о том, что Владимир советовался с дружиной о ратех и строе земском, причем в его совете участвовали и³ недружинные элементы, епископы и старцы градские. Все, что говорил референт о бродяжническом, разбойничьем характере дружин и князей, об их взаимных отношениях, давно хорошо было известно, и с теми примерами из летописи, на которых основываются подобные выводы. Любопытно, что говорил К[остомаров] об отношении боярства к дружине. По его мнению, это два различные класса. Дружина, княжьи мужи — это люди, лично и исключительно привязанные к князю, а не к земле. Бояре, напротив, и не принадлежали к дружине, были местные влиятельные люди, земский, а не служилый класс. Влияние их основывалось на крупном землевладении: это были местные крупные земельные собственники. Отличие бояр от княжих мужей видно из того, например, что первые князья сажают по городам м у ж е й своих, а не бояр, что Святослав в походе советуется только с дружиною, а не с боярами; напротив, желая разделить землю между сыновьями, обращается за советом к матери и боярам, а не к дружине и проч. Землевладельческое значение боярства доказывал К[остомаров] указанием на земель-

¹ Далее зачеркнуто: гр[аф].

² Предыдущий текст написан карандашом, дальнейший — черными чернилами.

³ Написано над строкой карандашом.

ные богатства бояр новгородских, на известные летописи, что по смерти Андрея Боголюбского во время усобицы его братьев и племянников в Суздальской земле дружина Юрьевичей после победы бросилась грабить боярские села. Самым ярким выражением земского характера автор признает боярство древнего Новгорода. Дружина не только отличалась резко от боярства, как подвижной бродячий класс от оседлого земского, но часто действовала наперерез, враждебно к боярству; примеры такой вражды указывал К[остомаров] в истории Галича XII и XIII вв. Со второй половины XII в. начинается перемена в характере княжеской дружины, подготовившая ее исчезновение в последующее время. В нее начали вступать земские элементы. Былины представляют примеры подобного перерождения дружины. Впервые оно заметно становится в летописном рассказе о дружине Изяслава Мстиславича во время борьбы его с Юрием. Это изменение шло с двух сторон: во-первых, бояре вступали в состав дружины, становились княжими мужами; во-вторых, члены дружины приобретали земские связи, земельную собственность, некоторую оседлость. В Москве XIV в. уже нет дружины. Бояре московские — слуги местного князя, как и все, окружающие последнего. Бояре, теряя земское значение, помогли главным образом и возвышению Москвы: изменой бояр других княжеств в пользу московского объединилась Северная Русь около Москвы.

Таковы основные мысли референта. Чтение это, неровное, старчески то вскрикивавшее, то шептавшее, повторило всем известное и не указало самых важных сторон в значении дружины старинных князей. Даже определение дружины неясно: референт сам признался, что не может сказать, принадлежали ли к дружине люди, составлявшие дворовую службу князей, повара, конюхи и т. п. Из каких элементов состояла дружина, какими названиями характеризовались ее составные части, — об этом не сказано ничего определенного. Все, что сказано было оригинального о боярстве, основано на сомнительных соображениях и случайно встретившихся указаниях летописи. Впрочем, и самая мысль о земских боярах в старинных русских княжествах далеко не новость. Референт не прибавил новых доказательств в пользу этого шаткого предположения. Аргументы, им представленные, недостаточны и спорны. Прежде всего не объяснено, каким образом¹ сложился этот класс, чем отличался от старцев градских и какое положение занимал между княжеской дружиной и главами родовых союзов, не принадлежа ни к той, ни к другим. Потом автор ничего не сказал о боярах, служивших князьям, входивших в состав дружины. Надобно разобрать тщательно известия летописи XI и XII вв., которые показывают, что боярство издавна составляло часть дружины, высший слой ее и что летопись употребляет

¹ *Далее зачеркнуто:* образов[ался].

слово «дружина» иногда безразлично к составным частям ее, иногда в смысле только низших слоев; этим объясняется мнимое различие между дружиной и боярами. Княжим мужем назывался и боярин, и простой дружинник; где бояре думающие, где мужи храбрствующие, где ряд полчный, говорит князь XII века, определяя состав княжеских военных сил, бывших в поле. Совсем нестати было указывать на боярство новгородское для определения боярства южной княжеской Руси: в Новгороде строй общества получил местное земское развитие, свободное от княжеского и дружинного влияния. Вообще в рассуждениях о боярстве К[остомаров] еще раз обнаружил шаткость своих ученых представлений о ходе общественного развития древней Руси. Сюда относится и сказанное им о возвышении Москвы, и положение, будто древняя Русь не знала различия сословий. Это вводит его в противоречия с собой. Сам же он сказал потом, что слово дружина заменилось позднее выражением «бояре и дворяне».

Верхом совершенства было то, что последовало за чтением К[остомарова]. Едва дав председателю договорить обычное краткое приглашение к возражениям, поднялся молодой человек*, и, едва взошед на кафедру, он разрешился неудержанным патологическим потоком слов, как принявший глауберовой соли. Он зачастил так нервично и вместе монотонно, что трудно было разглядеть мысль сквозь бьющуюся пену его глаголания. Он говорил о том, что сверх ожидания К[остомаров] не воспользовался для своего реферата одним богатым источником, на который он же, как это и во всем было в последнее время, первый обратил внимание, именно на остатки исторического эпоса в Южной Руси. Он говорил о том, что об этих остатках будет особый реферат, что они собраны и скоро будут изданы им и Антоновичем, что в них отразилось живо это превращение бояр в дружину, что... И много разных вводных вещей говорил оппонент, без усталости и остановки, без запятых и точек, как телега, несомая закусившей удила лошадь по кочкам и канавам; не говорил только ничего оппозиционного предшествовавшему референту. Проговорив об этом много и порывисто, оппонент решился прочесть публике образцы этого эпического творчества, оставшиеся в Южной Руси от времен первых князей. Он начал читать, и, к удивлению, послышались легкие стихи лирической песни, певшей о том, как нанимались молодцы к пану на службу, как делили они добычу и т. п. Отрывки живо напоминали времена казачества XV и XVI вв., его походы в придунайские земли, и ни одной прямой и свежей черты, рисующей княжескую дружину IX—X вв. К довершению беды один из прочитанных отрывков был даже рифмован.

Референту возражал ¹ Головацкий.

¹ *Далее зачеркнуто:* Петров, Барсов, О. Миллер и Яковлев. *Над строкой зачеркнуто:* Костомаров.

4 августа

Осмотр Софийского собора*, Михайловского Златоверхого м[онасты]ря, церкви Василия (стр[оительство] Святослава Всеволодовича в конце XII века) и Десятинной. Руководил о[тец] Лебединцев.

Вечером рефераты о[тца] Амфилохия о влиянии византийской иконописи на русскую, Прохорова и Петрова* о греческих минологиях, или прологах.

5 августа

Утром общее заседание съезда. Реферат Забелина* о пределах археологии как науки: ее предмет — единичное творчество человека, как предмет истории — творчество общественное. Против говорил Никитский; разобрав статью Забелина об археологии, он поставил предметом этой науки только изучение вещественных памятников старины, след[овательно] дал ей чисто служебное место подле истории. Потом гр[аф] Уваров рассматривал, какие памятники старины составляют предмет археологии. Говорил что-то еще Павлов*.

Вечернее заседание* по Отделению языка и словесности. Тихонравов читал историю статьи об отреченных книгах. Показав ее возникновение на Востоке, ее дальнейшее развитие, референт изложил ее перенесение Киприаном на Русь, ее дополнение в XV в. под влиянием еретического брожения жидовствующих, в XVI [в.] под влиянием мнений о кончине мира и начатков западных веяний (бояр[ин] Карпов в нач[але] XVII в. читает в латинской книге о рае), под влиянием распространившейся астрологии и пр. Любопытная сторона книги — то, что в ней отражались сменявшиеся умственные и литературные движения русского общества. Затем Григорович резюмировал свою статью о мариупольских греках. Вечер заключился рефератом Драгоманова, который прежним стилем и с прежней логикой читал больше часа библиографический очерк песен о кровосмешении. Выходило, что из литературного сказания они распространились у юго-западных славян, оттуда в Южной Руси, которая передала их Руси Северной. Возражали Уваров, Костомаров, Барсов, Петров, Миллер и Яковлев.

6 августа

Этнография и география. Читал Забелин* о Страбоновом описании Таманского полуострова, Никитский о трех торных торговых дорогах из Новгорода к немцам: одним из них был поднявший Псков путь чрез этот город на Узу и Шелонь, принимающую эту последнюю. Корсаков читал статью Износкова* о названиях сел в Казанской губернии: каймары были черемисы, — следы вытеснения инородцев, бежавших в Вятскую губернию, где основали село с тем же названием; в северо-зап[адной] части Лаишевского у[езда]

ряд сел татарских с черемисскими окончаниями их имен на «салы» — знак отатарения черемис; село, имя которого означает б е с т о л к о в ы й¹; имя татарское, жители черемисы. Указана статья Золотницкого* о местных названиях в «Каз[анских] губ[ернских] в[едомостях]» 1871—[18]72 гг. Возражал Попов. Рефераты Головацкого и Гатцука не состоялись по отсутствию референтов.

Вечером Отделение античных древностей и византийских. Модестов читал* об имени Ярина, встречающемся в помпейских надписях раз 10. Видно, что это был сначала раб, потом отпущенный на волю и ставший известным городу. Он веселый человек, посетитель люпанар. Референт дал этому мужу славянское происхождение. Ф. А. Терновский читал* сравнительную характеристику византийских хронографов Амартола и Манассии, имевших влияние на наших летописцев и составителей хронографов. Амартол с аскетическим миросозерцанием влиял на них своими понятиями, Манассия — своей изысканной риторикой. Возражал Тихонов, показавший по древнейшей редакции русского хронографа, так наз[ываемого] Еллинского летописца, что вторая часть его, следующая за палеей, несравненно больше заимствует из Иоанна Антиохийского, или Малалы, чем из Георгия Амартола. Референт перечитал еще слова греческие, перешедшие в русский язык путем хронографов: кровать, укус, руга, сани, ливад; накры по Тихонр[авову]—*ἀνακρά*. Реферат Мищенко* и возражения Иванова не представляют интереса.

7 [а в г у с т а]

Утром осмотр Братского м[онасты]ря*. В актовом зале академии большое и любопытное собрание портретов. В церкви монастыря направо в каплице икона, о которой рассказывают, что в XVI в. крымские татары при уходе из Киева, ими разгромленного, взяли ее в плот для переправы, но она выплыла и сохранила на себе следы татарских ударов мечом. Налево в серебряном ковчеге остатки мощей разных святых, в том числе между преп[одобным] Нестором и Вас. Амасийским мощи «Св. Илии Муромца». Над царскими дверями кипарисный (6-конечный) крест, которым патр[иарх] иерусалимский Феофан благословил в 1620 г. основывавшуюся академию. Крест сделан на Афоне в 1600 г., и на рукоятке славянская надпись. У стены той же церкви могила путешественника Барского, с плитой в стене, где стихи Рубана. Из Братского монастыря поездка за город в Кирилловскую церковь, бывший монастырь, теперь обращенный в богоугодные заведения. Эта церковь построена в XII в. дочерью Мстислава В[ладимировича] Марией, бывшей замужем за Всеволодом Ольговичем. Из-под толстого слоя извести открыты фрески, которыми была украшена вся

¹ На верхнем поле карандашом написано: карман — кермень, крепость, камень.

церковь. Наиболее ясно расчищены фрески в алтаре и правом приделе. В алтаре под куполом Тайная вечеря, напоминающая картину Софийского храма. Ниже изображение святителей в больших размерах. В правом приделе изображение божьей матери, благословляющей св. Кирилла; наверху уцелела надпись, признаваемая палеографами современной постройки церкви. Представив себе всю церковь украшенной такими фресками и устранив позднейший безобразный иконостас, признаешь внутренность храма очень красивой по изящной византийской орнаментовке. Налево от входа могила отца св. Димитрия Ростовского.

Вечером вольное заседание съезда. Беда Дудик на немецком читал* о гробницах в Моравии; указал три их разряда и некогда существовавший путь торговый из Ольвии в Моравию, которым доставлялись вещи, найденные в гробницах. Некоторые из них¹ немецкого происхождения, другие — неизвестно чьи. Новакович по-сербски читал о сербской цивилизации по памятникам XIII и XIV вв. Дополнял реферат Тихонравов. Проф[ессор] познанский Дзяловский по-польски читал* об урне одной и заключил тенденциозно. Всем троем отвечал на языке каждого Григорович.

8 августа

Утром общее заседание. Предмет — область археологии, ее задачи и границы. За самостоятельность и широту науки говорили Уваров и Забелин*, ограничивали область ее вещественными памятниками Никольский и Драгоманов, последний с обычным пустословием и продолжительностью. Участвовал в прениях Попов. Сказано много опрометчивого, и не выяснено дело.

Вечером Отд[еление] общественного и домашнего [быта]. Никитский отвечал* Маркевичу злой заметкой. Мержинский разбирал*, осмеивая, соч[инение] Ласицкого о литовских богах «De diis Samogitarum».

Антонович заметил, что имена божеств, заимствованные от животных, заслуживают вероятия: овечьих, коровьих, заячьих и т. д. Маркевич о местничестве. Головацкий говорил о литовских идолах, о которых он и не знал, что они лет 50 тому подделаны, на что указал Уваров. Иващенко, профессор Нежинского лицея, читал* о языческих остатках в шептаниях южнорусских. Яковлев резко указал на ошибки реферата касательно мифического значения шептаний, впрочем не разъяснив этих ошибок. Прения бурны и беспорядочны, как и вечером.

9 августа

Утром Отд[еление] языка и письма. Иловайский о славянстве болгар*. Возражал шумно Григорович, указавший на одно переводное житие, где болгары названы уграми; Попов и Ягич, сказав-

¹ Над строкой: гробниц[иц].

ший, что филология не находит ни малейшего следа славянства в именах первых болгарских царей. Григорович указал слова финского корня в болгарск[ом] языке, впрочем нерешительно: хорувати — говорить в собрании, капище — кумир и др., распространившиеся из болгарской церковной письменности. Срезневский о глаголической рукописи Киевской академии, содержащей церковную службу католическую. Петров указал на другой фрагмент такого же свойства. Леже — о другой турецкой глаголической рукописи XIV в. Барсов — о Слове о полку И[горе]ве*.

Вечером Отд[еление] искусств и художеств. Мурзакевич — о Влахернской иконе б[о]гоматери, гр[аф] Толстой и поляк из Варшавы — о миниатюрах псалтырей, один сергиевского, другой киевского конца XIV в., Оссовский — о происхождении шифера в Киеве* и еще кто-то о чем-то.

10 а в г[у с т а]

Утром осмотр церкви Спаса на Берестове* и Печерской лавры. Следы старинной кладки очевидны в средней части здания. На чердаке под карнизом открыта фреска: ангел с шаром в руке. Придел направо есть прежняя вежа с бывшим столбом и лестницей вокруг него. Обновлен храм Могилой. На стене изображение Меркурия Смоленского с луком, колчаном и в странной шляпе. Главная церковь в¹ лавре внутри обновлена после пожара, кажется, 1718 г. Живопись новая. Стены и хоры уцелели старые. Над царскими воротами икона Успения, принесенная Феодосию с неба. Налево² по стене изображения жертвователей храма: Сангушки, Вишневецких, Острожских, Сагайдачного; первые в княжеской одежде, один даже с скипетром. Тут же гробница кн[язя] К. И. Вишневецкого, заботившегося о православных церквях и школах, воеводы киевского, как значится в надписи; очень хорошее бронзовое изображение лежащего вооруженного воина. Направо в приделе старинная икона рождества б[о]городи[цы], пред которой молился Игорь Ольгович перед смертью. Ближе к западным дверям гроб Феодосия. Налево у алтаря гробница митр[опо]лита Михаила. В ризнице нет вещей старше Алексея Михайловича. В пещерах ближних 76 гробниц с мощами, в дальних 43. Место первого поселения братьев в последних. На горе, где построен первый деревянный храм Феодосием, теперь стоит каменная церковь, построенная полк[овником] Мокиевским в конце XVII в. Это на самом берегу Днепра. В ограде гробница Остен-Сакена. Близ большой церкви у трапезы могила Искры и Кочубея. При входе в большую церковь направо могила Натальи Долгоруковой. Великолепен ковчег на главном престоле большой церкви, сделанный в Италии и пожертвованный³ императ[ором] Николаем, с

¹ Далее зачеркнуто: хра[ме].

² Над зачеркнутым: [на]право.

³ Над зачеркнутым: привезенный.

агатовыми колонками, также евангелия гетманов и царские.

Вечером заседание Отд[еления] восточного. Брун читал о названиях Киева Самват и Манкерман. Первое он производил из армянского: так звали, кажется, Льва Философа армяне. Второе — татарского происхождения и значит «Большая крепость». Первое — у Константина Багрянородного, второе — у путешественников более позднего времени. Гаркави излагал* известия арабских писателей о Руси, деливших ее на три ветви: киевскую, славянскую (новгородскую) и третью, имя которой всего вероятнее отнести к Смоленску. Это, впрочем, есть в сборнике, изданном Гаркави*.

11 [а в г у с т а]

Поездка в Гатное, на раскопку курганов*. Разрывали три кургана. В одном, «Вовча могила», нашли горшок, урны, каменное долото, железное копьё, скелеты в беспорядке вокруг скелета молодой девицы и под нею скелет мужчины без украшений. Фантазии археологов. В другом, на краю того же села¹, бронзовое зеркальце, вазу и скелеты, в третьем столб деревянный с следами сожжения. Физиономия села Гатного. Певец. Никольский монастырь и хутор его.

¹ В рукописи: леса.

Дневниковые записи 1891—1901 гг.

1891 г.

Чит[ал] 19 окт[ября] 1891*.

Хочет догматизировать и канониз[ировать] свои социалист[ические] или даже просто служебные похоти.

Этот зуд общественности — реакция сибаритскому индивидуализму праздного барства как желанье жить на земский счет и отвращение от личного труда при неуважении частной барской собственности кр[ес]т[ья]н, реакция принудит[ельному] крепостному труду. Не будит, а будирует мысль.

В средневековом мирозерцании признавался Христос без христианства; в Соловьевском новейшем — истинное христианство без Христа торжествует, созидаемое неверующими.

Навязывает христианские основы социализму. Наполовину припадок неясной и воспаленной мысли, наполовину риторическая игра словами.

Дон Кихот христианства, который, желая повернуть человечество на христианскую стезю, новых язычников жалует в христианство.

Детские практические упражнения на катех[изисные] темы.

Трактирная терминология психиатрического общества.

Общество Праведного Общежития, составленное из негодяев, — идеал С[оловьева].

Разговор с участковым приставом.

Он подвергает осмеянию закон истор[ического] развития. Это — если бы кто стал негодовать на то, что дерево не растет вверх корнями.

Призыв к тому, что делается без того — рабочие уже на работе, а глухой бездельник бегает и кричит: «Ребята, скорей на работу!»

Хр[истиан]ство дано было не как готовый¹ общественный иорядок, тогда оно было бы велепой затеей, а как идеал личной жизни, который, единица за единицей перерабатывая людей, тем улучшает общежитие всякого полит[ического] склада.

¹ Над строкой: определ[енный].

Наружность протрезвившегося Любима Торцова* с отросшими волосами — нечто среднее между длинноволосым попом и лохматым нигилистом — расстрига.

Десертный оратор, Дон Жуан философии.

Что-то пошрое, дурацкое, точно дуралей озорн[ой] ворвался в рабочую комнату, где делали свое дело, все перепугал, напакостил и убежал.

Это прямой внук Аввакума*: христианское сознание своего времени. За христианство принял вселенское; только тот за эту иллюзию умирать готов был, а этот из нее делает промысл отхожий.

Истор[ическое] и еванг[ельское] хр[истиан]ство.

Атеисты всемилостивейше пожалованы в действительные статские хр[истия]не.

Хочет спасать гуртом, не поодиночке, как доселе.

1892 г.

7 мая

Ведь только во сне твое сознание становится вне истории и то лишь одно сознание, а твой грезящий аппарат остается в ее сфере, в области культуры; твое одеяло, которое дает тебе возможность грезить, не стуча зуб об зуб, и твоя добросовестная хозяйка, накормившая тебя безопасным обедом, — ведь это продукты культуры, плоды просвещения, истории. Хромой Ярослав, разбитый Святополком и бежавший в Новгород, не имел ни того, ни другого на своем трудном пути. Идя по тротуару, ты видишь, что встречный обходит тебя слева, и ты норовишь посторониться вправо; извозчик предлагает тебе свои услуги, и ты, имея чем ему заплатить, садишься. Он едет рысью, нахально кричит «берегись» переходящим доро́гу мужчинам и женщинам и вдруг без окрика осаживает лошадь. «Что случилось?» — думаешь ты. Ничего, — через дорогу плетется ребёнок! Ты думаешь, что все это так просто и естественно, что это искони бывало и всегда быть должно, что мир создан с правилом держаться правой стороны и не давить ребенка. Нет, это не природа, а история. Это не сотворилось, а выработалось, стоило много трудов, ошибок, вдохновенных замыслов и разочарований. Когда ты, бывало, сидел за своим письменным столом, торопливо составляя реферат профессору для зачета полугодия и помышляя тоскливо о пропущенной «Р у с л а н е и Л ю д м и л е», ни перед собой, ни в себе ты не мог бы найти предмета неисторического: бумага, перо, профессор, опера, самая тоска твоя по ней, наконец, ты сам, как студент, зачитывающий полугодие, — все это целые главы истории, которых тебе не читали в аудитории, но которые ты должен понимать на основании тебе читанного. Размышляя о причинах Реформации, ты обо всех этих мелочах ровно ничего не думал и даже не считал их предметами, достой-

ными размышления, а ведь и причины Реформации читались тебе только для того, чтобы приучить и расположить тебя размышлять о таких мелочах. Чтобы уметь создавать желательные людские отношения, надобно знать, как создавались действительные отношения. Знание прошедшего учит понимать настоящее, а понимать настоящее нужно.

1893 г.

Духи хороши, когда уничтожают запах, и невыносимы, когда сами становятся запахом.

16—19 и ю н я

Значение идей в истории. Два рода идей: 1) маниловские мечты о несбыточном или доккихотские призраки отжитого и 2) новые комбинации мышления, знания и общежития, выведенные из наличных и усовершенствующие наличное мышление, знание или общежитие.

Иногда методологическая ошибка в преподавании есть просто педагогическая бестактность, следствие не сбившегося мышления, а испорченного сердца. Прилагать ко всем историческим явлениям статистический или иной подобный специальный метод, имеющий свою особую сферу применения,— все равно, что лечить все болезни хиной. Это методологическая ошибка. Одобрять приемы борьбы национальных или партийных интересов с точки зрения нравственных правил значит смешивать политику, т. е. борьбу, с личной моралью, действие против врага с чувством к побежденному ближнему: это педагогическая бестактность.

Устав запрещает нам открывать заседания для публики; но он не предписывает нам таить от публики наши слова и поступки. Не зажмешь рта и не остановишь пера, да и нужно ли? Заседание перестанет б[ыть] тайной, как скоро звонком закроется.

Тупые практики часто обзывают к р а с н о р е ч и е м убедительность слова и ясность мысли, к[ото]рых лишены сами.

«С ъ е з д и с т о р и к о в в М ю н х е н е». — «В[естник] Евр[опы]», 1893, июнь (Брикнера)*. Доселе верили в общеобразовательное значение истории, как всякой науки, и в преподавании ее старались возбуждать мысль, образуя ум, питать нравственное чувство образцами доблестей и ужасами пороков, но не действовали прямо на волю, не подготавливали к деятельности практической в известном направлении, не дрессировали посредством изучения истории, а просто учили истории, предоставляя учащемуся самому добиваться конечных практических выводов и житейских приложений.

Теперь начали все чаще заказывать задачи и направления преподаванию истории. Общеобразовательное значение предмета хотят подменить специальными назначениями. Прежде сыну сапож-

ника преподавали обыкновенную общую историю, а не специальную историю сапожного мастерства. Недавно в Германии сверху поставили вопрос о преподавании истории, приспособленном специально к политическим надобностям именно немецкого имперского гражданина. Общие цели преподавания заменяются местными, конкретными, самосознание человека — немецким политическим сознанием, нравственное чувство — национальным, человечность¹ — патриотизмом.

Сами по себе все эти цели, как общие, так и частные, прекрасны, и ничего нет дурного в том, если они все достигаются разом, если немецкий гимназист из курса истории вынесет и исторически выправленное мышление, и живое нравственное чувство, и немецкий имперский патриотизм. Цели частные, местные сами по себе не возбуждают опасений; тревожно то, что теперь считают нужным говорить о них. Из этого следует, что считают нужным усиленно добиваться их на счет общих, а не желают или не надеются добиться тех и других вместе. Напрашивается целый ряд печальных заключений: значит, или общеобразовательные гуманные задачи², прежде удававшиеся преподаванию, теперь ему стали не под силу, или они надоели, потеряли кредит и понадобилось заменить их более грубыми, или прежнее преподавание было бесцельно и шло куда глаза глядят, т. е. не шло никуда или шло, не зная куда, или у истории по самому существу предмета нет своей собственной научной цели, а могут быть только посторонние прикладные, т. е. накладные, — и таких печаль[ых] и л и можно надумать немало.

Не наука виновата, если с ней не знают, что делать, как обращаться. И выправка мышления, и развитие нравственного чувства, и политическое сознание, и чувство любви и долга к отечеству — очень хорошо, если все это является результатом изучения истории; но все это создает большие затруднения, как скоро ставится как задача ее изучения. Прежде всего возникает очень трудный вопрос: как этого достигнуть, какие для того нужны приемы. Для каждой специ[альной] цели нужны и особые приемы, своего рода специ[альный] метод. Это может показаться парадоксом; скажут, что методы изучения не подбираются по целям, а извлекаются из самого существа науки, из свойства и значения материала, подлежащего изучению. Да, методы изучения, ученого изучения не подбираются по целям изучения, а указываются природою наук, и так как у всех наук только по одной природе, то у каждой из них должно быть только по одному методу, соответствующему особенностям ее содержания. Но³, казалось бы, то же можно сказать и о целях научного изучения: ведь и они должны

¹ Над строкой: «людскость».

² Над строкой: цели.

³ Над строкой вопросительный знак.

ясно и непререкаемо указываться свойством и знач[ением] изучаемых предметов, а вот педагоги-преподаватели пререкаются о них. Это потому, что они — педагоги-преподаватели. Они ведут речь не о научных, а о педагогических целях и должны различать методы научного изучения и методы школьного преподавания; те и другие — не одно и то же, и последние даже сложнее первых, потому что должны соотнобразяться не только с изучаемым материалом, но и с обучаемым персоналом. Преподаватель обращается не к изучаемому предмету с целью познать его, а к воспринимающему мышлению с целью передать ему готовое познание, и передать не механически, как перекладываются вещи с места на место, а как свеча зажигается от другой, со всеми последствиями горения, светом и теплом. Преподавание — одно из средств воспитания, а в воспитании всего важнее знать, с кем дело имеешь и как его лучше сделать. Отечественную историю нельзя преподавать в высших классах гимназии так, как ее преподают в начальных сельских и городских училищах, и наоборот, хотя научная цель преподавания там и здесь одинакова — познание хода и склада жизни отечества. Многообразно преподавательской методики увеличивается еще оттого, что преподавание как воспитательное средство не останавливается на научной цели, а считает себя призванным готовить учащихся и к практическому употреблению приобретенных в школе научных познаний. Преподавание тем живее чувствует потребность вводить в учебные курсы такие прикладные выводы, что чисто научные цели достигаются им далеко не вполне. Желательно было бы, чтобы курс истории открыл пониманию учащихся законы и условия исторического процесса; но разумеющий свое дело учитель средней школы не поставит этого прямой и главной целью своего преподавания. Однако он понимает, что как бы искусно ни провел он перед глазами учеников цепь исторических явлений, изложенных в учебнике, какими бы детальными иллюстрациями ни пояснил их со своей стороны, изображаемые¹ им явления, не выходя из пределов учебного кругозора, останутся туманными картинками, движущимися по экрану; и не имея возможности вскрыть перед учащимися закулисную механику этого движения, без чего вся историческая панорама может показаться простой иллюстрированной сказкой, он, естественно, старается осмыслить ее каким-либо доступным ученическому пониманию прикладным выводом и ставит в конце своего рассказа известное *f a b u l a d o s e t*². Воспитатель найдет пищу юношескому сердцу и воображению и на тех высотах знания, которые недоступны для юношеского ума. Притом и эти не чисто научные, так называемые прикладные выводы вовсе уж не так бесплодны на деле для чистой науки, какими кажутся сами по себе³.

¹ Под строкой: рассказав.

² молва учит (лат.).

³ Далее оборот листа и 7 листов с оборотами оставлены чистыми.

Р[оссия] и Фр[анция] в 1892—[189]3 [гг.]: бывшая революционерка обнимает будущую.

Физический патриотизм — не любят родины, а тоскуют на чужбине¹.

Наша литература — печатная корреспонденция между писателем без должности и должностным писарем-канцеляристом и его дочерью-курсисткой.

Умному талант часто мешает быть умным², а дураку дает вид умного.

Сборный человек, умств[енная] и нрав[ственная] компиляция.

Иные умеют ничего не уметь.

+³ Не умея держаться в обществе⁴, пессимисты жалуются, что общество не умеет держаться или жить с ними. Человек — на свою тень.

+ Человек без воли и ума с одними инстинкт[ами] — у него нет рук, но 4 ноги.

С некоторыми людьми можно ужиться, только не зная их.

Сколько времени нужно людям, чтобы понять прожитое ими столетие? Три столетия. Когда человечество поймет смысл своей жизни? Через 3 тысячи лет после своей смерти.

Люди б[ольшой] частью пробавляются встречными знакомыми и встречными идеями, не имея ни друзей, ни своих убеждений.

+ Упрямство в молодости есть предчувствие⁵ характера, в зрелом возрасте — отчаяние в нем⁶.

Самолюбие чистое без примеси честолюбия — голый зуд личного интереса без всякого чувства чести.

Гипнотизм — явление скорее религиозное, чем научное, вроде де-монологии: он начинает существовать с той минуты, как начинают думать, что он существует. Это не гипотеза, объясняющая, что есть, а суеверие, допускающее, чего нет и не нужно.

+ Два рода праздных людей: одни делают что-нибудь от нечего делать, другие ничего не делают, не зная, что делать. Одни делом прикрывают безделье, другие бездельем спасаются от дела. Первые — спортсмены, вторые — мыслители, но бездельники и те и другие.

Глаза⁷ — зеркала души, а ее зеркаль[ные] окна: сквозь них она видит улицу, но и улица видит душу.

Им служат не умы, а только аппетиты.

Прежде чем требовать, чтобы другие были достойны нашей любви, надобно заслужить их любовь.

¹ Далее 17 строк до конца листа оставлены чистыми.

² Над строкой: делает дураком.

³ Здесь и далее значок + поставлен Ключевским.

⁴ Над строкой: жить с людьми.

⁵ Над строкой: искание.

⁶ Над строкой: найти его.

⁷ Над строкой: Лучшие.

К о н с п е к т

Прежде всего показать, какие пути общения активного и пассивного России с З[ападной] Европой проложены были Петром и после него; что Россия воспринимала с З[апада] и как в свою очередь действовала на течение з[ападно]европейской жизни. Активное — международное политическое, пассивное — культурное. Они противодействовали одно другому: первое ставило полит[ическую] жизнь Европы в зависимость от России, второе ставило Россию в зависимость от Европы. Это противоречие в тогдашнем положении России. Но противоречиями поддерживается движение, развитие. Двойкий выход в XVIII в.: попытки установить разборчивое отношение ко второму и сделать необходимым (для европ[ейского] равновесия) первое. Перипетии в отношении к зап[адному] влиянию с Петра I. Объем влияния до Ек[атерины] II. Расширение сферы влияния при ней (идеи, литература, искусства). Проблески скептицизма в отношении к З[ападу] и помыслы о национ[альной] самобытности (Фонвизин и Болтин). Революция переносит реакцию из области мысли в политику.

8 и ю л я, С.-П е т е р б у р г

Считают нелюдимом; на самом деле только застенчив и его лаской можно взять в руки. Реалист, наблюдателен и любознателен, и непривычка к отвлеченным вопросам — пробел воспитания скорее, чем недостаток мышления или предубеждения.

Политические вопросы д[олжны] быть в программе. Только от преподавателя и могут они быть усвоены и разъяснены. «Вы д[олжны] помнить, что вы проф[ессор] и преподаете, что н а х о д и т е н у ж н ы м. Делайте, что следует делать, а что из этого выйдет, за это вы не отвечаете». Наше дело сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-н[ибудь] гвард[ейский] штаб-ротмистр. Надобно рассеять мнения и предубеждения самоуверенного окружающего невежества: «конституция — нелепость¹, а республика — бестолочь». У России общие основы жизни с З[ападной] Евр[опой], но есть свои особенности. Что теперь несвоевременно, то еще нельзя назвать нелепостью; робкое предположение, что со временем мы примем европ[ейские] политические формы (и даже скоро), рано или поздно установим те же порядки, хотя и с некоторыми особенностями. Надобно и с т о р и ч е с к и показать происхождение и смысл этих форм и стремлений. Нечего есть, и потому народы требуют обдуманного распоряжения его деньгами. Против д о г м а т и з м а. Я за это: историческое изложение покажет, что новое начало не произвол мысли, а естественное требова-ние жизни.

¹ Над строкой: беспорядок.

Избегать ненужных подробностей, бьющих на нервы, но пользоваться склонностью к картинности и не делать огульных характеристик. В-т — безбожник и только! Это тот, кто провел веротерпимость не в избранный круг людей, а в понимание масс (я: сделал это потребностью общежития). Двигатели, руководители¹ д[олжны] быть характеризованы не одним анекдотом или эпитетом.

+ Предстоит, не подчеркивая, нечувствительно вовлечь мысль в непривычные исторические размышления — и пробудить интерес. Беседа, конспект для предварительного ознакомления с ней, чтение по точному указанию на 1½ часа в сутки, не требуя отчета и прямо поощряя сделанным успехом к дальнейшему, поддерживая веру в свои силы. Беседа — не монолог.

Запастись пособиями, картами и представить счет. Курс продолжить на другую зиму — от меня. Оглядку не с первого раза, а установив ход дела, чрез месяц например.

Конспект, крупно и разборчиво переписанный, в две печ[атных] страницы для каждой беседы. Не репетиция пройденного пути, а изучение вновь.

Министр: история должна же давать и м уроки, а этого о н и ни от кого не услышат, кроме профессора. Это ляжет в них на всю жизнь. Соррель. Прежде всего и м надо говорить правду. Тэн — разговор о нем с а м и м: всего не читал, но местами — больше всего понравился язык. Как изображены злоупотребления монархии! А как дошло дело до террора, и эти злоупотребления показались маловажными, сносными сравнительно с ужасами [17]93 г. Признание о самодержавии, сцепляющем агломерат народов; без него, уверен, отпадут и Финляндия, и Зап[адный] край, и Кавказ. О Виноградове и Грановском, Васильевском, о бестактности «М[осковских] вед[омостей]» по поводу Корфа* и путешествия ц[есареви]ча*.

Лица окружающие: гр[аф] Олс[уфьев] — самолюбие, капитан А. — корабельная архитектура — прекрасный молодой человек, врач Алышевский — надобно щадить его самолюбие (его система лечения холодным воздухом). Живут вместе, тесным кружком, как на необитаемом острове².

Учителя истории дают уроки истории, но не сама история: зачем ей это делать, когда на то есть у ней учителя?

История, г[ово]рят не учившиеся ист[ории], а только философств[овавшие] о ней и потому ею пренебрегающие — Гегель, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что сле-

¹ Над строкой: Робеспьер.

² Далее четыре строки оставлены чистыми.

пой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их п р о у ч и в а е т за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней. Она пока учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее¹, она пока только сечет своих непонятливых или ленивых учеников, как желудок наказывает жадных или неосторожных гастрономов, не сообщая им правил здорового питания, а только давая им чувствовать ошибки их в физиологии и увлечения их аппетита². История — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяния.

28 июня, 10-й час вечера по моск[овскому] времени, между Чебоксарами и Козмодемьянском

«А л е к с а н д р» бежит прямо на Запад, где горизонт догорает последним огнем вечерней зари. Над заревом повисли разорванными лоскутами темно-синие редкие облака. Речная даль впереди белеет тускнеющим стеклом, справа окаймленным чуть заметной линией низкого берега³, и слева поднимается лесистая изогнутая стена. Впереди светло и свежо, а позади парохода сырая и серая мгла сливается с шумом взбудораженной воды и туда убегает черная струя дыма, мед[ленно] выползая из паровой трубы. На крытой палубе полегли вповалку⁴ мужики и бабы, а по открытой носовой площадке бродят взад и вперед господа и госпожи 1-го и 2-го класса, парами и поодиночке, готовясь ко сну⁵ и договаривая друг другу последние слова или додумывая последние мысли. Колеса глухо мелят воду, а от носа парохода в обе стороны убегает, пенясь и извиваясь на водяной зыби с мягким⁶ рокотом, две недовольные чешуйчатые волны.

Кама, 27 июня

История

Можно знакомить гимназиста с порядками, учреждениями, среди которых ему придется действовать, с людьми, с которыми ему придется иметь дело по выходе из школы, объяснять ему, что значит, для чего назначены и как сложились эти порядки, учреждения, как воспитаны и к чему стремятся эти люди. Здесь нет ничего преждевременного: человеку, готовящемуся вступить в действи-

¹ *Над строкой:* доказ[ывает] т[о]л[ь]ко свою пользу.

² *Над строкой:* Слепые не видят цветов, но ощуща[ют] свет.

³ *Далее зачеркнуто:* позади парохода.

⁴ *Далее зачеркнуто:* разместились.

⁵ *Над строкой:* нагуливая сон.

⁶ *Над строкой:* мягко плещущ[им].

тельную жизнь, отчего заранее не показать обстановку предстоящего ему пути? Это только поможет ему тверже идти по нему. Но говорить гимназисту о понятиях, чувствах и впечатлениях, которые возникнут в нем только по выходе из гимназии, на самом пути действ[ительной] жизни, заранее внушать ему, как он п о с л е должен относиться к тому или другому, — это значит разучивать жизнь, как разучивают театральную пьесу, натаскивать гражданина до гражданского возраста, как натаскивают охотничью собаку до настоящей охоты, внушать школьнику идеи и ощущения, прежде чем он в состоянии перевести их в действия воли. Это просто значит делать из человека либо актера, либо автоматическую машинку, положить ему в рот фальшивые макароны и заставить их жевать, как настоящие, или еще хуже — положить настоящие и сказать: «Жуй, но держи пока во рту, а проглотить завтра, когда будет аппетит¹ (когда придет время обеда)». До каких педагогических и даже прямо безнравственных выводов можно дойти, идя последовательно таким путем мышления! В воспитании надобно различать общие с р е д с т в а, которыми запасаются в школе для удовлетворения всяких потребностей, могущих возникнуть на жизненном пути, и специальные п о т р е б н о с т и, ожидающие человека на этом пути. Дать эти средства — задача школы; пробудить эти потребности в школьниках значит заменить преподавание политической гимнастикой.

Есть мысли, не приближающие к истине, но расстраивающие общежитие, — это мысли о противоречиях бытия. Гораздо больше нужно ума, чтобы их избежать, чем чтобы до них додуматься. Потому чаще всего до них додумываются полоумные.

+ Большинство современных верующих имеют не веру, а только аппетит веры, как дурной остаток хорошей наследственной привычки; это влюбчивые в церковь религиозные старички, которые, утратив способность верить сердцем, смакуют воспоминание о вере воображением.

Какая мерка для оценки прошедших исторических состояний?

У маленьких людей всегда большие притязания, как у несчастных большие надежды, и наоборот. Потому маленькие и несчастные утешаются ожиданием того, чего не имеют, а большие и счастливые скачуют тем, что нечего желать. Этим поддерживается равновесие общежития: обе стороны не завидуют [друг] другу и мирятся с положением одна другой (первая сторона перестает завидовать второй, а вторая начинает жалеть о первой). Они так переполнены чувством собственного достоинства, что для самого достоинства не остается в них ни на дюйм места.

¹ *Над строкой:* проголодаешься.

П[етр] I готов был для предупреждения беспорядка расстроить всякий порядок.

Предки израсходовали всю пену власти, оставив потомкам только одни осадки¹.

Популяризатор совсем не то, что вульгаризатор: первый пускает идею или знание по вольному ветру, заражая людей, второй влачит ее по уличной грязи, забавляя мальчишек.

Большинство людей умирает спокойно потому, что так же мало понимают, что с ними делается в эту минуту, как мало понимали, что они делали до этой минуты.

История — факты и отношения, история литературы — мечты, идеалы, настроения. Источники для первой — вся письменность и всего менее художественная литература, для второй — всего более последняя и отчасти остальная письменность.

Многие живут только потому, что как-то ухитрились родиться и никак не умеют умереть. Жизнь их тем бесцельнее, чем нецелесообразнее было их рождение.

Ему ничего не дало в о с п и т а н и е и во всем отказала п р и р о д а; всего ждать может от с у д ь б ы.

К а м а, 23 и ю н я

Наше ораторское искусство действует на чувство, а не на волю, трогает, но не убеждает, выкрадывает или ловит чужую мысль, а не склоняет и не пленит ее. Вина в слушателях: они любят быть тронутыми, но неспособны быть убежденными; это поврежденные, а не мыслящие люди². Оратор к мысли слушателя прокрадывается, чтобы разбудить, как осторожная горничная к спящей нервной барыне — сперва осторожно погладит. Скажите громко прямо к разуму: «Сударыня, пора вставать!» Испугаете и вызовете истерический припадок.

Аксиомы не доказываются; их истинность доказательна своей неопровержимостью.

Сидячее движение современного европейца сообщает современной действительности призрачный характер³ электрического солнца среди темной ночи.

1899 г.

Перелом во властях со второй забастовки — ожесточение.

Не д е л я 15—21 ф е в р [а л я]

Понед[ельник], 15-е — начало забастовки*. Сцены у Соколовского и Виноградова. Правление увольняет 34 студента за сход-

¹ Далее две строки оставлены чистыми.

² Далее: Ср. Снэс С. Бева V, 199.

³ Над строкой: свет.

ку¹, 17-го — Ласточкина и Яковлева за выходы и еще 58 за агитацию. 18-го — еще увольнение 70-ти с чем-то (всего, кажется, 165). Семинарий у меня не состоялся. 18-го студенты просили за Яковлева*. 21-го — частное совещание² профессоров с ректором. Эпизоды. Полномочие профессорам от ректора объявлять студентам о предстоящем пересмотре приговоров правления.

М а с л я н [и ц а], 22—28 ф е в р а л я

24-го — обед у Герье для юбилейных ораторов со Стасюлеви-чем³. Предостережение «Вестнику Европы»*. Он за Николая I. Ссора Чич[ерина] с Ф. Коршем у Станк[евича] в тот же вечер. 28-го — у Черинова с Чичер[иным] об искусстве, сектах (у Трубецкого 26-го о разговоре его с Боголеповым⁴).

1-я н е д е л я п о с т а, 1—7 м а р т а

2 марта депутаты Исп[олнительного] комитета у меня с петицией*. 3-го — два объявления о возвращении высланных. Разрешенные ректором генеральн[ые] сходки* по факультетам (3-го и 4-го). На генеральной в актовом зале — 700 забастовать, 300 против. На филологической около 30 не прекращавших посещение лекций удалены со сходки и просили инспекцию защитить и поддержать их. Семинария 4-го опять не было: студенты усиланы помощником инсп[екто]ра на сходку для усиления партии мирных. Просьба ко мне забастовщиков п о в т о р и т ь п р о п у щ е н н ы е л е к ц и и (6-го).

2-я н е д е л я п о с т а, 8—14 м а р т а

Возобновление лекций, нормально посещаемых⁵. Повторительное чтение (11 м[арта] от 2 до 4 [часов]). Бюллетень 11 м[арта] о формах дальнейшего протеста, решенного 1035 голосами при 481 еще не поданных (продолжать ли забастовку или петицию Ванновскому*). 13-го р е ш е н а⁶ забастовка.

3-я н е д е л я п о с т а, 15—21 м а р т а

Возобновление забастовки по постановлению большинства. 15-го Герье уговаривает вместо лекции. Ему: лично против забастовки, но подчиняются большинству (значит, оно из противников его, + из минусов)⁷. С 17-го прекращение занятий с увольнением

¹ Далее зачеркнуто: 16.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ На полях: 22-го полиция у Никольского?

⁴ Подчеркнуто синим карандашом.

⁵ Далее зачеркнуто: Просьба ко мне от забастовщиков (10-го) повторить пропущенные [лекции].

⁶ Подчеркнуто красным карандашом.

⁷ На полях фраза очерчена красным карандашом.

всех студентов до 22-го*. Насильственное прекращение лекции Соколовского 16-го. Болезнь ректора Зернова*. Поводы вторичной забастовки: неисполнение обещания сходов ректором и требование педелиной инструкции. 17-го прекращение занятий в у[ниверсите]те. 19-го у Беклемишевой Нарышкин о возобновлении занятий по решению большинства на сходке 1 марта в Петерб[ургском] у[ниверсите]те. В Харькове занятия возобновились после вторичного приема всех студентов, объявленных уволившимися. 17-го Угримова — о взятии Кудевского у[ниверсите]та Драгомировым: «У[ниверсите]т занят; жду неприятеля». Там со стороны студентов были буйства в аудиториях и лабораториях. У нас 15-го и 16-го студентские педели только наблюдали и записывали посещающих лекции. Впрочем, Тихомирова или Зографа пытались на лекции заставить уйти (при 4 слушателях) до[ольно] грубо. 19-го первый разговор с Яков[левым] (растерянное стадо; картина сходки на универс[итетском] дворе). Мысль о вмешательстве. Временное закрытие Петерб[ургского] у[ниверсите]та 19 марта. «Моск[овские] вед[омости]» 20 марта*. 21-го, второй разговор с Яков[левым] (сцены при высылках). Невозможность обращения вследствие новых распоряжений у[ниверсите]та и полиции.

В ы с ы л к и

4-я нед[еля] поста, 22—28 м[арта]

Разговоры с Ист[оминим] 22-го и 23-го: прекращение высылки невозможно; много слов; теперь общие меры; участь высланных облегчена будет при благополучном окончании дела. (21-го же рассказы Яков[лева]*: добродушие полиции, жандарм[ский] офицер дает взаймы высылаемому; арест плем[яника] ректора; сцена на вокзале утром 22-го и шапки долой; плачущая ректорша; сцены на Бронной при высылках и прислуга: «За что же и х? Побили, что ль, кого?» До науки ли? Провокаторы с «Рим[ским] правом» Богол[епова]* и шпионы с фотогр[афическими] приборами)¹. 24-го похороны Троицкого. 25-го экстренное заседание ф[акультета]: не возобновлять лекции ввиду 3-й забастовки. 26-го очередное заседание: нападение на Брандта за переданный им выговор попечителя ф[акультета] по поводу его назначения и [сполняющим] д[олжность] декана. Вечер у Дек.: толки о действиях педелей. Толки о экзам[енации] н[о]й забастовке*². Бойкотир[ование] Соколов[ско]го на улице: шарлатан, спортсмен!

¹ Скобки поставлены синим карандашом, на полях текст очерчен красным карандашом.

² Подчеркнуто красным карандашом.

5-я нед[еля поста], 29 м[арта] — 4 апр[еля]

Предположенное по слухам битье Тих[омиро]ва не состоялось. 31-го б[ыл] Як[овлев] и хотел уехать домой. 1 апреля начало экзаменов на юрид[ическом] ф[акультете] и в комиссии. Первые вызванные отказались; третий отвечал; сто прошений взято назад. Ц и т о в и ч о б е щ а е т л ь г о т ы¹, каких не ожидают. Покорное отношение попечителя к Трепову. 3 апр[еля] вечером митроп[олит] и Ус. Организация студ[енче]ства у Исп[олнительного] комитета: выбор членов с кандидатами по запискам, докладчики, десятники. Смена состава при подозрении полиции. Заседание к[омите]та в бассейне Санд[уновских] бань. Слова гр[афа] Толст[ого] студентам о порченной пище в трактире и Тим[ирязе]ва о трактире угарном. Снегир[ев] и его сын, высланный в деревню.

[1890-е годы]

29 дек[абря]

У нас всегда были и теперь есть много ученых и мыслящих дельцов, прекрасно знающих² каждый среду, в которой он действует, умеющих следить за движением житейской волны, которая несет его. Но у нас недостает приборов, приемов и привычек, чтобы подводить общие итоги жизни, и потому нет умения собирать и сводить дробные, микроскопические наблюдения в общее представление о положении дел, в цельную картину переживаемой минуты. Короче, у нас очень неудовлетворительно устройство народного с а м о н а б л ю д е н и я. Космогонический богатырь былин, который с трудом поднимает свои тяжелые ресницы и еще не видит своих ног, потому что по пояс в землю врос. Эта отсталость наблюдений от действительности, недостаточное понимание своей собственной деятельности, словом, недостаток народного самосознания — вот точка³ зрения, которая служит исх[одным] пункт[ом] русск[ого] пессим[истического] мирозозерц[ания], почва, на которой растет русский пессимизм. Как скоро на эту почву попадет нетерпеливая, излишне возбужденная туземная мысль⁴, вырастают представления, которые становятся питательным содержанием⁵ пессимизма. Это представления о том, что русская мысль и русская действительность далеко разошлись друг с другом и идут каждая своей дорогой, что первая, не понимая потребностей второй, не в состоянии направлять ее, а вторая, предоставленная своим стихийным влечениям, может привести к роковым результатам или по крайней мере к неожиданным кризисам и что не предвидится средств восстановить дружное взаимодействие той и другой.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² Над строкой: из конх.

³ Над зачеркнутым: та.

⁴ Далее зачеркнуто: из нее.

⁵ Над строкой: материалом.

В ряду мер для упорядочения университетской, собственно студенческой жизни не последнее место занимает устройство материального вспомоществования недостаточным студентам. В заявлениях студентов встречаем горькие жалобы на неравномерное и несправедливое распределение стипендий и пособий, на то, что степень недостаточности при этом распределении отходит на задний план, что стипендия в руках инспекции превращается в награду за благонадежность, зачетную исправность и т. п. Здесь важна не фактическая точность, а самая возможность подобных жалоб и подозрений. Желательно, чтобы не существовало никаких к тому поводов. Насколько важен для студентов вопрос о целесообразном устройстве материального вспомоществования недостаточным товарищам, об этом можно судить по тому, что Союзный совет землячеств, первоначально поставивший себе главной целью оказывать материальную поддержку своим членам, именно по вопросу о злоупотреблении разными видами благотворительности со стороны инспекции едва ли не впервые столкнулся с университетскими порядками, проявил свое оппозиционное направление.

Московский университет с примыкающими к нему благотворительными учреждениями располагает весьма обильными средствами вспомоществования недостаточным студентам. Это можно видеть по нижеследующим двум таблицам, из коих первая представляет распределение этих вспомогательных средств по размерам, факультетам и курсам, а вторая — по источникам, из которых эти средства почерпаются. В обеих таблицах сведены данные, относящиеся к 1899/1900 академическому, последнему вполне законченному отчетному году. Эти данные извлечены из записной инспекторской книжки, из дел Правления университета и канцелярии инспектора, из дел Комитета Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета и из дел Комитета Общежития имени императора Николая II¹.

Материальная помощь студентам в 1899/1900 академическом году выразилась:

1. В выдаче стипендий на сумму приблизительно	150 069 руб. 65 коп.
2. В освобождении от платы за слушание лекций (считая годовую плату в среднем равную 90 руб.) на сумму	125 550 руб.
3. В выдаче пособий из казенных и благотворительных сумм университета на сумму	41 695 руб. 39 коп.
<hr/>	
Итого от университета . . .	317 315 руб. 04 коп.

¹ Далее текст написан почерком неизвестного лица, причем страница пронумерована 4, тогда как предыдущая — 2.

4. В выдаче пособий от Комитета Общества вспомоществования недостаточным студентам на сумму . . .	36 309 руб. 21 коп.
5. В выдаче бесплатных обедов на сумму . . .	22 570 руб. 34 коп.

Итого от Комитета 58 879 руб. 55 коп.

6. В пособиях случайного характера на сумму . . .	19 260 руб. 03 коп.
7. В даровом содержании 42 студентов в Лепешкинском общежитии (считая в среднем 9-месячное содержание в 308 руб. 43 коп.) на сумму	12 954 руб. 06 коп.
8. В даровом содержании 6 студентов в общежитии Николаевском на сумму	1 800 руб.
9. В скидках с платы за содержание в Николаевском общежитии с остальных студентов	6 880 руб.
10. В уплате комиссиями и отделениями Комитета Николаевского общежития за содержание в этом общежитии 10 студентов в весеннем полугодии	1 400 руб.
11. В выдаче пособий деньгами, платьем и обувью студентам Николаевского общежития	582 руб.

Итого от Николаевского общежития . . . 10 662 руб.

Всего оказано помощи на сумму 419 070 руб. 68 коп.¹

В этот общий итог не вошли суммы, не поддающиеся учету, например, стоимость содержания студентов, живущих в Ляпинском общежитии, так что этот итог можно признать минимальным. Несмотря на столь обильные средства вспоможения, в 1899/1900 академическом году 69 студентов были уволены из университета за невзнос платы.

1901 г.

З а с е д [а н и е] к о м [и с с и и] 2 м а р т а *

Одесса, 23 фев[аля], сходка, председатель Нейман. 11 студентов против беспорядков.

Духовской — спросить заключения всех профессоров о причинах волнений.

Предложение Алексева — как судить.

Предложение Снегирева — ознакомиться с данными Мин[истерства] вн[утренних] дел.

Председатель — Зернов.

Студенты требуют совещаний с комиссией по курсам с тремя требованиями.

Предполагаемая сходка у Пушкина от Комитета обществ[ен-

¹ Далее текст написан В. О. Ключевским.

ного] протеста со студенч[ескими] требованиями и рабочих союзов (допущения).

Шлеман в Межев[ом] инст[итуте] 1 марта. Межевики требуют Устава [18]63 г.¹ (гонорар в руки профессорам).

З а с е д а н и е 3 м а р т а

Студенты желают знать текущие дела Правления, судьбу арестованных. Собирают подписи желающих посещать лекции, в ожидании перемен универс[итетских] порядков.

Предложение просить о выпуске арестованных из тюрьмы, заменив помещением более сносным или по домам — для осведомления студентов.

Виноградов — выяснить задачи комиссии: 1) выяснение причин волнений; 2) сношения со студентами, сообщения им и заявления от них. Профессора г[оворят] со студентами отдельно от комиссии. Как отвечать на запросы студентов, когда решения по этому делу еще нет и мнение ее не высказано? Скажу, узнав от Кам[аровского?]. Обращение Комиссии к профессорам о сообщении своих переговоров со студентами.

На вопросы о других универс[итетах] отвечать: «Не знаю». Заседания на следующей неделе в среду и субботу (7 и 10² марта 8 час[ов] веч[ера]).

Подкомиссия разбора документов — Царский, Камаровский, Снегирев и я.

Цирк[уляр] Мин[истерства] н[ародного] пр[освещения] 21 июня [18]99 г.* Циркуляр комиссии 9 марта [1]901 [г.]: собеседования студентов с их преподавателями в часы лекций по вопросам, касающимся универс[итетской] жизни, считать дозволенными. Просить осведомить об этом комиссию.

Сообщая об этом профессорам и приват-доц[ентам], заменяющим штатных профессоров, имею честь указать, что ими могут производиться вышеупом[янутые] собеседования с их слушателями в часы лекций с тем, однако, чтобы собеседования эти не мешали правильн[ому] ходу преподавания. При этом имею честь просить професс[оров] и преподав[ателей] самих своевременно объявлять студентам об окончании каждого собеседования.

З а с е д а н и е 17 м а р т а

Слова ректора о роли комиссии.

Попечитель 17 марта Зернову. Сообщить профессорам чрез членов комиссии, чтобы они на собеседованиях не ставили на решение студентов вопроса о забастовке. Если профессора будут ставить такие вопросы и будут причинать от ст[удентов] противоза-

¹ Над зачеркнутым: мера.

² Позже исправлено на 9.

конные требования, то это будет полным крахом того дела успешности студентов, которое имели в виду эти собеседования.

Голосование о посещавших у Умова.

2-й курс.

Марта 14 беседа Новгородцева. Сторонних возбуждений нет. Занятия не возобновят 73 против 60 по причине пострадавших.

Донос 5-ти инспекций. Доверие профессорам. Ректор вызывал Новгородцева для замечания.

Бумага попечителя от Шварца о прокламациях.

Вывесить список пострадавших.

Заявления студентов комиссии.

[А.] Б. Фохт — заявление от себя.

Павлов — 3-й курс естественного факультета. Голосование по всем правилам.

Умов — 1-й курс математиков и естественников, против забастовки из 200 [голосовало] 185.

Андреев — 1-й курс математиков. Трое не могут поговорить без участия инспекции. Запрос о гарантии комиссии. Отказались сами от голосования по забастовке. Вопрос об студенческом деле, организации поднят профессором. «Когда комиссия кончит дело?» — спрашивали студенты. Обещали осведомлять студентов о решениях комиссии.

Шесть юристов о порядках.

1-й курс.

Мануилов* — 160 студентов желают возобновлять занятия¹.

После Соколовского. 12—13 марта в тюрьме 22 студента — Духовской.

У Герье спросить конфиденциальный доклад* № 22.

Виноградов — выработать весь доклад к лету.

К В. И. Герье 25 марта 2 часа².

Со студентами постом 1901 [г.]

Разрозненность. Против инсинуаций. Средство заявления нужд³. Инспекторские стеснения. Недостаток близости профессорам. Против обвинения в политической агитации.

Временные правила*.

[1.] Недостаток нравственного возбуждения со стороны и поддержки.

2. Кабанов. Способ рассеяния ложных слухов общения студентов.

¹ Далее зачеркнуто: После Новгородцева, с которым не решили ничего.

² Далее три четверти листа оставлены чистыми.

³ Далее зачеркнуто: Полицейские).

3. Средство: курсовая о р г а н и з а ц и я с кассой (взаимная близость). По группам (по научным интересам). Ненужность инспекций. Читальня — совещат[ельная] комната.

4. Университ[етские] формальности. Вольное¹ посещение лекций. Совпадение обязат[ельных] часов с необязат[ельными].

5.² Незнакомство студ[ентов] друг с другом.

6.³

¹ *Далее зачеркнуто:* [Воль]ная запись.

² *Далее зачеркнуто:* Шестая часть лекций для незачета.

³ *Далее зачеркнуто:* О плате.

Дневник 1901—1910 гг.

1901 г.

О к т я б р ь

Разрешение курсовых совещаний.

21 [о к т я б р я]

Адрес факультета (мне?).

25 [о к т я б р я]

Адрес студентов в Б. Словесной.

27 [о к т я б р я]

Совещание студентов четырех курс[ов] ист[орико]-ф[илологического] ф[акультета] под председательством П. Г. Вин[ограда]ва.

28 [о к т я б р я]

Совет и избрание комиссии 12-ти * для устройства курсовых совещаний.

29 и 30 [о к т я б р я]

Заседание комиссии. 30-го — общая сходка в актовом зале с ведома ректора (до 300 чел[овек]).

31 [о к т я б р я]

Выборы делегатов на 2-м курсе ист[орико]-ф[илологического] ф[акультета].

Н о я б р ь 3

Мин[истр] Ванновский у меня на лекции. Вечером заседание комиссии и Правления с министром и попечителем. Совещание комиссии и ее решение прекратить свою деят[ельно]сть.

4 [н о я б р я]

Совещание комиссии с делегатами. После него объявление председателя о намерении выйти из у[ниверситета] при таком попечителе.

5 [н о я б р я]

Хождение депутации (Рот, Умов, Тарасов и я) по этому делу. Доклад комиссии Совету и сложение полномочий.

7 [н о я б р я]

Совещание бывшей комиссии у кн[язя] Тр[убецкого]* — собираться по временам для взаимного ознакомления с ходом дел. Утром председательство вм[есте] с кн[язем] Трубецким на собрании 1-го и 2-го курсов для выслушивания от делегатов отчета о хождении к министру. Рукопожатие попечителя.

8 [н о я б р я]

Председательство с кн[язем] Тр[убецким] на собрании четырех курсов ист[орико]-ф[илологического] ф[акультета] для обсуждения открытого их письма к Вин[оградо]ву с выражением благодарности за участие в студ[енческих] делах.

9 [н о я б р я]

Экстренный Совет для обсуждения министерского проекта правил студ[енческих] учреждений*. Ход прений записан.

13 [н о я б р я]

Совет для избрания комиссии 4-х по делу министерского проекта.

17 [н о я б р я]

Доклад этой комиссии Совету.

20 [н о я б р я]

Собрание бывшей комиссии 28 окт[ября] для обсуждения возражений попечителя на ее доклад и против его печатания. Адресы Вин[оградо]ву с разных ф[акультетов] (более 1500 подписей). Обсуждение проекта заключения комиссии (составл[ен] Вин[оградовым]) по этому делу. Толки о возобновлении комиссии 28 окт[ября] и условиях этого.

Д е к а б р ь

Редакционная комиссия для оправдания отказа Совета образовать министерскую комиссию 13 сентября (я, Бобров, Хвостов и Мануилов).

Совещание у Ман[уилова] о письме П. Г. Виноградову от бывшей комиссии 12-ти.

16 [д е к а б р я]

Юбилей Н. И. Стороженко и хождение к Вин[оградо]ву с Герье.

19 [д е к а б р я]

Совещание у Шип[ова] (Нарышк[ин], Хомяков, Писар[ев], Стахов[ич]).

(План к 8 янв[аря].)

Вин[оградо]ву от факультета для удержания его от отставки*.

20—21 [д е к а б р я]

Письмо ему от комиссии и его прощальный визит ко мне: «Надеюсь, воротитесь к нам, прежде чем нас уберут с поля сражения». Отъезд и сцены на вокзале: «До свидания, возвращайтесь!» — «Не надо, не надо»; рыдающий на груди Г[ерье?].

22 [д е к а б р я]

Ужин у Тест[ова] (18 человек). Речи Давыд[ова], Андреева etc.

23 [д е к а б р я]

Адресы.

27 [д е к а б р я]

У Е. А. Богол[епо]вой; ее рассказ, как умерал Н[иколай] П[авлович]*.

29 [д е к а б р я]

Обед у Дав[ыдова] с Кони. Гр[аф] Пален и седлецкие униаты (в 1876 и 1888 гг.). О невозможности конституции по разноплеменности населения России. Я о Пугачеве наизнанку. Попытка определить момент: пра[витель]ство и общество перестали понимать и себя и друг друга*. Письмо Вильгельма*, показанное А[лександр]ом II Лорис-Меликову, и разговор последнего с Вильгельмом в Берлине после 1 марта¹.

Выписать:

Переселенч[еское] движение — «Моск[овские] вед[омости]», 1901, № 317.

Продовольств[енное] дело — ib., 17 ноября.

1902 г.

Ф е в р а л ь 28, 1-я неделя поста.

Комиссия моя (26 янв[аря]) кончила доклад. Вопрос о депутации в Петербург. Я против.

¹ Далее более половины листа оставлена чистой.

М а р т 1—2

Курсовые совещания о забастовке, разрешенные ректором, даже не спросившим, о чем будет речь. Беспорядочный их ход. У меня в субботу было около 10 слушателей.

5 [м а р т а]

Совет. Доклад комиссии оспаривали Тарасов и Самоквасов; указывал на его противоречие мнению Совета на вопросы министра Духовской. Защищали Мануилов и Хвостов. Особое мнение Тимирязева* и поход мой к нему с Вернадским*. Безуспешно. Чтение донесений и прокламаций о событиях в других у[ниверситета]х. Прокламация негодующего на студентов офицера из Харькова. Слухи о беспорядках на Даниловской мануфактуре с казаками и солдатами. Продолжение курсовых совещаний.

А п р е л ь

Крестьянский бунт в Полтавской и Харьковской губерниях (конец марта и нач[ало] апреля). Правит[ельственное] сообщение в «Моск[овских] в[едомостях]» № 117: Бельгард, полтавский губ[ернато]р, уволен, кн[язь] Оболенский, харьковский, получил Владимира 2-й степ[ени] «за примерную распорядительность» (суворовский налет). Два студента-подстрекателя, которых по усмирении кр[естья]не хотели утопить, казаки отбили. Сахарный песок по дороге, подобранный казаками к чаю. Хохлацкая пугачевщина.

29 [а п р е л я]

Представление профессорской корпорации Зенгеру*. Ораторская поза; речь произвела неопределенное и скорее неблагоприятное впечатление: нет программы.

М а й

Перемена в отношении к рабочим: полиция или охрана против них вместе с фабрикантами. Причину перемены приписывают Плеве, имевшему будто бы крупный разговор с моск[овским] ген[ерал]-губернатором*. На Прохоровской фабрике новый набор рабочих с удалением принадлежащих к союзу. Записка Львова: критика фразистая без плана улучшения. Харьковские и полтавские беспорядки приводят в связь с новой системой засыпки продовольственных магазинов, предписанной Сипягиным*, — по душам наличным, а не по надельным душевым участкам. Лопухин — директор Департамента госуд[арственной] полиции.

18 [и ю н я?]

Договор англичан с бурами. Очерк войны, начатой осенью 1899 г., в «Моск[овских] в[едомостях]» 1902 г.*

Н о я б р ь 29

А. С. Суворин. Вечер. Приезжал ставить в Худ[ожественном] театре свой «В о п р о с». Успех его «Д и м и т р и я С а м о - а в а н ц а и К с е в и и» в Петербурге*. Доходная статья — его театр. Рассказы: вялость, скука в петерб[ургском] обществе, сплетни. Лейб-м[едик] Отто и выкидыш. Филипп и его поворот природы. Сцена: она, он и мать, ходя по комнате. Художник Кравченко с маньчжурскими видами после обеда до 10—11 часов. Его рассказ о неприязни французов к русским в Китае и дружбе русских и немцев. С а м неприятно удивлен. Придворные жали руку. Разговор о курсе*, — надо издать. Толки о конституции. Я: когда кучер в потемках теряет дорогу, он опускает вожжи и предоставляет лошадям искать путь. Давыдов Н. В. и письмо члена Гос[ударственного] совета кн[язя] Оболенского об издании для немногих при Дворе будто абастуманского курса* (был 27 н[оя]бря).

30 [н о я б р я]

Вечер у Богосл[овского] М. М. Рассказ Дена о рабочих и Афанасеве и толки о естественном праве Новг[ородце]ва.

Д е к [а б р ь] 1

Письмо к Пл[еве] о Милюкове* от 30 н[оя]бря: «Недавно я узнал об аресте П[авла] Н[иколаевича] М[илюкова]. Не знаю его вины и не могу его оправдывать. Но он мой ученик по ун[иверситет]у и товарищ по О[бществу] и [стории] и др[евностей] р[оссийских], а его жена моя ученица по В[ысшим] ж[енским] к[урсам] и дочь моего покойного товарища по академической службе. Возможное облегчение участи арестованного приму за великое себе одолжение, как благодеяние для его семьи, которая живет его ученолит[ературным] трудом. Простите за беспокойство, если моя просьба неисполнима».

11 мая указ о вознаграждении землевладельцев, пострадавших от аграрных беспорядков в Харьк[овской] и Полт[авской] губ[ерниях], за счет кр[естьянских] обществ¹.

1903 г.

Ф е в р а л ь

1-я нед[еля] в[еликого] поста — понедельник,
17 [ф е в р а л я]

У полицеймейстера об Ольге. Издания древнерусских памятников по рецензии Гётца — «Literaturzeitung». Выписки и отметки из газет к П о с о б и ю*.

¹ Далее четверть листа оставлена чистой.

18 [ф е в р а л я]

Гизо — продолжение VIII лекции*. «В ожидании реформ» — «С[анкт]-П[етербургские] в[едомости]», № 45. О Николае фельетон — «М[осковские] в[едомости]», № 48. Абрамовича диспут о Патерике Печер[ском]* — «С[анкт]-П[етербургские] в[едомости]», № 45. С. С. И. Смирновым о житиях.

§ 1¹.

19 [ф е в р а л я]

Гельмгольца — «Отношение естествознания к системе наук»*.

Л о г и ч е с к а я индукция — в изучении природы; ее основа — всеобщность явления, однообразное его повторение. П с и х о л о г и ч е с к а я индукция — в изучении единичного духа; ее основа — психологическая вероятность, рассчитываемая по господствующим побуждениям. И с т о р и ч е с к а я индукция — в изучении общественных явлений; ее основа — внушаемая природой нужда друг в друге (отсюда пример или подражание и народные привычки, выработанный по указаниям окружающей природы образ действий людей в общежитии). Метод — народно-психологическое чутье.

20—22 [ф е в р а л я]

Кружок берендеев и берендеек; декадентские подарки и открытые письма друг другу; гаремные заседания на коврах. Гельмгольца; исправление статьи о популяризации* (21-го). Разговор о беллетристике на именинах у Л. Лоп[агина] (18-го). Ответ помощнику с[анкт]-пет[ербургского] попечителя о юбилейном издании (20-го). С. С. Слуцкий † (22-го). Гр[аф] Л. Толстой — рассказ Дав[ыдова] о его слабости и как он попался впросак с крон-принцессой саксонской*. Гельмгольца — сохранение энергии*.

23—24 [ф е в р а л я]

Визит Гольцова. У В. А. Морозовой с Н. В. Д[ав]ыд[овым] (В. М. Соб[олевский] и В. И. Сиз[ов]). Похороны Слуцкого (24-го) и у А. Д. Кот.; с Барс[ковым?] распределение житий.

25 [ф е в р а л я]

С Белавенцем. Газеты и «Пролегомена к Ибн-Фадлану»*. О театре Ярцева — отложить «М[осковские] в[едомости]», № 53. Рахманов.

2². Что такое историческая закономерность? Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других наук, из других порядков идей. Зако-

¹ § 1 и далее цифры 2—10 написаны В. О. Ключевским красным карандашом.
² Написано красным карандашом.

ны возможны только в науках физических, естественных. Основа их причинность, категории необходимости. Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и этак, и по третьему, т. е. случайно. Для историка это безразлично. Для него важно не то, от чего что произошло, а что в чем вскрылось, какие свойства проявили личность и общество при известных условиях, в той или иной комбинации элементов общежития, хотя бы данное сочетание этих условий и элементов было необъяснимо в своем происхождении, т. е. казалось совершенно случайным. Историк должен отказаться от объяснения причин самих в себе: они ему понятны только как следствия предшествующих состояний, а следствия — только новые проявления сил и свойств личности и общества при новых условиях, в новых сочетаниях элементов общежития. Если историк хочет говорить своим языком, соответствующим природе изучаемого им предмета, он может говорить не о причинах и следствиях, категориях, взятых из области логического мышления. Сводя исторические явления к причинам и следствиям, придаем исторической жизни вид отчетливого, разумно-сознательного, планомерного процесса, забывая, что в ней участвуют две силы, которым чужды эти логические определения, общество и внешняя природа. Имея в виду, что история — процесс не логический, а народно-психологический и что в нем основной предмет научного изучения — проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием, подойдем ближе к существу предмета, если сведем исторические явления к двум перемежающимся состояниям — **н а с т р о е н и ю** и **д в и ж е н и ю**, из коих одно постоянно вызывается другим или переходит в другое. Из каких элементов складывается и в каких явлениях обнаруживается то и другое состояние? Эта постоянная взаимная смена обоих состояний делает исторический процесс похожим на движение щепки, брошенной в волнообразно текущий поток: разве здесь есть место для причинной связи и можно ли признать причиной движения щепки ту волну, на хребте которой мы ее видим в данное мгновение и которая сейчас же исчезнет, сменяясь другою, сейчас же возникшей? В прагматическом, т. е. логическом, построении истории необходим посредствующий момент, связующий причины со следствиями. Таким моментом признается исторический факт, событие, как произведение причин и вместе производитель следствий. Но, разбирая составные элементы исторического процесса, мы не найдем такого посредника. Исторический факт не идет в составе самого процесса, а выделяется из него, как проявление — и притом случайное проявление — действия сил, работающих в процессе, подобно дыму, выделяющемуся из горения. Факт имеет свой источник в процессе, но сам не становится источником следствий, после него обнаруживающихся; эти следствия вытекают из самого процесса и вытекли бы из него, если бы он обнаружился не в этом

факте, а в какой-либо иной форме, в другом сочетании явлений. Крестовые походы вышли из религиозного настроения средневековой католической Европы, направленного против ислама и обостренного четырехвековой борьбой с ним. Но при другом состоянии Византии они могли бы и не состояться или скоро прекратиться, а явления, после них обнаруживающиеся и признаваемые их следствиями, заняли бы свое место в истории Западной Европы, потому что они вышли из мирного ее сближения с арабской культурой, ставшего возможным не вследствие крестовой борьбы, а благодаря прекращению завоевательного движения в самом арабском мире (разумеются культурные следствия: усиление сношений с Востоком, дипломатических и торговых, расширение знаний и понятий, заимствование искусств и житейских удобств). § 3.

26 ф е в р [а л я]

Гельмгольца та же лекция. Газеты и отметки к Пособию. Окончание заметки вышеприведенной. Доклад Витте о поездке на Дальний Восток*.

31. «Эта закономерность (явления природы²) возбуждает главным образом тот интерес, который приковывает естествоиспытателя к его предмету. Это интерес, отличный от того, который возбуждается психологическими науками. (В духовной жизни совокупность взаимно переплетающихся влияний так сложна, что лишь весьма редко оказывается возможным определенно и ясно указать на их законы³.) К последним нас привлекает человек, изучаемый в различных направлениях его деятельности. Всякий подвиг, о котором повествует нам история, всякая сильная страсть, которую изображает нам искусство, всякое описание обычаев, государств[енного] устройства, культуры отдаленных от нас или древних народов захватывает и интересуется нас, даже если мы знакомимся с ними и без научной последовательности. Мы во всяком случае находим в них связь и аналогию с нашими собственными представлениями и чувствами; мы научаемся распознавать те сокровенные способности и движения нашей собственной души, которые не проявляются при обыкновенном спокойном ходе жизни цивилизованного народа. Естественные науки не представляют интереса подобного рода» — «О сохранении силы» в «П о п у л я р н [ы х] р е ч а х Гельмгольца», ч. 1, стр. 36.

27 ф е в р [а л я]

С В. А. Латышевым о Петре В[еликом]. Отметки из газет. У Дав[ыдова?] читал Венк[стерн] своего «Т е з е я»*. Говорили

¹ Написано красным карандашом.

² Текст в скобках — пояснение В. О. Ключевского.

³ Текст в скобках составлен В. О. Ключевским со стр. 35—36 статьи Г. Гельмгольца «О сохранении силы».

о манифесте 26 фев[аля]* — не одобряли за неожиданность и неясность. Я — предупреждение о пересмотре земского положения в смысле децентрализации. Пересмотр статьи о Петре В[еликом] и сотрудиниках*.

28 [ф е в р а л я]

Училище. В Синодал[ьной] типографии отдал сентябрьские листки*. Заметка к Уложению на особом листке. Второе письмо от Латышева. Вчерашний разговор с Ел. А. Б[ородиной?]* о разбитии окон в гимназии, о порче электропровода сыном попечителя, о его ответе на доклад эконома «Я в это не вмешиваюсь, сообщите матери», (об инквизиторском посещении уроков окружным инсп[ектором] Держ[авиным]; гимназисты: «Ревизия!»

1 м а р т а

В банках. Хвалебные статьи в газетах о манифесте. Что ответить Латышеву? От Рождественского «История Мин[истерства] нар[одного] просвещения»*.

8 м а р т а

Выехал в Алупку.

10 и 11 [м а р т а]

Хождение по Севастополю.

12 [м а р т а]

В Алупку.

13¹ [м а р т а]

Письма домой, М. А и Н[адежде] М[ихайловне]*.

22 [м а р т а]

Письмо от Головачева.

23 [м а р т а]

Письма из дома и от В. А. Латышева.

24 [м а р т а]

Письмо домой (помета 23 м[а]рта).

18—19 а в г [у с т а]

Вите — председатель Комитета министров*. Мин[истр] финансов — Плеске².

¹ В рукописи ошибочно: 12.

² Далее восьмая часть листа оставлена чистой.

А п р е л ь 11

Письма Борису и декану об испыт[ательной] комиссии. К Смирнову С. И.

15—17 [а п р е л я]

Исправление лекции о следствиях очер[едного] порядка и условий, ему противодей[ствовавших].

21 [а п р е л я]

Баладури и Табари о славянах* в Хазарии в полов[ине] VIII в. Фотий о Руси при Аскольде. Дополн[ение] об основании В[еликого] княжества киевского. Походы Руси на В[изантию?]. Справка о погостах: Сол[овьев], I, пр[имечание] 212.

22 [а п р е л я] и с л.

Переписка лекции о деятельности первых киевских князей и исправление для переписи лекций о происхождении Р[усской] Правды и гражд[анского] порядка.

27 [а п р е л я]

Начал просмотр л[екций] о церковных уставах.

29 [а п р е л я]

Конец исправления о деятельности первых князей и начало об очередном порядке.

30 [а п р е л я]

Происхождение очередного порядка.

4¹ Сопоставляя удельные и феодальные отношения, мы заметили в тех и других сходные черты, но не нашли сходства начал, оснований. Теперь можно объяснить происхождение этой видимой несообразности. Она произошла оттого, что политическая жизнь феодальной Европы и удельной Руси шла в противоположных направлениях. На Западе сеньории и баронии, на которые распалась империя Карла В[еликого], формировались по образцу целого, которое они разрушали, и даже мелким феодалам передавали черты своего склада, какие тем дозволено было воспринять и какие они в состоянии были воспринять от своих первообразов. Феодальная Европа была собственно развалившаяся империя Карла В[еликого], из которой рефлексивно и с местными преломлениями феодальный порядок распространялся потом в соседних с ней странах. У нас, напротив, удельный порядок сложился не из развалин очередного, не в пределах Киевской Руси, а сбоку ее, в

¹ Написано красным карандашом.

соседнем окско-вожском междуречье, как новая политическая постройка на свежем финском пустыре. Бесформенная политически масса колонистов перенесла сюда с брошенных пепелищ только два прочные кадра политического и гражданского порядка; это были князь с своими державными правами и боярин с своими холопами. Первый образовал удельное княжество, новую политическую форму, а второй восстановил на новом социальном грунте старую боярскую вотчину, село с челядью и с вольнонаемным закупом — крестьянином. Но и княжеский удел сложился по типу боярской вотчины, а Московское государство, собравшее уделы, сформировалось по образцу своих составных частей и составило вотчину своих собирателей, московских государей. Так на феодальном Западе политическая жизнь шла сверху вниз, путем дробления целого на части, а в удельной Руси обратно снизу вверх, путем сложения частей в целое. Там низшие политические формации усвоили форму высшей, которую они разрушали, а у нас, напротив, высшая усвоила форму низших, из которых она слагалась. Путь одинаков там и здесь, но неодинаковы направления хода; отсюда сходство явлений и различие процессов. 26 дек[абри].

И ю л ь 30—31

Корректурa VI—VIII л[истов] и отправка. Пособие — л[исты] 5 и 6 и отправка. Вставка — следствия поместной системы. Дополнение XIV л[иста].

С е н т я б р ь 10 и 11

Газеты не выходили. Забастовка наборщиков, требовавших 9-часового дня и повышения платы. Совещания наборщиков летом в Марьиной роще. Совещание типографчиков у Трепова, который за сопротивление движению. Один типографщик шел на сделку; Тр[епо]в крикнул на него; но типографчики согласились на требования наборщиков, возвысив стоимость типографских работ (цены для заказчиков) на 30%. Не прекращали работ в Синодальной, где 9 сент[ября] толпа до 1000 ч[еловек] разбила окна и была разогнана казаками. Выходили «Моск[овский] листок» и «Русский листок»¹.

5². 24 де к[а б р я]

Способы мышления и способы познания, законы логики и метафизические категории, конечно, сохраняют непререкаемую силу во всяком акте мышления и познания. Но не всякой отраслью знания познающий ум овладел настолько, чтобы доступные ему приемы изучения и познания поднять до чистых законов логики и до отвлеченных категорий метафизики. В некоторых областях

¹ Далее около половины листа оставлена чистой.

² Написано красным карандашом.

ведения он принужден пока довольствоваться некоторыми предварительными, более практическими формами мышления и определениями познания В науках, где предмет познается путем опыта и самонаблюдения, приложимы и закон достаточного основания, и формулы возможности, необходимости, причинности, требования закономерности и целесообразности: там наблюдение можно проверить опытом, т. е. искусственно созданным явлением или внутренним ощущением. В науках, имеющих дело с историческим процессом, изучающий лишен таких методологических удобств: там наблюдение¹ и аналогия — наиболее действительные, если не единственные средства познания. Здесь трудно спрашивать себя, от чего что произошло и могло ли произойти что-либо другое: мысль довольствуется выяснением того, что за чем следовало и следовало ли из того же то же самое или подобное в другом месте или в другое время. Так метаф[изическое] требование причинности в историческом изучении преобразуется в искание последовательности явлений. Разум везде, даже в метафизической области, где он сам себе хозяин, потому что сам себя изучает, признает пределы своего познания. Он признает, что представляемый им мир не существует только в его представлении, но что, однако, этот мир познается им лишь насколько он есть его представление: познание и здесь стеснено пределами восприятия, наблюдения. Еще скромнее помыслы исторического ведения. Мы знаем, что в исторической жизни, как и во всем мироздании, должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий. Но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов. Значит, история отличается от других более точных наук не способами мышления, а только приемами изучения и пределами познания.

[1904 г.]

6². 7 апреля

После Крымской войны р[усское] правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и р[усская] интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится; теперь в японскую войну р[усский] народ начинает понимать, что и его правительство, и его интеллигенция равно никуда не годятся. Остается заключить такой мир с Японией, чтобы и правительство, и интеллигенция, и народ поняли, что все они одинаково никуда не годятся, и тогда прогрессивный паралич русского национального самосознания завершит последнюю фазу своей эволюции.

¹ *Над строкой:* здесь чужими глазами.

² *Написано красным карандашом.*

6 мая

Адресы Д. Н. Шипову. Мельник, спасая старую плотину своей мельницы от напирającego на нее паводка, снимает пену, взбиваемую у запруды потоком (Плеве).

13 мая

Цзинь-чжоу*.

1 и 2 июня

Бой Штакельберга с Оки у Вафангоу*: отступление наших с потерей $3\frac{1}{2}$ тыс. или более. 2 июня потопление трех транспортов японских с целым пехотным полком крейсерами Безобразова «Россий», «Грѳомбоем» и «Рюриком» в Корейском проливе.

3 июня

Убийство ген[ерал]-губ[ернатора] Бобрикова в здании финлянд[ского] Сената Шауманом, сыном отставного сенатора, тут же застрелившимся.

7¹. Ближайшие задачи исторического изучения — не выяснение исторических законов. Пока предстоит выяснить не сущность исторического процесса, а только метод его изучения и возможные границы исторического познания. И не все исторические факторы вошли в историческую работу в полную меру своих сил. Так еще трудно уловить действие философии на склад и ход общежития. Пока действие ограничивается только выяснением задач и приемов познания и природы познающего разума, но ее идеи о сущности вещей, о смысле бытия не направляли людских отношений, не влияли на настроение масс. Но если философия доселе этого не делала, отсюда не следует, что она не может этого делать. Мож[ет] б[ыть], философия ждет такой комбинации житейских условий, такого подъема умов, который сделает возможной перестройку людских отношений и интересов согласно с философски выясненным смыслом бытия. Тогда расширятся и пределы исторического познания и можно будет внести в учебник истории параграфы о философах, теперь являющиеся в нем красивыми, но бесцельными сказками. § 9.

8². Нынешние экономические и политические классы в будущем заменятся разрядами или степенями интеллектуального развития, т. е. способности умственного напряжения.

9³. Закономерность явлений, повторяющихся или доступных искусственному воспроизведению, экспериментации. В истории нет ни тех, ни других. Но в истории вскрывается общежительная

¹ Написано красным карандашом.

² Написано красным карандашом

³ Написано красным карандашом.

природа человека и вопрос о закономерности исторических явлений заменяется вопросом о последовательности, с какой вскрываются разные стороны и свойства этой природы.

10¹. Право — исторический показатель, а не исторический фактор, термометр, а не температура. Действующее законодательство содержит в себе *minimum* правды, возможной в известное время. Порядочные люди нуждаются в законе только для защиты от непорядочных; но закон не преобразует последних в первых. Закон — рычаг, которым движется тяжеловесный, неуклюжий и шумный паровоз общественной жизни, называемый правительством, рычаг, но не пар.

2 и ю л я

Чехов † в Баденвейлере (вел[икое] герц[ог]ство Баден)².

1904

3 июня финл[яндский] ген[ерал]-губ[ернатор] Бобриков при входе в Сенат смертельно ранен тремя выстрелами Шауманом, сыном бывшего сенатора, чиновником Главного училищного управления Финляндии. Преступник застрелился³.

Н о я б р ь 6—9 (?)

Съезд город[ских] и земских деятелей в Петербурге*: пункты против самодержавия. Банкеты*⁴.

Д е к а б р я 31

С Як. Л. Барск[овым]. Два банкета в Петербурге: 1) 6 дек[абря]? человек 200, корректный; ораторы Семевский и⁵; 2) многолюдный и беспорядочный с «долой сам[одержавие» 14 дек[абря]. 28 ноября уличные беспорядки с избивением дворниками по углам и дворам вопреки распоряжению полиции отводить манифестантов в участок без побой. На заседании перед 12 дек[абря] (8 дек[абря]?). Сам был против выборного собрания, и кн[язь] Свят[ополк]-М[ирский] подал после того в отставку. Но был упрощен во имя воинской чести по случаю военного времени. По издании указа 12 дек[абря]* вторичная просьба об отставке. Прочат на время Платонова-старика*, а потом Витте. Курс издан Витте в 20 экземплярах*.

¹ Написано красным карандашом.

² Далее лист с четвертью оставлены чистыми.

³ Далее половина листа оставлена чистой.

⁴ Далее четвертая часть листа оставлена чистой.

⁵ Далее оставлено место для фамилии.

1904

1904-52

— декабря Н. Соколов, А. Барск. Два письма в Петр: 1) Орд. кавалера
200, корректней, редактора Селевский и 2) многолюд.
почти беспорядочной сядомой са-н-вие 14 дек. — 28 ноября
участная безграждан сибирскими зборниками по учению
и бедности вопреки распоряжению полиции отворить и свои
фронтонные в частях без павой. — На заседании перед
12 дек (в дек?) Сили были против выборов собрания, и кн.
Свят-М. подали на него того же отставку. Но в деле про-
иски в опись воинской части послужило военное Бремен-
ни. По издании указа 12 дек. вторичная провоза об отделе
кн. Прохача на время Платонова-старика, и там же
Витте. — Курь пидая Витте в 20 делья декабря.

1905.

9 января. Звание рабочих (до 40 тал. бюджетов) кн. Виттему
зворот за отвлечением на петицию, представившую на кажу-
нть о. Голубович Святон-Мирскому с пунктами: 1) отделе-
ние церкви от государства, 2) представительное правление
Зобеднение неприкосновенности личности, 4) право непо-
средственного обращения рабочих к царю, 5) прекращение
войны и еще что-то. В 21 января министр Петр теле-
графически войскам, давшим земли. Мопла не раз была
инси, а на другой день не было приказа, и тогда шли
давшие лично войске. О. Голубович сиконной Спасителем, 7
января навсегда отлучил царя от народа. Будто-бы
раньше и царя куда-то. От министра отлучено, что
царь не будет говорить с рабочими, как они требова-
ли в петиции.

11 января. Везде по Итской проина касовы в Бке ти-
пографии Соотина, впрохано, чтобы прервать работу. В
очень Бравались в мастерские и типографии и прекре-
тили работы. Рабочие расходились по домам, не присоеди-
нились к забастовщикам. Возлевины полиции отле-
внутри возобновились работы забора, как в беспосе-
ной земли. Мартя приселения студентами. Извощи кн.
и вотч своя война началась. Сегодня в Моск. В ропке
телеграммы объявление и. ф. градоначальника.

1905 г.

9 января

Движение рабочих (до 40 тыс. будто бы) к Зимнему дворцу за ответом на петицию, представленную накануне о[тцом] Гапоном Святоп[олк]-Мирскому с пунктами: 1) отделение церкви от государства, 2) представительное правление, 3) обеспечение неприкосновенности личности, 4) право непосредственного обращения рабочих к царю, 5) прекращение войны и еще что-то. В некоторых местах Петербурга толпы встречены войсками, давшими залп. Толпы не разбежались, а на другой залп не было приказа, и толпы шли дальше мимо войск. О[тец] Гапон с иконой спасителя. «Эта кровь навсегда отделила царя от народа». Будто бы ранен и убит куда-то. От министра оповещено, что царь не будет говорить с рабочими, как они требовали в петиции.

11 января

Вчера по Житной прошли¹ часов в 5 к типографии Сытина, вероятно чтобы прервать работу. Сегодня врывались в мастерские и типографии и прекращали работы. Рабочие расходились по домам, не присоединяясь к забастовщикам. Хозяевам полиция отсоветует возобновлять работы завтра, как в спокойный день. Ждут присоединения студентов. Извозчик: «Вот своя война началась». Сегодня в «Моск[овских] в[едомостях]» решительное объявление и[сполняющего] д[олжность] градоначальника*.

21 январ[я]

Русская интеллигенция бьется о собственную мысль, как рыба об лед, на которой она выбросилась от духоты подо льдом².

5 мая рескрипт об учреждении Постоян[ного] совета госуд[арственной] обороны — «М[осковские] в[едомости]», № 170*.

14 и 15 мая Цусимский бой.

13—17 июня рабочие в Одессе и бунт на «П о т е м к и н е Таврическом» — «Р[усские] в[едомости]», № 167*.

6 июля депутация земских и город[ских] деятелей в Петергофе.

Конец июня. Бунт на «П о т е м к и н е». Разгром одесского порта.

6 авг[уста] манифест и положение о Гос[ударственной] думе. Равнодушие в народе.

21—24 [августа] резня татар с армянами в Баку. Разгром нефтяных промыслов. До 500 вышек сожжено*. Убытки — сотни миллионов. Повод — резня татар армянами в Шуше. Войска мало. «Р[усские] в[едомости]», № 231.

¹ В рукописи: прошла.

² Далее четвертая часть листа оставлена чистой.

Сентябрь

7 и 9 [сентября]

Сходки студентов. Из 1800 участников 1200 с чем-то за возобновление занятий или за отказ от противодействия их возобновлению без отказа от революционной деятельности или по крайней мере от оппозиционного воспитания (А к а д е м и я). Сколько-то за революцию с обструкцией (Революц[ионная] трибуна).

15 [сентября]

Открыт университет. Начаты занятия под условием, чтобы студенческие сходки, устрояемые явочным порядком, не мешали чтению лекций. Новгород[одце]ва освистали, Филиппова выжили из аудитории. В академии о возможности отставки*.

17 [сентября]

Я начал курс. Встретили молча, провожали шумным одобрением. Дичились друг друга — я их, они меня.

21 [сентября]

Сходка студентов до 5 часов. Сходка с курсистками, забастовавшими типографскими рабочими и другими посторонними с 7—8 часов. Рабочих с малолетками (8—9 лет) свыше 1000, курсисток до 500, студентов у[ниверсите]та много, других высших уч[ебных] заведений еще больше, всего до 4000; были и гимназисты. На лестнице юр[идического] корпуса опасность разрушения перил. Градоначальник Медем заготовил в Манеже какой-то отряд, полк или батальон, с боевыми патронами и три эскадрона конных жандармов. Говорил с ректором в у[ниверсите]те о забастовке типографских, о бомбах на сходке в у[ниверсите]те, о том, что до 5 часов сам ничего не знал. Комиссия сидела до первого часа пополудни и решила закрыть у[ниверсите]т.

22 [сентября]

Сходка студентов с разрешения ректора, сторонних не пускали. Речи ректора и помощника: восторг. После них речь еврея Гринблата или чего-то в этом роде: полный поворот умов. Но решено 24-го собраться по курсам и «организоваться». Дано разрешение. Закрытие у[ниверсите]та озадачило: подумали, у[ниверсите]т не шутит. Совет с 8 до 12-го часа. Много речей и 4—5 строк резолюции о курсовых совещаниях 24-го.

27 [сентября]

Начало 11-дневной забастовки типографских наборщиков. Прекращение выпуска газет (кроме «Русского листка», не выходявшего 2 дня).

29 [сентября]

Смерть кн[язя] С. Н. Трубецкого в Петербурге на заседании совета Мин[истерства] нар[одного] просвещения.

Октябрь

1—2 [октября]

Поездка в Петербург с венком на гроб ректора в церкви Елеинского госпиталя. Процессия с гробом на Николаевский вокзал. Разговор в карете со Стасю[левиче]м и встреча с огромной толпой на Невском, шедшей от вокзала после проводов гроба в 3-м часу. Вагон с гробом тайно оставлен на запасном пути в Петербурге до 3¹/₂ часа во избежание демонстраций на фабричных пунктах.

3 [октября]

Похороны князя. Гроб несли на руках студенты от университетской церкви до Донского м[онастыря] почти 6 часов (до сумерек). «Марсельеза русская»* в задних рядах процессии, «Вечная память» в передних. Отсутствие полиции по желанию студентов. Речь раввина над могилой. Казаки на Донской при возвращении процессии, их атаки и камни в них из толпы. Арест семи студентов и освобождение (7-го). Лекции идут ¹.

4 [октября]

Панихида на Пятницком кладбище в 50-ю годовщину смерти Грановского*. Слух о процессии студентов на могилу — не состоялась.

6 [октября]

Забастовка всех дух[овных] академий с требованием введения временных правил 27 августа. Приезд митрополита в Моск[овскую] академию и его неудачные переговоры со студентами и профессорами (7-го).

9 [октября]

Начало железнодорожной забастовки (кроме Савеловской).

10 [октября]

Выбор Мануилова в ректоры (56+, 26—).

16 авг[уста] Портсмутский мир*. 15 сент[ября] возвращение Витте в Петербург; 4 окт[ября] речь его в комиссии гр[афа] Сольского о свободе печати и о необходимости положить конец произволу; с 6 авг[уста] основные законы существуют лишь на бумаге; Гос[ударственная] дума пока остается только небольшою

¹ Возможно, две последние фразы вписаны позже.

дырой, которую народные представители превратят в широко раскрытую дверь, как только соберутся. Октябрьская всеобщая забастовка; 17 окт[ября] — манифест, 18 [октября] Витте — премьер ¹.

26 [о к т я б р я]

Военный бунт в Кронштадте ².

Н о я б р ь

Н о я б р я 3

Отмена выкупных платежей с 1907 г. (около 90 мил[лионов]).

6—10 [н о я б р я]

З е м с к и й с ь е з д. Много речей и долгих речей. Временем не дорожат: у каждого по 48 часов суточных. Во всех речах главная pars pathetica, в иных esthetica, реже ethica, но всего чаще в заключение pars ironica. Парламентская корректность до щепетильности: заседание носит характер конституционной литургии, хотя иной оратор только что не называет своего оппонента собачьим сыном. Все хотят высказаться и каждый для того, чтобы убедить самого себя в собственных мыслях. Так все ищут самих себя, собирают собственные растерянные мысли, и хотя все испуганы общим водоворотом, но каждый жаждет только самодовольства. Ясно одно: всем хочется усвоить конституционно-размашистые м а н е р ы, чтобы избавить себя от труда усвоить конституционно-свободные нравы.

Д е к а б р ь

11 д е к а б р я

Указ об участии рабочих в выборах в Гос[ударственные] думы как уполномоченных от рабочих, а не в качестве квартирантителей на съезде городских избирателей или по городским избирательным участкам и разъяснение Сената от 7 окт[ября] 1906 г. в первом смысле исключительно ³.

9—12 [д е к а б р я]

Боевые дни. С утра до поздней ночи стрельба где-то в центре города: пушки разбивают баррикады, сооружению и восстановлению которых никто не мешает, но которые по их изготовлению заботливо обстреливают, предупредомляя строителей, когда им следует утекать от огня. Обе стороны поняли друг друга, спелись и стройным дуэтом тянут песню самоуничтожения. Одни ночью выскочат из мебелированных нор на улицу, выволокут

¹ Далее четверть листа оставлена чистой.

² Далее четверть листа оставлена чистой

³ Далее оставлены чистыми 6—7 строк.

мебель у одурелых обывателей и, построив баррикаду, удерут; другие с ружьями и пулеметами выползут днем из казарм, разнесут эти баррикады, за которыми никто не сидит, и потом также утекут. Те и другие делают свое бездельническое дело и довольны — одни своей службой царю и отечеству, другие своей твердостью в убеждениях и верностью принципам.

9-го объявлена всеобщая забастовка, и железные дороги одна за другой прекращают движение в ожидании, когда окрестные крестьяне начнут разносить станции и избивать служащих. 10-го Моск[овский] исполнительный комитет Союза рабочих делегатов предписал к 6 часам вечера вооруженное восстание; но оно началось раньше с револьверами, палашами, что кому удалось добыть, против нагаек, винтовок, пушек и пулеметов. Бастуют все и вся, кто до революции не успел запасть хоть напрокат рассудком, от мала до велика, от стрелочника до министра и до самого. Не бастуют только городские и сельские хулиганы да казначеи, аккуратно и корректно выдающие казенное жалованье себе и забастовщикам.

Все от нечего делать или от неумения сделать что-нибудь принялись играть, одни в конституцию, другие в революцию, превращая в куклы идеи, идеалы, интересы, принципы. Одна власть, как настоящая кукла, ни во что не играет, даже в самое себя, а, благовоспитанно-послушно сложив на бумажных коленях свои пришитые к деревянным плечикам руки, притворилась, что ее нет, и стала выжидать, когда ее спрячут в детский шкафчик. Она появилась очень логично: она всегда отрицала свободу, никогда не умела выразуметь, что она и есть опора свободы, и потому, даровав свободу своим подданным, она умозаключила, что этим упразднила себя, т. е. сложила с себя всякую ответственность за что-либо. Она привыкла видеть в подданных своих холопов, невольников, и их приучила смотреть на нее¹ как на плантатора, а когда узнала из доклада приказчиков, что ее белые негры взбунтовались и у нее нет силы их перевешать, она самоотверженно заперлась в своей усадьбе, сказав себе: а посмотрим, что из всей этой кутерьмы выйдет.

Учредительное собрание, которого требуют железнодорожники, телеграфисты, курсистки, все забастовщики и забастовщицы, есть комбинация русского ума — обезьяны: так бывало за границей, так должно быть и у нас. Учредительное собрание устанавливает основной закон, т. е. устройство верховной власти и ее отношение к подданным. Но вопрос об этом уже предreshен манифестом 17 октября. Там верховная власть уже ограничила себя, только довольно односторонне с левого бока. Царь обещал не издавать закона, не одобренного Г[осударственной] думой, как благовоспитанный кавалер не целует даму без ее согласия. Но там нет

¹ Над строчкой: власть.

обещания утверждать закон, требуемый Г[осударственной] думой,— нет обязательства, установленного русским обычаем для кавалера, который сделает девицу матерью, обязательства купить ей корову для воспитания ребенка, угрожающего своим появлением на свет. Учредительному собранию предстанут три дороги. Оно может утвердить одностороннее ограничение верховной власти по манифесту 17 октября, и тогда оно окажется себя лишним, ибо это могла бы сделать и возвещенная манифестом этого октября Г[осударственная] дума. Оно может вопреки этому манифесту восстановить полное затхлое, черносотенное самодержавие, и тогда оно явит себя совсем реакционным. Наконец, оно может, отменив всякую монархию, самодержавную и полусамодержавную, провозгласить республику, и тогда оно, призванное для водворения законного порядка, окажется революционным. Итак, Учредительному собранию придется выбирать между реакцией, революцией и собственной ненужностью, т. е. анархией, ибо его будут слушаться еще менее, чем самодержавного Витте или Трепова; это — жандармы хоть и дряхлой, но привычной власти, а то — ходоки власти притязательной, но зато вчерашней,— рекламисты народовластия, как товара, не находящего покупателей...

19 [д е к а б р я]

Канонада слышна до 1 часа ночи. Вероятно, это выпускают неизрасходованные заряды, чтобы не сдавать их обратно в цейхгауз, не марать журнала. Что случилось? Надобно найти смысл и в бессмыслице: в этом неприятная обязанность историка, в умном деле найти смысл сумеет всякий философ. Вооруженное восстание — это прием касторового масла для нашего государственного и общественного организма: он даст мало питательного, но очистит желудок для здорового питания ¹.

1906 г.

Я н в а р ь

9 [я н в а р я]

Лиза †*².

М а р т

20 [м а р т а]

Выборы выборщиков в Г[осударственную] думу в Петербурге.

11 и 21 [м а р т а]

Выборы в Сергиевом посаде.

¹ Далее 5—6 строк оставлены чистыми.

² Далее четыре строки оставлены чистыми.

26 [м а р т а]

Выборы в Москве. Общее оживление. Сцены агитации партийной у зданий, где б[ыли] выборы.

А п р е л ь

20 а п р е л я

Отставка гр[афа] Витте; причины: несогласие с Харитоновским проектом* основных законов и недостаток самостоятельности. Премьер с окт[ября] 1905.

22 [а п р е л я]

Рескрипты Витте и Дурново об их увольнении.

23 [а п р е л я]

Покушение на Дубасова и убийство екатеринославского ген[ерал]-губернатора.

24 [а п р е л я]

В продолжение всего XIX в[ека] с 1801 г., со вступления на престол Ал[ександра] I, русское правительство вело чисто провокаторскую деятельность: оно давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления¹, и потом накрывало и карало неосторожных простаков. Так было при Александре I: Сперанский со своими конституционными проектами стал таким невольным провокатором, чтобы вывести на свежую воду декабристов и потом в составе следственной комиссии иметь несчастье плакать при допросе своих попавшихся политических воспитанников. При имп[ераторе] Николае I правительственная провокация изменила тактику. Если нахальная аракчеевщина, сменившая стыдливую, совестливую сперанщину, стремилась заговор вытолкнуть на вооруженное восстание, то Николай I своей предательской бенкендорфщиной старался вогнать общественное недовольство в заговор. Удачный исход опыта такой стратагемы, испробованный над поляками, надолго парализовал русские конспиративные силы, разбил их на бессильные кружки, и дело петрашевцев ярко обличило их бессилие. Были негодующие люди, как Герцен, Грановский, Белинский, но не было угрожающих, и постыдное царствование имп[ератора] Николая I благополучно кончилось севастопольским поражением и Парижским миром. Настоящим питомником русской конспирации было правительство имп[ератора] Александра II. Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великодушно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской. Монарх мудро соизволял,

¹ Далее зачеркнуто: свободы.

призванные работники, как братья Милютины, Самарин, самоотверженно проектировали, а ввязавшиеся в дело министры камарильи вроде Ланского, Толстого, Валуева, Тимашева разделяли циркулярами высочайше утвержденные проекты в насмешки над народными ожиданиями. Царю-реформатору грозила роль самодержавного провокатора: Александр II вступал на путь первого Александра. Одной рукой он дарил реформы, возбуждавшие в обществе самые отважные ожидания, а другой выдвигал и поддерживал слуг, которые их разрушали. Полиция, не довольствуясь преследованием нелегальных поступков и чуя глухой ропот, хотела читать в умах и сердцах посредством доносов и обысков, отставками, арестами и ссылками карала предполагаемые помыслы и намерения и незаметно превратилась из стражи общественного порядка в организованный правительственный заговор против общества. Гр[аф] Толстой с Катковым создали целую систему школьно-полицейского классицизма с целью наделать из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно оскопленных слуг царя и оте[че]ства. Этими глубоко продуманными мерами преподаны были обществу, особенно подраставшему поколению, прекрасные уроки противоправительственной конспирации, плодотворно и быстро разросшейся на возделанной правительством почве общественного озлобления. Покушения участились и завершились делом 1 марта. Наступило царствование Александра III. Этот тяжелый на подъем царь не желал зла своей империи и не хотел играть с ней просто потому, что не понимал ее положения, да и вообще не любил сложных умственных комбинаций, каких требует игра политическая не менее, чем карточная. Сметливые лакеи самодерж[авного] двора без труда заметили это и еще с меньшим трудом ~~успели~~ ~~убедить~~ ~~благодушного~~ барина, что все зло происходит от преждевременного либерализма реформ благородного, но слишком доверчивого родителя, что Россия еще не созрела до свободы и ее рано пускать в воду, потому что она еще не выучилась плавать. Все это показалось очень убедительно, и было решено раздавить подпольную крамолу, заменив сельских мировых судей отцами-благодетелями земскими начальниками, а выборных профессоров назначаемыми прямо из передней министра народного просвещения. Логика петербургских канцелярий вскрылась догола, как в бане. Общественное недовольство поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением. Решено было окорнать реформы и добросовестно, открыто признаться в этом. Правительство прямо издевалось над обществом, говорило ему: вы требовали новых реформ — у вас отнимут и старые; вы негодовали на недобросовестное искажение высочайше даруемых реформ — вот вам добросовестное исполнение высочайше искаженных реформ. Так правительственная провокация получила новый облик. Прежде она подстерегала общество, чтобы заставить его обнару-

житься; теперь она д р а з н и л а общество, чтобы заставить его потерять терпение. Результаты соответствовали изменению провокаторской тактики: прежде так или этак вылавливали подпольных крамольников, теперь и так и этак загоняли открытую оппозицию в подпольную крамолу.

8 с е н т [я б р я]

Перестраиваются не политические понятия и общественные интересы, а политические чувства и социальные отношения; думают не о том, что делать и как устроиться, а о том, что можно сделать и захватить и чего нельзя, кто враг и кого потому надо побить и кого опасно бить. Политическая революция разделяется в социальную усобицу, и само правительство превращается в одну из соц[иальных] партий, только маскируясь в личину государственного органа.

8 июля указ о роспуске Гос[ударственной] думы, созванной 27 апреля.

Марта 4 закон о свободе собраний.

Августа 19 и 20 учреждение военно-полевых судов в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны.

5 октября указ об отмене некоторых стеснений для кр[естья]н — «М[осковские] в[е]домости», № 249*.

14 октября понижение платежей заемщиков Кр[естья]нского банка*.

17 [октября] образование старообрядческих обществ.

У н и в е р с и т е т. Лекции начались 15 сентября. 2—5 октября закрыт за сходку на лекционные часы и не в указанном месте (в юридическом корпусе, а не в актовом зале). Объявление о возобновлении занятий с угрозой закрыть у[ниверсите]т с увольнением всех студентов за повторение беспорядков. Это произвело впечатление. В то же время депутация ездил в Петербург протестовать Столыпину против вмешательства моск[овской] администрации в университетские дела, заставившего было ректора и его помощника подать в отставку. Мнимый успех поездки. 17 октября по постановлению сходки накануне должна была начаться трехдневная забастовка в память Баумана*. 18 [октября] шумное собрание в юрид[ическом] корпусе и увещание ректора безуспешное. Сцены перед аудиторией Филиппова (борьба за дверь аудитории и речь барышни, обозвавшей революционеров-студентов хулиганами). Пение похоронного марша. Ректор закрывает у[ниверсите]т до 30 октября. Вечернее заседание советской комиссии. По сообщению ректора, под прикрытием общих сходок шли в аудиториях конспиративные совещания максималистов; их депутаты грозили ректору, что пойдут на все меры вплоть до бомб. Кадетская фракция подала ректору протест против гнета меньшинства. У[ниверси-

те]т с двух сторон сжат администрацией и максималистами и, если не сладит с положением, должен погибнуть.

12 августа

Передача удельных земель Крестьян[скому] банку для продажи малоземельным крестьянам.

27 августа

Казенные земли назначены для той же цели.

19 сентября

И кабинетские земли в Алтайском округе переданы в распоряжение Главн[ого] управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков.

Понижение платежей Кресть[янскому] банку вызывает общегосударственный расход в 2 200 000 руб.

22 октября

Поместный собор имеет смысл только как местный орган собора вселенского. Но вселенского собора нет; следов[ательно], его местные органы могут быть только мертвыми членами разорванного организма. Местные православные церкви, теперь существующие, суть сделочные полицейско-политические учреждения, цель которых успокоить наивно верующие совести одних и зажать крикливо протестующие рты других. Обе эти цели приводят к третьей, самой желанной для правящей церковной иерархии, это полное равнодушие мыслящей и спокойной части общества к делам своей местной церкви: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Русской церкви, как христианского установления, нет и быть не может; есть только рясофорное отделение временно-постоянной государственной охраны.

30 окт[ября] покушение на Рейнбота. Около того же времени покушение на Ренненкампа. Совпадение с возвращением Витте в Петербург. Неистовство «М[осковских] вед[омостей]» по этому поводу*.

Декабрь

Убийство гр[афа] А. П. Игнатьева*. Гольцов †. 8—9 [декабря] забастовка в память вооруженного восстания 1905 г. Закрытие у[ниверсите]та до конца семестра Советом 8 дек[абря]. Открытое письмо Совету от Ц[ентрального] у[ниверситетского] органа.

18 [декабря]

Сообщения Н. А. Заоз[ерского]. Последние решения Предсоборного присутствия: 1) Постоянной исполнительной комиссией

Поместного собора остается Синод из 12 епископов, неизвестно кем и в каком порядке призываемых на это дело. 2) Собор состоит из епископов, к которым присоединяются представители белого духовенства и мирян, которые по требованию одних должны быть рекомендованы епархиальными архиереями, по мнению других выбираемы архиереями из кандидатов, указанных духовенством и мирянами по приходам. 3) Обер-прокурор устранился, никем, кажется, не заменяясь. 4) Прения о церковно-приходской общине, как юридическом лице. Реферат моск[овского] прис[яжного] пов[еренного] Кузнецова против закона 17 окт[ября] 1906 г. о старообрядческих обществах в применении к православным приходам: предвидит от того разрушения церковной жизни как в старообрядчестве, так и в господствующей церкви. Папков, только что женившийся вторично, пылко стоял за восстановление древнерусского прихода с деятельным участием прихожан. Все нерешенные вопросы сведет в проекты Синод. Под конец совещаний придавленное либеральное большинство приободрилось: помогло открытое письмо Дубровина (при негласном сотрудничестве Антония, епископа волынского и искаритоского). По инициативе меньшинства митроп[олиту] Антонию орация в его отсутствие, когда председал немотствующий Владимир Московский. Антоний митр[ополит] отклонил речь своего предательского тезки и стал поддерживать меньшинство. Сомнение его в созыве собора: Предсоборное присутствие стоило 60 тыс; собор обойдется в 500 тыс.; у Синода таких денег нет; даст ли казна? Совещания шли беспорядочно. Бездарный взгляд об[ер]-пр[окурора] Извольского на Синод и его тайные хлопоты освежить его состав. Главная опора архиереев — дикие профессора дух[овных] академий Бердников, Голубев, Глубоковский и даже университетские канонисты Алмазов, Остроумов. «Профанация канонического права».

Д е к а б р ь

Убийство с[анкт]-п[етер]б[ургского] градоначальника фон-дер Лауница на лестнице церкви в здании эксперим[ентальной] медицины. Убийство главного военного прокурора Павлова (27-го).

1907 г.

М а р т

10 [м а р т а]

К. П. Победоносцев †. Презирал все, и что любил, и что ненавидел, и добро, и зло, и народ, и себя самого.

14 [м а р т а]

Убит Иоллос* из-за калитки двора черносотенника Торопова. Похороны 19 м[арта]. До 8 тыс. народа.

19—22 [м а р т а]

Центр[альный] о[рган] после вторжения полиции на сходку 17 м[арта] закрыл у[ниверсите]т до сходки 24-го, а Совет 22-го до 30 апреля. Мое объяснение со студентами-филологами 22-го после лекции. 20-го и 21-го снимали профессоров. Брань Брандта со съемщиками в аудитории. Постановление Совета 14 марта — «Моск[овские] вед[омости]», № 61*.

А п р е л ь

10 [а п р е л я]

Польское коло вносит в Думу законопроект об автономии Польши. Кадеты осуждают шаг за несвоевременность.

17 [а п р е л я]

Принятие Г[осударственной] думой зараз трех законопроектов (после двухмесячной предварительной пробы своего законодательного голоса): о контингенте новобранцев, об отмене военно-полевых судов и об ассигновании 6 мил[лионов] на нужды продовольствия голодающих ¹.

1909 г.

А п р е л ь 23

Разговор с А. С. Л[аппо]-Данил[евским]. Петр уже в 1700 г. собирал сведения о порядках наследования на З[ападе]. Заграничная поездка направила его мысль на политические и общественные отношения. Война оттеснила все такие помыслы назад и надолго. Потом он воротился к вопросам государственного устройства и принимал прямое участие в составлении регламентов, собирал материалы для В о и н с к о г о у с т а в а, в чем сам признается в конце предисловия к нему. Проникновение политических идей с З[апада] через Польшу в Россию в XVII в. Книга польского публициста XVI в. «De republica emendanda» была в XVII в. переведена на русский язык и перевод найден. Сохранились вехенные Симеоном Полоцким записи лекций виленских профессоров. Крижанич для своих «Р а з г о в о р в» пользовался только католическими, антипротестантскими сочинениями. Л[аппо]-Данил[евский], кажется, разделяет мнение о его миссионерских планах в Москве. Процарствуй Федор еще 10—15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама. Кн[язь] Д. Голицын внимательно изучал итальянских публицистов и Пуффендорфа, влияние которого явственно отпечатлелось на его ограничительных кондициях 1730 г.

¹ Далее строк пять оставлены чистыми.

Продолжение разговора. Каталог книг Андрея Виниуса, найденный Данил[евский]м: его знакомство со школой моралистов. Обилие русских в университете Галле времен Шпенера, Томазиуса и Вольфа. Влияние Виниуса на Петра в политических взглядах; тон писем Петра к В[иниусу] особьей. Преемственность немецких университетов в ходе заграничного образования русских: Галле, Лейпциг, Страсбург, Геттинген, Берлин (по матрикульным книгам).

Перевод Локка в Киеве по заказу Голицына с сокращениями и выборками и с предисловием толковым, которого нет на английском, но который обличает знакомство автора с публицистами XVII в.— не Феофана ли? Ср. его естественноправовую теорию г[осу]д[ар]ства в духе Гоббеса в «Правде воли мон[аршей]»*.

В записях Симеона П[олоцкого] курс моральной философии, слушанный в Виленском коллегииуме. Рукописный латинский курс морали Феофана в Киеве 1707/[0]8 г. Из всех философских влияний, навевавшихся на Петра, он воспринимал только политику, цели и средства, а не право, не принципы. Черняк губернских учреждений 1775 г. в мешочке из Успенского московского собора: любопытен для истории текста, но без указаний на источники. Статья проф. Десницкого о разделении властей по Локку и Блекстону в «Записках Академии наук» по III отделению: он — ученик Ад. Смита. Забавная история переписки Екатерины II с Вольтером. Политика: Маркову 2-му сказано: Дума д[олжна] б[ыть] не государственная, а государственная; Абд. Гамид пал от инородцев и иноверцев, — следов[атель]но...

1910 г.

Января 20

Открытие сессии Думы. Законопроект Мин[истерства] народн[ого] просвещ[ения] об увеличении жалованья директорам и инспекторам народных уч[илищ] отлагается до законопроекта о всеобщем обучении. Принимается зак[он]опроект, отменяющий запрет объяснять присяжным грозящее подсудимым наказание. Признана вопреки Мин[истерству] нар[одного] просв[ещения] желательность врем[енных] правил о приеме в высшие учебные заведения. Единогласно принимается отмена админ[истративной] высылки. Отклоняется (большинством 1 голоса) предложение трудовиков о двухнедельном сроке для доклада комиссии по вопросу об отмене смертной казни; трусость и смешное положение батюшек, оставшихся одиноко в пустом зале при дверном голосовании.

Января 22 заседание Г[осударственной] думы о земельном цензе для мировых судей. Худож[ественные] сцены в духе Щедрина («Русское слово», № 18* — отложен).

10—12 февраля французские сенаторы и депутаты в Москве (описание в «Русском слове»*).

Дневниковые записи 1902—1911 гг.

1902 г.

28 дек[а б р я]

Нет исторической памяти — и нет исторического глазомера.

Эстетическое¹, правоучительное и автогностическое применение истории. Последнее — понимание наличных нужд и потребностей (различие между ними) и средств для удовлетворения тех и других, и как результат понимания — чутье перелома, когда действовавшее сочетание начинает изменяться и в какую сторону.

1904 г.

16 мая

Методологич[еские] заметки²

Человек работал умно, работал и вдруг почув[ств]овал, что стал глупее своей работы.

Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает славшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой? Это зависит от европ[ейской] партии анархии: если эта партия ввиду желтой опасности притихнет, Европа будет завоевана желтыми пигмеями; если будет безобразничать и убивать даже пожилых императриц, белая Европа одолеет желтую Азию. Победа возможна при единодушии европ[ейских] народов, а оно достижимо только на почве борьбы с анархией.

[...] Прошедшему делают экзамен, насколько оно понимало понятия своих испытателей, и ставят ему отметку, определяющую высоту его развития. [...]

Историки-юристы, не принимая в расчет совокупность условий жизни, вращаются в своей замкнутой клетке, решая уравнения с тремя неизвестными.

¹ Над строкой: Худож[ественное].

² Заголовок написан красным карандашом.

[Р а н е е 7 я н в а р я]

Мы собрались не праздновать, а вспоминать.

У нас исчезли все идеи и остались только их символы, погасли лучи, но остались тени.

Хотели разрушить и унив[ерситетскую] программу, и проф[ессорскую] корпорацию, превратить первую в сервильную муштровку студенч[еских] умов, вторую в особый полиц[ейский] корпус с желтыми пуговицами. При унив[ерсите]тах новые учебно-вспомогат[ельные] установления — места предварит[ельного] заключения для студентов. Но мы вышли из 20-летнего перелома и профессорами, и товарищами; университеты остались научно-воспитат[ельными] учреждениями.

Как они легко и охотно г[ово]рят, легче и охотнее, чем размышляют. Завидно!

Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной. Вы без нее не обойдетесь или сами в нее переродитесь.

Но наши силы понадобятся нам не на Моховой только, а на более обширном пространстве. Народ, г[оспода], пробуждается, протирает глаза и желает рассмотреть, кто — кто.

Ряд превосходных прив[ат]-доцентов, с честью заменяющих профессоров. Но последних нет, и я не присутствую.

России больше нет: остались только русские.

7 я н в [а р я]

1) Дворяне выборные — наиболее зажиточные и исправные по службе, отборные¹ из уездных детей боярских, какие бывали не в каждом уезде. Они по очере[ди] на известный срок вызывались в Москву для исполнения столичных поручений, входили вместе с моск[овскими] чинами в состав царского полка, когда г[осу]дарь сам шел в поход, служили младшими офицерами в своих провинц[иальных] отрядах, вообще составляли переходную ступень от городских чинов к столичным².

2) Трудно³.

[9 я н в а р я]

НВ. Стрельба в Петербурге — это 2-й наш Порт-Артур (согласие войска на то).

14 ф е в р [а л я]

В устройстве представительного собрания первый вопрос: кого оно представляет, какие общественные классы и силы находят в нем выражение своих нужд и желаний.

¹ Далее зачеркнуто: люди, какие б[ывали].

² Над зачеркнутым: московским.

³ Далее три с половиной строки оставлены чистыми.

Эти классы и силы должны быть организованы, объединены в какие-либо союзы, корпорации; иначе они — и не политические факторы, могущие участвовать в народном представительстве.

Такими классами остаются в составе нашего общества старые сословия. Реформы и сопровождавшие их разнообразные перемены в нашей жизни поколебали основы этого сословного строя, переоценили сравнительное значение сословий в государстве и обществе, перепутали их взаимные отношения.

В местном самоуправлении, городском и земском, главное значение имеют три сословия: дворянство, купечество и крестьянство. Но кроме сословий в обществе действуют еще другие силы, которые можно назвать¹ и т е р е с а м и. Они очень разнообразны, но могут быть сведены к двум категориям: это капитал и труд. Эти интересы вносят в общество свою классификацию, которая уже далеко не совпадает с сословн[ым]² делением: сколько крестьян, занятых работой в городах, по домам и на фабриках, порвали уже не только бытовые и нравственные, но и юридические связи с селом!

Капитал в своих разнообразных видах представлен в городских и земских учреждениях довольно неравномерно. Земли разночинцев, купцов и мещан, сверхнадельные земли крестьян представлены косвенно, не сами по себе, а по сословной принадлежности своих владельцев; земли церковные в земстве не представлены вовсе, как не представлены в городах рентьеры и разные промышленники с капиталом, но без недвижимой городской собственности.

Еще случайнее отношение труда к местному правительству. Люди так называемых свободных профессий, как и разного рода мастера и рабочие, не принимают в нем никакого участия, хотя нередко образуют различные союзы, корпорации, артели, даже с правами юридических лиц.

При таком переслоении общества по интересам возникает трудный вопрос о составе народного представительства. Сословное деление уже не отражает в себе полно [и] точно действующих в обществе интере[сов, а] эти интересы еще не успели кристаллизироваться, сомкнуться в общественные классы, способные найти своих представителей. При такой неутвержденности общественного состава можно проектировать какие угодно системы народного представительства, выкраивая их по образцу ли старинных московских Земских соборов, или по современным западноевропейским конституционным шаблонам. Но все такие учредительные опыты рискованны и ненадежны. Жизнь должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени.

¹ Далее зачеркнуто: их.

² Край листа оборван, здесь и далее восстановлено по смыслу.

Какой же возможен способ для такой созидательной работы? Как добыть надлежащие указания на соотношение общественных сил в данный момент, на степень развитости и напряженности действующих интересов? Никакой законодатель не располагает достаточными средствами для этого, никакая печать не в состоянии с достаточной быстротой и точностью схватить бегущую минуту со всеми ее местными и классовыми оттенками. У кого же искать этих указаний на соотношение и качество общественных сил и интересов, как не у их готовых представителей, ответственно действующих по их полномочиям? Таковы земские и выборные городские учреждения. Затруднение, вытекающее из того, что в таком случае устраняются от дела классы и интересы, не представленные или слабо представленные в этих учреждениях, облегчается задачей, какая должна быть поставлена предполагаемым земским и городским представителям в деле устройства народного представительства.

Цель созыва таких представителей не совещательная, не подача мнений по заданным вопросам и не заявление нужд и желаний населения, а подготовительное совещание самих представителей между собою по вопросу о составе постоянного народного представительства. Члены совещания должны уговориться между собою в том, какие классы и интересы и как могут найти место в этом представительстве. Предварительно этот вопрос обсудят губернские думы и земские собрания и решения передадут своим уполномоченным по д о л ж н о с т и, т. е. городским головам и председателям губернских земских собраний для обсуждения на подготовительном общем совещании. В этих местных резолюциях найдут себе выражение и интересы или классы, не представленные прямо ни во всесловных земских, ни в бессловных городских учреждениях, насколько эти интересы и классы значительны и организованы, т. е. способны заявить о своем существовании и значении как этим учреждениям, так общественному вниманию. Работа совещания неизбежно сведется к вопросу об изменении состава избирательных зем...¹

З а с е д а н и е 19 и ю л я 1905, П е т е р г о ф *

Игнатъев. Полит[ическая] говорильня*. Думу нелегко б[удет] удержать в пределах закона, и положение едва ли б[удет] хуже того, из которого мы исходили.

Трепов. Дума всегда опасна. Опасность уменьшится только твердостью прав[итель]ства. § 42* б[удет] сдерживать мнение.

Манухин. Самодержавие — ист[очни]к всякой власти. Интересам самодержавия не противоречит недопущение нежеланного населением законопроекта.

Иксуль. Нет в проекте слова «самодержавие»*. В совещ[а-]

¹ Дальнейший текст не сохранился.

тельном] учреждении нет места большинству или меньш[ин]ству. Вполне соответствует рескрипту, не умаляя самод[ержавной] власти, но это д[олжно] быть выражено в проекте.

Голен[ищев-Кутузов]. Дух законов — в проекте есть какое-то обяз[атель]ство власти: 1) собрать надо распущенную; 2) затворяет доступ меньшинству к власти. За меньшинство. Это уже нечто конституционное: некоторые законы не состоятся, потому что против них большинство. Дума будет иметь больше власти, чем Г[осударственный] совет. Мало не противоречить, надо поддерживать. Партия конституционная — ей закон не удовлетворит. Славянофилы — и ей не удовлетворит: нет прямой подачи мнений народа. Но есть 99%* народа; помещики, народ, трудовые люди — что они, как они думают? Отвечает ли проект этой массе? Никто не в состоянии на это ответить. Престижу самодержавие отвечает? По духу нет. Парлам[ентские] выбор[ы]; [это] может повести к подрыву самодержавия.

Ширин[ский-Шихматов]. По духу не согласно с самодержавием; есть некоторое противоречие.

Адресы рабочих* — освободить от евреев и сохранить самодержавие.

21 о к т [я б р я]

Д л я Г у ч к [о в ы] х¹

Правительство отказалось от своей роли, не мирит враждующих и не сдерживает крайних, ни левых, ни правых, которые оказываются еще анархичнее самих левых: оно лавирует, выжидает. Всего тяжелее положение умеренно-либеральной середины, партии своб[одного] порядка. Она жаждет мирной созидательной работы на почве дарованных прав; но она не организована и не знает, что делать. Идти своей дорогой она не может, потому что она не собралась еще в дорогу и у нее нет своей дороги, нет определенной программы: в одном она гнет направо, а в другом ее тянет налево. Она может крепко стать за манифест 17 октября в надежде, что правительство поддержит ее на этой позиции. Но оно может и не сделать этого, не будет противодействовать агитации за четырехгранное голосование и Учредительное собрание, и тогда партии порядка придется по воле слиться с черной сотней. Не поддерживаемая правительством, она может повернуться налево; но ее встретят здесь как просящую помощи и навяжут ей свои требования, заставят отказаться от самой себя. Как пассивное ни то ни се, она подвергнется двустороннему обстреливанию с той и другой стороны².

¹ Заголовок написан синим карандашом.

² Далее четвертая часть листа оставлена чистой.

Мы присоединили Польшу, но не поляков, приобрели страну, но потеряли народ.

Национальный принцип устраняется в области личных прав, но признается в области прав политических. Завоевание надобно поставить на почву соглашения, силу заменить правом.

Г у ч к о в у. Н а ч [а л о] н о я б р я 1 9 0 5 ¹

Р [у с с к и й] народ не может положить свою судьбу на весы польск [о г о] народа. Тащить чрез мозги русской думы — тормозиться (сервитуты). Междунар [о д н ы й] вопрос — с о в е щ а т е л ь н ы й сейм.

П р о т и в б л о к а. Раскройте все скобки, реализуйте стереотипы, чтобы вас никто не обвинил в неискренности.

Нет всесословной волости. [...]

1. Против стачек с абстракцией.

2. Молчи о праве собственности.

3. Социализм — не отнятие собственности, а ее эволюция (сама исчезает). Не по русской истории. П р о м о л ч и т е ².

4. Просто перечневым порядком (язык, [шк]ола местная, обя-з [а т е л ь н о] ³ постановлением).

Ш и р о к о е самоуправление? Проекты сейма в Г [о с у д а р с т в е н н у ю] думу. Сервитуты. Нарисовать картины прав для народностей, исчерпывающие всю полноту прав. Стереотипов избегать, раскрывать скобки отвлеченности. Дума обязана рассмотреть местные проекты. Национальности без территории [с] общими гражд [а н с к и м и] правами.

20 д е к [а б р я]

П о л и т и ч [е с к и е] м ы с л и ⁴

Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки. Манифесты выставляют п о л и т и ч е с к и е принципы, но ими прикрываются г р а ж д а н с к и е интересы, а представительство частных интересов — это такой анахронизм, с которым пора расстаться. Все платформы грешат одним недосмотром: они спешат установить, т. е. предопределить, н а п р а в л е н и е нашего будущего конституционного законодательства, а наша ближайшая задача и забота — обеспечить и подготовить самый о р г а н конституционного представительства.

¹ Строка написана красным карандашом.

² Подчеркнуто синим карандашом.

³ Слово написано синим карандашом.

⁴ Заголовок написан красным карандашом.

Оппозиция против правительства постепенно превратилась в заговор против общества. Этим дело русской свободы было передано из рук либералов в руки хулиганов.

Я могу только [проявить] сочувствие, но не могу принять участие.

Е. Тр[убецкой?] etc.— это не бойцы, а только застрельщики. Они способны расшевелить нервы, но не дадут идей.

Обществ[енные] интересы не так разнообразны и недружелюбны м[ежду] собою, как личные мнения, и первые легче согласить, чем вторые¹.

Законы о Г[осударственной] думе. Незаконченность дела. Что приобретено (бюрократия сбоку). Обилие партий и неудобства этого. Выход — уяснение общих интересов и их соглашение с частными. Видимое противоборство частных интересов, внушаемое приказной администрацией, и их внутреннее согласие, которое д[олжно] выражать народное пред[ставитель]ство (знай, сверчок). Как администрация согласует интересы — дифференц[ированный] железнодорожный тариф Вышн[еградско?]го. Народное пред[ставитель]ство — общее благо: это внутренняя связь частных интересов.

[1905 г.]

Движимый этим духом, в нем живущим и его охраняющим, Государственный совет во имя блага России верно служил своим верховным представителям, когда выражал мнения, кои, освящаясь их державной волей, становились правилами русской государственной жизни, верно служил и тогда, когда наблюдал, чтобы действие державной воли не было затрудняемо начинаниями незрелыми и неблагоприятными, не проверенными опытом и размышлением, не из истинных народных нужд исходящими.

1906 г.

Вы хотите подвести канонический фундамент под фактическое обветшалое здание р[усского] церк[овного] управления? Не знаю, можно ли? Это дело церковно-иерархической архитектоники, которая очень поработала над искажением церкви у нас и на правосл[авном] В[остоке]. Мне как мирянину, руководящемуся лишь голосом своей совести, важен только один вопрос: будет ли канонический фундамент христианским².

15 н[о]яб[р]я

Наверное наши архиереи возразят, что катол[ическая] иерархия вела себя еще хуже. Наша иерархия любит ссылаться на чу-

¹ Далее три четверти листа оставлены чистыми.

² На полях: После очерка р[усской] ц[ерковной] истории.

жие недостатки, большая охотница приобретать праведность¹ чужими грехами. Как вербуется наша высшая иерархия? Люди духовного, а в последнее время зачастую и светского звания, обездоленные природой или спалившие свою совесть поведением, не находя себе пристойного сбыта, проституируют себя на толкучку русской церкви, в монастыство, и черным клобуком, как могильной насыпью, прикрывают невзрачную летопись своей жизни, какую физиология вырезывает на их невысоких лбах. Надвинув на самые брови эти молчаливые клобуки, они чувствуют себя безопасными от своего прошедшего, как страусы, спрятавшие свои голозы за дерево. Правосл[авная] паства лениво следит за этими уловками своих пастырей и, равнодушно потягиваясь от усердных храмовых коленопреклонений, говорит, лукаво подмигивая, знаем-де. Нигде высшую церковную иерархию не встречали в качестве премников языческих волхвов с большим страховением, как в России, и нигде она не разыгрывала себя в таких торжественных скоморохов, как там же. В оперном облачении с трикирием и дикирием в храме, в карете четверней с благослов[ляющим] кукишем на улице, простоволосая с грозой и руганью перед дьячками и просвирнями на приемах, с грязными сплетнями за бутылкой лиссабонского или tenerифа в интимной компании, со смиренно-наглым и внутрь смеющимся подбострастием перед светской властью, она, эта клобучная иерархия, всегда была тунеедной молью всякой тряпичной совести русского православного слюнтя.

Христос дал истину жизни, но не дал форм, предоставив это злобе дня. Вселенские соборы и установили эти формы для своего времени, цепляясь за его злободневные условия. Они были правы для своего времени; но не право то позднее узколюбие, которое эти временные формы признало вечными нормами, признав учение Христа только случайным началом церковного строительства.

23 д е к [а б р я]

Что такое наше церк[овное] богослужение? Ряд плохо инсценированных и еще хуже исполняемых оперно-истор[ических] воспоминаний. Верующий приносит из дома в церковь куплен[ную] свечку и свое религиозное чувство, ставит первую перед иконой, а второе вкладывает в разыгрываемое перед ним вокально-костюмированное представление и, пережив нравственно-успокоительную минуту, возвращается домой. Затем до следующего праздничного дня он чужд церк[овной] жизни: он — одинокий верующий. Встреча с соприхожанами в ц[еркви] — встреча знакомых на улице: никакого общения верующих не бывает в стенах храма. Здесь каждый проверяет только свою совесть своим же собственным настроением, а не совестью собрата во Христе. Он не член ц[еркви],

¹ *Чад строкой:* стать праведницей.

а единоличная церковь, ходит в храм, как в баню, чтобы смыть со своей совести сор, насевший на нее за неделю.

Членам Предсоб[орного] присутствия прежде всего трудно б[ыло] понять друг друга: им оставалось только спросить себя, зачем они тут встретились, для чего созваны.

Для молящейся в соборе публики архиерейские дикирии и трикирии привлекательнее архиереев, чьи руки их торжественно скрещивают.

У высшей иерархии больше власти, чем авторитета. Членам Предсоб[орного] присутствия трудно б[ыло] понять самих себя и друг друга.

1909 г.

Л е т о 1909 (с 10 мая)

З а м е т к и

1. Причин явления надо искать в самом явлении, а не вне его, объяснения личности — вне ее, а не в ней самой.

2. Сказка бродит по всей нашей истории, разыскивая и нащепывая разумные причины и дальновидные соображения там, где действовали наследственные недоразумения и слепые инстинкты, и волшебной феей навевая золотые сны сонным людям, которые, очнувшись, с сонником в руках освещают ими свою тусклую стихийную жизнь. Не ищите в нашем прошедшем своих идей, в ваших предках — самих себя. Они жили не вашими идеями, даже не жили никакими, а знали свои нужды, привычки и похоти. Но эти дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную, современную вам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад¹. Так называемая историческая объективность — бэконовская *virgo sterilis*².

3. Привозная с Запада наука долго оставалась бесплодной для русской жизни, потому что встретилась с житейскими понятиями и порядками, совсем чуждыми этой науке, и не трогала, перерабатывала их по-своему, оставаясь нарядной и бездеятельной роскошью отдельных умов.

4. Историк задним умом крепок. Он знает настоящее с тыла, а не с лица. Это недостаток ремесла, как кривизна ног у портного. Отсюда оптимизм историков, их вера в нескончаемый прогресс, ибо зад настоящего краше его лица. У историка пропасть воспоминаний и примеров, но нет ни чутья, ни предчувствий.

¹ *На полях*: Стрелка компаса.

² бесплодная дева (лат.).

4. Обычные явления в жизни народов, отсталых и почему-либо ускоренно бросившихся вдогонку за передовыми: 1) возникновение множества новых занятий, требующих наскоро набранных сведений, п о л у о б р а з о в а н и я, и появление интеллигенции; 2) удаление этих новых к л а с с о в от народной массы, неспособной так быстро усвоить новые знания и понятия¹, и 3) разрушение старых идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из наскоро схваченных понятий новое мирозерцание, из не связанных с вековыми преданиями и привычками новых занятий сложить новые бытовые основы. А пока не закончится эта трудная работа, несколько поколений будут прозябать и метаться в том межеумочном, сумрачном состоянии, когда мирозерцание подменяется настроением, а нравственность заменяется на приличие и эстетику.

5. Изучение нашего прошлого бесполезно — с отрицательной стороны. Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь.

20 д е к [а б р я]

Россет — обрусевшие инородцы с их своеобразным патриотизмом и взглядом на новое, неродное отечество.

Николай у А [лександры] О [сиповны] * в гостин [ой] чувствовал и вел себя, как за границей, свободомыслящим европейцем, джентльменом, не русским самодержцем, запросто и даже почтительно разговаривал с русск [им] писателем, которого его застеночный *sensor togum*² Бенк [ендорф] сажал в крепость по 3-му пункту, без объяснения причин. Это б [ы] ли не эстетика и не патриотика, а своего рода домашняя диетика. Портя себе вкус к жизни ежедневными лакомствами безотчетной власти, восстанавливая его минутным сухоядением, корректности и джентльменства в гостинной образованной и умной полурусской барыни, бывшей фрейлины, петербургский дом которой, как нечто экстерриториальное, подобно квартирам иностран [ных] посланников, изъят был из-под действия русских властей и законов.

Это было неловкое положение, но тогда привыкли к подобным неловкостям, как привыкают к петербургской погоде, и даже находили в этом некоторое удовольствие или пользу. Покровительство литературе и искусству разгоняло скуку парада и доклада,

¹ *На полях*: Дифференциация просвещения идет об руку с поляризацией бедности и богатства.

² цензор нравов (*лит.*).

а художественное творчество находило в высоком внимании безопасные пределы своего полета. Воздушный шар на привязи мог треснуть, но не улететь из вида.

1911 г.

[Ранее 30 января]

Общие заметки

Посредник между правит[ельство]м и кр[естьяни]ном — помещик создан в XVIII в. после 1762 г.].

Описанные до стр. 22 *Leibeigenschaft*¹ — не наше холопство: не личная, а реальная неволя; везде элемент права, крепки земле.

Крепостной труд — ежеминутный саботаж — работа, низверженная до допускаемого законом минимума.

Нынешняя политика: менять законы, реформировать права, но не трогать господствующих интересов.

Чем более сближались мы с З[ападной] Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготавливали их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины на бессмысленном управлении.

Земледелием кормятся в Англии 17%, в Германии 35,5%, Франции?, России 75%.

30 янв[аря]

В нашем обществе, проходящем еще периоды геологического образования, каждое сильное лицо само вырабатывает понимание вещей и правила своей деятельности из самого процесса своей личной жизни, свободной от преданий, заветов, чужих опытов. Он, как Адам, дает вещам свои имена. Отсюда разнообразие характеров и неуловимость типов, рыхлость общества и непривычка к дружной деятельности плотными крупными союзами. У себя дома мы сильнее, чем на улице. Личный интерес господствует над общественным.

Противоречие в этнографическом составе Русск[ого] государства на западных европейских и восточных азиатских окраинах: там захвачены области или народности с культурой гораздо выше нашей, здесь — гораздо ниже; там мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня, здесь не хотим ладить с ними, потому что презираем

¹ Крепостное состояние (нем.).

их и не умеем поднять их до своего уровня. Там и здесь неровни нам и потому наши враги.

Умолчание Св[ода] зак[онов] об юрид[ических] и полит[ических] основах права крепости производит такое впечатление, что обе стороны, правит[ель]ство и дворянство, признавали это право чем-то таким, что превратится в постыдное и ни в каком государстве не допустимое безобразие, как скоро в него будет внесена хотя микроскопическая доза права.

У нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобия, пародии: quasi-министры, quasi-просвещение, quasi-общество, quasi-конституция, и вся наша жизнь есть только quasi una fantasia¹.

Павел, Ал[ександр] I и Никол[а]й I владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес, упражняли на ней свою волю, не желая и не умея понять нужд народа, истощили в своих видах его силы и средства, не обновляя и не направляя их к целям народного блага.

Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро.

1. Н а ш а и с т о р и я XVIII и XIX вв. Коренная аномалия нашей политической жизни этих веков в том, что для поддержания силы и даже существования своего государства мы должны б[ыли] брать со стороны не только материальные, но для их успеха и духовные средства, которые подрывали самые основы этого государства. Люди, командированные правительством для усвоения надобных ему знаний, привозили с собой образ мыслей, совсем ему ненужный и даже опасный. Отсюда двойная забота внутренней политики: 1) поставить народное образование так, чтобы наука не шла дальше указанных ей пределов и не перерабатывалась в убеждения, 2) нанять духовные силы на свою службу, заводя дома и за границей питомники просвещенных борцов против просвещения. Трагизм положения в XIX в.— против правительства, борющегося со своей страной, стал просвещенный на правительственный кошт патриот, не верящий ни в силу просвещения, ни в будущее своего отечества.

27 ф[е в р а л я]

2. П[авел] погиб от матерней придворной знати подобно азиатским деспотам. Либерализм его старшего сына — азиатская трусость, старавшаяся заслониться от этой старой екатер[ининской] знати английски воспитанной либеральной знатной молодежью, потом сволочью вроде Аракчеева. Но о связи нравственной с русским обществом он, может быть, думал только в первые годы 14 декабря показало и случайному царю, и придворной знати их общего вра-

¹ Так в рукописи.

га — дворянскую европейски образованную и пропитавшуюся в походах освободительными влияниями Запада гвардейскую офицерскую молодежь. Отсюда две тенденции нового царствования. Первая — обезвредить гвардию политически, сделав из нее со всей армией автоматический прибор для подавления внутренних массовых движений; здесь, а не в военно-балетном увлечении источник скотски бессмысленной фрунтовой выправки. Другая тенденция — вывести вольный дух в классах, доступных западным веяниям. С достижением обеих целей — возможность эксплуатировать непонятого и потому страшного зверя — народ. Двойной страх вольного духа и народа объединял династию и придворную знать в молчаливый заговор против России. На Сенатской площади голштинцы живо почувствовали свое нравственное отчуждение от страны, куда занес их политический ветер, и они искали опоры в придворном кругу, в который Ник[олай] старался напихать как можно больше немцев. С вольным духом в обществе надеялись справиться жандармскими умами, а с кр[естья]нским народом — приставленными к нему пьявками в виде помещиков с их выборными предводителями и судебно-полицейскими агентами. А[лександр] I относился к России, как чуждый ей трусливый и хитрый дипломат, Н[иколай] I — как тоже чуждый и тоже напуганный, но от испуга более решительный сыщик.

Р а з д е л

III

Тетрадь с афоризмами

[1891 г.]

1. Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности.
2. Если тень человека идет впереди его, это не значит еще, что человек идет за своею тенью.
3. Если под характером разумеется решительность действия в одном направлении, то характер есть не что иное, как недостаток размышления, не умеющего указать воле других направлений.
4. Так называемые типы времени — это лица, на которых застыли наиболее употребительные или модные гримасы, вызванные патологическим состоянием людей известного времени.
5. Человек — это величайшая скотина в мире.
6. Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению. Она дает нам столько же устойчивости, сколько отнимает подвижности. Когда мы пассивно отбиваемся, мы сильнее себя, ибо к нашим оборонительным силам присоединяется еще наше неумение скоро понять свое бессилие, т. е. наша храбрость¹ увеличивается тем, что, испугавшись, мы не скоро собираемся бежать. Напротив, атакая, мы действуем только 10 % своих сил, остальное тратится на то, чтобы привести в движение эти 10 %. Мы точно тяжеловооруженный рыцарь средних веков. Нас победит не тот, кто рыцарски правильно атакует нас с фронта, а кто из-под брюха лошади схватит нас за ногу и перекувырнет: как таракан, опрокинувшийся на спину, мы, не теряя штатного количества наших сил, будем бессильно шевелить ногами, ища точки опоры. Сила есть акт, а не потенция; не соединенная с дисциплиной, она сама себя убивает. Мы низшие организмы в

¹ Над строкой: стойкость.

международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову.

7. Можно иметь большой ум и не быть умным, как можно иметь большой нос и быть лишены обоняния.
8. Добро, сделанное врагом, так же трудно забыть, как трудно запомнить добро, сделанное другом. За добро мы платим добром только врагу; за зло мстим и врагу, и другу.
9. Мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любит.
10. Семейные ссоры — штатный ремонт ветшающей семейной любви.
11. Красавица смотрит на свою любовь, как на жертву Молоху; некрасивая считает ее ненужным подарком, который ей позволили принести; женщина ни то ни сё видит в ней просто половую повинность.
12. Страсти становятся пороками, когда превращаются в привычки, или добродетелями, когда противодействуют привычкам.
13. Когда дурак начинает считать себя остроумным, количество остроумных людей не увеличивается; когда умный человек признаёт себя остроумным, всегда становится одним умным меньше и иногда одним остроумным больше; когда остроумный начинает считать себя умным, всегда одним остроумным становится меньше и никогда не бывает одним умным больше.
14. Умный спросил глупого: «Когда Вы скажете что-нибудь умное?» — «Тотчас после Вашей первой глупости», — отвечал глупый. — «Ну, в таком случае нам обоим придется ждать долго», — продолжал умный. — «Не знаю, как Вы, а я уже своего дождался», — закончил глупый.
15. Только в математике две половины составляют одно целое. В жизни совсем не так: например, полоумный муж и полоумная жена — несомненно две половины, но в сложности они дают двух сумасшедших и никогда не составят одного полного умного.
16. Любовь женщины дает мужчине минутные наслаждения и кладет на него вечные обязательства, по крайней мере пожизненные неприятности.
17. Есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляются, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один.

18. Женщины, не любившие в молодости, под старость бросаются в благотворительность. Мужчины, начавшие поздно размышлять, обыкновенно пускаются в философию. Последним философия так же плохо заменяет понимание, как первым благотворительность — любовь.
19. Женщина плачет, потеряв то, чем долго наслаждалась; мужчина плачет, не достигнув того, чего долго добивался. Для первой слезы — вознаграждение за потерю, для второго — награда за неудачные усилия и для обоих — утешение в несчастье.
20. Счастье — кусок мяса, который увидела в воде собака, плывшая через реку с куском мяса во рту. Добиваясь счастья, мы теряем довольство; теряем, что имеем, и не достигаем того, чего желаем.
21. Исключения обыкновенно правильнее самого правила; но они потому не составляют правила, что их меньше, чем неправильных явлений.
22. Кто из людей презирает людей, должен презирать и самого себя, потому презирать людей вправе только животные.
23. Он грязно обращался с женщинами, и потому женщины его не любили, потому что женщины все прощают, кроме одного — неприятного обращения с собою.
24. Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.
25. Мужчина любит женщину, сколько может любить; женщина любит мужчину, сколько желает люб[ить]. Потому мужчина обыкновенно любит одну женщину больше, чем она того стоит, а женщина хочет любить больше мужчин, чем сколько в состоянии любить.
26. Мужчина любит обыкновенно женщин, которых уважает; женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать.
27. Хорошая женщина, выходя замуж, о б е щ а е т счастье, дурная — ж д е т его.
28. Политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение.
29. Образ правления в государстве — то же, что темперамент в человеке. Что такое темперамент? Это способ распоряжения своими мыслями и поступками, насколько он зависит от установленного всей конструкцией человека соотношения его духовных и физических сил. Что такое образ правления?

Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившего исторически соотношения его нравственных и материальных средств. История, прошедшее для народа — то же, что для отдельного человека его природа, ибо природа каждого из нас есть не что иное, как сумма наследственных особенностей. Значит, как темперамент есть совокупность бессознательных¹, но из самого человека исходящих условий, дающих на личную волю, так образ правления определяется суммой независимых от общественного мнения, но из самого народа исходящих условий, которые ограничивают общественную свободу. Общественное мнение в народе — то же, что личное сознание в отдельном человеке. Следовательно, как темперамент не зависит от сознания, так образ правления не зависит от общественного мнения. Первый может измениться² от воспитания; второй изменяется³ народным образованием.

30. Творцы общественного порядка обыкновенно становятся его орудиями или жертвами, первыми — как скоро перестают творить⁴ его, вторыми — как скоро начнут его переделывать⁵.
31. Порядочная женщина до замужества может любить только жениха, а после замужества только мужа. Но жениха она не любит вполне, потому что он еще не муж, а мужа — потому что он уже перестал быть женихом, так что порядочная женщина никогда не любит ни одного мужчины так, как женщина должна любить мужчину, т. е. вполне.
32. Республиканцы в монархиях — обыкновенно люди, не имеющие царя в собственн[ой] голове; монархисты в республиках — люди, замечающие, что другие его теряют.
33. Вся разница между умным и глупым в одном: первый всегда подумает и редко скажет, второй всегда скажет и никогда не подумает. У первого язык всегда в сфере мысли; у второго мысль вне сферы языка. У первого язык секретарь мысли, у второго ее сплетник или доносчик.
34. Влюбленный мужчина всегда глуп, потому что добывается только любви женщины, не желая знать, какую любовью любит его женщина, а это главное, потому что женщина любит только свою любовь и любит мужчину лишь насколько мужчина любит любимую ею любовь.

¹ Над строкой: независ[имо] от личн[ого] созн[ания].

² Над строкой: переработ[аться].

³ Над строкой: перестраив[ается].

⁴ Над строкой: строить.

⁵ Над строкой: перестраивать.

35. Мужчина падает на колени перед женщиной только для того, чтобы помочь ее падению.
36. «Я ваша игрушка», — говорит женщина, отдаваясь мужчине. — «Но, становясь моей игрушкой, ты остаешься ли моим другом?» — спрашивает мужчина. — «О, конечно», — отвечает женщина. — «В таком случае я имею право подарить моему другу мою лучшую игрушку», — продолжает мужчина.
37. «Я вся твоя», — говорит женщина. — «Все мое — твое», — возражает ей мужчина, но никогда не говорит при этом: «Я весь твой», — потому что обыкновенно бывает тогда сам не свой.
38. Смутные времена только тем отличаются от спокойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь: разница только в объекте вменяемости.
39. Каждый женский возраст приносит свою жертву любви: у девочки это губы, у девушки еще и сердце, у молодой женщины еще и тело, у пожилой еще и здравый рассудок, так что жизнь женщины есть геометрическая прогрессия самопожертвования на алтарь любви; перед смертью у ней не остается ничего.
40. Есть два рода болтунов: одни говорят слишком много, чтобы ничего не сказать, другие тоже говорят слишком много, но потому, что не знают, что сказать. Одни говорят, чтобы скрыть, что они думают, другие — чтобы скрыть, что они ничего не думают.
41. У женщин развито эстетическое самолюбие, которое часто бывает источником любви: они равнодушны к тому, кому доставляют наслаждение, если это замечают. На этом [основана] пословица: стерпится — слюбится.
42. Есть два рода дураков: одни не понимают того, что обязаны понимать все; другие понимают то, чего не должен понимать никто.
43. Говорят, что мужчины рождаются красивыми. Это предрассудок: красивыми мужчины делаются и делают их такими женщины.
44. Метафора или поясняет мысль, или заменяет ее. В первом случае метафора — поэзия, во втором — риторика или красноречие: красноречие есть подделка и мысли и поэзии.
45. Лицо должно отражать личность. Это отражение называется физиогномией. Есть люди, у которых лицо ничего не выражает, и есть люди с сильным выражением, хотя на них «лица нет». Потому можно сказать, что есть лица без физиогномий и есть физиогномии без лиц.
46. Мужчина, идя на доброе дело, всегда сделает его хорошим, если, провожая, его поцелует любимая женщина.

47. Женщина, влюбившаяся в мужчину, которому она не может принадлежать, должна сказать ему: «Для Вас я готова на преступление, но Вас я так люблю, что Вас не допущу до него». Мужчина в подобном случае должен говорить иначе: «Для Вас я готов на все, потому что люблю Вас, и был бы готов на преступление, если бы меньше¹ любил Вас».
48. Красивыми мужчинами женщины любят, умных обожают, в добрых влюбляются, смелых боятся, но выходят замуж охотно только за² сильных.
49. Самое умное в жизни — все-таки смерть, ибо только она исправляет все ошибки и глупости жизни.
50. Высшая степень искусства говорить — умение молчать.
51. У кого есть сердце, тот м о ж е т сделать с женщиной все, что з а х о ч е т, и дурное и хорошее. Беда³ только в том, что тот, у кого есть сердце, не з а х о ч е т сделать с женщиной всего, что м о ж е т, именно дурного.
52. Люди д у м а ю т умнее животных; но они были бы больше людьми, если бы ж и л и так же глупо, как живут животные.
53. Молодой человек любит женщину, мечтая, что она будет его женой. Старый человек любит свою жену, вспоминая, что она была женщиной.
54. Самолюбивый человек тот, кто мнением других о себе дорожит больше, чем своим собственным. Итак, быть самолюбивым значит любить себя больше, чем других, и уважать других больше, чем себя.
- 55.⁴
56. Самый верный и едва ли не единственный способ стать счастливым — это вообразить себя таким.
57. Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно⁵ изобразить его самим собою⁶, чтобы он⁷ сам собой стал велик.
58. Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами.
59. Уметь разборчиво писать⁸ — первое правило вежливости.
60. Бедные люди могут иметь нравственные правила, но не должны иметь воли: первое спасает их от преступлений, второе — от несчастий.

¹ Над зачеркнутым: не.

² Далее зачеркнуто: смелых.

³ Над строкой: Неудобство.

⁴ Изречение густо зачеркнуто.

⁵ Над строкой: стоит только.

⁶ Над строкой: каким он был.

⁷ Над строкой: представлялся.

⁸ Над строкой: Иметь разборчивый почерк.

61. Мужчина слушает ушами, женщина глазами, первый — чтобы понять, что ему говорят, вторая — чтобы понравиться тому, кто с ней говорит.
62. Есть люди, вся заслуга которых та, что они ничего не делают.
63. Мужчины всего более дорожат в женщинах их склонностью дешево продаваться.
64. Труд ценится дорого, когда дешевет капитал. Ум ценится дорого, когда дешевет сила.
65. Остряк — не разбойник и разбойник — не остряк: первый острит, но не режет, последний только режет и редко острит.
66. Есть люди, быть другом которых значит быть их жертвой, они возможны только потому, что есть люди, которые в дружбе видят только обязанность приносить жертвы друзьям.
67. Каприз — половая категория дамского мышления, не замеченная Кантом.
68. Различие между храбрым и трусом в том, что первый, сознавая опасность, не чувствует страха, а второй чувствует страх, не сознавая опасности.
69. Лучший воспитатель — голод: он быстро распознает то, с чего надо начинать воспитание — стоит ли воспитывать питомца.
70. У нас сословное разделение труда действовало и в развитии искусства: поэзия развивалась дворянством, театр — купцами, красноречие — духовенством, живопись — крепостными художниками и палеховскими икономазами.
71. Смотря на вещи свысока, с высших точек зрения, мы видим только геометрические очертания вещей и не замечаем самих вещей.
72. Поэзия разлита в обществе, как кислород в воздухе, и мы не чувствуем ее только потому, что ежеминутно ею живем, как не ощущаем кислорода потому, что ежеминутно им дышим.
73. Верхнейшее средство исправить женщину — показать ей идеал и сказать, что это ее портрет. Из ревности¹ ей захочется стать его оригиналом и непременно² удастся сделаться его сносной копией.
74. Очень ясно излагают свои мысли о сущности вещей, но в этом изложении ясны только мысли, а не сущность вещей. Понимать свои мысли о предмете не значит понимать предмет.
75. Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла.
76. Играя других, актеры отвыкают быть самими собой.

¹ *Над строкой:* суетность.

² *Над строкой:* по гибкости.

77. Иногда необходимо нарушать правило, чтобы спасти его силу.
78. Люди самолюбивые любят власть, люди честолюбивые — влияние, люди надменные ищут того и другого, люди размышляющие презирают и то и другое.
79. Одиночество развило в нем привычку размышлять о самом себе, а это размышление вывело его из одиночества. Размышляя о себе самом, он незаметно для себя стал разговаривать с самим собой и таким образом приобрел себе собеседника в самом себе. Он встретился с собой, как с любопытным и приятным незнакомцем.
80. При них был порядок не потому, что они его умели установить, а потому, что не сумели его разрушить.
81. Повесе, чтобы соблазнить женщину, нужно больше тонкого понимания людей, чем Бисмарку, чтобы одурачить Европу.
82. Большая разница между профессором и администратором, хотя она выражается только двумя буквами: задача первого — заставить себя с л у ш а т ь, задача второго — заставить себя с л у ш а т ь с я.
83. Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.
84. С честолюбием дельца, но со средствами одного самолюбия — выходит интриган.
85. Искусство — суррогат жизни, потому искусство любят те, кому не удалась жизнь.
86. Поставщики знания и потребители искусства и обратно — таково устройство нашего культурного хозяйства (оборота).
87. Незамужние жены из запретного плода превращаются в контрабанду с фальшивой пломбой: их уже не скрывают, но говорят, что приобрели их согласно с действующим нравственным тарифом.
88. Всего хуже сознавать себя дополнением собственной мебели.
89. Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум.
90. Религиозное чувство ставит руководителем жизни разумное Провидение. Рассудок — выраженный в цифрах слепой закон необходимости. Торжество рассудка заменит религию статистикой, верование — научной гипотезой.
91. Детальное изучение отдельных органов отучает понимать жизнь всего организма.
92. Истинную цену жизни знает лишь тот, кому приходилось умереть и удалось не умереть. Истинную цену счастья знает лишь тот, кто мечтал о счастье и испытал.
93. Сладострастие есть не что иное, как властолюбивое самолюбие, разыгранное на женских прелестях.

94. Счастлив тот, кому из всех женщин, которых он любил, наиболее зла наделала та, которая наименее этого хотела.
95. Спорт становится любимым предметом размышления и скоро станет единственным методом мышления.
96. Самолюбивая женщина из запачканных пеленок своего ребенка делает себе ризу богородицы.
97. Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит; требовать благодарности — глупость; не быть благодарным — подлость.
98. Желание нравиться — женская форма властолюбия, как желание удивлять, т. е. пугать, есть мужская форма той же страсти. Женщина отдается в плен тому, кем хочет повелевать; мужчина завоевывает ту, которая хочет холопствовать.
99. Смерть — величайший математик, ибо безошибочно решает все задачи.
100. П.* — это каноническая скотина, которую ап[остолом] Павлом разрешено есть всем православным христианам.
 «So lernt der Mensch erwerben
 Nur in der Liebe Zucht die Kunst zu sterben»¹.
 Leopardi.
101. Когда люди, желая ссоры, не ждут ее, она и не последует; когда они ждут ее, не желая, она случится непременно. 26 сент[ября 18]91 г.
102. Дружба может обойтись без любви; любовь без дружбы — нет.
103. Наше общество — случайное сборище сладеньких людей, живущих суточными новостями и минутными эстетическими впечатлениями.
104. Жить значит быть любимым. О н жил или о н а жила — это значит только одно: его или ее много любили.
105. Музыка — акустический состав, вызывающий в нас аппетит к жизни, как известные аптечные составы вызывают аппетит к еде.
106. Счастье не в том, чтобы прожить благополучно, а в том, чтобы понять и почувствовать, в чем может оно состоять.
107. Светские люди — это класс общественных трутней, откармливаемый рабочим людом сначала для потехи, а потом на убой.
108. В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений.
109. В мужчину, которого любят все женщины, не влюбится ни одна из них.
110. Кто не любит просить, тот не любит обязываться, т. е. боится быть благодарным.

¹ «Лишь в школе любви завоевывает человек искусство умирать» (нем.)

111. Мужчина видит в любой женщине то, что хочет из нее сделать, и обыкновенно делает из нее то, чем она не хочет быть.
112. Люди живут идолопоклонством¹ перед идеалами, и когда недостает идеалов, они идеализируют идолов.
113. В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда негодных людей. Гении² ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много.
114. Характер — власть над самим собой, талант — власть над другими. Бесхарактерные таланты и бездарные характеры.
115. Почему от священнослужителя требуют благочестия, когда врачу не вменяется в обязанность, леча других, самому быть здоровым?
116. Здравый и здоровый человек лепит Венеру Милосскую из своей Акулины и не видит в Венере Милосской ничего более своей Акулины.
117. Счастлив, кто может жену любить, как любовницу, и несчастлив, кто любовнице позволяет любить себя, как мужа.
118. О добродетелях людей, особенно женщин, большей частью можно судить только по совокупности их пороков, потому что добродетелью обыкновенно считают люди, особенно женщины, только отсутствие соответствующего порока.
119. Существующий порядок, пока он существует, не есть лучший из многих возможных, а единственно возможный из многих лучших. Не то, что он лучший из мыслимых, сделало его возможным, а то, что он оказался возможным, делает его лучшим из мыслимых.
120. Некоторые женщины умнее других дур только тем, что сознают свою глупость. Разница между теми и другими только в том, что одни считают себя умными, оставаясь глупыми; другие признают себя глупыми, не становясь оттого умными.
121. Дамы только тем и обнаруживают в себе присутствие ума, что часто сходят с него.
122. Дружба обыкновенно служит переходом от простого знакомства к вражде.
123. У артистов от постоянного прикосновения к искусству притупляется и вытирается эстетическое чувство, заменяясь эстетическим глазомером, как у вино торговца-эксперта аппетит к вину заменяется вкусом в вине.

¹ *Над строкой:* творят себе идол[а].

² *Над строкой:* Гениальные едвинцы.

124. Есть два рода нерешительных людей: одни нерешительны, потому что не могут сообразить никакого решения, другие — потому, что зараз соображают несколько решений. Первые нерешительны, потому что глупы, вторые кажутся глупыми, потому что нерешительны.
125. Есть два рода любви к ближнему. Если мы любим самое наше чувство любви к другому, это — любовь. Если мы любим любовь другого к нам, это — дружба. Любовь разрушается взаимностью, а дружба ею питается.
126. Наше сочувствие религиозной старине не нравственное, а только художественное: мы только любуемся ее чувствами, не разделяя их, как сладострастные старики любят молоденькими девицами, не будучи в состоянии любить их.
127. Было бы сердце, а печали найдутся.
128. Размышляющий человек должен бояться только самого себя, потому что должен быть единственным и беспощадным судьей самого себя.
129. Кто смеется, тот не злится, потому что смеяться значит прощать.
130. Кто имеет друзей, которые ненавидят друг друга, тот заслуживает их общей ненависти.
131. Ум гибнет от противоречий, а сердце ими питается. Под холодной веселостью часто скрывается теплая грусть, как альпийский лед прикрывает нежный подснежник. Можно ненавидеть человека, как подлеца, а можно умереть за него, как за ближнего.
132. Молодая девица, желающая выйти замуж за пожилого мужчину, должна написать ему следующее письмо со вложением дружбы: «Я не могу быть ни Вашей любовницей, ни Вашей женой; любовницей — потому что я Вас слишком люблю, женой — потому что недостойна Вашей любви».
133. Какая разница между женой и любовницей? Любовниц мы любим по инстинкту, жены и а с любят по апостолу. Следовательно, для гармонии жизни надобно иметь и жену и любовницу: незаслуженной любовью нелюбимых жен мы мстим коварным любовницам, а самоотверженной любовью к нелюбящим любовницам мы подаем добрый пример нашим обманываемым женам.
134. Чувствительность есть подделка чувства, как диалектика есть подделка логики.
- [135.] Хотеть быть чем-то другим, а не самим собой значит хотеть стать ничем¹.

¹ Далее 5¹/₂ листа оставлены чистыми.

Записная книжка

[1890-е годы]

Июнь 1892.

1. Ввести в обзор источников археологические и другие вспомогательные сведения.
2. Прогресс мысли в том, что достигнутую цель она превращает в средство для дальнейшей цели; прогресс чувства в том, что удачное средство оно делает целью, новой целью, забывая о первоначальной цели или тяготясь¹ ей, как неизбежным следствием. 4 июля. Брыково.
3. Предмет истории — то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т. е., изучая п р е д к о в, узнаем с а м и х с е б я. Без знания истории мы должны признать² себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу.
4. В преданиях и усадьбах старых русских бар встретим следы приспособлений комфорта и развлечения, но не хозяйства и культуры; из них можно составить музей праздного баловства, но не землевладения и сельского управления. [...] ³
9. Схема истории х о л о п с т в а в России. Военное или экономическое насилие превратилось в юридический институт, который посредством продолжительной практики превратился в привычку, а она по отмене института осталась в нравах, как нравственная болезнь. 19 июля. [...]

¹ Над строкой: смотря.

² Над строкой: казаться.

³ Пункты 5—8, 10—22, 29—50 опускаются, так как являются выписками фактического материала из газет и других источников и заметками для курса.

23. Современный трезвый и благоразумный человек видит только нескладицу житейских отношений, не видя в них внутреннего смысла, и, не думая об их исправлении, старается только направить их в свою пользу. Личный эгоизм — единственная гармония жизни для него. В жизни он видит только прорехи и щели, не штопая их мечтами, не замазывая их докихотскими порывами, и спокойно плюет в них, когда нельзя в них просунуть пальца для благоприобретения чужой вещи без взлома.
24. Честолюбцы фантазии и натуги; первые — сами себя догоняющие, вторые — сами от себя отстающие. Оба поставят себя на высокий пьедестал и потом карабкаются, чтобы подняться до своего призрака.
25. Р а с к о л. Два момента надо различать в его происхождении: н р а в с т в е н н о - п с и х о л о г и ч е с к и й. — переворот в каждом отдельном раскольнике, откалывавшемся от церкви, и ц е р к о в н о - к а н о н и ч е с к и й — образование церковного сектантского общества из отколовшихся. С условиями государственной и народной гражданской жизни связан наиболее первый.
26. Екатерина своей популярностью обязана ужасам времени Анны.
27. Обряд — религиозный пепел: это нагар на вере, образующийся от постепенного охлаждения религиозного чувства; но он и охраняет остаток религиозного жара от внешнего холода жизни. Обряд — действие, вызываемое чувством; становясь привычным, оно может и заменять утомленное чувство, может и подогревать чувство, готовое погаснуть. В пепле долго держится часть тепла от горения, его образовавшего.
28. Науку часто смешивают с знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, т. е. умение пользоваться знанием как следует. [...]

Современная интеллигентная барышня — пушка, которая заряжается в гимназическом классе, а разряжается в университетской клинике душевнобольных.

Жены — инспектрисы мужей; только одни инспектируют их сердца, другие — их карманы, а третьи, самые разумные, — их рты.

Люди напряженно преследуют свои интересы, но книг не читают. Почему? Книги ли так неинтересны или интересы так не книжны? ¹

¹ Далее треть листа оставлена чистой.

Декадентство — это искусство, утратившее эстетическое чутье, но сохранившее свою технику. Это творчество без идеала, как толстовщина — религия без бога.

У В. Г[ерь?]е сделочная, нотариальная совесть.

Ветряные мельницы: вечно машут крыльями, но никогда не летают.

Самый непобедимый человек — это тот, кому не страшно быть глупым.

Современная мысль до того изогнулась и извертелась, что стала похожа на старую балетную плясунью, которая, приподняв подол, еще может выделять замысловатые и непристойные фигуры, но ходить прямо, твердо и просто уже не в состоянии.

Современная патологическая психология стремится глупость сделать умной, а подлость невменяемой.

Ум современного молодого человека рано изнашивается усвоением чужих мыслей и теряет способность к самодеятельности и самостоятельности.

Робкий, но не трусливый.

Театральный зритель есть человек, купивший себе в кассе право требовать, чтобы его одурачили, заставили мираж принять за действительность.

Современная философия есть дело разума, освободившегося от власти здравого рассудка и поработившегося микроскопу.

Доброта иных происходит только от утомления злом.

Пошлость самодовольная, влюбленная в самое себя.

Самая стыдливая совесть не стыдилась ей изменять.

Каждый из нас живет только для того, чтобы получить право умереть.

Эстетич[еское] остервенение современной публики, соединенное с умственным оуплением и нравственным расслаблением.

Дух[овно]-учебные заведения — не столько школы, сколько богадельни учащихся и учащихся, призреваемых там под предлогом науки: там больше богохульствуют, чем богословствуют.

Декаденты в интеллигенции — то же, что в гастрономии люди, испортившие себе пищеварение, но сохранившие аппетит.

Он так изолгался, что не верит сам себе даже тогда, когда г[ово]рит правду.

Кого он не предаст, когда ежеминутно предает самого себя: это самоиуда.

Служебное жалование превращается в государственную милостыню голодающим.

Успехи критич[еского] чутья в избалованной талантами массе и ослабление творчества (сами ничего не могут создать).

Русск[ая] интеллигенция скоро почувствует себя в положении продавщицы конфет голодным людям.

Молодость без молодых впечатлений; онанизированные преждевременными, непонятными им идеями, эти народные борцы потом станут заскорузлыми аферистами или казнокрадами.

Истина проводится в наше сознание подобно запретным заграничным товарам контрабандой, под ярлыком лжи или шутки; зато под видом заграничной истины мы беспощинно получаем от своих поставщиков-производителей чистую ложь или озорство совершенно домашнего кустарного изделия. 1 янв[аря] 1898.

Умный тем отличается от дурака, что когда оба разозлятся, умный становится дураком, а дурак умным.

Маленькие люди с большими притязаниями, с маленькими средствами, желающие делать большие дела.

Животное по инстинкту, не имея разума, поступает разумно; человек, пользуясь разумом, умеет поступать неразумно вопреки инстинкту.

Всего больше платимся мы за то, что не умеем быть вовремя умны. Потому глупость самая дорогая роскошь, которую могут позволить себе только богатые люди и которая только им прощительна. Как дорого платятся народы за глупость, что не умеют ни управлять собой, ни жить мирно друг с другом?

Кто не способен работать по 16 ч[асов] в сутки, тот не имел права родиться и д[олжен] быть устранен из жизни, как узурпатор бытия.

Гордый или самолюбивый человек и историк — не совместимые в одном лице понятия: это музыкант без слуха, мыслитель без головы, Бартенев без «Р[усского] архива».

Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего. Есть люди, которые становятся скотами, как только начинают обращаться с ними, как с людьми.

Популярное искусство ценно не по пользе, которую оно приносит, а по вреду, от которого спасает, доставляя менее грубое развлечение.

Современные франц[узские] писатели более обязаны своими успехами языку, на котором пишут, чем язык им.

Русский ум всего ярче сказывается в глупостях.

Позитивизм, дарвинизм, альтруизм — все научные воззрения и методы знания, переходя в образованную публику, становятся модными покроями мысли — не больше.

Культурные нищие, одевающиеся в обноски и обрывки чужой мысли; растерявшись в своих мелких ежедневных делишках, они побираются слухами, сплетнями, анекдотами, словцами, чтобы сохранить физиономию интеллигентов, стоящих в курсе высших интересов своего времени.

Дурак, одураченный собственным остроумием. Дм. и К-ш.

Она стала умна прежде, чем перестала быть дурочкой.

Чем больше Вы живете, тем становитесь моложе.

Чтобы быть полезным людям, нужно ничем не пользоваться от них.

Вы выше нас всех: Вы один понимаете, что говорите.

Молодежь, что бабочки: летят на свет и попадают на огонь.

Преисполнен собственной пустоты.

У большинства правила заменяются привычками.

Казеннокоштные золоторотцы р[усского] просвещения.

Необыкновенно животный человек.

Свое паршивое тело они прикрывают кисеей, переделанной из кожи, содранной с народного здорового тела.

Под его злостью чувствуется горе, как у больного под желчью кроется кровь.

Дрянные вешалки для великих исторических званий.

От его научных понятий пахнет учебником Ил[овайского], а от нравств[енных] убеждений — сельским кабачком.

В 60 м[инут ?] въезда он вырос больше, чем со дня своего рождения.

Всякий дурной поступок носит в себе кнут для спины своего виновника.

Есть умы без воли, как есть воли без ума.

Люди образованные из народа обыкновенно сохраняют его дурные свойства и перестают понимать хорошее.

Всякий счастлив в меру своей способности к счастью и своей потребности в счастье.

У хорошего доктора лекарство¹ не в аптеке, а в его собств[енной] голове (не на углу улиц).

Р[усская] интеллигенция — листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалет о них, потому что вырастит другие листья.

Я Вас гораздо больше бы любил, если бы Вы меня немножко меньше ненавидели, но и презирал бы Вас даже и тогда, когда бы

¹ Над строкой: аптека.

Вы меня уважали. (Соврем[енный] муж жене в интимной беседе.)

Высшее наслаждение мужчины — заставить женщину наслаждаться не им, а самой собой; но женщина любит только мужчину, который заставляет ее наслаждаться им, а не самой собой. [...]

Полудевицы и живут получувствами, полумыслями, полужизнью, т. е. девальвируют себя на половину цены.

Искусственное, художественное горе отучает от понимания действительного, как театральные слезы отучают от житейских.

Есть люди, которых каждый день выдаешь, а не заметишь, есть ли у них борода и усы.

Кулаки-бабы берегут свое сердце, как деньги, забывая, что последние существуют для того, чтобы их тратить, а первое — чтобы отдавать.

Христы редко являются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары.

Либералы — игроки на глупость, как консерваторы — игроки на трусость.

Женская любовь — дар, который получает цену только когда ¹ перестает быть подарком.

Из борьбы личных интересов вырабатывается не лучший из возможных, а возможнейший из лучших порядков.

У него ум на конце его языка и потому никогда не бывает на своем месте. Вот почему говоруны не бывают умными. Оттого язык его не становится умным, а только ум перестает б[ыть] острым.

Люди, умеющие открыть рот, но не закрыть его.

Среднему статистическому пошлому человеку не нужна, даже тяжела религия. Она нужна только очень маленьким и очень большим людям: первых она поднимает, а вторых поддерживает на их высоте. Средние пошлые люди не нуждаются ни в подъеме, потому что им лень подниматься, ни в опоре, потому что им некуда падать.

Это обледеневший огонь.

Религия для нас — не потребность духа, а воспоминание или привычка молодости.

Есть люди, которые умеют говорить, но не умеют ничего сказать. Это ветряные мельницы, которые вечно ² машут крыльями, но никогда не летают.

Давайте отвыкнем от дурных слов и приобретем хорошие привычки. Бездарные люди — обыкновенно самые требовательные критики; не будучи в состоянии сделать простейшее из возможного и не

¹ Далее зачеркнуто: становится.

² Над строкой: только.

зная, что как делается, они требуют от других совсем невозможного.

Она в каждом мужчине ищет мужа, потому что в муже не нашла мужчины.

На что им либерализм? Они из него не могут сделать никакого употребления, кроме злоупотребления.

Я слишком стар, чтобы стареть: стареют только молодые.

Русский культурный человек — дурак, набитый отбросами чужого мышления (чужим умом).

Можно благоговеть перед людьми, веровавшими в Россию, но не перед предметом их верования.

Глг-ва * — фарфоровая кукла, холодная, как фарфор, и противная, как кукла.

Научная проблема[ти]ка, что порядочная дама: чем скромнее и почтительнее подойдешь к ней, тем скорее она позволит понять себя.

Кто очень любит себя, того не любят другие, потому что из деликатности не хотят быть его соперниками.

Часто нужно не знать своего положения, чтобы быть в состоянии поправить его.

Русский студент — вечное жвачное животное, которое в университете жует литографированную бумагу, а потом на службе — бумагу кредитную — и тем сыт бывает.

Наблюдать людей значит презирать их, т. е. лишая себя возможности понимать их; чтобы понимать их, надобно жить с ними, презирая их образ жизни, а не их самих.

Соврем[енный] образ[ованный] человек полон своей собственной пустоты.

При крепостном праве мы были холопами чужой воли; получив волю размышлять, мы стали холопами чужой мысли.

К.* — переимчивая сорока, которая может затвердить всякого Якова.

Мысли и чувства женщин лучше их самих: подслушивать их гораздо опрятнее, чем их подсматривать.

Женщина, соблазняющая мужчину, гор[аздо] менее виновата, чем мужчина, соблазняющий женщину, потому что ей труднее стать порочной, чем ему остаться добродетельным.

Мы всегда размышляем не своими мыслями, а пережевыванием чужих.

Смелы в мышлении и трусы в действии.

Казуистика дурна не сама по себе, а тем, что не умеет быть самой собой, предвидеть все случаи.

Мы больше воображаем, чем знаем положение дел, и потому больше пугаемся, чем предвидим свои опасности.

Мы размышляем, как управляемся. Самовластие из политического порядка стало методом нашего мышления. Произвол переселился из Свода [законов] в наш мозг.

Иванов * — старинная пожарная трещотка — будит не мысль, а только тревожит нервы.

Под старость глаза перемещаются со лба на затылок: начинаешь смотреть назад и ничего не видеть впереди, т. е. живешь воспоминаниями, а не надеждами.

Русские цари — мертвецы в живой обстановке.

Самый веселый смех — это смеяться над теми, кто смеется над тобой.

Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее.

Злой дурак злится на других за собственную глупость.

Мудрено пишут только о том, чего не понимают.

Люди, которые легко говорят, обыкновенно трудно понимают. Занть свое положение гораздо легче, чем сознавать его, а понимать еще труднее.

Живой человек: когда ему 40 лет, все дают ему 60, а когда пойдет 60, все дают только 40.

Великосветский партер XVIII в. так любил сцену, что охотно перепрыгнул бы через рампу, чтобы занять место на сцене, а сцену посадить на свое место.

Публичные девки публицистики.

Русский мыслящий человек мыслит, как русский царь правит; последний при каждом столкновении с неприятным законом говорит: «Я выше закона», и отвергает старый закон, не улаживая столкновения. Русский мыслящий человек при встрече с вопросом, не поддающимся его привычным воззрениям, но возбуждаемый логикой, здравым смыслом, говорит: «Я выше логики», и отвергает самый вопрос, не разрешая его. Произволу власти соответствует произвол мысли.

Инерция — энергия без действия.

Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести.

Логика жизни: из либеральных¹ девиц выходят дамы вольного поведения.

Сопливо — добрых гражданских чувств профессор и торговец. Он стал дураком только потому, что хотел быть умным.

Она производит впечатление г. с-го, попавшего в сахарницу: и им неловко и ей стыдно.

¹ Над строкой: Обр[аз] мыслей.

Одни вечно больны только потому, что очень заботятся быть здоровы[ми], а другие здоровы только потому, что не боятся быть больными.

Очевидно, Вы по моей душе учились грамоте, потому что читаете мою душу, как свою старую истрепанную азбуку.

Газета приучает читателя размышлять о том, чего он не знает, и знать то, что не понимает.

Иногда человеку не дают покоя только потому, что желают успокоить его.

Адвокат — трупный червь: он живет чужой юридической смертью. На основании закона так же легко убивают человека, как и по позыву произвола. Только в последнем случае поступок сознается как преступление, а в первом — как практика права.

Дарвинизированные умы, прогнившие от полового подбора.

В самом ли деле он такой дурак, как кажется, или это только так кажется, что он такой дурак?

Образование дает русскому человеку только вкусовую энергию — способность смаковать жизнь, а не создавать ее.

Прежде их соединял хотя [бы] пол, а теперь только потолок. Чтобы образумились дети, должны умереть с голоду отцы.

Чтобы уметь быть злым, надобно выучиться быть добрым: иначе будешь просто гадким.

Он стал думать о мышлении с тех пор, как перестал мыслить. Механическая любовь.

Заспанные свои мысли принимают за открытия.

Не начинайте дела, конец которого не в Ваших руках.

Далай-лама и конституционные короли: вся их деятельность в том, чтобы б ы т ь и ничего не делать.

Я очень ценю «Р[усские] в[едомости]» с методолог[ической] стороны: они доказывают, как выгодно издавать газету при самых скудных умствен[ных] и нравств[енных] средствах.

Дарвинизированные умы.

Пора иметь право располагать самим собой, с а м о г о с е б я заработать.

С[амодержавие] нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие.

Ваше общество слишком трудно для меня: Вас окружают лица, одним из которых я не могу быть.

Кто не любит женщины, тот не понимает бога, потому что бог написал себя на душе женщины, а его писание можно читать только сердцем.

- Талант, что мозоль на ноге: банщик срежет ее, а деятельность ноги восстановит.
- Вместо любви к солдату они (альтруисты) проповедают любовь к казарме.
- Студенческие кокетки, привлекающие слушателей легкостью мысли и соблазнительностью тем.
- Некоторых профессоров любят слушать только потому, что слышат от них свои собственные слова.
- Буйловые¹ умы, которые прут по прямой линии, но без цели, не умея своротить в сторону ни перед ямой, ни даже перед физическим законом.
- Многие трусливы только потому, что боятся не смерти, а опасности.
- Адрес писан для профессоров на бумаге Говарда, а профессора, чтобы увековечить, с помощью студентов литографировали его на коже автора. Это выходит пергамен.
- Немного шаловливая мысль, которая любит поиграть чёртом, но никогда не забывает бога.
- Старость для человека, что пыль для платья — выводит наружу все пятна характера.
- Мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот.
- Враги — это банщики. Своей злобой против Вас они смывают Вашу, а не свою грязь.
- Верует духовенство в бога? Оно не понимает этого вопроса, потому что оно служит богу.
- Разница между консерваторами и либералами: у первых слова хуже мыслей, у вторых мысли хуже слов, т. е. первые не хотят хорошенько сказать, что думают, а вторые не умеют понять, что говорят.
- Музыка для черствого сердца — то же, что касторовое масло для засорившегося желудка.
- Капризные выходки озорной мысли — не оригинальные идеи логического мышления.
- Жалоба, что нас люди не понимают, всего чаще происходит оттого, что мы не понимаем людей.
- У него под руками рояль не играет, а размышляет вслух и размышляет свои лучшие мысли.
- Крашенные русские куклы западной цивилизации.
- У нас политические партии — не порядки убеждений или образы мыслей, а возрасты или экономические положения.

¹ Так в рукописи.

У женщины сердце умнее ее ума: потому-то она чувствует умно и размышляет глупо.

Тяжелое дело писать легко, но тяжело писать легкое дело.

И москаль, и хохол хитрые люди, и хитрость обоих выражается в притворстве. Но тот и другой притворяются по-своему: первый любит притворяться дураком, а второй умным.

Земство и самоуправление: никто не учит людей плавать на луже, по которой воробьи пешком ходят.

Наша неуравновешенность и неустойчивость от излишней вескости головы, т. е. от слишком высоко помещенного центра тяжести (возвышенность чувств и мыслей, высоко держим головы).

В России центр на периферии.

У них мысль не ведет за собой их слов, а с трудом догоняет их.

Что хуже или что лучше — мало судей и много законов или наоборот, как было в древней Руси.

Древний Восток искал бога в своем воображении, чтобы отвязаться от черта в природе. Новый З[апад] продолжил эти поиски и нашел черта в своем воображении, чтобы отвязаться от бога в природе.

У животных нет нашего дара слова, но есть свой язык для выражения мыслей. Лексикон есть, нет нашей грамма[ти]ки.

Когда кошка хочет поймать мышку, она притворяется мышкой.

Высшая задача таланта — своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни.

Люди, умеющие открыть рот, но не умеющие закрыть его.

Благотворительность больше родит потребностей, чем устраняет нужд.

Кадетский либерализм.

Самая живая мысль дохнет, попав под их перо.

Кисельно-молочный социализм Ч-ва.

Люди с неблагополучными мышлениями.

Они — философы всматривались в глубину житейского моря, чтобы в ней разглядеть истину, и конечно видели там только свои собственные физиономии.

Наша история идет по нашему календарю: в каждый век отстаем от мира на сутки.

На З[ападе] и чувства устанавливаются законодательным путем (признание смерти кард[инала] Гонзалеса национальным горем в Испан[ской] палате 20 н[оя]бря 1894 [г.]).

Кроты — кроткие!

На З[ападе] церковь без бога, в России бог без церкви.

Эгоисты всех больше жалуются на эгоизм других, потому что всего больше от него страдают.

У иных поступки лучше их намерений, потому что их инстинкты умнее их ума.

Люди ищут себя везде, только не в себе самих.

В молодости можешь уснуть, когда и не хочется спать, а в старости и хочется спать, да не можешь уснуть. Так и с прочими инстинктами.

Не человек живой, а только сгущенный призрак человека.

Не человек, а комок злости.

Мыслят так быстро, что не успевают подметать своих мыслей.

Игра в свои собственные конституционные мечты — политический онанизм.

Эмпиризм в раздумье: не отрицаясь от себя, начинает сомневаться в себе и чувствует потребность проверить себя. Он хочет знать куда идет и осветить свой путь; поэтому камни преткновения для своей мысли он увидит раньше, чем на них оступится. Это большой успех и ценный залог дальнейших успехов: авось он перестанет проверять свой глаз его собственными ошибками, т. е. опыт опытом. Он хочет знать и признает только то, что стоит перед глазами; но и миражи в пустыне тоже стоят перед глазами.

Чтобы видеть неправильность действительной геометрической фигуры, надо набросить на нее абстрактную правильную.

Историк — наблюдатель, не следователь.

Сомневаюсь не в ученой добросовестности, а в ученом самообладании 3-на.

Я влюбилась бы в Вас, если б меньше Вас любила. Женщинам надо внушать ненависть к себе, чтобы добиться их любви. Мы заповздалые Печорин и княжна М[эри].

П. и К° — жвачные умы 60-х годов, пережевывающие случайно попавшую в рот либеральную жвачку, уже утратившую всякую питательность. Раз усвоенный образ мыслей из убеждения ума превратился в дурную привычку мозга.

Ученые издатели — половые науки, которые не варят и не кушают, а только подают кушанье.

Толстой, как большинство романистов с талантом, хороший художественный прибор, а вовсе не художник. Творчества в нем не больше, чем в луже, отражающей лунный вечер, только грязи значительно больше.

Начитанные и надорванные либеральные дураки, производящие впечатление умных только на таких же надорванных, но не столь начитанных дураков. Недогольны всем настоящим, а

прошлое ругают за то, что не похоже на настоящее. Сантиментально-озлобленные бурсаки киево-могилевского покроя.

Разница между духовенством и другими русск[ими] сословиями: здесь много пьяниц, там мало трезвых.

Ничего мудреного не сделают, но все простое сделают мудрено.

Чтобы быть ясным, оратор должен быть откровенным.

Где нет тропы, надо часто оглядываться назад, чтобы прямо идти вперед.

Простейший способ не нуждаться в деньгах — не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

Твердость убеждений — чаще инерция мысли, чем последовательность мышления.

Мы часто сердимся на предков за то, что они на нас непохожи, вместо того, чтобы радоваться, что мы на них непохожи (ушли от них вперед).

Прежде психологией называлась наука о душе человеческой, а теперь это наука об ее отсутствии.

Одна нигилистка, случайно уверовавшая в бога, признавалась, что она ни за что не согласилась бы быть безбожницей, если бы знала, как приятно веровать.

Когда двое тонут, надо спасать четверых, потому что в каждом погибающем сидит еще сумасшедший.

Остроумие в мышлении — то же, что пряность в питании: она делает вкусной пищу, но портит¹ и вкус, и пищеварение.

Пессимизм, что тошнота, которая происходит от трех причин: 1) от объедения, 2) голода и 3) беременности.

Когда нам плохо, плохое утешение думать, что другим еще хуже.

В других обществах всякий живет, работая и частью проживая, частью наживая; в русском одни только наживаются, другие проживаются и никто не живет и не работает.

Государству служат худшие люди, а лучшие — только худшими своими свойствами.

Откровенность — вовсе не доверчивость, а только дурная привычка размышлять вслух, т. е. в присутствии чужих ушей, потому что сами себя не слушают (говорить во сне).

Их готовят в мадамы Рекамье², а из них выходят трактирные каприатиды (классицизм дамский).

Делай, что я говорю, но не говори, что я делаю, — исправленное иезуитство. Толст[ой]³.

¹ *Над строкой:* истощ[ает].

² *Над строкой:* Класс. Палл. Афины.

³ *Далее неразборчиво:* Рим. Катол. 2 т. [?]

Причина неодинаковой оплаты занятий. Одни дела могут делать все, но не всякий хочет; другие хотят все, но не всякий может.

Истина, что свет: ее самоё не видно, но все предметы видны и понятны, лишь насколько обладают ее светом (в ее свете).

В ы р о ж д е н и е принадлежит, как и в н у ш е н и е, к числу слов, которые не выражают мыслей, а заменяют их.

Скучен театр, когда на сцене видишь не людей, а актеров.

Недостаток теперешнего обтянутого дамского костюма тот, что он не столько прикрывает то, что есть, сколько обнаруживает то, чего нет.

Это люди, с которыми расставаясь, жалеешь, что с ними виделся.

Дарьяльское ущелье — горная проповедь своего рода, в которой говорят камни.

Сидят на штыках, покрыв их газетой.

Женщина опасна не когда нападает, а когда падает.

Истинная цель дела благотворительности не в том, чтобы благотворить, а чтобы некому было благотворить.

Худшая посадка между двух стульев — очутиться между своими притязаниями и способностями, казаться слишком великим для малых дел и оказаться слишком малым для великих.

Думать не о том, что делаешь, совсем не то же, что делать не то, что думаешь. Обман и то и другое, но в первом случае обманываешь себя самого, во втором других.

Большинство соврем[енных] браков м[ожно] признать если не счастливыми, то сытными: о н а в нем приобретает ¹ кусок хлеба, он в ней — кусок мяса. Едят друг друга.

Вспомнив былое, вдруг иногда как будто почувешь з а п а х юности.

Инстинкт — двигатель без сознания, но с участием воли; автомат — двигатель без воли и в механике без сознания.

Фанатизм во имя порядка готов внести анархию.

Право по самому существу есть софистика, ибо есть борьба с инстинктом, т. е. природой, и его слугой — здравым смыслом.

Впредь будут воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армии будут нужны только для того, чтобы было кого убивать по законам химии снарядами лабораторий.

Мужчина занимается женщиной, как химик своей лабораторией: он наблюдает в ней непонятные ему процессы, которые сам же производит.

Введение морали в политич[ескую] экономию — противоестественная помесь идеи долга с грошом: выходит ни мораль, ни поли-

¹ Над строкой: ищет.

т[ическая] экономия, а не то морализирующий грош, не то грошовая мораль. Ублюдок ни в мать, ни в отца, а в сочинившего его ученого удалыца.

Женщина рождается по ошибке, выходит замуж по любви, родит по глупости, умнеет от родов, разводится по капризу на мужа и умирает с горя о детя[x].

Гораздо легче стать отцом, чем остаться им.

Выбирая себе жену, надо помнить, что выбираешь мать своим детям и как опекун своих детей должен позаботиться, чтобы жена по вкусу мужа была матерью по сердцу детям; чрез отца дети д[олжны] участвовать в выборе матери.

Наука изучает не истины, а только необходимости или потребности, из них вытекающие или ими внушаемые, как физика изучает силы природы, не понимая их источника, т. е. самой природы.

Есть мужчины, которые тем больше нравятся, чем лучше их понимаешь, и есть женщины, которых тем лучше понимаешь, чем больше они нравятся.

Судьба и провидение: на первую мы жалуемся, когда другие нас обижают, вторым оправдываемся, когда сами обижаем других.

Привычки отцов, и дурные и хорошие, превращаются в пороки детей.

Дамы всего менее понимают право как требование ума и необходимости, а они мыслят сердцем и только сердятся умом.

Часто встречаются люди, которые любят говорить о том, чего не понимают, как иные не чувствуют запаха того, что нюхают. Это очень жаль, хотя и очень просто; это значит, что есть люди, у которых язык длиннее их ума, как есть люди, у которых нос длиннее их обоняния.

Какая самая умная женщина? Та, которую хочется благодарить даже за отказ¹.

Почему люди² так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения.

Что труднее³, стать порочным или перестать быть добродетельным? Думаю, что труднее первое⁴, потому что сложнее⁵: чтобы перестать быть добродетельным, не нужно быть порочным, а

¹ Далее четверть листа оставлена чистой.

² Над строкой: чел[овече]ство.

³ Над строкой: легче.

⁴ Над строкой: второе.

⁵ Над строкой: проще.

чтобы стать порочным, нужно наперед перестать быть добродетельным.

Многие только потому республиканцы, что нет ¹ царя в голове (природн[ые] р[еспубликан]цы рождаются без царя...).

Г[ерцог] Ларошфуко сказал, что притворство есть дань, платимая пороком добродетели. Совершенно верно. Потому-то добродетель так и любит притворство, как свой штатный доход по должности, и не может обойтись без порока, как своего крепостного кормильца.

Есть два рода непонимания. Одни еще не разглядели того, что есть в вещах, другие успели уже усмотреть и то, чего нет в них. Это последнее непонимание безнадежнее и неисправимее первого, потому что легче до пол н я т ь, чем п е р е п о л н я т ь, как легче дойти до цели, чем воротиться к ней (кто не стрелял и кто промахн[улся]).

У всякого возраста свои привилегии и свои неудобства. Привилегия стариков — хвалиться своим прошлым, т. е. своей ненужностью; неудобство — почет от молодежи, похожий на усиленную ласку хозяев к собравшимся уходить гостям.

А ² странный, не натуральный народ эти старики: они не рождаются, а только умирают и, однако ³, все не переводятся.

В жизни мало физики. Говорят: светлый голос. Почему же не сказать: звонкий взгляд? Иной так умеет взглянуть, что зазвенит в ушах.

Обыкновенно женятся на надеждах, выходят замуж за обещания. А так как исполнить с в о е обещание гораздо легче, чем оправдать ч у ж и е надежды, то чаще приходится встречать разочарованных мужей, чем обманутых жен.

Сердце женщины — *tabula rasa* ⁴, белый лист бумаги: на нем никогда ничего не прочтешь, но многое напишешь, если умеешь ⁵ писать на так[ом] материале.

Находят сходство между Мопассаном и Толст[ым]. Может быть, оно и есть, но есть и разница. Первый потерял свой ум, не зная, куда девать его; второй вечно ищет своего ума, забыв, куда девал его. Писатели, как родители, любят наделять свои детища свойствами, которых лишены сами. Оттого герои у Моп[ассана] всегда глупы, а у Т[олстого] — умны.

Романистов часто называют психологами. Но у них разные дела. Романист, изображая чужие души, рисует свою; психолог, наблюдая свою душу, думает, что он изучает чужие. Один

¹ *Над строкой:* родились.

² *Далее зачеркнуто:* все так.

³ *Над строкой:* все-таки.

⁴ чистая доска (*лат.*)

⁵ *Исправлено из:* сумеешь.

похож на человека, который видит во сне самого себя, другой на человека, который подслушивает шум в чужих ушах.

Только в математике две половины составляют единицу¹, а в жизни совсем иначе: так, в семейной жизни две половины — целая пара, а в духовной из двух полоумных никогда не составить и одного умного.

В науке² надо повторять уроки³, чтобы хорошо помнить их; в морали⁴ надо хорошо помнить ошибки, чтобы не повторять их.

Прикрывая костюмом тело, женщина обнаруживает тем свою душу (придумывая, как прикрыть).

Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. Прямой путь — кратчайшее расстояние м[ежду] двумя неприятностями — в жизни.

Вся житейская наука женщины состоит из трех незнаний: сначала она не знает, как добыть жениха, потом — как быть с мужем, наконец — как сбить детей.

Чем женщина меньше приносит мужу, тем больше требует от него, так что, чем меньше⁵ она стоит, тем дороже обходится.

12 дек[абря] 1893

Быть счастливым значит быть умным. Быть умным значит не спрашивать, на что нельзя ответить. Потому быть счастливым значит не желать того, чего нельзя получить.

Женщина перестает думать о том, чего сильно пожелает; мужчина перестает желать того, о чем хорошенько подумает. Поэтому когда оба думают вместе, бывает два ума и ни одной воли⁶.

Чтобы иметь право жить, надобно приобрести готовность умереть (хоть раз показать готовн[ость]).

Благородное росс[ийское] дворянство разменяло свой сословный долг на долги госуд[арственному] банку.

Все эти формы и обряды хороши тем, что выше действительных чувств тех, кто их выполняет, и заставляют последних становиться выше себя.

Надобно не жаловаться на то, что мало умных людей, а благодарить бога за то, что есть они.

+⁷ Достойный человек не тот, у кого нет недостатков, а тот, у кого есть достоинства.

¹ Над строкой: = п.

² Над строкой: школе.

³ Над строкой: правила.

⁴ Над строкой: жизни.

⁵ Над строкой: дешевле.

⁶ Дальнейший текст на 3¹/₂ строках стерт.

⁷ Здесь и далее значок + поставлен Ключевским.

Законы тогда только устанавливали произвол, т. е. собственную ненужность.

+ Вера в жизнь посмертную — тяжкий налог на людей, которые не умеют дожить и до смерти, перестают жить прежде, чем успеют умереть.

Есть люди, у которых язык умнее их самих.

+ Как даровитые новички, мы ничего не умеем задумать сами, без чужой указки, хотя, принявшись подражать, часто превосходим свои образцы.

+ Деньги лишние хороши не тем только, что дают возможность приобрести необходимое, но еще и тем, что избавляют от досады на невозможность приобрести лишнее.

+ Когда у мыслителей быстро вертится мысль, у немнящей публики кружится голова.

Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем¹ они умалчивали².

+ История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*³: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.

Некоторые думают, что стоит только обозвать всех дураками, чтобы прослыть умным.

Его глупость не в привычке болтать глупости, а в убеждении, что другие считают их умными вещами.

+ Утопающие при кораблекрушении бросаются с корабля в воду, чтобы не утонуть на корабле, и тонут в воде, а не на корабле.

+ Кто смотрит из света во враждебную тьму, не видит никого из своих врагов, но служит мишенью для всех них.

Крупный успех составляется из множества предусмотренных и обдуманых мелочей.

Две половины — в жизни брачная пара.

Наблюдение чужих пороков очень полезно для самоисправления: собственный порок становится особенно противен, когда увидишь его в другом и почувствуешь, как неприятно обладать тем, что сейчас осмеял, ибо мы любим осмеять всех и вся, кроме себя и своего.

Смотря на нын[ешних] женщин, сознаешь верность филос[офского] определения, что человек есть разумное животное; разумность не мешает им быть животными и даже помогает им становиться непохожими на людей и в том, в чем похожи на них животные.

Ф. Дм. говорил так много и скоро, что только на другой день успевал не то что обдумать, а только вспомнить сказанное вчера.

¹ Над строкой: что.

² Над строкой: замалчивали.

³ наставница жизни (лат.).

Природа — зеркало, т.е. отражающая пустота для того, кто в нее смотрится: он может видеть в ней только сам себя, свое внутреннее содержание.

На Зап[аде] каждая научная идея, каждое историческ[ое] впечатление при дрессировке ума и навыка превращается в убеждение, что в массе есть суеверие; причина — быстрое распространение, оборот идей.

С Ф. можно быть только в иронических отношениях.

Еф.— Из всех малоумных баб она наименее умная, потому что наименее баба.

+ Всем можно гордиться, даже отсутствием гордости, как от всего можно одуреть, даже от собственного ума.

Почему о н и такие пустые люди, хотя ведают такие важные интересы? Да от них не требуется ничего, никакого содержания, кроме их присутствия, факта, что они е с т ь.

+ Хитрость не есть ум, а только усиленная работа инстинктов, вызванная отсутствием ума.

Богатые вредны не тем, что они богаты, а тем, что заставляют бедных чувствовать свою бедность. От уничтожения богатых бедные не сделаются богаче, но станут чувствовать себя менее бедными. Этот вопрос не пол[итической] экономии, а полицейского права, т. е. народной психологии.

В 1860-х г[одах] мыслили т[а]к торопливо, что не могли догнать собственных мыслей, и потому тех, кто не спешил, считали отсталыми.

Чтобы править людьми, нужно считать себя умнее всех, т. е. часть признавать больше целого, а так как это глупость, то править людьми могут только дураки.

Из всех толков о законности, о праве кр[естья]не и горожане вынесли только притязательное сознание своих п р а в о в.

+ Художник, что зеркало, которым дорожат только потому, что оно дает зрителям возможность любоваться самими собой.

Есть умные люди, которые дуреют от собственного ума, и есть дураки, которые умнеют от чужой глупости.

Художник знал, что делал, когда придавал оригиналу такое выражение; но оригинал не знал, что делал, когда принимал такое выражение.

Мужчина, любя женщину, старается быть ей нравственно полезным; женщина, отвечая на его любовь, желает быть ему эстетически приятной. Первый добро принимает за красоту, вторая красоту за добро: в этом половое различие нравственного понимания.

Шмоллер — не социалист, но ученики его — социалисты. Магомет —

не магометанин, но магометане — все последователи Магомета.

Свой благородный дворянский долг р[одовитое] дворянство реализовало в поземельные банковые долги.

На дураков есть хоть одно средство¹ — смех, а на дур, как на грех, и мастера нет.

Воображение на то и воображение, чтобы восполнять действительность.

Наука стремится все пороки объяснить болезнями, а моралисты все болезни производят от пороков. Скоро к удовольствию судей и врачей преступников будут лечить, а больных наказывать.

+ Сколько понадобилось человеку пролить слез и крови, чтобы в себе подобном признать своего ближнего.

Глупость терпят за простодушие, но не наоборот.

+ Люди, которые, не имея своего ума, умеют ценить чужой, часто постукают умнее умных, лишенных этого умения.

Указывают на любовь западников к иноземным словам. Наши западники все еще заучивают западные учебники слово в слово и не умеют передавать их своими словами. Для них западная культура все еще работа памяти, а не сознание.

Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь.

Красивые женщины в старости бывают очень глупы только потому, что в молодости были очень красивы.

+ Многие умирают спокойно не потому, что думают о будущей жизни, а потому, что не умеют понять настоящую минуту: спокойствие здесь происходит не от силы веры, а от слабости размышления.

Особый вид помешательства — объяснять все глупости и мерзости сумасшествием. Помешанному все люди, кроме одного его, представляются сумасшедшими.

Не может быть самодержцем монарх, который не может сам держаться на своих ногах.

Портрет Спасовича — не портрет, а биография.

У этого художника очень хорошее сердце, но плохая кисть.

Его глаза имеют право быть тусклыми: они пролили столько света вокруг себя.

Умирают равнодушно не по силе веры в будущую жизнь, а по непониманию текущей минуты и по забвению прошедшего.

К о н и — карьера.

¹ Над строкой: мастер.

Есть люди, которые хорошо говорят, но плохо разговаривают, потому что их мысли хуже их слов, а чувства хуже самих мыслей.

+ Страсти молодости из потребностей сердца или инстинкта в старости становятся дурными привычками воображения.

Благородство души они носили в себе не как нравственный долг всякого человека, а как дворянское право, пожалованное им грамотой имп[ератрицы] Екатерины II, и возмущались как анарх[ическим] захватом, когда замечали в мужике или разночинце поползновение разделить с ними эту сословную привилегию.

Снег падал на черную з[емлю] беленькими, чистенькими звездочками, точно девичьи мысли. (5 апреля [18]93 г.)

+ Справедливость — доблесть избранных натур, правдивость — долг каждого порядочного человека.

Сладкая болезнь только у горьких пьяниц.

Чем больше злобились на него враги, тем больше он любил людей.

+ Чтобы иметь влияние на людей, надо думать только о них, забывая себя, а не вспоминать о них, когда понадобится напомнить им о себе.

+ В городах потому мало веры, что среди шума от езды по каменной мостовой не слышно колокольного звона.

Многие боятся смерти не как прекращения жизни, а просто как неприятности, соединенной с физической болью.

+ Если женщины чувствительно говорят об уме, то мужчины обязаны умно говорить о чувствах, те и другие по-своему выражают отсутствие того, о чем говорят (чем болят ¹).

+ Темперамент — возбуждаемость, сумма и степень ощущений и желаний; характер — сдержанность, степень самообладания.

Есть люди, в которых самые пороки милее и безвреднее, чем у иных добродетели.

+ Женщина начинает размышлять только, когда начинает говорить, а говорить начинает, когда начнет чувствовать; ее ум — бухгалтер ее языка, а язык — секретарь ее сердца.

+ Богачи из людей, которые добывают деньги, чтобы жить, превращаются в людей, которые живут, чтобы стеречь ² деньги, которых им некуда девать.

+ У него нос длиннее его обоняния.

Изысканность — дурного вкуса признак.

Разномыслие от чего: видят один предмет, но смотрят с разных сторон.

¹ Так в рукописи.

² Над строкой: беречь.

Петр I делал историю, но не понимал ее.

Это все герои, которых преждевременная смерть спасала от заслуженной виселицы.

+ Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя.

Чистая филология производит впечатление человека, который, пустившись в путь, второпях забыл, куда и зачем он идет (специализ[ация] науки).

Поколение спит на краю бездны; жаль, что оно исчезнет, не дав урока преемникам, — сорвется и разобьется раньше, чем проснется.

Видимая рассеянность иногда происходит не от недостатка наблюдательности, а от избытка впечатлительности: не хотят замечать окружающего, чтобы сохранить веру и спокойствие.

Их прагматизм навыворот — признает следствие причиной только потому, что они узнали причину после следствия. Их мысли идут в обратном порядке с явлениями.

Он перестает понимать вещи, как только начнет о них размышлять.

Ваше дело творить без сознания, наше — понимать без творчества
Ваши создания.

+ Ее отказ приятнее иного согласия.

Он умеет быть мил даже тогда, когда вынужден быть неприятным.

Красота хороша только, когда она сама себя не замечает, талант приятен, когда себя не сознает.

Мы для них пока еще только объект полицейского, не интеллектуального внимания.

Она сама — дрянь, но ее лицо — миссионер, что небеса: поведает славу божию. Образ и п[одобие] бога.

Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую.

Они и свои головы отыскивали по газетным объявлениям с обещанием приличного вознаграждения нашедшему.

Не все делаем, на что имеем право, ибо право не заменяет разума.

Смотря на них, как они веруют в бога, так и хочется уверовать в чёрта.

+ Талант — искра божия, которой человек обыкновенно сжигает себя, освещая этим собственным пожаром путь другим.

+ Деревянные души¹ — их легче сжечь, чем согреть.

Им голова нужна только для того, чтобы было, где иметь рот².

¹ Над строкой: + восторг и доброта.

² Над строкой: на что надеть шляпу.

+ Добрая память и злое сердце — он скоро забывает обиду, но злится и на забытые обиды.

На перевязочном пункте жертвы виднее, чем в боевой линии: там нужно больше человеколюбия, чем здесь. Здесь нужна воля, там сердце. Бецкий хотел сделать перевязочный пункт из русского образованного общества и сделал общество с сердцем, но без воли.

+ Мужчина, которого любит нелюбимая им женщина, обязан уважать ее; женщина, которую любит нелюбимый ею мужчина, должна пожалеть о нем; один своим уважением платит дань мировому порядку, другая своим сожалением выкупает свою ошибку.

+ В 50 лет необходимо иметь шляпу и два галстука, белый и черный: часто придется венчать и хоронить.

+ Когда не поймешь, добрый ли человек или злой, можно смело сказать, что он — несчастный.

+ Первый злейший враг красивой женщины — это ее зеркало, потом ее враги — ее уши: первый губит ее ум, вторые — ее сердце.

В логике мышления следствие рождается от своей причины; в логике чувствования следствие рождает свою причину: водку пьют как для того, чтобы прийти в веселое настроение, т[а]к и потому, что приходят в такое настроение.

+ Женщина по капризу избалованного чувства иногда влюбляется в того, кого не любит, но с кем хочет поиграть, как ребенок делает идола из своей куклы: это болванчики, на которых они примеривают свои чувства, чтобы самим полюбоваться ими.

Мы для того умаляем свое прошедшее, чтобы понять его, ибо его величие превышает силу нашего разума. Луна.

Разложение славянофильства — пахнет от разлагателя.

Его ум — хорошо выученная книжка.

У них нет совестливости, но страшно много обидчивости: они не стыдятся пакостить, но не выносят упрека в пакости.

Люди и целые классы, вымирающие, но не сознающие своего вырождения, питают инстинктивную склонность к наукам, не столько научающим, как жить, сколько приучающим к мысли, что надо умирать (археология, метафизика). Это своего рода самозакапывание.

Цыгане известности — они известны только за границей, потому что у них нет отечества.

Народники так умно рассуждают об основах своей жизни¹, что

¹ Над строкой: о т[ом], на чем они сидят.

кажется, то, на чем они сидят, умнее того, чем они рассуждают о том.

Бесцельным надо признать не только то, что не имеет ¹ цели, но и то, что хватает через цель.

Смешное положение сносно ² лишь как выход из трудного ³.

Лучше быть истор[ическим] Дон Кихотом, чем чистым, матем[атическим] дураком.

+ Им горячо жить ⁴ — под их пятками горят заповеди.

Он потому так и блесит, что не живет, а горит.

Они т[ак] субъективно рассуждают о вещах и людях, как будто на свете лишь себя считали существующими, а другие люди и все вещи были только плодом их воображения.

Эти младенцы — дутые резин[овые] мячики, наполненные мыслью о себе самих, т. е. совершенно пустые ⁵ (своей соб[ственной] внутр[енней] пустотой).

+ Куклы гниют, но не стареют.

Взрослый недоросль.

+ Я говорю красно, потому что мои слова пропитаны моей кровью. Женщины умны только потому, что ни у кого не хватает наглости сказать им это (в виде комплимента).

Нельзя осуждать человека за то, что ему нравятся его мысли, как нельзя запретить человеку с удовольствием нюхать собств[енный] запах.

Из св[ятой] покровительницы ума и науки мы сделали повод говорить глупости.

Слова, которые не только говорят, но и звучат.

Духовная школа и мир Она поняла бы мир, да не знает его и знать не хочет. М и р знает духовенство, да не понимает его, не видит, какой в нем толк. Одни — бестолковые Дон Кихоты, другие — догадливые. Санчо Пансы. Школа эта воспитывает каких-то ученых пауков, которые ползают по собственной паутине в ожидании запутавшихся в ней мух или ветра, который сдует их ненужное плетение. Ведут себя жрецами исчезающей религии или храма, предназначенного к сломке, комическими анахронизмами, сознающими свое безвременье, но не решающимися в том сознаться. Академия — миссион[ер] семинарии.

А. У.— домашний чижик.

¹ Над строкой: достигает.

² Над строкой: позвол[яет].

³ Над строкой: невыносим[ого].

⁴ Над строкой: подыргивать.

⁵ Над строкой: только самими собой (своим внутреп[ним] пространством, собствен[ным]).

Он подкрадывается к публике, как кошка к мышке.

+ В чем драматизм Гамлета? Трудно действовать, как следует, но еще труднее воздерживаться от действия, которое не следует.

Профессор перед студентами — ученый, перед публикой — художник. Если он ученый, но не художник, читай только студентам; если он художник, но не профессор, читай, где хочешь, только не студентам.

Развивая мысль в речи, надо сперва схему¹ ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирич[еской] подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель — Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушн[ым] Ваш[им] клиентом.

В его лета будут ли они им?

Публика тяжело вздохнула, почувствовав, что кончилось напряжение, и пожалела, заметив, что вместе с тем прекратилось и наслаждение.

Что[бы] заставить дух работать всеми силами, надобно привести себя и тело в несколько болезненное состояние: раковина родит жемчужину от укола улитки (надобно уколоть себя, чтобы родить...).

+ Идеализация — один из способов эстетического и нравственного познания. Телескоп в астрономии: иные вещи надобно страшно преувеличить, чтобы вернее разглядеть.

Кабинетное мышление рядом с кухней, где оно готовится, без которой, оно невозможно.

«Зачем Вам ум?» — «А за тем, чтобы помнить, что об этом глупо² спрашивать (чтоб этого вопроса не задавать Вам)».

У меня два личных врага, близких к моему лицу и не дающих мне покою: это мой нос, который постоянно болит, и мой язык, который постоянно говорит.

Несчастье русских в том, что у них прекрасные дочери, но дурные жены и матери; р[усские] женщины мастерицы влюбляться и нравиться, но не умеют³ ни любить, ни воспитывать.

На земле я так привык к аду, что на том свете меня можно наказать за грехи только раем. Значит, мое загробное будущее довольно обеспечено.

Натурщик для Рибейра. Целовать фарфоровые куклы добродетели. Кажется, чувствуешь самый сокрытый коренной нерв жизни, в котором присутствует сам его создатель.

¹ Над строкой: Кратк[ие] отчекан[енные] афоризмы.

² Над строкой: не умно.

Над строкой: не охотницы.

Мама, рождая меня, положила мне в сердце такой громадный кусок любви, который мне не иссосать, сколько бы я ни лакотился.

У него б[ыла] та веселая грусть, которая бывает только у людей, любящих лицевую сторону жизни, но загляну[вших] на нее и с изнанки.

Как один дурак может одурачить своей бесчеловечной глупостью массу людей порядочных.

От И. И. И.* пахнет скукой и цитатой. Эстетич[ный] недоросль.

Великорус — историк от природы: он лучше понимает свое прошедшее, чем будущее; он не всегда догадается, что нужно предусмотреть, но всегда поймет, что он не догадался. Он умнее, когда обсуждает, что сделал, чем когда соображает, что нужно сделать. В нем больше оглядки, чем предусмотрительности, больше смирения, чем нахальства.

Джутовый мешок.

Что такое счастье? Это возможность напрячь свой ум и сердце до последней степени, когда они готовы разорваться.

Толстой и Сол[овьев] стали философами только потому, что один начал размышлять, когда перестал что-либо понимать, а другой начал понимать, когда перестал размышлять.

Эти дамы и девицы годятся только в самки и совершенно негодны как женщины.

Городской водопровод — кто кого проведет?

+ Разница между Толстым и Мопассаном: второй потерял ум, не подозревая его в себе; первый вечно искал своего ума и не мог найти его.

Русские романисты занимались анатомией сердца.

Роз., Ю. Н. и т. п. убаюкивают себя своими же собственн[ыми] сказками.

Самое благовоспитанное сердце — которое воспитано печалью.

Он проникал в те странные, сырые глубины жизни, заглянуть в которые — высшее торжество человеческого прозрения, но из которых нельзя выйти здоровым.

Разница между историками и юристами только в точках зрения: историки видят причины, не замечая следствия; юристы замечают только следствия, не видя причин.

Страшно за этого писателя: в нем гениальность борется на два фронта — с сумасшествием и глупостью.

Вся молодежь хочет жениться и выходить замуж, у всех встосковалась шея по веревке.

Он весь пропах вонью своего неассенизированного сердца.

На женщин надо смотреть их глазами, принимать за то, чем сами себя они считают, но поступать с ними по степени их соответствия своему о себе мнению. Женщина, колеблющаяся между долгом и чувством. — надо осудить ее за нарушение долга и уважить ее чувство. Она сама себя накажет за первое, другие д[олжны] ее наградить за второе. Не только догадлив, но и откровенен. «Что же делать?» — «Что велит сердце и позоляет совесть». — «А если второе отменяет волю первого, что тогда?» — «Тогда распустить несогласное министерство и составить новый ¹ кабинет». — «Из кого?» — «Из инстинкта, минутного самозабвения и вечного раскаяния. Монарху лучше кабинет — interim, чем одиночество». — «Я одна возьму грех на себя». — «Физически невозможно и юрид[ически] несправедливо, потому что не можете сделать его без меня: я необходимый пайщик в барышах и ответственный ² плательщик в обязательствах».

Жалкое общество широких appetitов, преждевременных геморроев, самоуверенных бездарностей, больных жен, неудавшихся карьер, обманутых надежд, потерянных голов и без толку израсходованных совестей.

Европа цивилизованная доцивилизовалась до четверенек, и ей остается взорвать самой себя ею же изобретенным динамитом, венцом научного знания, если ее вторично не спасет от безбожной мефистофелевщины верующая ирония — разбойничий крест с распятой на нем вечной ³ истиной и любовью.

Игровые бумаги — игровые профессора.

Тактика благоразумной жены: всю жизнь мучить, терзать мужа, пачкать и пакостить ему, а овдовев, кудахтать о несравненных и небывалых качествах его ума и сердца, считать оставшиеся после него деньги и лить романтические слезы над его могилой, с умилением и благодарностью вспоминать день и час его кончины.

Любительские спектакли тем отличаются от настоящих профессиональных, что в последних актеры представляют живые лица, не будучи ими, и в первых живые лица представляют актеров, тоже не будучи ими.

На удивительно радостном нравственном основании он ухитрился построить крайне печальное мирозерцание (виз[антийская] икона на золоте).

Под сильными страстями часто скрывается только слабая воля.
[...]

Гигиена учит, как быть цепной собакой собственного здоровья.

¹ Над строкой: interim переходи[мый].

² Над строкой: обязат[ельный].

³ Над строкой: божеств[енной].

Их аукционная совесть знает таксы, не правила.

+ Античный политеизм — религия чувственности без любви; кристианство — религия любви без чувственности; безбожие — религия без того и другого.

+ Писатель — не сочинитель: первый пишет, чтобы изложить свои мысли; второй сочиняет мысли, чтобы что-нибудь написать.

Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая Вас, не слышали Ваших слов, а видели Ваш предмет и чувствовали Ваш момент; воображение и сердце слушателей без Вас и лучше Вас сладят с их умом.

Каждое его печатное слово — частица / расплавленного его мозга. Потому оно жгло умы слушателей.

Часто бранят сочинение писателя только потому, что сами не умеют написать так.

Эти люди сами под себя ходят.

Наше общежитие — игра в кошку-мышку.

Он преподает не науку, а свои собственные мысли, т. е. свои научные недоразумения.

Ссылнокаторжная беллетристика, зачатая Достоевским и вынашиваемая Короленком.

У них нет никаких доблестей ни умственных, ни нравственных, но много житейских, скорее гостиных удобств, и в этом отношении они похожи на свою мебель, купленную по случаю, но мягкую. То, на чем они сидят, не лучше того, что на этом сидит, а то, чем они мыслят, не лучше того, чем они сидят на этом (на своей мебели) ².

Холопство перед своим собственным величием, притом совершенно призрачным, болезненным продуктом своего же воспаленного воображения.

Раздущенный кавалер православия об руку с Гретхен, пишущей сантим[ентальные] передовые о самодержавии и народности ³.

+ От их постно-масленного благочестия пахнет нигилистическим керосином. Они пока очень стоят за православный катехизис, который только что начали учить и уже дочитывают в е р у, мечтают о надежде и перестанут верить в бога прежде, чем доберутся д о л ю б в и.

Глупость — это их недостаток, развившийся от излишества.

¹ Далее зачеркнуто: его.

² Следующий абзац зачеркнут: У каждого возраста есть свои удовольствия, между прочим у старости — подделка воспоминаний и чванство собой, своей ненужностью.

³ Далее неразборчиво: а также и о Влас. [?]

Народы, воспитанные на религиозных обрядах, наиболее дают театральные таланты — евреи.

Хр[истиан]ство — религия любви; здесь сказано все — и сущность, и история.

Глупые люди любят самые умные игры.

+ Надобно упорно всматриваться в¹... жизни, чтобы заставить жизнь раскрыть свои карты.

Мужчина только тогда может любить женщину, когда [она] из самки пересоздается в любимую женщину.

В его глазах светится не столько ума, сколько сумасшествия.

+ Театр более всего полезен для молодежи: житейские пассажи, наиболее для нее соблазнительные и гибельные, здесь являются пошлыми и надоедают ей прежде, чем она их испытает.

Рассказ Ч-на *, как его диссертация, как антицентрализованная, не была пропущена в Москве Орнатским и Баршевым, но принята в Петербурге Никитенком. Исторические явления [надо] не только изобразить, но и оценить. Россия — огромное дерево, растущее по своей внутренней силе независимо от внешних содействий и облепленное козявками.

Вот Ф[илипп] Ф[илиппыч] Вигель *.

То особая статья:

По-немецки он Schweinigel,

А по-русски он свинья.

К-ши * — богаделенная семья. Старик — вечный стипендиат своих друзей. За него вклады для издания «Р[усского] в[естни]ка».

К. и Л.* возвратили деньги, но вытолкнули стипендиата.

Павлова начинал ориентализм тот же К-ш. 8 ноябр[я] 1892.

Как Ундина, она задушила его той² самой душой, которую от него же получила.

Наблюдая жизнь людей, думаю, что за того, кого любят, вовсе не страшно умереть.

Их спокойствие и философское самообладание есть не что иное, как окаменевшее и заделавшееся в монументальные рамки самообожание. Пахнет не только изо рта, но и из сердца.

+ Пролог XX века — пороховой завод. Эпилог — барак Красного Креста.

Люди, отсидевшие себе задницу, часто принимают возбуждение отсиженной слепой кишки за талант.

+ Добрые только потому, что нет³ сил или охоты быть злыми, т. е. делать зло.

Юрид[ическая] нравственность — долг, обязат[ельная] повинность, а не потребность нрав[ственного] чувства.

¹ Далее одно слово не разобрано.

² Далее зачеркнуто: же.

³ Над строкой: лень.

Не наступайте на их разгоряченное парное величие, не марайте ног.
+ Женятся на надеждах, выходят за обещания, плоды — обманы
и слезы, если не измены.

Непогрешимость пищеварения.

Из 100 остроумных 1 умный.

Холера больше предупредила смертей, чем причинила их.

От многих народов и сословий веет могилой и архивом.

Правительство ли тянет общество или общество толкает вперед
правительство? Слабость и сила г[осу]д[ар]ства.

Талант духа — талант золота или точнее проц[ентных] бумаг.

Он сам себя поставил в угол, отступив к печке, и принялся любоваться этим своим прекрасным двойником. Очень обыкновенная психическая галлюцинация.

Не то чудотворный, не то просто артезианский колодец дамских и генеральских слез.

Речь — расплавленное золото.

М. — самая красивая карикатура, мною виденная. Он глуп оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее глуп.

Они эксплуатировали все свои права и атрофировали все свои обязанности.

Собаки¹ перестают лаять, когда видят человека, плачущего над могилой. Но И. И. не собака и, увидав К. над могилой Л., начал лаять пуще прежнего.

Блестящее перо и светлая мысль — не одно и то же.

Он слишком умен, чтобы быть счастливым, и слишком несчастлив, чтобы быть злым.

Мания порядка.

Они открыли ему его самого.

Они и свои головы поутру отыскивают только с помощью прислуги вместе с панталонами.

[...] Великодушное безрассудство.

В людях встревоженных рождается вера в необычайное, подобно болотным огонькам; когда все гибнет, держатся за надежду в чудо, как за соломинку.

Лица вместо принципов.

Два рода неудобных людей: 1) в чужих словах читают свои мысли, 2) в своих словах повторяют чужие мысли.

Не всякий, кто смеется, весел.

+ Доверие народа к своим вождям есть признак его веры в себя, в свои нравственные силы.

Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает. [...]

¹ Над строкой: говорят

Разрозненные афоризмы

1889—1899 гг.

1.

[*После 23 февраля 1889 г.*]

Прежде дорожили лицом и скрывали тело, ныне ценят тело и равнодушны к лицу. Рисовали головки без корпуса вопреки природе, рисуют корпус с головкой и то лишь из вежливости к природе. Любили хорошее тело своей Оли, потому что оно Олино, ныне любят Олю, потому что у ней хорошее тело. Прежде инстинкт, как холоп, грубил и бунтовал, но и подвергался бичу, ныне он эмансипировался и пользуется уважением, как природный государь жизни. Чувство идет в ногу с обществом [енным] порядком: натурализм в искусстве, сенсуализм в морали соответствует демократии, как прежний идеализм.

Не ученый русский лингвист, а международный лингвистический аппарат).

Прежде в женщине видели живой источник счастья, для которого забывали физическое наслаждение, ныне видят в ней физиологический прибор для физического наслаждения, ради которого пренебрегают счастьем.

2.

[*Около 10 апреля 1890 г.*]

Они знают, может быть, больше, но понимают, несомненно, меньше. Они приходят к нам с умами возбужденными, но совершенно пассивными: умеют усвоить, впитывать в себя, но не умеют перерабатывать, переваривать. Они прочтут и изложат, что и сколько угодно; но задайте им вопрос, ответ на который они должны найти в том же, что они прочитали и изложили, — они не ответят ничего или ответят не на вопрос¹. Отсюда происходит одна печальная странность. Они довольно хорошо усваивают

¹ *На полях*: Скорее сделаешь кропотлив[ого] ученого, чем сообразительного учителя.

наши исторические курсы. Припоминая чему их учил гимназ[ический] учитель истории, они видят, что в курсах нечто другое ¹, — профессор говорит им ² не то, что говорил учитель; не противоположное, но и не похожее, а что-то совсем не то. Первый начал не то, что продолжил второй. Отсюда прежде всего мысль, что все, чему их учили в гимназии, лишнее, потом другая мысль, что все, чему их учили в у[ниверсите]те, следует преподавать и в гимназии. Они, очевидно, не умеют связать унив[ерситетского] курса лекций с гимназ[ическим] уроком и делают двойную ошибку, неправильно ценят, чему их [учили] в гимназии, и неправильно сами учат в гимназии. Устранить эти ошибки и есть задача исторического семинария. Задача эта состоит в соглашении университ[етского] преподавания истории с гимназическим, а соглашение это должно быть достигнуто таким путем: нужно точно указать, что гимназич[еское] преподавание должно готовить для университетского и что университетское может сделать для гимназического.

Что дает гимназическое преподавание для университетского? Говорят, к а д р ы исторического знания: перечень царствований, войн, имен, дат. Гимназист переходит в университет с сердечным отвращением и презрением ко всему этому. Что делает университетское преподавание для гимназического? Говорят, смысл исторического знания: кандидат у[ниверсите]та ³ является учителем в гимназию с фразеологией идей, отношений, интересов, фактов, явлений, законов. Выходя из гимназии в университет, он не знает, зачем ему то, чему он учился в гимназии; возвращаясь из университета в гимназию, он не знает, что ему делать с тем, что он узнал в у[ниверсите]те. На педагогическом жаргоне это отношение обоих учебных заведений выражается проще: гимназия-де дает ф а к т ы, у[ниверсите]т — и д е и.

В чем же теперь задача семинария? В том, чтобы показать, что ни то, ни другое неверно, что и гимназия и университет должны давать и факты и идеи, только первые д[олжны] давать свои факты и идеи, а у[ниверсите]т свои. Что бы сказал профессор-естествовед, если бы ему предложили в гимназии преподавать только ⁴ опыты и наблюдения без законов, явления физические, а в у[ниверсите]те только законы без опытов и наблюдений? Произвести такой разрыв для разграничения программы, очевидно, невозможно, потому что он сделал бы гимназ[ическое] преподавание бессмысленной работой памяти, а университетское — бесосновательной работой ума. Каждое

¹ Далее зачеркнуто: не то.

² Далее зачеркнуто: дру[гое].

³ Далее зачеркнуто: приписит.

⁴ Далее зачеркнуто: одни.

реальное знание состоит из наблюдения и обобщения; только в физическом знании наблюдения делаются непосредственно, а в историческом иначе. Где же граница обоих программ? Она должна быть проведена не по составным элементам всякого исторического знания, а по свойству разных знаний. В истории, как и физике, есть факты и идеи и легкие и трудные. Из первых должен составиться элементарный курс истории, из вторых — высший; в первый войдут факты и идеи одного простейшего порядка, во второй — труднейшего. Таким образом, универс[итетский] курс будет не повторением и не ¹ пополнением гимназического новыми фактами и идеями того же порядка, а дальнейшей ступенью познания. Дело только в том, какие факты и идеи отнести к первому порядку и какие ко второму.

Логика в истории, что математика в естествоведении. Формулы ² той и другой принудительны: отсюда необходимы законы; где нет принуд[ительных] формул, там не мож[ет] б[ыть] законов. Психолог[ия] — только в происшествиях, не в фактах бытовых.

Известия в истор[ических] учебниках, что газетные сообщения. Это курьезы, болезненные судороги или пьяные гримасы историч[еской] жизни. [...]

3.

[Не ранее 1892 г.]

[...] Прошедшего нет, но нельзя сказать, что его не было, иначе оно не было бы прошедшим.

История — зеркало — неосторожность.

4.

[После 20 марта 1893 г.]

Он принес на профессор[скую] кафедру много мельничной пыли *: сын мельника мелет и на кафедре.

Студенческое бумажное жвачество (пережевывание бесконечное литографир[ованной] бумаги) — единственный метод изучения.

Не православные богословы, а свечегасы православия. Питаясь православием, они съели его и сходили на его опустелое место.

Научные ³ калеки, ковыляющие на костылях науки.

Вид перерождения — отец любил деньги (хищ[ный] плут); сын любит монеты (нумизмат).

¹ Далее зачеркнуто: продолжением.

² Далее зачеркнуто: законы.

³ Над строкой: Умствен[ные].

Археолог — ученый, закапывающий в могилы деньги, чтобы откопать после.

Он так щедро наделяет других глупостью, потому что не знает, куда девать ее.

Он сорит умом в надежде, что другие подберут его сор.

Признак русской культурности: в интеллигенции — быть приверженцем Англии, Франции и т. д., в купечестве — содержать англичанку, французскую и т. д.

Уменьше открыть рот, но не закрыть его.

Николай требовал добродетельных знаков, не зная, как добиться самих добродетелей.

Человеку легче добраться мыслью до отдаленнейшего созвездия, чем до самого себя, и можно опасаться, что он доберется до себя, когда уже не останется ни одного созвездия.

Мысль бывает светла только, когда озаряется изнутри добрым чувством. Мысль — фонарное стекло, чувство — лампа, сквозь него светящаяся и освещающая людям дорогу их.

Крупные писатели — фонари, которые в мирное время освещают путь толковым прохожим, которые разбивают негодяи и на которых в революции вешают бестолковых¹, на Вольтере и Руссо перевешали франц[узских] аристократов.

Майков больше, чем тучный академик, не конкретность, а принцип — акаде[мическая] тучность.

Пыпин — дворник либералов — подметает, что они насорят и напакостят в печати.

Древнерусское мирозерцание: не трогай сущ[ествующего] порядка, ни физического, ни полит[ического], не изучай его, а поучайся им, как делом Божиим.

Знание в чистом виде пугало, как вид анатомированного трупа: человек простой в ужасе, когда ему покажут его самого без покрытий.

Как приручалась русская мысль к знанию научному, добиралась до него какими шагами:

1. Первое внимание возбуждалось ж и т е й с к и м и п л о д а м и знания: технические удобства, ремесла, мастерства. У т и л и т а р н о с т ь, понимание пользы знания — первый шаг. Взгляд деловых людей XVII в. Как прежде ведущие писание — советники г[осу]д[аря], так при Петре пораб[отавшие] мастера — министры — Головин, Меншиков.
2. И з у м л е н и е пред размерами, количествами цивилизации. Первые путешественники; их сходство с паломниками. П а т о л о г и я.

¹ Далее в рукописи: ни.

3. Гастрономия цивилизации, вкус личного комфорта. Ученики, посланные за границу отведают культуры.
4. Знание, как средство гражданского воспитания и я для служения государству и обществу.

Татищев. Подкладка: государственная повинность — в гражданский долг. Сам Петр сюда же.

Параллель усвоения восточного и западного влияний.

+ Грубость стародумовского общества измеряется необходимостью доказывать материальную пользу добродетели.

+ Затруднение для русского историка: только детство народа ему доступно, тогда как империя, созданная этим народом, такова, что римская *orbis t[er]rarum*¹ лишь Новороссийская губерния.

Каждое из этих отношений не ставило новых интересов подле старых, а заменяло старые новыми, не расширяло, а перестраивало мирозерцание; взгляд не становился многостороннее, а только повертывался в другую сторону. Но на новые предметы² человек смотрел прежними глазами, на новые задачи³, мысли и чувства переносились прежние приемы мышления и чувствования. Вступив в новый мир, он также не изучал его строения и склада, принимал его за свой готовый исконный и вечный образец; только набожное благоговение перед старым заменялось неврастеническим изумлением, и, как прежде, попав в Иерусалим или на Афон, среди святынь и образцов подвижничества, он воскликнул: «Вот все, что нужно человеку для спасения», так и теперь, окруженный дивами амстердамской кунсткамеры или соблазнами парижского ресторана, он готов был воскликнуть: «Вот все, что нужно человеку (для счастья)».

Точно у них только отцы и нет матерей, которые дают чувство деликатности, гуманности, хотя они не спускают с языка это слово, понимая его, как попугай свои слова: попка — дурак. Они гнушаются родины, давшей им последние гроши, здоровье и здравый смысл, как гнушается выскочка своей серой матери, оставшейся в деревне со своими морщинами и со своей материнской беззаветной любовью. Они потеряли смысл собственного существования и ищут его среди чужих людей, служа для них предметом смеха или благотворительного сострадания (своим черствым хлебом она воспитала в сыне здравый рассудок, который он растратил на бисквиты европейской мысли).

¹ подвластные Риму области (лат.).

² Над строкой: виды — картины.

³ Над строкой: предметы.

Обряды — ячейки сота, которые каждый облеплял своими чувствами.

Нравственно-религ[иозное] чувство всегда конкретно, оседло — любит место, лицо, известн[ый] момент, обстановку. Но оно не умеет б[ыть] одиноким, любит общение. Как пчела, каплю меда, собранную кой-где, несет в свою ячейку. Опираясь на всех, на церковь, каждый эгоистически вырабатывал себе личное спасение. Природа, как и **Полит[ический]** порядок, — неподвижные декорации, предустановленные чуть не в первые дни творения. Здесь все таинственно, все чудо, недоступное святая святых промысла. Здесь грешат, каются, молятся и вспоминают великую историю воплощения. Там учатся, размышляют, сочиняют ¹, и все ссылаются на великую историю мировой империи. Ум, витавший в библейской Палестине ², попадал в среду людей, грезивших классическими Афинами и Римом.

Отношение наше к знанию научному, к задачам образования — существенный элемент в составе вопроса о том, как обособленная русская жизнь вливалась в общее русло общечеловеческой культуры. Это важный вопрос истории европ[ейской] цивилизации, как и русской народной психологии. Теперь дело рассматриваем лишь с последней точки зрения. Болтин.

В чем сущность темы? Дело сложно: не дикарь обратил к европ[ейской] цивилизации с XVII в., а ум, уже прошедший школу (виз[антийскую], точнее восточнохристианскую). Какие особенности, навыки, приемы мышления принес он к новому делу? «Два культурные мира» ³; один — образец жизни и источник питания, арсенал оружия для борьбы с другим. Нравственно-религиозная задача образования — душевное спасение. Отсюда приемы мышления: 1) благоговение вм[есто] изучения, и д е а л и з а ц и я восточнохристианского мира вместо исторического его изучения, 2) пасс[ивное] п е р е н е с е н и е вм[есто] самодеят[ельного] и самобытн[ого] воспроизведения его начал (Новый Иерусалим), 3) п а л о м н и ч е с т в о (вера в спасительную чудодейственную силу молитвы на святом месте) вм[есто] богопочтения духом и истиною («душа спасти» богатыря — остаток иудейского храма в Иерусалиме: внешние географ[ические] средства религиозн[ого] подъема духа). «Третий Рим» — пародия вместо новой песни.

Приемы мысли, выработанные на деле личного душевного спасения, при обращении к З[ападу] перенесены на дело политич[еского] и гражд[анского] благоустройства. Первое следствие

¹ Над строкой: читают.

² Над строкой: Иерусалим.

³ Над строкой: Рима.

этой неправильности — крушение исторически сложившегося нравственного порядка в отдельных умах.

В процессе нашего культурного сближения с З[ападной] Европой надо различать два момента: 1) культура, почувствовавшая себя слабейшей, сближалась с другой, которую она признавала за сильнейшую; 2) при этом сближении мы из-под одного стороннего влияния переходили под другое.

5.

[1893 г.]

Сол[овьев] и Толстой — два чудотворные философа: С[оловьев] философ потому, что умел научить философии даже Толстого, Толстой философ потому, что ухитрился¹ научиться философии даже от Соловьева. Так совершилось двойное чудо: один, ничему не уча, стал учителем; другой, ничему не уча, стал ученым.

[...] Средство жизни смешано с ее целью.

Дарвинизм — принцип жизни — до ветру.

Когда естествоведы, оторвавшись от микроскопа, начинают размышлять, мне понятно только то, что они не понимают собственных слов, и я слышу крестные слова: «Отче, отпусти им».

«С п е л ы е к о л о с ь я» гр[афа] Толстого *. Ну, наконец, покаялся и выдал сам себе аттестат зрелости, — стало быть, выучился проситься, а прежде под себя ходил.

Русский образованный человек не может быть неверующим в душе: бог нужен ему дома, как городской на улице, и он не может прожить без благодати божией, как без царского жалования.

Как ей не быть умной, возясь всю жизнь с такими дураками. Металл отгачивается оселками, а ум ослами.

6.

[1893—1895 гг.]

[...] Гармония (логика) противоречий (диссонансов) в Суворове. Впервые р[усский] полководец — решитель судеб Европы, мировой делец.

Уже в 1799 [г.] русский взгляд на Европу как федерацию мира.
[...]

Неожиданная и непонятная — видимо, дипломатическая] complicация (5-я коалиция).

Блестящий, но бесполезный свет заката.

Ц е л ь беседы — вспомнить момент в истории Европы, напоминаемый этим именем.

М о н а р х и и старой Европы: короны без голов, правительства

¹ Над зачеркнутым: мог.

без министров, армии без полководцев; власть без совета и меча, голый остов, точнее призрак из исторической могилы.

К о а л и ц и и 1-я и 2-я: средства во фронте, на Рейне, а цель в тылу, на Висле, — навыворот обычному порядку.

Ф р а н ц и я революционная: братство народов без участия монархов. Старая Европа: братство монархов без участия народов.

А р м и ю из машины, автомат[ически] движущейся и стреляющей по мановению полководца ¹, Суворов [превратил] в нравственную силу, органически и духовно сплоченную с своим вождем.

7.

[1895 г.]

Администрация — грязная тряпка для затыкания дыр законодательства.

Люди, которые спотыкаются о собственную тень. [...]

Часто смешивают умных людей, которые любят быть глупыми, с глупыми людьми, которые стараются быть умными.

Вырождение: отец еще умел кой-что строить; сын способен только городить. [...]

8.

27 ноября 1896 г. — 4 февраля 1897 г.

27 н о я б р я 1896

Ни консерваторов, ни либералов, а только реакционеры-монархисты, — из которых реакционеры — те же анархисты, анархисты — те же реакционеры. Всякий порядочный администратор д[олжен] понять, что он имеет дело с непорядочным обществом, и обязан охранять народное благо именно тем усиленнее, чем бессмысленнее понимает его сам народ. С одной стороны, энтузиазм без дела, с другой — дельцы без энтузиазма.

Ек[атерина] — только ей удалось на минуту сблизить власть с мыслью. После, как и прежде, эта встреча не удавалась или встречавшиеся не узнавали друг друга.

Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего сочинения.

Старость, что мундир — обязывает к физиогномии и поступкам, приличным возрасту.

В нынешней школе учатся только для того, чтобы разучиться что-н[ибудь] ² понимать.

Черви ³ на народном теле: тело худеет — паразиты волнуются.

¹ Над строкой: командира.

² Над строкой: все.

³ Над строкой: Насекомые.

Борьба русского самодержавия с русской интеллигенцией — борьба блудливого старика со своими выб[.]дками, который умел их народить, но не умел воспитать.

Естественно-либеральное расположение молодежи: дети любят начинать обычно со сладкого блюда.

Просветительная вша консерв[атизма] и либер[ализма] кишит на русском народе, пожирая его здравый рассудок.

Он маленький человек, но большая свинья.

Добродушное нахальство, возведенное в добродетель, — современная даровитость.

Либерализм самый плоскодонный, приуроченный к русским мелеющим рекам.

Бактерии науки.

Слепые, они смотрят на действительность, ничего не видя.

Сеть между двух глупостей — не то что между двух стульев.

Что теперь педагоги разумеют под человеческой природой, есть только неестественное извращение человеческой природы¹, и культурное животное — только одичалый человек.

В правду верят только мошенники, потому что верить можно [в то], чего не понимаешь.

Статистика есть наука о том, как, не умея мыслить и понимать, заставить делать это цифры. [...]

Книгу Мил[юкова] больше цитовали, чем читали.

Он был бы умен, если бы не силился быть им.

Еще много веков пройдет, прежде чем чутье правды выйдет из спальни на улицу. 4 февр[аля] 1897 г.

Женщина любит, чтобы ее понимали не как женщину, а как человека женского пола.

Они будут менее нас счастливы, но более нас довольны собой.

Благоворительное сердце любит из сострадания.

Я не хочу быть плачущим цветком на Вашей могиле. [...]

Понятен его интерес к археологии: всякому старику желательно знать, где он будет лежать по смерти; а она — № 1 в своих археологических витринах.

Гастрономия благочестия.

Слабогузая интеллигенция, которая ни о чем не умеет помолчать, ничего не любит донести до места, а чрез газеты валит наружу² все, чем засорится ее неразборчивый желудок.

Самый злой насмешник — кто осмеивает собственные увлечения.

¹ Далее зачеркнуто: культурного животного, одичавшего.

² Над строкой: улицу.

Самый дорогой дар природы — веселый, насмешливый и добрый ум.

Гораздо легче стать умным, чем перестать быть дураком.

9.

[Около 3 марта 1898 г.]

Наполеон — политический Вольтер не более, как и Вольтер — литературный Наполеон, тоже не более. Оба — люди, знавшие, что они начинают, и не знавшие, чем кончат.

Не понимаю, как вы сумеете умереть.

Мне, как архивисту, они более интересны самого архива. 3 марта 1898.

К.* и театр — эту комбинацию понятий я еще понимаю. Но Кор[ш?] и наука — извините!.. Тут все непонятно!

Различие между басней и романом современным.

Чтобы понять всю глупость глупости, надо ее проделать.

Кокотка всегда становится честной женщиной, когда с ней обходятся, как с честной женщиной. Честная женщина очень редко станет честной женщиной, когда с ней обходятся, как с кокоткой.

Добродетель только тогда и получает вкус, когда перестает быть ей. Порок — лучшее украшение добродетели.

Логика взаимности — не понимаю¹.

Весь успех естествознания в том, что центр внимания перенесен с причин на следствия.

В России все элементы культуры парниковые, казенные: все и даже анархия воспитано и разведено на казенный счет.

Гр[аф] Толстой — предсмертная худож[ественная] гримаса дворянства.

Люди больше рабствуют своему прошедшему, чем работают для будущего.

Эти ученики — мальчишки, которые уважают в учителе не указку, которой он их учит, а розгу, которой сечет их, и которые перестали учиться, как скоро розга перестала быть помощницей указки.

Печать — прежде облака наверху жизни, теперь миазмы из почвы снизу.

Видит дальше, чем смотрит.

От его речей слишком пахнет словами.

Пошлость, возвышающаяся до степени таланта своего рода.

[...]

Имп[ератор] Николай I — военный балетмейстер и больше ничего.

¹ Фраза написана синим карандашом.

Бессловесные проповедники слова божия.

Театр — школа барских чувств, эстетическая кондитерская.

Ты меня не умеешь понимать, я тебя не хочу или боюсь понять.

Не я должен быть понятен, а вы понятливы.

В нашей истор[ической] жизни все искусственно, но не искусно.

Я потому и глуп, что мой организм слишком умно организован.

10.

Весна 1898 г.

Р[оссия] на краю пропасти. Каждая минута дорогá. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет. [...]

11.

[После 3 января 1899 г.]

Немезида — зло, себя самого наказывающее, т. е. воздающее должное себе самому.

+ Уважение к чужому мнению, уму — признак с в о е г о ¹.

Вера в человека и недоверие к людям и знание их без чутья общезития.

Идеалист, сознат[ельный] плод мысли инст[инктивно]-эмпири[ический], плод опыта и навыка².

+ Что они (слушатели) имеют дело с мирозозерц[анием] и с характером.

Неумный ум. Не умеют быть дсбрыми и умными³.

+ Это его жит[ейсгая] комбинация, а не логич[еский] вывод ⁴.

+ В неудачах не крушение самих идей, а только падение людей, их проводивших.

Нелюбовь к людям с печальными лицами и смеющ[имися] глазами.

На свете не будет ⁵ зла ⁶, стоит только добрым ⁷ захотеть, чтобы его не было, сумеет устранить его. Потому нет н у ж д ы и з л и т ь с я н а з л о, а т о л ь к о п о м о г а т ь д о б р у. Зло — только мираж, который существует, пока кажется отум[аненному] глазу.

Дуализм всегда пессимизм, ибо признает зло неизбежным, если не необходимым.

Зло устранимое и потому тем более досадное.

¹ *Далее зачеркнуто:* Идеалом в; отличие дурака от умного; кого не выдаст, кто себе выдает.

² *Далее зачеркнуто:* Более доставалось умным и добрым.

³ *Далее зачеркнуто:* Рядятся в высокие начала люди среднего роста.

⁴ *Далее зачеркнуто:* + Не мирился без негодования и горечи, даже со злорадством некоторым, самоудовольствием как торжество справ[едливо]сти.

⁵ *Далее зачеркнуто:* ни.

⁶ *Далее зачеркнуто:* если.

⁷ *Далее зачеркнуто:* этого.

Да это не дуализм ¹. Зендавизм и оптимизм ². Только несколько ³ преломленный истор[ическим] наблюдением. От того, что принято звать злом, может закрыть глаза философ в отвлеченном мирозерцании; но не может историк, постоянно имеющий дело с действительными фактами жизни. Но эти печальные факты не от злобы злых и л и глупых, а от неумелости или недосмотра умных и добрых, а это от того, что люди добрые и разумные берутся за дела не по плечу, рядятся в платые не по ⁴ росту; они не становятся дурными, а только смешными. По неумелости и неразвитости начала переделывали в интересы, идеи в тенденции низменные, но общедоступные.

Чтобы не было злых, надо отнять или побуждение быть таковыми ⁵, или надежду чего-либо достигнуть злом, ибо делать зло для зла — нелепость; зло не может быть ни и с т о ч н и к о м, ни ц е л ь ю для самого себя. Зло не рождается из самого себя, а выделяется при неумелом обращении с добром. Это ядовитая окись полезного металла заброшенного (плохо содержимого).

Сам себя держал на строгом отчете и под бдительным надзором ⁶.
[...]

1890-е годы

12.

1. ⁷

2. Он знал и понимал ее *, но во имя пришлого идеала желал не знать и потому перестал понимать.

3. Он знал ее, как идеал, ничего, кроме нее, и не желая знать, и потому совсем перестал понимать ее.

4. Продолжая не понимать ее, он не желал и знать ее во имя чуждого идеала и потому перестал знать ее.

5. Александ[р] I.

Он желал понять ее, но чуждый идеал помешал и не внушил желан[ия] ему узнать ее, и потому он не понял и не узнал ее.

6. Николай I.

Одни желали понять ее, не зная; другие хотели узнать ⁸ ее, не ⁹ понимая. Первые не поняли ее, потому что не знали; вторые не узнали ее, потому что не желали понять.

¹ Первоначально было: дуалист.

² Далее зачеркнуто: настоящий, прямой и... Далее не разобрано одно слово.

³ Далее зачеркнуто: на.

⁴ Далее зачеркнуто: плечу.

⁵ Над строкой: делать зло.

⁶ Три последних абзаца слегка перечеркнуты Ключевским.

⁷ Далее оставлено пустое место.

⁸ Буквы ть исправлены из вали.

⁹ Далее зачеркнуто: желая.

Интеллигенция не создает жизни и даже не направляет ее. Она не может ¹ ни толкнуть общество на известный путь, ни своротить его с пути, по которому оно пошло. Но она наблюдает и изучает жизнь. Из этого наблюдения и изучения, веденного по местам многие века, сложилось известное знание жизни, ее сил и средств, законов и целей. Это знание, добытое соединенными усилиями ² и опытами разных народов, есть общее достояние человечества ³. Оно ⁴ хранится в литературе, переходит в сознание лиц и народов пом[ощью] образования. Каждый отдельный народ стоит ниже этого научного запаса; не было и нет народа, участвовавшего в общей жизни человечества, который всей своей массой знал бы все, до чего додумалось человечество ⁵. Посредницей в этом деле между человечеством ⁶ и отдельными народами должна быть его интеллигенция. Она не дает направления своему народу и даже очень редко правит им в данном не ей направлении. Ее задача угадать это направление и его возможные последствия и потом следить за движением ⁷, его ровностью и прямоотой, подмечать скачки и уклонения, вовремя указывать на встреч[ные] препятст[вия] и возм[ожные] потребности и на средства для их устранения или удовлетворения. Чтобы справиться с этой задачей, интеллигенция должна понимать положение своего народа в каждую данную минуту, а для этого понимания необходимы два условия: знать точно дела своего народа и знать научный запас человеческого ума. Чтобы понимать, что делается с народом, что откуда пошло у него, как идет и к чему придет, нужно знать, как и чем живет человечество, знать пружины, средства и цели его жизни. Интеллигент — диагност и даже не лекарь народа. Народ сам залижет и вылечит свою рану ⁸, если ее почует, только он умеет вовремя замечать ее. Вовремя заметить и указать ее — дело интеллигенции, а чтобы заметить неправильность отправления в жизни известного народа, необходимо знать физиологию всего человечества. Ее дело: *caveant consules* ⁹.

1) Основания жизни одинаковы у всех европейских обществ, но культуры различны.

2) Местная интеллигенция — посредница между общечеловеческим знанием и своим обществом.

¹ *Далее зачеркнуто:* дать ей направление, ни своротить.

² *Далее зачеркнуто:* разных.

³ *Над строкой:* чело[веческого] ума.

⁴ *Над строкой:* Это наука.

⁵ *Над строкой:* чело[веческий] ум.

⁶ *Над строкой:* чело[веческим] умом.

⁷ *Над зачеркнутым:* нпм.

⁸ *Над строкой:* язву.

⁹ пусть будут бдительны консулы (*лат.*).

3) Ее дело — понимать положение своего общества и давать нужные справки практическим дельцам.

4) Для того ей нужно следить за движением человеческого ума и за ходом своей местной жизни.

Жить своим умом не значит игнорировать чужой ум, а уметь и им пользоваться для понимания вещей.

Доморощенное, незаимствованное понимание не есть бессознательный взгляд на вещи, сложившийся дома, а вернее понимание своих домашних дел, хотя бы и с содействием сторонних указаний.

13.

Гонор — не гордость, а прикрытие ее отсутствия.

Быть соседями не значит быть близкими.

Венчаные содержанки.

В нем хорошо все, кроме его самого.

Скажи, что или кого любишь, и я скажу, кто ты.

Мало любить живые существа: надо любить самую жизнь.

Мнительность — не наблюдательность, а причина ее отсутствия.

Добрый сердится не злясь, а злой злится не сердясь.

Трезвый ум может отчасти заменить отсутствие доброго сердца: чувство потребности добра и расчет последствий зла.

Классическая гимназия не подняла уровня университетской подготовки, понизив степень любознательности, т. е. не усилила запасов знаний элементарных, ослабив способность к приобретению высших специальных.

В поисках житейского благополучия схватил кусок искрившегося альпийского льда, хотел согреться им, — простудился, хотел согреть его, — измочился и стал смешон в обоих случаях, — и в припадке любви и в припадке сострадания. Это потому, что фальшивил в обоих случаях, хотел любить не любя и сострадать без жалости, а только наслаждаться эстетикой любви и жалости.

Сложная, смачно-приторно-печальная музыка Шопена, холящая себя собственной печалью, как банщица холит обветшалого старика, вытирая его своей загорелой до пояса рукой.

Кто вам дал право быть судьями самих себя, оценщиками собственного товара, данного вам природой? Цену дает потребитель по вкусу, судебный приговор произносит присяжный по совести, а у вас ни вкуса, ни совести.

Да, но обыкновенно потребитель ценит продукт, не зная издержек производства, а присяжный по совести произносит приговор в суде, забывая дома совесть.

Нравственный момент наступает тогда, когда человек, удовлетворяющий сам собою возбуждавшийся инстинкт и оттого полу-

чавший чувство удовольствия, искусственно начинает возбуждать инстинкт, чтобы удовлетворением его достигнуть этого удовольствия. История этики — в превращении следствия в цель. Любовь к женщине выходит из удовлетворения влечения к ней¹: возбуждают ли влечения, чтобы репетировать испытанное чувство любви именно к этой. Обмен удовольствия с обеих сторон, как качание из стороны в сторону маятника.

Культурное прожорство: хотят видеть, чего рассмотреть не умеют, слышать, чего не в состоянии понять, сожрать, чего переварить не могут.

Вращающиеся в орбите героя сателлиты. Организованный эгоизм вместо привязанности (Ренан). Религиозные люди живут мечтой, мы — тенью мечты, чем будут жить после нас? (id.)

В древнерусском браке не пары подбирались по готовым чувствам и характерам, а характеры и чувства вырабатывались по подобранным парам.

На открытое нахальство следует отвечать молчаливым смехом.

Чувство, т. е. гримаса приличия, у женщин становится подробностью их костюма: хорошо одега — прилична.

Они, эти завистливые преемники, не наследники, ждут не дождутся, когда скатятся с потемневшего неба их предшественники, как падающие звезды.

Л. — русская гадина, ползающая по окраинам России, чтобы найти удобное место нагадить отечеству.

Эти семьи международного состава — какие-то водоросли, плавающие по русскому болоту, без корней и почвы, плывущие, куда дует ветер, но не терпящие берегов русского материка, попав на который они засыхают или гниют.

Этой женщине легко сохранить свою добродетель, которая ограждена таким могучим фортом — вонючим ртом.

Б-ны. Получая больше, чем ожидали, начинают требовать больше, чем им дать желали.

Б[услас]в. Всю жизнь занимаясь сказками, как былью, он, наконец, рассказывая свою жизнь, превратил быль в сказку.

Психолог[ические] мотивы крепостного права при бесправии в патологические припадки или сентим[ентальные] капризы.

Иная журн[альная] статья лучше иной книги, хотя это значит только правило², что каждая ваша книга д[олжна] быть лучшей журн[альной] статьи.

Энтузиазмом чаще всего называют такое состояние человека, когда

¹ Над строкой: этой.

² Над строкой: исключение напоминает.

его духовные силы приходят в гармоническое и напряженное движение. Тогда управление психологическим оркестром принимает одна духовная сила, господствующая в народе, составляющая характеристическую национальную особенность. По свойству этой дирижирующей силы и энтузиазм принимает разнообразные национальные формы выражения. Итальянец в этом состоянии, помня завет старого Тацита, вспоминает или поет, вспоминает античный Рим или поет арию из «Риголетто»; француз становится в ораторскую позу и произносит un discours académique¹ о каких-нибудь принципах; немец начинает кричать, хвастаясь своим я и ругая всех, кто не я²; англичанин — но англичанин совсем не умеет приходить в энтузиазм, как есть народы, которые не умеют петь. Русский энтузиазируется тоже по-своему: в такие минуты русск[ая] женщина ударяется в слезы, мужчина впадает в грусть.

14.

Уровень полит[ического] развития народа определяется политическими формами жизни. У нас выработалась низшая форма г[осу]дарства, вотчина. Это собственно и не форма, а суррогат г[осу]дарства. Но, скажут, этой формой целые века жил великий народ и ее надобно признать самобытным созданием народа. Конечно, можно, как «голодный хлеб» можно признать изобретением голодающего народа; однако это не делает такого хлеба настоящим.

Фактическая власть могла издавать распоряжения, носившие наружность и название законов.

15.

Что вы утверждаете, то вы доказываете основательно, по вы не все утверждаете, что доказываете. Не возражение, а комментарии. Смелее идете к цели, чем подходите к ней. Судя по буквальному смыслу, неужели вся реформа предпринята только потому, что однажды Петр принужден был сказать себе: денег нет! Вы допустили неточное выражение. Больше неудобство для читателя, чем недостаток книги.

16.

Цементирующая сила — традиция и цель.

Нравственное³ богословие цепляется за хвост русской беллетристики.

С ним не хочется расходиться, даже когда чувствуешь, что не идешь с ним в ногу. Не натуральная только повинность мыслящего ума, но и нравственная потребность любящего сердца.

¹ академические рассуждения (фр.).

² Над строкой: ты и он.

³ Слово написано синим карандашом.

Уважаешь, даже не разделяя их. С ним не всегда согласишься, но никогда не заспоришь, как никогда не упрекнешь человека за то, что у него морщина на лице легла не как у меня, у других, у всех. Можно расходиться в точках зрения, но не позволительно расходиться в целях, в путях, направл[ении] движения.

Не будем спорить, пока идем; когда придем, пожмем друг другу руку и, может быть, найдем, что не о чем спорить.

Классификация убеждений — красных, белых, чернокожих.

17.

У ч е н и к и —

больше рассуждают, чем понимают, и больше толкуют, чем могут растолковать. В выносимых ими впечатлениях (из уроков истории) больше самоуверенности, чем самосознания. Из этого и складывается мираж и с т о р и ч [е с к о г о] п о н и м а н и я.

Логич[еские] ошибки истор[ического] материализма: противопоставлять личность, как принцип произвола случайности, совокупности историч[еских] условий, как принципу закономерности, необходимости, тогда как сама личность есть только одно из исторических условий; след[овательно], одно из слагаемых противопоставляют сумме.

1900—1910 гг.

18.

[He ранее 16 января 1900 г.]

[...] Не я виноват, что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Юрист строгий и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерница никогда не поймет целомудренного акушера. 16 январ[я] 1900 г.

Богословие на научных основаниях — это кукла бога, одетая по текущей моде.

Россия и Финляндия=большой зверь и маленький зверек; их отношение [зависит] от того, чувствует ли себя первый слабее или сильнее второго.

Вы расслабляете наше сознание и не предлагаете нам таких гофманских капель, которые бы помогли нам быть Вашими личными слушателями. [...]

С о ц и о л о г и я

Отношение с в о б о д н о й л и ч н о с т и к исторической з а к о н о м е р н о с т и. Личность свободна, насколько она, пони

мая историческую закономерность, содействует ее проявлению или, не понимая ее, затрудняет ее действие. [...]

Природа рождает людей, жизнь их хоронит, а история воскрешает, блуждая по их могилам ¹.

19.

[Не ранее 7 марта 1900 г.]

Под здравым смыслом всякий разумеет только свой собственный. Евангелие стало полиц[ейским] уставом.

О нем рассказывали страшные вещи: нелюдим, не держит своих журфиксов и редко посещает чужие, терпеть не может писать, хотя пишет хорошо, презирает р[усскую] литературу, особенно беллетристику, мрачно смотрит и на прошедшее и на будущее России и по праздн[икам] ходит к заутрени. Отчего не посмотреть на такого чудака (смеется над русским народом, как петровским подкидышем европ[ейской] цивилизации). Целая аптека пессимизма.

На его умном лице с широким носом и недоверчивым взглядом не выражалось на этот раз ничего. Он, очевидно, был расположен беседовать только с самим собой и даже сидел с опущенной головой, т. е. не держал на носу пенсне, которое заставляло его автоматически поднимать голову и принимать вид размышляющего ² человека.

Коновязев: Шекспир в XIX в., поколение детей революции, испуг перед закономерностью человечес[еской] жизни в XIX в., поколение неврастеников ко введению нового полит[ического] порядка, убеждение вм[есто] ума и мирозерцания (10 заповедей блаженства с прибавлением XI-й — б у д и р у й). Напяливают убеждения, как перчатки для выезда в свет.

Чёрт его побери, вот ему писать повести и рассказы; однако — порядочный софист.

Пучок раздраженных и сильно поношенных нервов. С тонким, немного вздернутым носом, с поблекшими голубыми, но все еще подвижными глазами.

Напол[еоновские] маршалы — это те же Метуэны, Гатакры, Кичинеры. Их величие создано мадамами Sans-Gêne *.

Конов[язев]. Мыслей давно уже ни у кого нет ³, остались только гальванистические подергивания мозгами. И это только в больших городах. Говорят, то же и на З[ападе]. Что ж? Это ничего не доказывает: скверный пример никому не образец.

Беллетристика — до порога уголовного суда или психиатрической больницы.

¹ Все абзацы, кроме предпоследнего, отчерчены на полях красным карандашом.

² Над строкой: мыслителя.

³ Далее зачеркнуто: а есть.

20.

[Не ранее 1901 г.]

С а м о д е р ж а в и е и з е м с т в о . Конфиденц[иальная] записка мин[истра] фин[ансов] статс-секр[етаря] С. Ю. Витте (1899). Печатано «Зарей», Stuttgart, 1901.

Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: «Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами».

21.

[Не ранее 24 октября 1902 г.]

[...] Слова — самовнушение etc. успокаивают ум, но не просветляют, как есть суррогаты, которые не питают, а только утоляют голод. Сыт не стал, а перестал быть голоден. [...]

Смутное время — любимая эпоха [18]60—70-х годов.

Эпидемичность мысли, стадность настроения.

Интересовались красивыми историческими лицами или драматическими эпизодами, не историей, чем интересуются дети или незрелые взрослые. Анекдот лег краеугольным камнем в основу исторического обществ[енного] сознания.

Дело не сделанное лучше дела испорченного, потому что первое можно сделать, а второго нельзя поправить.

Плевать, как публика отнесется к делу; нам важно, как мы сами отнесемся к делу.

Гений, негений — первый не понимает, что он творит, а второй понимает, что он ничего не творит.

Понимать музыку — не то же, что считать темпы.

22.

[1902 г.]

Страшно только одно — ослабление работоспособности мозга. Человек — потенц[иальный] х; он сам не знает, сколько черт в нем сидит, и только история выводит¹ этих метафизиков, как микробы, на свежую воду. [...]

¹ Далее зачеркнуто: этих черт[ей].

«Всячина» (к курсу)

Своя таблица умножения, свое непререкаемое дважды два, без которого невозможно никакое мышление, невозможно никакое общение. Новое у Сол[овьева] — дело Петра подготовлено органически из др[евней] Руси. [...]

Борьба вечная между мыслью и жизнью. Мысль ищет чего-нибудь постоянного, разумного, логики, стереотипа человека, а жизнь ежеминутно составляет комбинации, причудливые, не укладывающиеся под привыч[ные] классификации и категории.

В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок — все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности.

Реформа Петра у Сол[овьева] учила считать накопл[енные] народом силы при всяком движении вперед.

Много актеров, но на про[тяже]нии веков нет ни одного деятеля, кроме Петра В[еликого]¹ [...]

Рвут у нас студенты или ² ... Я не безразличен. Тих[омиров]: не нуждается в защите, не могу быть председателем, у меня много личных мнений по этому делу. Учреждение было бы оскандалено, при[ват]ные профессора. Комиссия не поняла своей задачи (ей бы [принять] во внимание историю): хотела быть слишком юридической и не спохватилась остаться универ[ситетск]ой. Но университет не окружной суд, а учебно-воспит[ательное] учреждение.

Смертью смерть поправ — это русский писатель, который воскрешает только по смерти. Готов служить делу свободы, но не хочет быть ее холопом.

В том и другом случае (реак[ции] или револю[ции]) Учр[едительное] собрание будет партией, не нар[одным] пред[ставитель]ством. Кому инициатива? Страна может остаться без законодательства.

Утратили чутье действительности и такт дея[тельно]сти.
Однорожие и единодержавие.

¹ Далее текст сильно вытерт от времени, не поддается прочтению.

² Далее в рукописи стерто и поставлено отточие.

[...] ¹ вырастет человек из ребенка.

Не выношу его глубокомысленного, новгородско-иерусал[имского] взгляда.

Забастовки и вооруж[енное] восстание — следствия свободы, которая уничтожила свою причину.

24.

[Не ранее 19 февраля 1906 г.]

Единство — больше на этнограф[ических] связях, чем на общих политич[еских] идеях или интересах.

Закон давал частные льготы и специальные классовые повинности, но не общие права и обязанности.

25.

[Не ранее 3 марта 1906 г.]

Державная дочь П[етра] В[еликого] 160 лет назад восстала против смертной казни, показав тем пример европ[ейским] законодателям. Моск[овский] у[ниверсите]т ², протестуя против смертной казни, исполнит завет своей основательницы.

26.

[Не ранее 20 июня 1906 г.]

Дело, возмущившее всех поряд[очных людей] со свойств[енным] ему выраз[ительно]-образн[ым] красноречием, — выед[енное] яйцо.

Сами разделяли частное дело от офиц[иального], а теперь частное обращение к товарищам — в протокол. Я не слуга таких изворотов мысли и нрав[ственного] чувства.

Мурет[ов] может менять свои взгляды, как ему вздумается, но никто не обязан считаться с его настроением, направлением, изменч[ивыми] ³ побуждениями, лично им в себе воспитанными.

Записка Мышц[ына] — неудачная симуляция порядочности.

27.

[Не ранее ноября 1906 г.]

Мысли ⁴

Что такое закон? Мы не законодатели, но мы исполнители закона, проводники; без нас его некому исполнять.

Пружина напряжена туже, но не лопнула.

¹ Одно слово не разобрано.

² Далее зачеркнуто: восс[тавая].

³ Над зачеркнутым: его.

⁴ Слово написано красным карандашом.

Международное значение падало ¹, и это падение до поры прикрывается диплом[атическим] приличием. Флота нет ни балтийского, ни тихоокеанского, — нельзя сказать, что бы его не было, но его нет. Финансы потрясены; кредит заграничный — в биржевое попрошайничество, внутренний — в переписку сумм из одной сметной графы в другую, доверие к правительству — выражение, вышедшее из оборотного языка, как архаизм, требующий ученого комментария. Это часть почвы историческая. Договор с Лидвалем * — тоже в силу 87 ст[атьи], как временное правило, подлежащее одобрению Думы.

Весь г[осударственный] порядок — из недоразумений, превратившихся в предупреждения ².

Шаг вперед легче полушага назад — в гору. Не отступить и не забегать, идти ровным поступат[ельным] шагом.

Одни хотят пасть, другие помириться. Те и другие на моральной или психологической, а не политической [почве]. Но есть ли она? Даже с подночвой.

Взгляд на моральную почву в прошлое. Сопровождения с сведущими людьми.

Почва есть и психологическая! Ясно, что с нами, с народом, и г р а ю т: где не догадаются, а где и испугаются.

Люди ³ без заносчивости и без робости не захватывали чужого и не поступались народным. На игру закрытую отвечать: «Откройте карты». Доверие исчерпано, все израсходовано: т а м терять уж нечего ⁴.

Знаю только, что первое условие проиграть битву — струсить перед ее началом.

У русского царя есть корректор посильнее его — министр или секретарь. Царь повелит — министр отменит, как при Ек[атерине] II с наказом. Он лучше понимает волю царя, чем сам царь ⁵.

Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон.

Реакционная Дума — не беда! Ее нельзя желать, но не надо бояться.

Я понимаю правительство: будущая Дума для нас страшный суд за июль — февраль.

Не знаю общества, которое терпеливее, не скажу доверчивее, относилось к прав[ительству], как не знаю правительства, кото-

¹ Над строкой: пало.

² Два последних абзаца отчерчены на полях красным карандашом.

³ В рукописи: людей.

⁴ Фраза отчерчена на полях красным карандашом.

⁵ Далее зачеркнуты выписки об эпохе после Петра I.

рое так сорило бы терпением общества, точно казенными деньгами ¹.

Не нужно сделок; прямой договор.

Власть как средство для общего блага нравственно обязывает; власть вопреки общему благу — простой захват.

Успехи: ключ дан, замок отперт, дверь отворена и свежий воздух пахнул на вековую пыль. Выбирайте людей, которые, спокойно, ровно ступая по твердой законной почве, не порываясь, стремились вперед и не пятась назад, во имя закона сделают Думу могучим оплотом законности, мира и преуспеянья. Идти напрямки, без сделок, но с прото[колом] в руках: иначе нельзя.

Воспользовались идеями Думы и только скомкали их. В правительстве Гурко ² с Лидвалями...

Делом власти было это сказать; наше дело понять, как это сделать (рескрипты).

28.

27 фев[аля] 1907 г.

[...] Все эти земские советы, собрания были только сделки, а не учреждения, минутные сборища на всякий случай.

29.

[Около 13 октября 1907 г.]

К духовенству. Л[екция] VI, в у[ниверсите]те

Великая идея в дурной среде извращается в ряд нелепостей.

На богословской ли почве, или на материалистической, но ум приучался к научной работе. Гизо, [стр.] 102.

Виртуоз душевного спасения.

Великая истина Христа разменялась на обрядовые мелочи или на худож[ественные] пустяки. На народ ц[ерковь] действовала искусством обрядов, правилами, пленяла воображение и чувство или связывала волю, но не давала пищи уму, не будила мысли. Она водворяла богослужебное мастерство вместо богословия, ставила церк[овный] устав вместо катехизиса; не богословие, а обрядословие. (Закон божий — не вероучение, а богослужение).

Процесс самосознания в духовенстве есть история его самоотрицания: оно вымирает по мере того, как сознает свое положение.

¹ Абзац отчерчен на полях красным карандашом.

² В рукописи: Гурок.

[...] Петр б[ыл] жертвой собственного деспотизма. Он хотел насильем водворить в стране свободу и науку. Но эти родные дочери человеческого разума жестоко отомстили ему. [...]

31.

[Не ранее 1907 г.]

Петр не создал ни одного учреждения, которое, обороняя интересы народа и на него опираясь, могло бы встать на защиту своего создателя и его дела после него.

Деятельность Петра сплелась из противоречий самодержавного произвола и госуд[арственной] идеи общего блага; только он никак не мог согласить эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом.

Меншиков, не брезговавший ремеслом фальшивого монетчика для определения искусства Петра выбирать людей.

А п р а к с и н, самый сухопутный адмирал, полный невежа в навигации, но добродушный хлебосол¹. [...] Он — в р а г р е ф о р м ы².

Порицать Петра не значит оправдывать его преемников.

[...] Наигранная грация Е к [а т е р и н ы] II, какую приобретает скромная, но энергичная женщина многолетней работой над собой, над своей богато одаренной, но не режущей праздных г л а з красивой п р и р о д о й. Она была заезжей цыганкой в Росс[ийской] империи.

Никакие новые партийные вражды не сгладят старой сердечной дружбы.

Сердце Ек[атерины] никогда не ложилось поперек дороги ее честолюбия³.

С А [лександра] I они почувствовали себя Хлестаковыми на престоле, не имеющими, чем уплатить по трактирному счету. Их предшественницы — воровки власти, боявшиеся повестки из суда.

32.

[Около 9 февраля 1908 г.]

Павел — Александр I — Николай I

В этих трех царствованиях не ищите ошибок: их не было. Ошибается тот, кто хочет действовать правильно, но не умеет. Деятели

¹ Далее не разобрано одно слово и цифра: 117.

² Два последних абзаца перечеркнуты синим карандашом.

³ Фраза написана синим карандашом. Подчеркивания в тексте красным карандашом.

этих царствований не хотели так действовать, потому что не знали и не хотели знать, в чем состоит правильная деятельность. Они знали свои побуждения, но не угадывали целей и были свободны от способности предвидеть результаты. Это были деятели, самоуверенной оцупью искавшие выхода из потемков, в какие они погрузили себя самих и свой народ, чтобы закрыться от света, который дал бы возможность народу разглядеть, кто они такие.

Инициаторами покушений были старые столбовые и промозглые крепостники-дворяне, а исполнителями — мелкое обносившееся радикальное барье, которое двигалось, как марионетки, не сознающие, кто ими двигает. Так заложена была мина, которая при помощи длинного подпольного провода лишилась возможности знать собственный ударный пункт.

Сумасбродство Павла признают болезнью и тем как бы оправдывают его действия. Но тогда и глупость, и жестокость тоже болезнь, не подлежащая ни юридической, ни нравственной ответственности. Тогда рядом с домами сумасшедших надобно строить такие же лечебницы для воров и всяких порочных людей.

XIX в[ек]

Огонь передаваем, но неделим — русские самодержавные министры. Закон — основа бесправия.

- 1) Внешний размах государственной силы. Сокрушение Наполеона. Свящ[енный] союз. Завоевания на Дунае, на Балт[ийском] море, на запа[дном] берегу Касп[ийского] моря, на восточном Черного, созд[ание] нов[ых] г[осударств] на Балк[анском] пол[уострове], в Среднюю Азию, течением Амура. Проверяем географию, ревизуем, все ли на месте, что там написано.
- 2) Подъем законодательства и учредительства. Центр[ализация] управления. Свод законов. Освобождение крепостн[ых]. Новый суд. Земские учреждения. Институт земских начальников. Учреждение госуд[арственной] охраны.
- 3) Расцвет русской литературы и русского искусства, русского творческого гения. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Тургенев. Гончаров. Гр[аф] А. Толстой. Гр[аф] Толстой — яркая звезда на мировом культурном небосклоне. Искусства. Не говорю о научных успехах (сам прилип, как слизняк, к этой скале гранитной). Система учебн[ых] заведений 1804 и др[угих] г[одов].
- 4) И за этими тремя как будто светлыми сторонами жизни открывалась четвертая — совсем тeneвая, даже мрачная: небывалый организованный гнет правительственной опеки и полицейского сыска (3-го отделения Соб[ственной]¹ канцелярии). Всякое

¹ Над строкой: Унив[ерсите]ты в конце Ал[ександра] I.

движение свободного духа заподозривается как подкоп под основы существующего порядка. § 5 с листика ψ¹.

Что значат все эти явления? Какой смысл в этом хаосе? Это задача истор[ического] изучения. Мы не можем идти ощупью в потемках. Мы д[олжны] знать силу, которая направляет нашу частную и народную жизнь. С 1801 г. два параллельные интереса: постройка европейского госуд[арственного] фасада и самоохрана династии.

33.

[Не ранее 20 марта 1908 г.]

Все только намеки, наброски, идеи — как темные слухи откуда-то со стороны, учреждения без ясно устан[овленных] функций и компетенций, общ[ественные] классы без определитель[ных] очертаний.

34.

13, 19 июня, 5 июля 1908 г.

1908, Сушнев о.
13 июня

Счастье не действительность, а только воспоминание: счастливыми кажутся нам наши минувшие годы, когда мы могли жить лучше, чем жилось, и жилось лучше, чем живет в минуту воспоминания. [...]

19 июня

Русское духовенство всегда учило паству свою не познавать и любить бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило со своими попадьями. Нивелировка русского рыхлого сердца этим жупельным страхом — единственное дело, удавшееся этому тунеядному сословию.

5 июля

Но впечатления, какие получал Толстой, быстро свевались по возвращении в родную обстановку. А здесь жили наличными средствами и понятиями, чтобы только как-нибудь прожить. Идеи права, справедливости, свободы были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой франц[узский] кафтан или парик был доступен немногим карманам.

Что такое бог? Совокупность законов природы, нам непонятных, но нами ощущаемых и по хамству нашего ума нами олицетворяемых в образе творца и повелителя вселенной.

¹ Далее строк пять оставлены чистыми.

Толстой — поздняя пародия древнерусского юродивого, ходившего нагишом по городским улицам, не стыдясь того.

Вы сочиняете посмертного Гоголя.

Мысль Гоголя ни перед чем не останавливалась, даже перед собственной глупостью = совершенно малороссийская мысль, как степной ветер, который несется по волнующейся равнине и воет и выплывает, — указать ему, где бы установиться, обо что бы удариться, чтобы перестать носиться, выть.

35.

[Не ранее 27 ноября 1908 г.]

Чтение 27 н[оя]бря [19]08 г. у Н. В. Д. Толстой и Труб[ецкой] — экзотичность и ненужность мыс[ли], хоть и красивой; сеяли рожь, а выходил испанский лук или что-нибудь тропическое, оранжевое.

Ленск[ий]. Невзрачная р[усская] жизнь, прикрашенная худож[ественной] позолотой. Как человек в области искусства довольно пришлый, я г[ово]рил, что вместо того, чтобы украшать русскую мужицкую избу готич[еским] фронтоном, не красивее ли было бы иной стильный музей опростить фасадом мужицкой избы.

Петр — деспот, своей деятельностью разрушил деспотизм, подготавливая свободу своим обдуманном произволом, как его преемники своим либеральным самодержавием укрепляли народное бесправие.

Женщина, что музыка: физич[еские] ощущения — нравственные мотивы.

Правительство уже тогда начинало торговать г[осу]дарством, как своей междунар[одной] лавочкой¹.

Все эти скатерины, овладев властью, прежде всего поспешили злоупотребить ею и развили произвол до нем[ецких] размеров.

Вы призвали иноземных зевак на наши народные болячки, а меня заставляете быть их физиологич[еским] демонстратором.

Такова уже натура: собака не может не лаять.

Дрянной мальчишка, преждевременно развращенный (П[етр] II).

Переход от произвола к праву — анархия, а не октроированная конституция. [...]

Шляхетство рядовое 1730 г. — это политические зайцы, безбилетно прокравшиеся в политику под именем общества или общенародия².

¹ Фраза написана синим карандашом.

² Далее строки две оставлены чистыми.

Чёрт и художник — главные сотрудники монаха, первый — для обработки мужика, второй — для обработки барина¹ [...]

Гоголь не писал просто, а разыгрывал самого [себя]².

1 апреля Екат[ерины] I.— Сол[овьев, т.] 18, [стр.] 319 *. Эпоха воровских прав[итель]ств, которые сами стыдятся своей власти, но держатся за нее без всякого стыда³.

Понимаю затруднения Извольского: ни армии, ни флота, ни финансов — только орден Андрея Первозванного. Полит[ическая] свобода — родная дочь науки. [...]

36.

1908 г.

В нашем настоящем слишком много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории.

37.

9 янв[аря] 1909 г.

Самовластие само по себе противно; как политический принцип, его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, самоотверженно идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева.

38.

[Около 2 января 1910 г.]

Тяжелыми налогами государство раздуло свои силы, значение выше меры и нужды и нахватало задач и затруднений не по силам. Государство игры и авантюры.

39.

[1910 г.]

Римские императоры обезумели от самодержавия; отчего имп[ератору] Павлу от него не одуреть?

Ливрейная аристократия передней.

¹ Далее строк 8—9 оставлены чистыми.

² Далее строк 12—15 оставлены чистыми.

³ Далее строки 3—4 оставлены чистыми.

Суждения истории — не суждения гражд[анской] палаты, укреплявшей мертвые души за Чичиковым.

Правит[ельственные] учреждения: как они могут быть проводниками права, сами будучи совершенно бесправными?

Деспотизм кулака и деспотизм ласковой улыбки — к одинаковым результатам.

1900-е годы

40.

Частный интерес по природе своей склонен противодействовать общему благу. Между тем человеческое общежитие строится взаимодействием обоих вечно борющихся начал. Такое взаимодействие становится возможно потому, что в составе частного интереса есть элементы, которые обуздывают¹ его эгоистические увлечения. В отличие от государственного порядка, основанного на власти и повиновении, экономическая жизнь есть область личной свободы и личной инициативы, как выражения свободной воли. Но эти силы, одушевляющие и направляющие экономическую деятельность, составляют душу и деятельность духовную. Да и энергия личного материального интереса возбуждается не самим этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную, а эти последние на высшей ступени своего развития выражаются в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую. На этой нравственной почве и устанавливается соглашение вечно борющихся начал по мере того, как развивающееся общественное сознание сдерживает личный интерес во имя общей пользы и выясняет требования общей пользы, не стесняя законного простора, требуемого личным интересом. Следоват[ельно]...²

Необходимая случайность — в жизни часто...³

Телефонное мышление.

Декадентство не дорисовывает, только накалывает кистью природу.

Продукты цивилизации (три).

Бог смертью больше заслужил (*mer[cedes ?] de patria*⁴), чем жизнью.

Не только в более или менее сложном составе, но и в неодинаковом п о д б о р е и соотношении составных элементов.

В государстве народ становится не только юридическим лицом, но

¹ Далее зачеркнуто: сдерживают; стремят[ся], роднят его, составят пределы; действие [...] тельность.

² Фраза Ключевским не закончена.

³ Фраза Ключевским не закончена.

⁴ награду от отечества [?] (лат.).

и исторической личностью с более или менее ясно выраженным на[циональным] характером и сознанием своего мирового значения.

Условия, как случай, будут создаваться разумом или предупреждаться благоразумием, и тогда вскроются новые свойства человеческой природы, новые стороны, еще не виданные...¹

41.

Высшая иерархия из Византии, монашеская, надела черной бедой на русскую верующую совесть и доселе пугает ее своей чернотой².

Мысль Ордина о слав[янском] союзе блеснула ночью и погасла, как гроздовая искра.

Новый военный порядок П е т р создавал не столько офиц[иальными] указами, сколько письмами, частичными распоряжениями по отдельным случаям без соображения с законом. Это не законодательство, а личные распоряжения деспота, вышедшего из рамок закона³.

Н о в ы е з а к о н ы только затрудняли разрушение старого порядка, укрепив его законными подпорками.

Др[евне]р[усский] царь сам потерялся в своих тарелках.

42.

Игра старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками (конституционные похоти Ал[ександра] I).

П е т р I. Его возбужденное настроение при его взрывчатости всех настраивало.

П[етр] сунулся в эту войну, как неофит, думавший, что он все понимает.

Вас пощадили, позволили существовать, чтобы дать вам время стать смешными.

Победители — еще шаг — попросили бы пощады у побежденных. Это была не трусость — П[етр] не был трус, — а обдуманная глупость, внимание к чужому глупому уму.

Д е т а л ь н о с т ь р а б о т ы — необъятная переписка царя [-героя]⁴ с мелкими исполнителями.

Итак, война б[ыла] истинной виновницей реформы.

П[етр] засиделся в своей школе.

¹ Фраза Ключевским не закончена.

² Первый и последний абзацы зачеркнуты. Подчеркивания сделаны красным карандашом.

³ Абзац на полях отчерчен красным карандашом.

⁴ Чтение слова предположительное — текст в этом месте поврежден.

Поход Карла в 1700 [г.] — совершенно варяжский пальной набег IX в. Потом мелкая война, взаимное кровососание.

Шведский мальчик — викинг, ставший к 1709 г. совершенно шальным варягом вроде нашего Святослава.

43.

Ш у т о в с т в о — не тонкий, лукавый расчет политиков, но просто грубое чувство гуляк-шутов. Хватали формы шутовства, откуда ни попало, не щадя ни преданий старины, ни народного чувства, ни даже собственного достоинства. В пародии церковных обрядов глумились не над ц[ерковью], которую очень плохо понимали, а над иерархией, которой перестали бояться, но продолжали не любить.

Страшный обряд, потерявший устрашавшую силу, стал смешон и досаден, как чучело, испугавшее ворону, и на нем вымещали собств[енное] воронье малодушие. Так подростки смеются над страшными гримасами, какими няньки запугивали их в детстве, чтобы скорее уложить их спать¹.

Петербургом Петр[зажал]² Россию в финском болоте, и она страшными усилиями выбивалась из него и потом утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петроп[авловскую] крепость — гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам.

Петр учился быть адмиралом и кораблестроителем, а пришлось быть прежде всего сухопутным генералом, организатором армии, а не флота. Он готовил флот прежде чем приобрел море и рисковал посадить свой флот на сухопутное гниение, как сгнила на берегу его переяславская флотилия.

44.

... Из большого и пренебрегаемого полуаз[иатского] государства Петр сделал европейскую державу, ставшую еще больше прежнего, но больше прежнего и ненавидимую. Он лучше обеспечил внешнюю безопасность этого государства, но усилил³ международный страх к нему, международную злобу против страны.

45.

1. Реформа Петра вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующих классов с народом. К § 6.

2. Перерождение умов посредством штэнов и кафтанов. Мистика. Сол[овьев, т.] 15, [стр.] 137.

¹ Два первых абзаца зачеркнуты красным карандашом.

² Чтение слова предположительное.

³ Далее зачеркнуто: его.

3. В коалиции терпел поражение, а побеждал один на один (Доброе ¹, Лесное, Полтава).
4. После Петра государство стало сильнее, но народ беднее.
5. Ход реформ от войны: до 1708 г. письмами и чрез лиц, потом указами и чрез учреждения.
6. Регулярная армия, оторванная от народа, стала послушным орудием против него, а внешняя политика, опираясь на нее, создавала престиж власти, который еще более подменял идею государства народного династией и полицией.
7. Не было ломки старых учреждений для постройки новых, а был постепенный развал московских одновременно с возникновением петербургских.
8. Через Полтаву он выходил на большую европ[ейскую] дорогу. Он по-прежнему оставался туп к пониманию нужд народа. Но он стал более чуток к условиям своего международного положения: он понял, что начинается игра не по карману. Предстояла роль нищего богача ².
9. Как человек, не привыкший к гражд[анскому] строительству, он колебался, ошибался, идя в потемках. Все [проще] ³ с кого взysкать, кому поручить, кого побить.
10. Не переиздавалось существующее, а создавалось вновь, чего не было: не преобразования, а новообразования. План, как он выяснился путем drobных мер к концу. Не военные дела, а военные успехи и созданное ими положение России — источник реформы.

Х о д: сперва беглый указ или спешное письмо намечало ⁴ пробел, недостаток, вскрытый войной; потом чрез Сенат разрабатывались учреждения, закон, регламент или инструкция ⁵.

11. Обременение народа различными мейстерами, рихтерами, комиссарами, ратами, мистрами, преимущественно из иноземцев: целое нашествие баскаков, темников, численников.

Щебень для ⁶ мостовых. Все понятия об обществе, государстве, народе, семье сгнили в этом разгуле распущенности, безделья и произвола.

Бесправие, покоившееся до поры до времени на привычке, народной инерции, П е т р ⁷ преобразил в организованную силу, в государственное учреждение, против которого надо б[ыло] бунтовать. [...]

¹ Над строкой одно неразобранное слово.

² Абзац зачеркнут.

³ Чтение слова предположительное.

⁴ Над строкой: 1-й, 2-й и 5-й.

⁵ Абзац зачеркнут.

⁶ Далее над строкой не разобрано одно сокращенное слово: адск[их?].

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

Проволока, по которой шли все распорядительные токи, был деспотизм.

Петр I¹. Он действовал как древнерусский царь-самодур; но в нем впервые блеснула идея народного блага, после него погасшая надолго, очень надолго.

Чтобы защитить отечество от врагов, П[етр] опустошил его больше всякого врага.

Понимал только результаты и никогда не мог понять жертв.

46.

Риторически тягучий и туманный указ.

П[етр] увлекся Европой с фин[ансово]-технической, а не с политической и нравственной стороны, мог приучить свои руки к приемам по раб[оте] мастера, но не думал приучать своей мысли к принципам полит[ического] мыслителя вроде Пуффендорфа или Гуго Гроция. [...]

47.

А[л е к с а н д]р I²

Свободомыслящий абсолютист и благожелательный неврастеник. Легче притворяться великим, чем быть им.

48.

Схоластика — точильный камень научного мышления: на нем камни не режут, но об камень вострят³. [...]

С 25 фев[раля] 1730 г.* каждое царствование было сделкой с дворянством, и если сделка казалась нарушенной, нарушившая сторона подвергалась преследованию противной⁴ [...] и ссылкой или заговором и покушениями.

49.

Верховной власти нет как источника прав и полномочий, она только штампель на актах прав и полномочий, не политическая сила, а механический сертификат. Настоящая верховная власть есть д в о р.

Прав[итель]ство не может ни воспитывать, ни развращать народа: оно может только его устроить или расстраивать. Воспитание народа — дело правящих и образованных классов, и н т е л л и г е н ц и и.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Далее не разобрано шесть строк.

⁴ Далее не разобрано одно слово.

Тот, кто пишет «быть по сему», есть только стальное перо и больше ничего.

Самодержавие — бессмысленное слово, смысл которого понятен только желудочному мышлению неврастеников-дегенератов.

Церковная иерархия не обладает в достаточной для минуты мере ни подготовкой, ни постановкой.

Русский простолюдин — православный — отбывает свою веру, как церковную повинность, наложенную на него для спасения чьей-то души, только не его собственной, которую спасти он не научился, да и не желает: «Как ни молись, а все чертям достанется». Это все его богословие.

50.

Это еще не предмет истор[ического] изучения. Это время тяжелых испытаний или светлых надежд... Бури.

Но обращаемся к прошлому, чтобы забыть на воспоминаниях от тяжелых впечатлений, убежать в прошлое от настоящего. Постыдное бегство! Наши идеалы не в прошедшем, а в будущем.

51.

Русские цари — не механики при машине, а оgor[одные] чучела для хищных птиц.

Цари — те же актеры с тем отличием, что в театре мещане и разночинцы играют царей, а во дворцах цари — мещан и разночинцев.

Доселе дурными средствами развивалась личность на счет сильного общества; впредь личность будет служить вырождающему обществу лучшими своими силами. Период хищной энергии сменится периодом благородной неврастеники и малокровия. Рычаг¹ прогресса — вм[есто] кровопролития кровопривитие. Тужики-пыжики.

Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время.

Наши цари были полезны, как грозные боги, небесполезны и как огородные чучелы. Вырождение авторитета с сыновей Павла. Прежние цари и царицы — дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпическо-набожной фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вроде Петра I или Ек[атерины] II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал их считать богами, но не перестал бояться их за жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы. С Ал[ександра] III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка *

¹ В рукописи: рычагом.

испортила последнюю. Она, эта династия, не доживет до своей поли[тической] смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана. В этом ее счастье и несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время. [...]

Моск[овское] г[осударство] Иоаннов — вотчинное государство с трудно дававшейся идеей национально-церковного союза, управляемого при посредстве молчаливого местнического соглашения г[осу]д[аря] с бывшими вотчинниками. Государство первых Романовых — национальный русский союз со свежими воспоминаниями и привычками вотчинного порядка, управляемый посредством класса военных слуг, содержимых на счет управляемого народа. Центр тяжести в первый период — в Боярской думе, во второй в Разряде. Постельное крыльцо взяло верх над Передней.

52.

Нельзя вытирать запачкавшегося лица чужими рукавами.

- 1) Неустойчивые порывы, безотч[етные] или полусознат[ельные] стремления, невыясненные планы. Много суеты, хлопот и скудные результаты.
- 2) Россия XVII в. со своей широко раскрытой научной любознательностью и со скудной¹ умственной емкостью. Какая преобраз[овательная] суетня, какая толпа новых идей и какая ветошь нравов и порядков, какое ничтожество результатов! Таракан на спине.

Дворянство — «верноподданные бунтари». Оно привыкло окружать престол с вечно протянутой рукой попрошайки и трясти его за неподатливость.

Самодержавие — не власть, а задача, т. е. не право, а ответственность. Задача в том, чтобы единоличная власть делала для народного блага то, чего не в силах сделать сам народ чрез свои органы. Ответственность в том, что одно лицо несет ответственность за все неудачи в достижении народного блага. Самодержавие есть счастливая узурпация, единственное политическое оправдание которой непрерывный успех или постоянное умение поправлять свои ошибки или несчастья. Неудачное самодержавие перестает быть законным. В этом смысле единственным самодержцем в нашей истории был Петр В[еликий]. Правление, сопровождающееся Нарвами без Полтав, есть nonsense².

При Ек[атерине] II когти прав[итель]ства остались те же волчьи когти, но они стали гладить по народной коже тыльной сторо-

¹ Над строкой: тугой.

² бессмыслица (англ.).

ной, и добродушный народ подумал, что его гладит чадолюбивая мать.

Нет ничего бесцельнее, как судить или лечить трупы: их велено только закапывать.

Вы как ¹ щенки, которые потому, что у них чешутся зубы, грызут все, что им попадается, даже собственный хвост. Они стали бы грызть и свои головы, если бы умели, да не умеют. А вы умеете, поэтому не могу признать вас щенками.

53.

Мысль стала развязнее, не сделавшись деловитее.

Мы много передумали, о чем прежде никто у нас не думал; но то, до чего мы додумались, было чистое знание без практического приложения. Мы стали более знающими, но еще не успели стать более умелыми. Мы привыкли смотреть на общественный порядок с фасада, какой показывало нам начальство, а теперь нам позволили, даже предписали заглянуть на него с заднего крыльца: мы увидели, как строится он, на чем держится и чем движется. Узнать — это значит узнать много, но нужно еще больше подумать, чтобы суметь воспользоваться этим знанием, выучиться строить и двигать общественный порядок. С большим грузом знания, но с прежними недостатками умения мы стали резонерами, не сделавшись дельцами. Вот почему наши проекты умнее наших действий, почему мы лучше рассуждаем в гостинных, чем действуем в собраниях, почему мы умно спрашиваем и глупо отвечаем. Мы — музыканты, отвыкшие играть вследствие привычки размышлять о музыке.

Славянофильство — история двух-трех гостинных в Москве и двух- [трех] дел в московской полиции.

И ст[ория] смотрит не на человека, а на общество.

В админ[истративной] опеке печати нет цели, есть только дурная привычка.

Чутье своевременности. Сколько прекрасных идеалов скомпрометировано вследствие недостатка сего чутья!

Застой и порывистость. [...]

+ В общество несем лучшие манеры и худшие чувства, в семью дома — наоборот. [...]

28 марта

В Европе царей Р[оссия] могла иметь силу, даже решающую; в Европе народов она — толстое бревно, прибываемое к берегу

¹ Над строкой: напоминает.

потоком народной культуры. Когда в международной борьбе к массе и мускульной силе присоединилась общественная энергия и техническое творчество ломившейся вперед России, где этих новых двигателей не было заготовлено, пришлось остановиться и только отбиваться, чтобы не отступить.

Общ[ность] желудка и пр.; все кушают сообща, но варят своими индивид[уальными] жел[удка]ми.

Нахальное бессилие.

54.

Чем меньше слов, тем больше филологии, потому что любить слово значит не злоупотреблять им. Лапидарный стиль. Ученый, познакомивший Европу с русскими античными надписями, — каменный мост между новой Россией и древней Грецией. На русских камнях греческие надписи: «За р[усскую] фил[ологию], познаком[ившую] Евр[опу] с Грецией, надписями на русск[их] камнях». Лучший филол[огический] стиль — лапидарный.

Легче истолковать чувство без слов, чем слова без чувств.

Дети играют во взрослых, а не в самих себя, потому считают себя старше своих кукол, признают их своими детьми и в качестве матерей наказывают, а не считают своими матерями, потому что они не могут наказывать их. Можно шутить над собой, но нельзя играть собой.

В истории русской жизни есть столько и таких незатронутых вопросов, что затронуть их составит славу тех, кто их только затронет, хотя и не решит.

Меня отпевают и даже готовят мне памятник. Но я еще не умер и даже не собрался умирать. Напротив, я жить хочу или по крайней мере долго умирать, но не скоро умереть. Поэтому за Ваше здоровье.

Реформаторы 60-х годов очень любили свои идеалы, но не знали психологии своего времени, и потому их дух не сошелся с душой времени.

55.

Этика и эстетика

Зап[адная] Европа и Россия — социализм и капитализм.

Высший момент — наслаждение собственной мыслью, победившей природу.

Искусство — слуга не воли, а мысли, не практики, а науки.

Выплывут, плывя отдельно, но утонут оба, решившись спасти друг друга.

Будем ходить в театр, чтобы возвращаться домой веселыми и уравновешенными, и покинем самообольщение, что воротимся оттуда добродетельными. Не будем смешивать театр с церковью¹, ибо труднее балаган сделать церковью, чем церковь превратить в балаган. Театралы от этого не выиграют, но молельщики проиграют: первые, оставаясь театралами, не станут молельщиками, но вторые перестанут быть ими, не став театралами.

¹ *Далее зачеркнуто:* Этим из театра не сделали церкви, а церковь.

Приложение¹

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ, АДРЕСОВАННЫЕ Н. М. БОРОДИНОЙ *

ПИСЬМА

1.

1 [—2] июня 1875 г.

1 июня 1875.

Если я взялся писать тебе, Надя,— значит, я хочу принести тебе большую жертву: ты знаешь, как я презираю всякое писательство, а писание писем в особенности. Почувствуй же и оцени всю силу того нежного чувства к тебе, которое побуждает меня к такой тяжелой жертве.

Но трудно писать, когда нечего. Я ведь знаю, какого письма ты от меня просишь. На чужбине, скучая принудительной, к тому же медицинской скукой, я знаю, как приятно почитать какой-нибудь продолжительный вздор от близких сердцу. А ведь я, без сомнения, состою в звании близких твоему сердцу, и не без основания. Итак, тебе надобно написать много ни о чем, а ни о чем я могу только написать много.

Слушай же, т. е. читай.

Сегодня троицын день, и я провел его очень хорошо, умывался, целый день ни с кем не ругался и даже был у обедни, на коленях стоял, богу — значит — молился. Теперь 12 часов ночи, и душа моя полна, точно рюмка, налитая водкой,— полна, а прозрачна, словно ничего в ней нет. И какой чудный вечер! Опишу тебе его. Небо так чисто, будто приготавливали его к царскому приезду, подмели, подчистили, в приличных местах насажали серег из ушей замоскворецких купчих. Среди этой темно-светлой выси молодой веселый месяц, рога которого так и просятся на задумчивое чело какого-нибудь мудрого супруга. О, да свет не без добрых людей, и в такую ночь запрос на рога месяца, конечно, будет очень велик! Ибо сказано в писании: н е о х л е б е е д и н о м... В ожидании этих уборных занятий природа, проще ветер притих. Береза,— знаешь, та, что стоит у церкви пред нашими окнами, недвижима, опустив свои длинные ветви, точно женщина в минуту полного довольства своим существованием. Видела ли ты женщину в минуту такого довольства, когда у ней

¹ Настоящие письма и записки помещены не в первом разделе книги, так как они стали известны составителям, когда рукопись была набрана и сверстана.

нет желаний, когда ей не хочется желать, — до того она довольна собой, т. е. всем? Нет, ты не видала, а я видал, хотя это трудно. Очень любопытны вы тогда бываете, т. е. ваша братия. Все у ней тогда как-то повиснет, и глаза и мысли и руки, а о губах и говорить нечего, — висит все это и не шелохнется, как у этой церковной березы. Кто хочет любить женщин, тот смотри на них в эти короткие и редкие минуты, потому что в эти минуты они на себя не похожи, значит — хороши.

Я большой любитель и знаток этих минут, как и всего хорошего в женщинах. С этой целью видеть в них хорошее я сегодня и в храм божий ходил. Кому закрыто созерцание небесных тайн, тому остается одно утешение на земле — созерцать земных поверенных неба, а это ведь женщины. Женщиною грех в мире вниде, женщиною и спасение прииде: это я говорю, а не писание. Но видеть эту небесную контору на земле в будни очень неприятно. Другое дело в праздник и в такой летний праздник, как троица! Тут всякая ваша сестра вынет лучшее платье из шкафа, лучшие серьги из коробки, лучшее чувство из левого бока, походку возьмет, какой редко ходит, грудь подымет для всех так, как она поднимается только изредка и то для одного кого-нибудь. Все так и было: даже курноса Остапова была недурна, как будто опять получила известие о смерти мужа. Иная так прошлась к кресту, что хвостики назади встали козырем, точно перья у ерша, когда тащишь его на удочке. Видно, что всем они довольны, и своим туалетом, и букетом в руках, и будущим женихом, и даже поцелуем, какой дадут украдкой от женихов. Хороши они в троицын день, все женщины. Поэтому-то и Перет. нынче в Пушкино уехал, где Юл. Петр. живет. Даже евангелие в серебряном переплете раскрывается для них в этот день и раскрывается на той странице, где написаны десять блаженств. Хотя бога узрят только чистые сердца, но в троицын день и с сердцем нечистым можно много увидеть хорошего. Я сегодня долго бродил по Нескучному, и по кустам и уединенным тропинкам видел много недурного, а Варя * и Лизавета Михайловна * увидят много хорошего завтра в Раменском, куда вчера уехали.

В объяснение всего сказанного расскажу тебе неизданный отрывок из священной истории. Когда создатель на своем творческом станке вытачивал одушевленные и неодушевленные формы мира, пять дней этой работы очень утомили его. Завтра, в субботу, отдохну уж, сказал он себе, ставя станок в угол мастерской и любуясь новоприготовленными зверями-четвероногими, которые действительно были тогда красивы, потому что еще не износились и не полиняли. Только что хотел он закрыть и навеки запечатать ненужную более мастерскую мироздания, вдруг его озарила мысль: дай одного из четвероногих поставлю я на задние лапы, пусть ходит он, как медведь ходит с палкой, показывая, как бабы горох молотили. Рече и бысть. Праздник пошел не в праздник, весь

шестой день проработал Мастер мира над своим проектом, и к вечеру был готов человек, венец творения, праздничное создание. Потому-то это четвероногое ходит на задних лапах, потому-то оно такое мудреное животное и потому-то в праздники только оно хорошо бывает.

Но тебя, слышу я, так усердно лечат, что, пожалуй, ты прирешь первообразный вид и приползешь в Москву на четвереньках. Сохрани боже! Как тогда целовать тебя? Лечись, но знай меру и пуще всего не верь тому, кто тебя лечит. Я понимаю, нужно лечиться много и усердно женщине, не имеющей турнюра ни с той, ни с другой стороны, если следствием лечения является временный турнир с одной стороны. А тебе к чему? Тебе надо растолстеть со всех сторон, а усердное лечение этому мешает, а главное оно мне неприятно, потому что долго тебя не дождешься. Ты вешаешься на гимнастике, как мне сказывали. Пожалуйста, не ссади на ней своего сердца, которое нужно в Москве. Не забывай и того, что тебя ждут в Раменском. Сделав тебе угодное, принесши такую большую жертву, написав письмо, сделаю и другую: приду за тобой, если поедешь в июне домой. Напиши, согласна ли.

Еще считаю непременно долгом известить тебя, что кошка моя окотилась. Судя по ее животу, я полагал, что будут тройки или более, она — опять одного. С Саввичем * ездили ¹ в Кунцево удить, вымазались после дождя по колена и изловили одного окуня, двух пискарей и 14 ершей. Вчера, т. е. сегодня, в троицын день (дописываю письмо поутру не одетый — извини, что по-домашнему), у С[оловьева?] видел Всеволода и его жену. Видно, тятенька с маменькой посерчали — подулись да и положили гнев на милость, гостить выписали опальную чету. Она очень мне понравилась: большой нос, большие глаза, тонкие черты, необыкновенно чистое и белое лицо и к этому молчалива и робка. Видно, что еще не обтерлась в генеральской семье. А наша Дурцинея-то чай разливала. Когда ее жених со мной пошел домой, он обратился ко мне с замечанием: «Какая миленькая жена Вс[еволода] С[ергеевича?!]». — «Да, — говорю я, — тонкой, машинной работы». Он, представь, расхохотался и внутренне осердился. Догадался, что его-то милая сработана топором из очень русского материала, и не понравилось ему, что я так отношусь к красотам, как и к диссертациям о Сенате * — кто его знает? Мне было очень приятно, что вечером звучали у меня около самовара: Вас[илий] Ос[ипович] и Ольга Осиповна. Она нерусского происхождения, и я охотно записываю ее в свои сестры. Писать больше негде. Целую твои умные маленькие уши и губы, напоминающие минуту, о которой выше писано. Смотри, веди себя скромно. Посылаю тебе мое благословение.

Твой старший брат В. К[лючевский].

¹ Далее зачеркнуто: удить.

Р. С. Твой крестник * дóхает, т. е. кашляет, больше недели. Маруся * теперь живет в Р[аменском]. Кланяйся от меня дяде Александре Михайловне * и Николаю Михайловичу *, а также Елене... (забыл отчество). Сестрица моя пензенская * молодуха-то разрешилась, забыл чем. От старшей * жду о том же следующего письма. Много они теперь настегают в четыре-то руки!

2.

[После 8 июня 1875 г.]

Пока я, Надя, не только не умер, но и не собираюсь сделать это, а еще совершаю пешком путешествие из Раменского на Москву-реку (верст 6). Мои все, т. е. оба, так же здравствуют. Надеюсь, сны не будут больше беспокоить тебя. «Ах, не знай сих страшных снов ты, моя Светлана» *. Я же так уверен, что ты скоро воротиться, что в продолжение всей нашей разлуки ни разу ты мне не приснилась. Приезжай же. Пишу в присутствии Александры Ильинишны *, которая дожидается этой расписки в моем здравии и невредимости.

Твой по гроб В. К[лючевский].

Р. С. Читал одно твое письмо, где обо мне; ошибок мало, только знаков препинания не имеется. Зачем там пишешь, что за мое письмо целуешь меня в ч е л о? Почему не в лоб или еще лучше в губы? Вероятно, мой рассказ из свящ[енной] истории настроил тебя на церковно-славянский лад. Кланяйся всем.

Далее рукой Е. М. Бородиной. Надя я заснула без тебя не говорю не играю не знаю что делать Приезжай поскорей Прощай Целую тебя кресну* и Колю* Е[лизавета Б[ородина]

3.

22 декабря 1893 г.

22 декабря 1893, Абастуман.

Ты очень мило поступила, написав мне; я давно ждал твоего письма. Но никуда не годится твое поведение: мне пишут, что ты больна, и Маруся, и Ал[ександ]ра Ил[ьинич]на то же. На что это похоже? Я не знаю, кто из вас остался здоров, кажется, одна Ел[изавета] М[ихайлов]на. За это ее поцелуй от меня; впрочем, не забудь и больных, которые, надеюсь, уж выздоровели, — и за то, что здоровы, а Ел[изавету] М[ихайлов]ну за то, что не была больна.

Радуюсь твоим литературным и астрономическим занятиям. А какова Лидочка *! Теперь, надеюсь, будешь к ней благосклоннее.

Ниса * сообщит тебе о приключении с чтением «Г р у с т и» * и с немкой. Это само по себе только забавно; но в первое время меня

встревожила эта слезная выходка: мне показалось, что не следовало читать здесь этой статьи. А впрочем — пускай плачет, кому плачется; я не носовой платок, чтобы утирать даровые слезы, даже немецкие.

Черную книжку на днях вынимал *, чтобы вписать три-четыре афоризма — для докторши; при случае угощу ее — кислые-прекислые. Написал бы тебе их, да сейчас придет почтальон за письмами. После как-нибудь.

У нас великолепные солнечные дни: снег и морозы, а среди дня так тепло, что бабочка, попавшая у меня между двумя стеклами, оживает и бьется, а после заката — лежит вверх животом. Я ее не выпускаю, чтобы совсем не замерзла.

С новым годом всех вас! Соберитесь накануне у нас, и когда будете пить, помните, что в эту минуту мне очень скучно по Москве.

Живу я — как можно жить при моих условиях, но в общем ничего, доволен. Подробности — после как-нибудь. Все идет ровно, день-за-день, и мне кажется, время катится очень быстро. Это хороший признак.

Кланяйся Долговым * и всем нашим, кого увидишь, кроме — сама знаешь кого. Пиши на досуге и не хворай, даже когда досуг есть.

В. К[лючевский].

4.

17 января 1894 г.

Аб[ас]туман, 17 янв[аря 18] 94.

Надя!

Благодари англичанина мистера Коба, губернатора при сыне гр[афа] Олсуфьева, за то, что я наконец собрался отвечать тебе на вопрос твоего письма, как я здесь поживаю. В первом письме я оставил этот вопрос без ответа, во-первых, потому, что мне помешали дописать письмо, а во-втор[ых], потому, что я не знал, как отвечать. Сегодня, отправив письмо домой, после обеда, когда в[еликий] к[нязь] * ушел в кабинет, а публика стала расходиться, я удержал названного англичанина, порядочного музыканта, и просил его сыграть что-нибудь из «Песен без слов». В столовой стоит отличный рояль Беккера, и он превосходно отражается в высокой комнате, в которой вся наружная стена — большое сплошное окно.

Странный каламбур: нужны песни без слов, чтобы найти слова. Сидя у камина в опустевшей комнате, я под Мендельсона задал себе твой вопрос, как я поживаю, и нашел ответ: н и к а к; я существую, а не поживаю. Если тебя действительно так интересует «все меня касающееся», как ты пишешь, то вот тебе интересное касательно меня открытие. Попав надолго в новую среду после продолжительного соседства, я убедился, что я из породы улиток: ты знаешь, что я считаю животных образцами, по которым творят-

ся разные сорта людей. В А[бас]тумане я весь сжался, как сжимаются вещи от холода или улитка, попав на новое место. Кожа на руках съежилась, осязание притупилось: поведешь рукой по голове, — как будто волос стало меньше, возьмешь за бороду, — как будто и она другая, не моя, жиже моей, хотя она, к сожалению, только и может быть моей, потому что никто другой не станет носить подобной бороды. Привычные мысли и чувства где-то остались по ту сторону Кавказа: тяжелы, что ли, они на подъем, что не могли перевалить через высокий хребет, — не знаю.

Четыре раза в неделю у нас вечера у женатых офицеров свиты: это для в[еликого] к[нязя], которому ведь скучно сидеть дома в этом ущелье. Там играют в фанты, вертятся, пишут на билетиках вопросы друг другу и потом гласно читают ответы, читают что-нибудь из Гоголя, Толстого Алексея; здесь и я читал «Г р у т ь» и собираюсь читать афоризмы под видом неизданного сочинения Гамлета Щигров[ского] уезда. Все ведут себя просто и непринужденно, п о - в и д и м о м у: но кому какое дело до изнанки? Довольно и видимой лицевой стороны. Бывает и кой-какие сторонние гости: моя докторша, которая уже приобрела себе право требовать, чтобы хозяйка сажала меня около нее за ужином. Бывает немка из Москвы, не то из Петербурга, которая в А[бас]тумане чудотворно исцелилась от болезни ног — с гувернанткой французженкой — обе страшны, как божий гнев на страшном суде. Эта самая немка, девица лет в 20—25, на костюмированном вечере у в[еликого] к[нязя] была одета ангелом из «Д е м о н а», и я гувернантке похвалил костюм, чтобы ... чтобы поподличать и заслужить благорасположение сего крылатого гения. Зачем, и сам не знаю. Поверишь ли, мой комплимент заставил дуру французженку выболтать, что они нарочно в нашу церковь ходили к обедне, чтобы изучить крылья у ангела на иконе. Я хохотал от такого паскудного усердия к иконописи, но воздержался от замечаний. Я участвую в играх, чтобы не казаться букой, избегаю только жмурок: неудобная эта игра с дамами — ловить, не видя, за что поймаешь. Но ни видимая оживленность общества, ни новизна людей не вызывает во мне никаких размышлений, не возбуждает никаких впечатлений, даже скуки: даже не скучаешь, хотя иногда клонит ко сну. Это и есть жизнь без впечатлений или жизнь улитки, не жизнь, а просто существование.

На днях предпринята была первая поездка на высокий Зекарский перевал. В[еликому] князю нужны эти поездки для горного воздуха: Зекар с лишком на 2000 футов еще выше Аб[ас]тумана. Поехали рано утром и взяли с собой холодный завтрак. Дамы наши все были с нами. Это был печальный для меня день суда за мои грехи. Ночью накануне во сне я выломил у себя один из последних передних зубов с страшной болью, от которой проснулся. Сильнее физического страдания было нравственное: я впал в совершенное уныние и хотел отказаться от поездки, но передумал: дома

в одиночестве я только измучил бы себя раздумьем, а дела все равно не мог бы делать; поездка могла рассеять мое горе. Как нарочно мне пришлось ехать вдвоем с п р о с в и р о й. «А! — думаю себе. — Вот что значит потеря зуба — наказание за на-смешку; теперь сиди с своей жертвой и казись!» А она, как на зло, веселая, разговорчивая. Я молчал, злился, показывал вид, что боюсь простудить рот, и — не каялся, а бранил судьбу в душе: ожесточился, значит.

Природа пришла на помощь моему горю. Перевал виден из А[басс]тумана: кажется, рукой подать до этой снеговой вершины. Но до него верст 17. Дорожка вьется в гору змейкой с непрерывными крутыми подъемами и поворотами под острым углом. Легко вывалиться, но безопасно, потому что глубокий снег покрывает камни, да и санки низкие, горные, нарочно выписанные из Финляндии. Когда поднялись на высоту, где стал редеть лес, солнце проглянуло сквозь облака. Вся окрестность на обширное пространство неровная, обрамленная горами, точно вдруг покрылась белой скатертью, прошитой серебром. Трудно было глядеть на эту яркую, игристую белизну: глаза резало и туманило. Вон вдали чуть видно и наше ущелье с старым замком Тамары на горе, а дальше — все гряды гор без конца: точно исполинские волны, вдруг скованные холодом и так оставшиеся в своем тревожном оцепенении, — вспомнил я Байрона. Воздух был так чист и редок, что, казался, совсем не было воздуха.

Мне не дали достаточно полюбоваться. Приехали, сели за стол, длинный и низенький, т. е. за снеговое возвышение, окопанное со всех сторон; из снега же и сиденья. Прямо на снеговом столе явилась закуска, расставили бутылки, блюда, рюмки, солонки. Место было на обрыве глубокого ущелья, кругом ни следа жилья, кой-где сосенки, да белые горы направо, налево, а сверху солнце начинает припекать, как в июне. «Загорите», — сказал я даме, смотревшей в сторону солнца. Меня заставили быть распорядителем пира, т. е. завтрака, т а м а д ó й, как говорят здесь: его обязанность — возглашать тосты, следить за тем, чтобы наливали и пили вино. В порядке и тоне гостей нужна некоторая осторожность, чтобы никого не забыть и не обидеть. В гóре иногда находит нервная оживленность, которая мне и помогла; публика пришла в такое настроение, что я нашел возможным предложить выпить за то, чтобы на обратном пути, когда дамы должны были ехать парами с кавалерами (в каждых санках по даме и по кавалеру, который правит лошадью — кучеров нет), д а м ы, наши любезные спутницы, в ы в а л и в а л и с ь, н о н е у ш и б а л и с ь. Тост был принят охотно: очевидно, горная практика выработала привычку падать, не ушибаясь. Но я постарался избежать этого в д в о е м, и на вопрос некоторых дам, с кем поеду, сказал: «С той, которую никто не возьмет». Разумеется, постарались обойтись без такого спутника, чтобы не попасть в звание таких, которых

никто не берет. Это не любезно, но удобно, и я возвращался один с кучером в больших санях, в которых приехал, оглядывая взбодраженную горными капризами окрестность с чувством грешника, уже отбывшего свое наказание и примирившегося с людьми и собой.

По возвращении у меня долго звенело в ушах: это обычное действие горного воздуха. Удивительно бодро и свежо чувствуешь себя после такой поездки; чувствуешь усиленное биение сердца; людям с плохим сердцем и нельзя подниматься на такую высоту.

Вот тебе простой, даже неуклюжий рассказ о поездке на Зеккар, перевал, который славится на Кавказе. По неряшливости изложения небось не напечатаешь этого описания после моей смерти.

Не знаю, ясно ли ответил я на твой вопрос о том, как я здесь поживаю. Я передал тебе наиболее характерные минуты моего существования; по крайней мере, более характерных не помню и яснее передать свое настроение не умею. «А афоризмы?» — спросишь ты. Да, в самом деле я иногда кой-что записываю в черную, чтобы не отстать от старой дурной привычки. Но и они, эти афоризмы, бесцветны, как мое бытие. Суди сама по следующим примерам.

Чтобы сохранить присутствие духа, часто необходимо полное отсутствие души.

Сердце женщины — белый лист бумаги: на нем никогда ничего не прочтешь, но что угодно напишешь, если умеешь писать на таком веществе.

В школе надо повторять уроки ¹, чтобы хорошо помнить их; в жизни надо хорошо помнить ошибки, чтобы не повторять их.

Вся житейская наука женщины состоит из трех незнаний: сначала она не знает, где д о б ы т ь жениха, потом — как б ы т ь с мужем, наконец — куда с б ы т ь детей.

Находят сходство у Толстого с Мопассаном. Но заметнее разница: последний потерял ум, не зная, куда девать его; первый вечно ищет своего ума, позабыв, куда девал его.

Какая разница между романистом и психологом? Первый, изображая чужие души, рисует свою; второй, изучая свою душу, думает, что наблюдает чужие. Романист похож на человека, который видит во сне самого себя, а психолог — на человека, который подслушивает шум в чужих ушах.

Теперь подыщи слова для обозначения моего п о ж и в а н и я. Я думаю, что самое подходящее слово — у п а д о к д у х а. Это не уныние, а просто понижение.

А странно: мне начинает казаться, что время летит быстро. Бывало, в ноябре ждешь — не дождешься, когда пройдет день, а теперь чуть размечаешься, зазеваешься — глядь, целых трех-

¹ Над строкой: правила.

четырёх дней как не бывало. Что это значит? А то, что я привыкаю к месту. Ведь улитка — слизняк, а слизняк сам никуда не выползает, но куда бросит его волна, сначала повозится, похандрит, а потом начнет прилипать. И боюсь, с каждой поездкой на Зекар все плотнее. Завтра едем опять, и я знаю, что сперва будет холодно, потом въедем на высоте в полосу солнечного света и согреемся, опять я буду т а м а д ъ т ь и предлагать тост и поперек и цепью, опять увижу причудливые очертания белых горных высей, которых не отличить от облаков, и мы с графом * (старше меня на год) будем веселее всех молодых, опять кавалеры будут на возвратном пути вываливать дам, не падая с ними, и пр. и пр. По поводу веселости стариков я скажу в тосте афоризм, что з н а т ь ч и с л о своих лет, еще не значит признавать свой возраст, постараюсь помолодеть хоть года на три и так[им] образ[ом] к весне понемногу перейти из неразумной старости в глупое детство. Прощай. Алекс[андре] Ил[ьини]шне поклон и здоровья; тебя, Ел[изавету] М[ихайловну] и Марусю целую. Сторонним из письма лишнего не передавай.

В. К[лючевский].

Увидишь мою крестницу * — поцелуй от меня.

Еще раз: Ал[ександре] Ил[ьини]шне передай, что я ей желаю здоровья и что мне хочется поскорей увидаться с ней.

5.

19 августа [1898 г.]

Если мне будет прислан пакет с надписью из Моско[вск] [о]й ду[х] [о]в[н]о[й] академии, пожалуйста, распечатайте его и, оторвав, что нужно, или изложив в письме, что там написано, с ближайшей почтой пошлите ко мне (Нижегородск[ая] жел[езная] дорога, станция Болдино, в Сушнево, имение г[оспо]жи Карповой). Здоровы ли вы все?

Ваш В. Ключевский].

19 августа.

6.

13 марта 1903 г.

Алупка, 13 марта 1903.

Пишу тебе между делом и бездельем. Вчера ночью приехал в Алупку, сегодня весь день разбирался, выбирал комнату, раскладывал вещи, немного поосмотрел местность, Воронцовский парк, дворец, наконец, покончив с житейскими пустяками, прежде чем приняться за прерванное в Москве дело, решил немного отстояться, как отстаивается лужа, по которой проехали. В эти минуты обыкновенно всплывает вдали от дома неприятное чувство

одиночества, и вот, чтобы заглушить его, я напишу тебе кой-что про свою неожиданную для меня самого поездку.

Я писал своим про дурную погоду в дороге и про Севастополь. Дорога от Севастополя до южного берега Крыма несколько напоминает Кавказ. Но южный берег местами не уступит Военно-Грузинской дороге, притом с прибавкой моря, которого там нет и на берегу которого здесь все время вьется дорога.

Между прочим, надолго останется у меня в памяти, что я видел у Байдарских ворот, т. е. на возвышении, с которого дорога круто спускается к морскому берегу и откуда, собственно, начинается то, что зовут южным берегом Крыма. Поднявшись на эту возвышенность и взглянув на море, я увидел два неба, одинаково не то голубые, не то синие: должно быть, это и есть лазурный или лазоревый цвет. Одно небо было там, где ему и положено быть, наверху, чистое, безоблачное, поднимающееся из какой-то туманной дали, а под ним другое, идущее из той же дали, но нечистое: поверх его, над самой его поверхностью плавали белые, как снег, облака, сквозь которые полосами выглядывала тихая и ровная, как стекло, гладь этого нижнего неба. Солнце ярко освещало это странное зрелище, никогда мною не виданное ни на картине, ни в натуре. Эти белые облака ежеминутно меняли свои очертания: то все море, казалось, покрыто снежной ровной пеленой, то вдруг эта пелена местами прорывалась, образуя большие и малые синие прогалины, то стягивалась в неправильно расположенные бугры, как на полях в зимнюю вьюгу, то растягивалась на огромное пространство тонким снежно-льдистым покровом, тоже как на поле в гололедицу. И вся эта снежно-облачная фантазмагория творилась под косыми лучами склонявшегося к закату солнца. Я смотрел со станции, долго смотрел на эту игру облачного моря и думал: почему ни Айвазовский, ни другой живописец моря не изобразил на полотне этого зрелища? Через два часа, когда мы спустились от Байдарских ворот и поехали по самому берегу прямо под серыми гигантскими скалами, провожавшими нас всю дорогу слева, облака над морем куда-то исчезли и море лежало такой же лазурной чистой пустыней, как и висевшее над ним небо.

Сегодня поутру в Алушке совсем иные виды и впечатления. Мы спустились в большой парк, который тянется по самому берегу. По аллеям сплошные стены вечнозеленого лавра; всюду зеленая трава; местами среди нее рядами или затейливыми кучами высокие кипарисы и тополи; много огромных еще не расцветших магнолий; то и дело попадаются фонтаны, гроты, каменные лестницы. Все это посажено, посеяно, настроено среди неровной, скудной растительности, невзрачной покатости к морю и стоило громадных денег. Для чего? Потому что так захотелось барину, когда-то правившему Кавказом, а потом торговавшему вином или оставившему сыну, который из дешевых кавказских лавров отца построил большой крымский каба́к. Дворец в парке верх вкуса, сибаритского

вкуса и старорусской барской роскоши: гранитные или еще там какие-то колонны обвиты и закрыты плющом, по которому чрез месяц зацветут на ползучих ветках всевозможные розы. Около дворца... роскошная татарская мечеть, выстроенная самим Воронцовым для татарской деревушки, скверные клевушки которой лепятся по пригорку повыше дворца русского православного вельможи-англомана. Она еще резче оттеняет эту выставку безрассудства, которое всюду в этой теперь безлюдной гробнице вельможной пустоты весьма нагло сует вам в глаза свое богатство сомнительного происхождения.

Из сейчас написанного можешь понять, что я ходил по парку и около дворца без всякого восхищения, хотя солнце светило по-ужному, а море Черное шумело не умолкая, говоря словами Пушкина, который, кажется, здесь ухаживал за женой хозяина и, любезничая с ней, составлял известную злую эпиграмму * на мужа с золотыми эполетами и рогами. Теперь около величественной усадьбы «полумилорда» возник поселок с дачами, где разные антрепренеты из Москвы, Петербурга и иных городов торгуют воздухом и морем и обирают ¹ людей, которых предусмотрительные врачи посылают сюда за тысячу верст готовиться к смерти по всем правилам врачебной науки. И на том спасибо им, врачам, и Воронцову: бедным людям — заработок и хлеб.

Не подумай, что я пишу тебе все это под влиянием разыгравшейся желчи. Я давно не был так спокоен, как сегодня. Дорога и осмотр Севастополя немножко утомили меня и поселили во мне какое-то черствое равнодушие ко всему. Но надеюсь, это пройдет скоро: если это болезнь — вылечусь, если дремота — очнусь.

Буду жалеть, если мое письмо произведет на тебя неприятное действие. Я писал его не без лукавого желания утешить тебя и заставить забыть наше последнее свидание и то, что я не успел перед отъездом зайти проститься. Поклон Елизавете Михайловне и Марье Ивановне. Как Александра Ильинишна? Напиши, если будет досуг. Адрес: Алупка, Таврической губ[ернии], дача Смуровой.

В. К[лючевский].

П р и п и с к а. Посылаю подснежник, крокус и какой-то фиолетовый цветок *, за которыми сам лазил на высокую гору над Байдарскими воротами.

¹ В рукописи: обирать.

7.

26 июля 1908 г.

26 июля 1908 г.

Дорогая кума! По случаю дня Вашего рождения я узнал Ваши лета и удивился. Вы так торопитесь жить, что летами скоро догоните меня, а я помню Вас маленькой и — увы! чего уж нет — хорошенькой девочкой. От всей души поздравляю мою скорую сверстницу, и когда Вы читаете эти строки, я пью за здоровье нашей старости.

Преданный Вам В. Ключе[вский].

8.

16 июня 1910 г.

Глубокоуважаемая Надежда Михайловна!

Вы спрашиваете, как мое здоровье. Во-первых, большое спасибо за Ваше беспокойство о моем здоровье, в сем вопросе скрывающееся. Во-вторых, выдавшие меня в Москве в апреле и мае говорят, что я неузнаваем: так поправился. Ну, это — дело их благосклонного на меня взгляда. Я же лечусь взапуски, глотаю пилюли, потом пью какие-то капли, потом воду Гуниади, потом домашний квас, потом немного вина донского — и все с лечебной целью, все по рецептам. Чувствую себя недурно, лучше сказать, никак не чувствую, чего давно желал, ем много, хожу мало, занимаюсь воздержанно и на досуге раскладываю пасьянс картами, присланными Еленой Ал[ексеев]ной*, притом немецкими: вспомнил свою давнюю старину. Если так проживу все лето, буду, кажется, в состоянии читать курс. А впрочем, все в воле божией. В июле надеюсь побывать в Москве, повидаться с Усовым * тоже по лечебным делам.

Писать больше нечего. Желаю Вам полного здоровья. Е[лизавету] М[ихайловну] и М[арию] И[вановну] за меня ¹.

Остаюсь преданный Вам В. К[лючевский].

16 июня 1910,

Сушнево.

НЕДАТИРОВАННЫЕ ЗАПИСКИ

Надя! Сделай мне удовольствие — поедем с нами в Скобеево сегодня: Борис скажет тебе, как поступить, если ты согласишься. согласишься — уважь просьбу больного страдальца и телом и духом.

Высокочтимая Надежда Михайловна!

Могу ли взять смелость беспокоить Вас вопросами: имеется ли у Вас градусник для измерения температуры тела? Если имеется, Вы окажите мне неоцененное благодеяние, прислав его с послан-

¹ Так в рукописи.

ной на несколько минут. Я собираюсь в Болдино сегодня в три часа. Буду очень рад послужить почтовым вагоном для всего, что Вам угодно будет отправить в означенное место.

С истинным почтением и совершенной преданностью чем имею быть готовый к услугам

В. Ключевский.

Как думаешь провести день? Я к вечеру надеюсь одуреть от дряни, которой теперь занимаюсь.

Целый день над факультетскими бумагами! И все еще не сошел с ума! Ни музыки, ни ругни — ничего, чем поддерживается мой рассудок! Куда бы нам пойти или поехать? Придумай и приди сказать или напиши здесь.

Полны мои песни...

Если хочешь идти или ехать куда, явлюсь в 8 часов: раньше — некогда.

Если есть досуг, приходи выручать от пензенского гостя, родственника-старика, с которым не знаю что делать до обеда, а обед до 4-х часов не будет готов. Распорядиться кой-чем и поговорить.

Надежде Михайловле

Только что приехал. Борис остался дня на два. Сегодня же уезжаю в Сушнево. Не навестите ли на несколько минут?

Не навестите ли Вы нас на 10—15 минут?

Если свободна, навести болящего минут на пять.

Если имеешь досуг, побывай у меня после обеда. Сегодня я едва ли буду в состоянии выйти из дома: очень расхворался. Ты мне поможешь в одном деле и кстати возьмешь «Русскую мысль», которую я теперь за обедом перелистываю.

К [лючевский].

Пожалуйста, пришли мне тетрадь курса, начинающуюся 169-й страницей, а если можно, приходи сама посидеть часок, не более.

К [лючевский].

Археографическое послесловие

Настоящее издание — первая попытка собрать воедино и опубликовать письма, дневники, афоризмы и мысли об истории В. О. Ключевского. Если дневники историка вовсе не публиковались, то первые издания его отдельных писем появились вскоре после его смерти, еще до Великой Октябрьской социалистической революции¹.

Большой научный интерес представляло издание в 1924 г. писем Ключевского другу его юности П. П. Гвоздеву, которые рисуют интересы молодого историка, формирование его взглядов и содержат характеристику Московского университета 60-х годов прошлого века². Эта публикация уже вскоре вошла в научный оборот³. К сожалению, не была осуществлена публикация В. Н. Бочкарева студенческих писем В. О. Ключевского, предназначавшаяся для журнала «Былое»⁴. Первое сведение в печати об этих письмах принадлежит А. В. Храбровицкому⁵.

Новый этап в издании и изучении рукописных материалов В. О. Ключевского относится уже к 40-м годам. После того, как сын историка передал половину его архива в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 131), стало возможно систематическое изучение рукописного наследия В. О. Ключевского⁶.

В начале 1941 г. Н. С. Воскресенская (Бородина) передала в Государственную историческую библиотеку ряд материалов В. О. Ключевского (записную книжку с афоризмами, ранние дневники и т. д.). Уже тогда Е. М. Ярославский предполагал издать афоризмы Ключевского в «Историке»

¹ В. О. Ключевский. Из писем (И. В. Европейцеву и Н. И. Мизеровскому). — «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 226—233; он же. Письмо к С. Д. Шереметеву. — «Русский архив», 1913, № 9, стр. 342; «К пребыванию В. О. Ключевского в Аббас-Тумане в 1892—1895 гг.» — В кн.: «У Троицы в Академии. 1814—1914». М., 1914, стр. 683—691.

² «Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870)». Вступительная статья С. А. Голубцова. М., 1924.

³ М. В. Нечкина. В. О. Ключевский. — В кн.: «Русская историческая литература в классовом освещении». Сб. статей, т. 2. М., 1930, стр. 215—350.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 37. На обложке № 13 журнала «Былое» (кн. 7 за 1918 г.) в сообщении о предполагаемом издании № 14 «Былое» помещено: «В. О. Ключевский в письмах к школьному товарищу. Со вступительной статьей В. Бочкарева».

⁵ А. В. Храбровицкий. Письма В. О. Ключевского в Пензу. — «Сталинское знамя». Пенза, 28 февраля 1945 г.

⁶ Обзор этой части архива Ключевского см.: А. А. Зимин. Архив В. О. Ключевского. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 12. М., 1951, стр. 70—86.

марксисте»¹. Однако его намерение не было осуществлено. Ряд неопубликованных материалов историка, хранившихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и Исторической библиотеке, послужил темой первых сообщений, сделанных М. В. Нечкиной в Институте истории Академии наук СССР (1941 г.) и в Институте мировой литературы им. М. Горького (1943 г.)².

В 1945 г. наследники умершего к тому времени сына историка — Б. В. Ключевского передали вторую половину архива³ его отца в Институт истории АН СССР. Таким образом, все рукописное наследие историка стало доступным исследователям⁴.

В последние годы эти материалы были положены в основу восьмитомного издания сочинений В. О. Ключевского⁵ и постепенно входят в научный оборот⁶.

Появились и первые издания афоризмов В. О. Ключевского. Так, Г. Н. Сапожникова издала небольшую выборку афоризмов, хранящихся в собрании Института истории АН СССР⁷. Ряд афоризмов по материалам Государственной исторической библиотеки подготовила к изданию Р. А. Киреева⁸. Наконец, те же материалы послужили основой публикации М. Ф. Леонтьева⁹. Все эти издания не претендовали на систематический характер, содержали подчас лишь наиболее «эффектные» изречения историка, и не всегда издавались удовлетворительно в археографическом отношении.

Таким образом, до настоящего времени предпринимались лишь отдельные попытки изданий некоторых писем и афоризмов Ключевского. Задача научного издания его биографических материалов оставалась нерешенной.

Как и во всяком издании материалов, не предназначенных автором для печати, составители данной публикации столкнулись с серьезными трудностями археографического порядка.

Эпистолярное наследие историка изучено еще недостаточно ввиду того, что письма Ключевского разбросаны по многочисленным собраниям и еще не

¹ М. Ф. Леонтьев. Изречения и афоризмы В. О. Ключевского. — «Вопросы истории», 1965, № 7, стр. 208.

² «В Институте истории Академии наук СССР». — «Исторический журнал», 1942, № 5, стр. 171—172 (в докладе говорилось, в частности, о письмах Ключевского, адресованных В. И. Герье).

³ «Рукописное наследие В. О. Ключевского». — «Вечерняя Москва», 4 февраля 1948 г.

⁴ Небольшая часть рукописей В. О. Ключевского, где нет ни дневников, ни афоризмов, ни переписки, хранится в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, ф. 197 («Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР». М.—Л., 1958, стр. 307).

⁵ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1—8. М., 1956—1959.

⁶ Л. В. Черепнин. В. О. Ключевский. — В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 146—170; А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. — «Исторические записки», кн. 69, 1961, стр. 178—196; Э. Г. Чумаченко. Обзор неопубликованных рукописей В. О. Ключевского о русской литературе XIX — начале XX в. — «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961, стр. 305—310; она же. Неопубликованные статьи В. О. Ключевского о Гоголе. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 24. М., 1961, стр. 409—410; она же. В. О. Ключевский о русских писателях. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 3, стр. 99—101; Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

⁷ Г. Н. Сапожникова. Афоризмы В. О. Ключевского. — «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 224—230.

⁸ «Слово — золото. Афоризмы В. О. Ключевского». — «Неделя», 1962, 23—29 сентября, № 39. Переиздано в кн.: «Забывтым быть не может». М., 1963.

⁹ М. Ф. Леонтьев. Указ. статья, стр. 208—214.

все выявлены¹. В первом разделе настоящей книги печатается 120 писем, охватывающих пятьдесят лет жизни историка (с 1861 по 1911 г.). Отобранные для публикации письма извлечены из следующих архивов: Государственного архива Пензенской области, Центрального государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного исторического архива СССР, Института русской литературы (Пушкинского дома), архива Академии наук СССР (в Москве и Ленинграде), Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Отдела рукописей Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдела рукописных фондов Института истории АН СССР, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Центрального государственного архива города Москвы. Не дошедшие до нас письма Ключевского частично восстанавливаются по сохранившимся в его архиве черновикам.

Большинство черновиков являются автографами Ключевского. Если же встречаются письма, сделанные рукой сына историка — Б. В. Ключевского, или напечатаны на машинке, или дошли до нас только в копиях Я. Л. Барскова, В. Н. Бочкарева и т. д., то все эти случаи оговорены в примечаниях. Часть писем, подлинники и черновики которых не сохранились, воспроизводится по тексту более ранних публикаций, что тоже оговорено в примечаниях. Большинство писем печатаются по подлинникам.

Том снабжен аннотированным именованным указателем. Поэтому в примечаниях комментируются лишь адресаты писем и в ряде случаев приводятся дополнительные сведения, которые по своему характеру не могли быть включены в указатель.

Дневников систематически В. О. Ключевский не вел. До нас дошло, строго говоря, только два его более или менее полных дневника: за 1867—1877 и за 1901—1910 гг. Но наряду с этим Ключевский время от времени записывал отдельные наблюдения различного порядка (личные и об истории). Эти дневниковые записи, встречающиеся и в более или менее целостном виде (за 1861—1866 гг.), и в виде отдельных датированных заметок, в настоящей публикации собраны воедино и издаются в хронологическом порядке. В тех случаях, когда записи охватывают время, отраженное в дневнике, они помещаются после окончания его текста. (Так, записи 1902—1911 гг. даны после дневника 1901—1910 гг.)

Нужно учитывать также, что некоторые заметки об истории близки по своей форме к афоризмам и их помещение в разделе дневниковых записей в известной мере условно и продиктовано тем, что эти записи датированы самим Ключевским. Подчас представляется крайне затруднительным расчленение текста на записи дневникового характера и афоризмы. В подобных случаях редакция публикует рукопись в целом в том разделе, к которому относится большая часть издаваемого текста.

Во втором разделе настоящей книги публикуются все известные составителям дневники и дневниковые записи без каких-либо исключений.

Название третьего раздела «Афоризмы и мысли об истории» взято редакцией из заголовка, который дал Ключевский одной из своих тетрадей с дневниковыми записями и афоризмами (ГБЛ, ф. 131, п. 15, ед. хр. 8; см. настоящее издание, стр. 260—268 и 465).

Ряд афоризмов отмечен самим Ключевским значком+. Очевидно, это были наиболее любимые его изречения.

В этом разделе публикуются тетрадь Ключевского с афоризмами и его записная книжка. Завершается раздел разрозненными афоризмами, встречающимися в его черновых набросках и других бумагах, они по возможности систематизированы в хронологическом порядке (с 1889 по 1910 г.). Много

¹ В конце 1940-х годов А. И. Андреев подготовил для предполагавшегося тогда издания «Историческое наследие» подборку писем Ключевского из разных архивов. К сожалению, содержание и судьба этой подборки составителям настоящего издания остаются неизвестными.

афоризмов Ключевского позднее вошло в его «Курс русской истории» и другие исследования. Ряд «острых словечек» и парадоксов историка сохранился в воспоминаниях его современников¹. Часть афоризмов находится в дневниках и дневниковых записях. Иногда текст афоризмов перебивается записями, не имеющими к ним прямого отношения (например, выписки из газет и других источников; личные денежные или другие расчеты; глухие ссылки на литературу; сильно сокращенные записи, не поддающиеся пока расшифровке, и т. п.). Подобные записи опускаются, а на их месте в публикации ставится отточие в квадратных скобках.

Текст двух записей, помещенных условно в конце «Разрозненных афоризмов» (№ 54, 55), печатается по машинописной копии, сделанной А. А. Зиминым с автографов в 1947 г.

Публикация подготовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1956).

Для удобства чтения и в целях единообразия в разделе «Дневников» год дается перед текстом один раз; число и месяц — впереди каждой записи. (В подлиннике разной — иногда есть полная дата, иногда же год вынесен впереди, иногда стоит наверху каждой страницы дневника. Иногда дается один раз название месяца, а затем — только число.) Отсутствующая дата восстанавливается в квадратных скобках, а в комментариях дается обоснование.

В публикации воспроизводятся подчеркивания и отточия Ключевского без оговорок.

Исправления, сделанные Ключевским над строкой, если они согласуются с основным текстом, вставляются в текст без оговорок.

Если Ключевским был изменен порядок слов в предложении, то дается последний вариант без оговорок.

В комментариях привлекаются материалы архива В. О. Ключевского, используются частично примечания В. Н. Бочкарева, С. А. Голубцова к изданиям писем Ключевского.

* * *

Составители выражают сердечную признательность С. А. Левипой за помощь в процессе подготовки книги к изданию; благодарят за содействие в работе Л. С. Бородина (племянника А. М. Ключевской), А. В. Храбровицкого, М. А. Лебедева (внука В. В. Прилуцкого — друга В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии), а также сотрудников Отдела рукописных фондов Института истории АН СССР, Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки, Государственного архива Пензенской области; приносят благодарность Я. А. Ленцману, Г. Г. Литаврину, З. Г. Самодуровой за переводы иностранных текстов.

Публикация подготовлена к печати Р. А. Киреевой и А. А. Зиминым при участии Э. Г. Чумаченко (в письмах 1870—1900-х годов) и М. Ф. Леонтьева (материалы, хранящиеся в Государственной исторической библиотеке).

Комментарии составлены Р. А. Киреевой при участии А. А. Зимины. Часть комментариев к письмам 1870—1900-х годов составлена Э. Г. Чумаченко.

Аннотированный именной указатель составлен Ю. Н. Емельяновым.

Издание выходит под редакцией академика М. В. Нечкиной.

Так, анекдот о поздравлении Ключевским студентов-выпускников Московской духовной академии сохранился даже в нескольких версиях: «Любопытные истории». — «Вечерняя Москва», 24 февраля 1965 г. (и в книге под тем же названием), а также А. А. К и з е в е т т е р. На рубеже двух столетий. Прага, 1929, стр. 59—60; В. Н. Б о ч к а р е в. Василий Осипович Ключевский. — «Труды Научно-исследовательского института литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР», № 21. Саранск, 1961, стр. 170.

Примечания

Раздел I

ПИСЬМА

1861 г.

1. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

Печатается по подлиннику (ГАПО, ф. 285, оп. 1, д. 2). Письмо написано чернилами. Последний лист по сгибу разорван.

Иван Васильевич и Евдокия Федоровна Европейцевы — близкие родственники В. О. Ключевского, жившие в Пензе. Они оказывали постоянную материальную помощь семье Ключевских. Благодаря их дежевой поддержке В. О. Ключевский смог переехать в Москву («Василий Осипович Ключевский. Материалы для его биографии». Собрал С. А. Белокуров. М., 1914 (далее — «Материалы»), стр. 415—416; И. А. Артоболовский. К биографии В. О. Ключевского (Ключевский до университета). — «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 172). И. В. Европейцев (1823—1867) — священник Боголюбской церкви, состоял в постоянной переписке с Ключевским (см. письма 1, 3, 8, 12, 19, 21, 22, 28, 31). Его жена Е. Ф. Европейцева (урожденная Мошкова, 1826—1866) была родной сестрой матери Ключевского — Анны Федоровны (1821—1866).

Путь свой я кончил... — Летом 1861 г. Ключевский переехал из Пензы в Москву и поступил в Московский университет. В Пензу он больше не возвращался.

Александр Маршев — сын пензенского фабриканта, в доме которого Ключевский жил зиму 1860/61 г. Сестра Ключевского — Елизавета Осиповна Виргинская позднее вспоминала о брате: «А когда он задумал в университет, тогда за год до своего поступления у фабриканта Маршева готовил двоих сыновей его в университет» («Материалы», стр. 415). В 1861 г. Ключевский вместе с Александром Маршевым держал экзамен в Московский университет. Ключевский был принят, а оба сына Маршева — Александр и Иван — поступили только через год.

Покровский. — В Пензенской духовной семинарии учились два брата Покровских — Василий Яковлевич и Степан Яковлевич. Оба были исключены из семинарии. С одним из них Ключевский жил в Москве на одной квартире.

Тихон Алексеевич Горизонтов — в 1858—1861 гг. преподаватель физики, математики, латинского и еврейского языков в Пензенской духовной семинарии. Был близок к кружку семинарских друзей Ключевского. Как видно из текста этого письма, Горизонтов ехал вместе с Ключевским в Москву.

Затем он побывал в Петербурге, где встречался с А. П. Шаповым (см. письма 8 и 9). При переезде из Петербурга в Нижний Новгород, куда он был переведен в 1861 г., Горизонтов заехал в Москву и заходил к Ключевскому и Покровскому (см. письмо 9). Впоследствии он стал протоиереем при Варшавском кафедральном соборе.

Михаил Митрофанович Попов — в 1858—1864 гг. преподаватель церковно-библейской истории и греческого языка в Пензенской духовной семинарии.

Евфимий Петрович Колликов — протоиерей Христо-Рождественской церкви в г. Саранске, дядя Ключевского, был женат на Марии Федоровне Мошковой — старшей сестре матери Ключевского.

Степан Флоринский — старший товарищ Ключевского по Пензенской духовной семинарии, поступивший в Киевскую духовную академию.

Сашенька — Александра Евфимовна — старшая дочь Е. П. и М. Ф. Колликовых, друг детства и двоюродная сестра Ключевского. Она часто гостила в Пензе у Европейцевых.

Дмитрий Павлович — муж А. Е. Колликовой.

С своим прошеньем я-таки посетился... — Ключевский из-за болезни не смог держать в назначенный срок (в мае) вступительные экзамены в Московский университет. По приезде в Москву он хлопотал о разрешении допустить его к августовским экзаменам, которое было им получено. Прощение Ключевского воспроизведено в «Материалах», стр. 376—377.

Лица — Елизавета Осиповна — родная сестра Ключевского, в замужестве Виргинская.

Дяденьки. — Ключевский имеет в виду родных братьев матери Александра Федоровича и Николая Федоровича Мошковых.

Бабенька — Анастасия Алексеевна Мошкова, мать Анны Федоровны Ключевской.

Варлаам — пензенский архиерей, который, по сведениям С. А. Голубцова, при посещении Пензенской духовной семинарии часто устраивал диспуты между Ключевским и его другом П. П. Гвоздевым, чтобы поставить в пример преподавателям логику рассуждений их лучших учеников. Варлаам вначале препятствовал увольнению Ключевского из семинарии. Подробнее о выходе Ключевского из семинарии и о роли в этом Варлаама см.: «Материалы», стр. 432—433; «Пензенские епархиальные ведомости», 1901, № 19, стр. 636—639 и 1908, № 22, стр. 938—940.

Пашенька, Мишенька, Катенька — дети Европейцевых. С Павлом Ивановичем Ключевский вел отдельную переписку (см. письма 2, 29, 30).

2. П. И. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Печатается по подлиннику (ГАПО, ф. 285, оп. 1, д. 6). Письмо написано чернилами. Датируется на основании упоминания в тексте: «три дня живу в Москве».

Павел Иванович Европейцев (род. 1846 г.), он же Поль — старший сын И. В. и Е. Ф. Европейцевых.

Поповка. — Имеется в виду Попова гора в Пензе.

3. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

Печатается по подлиннику (ГАПО, ф. 285, оп. 1, д. 3). Письмо написано чернилами. Один лист по сгибу надорван.

Юлия Пастрана — танцовщица, родом из Мексики, страдала гниертрихозом, ее лицо, по выражению Ч. Дарвина, имело «обезьяний вид».

Машенька — по-видимому, внебрачная дочь А. Ф. Ключевской.

4. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870)». М., 1924 (далее — «Письма к Гвоздеву»). Это письмо было прочитано товарищами Ключевского по семинарии с кафедры вслух и произвело на всех большое впечатление. Бывший одноклассник Ключевского А. Рождественский даже в 75 лет помнил содержание письма близко к тексту («Материалы», стр. 430—431).

Порфирий Петрович Гвоздев (1840—1901) — с детских лет близкий друг Ключевского. Они вместе учились в Пензенском духовном училище, затем в духовной семинарии. В 1862 г. П. П. Гвоздев поступил в Казанскую духовную академию, из которой, по сведениям С. А. Голубцова, ушел через два года, так как принимал участие в студенческих волнениях. Гвоздев перешел на историко-филологический факультет Казанского университета, который окончил в 1869 г., был оставлен при кафедре римской словесности, в 1871—1883 гг. был доцентом этой кафедры; в начале 80-х годов занимал ту же кафедру и в Казанской духовной академии. В 1889 г. Гвоздев переехал в Москву, где преподавал в 3-й мужской гимназии. Прожил в Москве один год, затем переехал в Нижний Новгород, а с 1892 г. — в г. Белый. В 1900 г. он вышел в отставку и переехал в Москву.

С. А. Голубцов сообщает, что Гвоздев сам отобрал наиболее важные с его точки зрения письма Ключевского, переданные впоследствии в Румянцевский музей (ныне Государственная библиотека им. В. И. Ленина). Остальная часть переписки не дошла до музея. Отдельные письма есть в фондах Ключевского в ОРФ ИИ, Архиве Академии наук СССР. Письма более интимного характера были уничтожены родственниками Гвоздева. Так, например, не сохранилось письмо Ключевского от 16 августа 1869 г., о котором упоминал Гвоздев в своем ответе от 8 сентября того же года (ГБЛ, ф. 131, п. 31, д. 60).

«*Вечный Жид*» — прозвище Степана Андреевича Парадизова — одноклассника Ключевского по Пензенской духовной семинарии. Окончил Казанский университет, работал судебным следователем в Казани, затем адвокатом в Нижнем Новгороде.

Константин Федорович Смирнов (он же «Констехтер») — преподаватель всеобщей гражданской истории в Пензенской духовной семинарии.

Всевятская роща — роща в юго-восточной части города за рекой Пензой.

Федор Иванович Буслаев — профессор Московского университета, историк литературы, оказывал влияние на формирование взглядов молодого Ключевского (А. А. З и м п н. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. — «Исторические записки», 1961, т. 69). В конце 60-х годов Ключевский, разочаровавшись в Буслаеве, постепенно отходит от него (см. письмо 33) и начинает заниматься русской историей под руководством С. М. Соловьева. О Буслаеве см.: В. О. К л ю ч е в с к и й. Соч., т. 8, стр. 254, 288—294, 474—475. В архиве Ключевского есть конспект 1862/63 учебного года курса Буслаева по древней русской литературе (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 120); об оценке Ключевским Буслаева как учебного см.: Р. А. К и р е е в а. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, стр. 213—214.

Степан Васильевич Ешевский — профессор всеобщей истории Казанского, затем Московского университетов. О нем см.: В. О. К л ю ч е в с к и й. Соч., т. 8, стр. 254—255; изложение речи Ключевского 1901 г. дано в «Историческом вестнике», 1901, № 12, стр. 1276.

«*Христианское чтение*» — журнал, издаваемый С.-Петербургской духовной академией в 1821—1917 гг.

«*Отчизне кубок сей, друзья!*» — цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

Ефим Васильевич Разумов — одноклассник Ключевского по Пензен-

ской духовной семинарии; окончил Казанский университет; с конца 1870-х годов работал товарищем прокурора Вятского окружного суда.

ректор, инспектор — ректором Пензенской духовной семинарии в 1843—1862 гг. был Евпсихий (Гиренко), инспектором с 1858 г. — Яков Петрович Бурлуцкий.

Степан Васильевич Масловский — преподаватель психологии, патрологии и латинского языка в Пензенской духовной семинарии, впоследствии кафедральный протоиерей. Был любимым преподавателем в семинарии. Одним из первых заметил одаренность Ключевского и всегда поощрял его.

...если бросали камень, так уж непременно дикари ужасного размера. — Намек на инцидент, происшедший в июне 1860 г., когда в окна дома инспектора семинарии Я. П. Бурлуцкого были брошены два камня. Для расследования этого дела была создана специальная комиссия, которая привлекла к следствию семинаристов, в том числе и Ключевского («Материалы», стр. 316.—373).

...описать локомотива и всего поезда невозможно... — На основании этих слов издатель писем Ключевского к Гвоздеву С. А. Голубцов считал ошибочным свидетельство Е. О. Виргинской о том, что Ключевский уехал из Пензы на лошадах. В действительности же он ехал от Пензы до Владимира на лошадах, а от Владимира до Москвы — по железной дороге.

«На горе за рекой хуторочек стои-и-тт». — В стихотворении А. В. Кольцова «Хуторок» несколько иначе:

«За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой за рекой
Хуторочек стоит».

С 7-го числа начались экзамены... — В письме И. В. и Е. Ф. Европейцевым от 19 августа 1861 г. (см. письмо 3) Ключевский сообщает о начале экзаменов в Московский университет 8 августа.

Я читал статью, кажется «Современника», о вновь изданных письмах Ломоносова, ... когда он был в Марбурге. — Видимо, речь идет о статье М. И. Сухомлинова «Ломоносов — студент Марбургского университета» («Русский вестник», 1861, т. XXXI, № 1, стр. 127—165; упоминание о ней см.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 709).

«Петриада» — имеется в виду произведение М. В. Ломоносова «Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года...».

...по трем книгам Вебера, я взял Берте... — Речь идет о работе Г. Вебера «Курс всеобщей истории», т. 1—4. М., 1859—1861 (очевидно, четвертая книга вышла после сентября 1861 г.) и об учебнике Н. Берте «Краткая всеобщая история в простых рассказах для детей и обучающихся в высших учебных заведениях и частных пансионах». СПб., 1858; 2-е изд., 1860.

Павел Михайлович Леонтьев. — Под руководством филолога П. М. Леонтьева Ключевский занимался в университетские годы. Леонтьев хотел оставить его при своей кафедре, уговаривая Ключевского посвятить себя латинской словесности (М. М. Богословский. Памяти В. О. Ключевского. М., 1912, стр. 7; А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», № 6. Саранск, 1946, стр. 102). Возможно, под руководством Леонтьева в 1863 г. Ключевский написал большой реферат «Сочинение Дюрана, епископа меранского, о католическом богослужении» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 121. Упоминание об этом см. в письме 22). См. также позднейшие воспоминания Ключевского о П. М. Леонтьеве (Соч., т. 8, стр. 254).

Владимир Васильевич Прилуцкий — одноклассник Ключевского по Пензенской духовной семинарии, по окончании которой в 1862 г. был назначен учителем в Нижне-Ломовское духовное училище. Через два года он поступил священником в село Новую Толковку Нижне-Ломовского уезда. С 1868 г. до своей смерти в 1919 г. служил священником в уездном городе Мокшан.

Андрей Никитич Сатурнов — одноклассник Ключевского по Пензенской духовной семинарии, близкий друг Гвоздева. Окончил Казанский университет, вернулся в Пензу и преподавал древние языки в мужской гимназии; затем работал в Уральске, Самаре, Екатеринбурге, Оренбурге, где был директором мужской гимназии. С 1906 г. — директор Костромского дворянского пансиона-приюта.

5. В. В. ХОЛМОВСКОМУ

Печатается по копии В. Н. Бочкарева (ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 37, лл. 23—25).

Василий Васильевич Холмовский (род. 1839 г.) — одноклассник Ключевского по Пензенской духовной семинарии; позднее мировой судья в Сухуми. ...*наша Поповка* — улица в Пензе, на которой жили Ключевский и Холмовский, ныне улица Ключевского.

Ордалион Васильевич, Петр Васильевич — братья В. В. Холмовского. *Авдотья Яковлевна* — жена Петра Васильевича Холмовского.

«*Век*» — еженедельный общественно-политический и литературный журнал, выходивший в 1861—1862 гг. в Петербурге.

...*толпы мундированных и немундированных стюбьянов и нестюбьянов.* — В 1861 г. была отменена обязательная форма, но было разрешено донашивать ее в течение года (А. И. К и р п и ч н и к о в. Первые дни в университете. — «Воспоминания о студенческой жизни». М., 1899, стр. 136).

«*Православное обозрение*» — ежемесячный журнал, издававшийся в Москве в 1860—1891 гг. До 1869 г. редактором его был Н. А. Сергиевский.

...*12 толстенных томов.* — Речь идет о труде Джорджа Грота «История Греции» («History of Greece», v. 1—12. London, 1846—1856).

Я составляю их особенно усердно. — В архиве Ключевского сохранились конспекты лекций Ешевского по истории Греции, прочитанные во втором полугодии 1862 г. (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 119). Сокурсник Ключевского П. Погожев писал: «У меня сохранились лекции проф. Ешевского по истории средних веков, писанные литографическими чернилами рукою самого Ключевского» (П. П о г о ж е в. Первая работа Ключевского. — «Новое время», 17 мая 1911 г.).

Еще одна лекция Герца. — В архиве Ключевского сохранились конспекты лекций К. Герца от 6 и 9 марта 1862 г. «Религия египтян» и без даты «Древний храм» (ГПИБ, ф. Ключевского).

...*я описал его в письме к Гвоздеву.* — см. письмо 4.

6. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Антоний. — Имеется в виду Антоний (Говоров), преподаватель Пензенской духовной семинарии.

...*магистерский диспут Н. Попова.* — Речь идет о диссертации Н. А. Попова «В. Н. Татищев и его время» (М., 1861); о диспуте см. «Отечественные записки», 1861, октябрь, отд. 3, стр. 69—71.

...*где и как я жил в последнюю зиму.* — Зимой 1860/61 г. Ключевский жил в доме Маршева (см. примечания к письму 1).

7. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...*о той катастрофе, которую теперь переживает наш университет.* — Ключевский пишет о студенческих волнениях, вспыхнувших в Московском,

затем Казанском и Харьковском университетах в связи с закрытием Петербургского университета. Подробнее об этом см.: П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958, стр. 107—116.

Сергей Михайлович Соловьев — см. примечание к письму 38.

Борис Николаевич Чичерин — профессор Московского университета, историк, правовед. Черты так называемой государственной школы, к которой принадлежал и Б. Н. Чичерин, позднее сказывались на творчестве Ключевского. Памяти Чичерина посвящена статья Ключевского «Состав представительства на земских соборах древней Руси» (Соч., т. 8, стр. 5—112).

...в своем «Обзрении». — Имеется в виду журнал «Православное обозрение» (см. примечание к письму 5).

8. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Выдержка из письма. Печатается по публикации «Из писем В. О. Ключевского» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 226—229).

Новгород — имеется в виду Нижний Новгород (см. письмо 9).

Афанасий Прокопьевич Шапов — профессор Казанского университета, историк. Впоследствии Ключевский написал рецензию «Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси. По поводу книги А. Шапова: «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» («Православное обозрение», 1870, № 2, стр. 307—337).

.. попечитель. — В 1859—1863 гг. попечителем Московского учебного округа, а следовательно, и Московского университета был генерал Н. В. Исаков.

...овер-полицейстер. — В 1848—1869 гг. московским овер-полицейстером был И. И. Сечинский.

9. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами на синей бумаге, листы по сгибу разорваны. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Леонтий Иванович Розанов — с 1859 по 1861 г. преподаватель словесности в Пензенской духовной семинарии; был близок к кружку семинарских друзей Ключевского.

Яшенька. — Имеется в виду инспектор Пензенской духовной семинарии Яков Петрович Бурлуцкий.

...в крепости откровенно сидеть. — А. П. Шапов 16 апреля 1861 г. произнес речь на панихиде по жертвам восстания в селе Бездне, которая вылилась в политическую демонстрацию. В связи с этим Шапов был арестован в Нижнем Новгороде и отправлен в Петербург в III отделение.

Абрам. — Имеется в виду Абрам Павлович Смирнов (отец Авраам) преподаватель патристики, психологии и латинского языка в Пензенской духовной семинарии, прозванный Ключевским «кошачьим психологом». У них были частые столкновения. М. В. Нечкина указывает на эти столкновения как на одну из причин разрыва Ключевского с семинарией (М. В. Нечкина. В. О. Ключевский. — В кн.: «Русская историческая литература в классовом освещении». Сб. статей, т. 2. М., 1930, стр. 219; см. также «Материалы», стр. 426—430).

Федор Александрович Гиляров — товарищ Ключевского по Московскому университету, впоследствии педагог-словесник, составитель грамматик, хрестоматий и других пособий для школы по родному языку.

...по песням древней Эдды. — Эдда Старшая (или просто Эдда), древнеисландский сборник мифологических и героических песен IX—XII вв.

...буй тур Всеволод Олегович с его плачущей Ярославной... — описки Ключевского; Всеволод Святославич, князь трубчевский, был родным братом князя Игоря, жену которого звали Ярославна.

Можаровка — село Городищенского уезда Пензенской губернии, в котором прошли детские годы Ключевского (1846—1850 гг.).

...сылаюсь на статью «Около мужичков» в сент[ябрьской] кн[ижке] «От [естественных] зап[исок]» 1861 г. — Речь идет о статье П. И. Небольсина.

«Выйду ль я на реченьку...» — Ключевский цитирует песню Ю. А. Нелединского-Мелецкого, музыка которой приписывается Себастьяну Жоржу или Д. Н. Капину.

«Ну, тащица, сивка!» — Ключевский цитирует «Песню пахаря» А. В. Кольцова.

«Сяду я за стол — да подумаю: как на свете жить одинокому?» — Ключевский цитирует «Песню селянина» А. В. Кольцова.

...из «Аск[ольдовой] могилы» — оперы Глинки... — описка Ключевского; он цитирует «Хор девушек» из 3-го действия оперы А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» на либретто М. Н. Загоскина.

Некрасов. «Парадный подъезд». — Стихотворение Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» было написано в 1858 г. и несколько лет ходило по рукам в многочисленных списках. Без подписи автора оно было опубликовано в 1860 г. А. И. Герценом в «Колоколе» (л. 61, стр. 505—506) под названием «У парадного крыльца». Лишь в 1863 г. оно было опубликовано в 3-й части «Стихотворений» Некрасова.

10. В. В. ХОЛМОВСКОМУ

Печатается по копии В. Н. Бочкарева (ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 37, лл. 37—49). Датируется по содержанию, в частности по упоминанию студенческих волнений 1861 г.

инспектор. — В 1861 г. инспектором в Московском университете был М. А. Малиновский.

«Русская свадьба». — Речь идет о пьесе П. П. Сухонина «Русская свадьба в исходе XVI века. Драматическое представление из частной жизни наших предков с хорами, свадебными песнями и плясками», музыка к спектаклю написана О. И. Дютшом.

...лектор немецкого языка. — В то время в Московском университете немецкий язык преподавал доктор философии Юлий Делькель.

«иде же двое соберутся во имя мое» — Евангелие от Матфея, гл. XVIII, зач. XX.

11. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Дата, обращение и первая фраза написаны коричневыми чернилами, остальное письмо — черными. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...на днях умер в Москве Добролюбов... — описка Ключевского; Н. А. Добролюбов умер 17 ноября 1861 г. в Петербурге. Ключевский благожелательно относился к журналу «Современник» и к его издателям. См., например, его отзыв о журнале и о Н. Г. Чернышевском в письмах 17 и 30. Среди бумаг Ключевского той поры находится и «Манифест» утописта-социалиста Роберта Оуэна и выписки из статьи об Оуэне Н. А. Добролюбова (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 125). О влиянии передовой журналистики 60-х годов на молодого Ключевского см.: М. В. Нечкина. В. О. Ключевский, стр. 217—218, 223—224; А. А. Зими и н. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского, стр. 182—183.

...«Темное царство» в «Современнике» года за два назад. — Статья Н. А. Добролюбова «Темное царство» впервые была опубликована в журн. «Современник», 1859, № 7 и 9.

...вот его слова — далее Ключевский цитирует Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» (двадцатую).

Хочется прежде проверить их критически... — Ниже в этом же письме Ключевский говорит о необходимости научной проверки основ православия: «проверить весь исторический ход христианства, проверить беспристрастно». В дальнейшем Ключевский неоднократно возвращался к этому сюжету. В афоризмах и дневниках его встречаются резкие высказывания по адресу церкви.

...как говорит Гейне — далее Ключевский цитирует Г. Гейне «Путевые картины», ч. II «Северное море».

12. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

Печатается по подлиннику (ГАПО, ф. 285, оп. 1, д. 4). Письмо написано чернилами на синей бумаге. Листы по сгибу надорваны.

...купить ... Иловайского. — Ключевский имеет в виду книгу Д. И. Иловайского «История Рязанского княжества». М., 1858.

Иван Яковлевич Покровский — брат Покровского, с которым Ключевский жил в Москве на одной квартире. (И. Я. Покровский состоял на гражданской службе. — «Материалы», стр. 319.)

13. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами на синей бумаге. Датируется по содержанию, в частности по инциденту с Б. Н. Чичериным. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...письмо о Фейербахе — см. письмо 11.

«Искра» — сатирический журнал революционно-демократического направления, основанный в 1859 г. в Петербурге поэтом В. С. Курочкиным и художником-карикатуристом Н. А. Степановым; в его работе участвовали Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов и др. Журнал постоянно преследовался правительством и в 1873 г. был закрыт «за неуместные и превратные суждения о правительственной власти». С. А. Голубцов пишет, что на страницах «Искры» за 1862 и 1863 гг. ему не удалось найти отражения, в какой бы то ни было форме, «Педагогических сцен».

Сегодня на юр[идическом] фак[ультете] освистали Чичерина. — Б. Н. Чичерин 28 октября 1861 г. читал вступительную лекцию о значении государственного права. Он призывал студентов готовиться к будущему поприщу, предостерегая их от революционно-демократических идей; хвалил царское правительство за освобождение крестьян; отвергал все критические замечания в адрес царского правительства. Его лекция получила «высочайшее» одобрение — Александр II написал на тексте: «Много весьма дельного и хорошего». Министр народного просвещения граф Е. В. Путятин запретил публиковать критические отзывы на лекцию Чичерина. Студенты, возмущенные лекцией Чичерина и ее поддержкой реакционными кругами, освистали его во время чтения очередной лекции 9 декабря 1861 г.

1862 г.

14. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами на серой бумаге, второй лист надорван, третий и четвертый листы по сгибу разорваны. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Аркадий Алексеевич Альфонский — хирург, был ректором Московского университета с 1842 по 1848 и с 1850 по 1863 г.

П. А. Преображенский — духовный писатель, с 1877 г. издатель-редактор «Православного обозрения».

...судя о Юркевиче по его статье... Не читал ли отзыв о ней Чернышевского в «Современнике»? — Речь идет о статье П. Д. Юркевича «Из науки о человеческом духе», напечатанной в «Трудах Киевской духовной академии за 1860 год», переизданной М. Н. Катковым в «Русском вестнике», 1861, № 4—5. Отзыв Н. Г. Чернышевского «Непочтительность к авторитетам» см.: Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 685—706.

15. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами, которые почти выцвели. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...я нарочно избрал такую оригинальную бумагу — письмо написано на папиросной бумаге.

«Хоть тяжело подчас в ней бремя,

Телега на ходу легка» — Ключевский цитирует начало стихотворения А. С. Пушкина «Телега жизни».

16. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Ты хвалишь его журнал... — Речь идет о журнале «Православное обозрение» (см. примечание к письму 5).

...статью Буслаева о лубочных изданиях. — Речь идет о статье Ф. И. Буслаева «О русских народных книгах и лубочных изданиях» («Отечественные записки», 1861, сентябрь, отд. 3, стр. 1—68).

Для университетов вышли неофициально новые правила и обсуждаются советами университетов. — Видимо, Ключевский имеет в виду введенные министром народного просвещения Е. В. Путятиным «матрикулы» — особые книжки с правилами поведения, которые выдавались каждому студенту.

...третий — огонь. — Описка Ключевского; Анаксимандр признавал первоисточником всех вещей не огонь, как Гераклит, а апейрон — неопределенное по качеству, беспредельное и бесконечное по количеству первоэщество.

...один из наших иерархов, ростовский, что ли. — Имеется в виду Дмитрий (Даниил Саввич Туптало), ростовский митрополит, известный своими трудами против церковного раскола.

17. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...в последнем романе... — Ключевский имеет в виду роман И. С. Тургенева «Отцы и дети».

«Развлечении» — еженедельный литературно-юмористический журнал с карикатурами, основанный в 1859 г. Ф. Б. Миллером в Москве.

Псих и Урлук — имеются в виду Евнсихий (Гиренко) и Я. П. Бурлуцкий — ректор и инспектор Пензенской духовной семинарии.

...сильно смазывает на тебя. — С. А. Голубцов предполагает, что имеется в виду М. С. Гримов, товарищ Ключевского по Московскому университету, впоследствии славист и общественно-политический деятель.

«День» — еженедельная газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1862—1865 гг.

Славная вообще возня идет в журналистике! — Ключевский, очевидно, имел в виду следующие статьи: десять статей Б. Н. Чичерина в газете «Наше время», которые затем вошли в его книгу «Несколько современных вопросов» (М., 1862); С. С. Громека. Современная хроника в России («Отечественные записки», 1862, № 2, 3); К. Н. Бестужев-Рюмин. Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении (По поводу вступительной лекции, читанной г. Чичериным в Московском университете) («Отечественные записки», 1861, ноябрь); А. П. Пыпин. По поводу исследований г. Буслаева о русской старине («Современник», 1861, № 1); Ф. И. Буслаяев. Ответ г. Пышину на его статью под заглавием «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» («Отечественные записки», 1861, апрель); И. С. Аксаков. О предоставлении политических прав образованным евреям («День», 1862, № 19); Н. И. Костомаров. Иван Сусанин (Историческое исследование) («Отечественные записки», 1862, февраль); С. М. Соловьев. История и современность. По поводу сочинения Короновича и статьи Н. Костомарова о Сусанине («Наше время», 1862, № 44, 50, 57, 76).

18. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано красными чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Николай Федорович Глебов — с 1856 по 1860 г. преподаватель математики, греческого и латинского языков в Пензенской духовной семинарии; был близок к кружку семинарских друзей Ключевского («Материалы», стр. 356 и др.). В 1860 г. перешел в Рязанскую духовную семинарию; в 1875 г. возведен в протоиереи и назначен смотрителем Касимовского духовного училища, с 1891 г. — кафедральный протоиерей Рязанского собора.

...петербургские пожары 21, 22 и 28 мая. — Имеются в виду поджоги, в которых правительство пыталось обвинить поляков и студентов.

...рязанский губернатор. — В 1860—1862 гг. рязанским гражданским губернатором был Н. М. Муравьев.

Смарагд — архиепископ рязанский и зарайский.

Князь Сергей Васильевич Волконский — член рязанского губернского комитета, один из первых председателей рязанской губернской земской управы. Летом 1862 г. Ключевский был репетитором в его семье (М. В. Нечкина. В. О. Ключевский, стр. 223; И. А. Артоблевский. К биографии В. О. Ключевского. — «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 172).

19. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Выдержка из письма. Печатается по публикации «Из писем В. О. Ключевского» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 229—230). В публикации ошибочно указана дата этого письма (14 июня 1861 вместо 1862) — в письме идет речь об экзамене Ключевского на стипендию, проходившем в мае 1862 г. В мае же 1861 г. Ключевский еще не был студентом Московского университета и жил в Пензе. Об этом же экзамене Ключевский сообщал и П. П. Гвоздеву (см. письмо 18).

20. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами, два листа по сгибу разорваны. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...о моем письме, писанном красными чернилами — см. письмо 18,

Хрисанф (урожд. Ретивцев) — занимал богословские кафедры в Казанской и Петербургской духовных академиях, потом был епископом в Астрахани и Нижнем Новгороде.

...автор «Православия и современности»... — Возможно, речь идет о книге архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) «О православии в отношении к современности...» СПб., 1860.

Прилагаемый портрет или вернее карточка... — Эта фотография воспроизведена в книге «Письма к Гвоздеву».

1863 г.

21. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Выдержка из письма. Печатается по публикации «Из писем В. О. Ключевского» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 230). Дата взята из публикации.

...приезжал князь. — Речь идет о С. В. Волконском (см. примечание к письму 18). В журнале «Голос минувшего» ошибочно указывается, что Ключевский летом 1861 г. был репетитором в семье Волконских. В действительности это было летом 1862 г. В 1861 г. только в конце июля Ключевский приехал в Москву для поступления в университет (см. письмо 1 и др.).

22. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Выдержка из письма. Печатается по публикации «Из писем В. О. Ключевского» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 231). Дата взята из публикации.

...я выбрал для этого сочинение одного епископа французск[ого] Дюрана... — В архиве Ключевского хранится этот реферат (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 121) (см. также примечания к письму 4).

1864 г.

23. [А. М. БОРОДИНОЙ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 26, л. 2—2 об.). Письмо написано чернилами. Это письмо относится к серии черновых писем, озаглавленных Ключевским на первом листе, который служил обложкой, «Пензенская переписка». Письма, кроме № 31, датируются условно по упоминанию романа В. П. Ключникова «Марево», печатавшегося в «Русском вестнике» (1864, № 1—3, 5), и по упоминанию в письме от 29 июня (см. письмо 24) о том, что оно написано в понедельник, — 29 июня было понедельником в 1864 г.

Адресат писем (кроме 31) Ключевским не назван, но из содержания видно, что они написаны женщине. В письме от 9 августа (см. письмо 27) он называет инициалы адресата — А. М. Семья Бородиных, у которых Ключевский бывал с 1861 г., имела квартиру в церковном доме при церкви Петра и Павла на Б. Якиманке — в письме 24 есть выражение «в ограде Петра и Павла». В этой семье были три сестры с инициалами А. М. — Александра, Анисья и Анна Михайловны. Как видно из текста, А. М. не жила в родном доме. Из сестер лишь Анна не жила вместе с семьей; она была экономкой и воспитательницей детей в доме О. С. Долгова, где и выросла. Следовательно, Анна Михайловна Бородина (1840/41—1912) — адресат писем 23—27.

Н. М. — Надежда Михайловна Бородина (см. о ней примечание к приложению).

М. И. К. — Возможно, речь идет о Кержинском, товарище Н. М. Бородина.

...3-й части «Марева»... — Третья часть романа В. П. Ключникова «Марево» напечатана в «Русском вестнике», 1864, № 5.

Р. — Возможно, речь идет о Раменском, где летом жила Анна Михайловна Бородина вместе с семьей Долговых.

24. [А. М. БОРОДИНОЙ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 26, лл. 2 об.—3 об.). Письмо написано чернилами; относится к «Пензенской переписке».

Никсочка. — Речь идет об Аниусе Михайловне Бородиной (с января 1869 г. жена Ключевского).

Е. М. — Речь идет о младшей сестре А. М. Бородиной — Елизавете Михайловне.

С. М. — Сергей Михайлович Бородин, с которым Ключевский занимался латинским языком. Впоследствии они стали друзьями и даже рядом похоронены на Донском кладбище в Москве. С. М. Бородин — автор учебников по русскому языку.

А. С. — Возможно, речь идет об Анне Семеновне Строгоновой, которая жила в доме на Б. Якиманке напротив дома Бородиных.

«*Что он ходит за мной, что он ищет меня?*» — В стихотворении А. В. Кольцова «Песня» несколько иначе: «*Что он ходит за мной, всюду ищет меня?*». «*взглянуть на дальние поля, узнать, прекрасна ли земля*» — цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри».

25. [А. М. БОРОДИНОЙ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 26, лл. 3 об.—4). Письмо написано чернилами; относится к «Пензенской переписке».

...*что отвечал у Пушкина Мефистофель Фаусту.* — Ключевский имеет в виду «Сцену из Фауста» А. С. Пушкина.

26. [А. М. БОРОДИНОЙ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 26, лл. 4—5). Письмо написано чернилами; относится к «Пензенской переписке».

Кукшина — персонаж из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», который воспринимался некоторыми кругами разночинно-демократической молодежи как карикатура на эмансипируемую женщину.

27. [А. М. БОРОДИНОЙ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 26, лл. 5—6 об.). Письмо написано чернилами; относится к «Пензенской переписке».

«*Точно в Польше.*» — Намек на восстание 1863 г. в Польше.

А. М. — она же *Ал. М.* — Речь идет о старшей сестре А. М. Бородиной — Александре Михайловне.

...*рассказ Козановской «После обеда в гостях»* — опубликован в журнале «Русский вестник», 1858, № 8.

«*скалы и тайные мели, и бури ему ничем*» — цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль».

28. И. В. и Е. Ф. ЕВРОПЕЙЦЕВЫМ

Печатается по подлиннику (ГАПО, ф. 285, оп. 1, д. 5). Письмо написано чернилами.

Щелатовка — река, протекающая в Пензе, ныне взята в трубу.

...напишите что-нибудь о саранских. — Речь идет о родственниках Ключевского Колликовых, которых он навещал в 1861 г., когда пересезжал из Пензы в Москву (см. письмо 1 и примечания к нему).

тетушка. — Речь идет о Марии Федоровне Колликовой (урожд. Мошковой), старшей сестре матери Ключевского.

Евлампия Евф[имовна] и Алексей Евф[имович] — двоюродные сестра и брат Ключевского, дети Е. П. и М. Ф. Колликовых.

Попросите мамашу приписать строки две. — Мать В. О. Ключевского Анна Федоровна после выхода замуж дочери Елизаветы Осиповны переехала в дом Европейцевых. Ключевский писал Европейцевым и матери общие письма.

Настя — внебрачная дочь А. Ф. Ключевской, родившаяся в 1856 г.

29. П. И. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 8). Письмо написано чернилами. По содержанию этого письма и следующего за ним от 28 октября видно, что П. И. Европейцев не был удовлетворен духовным образованием и, видимо, решил уйти из семинарии. В делах Пензенской духовной семинарии (ГАПО, ф. 21, оп. 1, д. 373 и 458) имя Павла Европейцева встречается в списках учеников первого разряда низшего отделения, переведенных по окончании 1863/64 учебного года в среднее отделение. Однако в списках учеников семинарии последующих годов он уже не числится.

30. П. И. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Выдержка из письма. Печатается по тексту, опубликованному в статье И. А. Артоболевского «К биографии В. О. Ключевского» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 164—165). Датируется условно по содержанию, как и письмо 29, месяц и число взяты из указанной публикации.

1866 г.

31. И. В. ЕВРОПЕЙЦЕВУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 26, лл. 6 об.—7 об.). Письмо написано чернилами; относится к «Пензенской переписке».

Две потери зараз. — 19 января 1866 г. от горячки умерла Евдокия Федоровна Европейцева; 1 марта того же года от рака умерла Анна Федоровна Ключевская.

1867 г.

32. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Не пропал ли где-нибудь в чувашском овраге? — С. А. Голубцов полагает, что Ключевский здесь намекает на свою поездку в Казань.

«Москва. Газета политическая, экономическая и литературная» — издавалась в 1867—1868 гг. И. С. Аксаковым.

Катков всегда в руках у нас за чаем... — Речь идет о газете «Московские ведомости».

...прочитав передовую статью «Моск[овских] ведомостей»... — Ключевский имеет в виду статью «Москва, 21 января», которая началась словами: «Теперь предмет всеобщих толков — земские учреждения» («Московские ведомости», 22 января 1867 г.).

А книжонки м о е й до сих пор не достал. — В 1866 г. вышла в свет первая работа В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве. Рассуждение студента Василия Ключевского, писанное для получения степени кандидата по историко-филологическому факультету» («Московские университетские известия. 1866», № 7—9. М., 1866; то же в книге «Приложение к Московским университетским известиям 1865/66 академического года», т. 2. М., 1866). В том же году вышла в Москве отдельным изданием.

Музыкантка — так Ключевский и его друзья называли одну из дочерей казанского протоиерея А. Н. Иорданского. Друг Ключевского С. А. Парадизов (см. примечание к письму 4), женатый на дочери Иорданского, был в 60-е годы студентом Казанского университета. Поэтому в доме Иорданских часто бывали студенты, среди них и пензенские друзья Ключевского. В бытность свою в Казани Ключевский заходил в этот дом. С. А. Голубцов, очевидно по рассказам Гвоздевых, сообщает, что матушка А. И. Иорданская упрекала молодежь «за приверженность к модным идеям à la Чернышевская» («Письма к Гвоздеву», стр. 129).

Иван Петрович Гвоздев — старший брат Порфирия Петровича, профессор Казанской духовной академии по кафедре гражданской истории.

Николай Иванович Ильминский — ориенталист, профессор Казанского университета и Казанской духовной академии; одновременно директор учительской семинарии; в 1867—1872 гг. редактировал «Ученые записки Казанского университета»; окончил Пензенскую духовную семинарию в 1842 г.

Федор Михайлович Керенский (отец А. Ф. Керенского) — по окончании в 1858 г. Пензенской духовной семинарии работал сельским учителем. Затем поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, где оказался товарищем и другом П. П. Гвоздева. По окончании университета он был последовательно: учителем русского языка и инспектором в Казанской мужской гимназии, директором гимназии в Вятке, затем в Симбирске и возглавлял учебный округ в Ташкенте.

33. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...подают в отставку, вследствие гадостей, сделанных им большинством совета, и — и — одобрения этих гадостей министрам. — В знак протеста против нарушения со стороны совета университета при поддержке министра народного просвещения А. В. Головнина установленного порядка избрания на профессорскую должность на новый срок для профессора полицейского права В. Н. Лешкова С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, Ф. М. Дмитриев, М. Н. Капустин, С. А. Рачинский и И. К. Бабст подали в отставку, которая и была принята. Но по просьбе Александра II они впоследствии взяли назад свои прошения.

...ректор. — В 1863—1870 гг. ректором Московского университета был С. И. Баршев.

Иван Дмитриевич Беляев — профессор Московского университета, историк. В архиве Ключевского хранится его рецензия на книгу И. Д. Беляева «Лекции по истории русского законодательства» под названием «Русский историк — юрист недавнего прошлого» (ГБЛ, ф. 131, п. 14, д. 16).

Владимир Иванович Герье — см. примечание к письму 40.

«Савонарола и Флоренция» — работа Н. А. Осокина, впервые опубликованная в «Ученых записках Казанского университета» по отделению историко-филологических и политико-юридических наук. 1863», вып. I—II. Казань, 1865.

34. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

Десять экземпляров моего недопеченого печенья.— Ключевский имеет в виду свою работу «Сказания иностранцев о Московском государстве».

Прочти ... передовую статью в «Москов[ских] ведом[остях]» 11 фев[раля].— Указанная статья «Москва, 10 февраля» была посвящена вопросам народного просвещения.

1868 г.

35. Н. И. МИЗЕРОВСКОМУ

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 16). Письмо написано чернилами. Листы по сгибу разорваны. Впервые опубликовано «Из писем В. О. Ключевского» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 232—233).

Николай Иванович Мизеровский — пензенский товарищ Ключевского. В архиве Ключевского сохранились письма от Мизеровского, в частности от 14 июня 1867 г., на которое и отвечает Ключевский (ГБЛ, ф. 131, п. 32, д. 68).

«Не имама zde пребывающего града, но грядущего взыскуем» — Послание Павла евреям, гл. XIII, зач. XIV.

Теперь я занимаюсь историей древнерусских монастырей...— По окончании работы «Сказания иностранцев о Московском государстве» Ключевский начал заниматься по теме «Древнерусские жития святых как исторический источник». В связи с этим он написал статью «Новые исследования по истории древнерусских монастырей» («Православное обозрение», 1869, № 10 и 12).

Мои напечатанные трудишки меня не удовлетворяют.— К этому времени были опубликованы следующие работы Ключевского: «Сказания иностранцев о Московском государстве» (см. примечание к письму 32); «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» («Московские университетские известия. 1866—1867», № 7. М., 1867; им же были составлены разделы по истории русского быта, опубликованные в книге П. Кирхманна «История общественного и частного быта». М., 1867.

1869 г.

36. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

37. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...роюсь в рукописях Ундольского.— Рукописи В. М. Ундольского, библиографа, собирателя древнерусских рукописей, после его смерти (1864 г.) поступили в Румянцевский музей. Ключевский впоследствии написал рецензию на описание его архива «Рукописная библиотека В. М. Ундольского» («Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского». Издание Московского публичного и Румянцевского музеев. М., 1870 г.) («Православное обозрение», 1870, № 5).

...мы с Ф[едором] М[ихайловичем] некоторым образом свойственники.— Двоюродный брат Ф. М. Керенского — И. В. Виргинский был женат на родной сестре Ключевского Елизавете Осиповне.

...мне придется в своей книжице помянуть вашего попечителя, а моего бывшего инспектора ... Шестакова.— Ключевский в своей книге «Древнерусские жития святых как исторический источник» упоминает об издании П. Д. Шестаковым списков житий в 1868 г. в «Православном собеседнике».

Книжицу его об альбигойцах не читал...— Н. А. Осокин. История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III. Казань, 1869.

1870 г.

38. С. М. СОЛОВЬЕВУ

Печатается по подлиннику (ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 7, лл. 64—65). Письмо написано чернилами.

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — историк, профессор Московского университета, учитель Ключевского. О Соловьеве Ключевский неоднократно писал (В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 126—144, 464—469; т. 8, стр. 253—262, 351—367). Об оценке Ключевским Соловьева как историка см.: Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки, стр. 201—210.

...решил кончить сочинение.— Речь идет о магистерской диссертации Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871).

Этими двумя вопросами я думаю отвечать в Дерпт...— В 1870 г. в Дерптском университете освободилась кафедра русской истории. Университет остановил свой выбор на начинающем ученом Ключевском, кандидатуру которого в апреле 1870 г. представил на утверждение министерства. Но в то время кафедры в Дерптском университете замещались лицами со званиями магистра или доктора. Ключевский тогда был только кандидатом, и министр народного просвещения отклонил предложение университета (ЖМНП, 1897, кн. 2, отд. 4, стр. 118).

39. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 3). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «Письма к Гвоздеву».

...читал ли кто из знакомых о Щапове в *Прав[ославном] обзор[ени]*.— Имеется в виду статья Ключевского «Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси. По поводу книги А. Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» («Православное обозрение», 1870, № 2).

Спешу домарать свою книжицу.— Речь идет о работе «Древнерусские жития святых как исторический источник».

1871 г.

40. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 69). Письмо написано чернилами. Имеется черновик (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 5), написанный чернилами.

Владимир Иванович Герье (1837—1919) — историк, профессор всеобщей истории Московского университета, основатель Высших женских курсов в

Москве, член Государственного совета. Герье и Ключевского связывала многолетняя дружба. В фондах обоих историков сохранилась их переписка. В настоящем издании печатается наиболее интересная часть писем Ключевского к Герье. В архиве Ключевского сохранился также набросок речи, произнесенной им от имени Общества истории и древностей российских на чествовании 40-летней научной деятельности Герье в 1898 г. (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 3).

Сергей Михайлович.— Речь идет о С. М. Соловьеве.

Теперь я держу корректуру 25-го листа.— Речь идет о книге «Древнерусские жития святых как исторический источник».

...поздравить именинника...— Имеется в виду С. М. Соловьев.

«Голос»— ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1863—1884 гг. Подвергалась неоднократно цензурным взысканиям, в результате которых издатель-редактор А. А. Краевский в январе 1884 г. прекратил издание газеты.

Авдотья Ивановна— см. с ней примечание к письму 57.

1872 г.

41. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 69). Письмо написано чернилами.

...на диспуте.— Диспут по диссертации Ключевского происходил 26 января 1872 г. Официальными оппонентами выступали С. М. Соловьев и Н. А. Попов, неофициальными— Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов и Е. В. Барсов. Описание диспута см.: «Современные известия», 28 января 1872 г. «Московские епархиальные ведомости» поместили 12 марта 1872 г. статью «О воскресенских беседах в Чудовом монастыре», в которой автор от имени отца Пафнутия сетовал по поводу того, что университет удостоил Ключевского ученой степени за раскольническую диссертацию и что издатель напечатал его книгу. В связи с этим Ключевский написал ответ «Аллилуия и о[тец] Пафнутий (Письмо в редакцию)» («Современные известия», 17 марта 1872 г.).

...в нашу академию.— Речь идет о Московской духовной академии.

...настроил разбор.— Речь идет об отзыве Ключевского «Разбор сочинения М. И. Горчакова «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода»» («Отчет о 15-м присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1874; перепечатано в книге В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. М., 1914, стр. 216—259).

Геннадий Федорович Карпов— профессор русской истории Харьковского университета, редактор некоторых томов «Актв Южной и Западной России», «Сборников Русского исторического общества». В память о Карпове Ключевский произнес речь «Чтение о Г. Ф. Карпове в чрезвычайном заседании имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете 18 ноября 1890 г.» («Чтения ОИДР», 1892, кн. 1, стр. 41—45 протоколов).

Л-й псалом Давида.— Имеется в виду так называемый покаянный псалом.

...рукописи, которая скоро поедет с Бестужевым, Иловайским, Погодиным, Хлебниковым и Сергеевичем.— Вероятно, речь идет о рецензиях Ключевского на книгу К. Н. Бестужева-Гюмина «Русская история», т. 1. СПб., 1872 (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 181), на книгу М. П. Погодина «Древнерусская история до монгольского ига», т. I—III. М., 1872 (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 182). Другие, упомянутые в письме рецензии этих лет, не сохранились. Статья о Д. И. Иловайском, написанная после 1882 г., опубликована (В. О. Ключевский. Ответ Д. И. Иловайскому.— Соч., т. 7, стр. 163—169).

С. А. Юрьев— см. примечание к письму 52.

Михаил Петрович.— Речь идет о М. П. Погодине.

...житие ...Михаила Саллоса.— Житие Михаила Клопского исследовалось Ключевским в книге «Древнерусские жития святых как исторический источник».

О курсах скажу кратко.— Речь идет о Высших женских курсах. Среди рукописей Ключевского хранится его «Речь при закрытии Высших женских курсов» (1888) (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 145).

42. А. Ф. ЛАВРОВУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 13). Текст написан чернилами. Датируется на основании ответа Лаврова Ключевскому 6 сентября 1872 г. (ГБЛ, ф. 131, п. 32, д. 38).

Александр Федорович Лавров (1829—1890) — профессор церковных словесности и законоведения Московской духовной академии, в 1878 г. принял монашество под именем Алексея, впоследствии архимандрит литовский и виленский.

Посад — имеется в виду Сергиев посад (ныне Загорск), где помещалась Московская духовная академия, в которой В. О. Ключевский преподавал с 1871 г.

...вечерние занятия в одном учебном заведении.— Возможно, речь идет о Высших женских курсах, на которых Ключевский преподавал с 1872 г.

Моя вторая диссертация... — Речь идет о работе «Боярская дума древней Руси», которая была защищена в качестве докторской диссертации Ключевским 29 сентября 1882 г.

1875 г.

43. С. Н. ШУБИНСКОМУ

Печатается по подлиннику (ГПБ, ф. 874, оп. 1, д. 2, л. 130). Письмо написано чернилами. Датируется по упоминанию книги С. А. Петровского «О Сенате в царствование Петра Великого». М., 1875.

Сергей Николаевич Шубинский (1835—1904) — историк, в 1875—1879 гг. — редактор журнала «Древняя и новая Россия», с 1880 г. — редактор «Исторического вестника».

...Вашего сборника.— Речь идет о сборнике «Древняя и новая Россия».

...я думаю сделать ...популярный очерк характера и строя высшего центрального управления, созданного Петром.— Видимо, этот очерк не был написан Ключевским, так как он не значится ни в списке его трудов (см. «Материалы», стр. 442—473), ни в «Систематическом указателе статей исторического журнала «Древняя и новая Россия» 1875—1881 гг.». СПб., 1893.

1876 г.

44. А. А. ШАХОВУ

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 24). Письмо написано чернилами.

Александр Александрович Шахов (1850—1877) — близкий друг Ключевского, литературовед, историк западноевропейской литературы, ученик Буслаева. Преподавал на Высших женских курсах и в Московском университете. После смерти Шахова Ключевский был его душеприказчиком. О дружбе Ключевского и Шахова в своих воспоминаниях писал М. М. Ковалевский: «Василий Осипович дружил в это время с молодым и талантливым историком

литературы Шаховым. Последнего шута называли Сеп-Жюстом, а многие прибавляли к этому, что при нем Ключевский играет роль Робеспьера. Этой репутации Василий Осипович своей дальнейшей карьерой нимало не оправдал» (М. М. К о в а л е в с к и й. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. — «Вестник Европы», 1910, № 5, стр. 188). О дружбе Ключевского с Шаховым писал также А. А. Кизеветтер, заметивший, что «их тогда так и звали в Москве: Фауст и Мефистофель» (А. А. К и з е в е т т е р. На рубеже двух столетий. Прага, 1929, стр. 61, 313).

В. Г. — Вероятно, В. И. Герье.

В. Л. — Вероятно, Виктор Алексеевич Легонин — ординарный профессор судебной медицины Московского университета, декан юридического факультета.

...о раздражении Вами, т. е. книгой... — Речь идет о книге А. А. Шахова «Французская литература в первые годы XIX в. Историко-литературная диссертация». М., 1875.

Ильич. — Речь идет о Николае Ильиче Стороженко.

Богол[енов] отпечатал книжицу. — Речь идет о книге Н. П. Боголепова «Значение общенародного гражданского права (jus gentium) в римской классической юриспруденции» (М., 1876).

«Гилярка». — Вероятно, газета «Современные известия», издаваемая Н. П. Гиляровым-Платоновым в 1867—1887 гг.

45. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 60). Письмо написано чернилами.

...о Павлове. — Возможно, речь идет о Platone Васильевиче Павлове — профессоре русской истории в Киевском, затем в Московском и Петербургском университетах.

...передать Авдотье Ивановне, что замечания на новые теории о начале Руси я изготовил про себя. — А. И. Герье в письме от 24 июня 1876 г. просила Ключевского прислать его мнение об «истории русской жизни». Под «новыми теориями о начале Руси» Ключевский имеет в виду вышедшие в 1876 г. книги И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен» и Д. И. Иловайского «Разыскания о начале Руси». Помимо статьи «Ответ Д. И. Иловайскому» (В. О. К л ю ч е в с к и й. Соч., т. 7, стр. 163—169) в архиве сохранились сравнительная характеристика Иловайского и Забелина (ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2) и наброски «Значение варяжского вопроса» (ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 11), «Варяжский вопрос» (ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 9), написанные в 1870-х и 1890-х годах. Подробнее см.: Р. А. К и р е в а. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки, стр. 55, 100—101, 184—189.

1877 г.

46. Н. В. КАЛАЧОВУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 11). Письмо написано чернилами. Верхний и левый края листа оборваны.

Николай Васильевич Калачов (1819—1885) — историк русского права, в 1864—1885 гг. — директор Московского архива Министерства юстиции, в 1866—1869 гг. — председатель Общества любителей российской словесности.

«Историческая библиотека» — научно-литературный журнал, выходивший в Петербурге в 1878—1880 гг.; имел два отдела — беллетристический и научный.

47. Н. А. ПОПОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 239, п. 10, д. 37). Письмо написано чернилами.

Нил Александрович Попов (1833—1891) — историк и славяновед, профессор Казанского и Московского университетов; секретарь (1866—1868) и казначей (1868—1870) Общества любителей российской словесности; директор Московского архива Министерства юстиции (1886—1891).

... *репетитция в училище у меня кончилась в 40 мин. 9-го.* — Вероятно, имеется в виду Александровское военное училище, где Ключевский преподавал в 1867—1884 гг. сначала в качестве репетитора, затем — лектора, читавшего новейшую историю. Сохранились его лекции по всеобщей истории второй половины XVII — середины XIX в., читанные в 1871/72 и 1872/73 учебных годах (ГБЛ, ф. 131, п. 40, д. 13, 14). См. «Воспоминания о занятиях В. О. Ключевского в Александровском военном училище: I. Н. П. Нечаева, II. В. А. Петрова» («Материалы», стр. 434—440).

1878 г.

48. Н. П. БАРСУКОВУ

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 2, д. 3, л. 7). Письмо написано чернилами. Датируется на основании пометы.

Николай Платонович Барсуков (1838—1906) — историк, библиограф, помощник начальника архива Синода, с 1883 г. — начальник архива Министерства народного просвещения.

... *до окончания издания жития Филиппа.* — Предисловие к житию Филиппа Ирапского, составленному иноком Германом, и житие Филиппа Ирапского издано Обществом любителей древней письменности (XLVI. СПб., 1879, стр. V—XLIX).

1879 г.

49. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 69). Письмо написано чернилами.

Павел Гаврилович. — Речь идет о П. Г. Виноградове.

Всеволод и Поликс[ена] В[ладимиров]на — старший сын и жена С. М. Соловьева.

50. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 69). Письмо написано чернилами.

51. Н. А. ПОПОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 239, п. 10, д. 37). Письмо написано чернилами.

... *я думаю начать свой курс в университете...* — 15 сентября 1879 г. Ключевский был избран доцентом историко-филологического факультета Московского университета, 12 октября утвержден Министерством народного просвещения. Он стал читать лекции в университете вместо Соловьева. Н. А. Попов в это время был деканом историко-филологического факультета.

52. С. А. ЮРЬЕВУ

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, д. 273, л. 1). Письмо написано чернилами.

Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888) — литературный деятель, переводчик пьес Шекспира, Кальдерона, Лопе де Вега. В 1871—1872 гг. — издатель-редактор журнала «Беседа», в 1880—1885 гг. — редактор журнала «Русская мысль», в 1875—1878 гг. — председатель Общества любителей российской словесности, в 1886—1888 гг. — председатель Общества драматических писателей.

Положение «Думы»... — Имеется в виду исследование Ключевского «Боярская дума древней Руси». Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества, впервые опубликованное в журнале «Русская мысль», 1880, № 1, 3, 4, 10, 11; 1881, № 3, 6, 8—11. Первое издание отдельной книги под названием «Боярская дума древней Руси» вышло в Москве в 1882 г.

Теперь пишу для университетского отчета о С. М. Соловьеве... — Имеется в виду статья «С. М. Соловьев (умер 4 октября 1879 г.)» (впервые опубликована в книге «Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12 января 1880 г.». М., 1880, стр. 51—73; перепечатана в книге В. О. Ключевский. Очерки и речи. М., 1913, стр. 1—23; он же. Соч., т. 7, стр. 126—144, 464—469). Кроме того, Ключевским был написан некролог (опубликован без подписи в «Критическом обозрении», 1879, № 20, стр. 37—40); впоследствии включен в статью «Памяти С. М. Соловьева», впервые опубликованную в журнале «Научное слово», 1904, кн. 8, стр. 117—132; перепечатана в книге В. О. Ключевский. Очерки и речи, стр. 35—36; он же. Соч., т. 8, стр. 351—367.

1883 г.

53. Н. А. ПОПОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 239, п. 10, д. 37). Письмо написано чернилами.

1884 г.

54. Н. А. ПОПОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 239, п. 10, д. 37). Письмо написано чернилами.

На следующий год для исторического отделения я предполагаю курс о методе, терминологии и основных источниках русской истории. — Первую часть курса — «Методология» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 81—83) — Ключевский читал в 1884/85 учебном году; вторую часть — «Терминология русской истории» — осенью 1885 г. (опубликована в т. 6 сочинений Ключевского, стр. 129—275); курс лекций по источниковедению читался с 1890 по 1902 г. (опубликован в т. 6, стр. 5—87).

55. С. К. СМИРНОВУ

Печатается по публикации «Из архива профессора и ректора Московской духовной академии протоиерея Сергея Константиновича Смирнова» («Богословский вестник». Сергиев посад, 1914, октябрь — ноябрь, стр. 470—471).

Сергей Константинович Смирнов (1818—1889) — профессор и ректор Московской духовной академии.

Анна Сергеевна — дочь С. К. Смирнова, ученица Ключевского, впоследствии жена П. Н. Милюкова.

Если поручение академии останется за мной...— На VI Археологическом съезде в Одессе Ключевский не присутствовал; Московскую духовную академию представлял Г. А. Воскресенский. И. Д. Мансветов присутствовал на съезде от имени Московского археологического общества.

1886—1887 гг.

56. В. А. ГОЛЬЦОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 77, п. III, д. 61). Письмо написано чернилами.

Виктор Александрович Гольцов (1850—1906) — публицист, с 1885 г. фактический редактор журнала «Русская мысль»; казначей (1881—1884), секретарь (1884—1885) и председатель Общества любителей российской словесности (1904—1905).

Думаю, не оставить ли совсем мысль написать злополучную речь.— Возможно, имеется в виду статья «Евгений Онегин и его предки», которая 1 февраля 1887 г. была прочитана Ключевским на заседании Общества любителей российской словесности. Впервые опубликована в журнале «Русская мысль», 1887, № 2, стр. 291—306; перепечатана в книге В. О. Ключевский. Очерки и речи, стр. 67—89; он же. Соч., т. 7, стр. 403—422.

1887 г.

57. А. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 70). Письмо написано чернилами.

Евдокия (Авдотья) Ивановна Герье (1844—1914) — урожденная Токарева, племянница и воспитанница А. В. Станкевича, жена В. И. Герье, переводила с французского произведения Тьюго, Вольтера и др.

...заставляет сетовать на Поссарта...— Речь идет о гастролях в Москве выдающегося немецкого актера и режиссера Эрнста Поссарта.

1888 г.

58. Н. П. БАРСУКОВУ

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 74, л. 448). Письмо написано чернилами.

...получил я Вашу милую книгу о Погодине.— Имеется в виду I том сочинения Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина». СПб., 1888.

59. Н. С. ТИХОНРАВОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 298, п. 4, д. 55). Письмо написано чернилами.

Николай Саввич Тихонравов (1832—1893) — историк древнерусской литературы, профессор Московского университета, в 1885—1893 гг. председатель Общества любителей российской словесности.

...на мою деканскую неспособность...— Приказом министра народного просвещения от 14 ноября 1887 г. за № 10 Ключевский с 27 сентября 1887 г. был утвержден деканом историко-филологического факультета Московского университета. Эту должность Ключевский исполнял до 1889 г., когда был утвержден приказом министра от 20 августа 1889 г. за № 7 в должности помощника ректора Московского университета. В этой должности он находился до 15 декабря 1890 г.

1889 г.

60. В. А. ГОЛЬЦОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 77, п. III, д. 61). Письмо написано чернилами.

Статья будет носить такое заглавие: «Состав представительства на земских соборах Древней Руси».— Данная статья была впервые опубликована в журнале «Русская мысль», 1890, № 1; 1891, № 1; 1892, № 1; перепечатана в книге В. О. К л ю ч е в с к и й. Опыты и исследования. М., 1912, стр. 417—551; о н ж е. Соч., т. 8, стр. 5—112.

1891 г.

61. И. П. БАРСУКОВУ

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 344, л. 1—1 об.). Письмо написано чернилами.

Иван Платонович Барсуков (1841—1906) — историк.

...новую Вашу книгу.— Вероятно, речь идет о книге И. П. Барсукова «Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам», т. 1—2. М., 1891.

62. Н. С. ТИХОНРАВОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 298, п. 4, д. 55). Письмо написано чернилами.

...отношение екатерининского рубля к нынешнему.— В 1884 г. Ключевский опубликовал статью «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему» («Чтения ОИДР», 1884, кн. 1, стр. 1—72; перепечатана в книге В. О. К л ю ч е в с к и й. Опыты и исследования, стр. 123—211; о н ж е. Соч., т. 7, стр. 170—236).

1892 г.

63. С. Ф. ПЛАТОНОВУ

Печатается по подлиннику (ГПБ, ф. 585, оп. 2, д. 962). Письмо написано чернилами.

Сергей Федорович Платонов (1860—1933) — историк, профессор Петербургского университета. Платоновым написана статья «Памяти В. О. Ключевского» («В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 94—99). На работу Платонова Ключевским была написана рецензия (В. О. К л ю ч е в с к и й. Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (СПб., 1888) — «Отчет о 31-м присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1890;

перепечатана в книге В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. М., 1914, стр. 388—405; он же. Соч., т. 7, стр. 439—453).

...13-й том «Р[усской] ист[орической] библиотеки». — В т. XIII РИБ (СПб., 1891) изданы памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени, собранные и отредактированные С. Ф. Платоновым и П. Г. Васенко.

64. П. В. ЗНАМЕНСКОМУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 10). Письмо написано чернилами с карандашной правкой. Датируется как ответ на письмо П. В. Знаменского от 6 июня 1892 г. (ГБЛ, ф. 131, п. 31, д. 94). Сохранился вариант этого письма (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147).

Петр Васильевич Знаменский (1836—1917) — профессор Казанской духовной академии, историк русской церкви.

«История К[азанской] д[уховной] академии». — Речь идет о книге П. В. Знаменского, изданной в 1892 г. в Казани.

...маленькое участие, какое мне пришлось принять в известном Вам деле... — Речь идет о присуждении докторской степени Знаменскому (см. его письмо Ключевскому от 6 июня 1892 г.).

65. П. П. ГВОЗДЕВУ

Печатается по подлиннику (Архив Академии наук СССР, ф. 640, оп. 1, д. 5). Письмо написано чернилами.

Белый — город в Смоленской губернии.

1893 г.

66. И. Е. ЗАБЕЛИНУ

Печатается по подлиннику (ГИМ, ф. 440, д. 59, л. 56—56 об.). Письмо написано чернилами.

Иван Егорович Забелин (1820—1908) — историк, археолог, коллекционер, один из организаторов Исторического музея в Москве. В архиве Ключевского сохранились наброски его статьи о Забелине (ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2) и проект речи к юбилею Забелина (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 39). Об отношении Ключевского к Забелину как историку см.: Р. А. К и р е е в а. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки, стр. 170, 185—187, 193.

...на Вашем юбилее... — В 1892 г. отмечалось 50-летие научной деятельности Забелина.

67. Н. Н. ФИРСОВУ

Печатается по подлиннику (ГИМ, ф. 449, д. 34, л. 42). Письмо написано чернилами.

Николай Николаевич Фирсов (1864—1934) — историк, профессор Казанского университета, председатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

...жду Вашей статьи о торгово-промышленных компаниях, чтобы доложить о ней Обществу. — Указанная статья Фирсова в «Чтениях ОИДР» напечатана не была.

68. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 5). Письмо написано чернилами.

69. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Печатается по публикации «Письмо профессора В. О. Ключевского к графу С. Д. Шереметеву» («Русский архив», 1913, кн. 9, стр. 343—344). Имеется черновик (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 25), написанный карандашом.

Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918) — граф, историк, председатель Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения, с 1900 г. член Государственного совета.

...из *Сергиева посада* ... см. примечание к письму 42.

...чтобы я «немножко поэкзаменовал» Вас по вопросу о царевиче *Димитрии*. — В архиве Ключевского хранится письмо Шереметева от 27 июля 1893 г. (ГБЛ, ф. 131, п. 34, д. 64), в котором он пишет, что не верит «в убийство царевича *Дмитрия* и убежден, что *Рострига* — истинный *Дмитрий*». В связи с этим он просил Ключевского поэкзаменовать его.

Буду ждать такого случая. — При публикации данного письма в «Русском архиве» Шереметев к этому месту сделал примечание: «Случай этот представился, В[асилий] О[сипович] выразил при этом, что почитает весь вопрос пока „открытым“».

70. И. Д. ДЕЛЯНОВУ

Печатается по подлиннику (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 961, лл. 23—24). Письмо написано чернилами. Имеется черновик (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 6), написанный карандашом.

Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — министр народного просвещения в 1882—1897 гг. Издал реакционный Устав об университетах (1884 г.), лишивший их автономии, которой они пользовались по уставу 1863 г.; в 1886 г. запретил прием на Высшие женские курсы; в 1887 г. ограничил прием в гимназии детей недворянского происхождения и установил процентную норму для евреев; был сторонником русификации национальных школ.

71. В. И. ГЕРЬЕ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 70, п. 46, д. 69). Письмо написано чернилами. Датируется годом смерти сына Герье.

72. М. С. КОРЕЛИНУ

Печатается по подлиннику (ЦГА г. Москвы, ф. 2202, оп. 1, д. 124). Письмо написано чернилами.

Михаил Сергеевич Корелин (1855—1899) — профессор Московского университета, историк-медиевист, читал лекции по всеобщей истории на Высших женских курсах, популяризировал научные знания, участвовал в работе Комитета грамотности.

...перед отъездом... — С 1 ноября 1893 по 1 апреля 1894 г. и с 20 декабря 1894 по 1 марта 1895 г. Ключевский читал в Абастумане (Грузия) курс политической истории в. кн. Георгию Александровичу.

Надежда Петровна — жена М. С. Корелина.

73. С. А. БЕЛОКУРОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 23, п. 7, д. 2). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «У Троицы в Академии. 1814—1914». М., 1914, стр. 683—684. Датируется на основании пометы.

Сергей Алексеевич Белокуров (1862—1918) — историк, археограф, архивариус Московского архива Министерства иностранных дел, казначей Общества истории и древностей российских. По инициативе Белокурова был собран и издан специальный том, содержащий ценные биографические данные о Ключевском, — «Василий Осипович Ключевский. Материалы для его биографии». Собрал С. А. Белокуров. М., 1914.

Николай Саввич. — Речь идет о Н. С. Тихонравове.

...утишило меня согласие Майкова... — Имеется в виду согласие Л. Н. Майкова — исследователя русской литературы, председательствовать на заседаниях Общества истории и древностей российских после смерти Н. С. Тихонравова (см. письмо Белокурова Ключевскому от 7 декабря 1893 г. — ГБЛ, ф. 131, п. 31, д. 19).

...постановление комиссии о рецензенте сочинения Любавского. — С. А. Бершадский. Рецензия на книгу «М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1893» («Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, отд. IV, стр. 1—26).

...что случилось с нашим Ю. Д. Филимоновым... — Имеется в виду «отчисление» Ю. Д. Филимонова от должности хранителя Оружейной палаты Кремля из-за подачи им докладной записки наследнику о неполадках в дворцовом управлении (см. письмо Белокурова Ключевскому от 7 декабря 1893 г. — ГБЛ, ф. 131, п. 31, д. 19).

Аполлон Александрович. — Речь идет об А. А. Майкове.

1894 г.

74. С. А. БЕЛОКУРОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 23, п. 7, д. 2). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «У Троицы в Академии», стр. 686—687. Датируется на основании пометы.

Понутру 30-го... — 30 января день именин В. О. Ключевского.

...препроводительное послание. — Речь идет о дружеском послании, которое было написано в старорусском стиле Белокуровым: «Далече ты, господине, от нас соуше в пределах Понта и Меотиды, в стране инихов, колхов и рода тавров живеши, обиче среде наше, господине, близь тебя соуше, вяпшего любовию оуязвляется и жадение зрети тя, господине, оутробоу наше оудолеешь» («У Троицы в Академии», стр. 685—686).

75. Е. С. НЕКРАСОВОЙ

Печатается по публикации в книге «Письма к Гвоздеву», стр. 125—126.

Екатерина Степановна Некрасова (1847—1905) — исследовательница русской литературы, учительница и деятель народного образования, член Общества любителей российской словесности.

Анна Степановна — сестра Е. С. Некрасовой.

76. М. С. КОРЕЛИНУ

Печатается по подлиннику (ЦГА г. Москвы, ф. 2202, оп. 2, д. 8). Письмо написано чернилами.

...о предостережении «Русской мысли». — Журнал «Русская мысль» получил второе предостережение за статью В. А. Гольцова «Социология на экономической основе», которая была опубликована на страницах журнала в ноябре 1893 г. (первое предостережение было получено в 1883 г.).

12 января — праздник Московского университета.

77. В. О. ШЕРВУДУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 34, д. 63). Письмо написано карандашом на письме Шервуда Ключевскому.

Владимир Осипович Шервуд (1833—1897) — архитектор, скульптор, живописец. По проекту Шервуда построены здание Исторического музея в Москве, памятник героям Плевны и другие. Среди его живописных работ есть портреты историков — В. О. Ключевского, И. Е. Забелина, Б. Н. Чичерина и др.

1895 г.

78. М. С. КОРЕЛИНУ

Печатается по подлиннику (ЦГА г. Москвы, ф. 2202, оп. 1, д. 125). Письмо написано чернилами.

...наша петиция... — Речь идет о петиции 42 профессоров Московского университета, которые ходатайствовали о возвращении в университет высланных из Москвы студентов (см. примечание к письму 80). В архиве Ключевского хранится адресованное ему письмо попечителя Московского учебного округа П. А. Капниста от 28 января 1895 г. (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 322), в котором он сообщает, что министр народного просвещения поручает ему (Капнисту) «поставить Вам, милостивый государь, в числе других профессоров, подписавших прошение, на вид неправильность Вашего поступка и объявить Вам, что он порицает Ваш образ действий».

...исключение четырех профессоров... — В письме от 22 января 1895 г. М. С. Корелин написал Ключевскому: «Пошел слух, что 4 профессорам (Герье, Остроумову, Тимирязеву¹ и Эрисману) грозит исключение, а другие разделены на 2 категории: «действовавших сознательно» и «нравственно изнасилованных», причём первые должны подвергнуться какой-то каре. Но слухи не оправдались...» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 147).

...ректор. — В 1893—1897 гг. ректором Московского университета был П. А. Некрасов.

...о темах по русской истории для народных изданий, о которых Вы пишете. — Корелин сообщил Ключевскому, что он (Корелин) выбран товарищем председателя редакционной комиссии при Комитете грамотности, который предполагает издать серию книг для народного чтения. В связи с этим он просил Ключевского составить программу по русской истории (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 147).

79. С. А. БЕЛОКУРОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 23, п. 7, д. 2). Письмо написано чернилами. Впервые опубликовано в книге «У Троицы в Академии», стр. 689—691.

...и карта, и поздравительное послание, и фотографический снимок. — Поздравительное послание от членов ОИДР было вложено в папку с фотографией с карт Кавказа 1703 и 1772 гг.

Элидифор Васильевич. — Речь идет об Е. В. Барсове.

80. Н. П. БОГОЛЕПОВУ

Печатается по подлиннику (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, разряд V, оп. К-75, № 1-5). Письмо написано чернилами.

Николай Павлович Боголепов (1846—1901) — профессор римского права Московского университета; в 1883—1887, 1891—1893 гг. — ректор Москов-

¹ В записках Н. П. Боголепова вместо К. А. Тимирязева назван А. И. Чупров («Русский архив», 1913, № 1, стр. 49).

ского университета, в 1895—1898 гг. — попечитель Московского учебного округа, в 1898—1901 гг. — министр народного просвещения; один из авторов «Временных правил» об отдаче студентов в солдаты за участие в студенческом движении; проводил реакционный курс усиления инспекции и подавления студенческих волнений.

Г. Г. Данилович — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Главного военно-учебного комитета, воспитатель Николая II и в. кн. Георгия Александровича.

Моя речь... вызвала прискорбное для меня недоразумение. — Ключевский имеет в виду свои выступления по поводу смерти царя Александра III, которые вызвали протест передового студенчества. Его речь была опубликована в «Чтениях ОИДР», 1894, кн. IV и вышла отдельной брошюрой (М., 1894). Студенты, руководимые И. И. Сворцовым-Степановым, составили из части тиража «2-е исправленное и дополненное издание» и разослали его по городской почте. На обороте заглавного листа речи Ключевского перед текстом был вклеен гектографированный листок с басней Фонвизина «Лисица-кознодей». 30 ноября 1894 г. студенты во время очередной лекции Ключевского преподнесли ему экземпляр «второго издания» и устроили демонстрацию. Этот инцидент был использован для расправы с неугодными студентами. По указанию педелей несколько человек были исключены из университета, трое из них арестованы. Подобное наказание вызвало протест со стороны студентов. В результате из Москвы было выслано 55 человек сроком на три года. Профессора Московского университета, в том числе Ключевский, ходатайствовали за студентов перед московским генерал-губернатором в. кн. Сергеем Александровичем. Петицию подписали 42 профессора (см. примечание к письму 78).

1896 г.

81. Н. А. РОЖКОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 546; фонд Н. А. Рожкова еще не обработан). Письмо написано чернилами.

Николай Александрович Рожков (1868—1927) — историк, ученик Ключевского.

1897 г.

82. А. Н. ПЫПИНУ

Печатается по подлиннику (ГПБ, ф. 621, д. 394). Письмо написано чернилами.

Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — историк русской и зарубежной литературы, член редколлегии, а затем в 1865—1866 гг. вместе с Н. А. Некрасовым ответственный редактор журнала «Современник»; с 1866 г. сотрудничал в журнале «Вестник Европы». Двоюродный брат Н. Г. Чернышевского.

...моя записка о Н. С. Тихонравове... — Имеются в виду воспоминания Ключевского о Тихонравове, позднее опубликованные в статье А. Н. Пыпина «Н. С. Тихонравов и его научная деятельность» («Вестник Европы», 1897, март, стр. 218—224; переиздано: «Сочинения Н. С. Тихонравова», т. 1. М., 1898, стр. LXXXIII—LXXIX).

...написать большое сочинение о «Слове о полку Игореве». — Тихонравов принадлежит к наиболее видным исследователям «Слова о полку Игореве». Им издан комментированный текст памятника (Н. С. Тихонравов. Слово о полку Игореве. М., 1866; 2-е изд., М., 1868). Он составлял словарь к Слово (ГБЛ, ф. 298, п. 1). Подробно о Слове он говорил и в курсе лекций по

древнерусской литературе (Н. С. Тихонравов. История древней русской литературы, 1882/83, литография, стр. 33—75). В архиве Ключевского, в связи с его занятиями у Тихонравова, сохранились «Заметки о языке» (60-е годы XIX в.), в том числе заметки о языке «Слова о полку Игореве» (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 25, 26).

83. Н. Н. ФИРСОВУ

Печатается по подлиннику (ГИМ, ф. 449, д. 39, л. 42). Письмо написано чернилами.

Рассмотренис Вашей диссертации... теперь окончено.— Ключевский выступил 25 мая 1897 г. официальным оппонентом на магистерском диспуте Фирсова («Русские ведомости», 26 мая 1897 г.). Сохранилась рукопись отзыва Ключевского на диссертацию Фирсова «Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в.» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 186).

...уважая память и ученые труды Вашего покойного отца.— Речь идет о Николае Алексеевиче Фирсове.

84. В. П. НИКОЛАЕВОЙ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 18). Письмо написано чернилами рукой Б. В. Ключевского — сына историка.

1899 г.

85. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 34, д. 64). Письмо написано карандашом. Данное письмо является ответом на письмо Шереметева от 7 января 1899 г. (хранится там же) с просьбой дать замечания на проект Общества ревнителей русского исторического просвещения издавать «Летопись русской исторической литературы».

86. Н. П. БОГОЛЕПОВУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 30, д. 22). Письмо написано карандашом. Датируется по упоминанию о студенческих выступлениях 1899 г., которые продолжают «третий месяц» (они начались в феврале 1899 г.) и по фразе «прощаясь с нами в прошедшем году перед отъездом в Петербург» (Боголепов в феврале 1898 г. в связи с его назначением министром народного просвещения переехал из Москвы в Петербург).

Там же имеется другой черновик этого письма. Кроме того, сохранились варианты письма (ГБЛ, ф. 131, п. 30, д. 22). Помещаем эти материалы:

«Прощаясь с нами в прошедшем году перед отъездом в Петербург, Вы высказали мне надежду найти нравственную поддержку со стороны профессоров Моск[овского] у[ниверсите]та на том трудном посту, на который Вы были тогда призваны. Настоящее письмо, с которым я беру решимость к Вам обратиться, примите за ответ на выраженное тогда Вами доверие ко мне как профессору, имевшему честь принадлежать к числу Ваших сослуживцев по Моск[овскому] у[ниверсите]ту. Не думаю сказать Вам ничего особенно важного¹; как нельзя более далек я от желания давать Вам какие-либо советы. Руководств[уем]ся...

¹ Далее зачеркнуто: всего более.

Следя за прискорбным развитием студенческих волнений в феврале и марте текущего года, и в аудиториях, и в домашних беседах воздерживая студентов от их увлечений, мы имели возможность заметить, что волнует их с особенной силой, и соображения, вынесенные из этих наблюдений, честь имеем предложить вниманию В[ашего] в[ысокопревосходитель]ства. Руководствуемся при этом единственно чувством долга, обязывающего преподавателей содействовать правительственным усилиям внести мир и порядок в глу-боко встревоженную среду пашей учащейся молодежи.

В строу университетской жизни, как по крайней мере стала она складываться в последние десятилетия в старейшем и многолюднейшем русском университете, необходимо признать неблагоприятные условия, которые особенно явственно вскрылись в недавних студенческих волнениях, поддерживали и усиливали, частью и подготовили их. Весьма желательны соответственные изменения в университетском порядке.

1. Безусловно необходимо при восстановлении нарушенного студентами правильного течения университетской жизни принять за неизменное правило, чтобы наиболее важные взыскания, каковы увольнение и исключение из университета, налагаемы были на виновников нарушения не иначе, как по приговору университетского суда¹. Никакими административными соображениями нельзя оправдать перед студентом бессудного удаления его из университета; студент не поймет этого оправдания, и ему неудобно разъяснять это. Гимназическая молодежь, вступая в университет с нравственными чувствами, еще не погнутыми житейским опытом, всего более возмущается и становится глуха к голосу благоразумия, когда на самом пороге зрелой жизни встречает произвол; об это разбивались самые настойчивые и убедительные увещания сохранять порядок, что профессора неоднократно имели случай испытать, обращаясь к студентам с такими увещаниями во время последних волнений.

2. Для дел, ведаемых в настоящее время правлением университета, о важных нарушениях студентами порядка и дисциплины² в стенах университета или вне его в случаях, указанных статьей 124 ныне действующего университетского устава, желательно учреждение особого университетского суда, состоящего из председателя — юриста, не принадлежащего к профессорской коллегии, и из нескольких заседателей, избираемых или назначаемых из состава этой коллегии. За инспекцией остаются предварительное расследование дела, а при разбирательстве в суде — прокурорские обязанности³. Ввиду этого подлежат пересмотру изданные министром народного просвещения правила 1885 г. о взысканиях за нарушение студентами их обязанностей и о порядке их наложения. Желательно, чтобы при этом пересмотре точнее определено было отношение проступков, совершаемых студентами, к видам взысканий, на них налагаемых университетским судом.

3. Университетским уставом 1884 г. предположены «в случае надобности» служители инспекции «для надзора за порядком в зданиях университета и для исполнения поручений инспектора и его помощников по наблюдению за поведением студентов вне означенных зданий» (ст. 50). Эти служители инспекции (педали) в мирном течении университетской жизни стали ближайшими надзирателями учебного прилежания студентов, а во время последних студенческих волнений оказались главными показателями благонравия и благонадежности учащейся университетской молодежи. Пользуясь первым значением, как одним из средств для зачета семестров, они облагали неисправных в посещениях лекций студентов поборами, а благодаря второму значению решали судьбу студентов, потому что их показаниям, часто ошибочным и

¹ *На полях:* См. § 4 и 5 П р а в и л о взысканиях за нарушения студентами их обязанностей, утвержден[ных] министр[ом] н[ародного] просвещения] 16 мая 1885 г. *Далее под сноской:* Наказ.

² *На полях:* по инстр[укции] инсп[екторов] § 26.

³ *На полях* *вопросительный знак.*

небеспристрастным, чему можно представить много доказательств, университетское начальство оказывало слишком доверчивое внимание в своих приговорах о студентах, замешанных в беспорядках. Если инспекция не может обойтись без этих теперь мало надежных органов надзора, их обязанности необходимо регулировать точной инструкцией, по крайней мере устранить их от всякого участия в зачете студентам полугодий, отменив самую запись посещения студентами избранных ими лекций как дидактическое средство, оказавшееся совершенно бесполезным и несоответствующим духу и целям университетаского преподавания.

4. Самое печальное значение в развитии студенческих волнений получило, по крайней мере в Московском университете, массовое¹ увольнение студентов, сопровождавшееся полиц[ейской] высылкой уволенных из Москвы. Основным руководством служат кондуктисные списки инспекции, которые составляются преимущественно по показаниям тех же педелей, не подлежат никакой проверке и не имеют прямого отношения к делам, за которые или по поводу которых те или другие студенты увольняются из университета. Настоящей причиной увольнения становится² не столько действительная точно установленная виновность, сколько предполагаемая неблагонадежность студента. При таком порядке³ неизбежны грубые ошибки, раздражающие несправедливости. Не берусь судить о юридической правильности и практической целесообразности такой меры, как увольнение с административной высылкой: рассчитанная на очищение студенчества от вредных элементов, она за дисциплинарные проступки подвергает наказанию много тяжелее дисциплинарного. Но близкому наблюдателю хорошо видно ее нравственное впечатление на студентов и на общество.

* * *

«... немногим дано. Большинство ищет истины и для ума и для сердца, ищет готовых формул, готовых ответов на животрепещущие вопросы. Бараны! Не наука, а свободные студенч[еские] организации могут удовлетворить. «Страшное, грандиозное недовольство царит среди студ[ентов]». Прямо, что ничем не дорожат в у[ниверсите]те и аудитории в арену борьбы и агитации. «У[ниверсите]т большинству ничего не дает, кроме диплома». Болтливое и дряблое поучение профессорам из общих фраз о свободной науке («готовые формулы»), свободном выборе научной области. Без нас самих Вы ничего не сделаете. 28 студентов разных фак[ультет]ов, даже бывших (филол[оги] Гейнике, Гирченко, Анисимов, Вл. Сперанский).

№ 25. Только автономная проф[ессорская] корпорация может регулировать и предотвращать волнения студ[ентов]! Не студенческая записка — общих мест много (с т у д е н т о в — ю р и с т о в)».

* * *

«Это — движение без цели, но со следствиями пробы силы, отражение общего глубокого недовольства, но без значительного, не знающего своих собствен[ных] причин, беспредметное болезненное настроение, еще не выяснившее своей болезни. Из порядка альтруизма: разучились любить каждого, стали любить в с е х вообще и никого в частности.

Итоги:

1. В чисто университет[ских] замешательствах без полит[ических] целей совсем устранить полицию и отстраниться от ее содействия, обходясь своими универ[ситетскими] средствами внутренними.

¹ Над строкой: огульное.

² Над строкой: была.

³ Далее зачеркнуто: этом.

2. Удалить при пересмотре устава от студента все, что заставляет его чувствовать себя школьником и этим чувством помогает ему оправдывать в своих собственных глазах свои школьнические поступки. Пусть привыкает сам обдумывать свои действия и знать, что никто кроме его самого за них не отвечает. Ст[уден]ту оставить, чтобы он себя в сфере напряж[енной] мысли и строгой правды¹.

НВ. Получилось впечатление погрома, повергающее в состояние расстрелянного ожесточения с решимостью на все, что бы ни случилось».

* * *

«... надзор располагает к школьным уловкам и равнодушному отношению к университету, другой вызыв[ает] от[рицательные] наклон[ности] к оппозиции и оба вместе обижают и раздражают, т. е. портят². Текущими вопросами³ дня становятся заботы о взносе платы⁴, о взятке педделю за прикрытые пропущенных лекций, т. е. об уплате штрафа за своевольн[ое] употребление⁵ уже оплаченного товара⁶, о том, чтобы не попасть в карцер за неосторожное слово, не комплектный костюм, или не подвергнуться полиц[ейскому] обыску и аресту за бесцензурную брошюрку, участие в товарищеской вечеринке и т. п.⁷ Среди этой двусторонней борьбы с педделем и полицейским аудиторией для многих постепенно отходит на второй план, теряет свою притягательную силу, становится дополнительным средством для получения⁸ свидетельства о зачете восьми или десяти семестров. Между тем умственные и нравственные интересы⁹ приходя[ют] в бездей[ствие]⁹; образовательные¹⁰ обязанности и работы превращаются в учебные¹¹ повинности и экзаменные мытарства. Но возраст берет свое: юношеская потребность полноты жизни ищет средств наполнить гнетущую, тоскливую пустоту. Через эту потребность и проникают в студенческую среду разные веяния и влияния, которые в свежих¹² и неопытных умах быстро перерабатываются в неосторожные увлечения, если носят на себе сколько-н[ибудь] заметную печать умственной или нравственной силы, глубокой научной теории или высокого гражданского долга¹³. Эти влияния сами по себе не всегда опасны, иногда даже почтенны; но они¹⁴ преждевременны, отвлекают его от ближайших приготовительных занятий, бросают его ум к последним словам науки раньше, чем он успел усвоить первые. Тоже и с общественными увлечениями — они воспринимаются тем охотнее, что дают ст[уден]ту возможность обманчиво успокоить свою ропщущую студенческую совесть мыслью, что хотя он и не совсем исправный студент, но зато вполне корректный гражданин. Не в этой ли потребности надобно искать разгадки и той магической силы, с какою взбудоражила молодежь стольких вышних школ идея всероссийского студенческого товарищества, этой своего рода allgemeine russische Burschenschaft¹⁵, идея, столь нечаянно выросшая из перенесенного в университетскую аудиторию прие-

¹ Так в рукописи.

²⁻² Взято в лиловые скобки.

³ Над строкой: злобами.

⁴ Над зачеркнутым: гонорара.

⁵ Над строкой: отказ от.

⁶ Далее зачеркнуто: семестр; дневного провианта.

⁷ Далее зачеркнуто: выпускн[ого].

⁸ Далее зачеркнуто: мотивы замолкают.

⁹ Далее зачеркнуто: научные интересы заменяются зачетными расчетами.

¹⁰ Над строкой лиловым карандашом: учебные.

¹¹ Над строкой лиловым карандашом: аудиторные.

¹² Над зачеркнутым: горящих.

¹³ Над строкой: подвига.

¹⁴ Далее зачеркнуто: не полезны для студентов, потому что.

¹⁵ всеобщее русское студенческое товарищество (нем.).

ма¹ фабрично-рабочей оппозиции? Все же это был нравственный мотив, ожививший истомленное унынием и бездействием² нравственное чувство.

Так я пошимаю современного студента. По моему крайнему убеждению, он вовсе не опасен, а только беспомощен, нуждается в наставническом руководстве и отеческом нагонии, а не в педельском надзоре и полицейской экзекуции».

... на том трудном посту... — Речь идет о назначении Боголепова министром народного просвещения.

Пишу о деле ... общей тревоги. — Речь идет о студенческом движении 1899 г.

87. Н. П. БОГОЛЕПОВУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 30, д. 21). Письмо написано карандашом; имеется правка, сделанная рукой Б. В. Ключевского.

1900 г.

88. В. В. ХОЛМОВСКОМУ

Печатается по копии В. Н. Бочкарева (ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 34, лл. 55—62). Данное письмо является ответом на письмо Холмовского от 1 декабря 1900 г. (ГБЛ, ф. 131, п. 34, д. 55), где последний описывает празднование 100-летнего юбилея Пензенской духовной семинарии и сетует на то, что книги Ключевского «имеют метеорный характер, едва появятся, как тотчас исчезают».

... ты приглашал меня ... на праздник нашей родной семинарии... — Празднование 100-летнего юбилея Пензенской духовной семинарии, основанной 16 июня 1800 г., происходило 25—27 ноября 1900 г. («Пензенские епархиальные ведомости», 1901, № 1. Затем вышло специальное издание «1800—1900. Столетний юбилей Пензенской духовной семинарии». Пенза, 1901. О Ключевском см. стр. 67—68).

... с целой литературой обо мне грешном. — До 1900 г. появились заметки и статьи о Ключевском в следующих пензенских изданиях: «Памятная книжка Пензенской губернии на 1869 г.»; «Пензенские епархиальные ведомости», 1877, № 13; «Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 г.»; там же на 1892 г.; «Пензенские губернские ведомости», 19 марта 1897 г. «Памятная книжка Пензенской губернии на 1900 г.». Регулярно появлялись статьи и заметки о Ключевском и после 1900 г.

... в исторической записке ... А. И. Троицкого. — Первоначально она была издана в виде приложения к «Пензенским епархиальным ведомостям», затем вышла отдельным изданием: А. Т р о и ц к и й. Пензенская духовная семинария за истекший столетний период ее существования (1800—1900 гг.). Историческая записка. Пенза, 1901.

... в статейке А. Ф. Селиванова. — Речь идет о статье А. Ф. Селиванова «В. О. Ключевский» («Пензенские губернские ведомости», 27 ноября 1900 г.).

... рядом с Н. И. Ильминским ... просветителем инородцев русского Востока. — О Н. И. Ильминском см. примечание к письму 32.

Я очень здоровый человек... — Это подтверждает в своих воспоминаниях М. М. Богословский: «Василий Осипович был богатырь по своей физической природе. Правда, он не производил такого впечатления при первом взгляде. Худощавый, необыкновенно живой и подвижный, своею подвижностью как бы отражавший гибкость одушевлявшей его мысли, он не казался обладателем

¹ Над строкой: сами назыв[ают] извращ[енной] формой движения студентч[ества].

² Над строкой лиловым карандашом: скукой.

большой физической силы; но его организм скрывал в себе неистощимый запас здоровья, позволявший ему развивать такую поразительную работоспособность. Провести целую ночь напролет без сна за письменным столом, а иногда и в оживленной беседе с друзьями, превзойти при этом бодростью и оживлением окружающую молодежь — затем, отдохнув час-другой, прочесть полную вдохновения и огня лекцию, и это на седьмом десятке лет, было для него обыкновенным делом» (М. М. Богословский. В. О. Ключевский, как ученый. — В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания, стр. 28).

Николай Васильевич Благо разумов — церковный писатель, в 1869—1879 гг. ректор Московской духовной семинарии; окончил Пензенскую духовную семинарию в 1857 г.

...*ректор*.— Речь идет о протоиерее П. А. Поздневе — ректоре Пензенской духовной семинарии с 1894 г. До этого преподавал арабский и татарский языки, логику и психологию в Оренбургской духовной семинарии.

...*не стану отговаривать тебя от задуманного переселения на Кавказ*.— Холмовскому предлагали место мирового судьи в Сухуми.

1900—1901 гг.

89. В АКАДЕМИЮ НАУК

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 44). Письмо написано карандашом. Датируется по упоминанию об издании грамот Коллегии экономики. 25 октября 1900 г. А. С. Лаппо-Данилевский на заседании Историко-филологического отделения АН изложил «план издания архивных документов XVI—XVIII вв.», в котором обратил внимание на важное научное значение собрания грамот Коллегии экономики, предложив приступить к их изданию. 21 марта 1901 г. Историко-филологическое отделение постановило приступить к их изданию. Ведение дела было поручено Лаппо-Данилевскому («Сборник грамот Коллегии экономики», т. 1. Пб., 1922, стр. 1—20).

1902 г.

90. Я. Л. БАРСКОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 16, п. III, д. 9). Письмо написано чернилами.

Яков Лазаревич Барсков (1863—1937) — историк, ученик Ключевского, редактор журнала «Искусство и наука». После смерти Ключевского Барсковым была снята копия с его рукописного архива, которая хранится в фонде Ключевского (ф. 131) в ГБЛ. В 1921 г. Барсковым впервые была опубликована V часть «Курса русской истории» Ключевского (подробнее см.: В. О. Ключевский. Соч., т. 5, стр. 403 и сл.).

Едва свалив с плеч «Думу»...— Имеется в виду 3-е «пересмотренное» издание работы Ключевского «Боярская дума древней Руси». М., 1902.

...*самобратия*» *В[арсуковыз]*...— Речь идет об Александре, Иване и Николае Платоновичах Барсуковых.

...*Вы писали мне о своем деле с Хрущовым*.— Историк древнерусской литературы И. П. Хрущов предложил Барскову составить книгу по русской истории для «малолителлигентной» публики, однако «не для простонародья».

...*финляндское дело* — см. примечание к письму 91.

Ольга Яковлевна — жена Я. Л. Барскова.

91. В. К. ПЛЕВЕ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 21, л. 3—3 об.). Письмо написано чернилами с карандашной правкой. Здесь же хранятся варианты.

Вячеслав Константинович Плев (1846—1904) — государственный деятель; с 1899 г. — министр, статс-секретарь Финляндии; с 1902 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов; был убит эсером Е. С. Сазоновым.

...*составление обещанного плана по истории Финляндии.* — По заданию Плева Ключевский должен был собрать материалы по истории Финляндии.

...*и одного из них наметил было себе в ближайшие сотрудники.* — Имеется в виду Я. Л. Барсков (см. письмо 90).

92. Н. Ф. ДУБРОВИНУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 7). Текст напечатан на машинке.

Николай Федорович Дубровин (1837—1904) — историк, генерал-лейтенант, непреходящий секретарь Академии наук с 1893 г.

...*продолжать издание, начатое по мысли и под руководством покойного Н. В. Калачова.* — Имеется в виду издание «Доклады и приговоры правительствующего Сената в царствование имп. Петра Великого».

93. А. П. ЧЕХОВУ

Телеграмма (телеграфный шрифт) (ГБЛ, ф. 331, п. 65, д. 3-б). Опубликована в комментариях к изданию: А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. XIX (VII). М., 1950, стр. 547.

Бенефис Ф. И. Шалапина — состоялся в Большом театре 3 декабря 1902 г. Н. Д. Телешов впоследствии вспоминал, что по окончании спектакля «состоялся ужин в ресторане Тестова, почти напротив театра. Участвовало много народу по приглашению, человек до ста. Много здесь было всяких речей и выступлений, но особенно значительной была речь знаменитого историка, профессора Василия Осиповича Ключевского, который рассказал, как готовился к своим ролям Шалапин, как просил он помочь ему уяснить образы Годунова и Грозного, психологию этих образов, как он вдумчиво вникал во все и как работал, как просиживал часами в Третьяковской галерее перед полотном Репина, перед фигурой грозного царя, думая глубокие думы. Этого никто не знал [...]» (Н. Т е л е ш о в. Артисты и писатели. — В кн.: «Записки писателя». М., 1950; перепечатано: «Федор Иванович Шалапин», т. 2. М., 1958, стр. 251—252). Однако Н. Д. Телешов допустил неточность: Ключевский помогал Шалапину работать над образами Бориса Годунова и Досифея («Хованщина»), а не Ивана Грозного (ср. Ф. И. Ш а л а п и н. Страницы из моей жизни. — В кн.: «Федор Иванович Шалапин», т. 1. М., 1957, стр. 146).

94. С. Ф. ПЛАТОНОВУ

Печатается по подлиннику (ГПБ, ф. 585, оп. 2, д. 962). Письмо написано чернилами. Имеется черновик (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 20), написанный карандашом.

...*Комитет Общества Санкт-Петербургских Высших женских курсов.* — С 1898 г. Платонов был руководителем Петербургских высших женских курсов.

95. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Печатается по черновику, написанному чернилами рукой Б. В. Ключевского (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 25). Датируется по упоминанию об аресте П. Н. Милюкова. См. также примечание к дневнику от 1 декабря 1902 г. ... *моя старинная ученица*. — Речь идет об А. С. Милюковой (урожд. Смирнова); см. о ней примечание к письму 55.

Борис Ключевский — см. примечание к письму 118.

1903 г.

96. [П. Н. МИЛЮКОВУ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 17). Письмо написано карандашом. Датируется по времени освобождения Милюкова из тюрьмы.

Павел Николаевич Милюков (1859—1943) — историк, ученик Ключевского, публицист, буржуазный политический деятель, лидер партии кадетов. Милюков оставил воспоминания о Ключевском (П. Н. М и л ю к о в. В. О. Ключевский. — «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 183—217; о н ж е. Воспоминания (1859—1917), т. 1. Нью-Йорк, 1955). В архиве Ключевского сохранился его отзыв на диссертацию Милюкова, который впервые был опубликован в 1959 г. (В. О. К л ю ч е в с к и й. Соч., т. 8, стр. 177—183).

«Кресты» — название одиночной петербургской тюрьмы, состоявшей из двух крестообразных корпусов.

...*предварительная беседа*. — Речь идет о беседе министра внутренних дел В. К. Плеве, к которому обращался Ключевский с просьбой об освобождении Милюкова (см. дневник от 1 декабря 1902 г. и примечание), с Милюковым во время его заключения в тюрьме.

Удельная — станция недалеко от Петербурга.

97. В. В. ХОЛМОВСКОМУ

Печатается по копии В. Н. Бочкарева (ЦГИАЛ СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 37, л. 65). Датируется по фразе: «*Научное слово*» ... выходит с января текущего года».

«Научное слово» — ежемесячный научно-популярный журнал, который выходил в 1903—1905 гг.

«Задачи научной популяризации» — данную статью Ключевского см. «*Научное слово*», 1903, кн. 1, стр. 7—12.

98. Я. Л. БАРСКОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 16, п. III, д. 9). Письмо написано чернилами.

...*диссертация Кизеветтера*... — Ключевский был официальным оппонентом магистерской диссертации А. А. Кизеветтера «Посадская община в России XVIII в.» (описание диспута см.: «Русские ведомости» 19 декабря 1903 г. и «Исторический вестник», 1904, февраль, стр. 803). Кизеветтер оставил воспоминания о Ключевском (А. А. К и з е в е т т е р. В. О. Ключевский, как преподаватель. — «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 164—176; о н ж е. На рубеже двух столетий. Прага, 1929, и др.).

Ваши переговоры с Панч[енко]. — Вероятно, речь идет об А. К. Панченко — впоследствии издатель еженедельного журнала «Знание и жизнь» (СПб., 1905).

Список трудов А. Н. Пыпина... — Я. Л. Барсков. Список трудов академика А. Н. Пыпина. 1853—1903. СПб., 1903.

Список мною написанного... — Речь идет о списке трудов Ключевского, который составлял Я. Л. Барсков. Впоследствии он был опубликован в книге «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому...». М., 1909.

Лица. — Речь идет о племяннице и воспитаннице Ключевского Ели: завете Приклонской (в замужестве Верещагиной).

1904 г.

99. [С. Ф. ПЛАТОНОВУ]

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 20, лл. 2—3). Письмо написано чернилами, дата карандашом.

Слова, выписанные Вами из «Боярской думы»... — Имеется в виду следующая фраза: «Они (вопросы. — Ред.), как видно по их изложению, были написаны или продиктованы самим 21-летним царем...» (В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 7. М., 1909, стр. 456; см. также С. Ф. Платонов. К истории московских земских соборов. — В кн.: С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории, изд. II. СПб., 1912). Платонов отрицал также существование Земского собора 1550 г., на котором якобы выступил Иван Грозный (там же, стр. 201).

1905 г.

100. Н. М. БОРОДИНУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 4). Письмо написано карандашом на узкой полосе бумаги. Инициалы и сокращенная фамилия адресата написаны красным карандашом.

Николай Михайлович Бородин (ок. 1844—ок. 1918) — старший бухгалтер Петербургского железнодорожного узла, брат жены Ключевского.

А[нна] С[ергеевна] — Речь идет об А. С. Милюковой.

101. Д. Ф. ТРЕПОВУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 33). Письмо написано карандашом. Датируется по письму 100, в котором идет речь о письме Ключевского Трепову.

Дмитрий Федорович Трепов (1855—1906) — государственный деятель; в 1896—1905 гг. — московский обер-полицмейстер, с 11 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, с апреля 1905 г. — товарищ министра внутренних дел.

Мне сообщили, что г-н Милюков арестован. — В связи с арестом Милюкова в 1905 г. В. И. Ленин писал: «В воскресенье, 7-го августа, один из вождей умеренного крыла освободителей или «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии, г. Милюков, арестован под Питером вместе с десятком его политических коллег. Их хотят преследовать за участие в «Союзе союзов». Их, вероятно, скоро выпустят, но двери Думы для них легко будет закрыть: стоит объявить их «привлеченными к следствию или суду!»...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 183—184).

1906 г.

102. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Печатается по тексту газеты «Русские ведомости» 9 апреля 1906 г. В архиве Ключевского хранятся машинописные варианты письма (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 47).

«Русские ведомости» — общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. В газете сотрудничали либеральные профессора Московского университета; с 1905 г. она превратилась в орган правого крыла партии кадетов. По определению В. И. Ленина, газета сочетала «правый кадетизм с народническим папетом» (Полн. собр. соч., т. 23, стр. 193).

...*вступить в Государственный совет не намерен.*—10 апреля 1906 г. Ключевский был избран в члены Государственного совета от Академии наук и девяти университетов. Однако он отказался от звания члена Государственного совета, как сообщила газета «Речь» (13 апреля 1906 г.) «по семейным обстоятельствам, а также по политическим убеждениям» (см. также письмо 103).

103. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Печатается по тексту газеты «Русские ведомости» 16 июня 1906 г. В архиве Ключевского хранится черновик письма (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 48), написанный карандашом. Датируется на основании черновика, где дата поставлена рукой Ключевского.

...*в самый день закрытия избирательного съезда 15 апреля.*— Видимо, описка Ключевского, повторенная и в черновике и в печатном тексте газеты; последнее избирательное собрание состоялось 12 апреля 1906 г., а 13 апреля 1906 г. газета «Речь» уже сообщала об отказе Ключевского от звания члена Государственного совета.

...*одного из профессоров Петербургского университета.*— Речь идет о профессоре И. Я. Фойницком.

104. А. Ф. КОНИ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 59, л. 1 в тетради, названной Ключевским «Справочная тетрадь о Петре»). Письмо написано карандашом. В Департаменте полиции была произведена перлюстрация этого письма (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 171, д. 67, л. 82).

Анатолий Федорович Кони (1884—1927) — известный юрист, общественный деятель, член Государственного совета. Кони оставил воспоминания о своих современниках, в том числе о Ключевском (А. Ф. К о н и. Воспоминания о В. О. Ключевском. — «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 145—163).

Известие о вступлении Вашем в Мин[истер]ство Столыпина.— В 1906 г. Кони был предложен портфель министра юстиции. Не желая служить реакции, Кони отказался от этого поста.

105. В КОМИССИИ ПО ПРИСУЖДЕНИЮ ПРЕМИЙ УВАРОВА ПРИ АКАДЕМИИ НАУК

Печатается по подлиннику (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 2, оп. 1906, д. 20, л. 58). Машинопись; звание, подпись и дата написаны чернилами рукой Ключевского.

106. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «Р[УССКИЕ] В[ЕДОМОСТИ]»

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 46). Письмо написано карандашом. Датируется по содержанию.

Прочитав в Вашей газете отчет о заседании.— Отчет о заседании Московского губернского дворянского собрания 15 декабря, исключившем Ф. Ф. Кошкина из своей среды за подписание «Выборгского воззвания» и за его членство в партии кадетов, был опубликован в «Русских ведомостях» 17 декабря 1906 г.

«Выборгское воззвание». — После роспуска I Государственной думы на совещании в Выборге 9—10 (22—23) июля 1906 г., куда съехалось около 200 главным образом кадетских депутатов, было принято воззвание, которое призывало до созыва новой Думы оказывать правительству «пассивное сопротивление» — не платить податей, не давать рекрутов, не признавать займы, заключенные без согласия Думы.

Павел Дмитриевич Долгоруков — князь, председатель ЦК кадетской партии, за подписание «Выборгского воззвания», так же как и Ф. Ф. Кокошкин, был исключен из среды дворян московским дворянским собранием.

1908 г.

107. Я. Л. БАРСКОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 16, п. III, д. 9). Письмо написано чернилами.

... *составленный Вами список статей...* — Речь идет о списке печатных работ Ключевского (см. примечание к письму 98).

108. Я. Л. БАРСКОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 16, п. III, д. 9). Письмо написано чернилами.

... *об избрании моем в почетные члены...* — 3 ноября 1908 г. Ключевский был, по свидетельству А. Ф. Кони, единогласно избран в почетные академики даже без баллотировки (А. Ф. Кони. Воспоминания о В. О. Ключевском. — «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 161).

... *президенту Академии К[онстантину] Р[оманову]*... — Имеется в виду в. кн. Константин Константинович — президент Академии наук с 1889 г.

109. А. Ф. КОНИ

Выдержка из письма. Печатается по статье: А. Ф. Кони. Воспоминания о В. О. Ключевском. — «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 162—163. Дата взята из публикации.

«*Отрывки из воспоминаний*». — Имеется в виду: А. Ф. Кони. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля («Русская старина», 1907, № 2, 10, 12; 1908, № 3, 11, 12).

1909 г.

110. СЕРГЕЮ АЛ-ЧУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 31). Письмо написано карандашом, дата — синим карандашом.

111. Р. Ю. ВИППЕРУ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 14). Машинопись с карандашной правкой, дата и место написаны карандашом.

Роберт Юрьевич Виппер (1859—1954) — историк, профессор всеобщей истории Московского университета. Виппер написал о Ключевском статью «Памяти великого учителя (В. О. Ключевского)» («Русские ведомости», 17 мая 1911 г.).

112. Я. Л. БАРСКОВУ

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 16, п. III, д. 9). Письмо написано чернилами.

Нестор Александрович. — Речь идет о Н. А. Котляревском.

113. М. К. ЛЮБАВСКОМУ

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 14). Машинопись с карандашной правкой. Письмо датируется по упоминанию о поздравлениях по поводу 30-летия научной деятельности Ключевского, которое отмечалось 5 декабря 1909 г.

Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936) — историк, ученик Ключевского, профессор и ректор (1911—1917 гг.) Московского университета. Любавский — автор воспоминаний о Ключевском («Василий Осипович Ключевский» и «Соловьев и Ключевский»). — В кн.: «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 5—25, 45—58).

114. А. Ф. КОНИ

Печатается по черновику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 12). Письмо написано карандашом. Отрывок из этого письма опубликован А. А. Зиминным («Пушкину тридцать пять лет» — «Неделя», 1962, 30 сентября — 6 октября, № 40, стр. 15).

... *собственноручных записок Н. М. Смирнова*... — В архиве Ключевского сохранился дневник сенатора Н. М. Смирнова, отрывок из которого был опубликован А. А. Зиминным («Пушкину тридцать пять лет» — «Неделя», 1962, 30 сентября — 6 октября, № 40, стр. 15). Записки Смирнова были использованы Ключевским при написании в конце 1910—1911 гг. статьи «Отмена крепостного права» к 50-летию падения в России крепостного права. Эта статья — последнее произведение Ключевского, осталась незавершенной. Впервые была опубликована в 1958 г. (В. О. К л ю ч е в с к и й. Соч., т. 5, стр. 371—394, 463—470).

1910 г.

115. С. П. МЕЛЬГУНОВУ

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 474, л. 2—2 об.). Письмо написано чернилами.

Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) — историк журналист, в 1900—1910 гг. сотрудничал в газете «Русские ведомости».

Тема намеченной для сборника статьи... — Речь идет о подготовке издания, посвященного 50-летию падения крепостного права (см. также письмо 116 и примечание к письму 114).

116. А. Ф. КОНИ

Печатается по подлиннику (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, д. 777). Письмо написано чернилами. Имеется черновик (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 5, д. 12), написанный карандашом.

1911 г.

117. П. Н. МИЛЮКОВУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 32, д. 70). Письмо написано карандашом. Датируется по штампу на конверте письма Милюкова Ключевскому от 4 февраля с просьбой написать для газеты «Речь» статью к юбилею 19 февраля 1861 г. На обороте этого письма Ключевский набросал черновик ответа.

«Речь» — ежедневная политическая и литературная газета, орган конституционно-демократической партии, выходившая в Петербурге с февраля 1906 по август 1918 г. под редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена. В. И. Ленин характеризовал «Речь» как газету капиталистов, занимающуюся подлыми инсинуациями против социалистов (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 125).

Еще на похоронах Муромцева... — С. А. Муромцев умер в ночь с 3 на 4 октября 1910 г.

...редактор «Р[усских] вед[омостей]»... — Речь идет о В. М. Соболевском.

118. Б. В. КЛЮЧЕВСКОМУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 10). Письмо написано карандашом. Подчеркивания в тексте красным карандашом. Датируется условно на основании слов «едва ли выйду из лечебницы раньше пасхи», которая началась в 1911 г. 10 апреля.

Борис Васильевич Ключевский (6 декабря 1869 — 1944) — сын Василия Осиповича Ключевского.

Стор[оженко] сказал ... — Речь идет о В. А. Стороженко, в хирургической лечебнице которого лежал Ключевский.

...что же я буду предлагать в факультете? — Речь идет о замещении кафедры на историческом факультете Московского университета вместо заболевшего Ключевского. Преемником Ключевского на кафедре русской истории стал М. М. Богословский.

За кандидатуру Кизеветтера выскажутся двое-трое... — В архиве Ключевского хранится следующая характеристика Кизеветтера, написанная Ключевским карандашом, название написано синим карандашом (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 188):

«8 февр[аля] 1910 г.

Представление Кизеветтера

Чсть имеем рекомендовать историко-филологическому факультету приват-доцента А. А. Кизеветтера для замещения¹ экстраординатуры по кафедре русской истории.

Приват-доцент Кизеветтер, окончив курс в Московском университете в 1888 г. со степенью кандидата, был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории со стипендией из сумм Министерства народного просвещения. В 1893 г. он выдержал испытание на степень магистра русской истории, через 10 лет в 1903 г. защитил магистерскую диссертацию под заглавием «Посадская община в России XVIII ст.», а в 1909 г. диссертацию на степень доктора русской истории под заглавием «Городовое положение Екатерины II 1785 г.» Рассмотрев первое из этих обширных исследований, историко-филологический факультет признал, что в нем на основании огромного материала, не только печатного, но и неизданного архивного, автору удалось «составить ясное и отчетливое изображение посадской общины XVIII в., воссоздать яркий, вполне жизненный и законченный ее образ». Столь же высоко оценено было факультетом научное значение и второго исследования, составившего продолжение первой диссертации, в которой история русской посадской общины была до-

¹Далее зачеркнуто: свободной.

ведена до последней четверти XVIII в., до введения муниципальной реформы в царствование Екатерины II. В «Опыте исторического комментария», как назвал автор свое исследование о Городовом положении 1785 г., он впервые в нашей исторической литературе выяснил, тоже с помощью тщательного изучения значительного архивного материала, ход выработки этого законодательного акта, положенного в основу нового городского устройства, его иноземные и отечественные источники¹ и его применение в царствование Ек[атерины] II. В этих разысканиях автор, по признанию факультета, «дал образцы тонкого критического анализа, отчетливой группировки и изложения исторического материала». В том и другом исследовании автор возбуждает много мало тронутых в литературе вопросов нашей истории и на основании совсем нетронутого [материала]. Работая в продолжение 15 лет над обеими диссертациями, приват-доцент Кизеветтер поместил в разных изданиях до 20 статей по древней и новой русской истории, из коих некоторые² представляют целые исследования, а большинство — популярные, но основанные на самостоятельном и тщательном изучении фактов очерки.

Со времени окончания университетского курса (началась и преподавательская деятельность приват-доц[ента] Кизеветтера. Он преподавал историю³ в средних и некоторых высших учебных заведениях г. Москвы. В 1898 г. по прочтении пробных лекций он был утвержден приват-доцентом Московского университета по русской истории и с того времени доселе читает в⁴ университете общие и специальные курсы⁵ и ведет по поруч[ению] ф[акультета] практические занятия со студентами по русской истории⁶. Факультет, хорошо⁷ зная г-на Кизеветтера как прекрасно образованного, опытного и талантливого преподавателя, в минувшем академическом году поручил ему обязательный курс по новейшей русской истории. Два капитальные исследования по русской истории и 21 год преподавательской деятельности, из коих 11 лет посвящены Московскому университету, смеем думать, достаточно ручаются за то, что в г-не Кизеветтере факультет приобретет испытанного и вполне надежного сотрудника.

Як. — Имеется в виду Я. Л. Барсков.

... *сборник юбилейный Платонову.* — Имеется в виду сборник статей «Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911.

Письмо Люб[авскому] посылаю. — Вероятно, речь идет о письме 119.

119. М. К. ЛЮБАВСКОМУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 15). Письмо написано карандашом. Датируется условно на основании фразы в письме 118: «Письмо Люб[авскому] посылаю».

Лева. — Лев Сергеевич Бородин, сын С. М. и Е. А. Бородиных, врач-терапевт.

120. Б. В. КЛЮЧЕВСКОМУ

Печатается по черновику (ГБЛ, ф. 131, п. 24-а, д. 10). Письмо написано карандашом на узкой полосе бумаги. Подчеркивания в тексте красным карандашом. Датируется по содержанию.

¹ *Далее зачеркнуто:* способы.

² *Далее зачеркнуто:* например, «Иван Грозный и его оппоненты».

³ *Над строкой:* [истори]ч[еские] науки. *Далее зачеркнуто:* и географию в гимназических классах Лазаревского института восточных языков и в других учебных заведениях, читал курсы по русской истории на коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц и на Высших женских курсах в Москве.

⁴ *Над зачеркнутым:* при.

⁵ *Внизу вставка:* перечень ... и одновременно вел... (*отточия Ключевского*).

⁶ *Далее над строкой:* Вставка.

⁷ *Над строкой:* увидав.

Раздел II

ДНЕВНИКИ И ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1861—1866 гг.

Записи 1861 и 1862 гг. печатаются по подлиннику (ГПИБ, ф. Ключевского). Текст написан чернилами на двойном листе светло-серо-голубого цвета.

1861 г.

21 о к т [я б р я]

«Пряди, моя пряза!...» — начальные слова русской народной песни.

14 н о я б [р я]

Небукаднцар — иное написание имени Навуходоносор.

1862 г.

9 м а р т а

... к «подземной работе зиждательных сил жизни», как говорит Григ[орьев]. — Цитата из работы А. А. Григорьева «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (А. Г р и г о р ь е в. Собр. соч., вып. 2. М., 1915, стр. 71).

18 и ю л я

... *славны бубны за горами!* — русская народная пословица (В. И. Д а л ь. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 353). 2 июля 1862 г. был арестован Д. И. Писарев, 7 июля — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич.

1865 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 125, лл. 5—6). Текст написан чернилами на сложенных листах.

1866 г.

Печатается по подлиннику (ГПИБ, ф. Ключевского). Текст написан чернилами на сшитых от руки листах светло-зеленого цвета.

14 а п р [е л я]

Мне знаком о н... — Очевидно, речь идет о Д. В. Каракозове, который 4 апреля 1866 г. совершил покушение на Александра II. Ключевский мог быть знаком с Каракозовым еще по Пензе. А. И. Яковлев свидетельствовал, что «в студенческом кружке пензяков, к которому естественно примкнул Ключевский, он пришел в соприкосновение с будущими террористами каракозовцами. Брат Каракозова, стрелявшего позднее в императора Александра II, был даже пензенским учеником Ключевского по латинскому языку. Но попытка втянуть Ключевского в ряды каракозовцев... была пресечена одним из виднейших участников кружка — Ишутиным. Ишутин твердо заявил: «Вы его оставьте! У него другая дорога. Он будет ученым», — чем и показал свою прозорливость» (А. И. Я к о в л е в. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», № 6. Саранск, 1946, стр. 100).

...самодовольно выходит на площадь... — Речь идет о псевдопатристических манифестациях, которые устраивались в связи с «чудесным» спасением Александра II от выстрела Каракозова. Ключевский возмущается тем, что в этих манифестациях принимала участие часть интеллигенции и учащейся молодежи (см. следующую запись).

[Между 14 апреля и 7 мая]

Датируется условно на основе предшествующей и последующей записей.

А вот и интеллигенция! — Тема об интеллигенции волновала Ключевского на протяжении всей жизни. В его архиве сохранилось несколько набросков разных лет по этому вопросу (например, ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 172, 56).

ДНЕВНИК 1867—1877 гг.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 4, д. 1). Текст написан чернилами на сшитых от руки листах.

1867 г.

9 июля

В Риге сказывается речь высочайшая о единении с русской семьей... — Имеется в виду речь Александра II, произнесенная им в Риге 15 июня, которую он посетил проездом при возвращении с Парижской всемирной выставки.

«Весть». Газета политическая и литературная — издавалась в Петербурге в 1863—1870 гг. Издатели и редакторы В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов (1863—1867).

29 июля

«...Когда народы, распри позабыв,

В великую семью соединятся. — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Он между нами жил», посвященного А. Мицкевичу.

1868 г.

28 мая

«История России с древнейших времен» — 29-томный труд С. М. Соловьева. Первый том вышел в 1851 г., затем регулярно каждый год выходили последующие тома.

29 сент[ября]

Восточная война. — Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг. между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии, закончившаяся Парижским мирным договором от 30 марта 1856 г.

ДНЕВНИК ЗАСЕДАНИЙ III АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В КИЕВЕ, 1874 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 4, д. 2). Первый лист текста написан карандашом, остальные — чернилами на отдельных листах.

Материалы III Археологического съезда в Киеве опубликованы: «Труды третьего Археологического съезда в России», т. I—II. Киев, 1878 (далее — «Труды»). Съезд происходил со 2 до 12 августа включительно. Заседания были общие и по отделениям: I. Древности первобытные. II. Историческая география и этнография. III. Памятники искусств и художеств. IV. Быт домашний и общественный. V. Быт церковный. VI. Памятники языка и письма. VII. Древности классические, византийские и западноевропейские. VIII. Древности восточные.

Ключевский присутствовал на III Археологическом съезде в качестве делегата от Московской духовной академии.

2 августа

П. Г. Лебединцев — автор работ по истории русской церкви. Его реферат «О св. Софии киевской» см.: «Труды», т. I, стр. 53—93. Здесь же помещен протокол обсуждения (стр. LIV—LV). О строительстве Софии см.: М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. II. М.—Л., 1961, стр. 98 и след. Здесь же дана оценка реферата П. Г. Лебединцева. Последний исследователь вопроса А. Поппэ, приводя свидетельства Титмара Мерзебургского, высказал предположение, что еще до постройки в 1036 г. каменного Софийского собора в Киеве существовал деревянный кафедральный собор Софии, сожженный в 1017 г. (А. Р о р р е. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi.—«Przegląd Historyczny», t. LV, zes. 3, 1964, str. 369—391).

3 августа

Реферат Костомарова...— Краткое изложение реферата Н. И. Костомарова «Люди, принадлежавшие к княжеской дружине, достигали ли своего звания по родовому значению или по личным заслугам?» и прений см.: «Труды», т. I, стр. L. Ключевский дает более пространное изложение реферата.

...*поднялся молодой человек*...— Речь идет о М. П. Драгоманове, публицисте, историке, этнографе, идеологе буржуазного национал-либерализма. Издание песен, на которое он ссылался, вышло тогда же: В. А н т о н о в и ч и М. Д р а г о м а н о в. Исторические песни малороссийского народа т. I—II. Киев, 1874.

4 августа

Обзор Софийского собора...— Об этой экскурсии см.: «Труды», т. I стр. LXXIX.

...*рефераты о[тца] Амфилохия... Прохорова и Петрова*... — Краткий отчет о рефератах Амфилохия «О влиянии византийской иконописи и миниатюрной живописи с X по XVI в. на славянскую иконопись и миниатюрную живопись», В. А. Прохорова «Очерк истории византийского искусства и обзор истории русской архитектуры» и Н. И. Петрова «О минологии В. Македонянина и славяно-русском прологе» см.: «Труды», т. I, стр. XL—XLII. Реферат Петрова издан: Н. И. П е т р о в. О составе и происхождении славяно-русского печатного пролога. Киев, 1875.

5 августа

Реферат Забелина...— «В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки?» издан: «Труды», т. I, стр. 1—17.

Говорил что-то еще Павлов.— Реферат П. В. Павлова «О значении некоторых фресков Киево-Софийского собора» издан: «Труды», т. I, стр. 283—287.

Вечернее заседание...— О рефератах Н. С. Тихонравова, В. И. Григоровича и М. П. Драгоманова и об их обсуждениях см.: «Труды», т. I, стр. LVIII—LX.

6 августа

Читал Забелин...— Реферат И. Е. Забелина «Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Воспора Киммерийского» издан: «Труды», т. II, стр. 1—33. Об его обсуждении и упоминание о реферате А. И. Никитского «О торговых путях из Новгорода к немцам» см.: «Труды», т. I, стр. XXIX.

...*читал статью Износкова*...— Реферат И. А. Износкова «Какие могут быть сделаны выводы из названий населенных местностей?» издан: «Труды», т. II, стр. 35—40; см. замечания Н. А. Попова: «Труды», т. I, стр. XXIX—XXX.

...*статья Золотницкого*...— Речь идет о статьях Н. И. Золотницкого «Отрывки из чувашско-русского словаря» («Казанские губернские ведомости», 1871, № 78, 83, 100; 1872, № 18).

Модестов читал...— Реферат В. И. Модестова «Об одном славянском плени в помпейских надписях» издан: «Труды», т. I, стр. 114—120.

Ф. А. Терновский читал ...— Реферат Ф. А. Терновского «Сравнительная характеристика византийских хроникеров, вошедших в состав русского сводного хронографа», издан в расширенном виде в книге: Ф. А. Терновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси, вып. I. Киев, 1875. Сообщение об этом реферате см.: «Труды», т. I, стр. LXXIV.

Реферат Мищенко...— «О способе исполнения эпических произведений древнегреческими певцами сравнительно с малорусскими бандуристами» издан: «Труды», т. II, стр. 131—138. Об его обсуждении см.: «Труды», т. I, стр. LXXV.

7 августа

...осмотр Братского ж[онасты]ря.— Об этой экскурсии см.: «Труды», т. I, стр. LXXIX.

Беда Дудик на немецком читал...— Реферат Беды Дудика «Дохристианские могильники в Моравии» издан: «Труды», т. I, стр. 297—307.

Новакович по-сербски читал... Дополнял реферат Тихошрава. Проф[ессор] познанский Дзяловский по-польски читал...— Подробное изложение рефератов С. Новаковича «Взгляд на развитие восточнославянской культуры преимущественно до нападения турок» и С. Дзяловского «Об археологических находках в Познани», а также выступления Н. С. Тихошрава см.: «Труды», т. I, стр. LXXVI—LXXVIII.

8 августа

...говорили Уваров и Забелин...— Изложение выступлений А. С. Уварова и И. Е. Забелина см.: «Труды», т. I, стр. XXII—XXIII.

Никитский отвечал...— Изложение выступления А. И. Никитского см.: «Труды», т. I, стр. L—LI.

Мержинский разбирал...— Реферат А. И. Мержинского «Ян Ласицкий и его сочинение «De diis Samogitarum»» издан: «Труды», т. II, стр. 173—204.

Антонович заметил... Маркевич о местничестве. Головацкий говорил ... Иващенко ... читал...— Изложение выступлений В. Б. Антоновича и Я. Ф. Головацкого и реферата А. И. Маркевича «О местничестве» см.: «Труды», т. I, стр. LI—LII. Реферат П. С. Иващенко «Следы языческих верований в южно-русских шептаньях» издан: «Труды», т. I, стр. 313—326.

9 августа

Утреннее заседание Отделения памятников языка и письма проходило под председательством В. О. Ключевского.

Иловайский о славянстве болгар.— Изложение реферата Д. И. Иловайского «О происхождении болгарской народности и письменности» и прений см.: «Труды», т. I, стр. LX—LXI. Подробнее см.: Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1876, стр. 330—401.

Барсов — о Слове о полку Игореве.— О реферате Е. В. Барсова см.: «Труды», т. I, стр. LXI—LXII. См. также Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, т. I—III. М., 1887—1889.

Муракевич — о Влахернской иконе ... гр[аф] Толстой и поляк из Варшавы... Оссовский — о происхождении шифера в Киеве ...— Рефераты Н. Н. Муракевича «Сведения о Влахернской, или Лахернской, иконе», М. В. Толстого «Несколько слов о лицевых псалтырях», И. Ф. Скимборовича «Рукопись псалтыри XIV столетия», Г. О. Оссовского «Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева» изданы: «Труды», т. I, стр. 131—135; т. II, стр. 137—146, 147—150, 159—164.

10 августа

...осмотр церкви Спаса на Берестове...— Об этой экскурсии см.: «Труды», т. I, стр. LXXIX.

Брун читал... Гаркави излагал...— Рефераты Ф. К. Бруна «О разных названиях Киева в прежнее время» и А. Я. Гаркави «Древнейшие арабские известия о Киеве» изданы: «Труды», т. I, стр. 289—296, 345—352.

... в сборнике, изданном Гаркави.— См. издание А. Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1870.

11 [августа]

Поездка в Гатное, на раскопку курганов.— О раскопках у села Гатное см.: «Труды», т. I, стр. LXXX—LXXXV.

В архиве Ключевского хранится текст речи, с которой он предполагал выступить на III Археологическом съезде (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 136). Текст написан чернилами на сложенном листе бумаги. Впервые опубликован Р. А. Киреевой — «В. О. Ключевский. Исторические миниатюры» («Неделя», 1963, 9—15 июня, № 24, стр. 11).

«Среди ученых рассуждений о высоких предметах, завещанных стариной, как-то странно будет Вам услышать речь о предметах, также завещанных стариной, но мало возвышающих душу, о палке, о кнуте. Но несомненно, что и это предметы археологические и — о, если бы только были они предметами археологическими.

Это стародавние вековые наши народные учителя, и если бы прилежание и неутомимость составляли все достоинство педагога, их можно было бы назвать учителями образцовыми. Странно подумать, что целые века¹ у них учились предки уму-разуму.

Биография этой суровой четы, ее печальная общественная, политическая и домашняя деятельность, надеюсь, любопытная страница в истории нашей культуры и в нашей археологии заслуживает нескольких строк. Я, впрочем, не берусь быть их биографом, а хочу лишь сообщить немногие известия и соображения об их темной юности. Вопрос, когда введены у нас телесные наказания, значится в списке вопросов, по которым 3-му Арх[еологическому] съезду желательно получить некоторые сведения.

Это очень темный и спорный вопрос, хотя и не очень трудный для разрешения. Припомним в общих чертах историю телесных наказаний у нас. Нет нужды говорить о последних столетиях. XVI и XVII века были временем, когда русское государство, установившись, организовалось внутри и расширилось вовне. Телесные наказания являются тогда с широким применением в судебной практике. Боярин-воевода испортит поход, капитулирует перед неприятелем, его секут кнутом на площади. Служилые люди, дворяне или дети боярские зашумят и подерутся на Постельном крыльце у царских покоев в Кремле, бьют батогами пещадно. Источник царский уронит² кушанье, посланное с³ царевой кухни в честь боярину или кому другому, его бьют перед государевыми окнами. Дьяк или подьячий сворует, возьмет посул, взятку с челобитчика рыбой или деньгами, — рыбу или конелек с деньгами повесят ему на шею и побьют кнутом на торгу, на площади⁴. Кнутом, торговой казнью карают всех и за разнообразные проступки и преступления.

В XV в. встречаем то же. Телесные наказания узаконены в Судебнике Ивана III в некоторых случаях. В судебной практике они действуют еще шире, чем в законодательстве. Князя Ухтомского высекли кнутом на козле за составление фальшивого акта на имущество Спасо-Каменного м[онасты]ря. Князь удельный волоцкий грозит монахам Иосифова Волоколамского монастыря «кнутьям избесчестовать» за непослушание их игумена. Еще раньше в. кн. Василий Темный высек кнутом двух служилых людей своих, дворян по-нашему, за политическую вину, за сочувствие врагу его кн. Шемяк:

¹ Далее зачеркнуто: они.

² Над зачеркнутым: прольет.

³ Далее недописанное слово: царст.

⁴ Над строкой: Жена. Иностранцы.

В XIII и XIV вв. нет таких прямых указаний на юридическую и воспитательную деятельность кнута. Вообще в эти века ¹ мы не встречаем устава, который обязательно для всей Руси излагал бы систему уголовного права ². Это время можно было бы назвать периодом политического раздробления Русской земли, если бы прежде Русская земля была политическим целым. Общественная жизнь, скудная, приниженная, теряет общий пункт тяготения и, за исключением Новгородско-Псковской окраины, слабо цепляется за мелкие княжеские дворы. Только к концу этого периода в Москве стала завязываться основа Русского государства. В это время не могло быть общего и систематического законодательства. Но ни в уцелевших явлениях правительственно-судебной практики, ни в памятниках нравственных понятий этого времени не заметно телесных наказаний, не слышно работы кнута. Старинные ³ церковные поучения князьям, отражающие быт этих веков, не советуют его правителям и не удерживают их от его употребления, молчат о подобном исправительном средстве. Даже в остатках ежедневной разговорной речи того времени, где теперь такими глубокими рубцами врезались следы этой системы наказаний, ее как будто незаметно. Вспомните известный застольный разговор тверского епископа Симеона с полоцким кн. Константином в XIII в. Князь в назидание своему тиуну спросил у епископа, куда попадет тиун на том свете, в ад или рай. «Куда и князь», — отвечал епископ. Князь не ожидал такого ответа: так в то уже время ⁴ неразлучны были понятия о судье и о неправде. И однако как характеризуется злой ⁵, жестокий судья и волостной правитель того времени? ⁶ Он неправо ⁷ судит, взятки берет, христиан не милует и не жалует, о вдовицах не печется, сирот не милует, нищих не любит, деньги любит, людей разоряет, лихое все делает, словно бешеного человека ⁸ напускает его князь на людей, да в а я е м у м е ч. Такими ⁹ ли ¹⁰ чертами характеризовали недавно лихого капитана — исправника или г[осподина] становаго пристава? Лихому тиуну XIII в. давался меч, а не кнут губить людей. Криминалисты могут рассуждать о сравнительной силе исправительного действия меча и кнута; но не ¹¹ кнут ¹² привыкли видеть в руках ¹³ у нашего становаго пристава XIII в.»

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1891—1901 гг.

1891 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 222, лл. 4—5). Текст написан карандашом на типографском тексте «Положения к чтению Владимира Соловьева в Психологическом обществе о причинах упадка средневекового миросозерцания».

Чит[ал] 19 окт[ября] 1891. — Имеется в виду выступление В. С. Соловьева с рефератом «Об упадке средневекового миросозерцания. Реферат

¹ Над зачеркнутым: время.

² Над строкой карандашом: поучения.

³ Далее зачеркнуто: поу[чения].

⁴ Далее зачеркнуто: близки.

⁵ Над зачеркнутым: дурной.

⁶ Далее зачеркнуто: вст.

⁷ Далее зачеркнуто: не.

⁸ Над зачеркнутым: как бешеную собаку.

⁹ Первоначально было: так; далее зачеркнуто: выражались.

¹⁰ Далее зачеркнуто: языком.

¹¹ Далее зачеркнуто: с.

¹² Первоначально было: кнутом.

¹³ Далее зачеркнуто: является.

читанный в заседании Московского психологического общества 19 октября 1891 г.» (В. С. Соловьев. Собр. соч., т. VI (1886—1896). СПб., «Общественная польза», б. д., стр. 347—358).

Любим Торцов — персонаж пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок».

Авакум — протопоп, один из основателей старообрядчества, был сожжен в срубе (XVII в.).

1892 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 222, л. 2). Текст написан карандашом на отдельном листе бумаги. Впервые опубликован Р. А. Киревой — «В. О. Ключевский. Исторические миниатюры» («Неделя», 1963, 9—15 июня, № 24, стр. 11).

1893 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 8). Текст написан карандашом, кроме первой даты, поставленной чернилами, в одной тетради, названной Ключевским «Афоризмы и мысли об истории. 1893». В настоящем издании сохранена хронологическая непоследовательность подлинника.

16 — 19 июня

(*Брикнера*). — Имеется в виду статья: А. Брикнер. Съезд историков в Мюнхене 4—7 апреля 1893 года («Вестник Европы», 1893, кн. VI, стр. 865—876).

8 июля

...о бестактности *«М[осковских] вед[омостей]» по поводу Корфа*. — Возможно, что Ключевский имеет в виду деятеля народного просвещения, пропагандиста идеи всеобщего обязательного просвещения Н. А. Корфа, который в 1883 г. выставил свою кандидатуру на должность заведующего городскими училищами Москвы. Газеты «Московские ведомости» и «Новое время» подняли враждебную по отношению к Корфу кампанию, в результате которой он снял свою кандидатуру.

... *путешествие ц[есаревича]*. — По-видимому, речь идет о путешествии на Дальний Восток в 1891 г. цесаревича Николая (впоследствии Николай II), на которого в Японии было совершено покушение — его ударил саблей по голове японский полицейский.

1899 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 2, д. 7). Текст написан карандашом на отдельном листе бумаги, год поставлен синим карандашом.

15 — 21 февраля

...15-е — *начало забастовки*. — Толчком к забастовке послужило столкновение петербургских студентов с полицией 8 февраля 1899 г. Волна студенческих движений прокатилась по всей России. Первая сходка студентов Московского университета состоялась 13 февраля, с 15 февраля начались систематические сходки. Студентами был создан Исполнительный комитет, выпускались прокламации. С 15 февраля начались аресты и высылки студентов из Москвы.

Алексей Иванович Яковлев — студент 3-го курса, впоследствии известный историк. В архиве Ключевского хранится черновой набросок письма (ГБЛ, ф. 131, п. 34, д. 76), на котором синим карандашом рукой Ключевского написано: «Письмо о Яковлеве». Остальной текст написан простым карандашом на обороте типографского извещения об очередном заседании Общества

истории и древностей российских 20 февраля 1899 г. Письмо адресовано Д. Н. — видимо, это Д. Н. Зернов, который был ректором Московского университета до 22 марта 1899 г.

«Решаюсь беспокоить Вас ходатайством об исключенном из М[осковского] у[ниверситета] студенте 3-го к[урса] историко-филологического ф[акультета] Яксэлле.

Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на 1-м курсе: редкий случай в истории ¹ русских университетов. Это дало мне возможность ² узнать его ближе, чем его товарищей. По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о ³ нем, как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной любознательностью. Он не раз обращался ко мне за советами и указаниями по начатым им занятиям предметами исторического отделения ф[акультета], и чем ближе узнавал я его, тем более укрепился в составленном о нем мнении, возлагая на него с[амые] добрые надежды. Думаю, что поступок ⁴, навлекший на него такую беду и поразивший меня своей неожиданностью, вызван был крайне возбужденным состоянием в столкновении с товарищем и не имел неисправимо дурных побуждений. Безвозвратное удаление его из Москвы прервет столь успешно начатые им научные занятия, лишив его привычного преподавательского руководства и ⁵ научных средств, какие он находит в Московском университете. Если Вы ⁶ поможете ⁷ смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника ⁸ для русской науки и школы. Я с своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Моск[овский] у[ниверситет]. Еще раз усерднейше умоляю Вас, глубокоуважаемый Д. Н., оказать отечески благожелательное и сострадат[ельное] внимание к прискорбному положению молодого человека.

21 февр[аля] 1899».

22 — 28 ф е в р [а л я]

Предостережение «Вестнику Европы».—20 февраля 1899 г. журналу «Вестник Европы» было сделано второе предостережение (первое — 15 декабря 1889 г.) «ввиду вредного направления журнала «Вестник Европы», проявлявшегося неоднократно в статьях этого журнала, касающихся правительственных мероприятий в Финляндии...»

[1 — 7 марта]

2 марта депутаты Исп[олнительного] комитета у меня с петицией.— В архиве Ключевского хранится обращение студентов Московского университета, датированное Ключевским 2 мартом 1899 г. Текст гектографирован с вписанным от руки обращением (ГБЛ, ф. 131, п. 30, д. 15). Дата поставлена карандашом рукой Ключевского.

«Многоуважаемый Василий Осипович! ⁹

Студенты Московского университета считают долгом выяснить наставникам свои действия и обратиться к ним за п о м о щ ь ю и р у к о в о д с т в о м ¹⁰.

¹ Далее зачеркнуто: московск[ого].

² Над зачеркнутым: случай.

³ Далее зачеркнуто: [о]б.

⁴ Далее зачеркнуто: за.

⁵ Далее зачеркнуто: оных.

⁶ Далее зачеркнуто: глубокоуважаемый Д. Н.

⁷ Над строкой зачеркнуто: возм[ожному].

⁸ Над зачеркнутым: дельца.

⁹ Имя и отчество написаны тушью.

¹⁰ Подчеркнуто Ключевским простым карандашом.

Вы, конечно, знаете, что причиной нашей мирной забастовки¹ послужило возмутительное насилие над петербургскими товарищами, ярко подчеркнувшее наше вообще *бесправное положение*² и необходимость коренного пересмотра отношений между администрацией и студенчеством.

В настоящее время высочайшим назначением комиссии этот протест признан заслуживающим внимания, как не имеющий политической окраски и носящий характер не временной вспышки, а жалобы систематически оскорблявшихся людей, прослуживших всестороннего и полного рассмотрения своих требований. Московское студенчество находит, что поручение разбирательства дела комиссии Ванновского и опубликование этого удовлетворяет выставленным просьбам, и считает дальнейшую забастовку на этой почве³ ненужной и несогласной с волей высшей власти⁴. Оно, однако, не может приступить к правильным университетским занятиям, пока не будут удовлетворены его требования, разрешение которых не лежит на комиссии ген[ерал]-ад[ъютанта] Ванновского, по его собственному заявлению петербургским студентам. Эти требования таковы:

1. Возвращение товарищей, высланных Правлением университета или по указанию его инспекции во время последних волнений, ввиду того что эти волнения носили университетский, а не политический характер⁵. На неполитический характер забастовки, при котором лишь и возможны административные высылки с вмешательством полиции, указывает также и отсутствие высылки в высших учебных заведениях, не подлежащих ведению Министерства народного просвещения.

2. Устранение причин таких огульных высылки без суда и следствия и на будущее время в делах чисто академических⁶.

На этой почве мы нравственно обязаны продолжать забастовку⁷, так как лишились около 1000 товарищей, столь же невиновных, как и мы сами, в требовании же устранения административно-университетского произвола мы вполне солидарны с мнением 42 профессоров, подавших 4 года назад московскому генерал-губернатору петицию, в которой заявляют о необходимости профессорского суда.

И теперь мы надеемся, что Вы с полным сочувствием отнесетесь к нашим стремлениям и своим авторитетным заявлением⁸ поможете нашему делу.

* Причинами, устранение коих желательно студенчеству, являются произвольность и безапелляционность⁹ действий инспекции, не контроли[руемых] ни следствием, ни судом профессоров».

Разрешенные ректором генеральн[ые] сходки... — Под влиянием студенческой забастовки ректор Д. Н. Зернов вынужден был пойти студентам на уступки и разрешил открыть аудитории для проведения легальных курсовых совещаний. Он также дал обещание возвратить арестованных и высланных студентов.

8—14 марта

П. С. Ванновский — генерал-адъютант, возглавлял комиссию по расследованию причин студенческого движения.

¹ Подчеркнуто Ключевским синим карандашом.

² Подчеркнуто Ключевским красным карандашом.

³ Подчеркнуто Ключевским синим карандашом.

⁴ Подчеркнуто Ключевским красным карандашом.

⁵ Подчеркнуто на гектографе.

⁶ Подчеркнуто на гектографе.

⁷ Подчеркнуто Ключевским красным карандашом.

⁸ Подчеркнуто Ключевским синим карандашом.

⁹ Подчеркнуто Ключевским красным карандашом.

15—21 марта

С 17-го прекращение занятий с увольнением всех студентов до 22-го.— По распоряжению министра народного просвещения Н. П. Боголепова университет закрывался до 22 марта, т. е. до периода экзаменов. Этой тактикой Боголепов рассчитывал дезорганизовать студенческое движение. Однако Исполнительный комитет постановил продолжать забастовку и после 22 марта.

Болезнь ректора Зернова.— Ректор Д. Н. Зернов и инспектор Р. И. Державин выразили желание оставаться на занимаемых ими должностях. Новым ректором Московского университета стал зоолог А. А. Тихомиров, а инспектором — Я. А. Корнеев (подробнее см.: П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958, стр. 245; В. И. Орлов. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 352).

«Моск[овские] вед[омости]» 20 марта.— Видимо, Ключевский имел в виду передовую статью «Воспитательные задачи университета», в которой проводилась мысль о том, что высшая школа «должна быть прототипом нормальной, законной жизни, не терпящей никаких уклонений от установленного порядка».

22—28 марта

21-го же рассказы Яков[лева].— В архиве Ключевского сохранилось письмо А. И. Яковлева от 21 марта 1899 г., в котором он писал, что из университета уволено и выслано более 450 человек и что ему, по-видимому, «недолго придется ждать очереди». В открытке, написанной почткою 11 апреля 1899 г., Яковлев сообщал Ключевскому, что его «берут в охранное отделение» (ГБЛ, ф. 131, п. 34, д. 76).

... с «Римским правом» Богол[епова]...— Имеется в виду работа Н. П. Боголепова «Пособия к лекциям по истории римского права». М., 1890.

Толки о экзаменационной забастовке.— См. примечание в записи от 15—21 марта.

[1890-е годы]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 222, л. 1). Текст написан карандашом на отдельном листе бумаги. Датируется условно по почерку.

[1900—1901 гг.]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 2, д. 7). Датируется условно по содержанию. Текст пронумерован красным карандашом: 1-я и 2-я страницы написаны карандашом; 3-я страница отсутствует; текст 4-й страницы написан чернилами неустановленным лицом; 5-й — карандашом рукой Ключевского.

В архиве Ключевского (ГБЛ, ф. 131, п. 30, д. 22) хранится следующая запись, близкая по содержанию к публикуемому тексту:

«Иванов¹. Иногородных студентов в текущем году до 74%.

Стипендиатов около 600 чел[овек]=ок[оло] 15%.

Единовер[енных] пособий в 1899 г. выдано на 28 764 руб.—654 чел[овек] в 1-м полугодии и 471— во 2-м, в среднем по 25 руб. на чел[овека]. В 1900 г. уже 40 417 руб. 850 и 427 чел[овек], в среднем по 33 руб. на чел[овека]=13—15% студенчества. Нуждающихся по крайней мере 50%.

Тяжесть зависимости от случая. Борьба за существование. Бродит по городу днем, почевка на Ходынском поле или Екатерининском парке новоприезжего.

¹ Ниже зачеркнутого: Мих[аил] Николаев[ич] Коваленский. Поварская, Трубниковский переулок, дом Игнатъева. Во вторник 20-го придет в 12 часов.

Квартиры — 11—12 руб., дурная комната меблированная — 15 руб., получше спосная — 20—22 руб.

Расход студента минимальный — 24 руб. 80 коп. в м[еся]ц. Нервное напряжение от нужды (втроем 18 руб.). Университ[етские] учебники — 30—60 руб. в год.

В комитетских столовых 600 вакансий. Некоторые живут на 15 руб.

Имеющему 15 руб. в м[еся]ц Общество отказывает во взносе платы. У[ниверсите]т освобождает от платы ок[оло] 18%, Общество — ок[оло] 10%, немогущих вносить — не менее 50%. В вып[ешнем] отчетном году Общество на оплату ок[оло] 32 тыс. (из 109 тыс. в 1898?).

1901 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 2, д. 7). Текст написан на отдельных листах разного формата карандашом, кроме записи о заседании комиссии 2 марта 1901 г., которая написана чернилами.

Засед[ание] ком[иссии] 2 марта. — Ключевский был членом комиссии «по вопросу о причинах студенческих волнений...» Его запись от 3 марта 1901 г. написана на обороте следующего типографского текста: «Сим доводится до сведения студентов, что Советом университета образована «Комиссия по вопросу о причинах студенческих волнений и о мерах к упорядочению университетской жизни». Состав комиссии: В. И. Герье, Д. Н. Зернов, Н. А. Умов, В. О. Ключевский, К. А. Андреев, В. Ф. Снегирев, граф Л. А. Камаровский, П. Г. Виноградов, И. Т. Тарасов, В. К. Цераский, А. А. Бобров и М. В. Духовской. Ближайшей задачей Комиссии будет упорядочение университетской жизни путем точного исследования фактов, осведомления студентов и другими законными мерами общения профессоров и студентов.

Ректор А. Тихомиров.

2 марта 1901 года».

Цирк[уляр] Мин[истрства] н[ародного] пр[освещения] 21 июня [18]99 г. — Описание Ключевского; речь идет о циркулярном распоряжении от 27 июня 1899 г., которое предусматривало усиление университетской инспекции.

Александр Аполлонович Мануилов — профессор Московского университета, юрист, экономист, один из лидеров кадетской партии, с сентября 1905 г. помощник ректора (С. Н. Трубецкого), затем ректор Московского университета. В январе 1911 г. ректор Мануилов, его помощник Меназбир и проректор Минаков подали прошение об отставке. Решением министра просвещения Л. А. Кассо от 1 февраля 1911 г. эти профессора отстранялись не только от административной, но и от научной и педагогической деятельности в университете. В ответ на это 107 профессоров и преподавателей подали заявления об уходе из университета.

У Герье спросить конфиденциальный доклад... — Возможно, речь идет о докладе П. С. Ванновского, который впоследствии был издан (СПб., 1906).

Временные правила. — Речь идет о временных правилах 29 июля 1899 г. об отдаче студентов в солдаты. В начале 1901 г. они были применены к 183 студентам Киевского университета (П. Лавров. «Временные правила» (Студенческое революционное движение в Киевском университете конца 1900 и 1901 гг.) — «Советское студенчество», 1936, № 1). В. И. Ленин написал в газету «Искра» специальную статью «Отдача в солдаты 183-х студентов» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 391—396), где призывал широкие массы трудящихся во главе с рабочим классом выступить в защиту студенчества. Достойным ответом со стороны студенчества В. И. Ленин считал «устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащих в всех

высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года» (стр. 395). На этот призыв студейчество ответило широкой волной протестов и открытых выступлений. Массовые волнения охватили около 20 000 студентов. Царское правительство опять прибегло к арестам и ссылкам. Только в одной Москве в феврале 1901 г. было арестовано и заключено в Бутырской тюрьме около 500 студентов.

Совет профессоров Московского университета обратился к студентам с воззванием, предлагая им прекратить борьбу и вернуться к занятиям. Газета «Искра» назвала это обращение профессоров «гнусным воззванием» (подробнее см.: П. С. Ткаченко. Указ. соч., стр. 251—253).

ДНЕВНИК 1901—1910 гг.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 4, д. 3). Текст написан карандашом в одной тетради с обложкой. В настоящем издании сохранена хронологическая непоследовательность подлинника.

1901 г.

28 [о к т я б р я]

... *избрание комиссии 12-ти...*— Речь идет о комиссии в составе: Д. Н. Зернов (председатель комиссии), В. И. Герье, П. Г. Виноградов, Н. А. Умов, М. В. Духовской, К. А. Андреев, В. К. Цераский, Л. А. Камаровский, И. Т. Тарасов, А. Б. Фохт, А. А. Бобров, В. О. Ключевский. Этой комиссией был подготовлен доклад «для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни», автором исторической части которого был Ключевский (подробнее см.: В. И. Орлов. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 107, 104—106).

7 [н о я б р я]

Сергей Николаевич Трубецкой — профессор философии в Московском университете, с сентября 1905 г. — ректор университета; редактор журнала «Вопросы философии и психологии», на страницах которого велась борьба против марксизма и философского материализма. Во время студенческого движения Трубецкой возглавил правые элементы студенчества.

9 [н о я б р я]

Экстренный Совет для обсуждения министерского проекта правил студ[енческих] учреждений.— Речь идет о новых «Временных правилах для организации студенческих учреждений», которыми допускались кружки для научно-литературных занятий, занятий искусствами и ремеслами, организация студенческих столовых, чайных, касс взаимопомощи. Эти собрания должны были проходить только с разрешения начальства по утвержденной заранее программе в присутствии профессоров или лиц из «административного персонала». 22 декабря 1901 г. эти правила были утверждены. Опубликование «Временных правил» 1901 г. вызвало новую волну протеста со стороны студенчества и даже со стороны либеральной профессуры.

19 [д е к а б р я]

Вин[оградо]ву от факультета для удержания его от отставки.— П. Г. Виноградов в результате конфликта с министром народного просвещения Ванновским подал в отставку и вскоре уехал в Англию (см. запись 20—21 декабря 1901 г.). В 1908 г. он вернулся в Московский университет, в 1911 г. вновь подал в отставку вместе с другими профессорами в знак протеста против политики министра просвещения Кассо.

... как умирал Н[иколай] П[авлович].— Речь идет о Н. П. Боголепове (см. о нем примечание к письму 80), на которого 14 февраля 1901 г. было совершено покушение исключенным студентом П. В. Карповичем. Боголепов умер 2 марта 1901 г.

... пра[витель]ство и общество перестали понимать и себя и друг друга.— В архиве Ключевского хранится следующая запись, сделанная карандашом, 4 янв[аря] 1902 г. (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1):

«В настоящую минуту правительство и общество в России находятся между собою в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть. Общество всякими способами, в разнообразных формах старается дать почувствовать правительству, что ¹ хочет, требует властного участия в управлении; правительство с прикрытой откровенностью дает почувствовать обществу свою решимость отстаивать полновластие самодержца.

У правительства очень мало защитников среди общества, особенно защитников мыслящих и бескорыстных. У общества есть сторонники в правительственных кругах, не только люди мыслящие и бескорыстные, но даже рискующие своим положением за свои неправительственные мнения ².

Такое напряженное отношение между обоими сторонами длится уже несколько десятков лет. Прежде его не было заметно. И прежде правительство и общество редко были довольны друг другом; но прежде источником этого обоюдного недовольства не была борьба за власть.

Общество нередко роптало вместе с народом на то, что правительство плохо ими правит, дает слишком много воли своим чиновникам, слабо искореняет злоупотребления, не предпринимает необходимых реформ и т. п. Образованные люди заявляли свой ропот в гостиных и клубах, в более или менее изворотливо прикрытых печатных произведениях и университетских лекциях или более откровенных рукописных памфлетах и сатирах, в совсем откровенных заграничных изданиях, изредка ³ в заговорах, один из которых даже вышел на площадь. Народ проявлял свое недовольство единственным ему доступным способом — бунтом.

Правительство в свою очередь нередко считало себя вправе жаловаться на общество, но не за соперничество из-за власти в управлении, а за нежелание или неумение пользоваться и тем участием в управлении, какое ему представлялось правительством.

Дело политической свободы в России спасается тем политическим порядком, против которого оно борется. В руках у русского царя остается еще много материальных и нравственных средств, слишком достаточных, чтобы подавить противодействующие ему движения: дисциплинированная армия, сильно сгущенная историей, хотя уже и выдыхающееся от неумелого действия обаяние власти над воображением масс, антагонизм сословий, низкий уровень общественного сознания, нравственная раслуцность общества. Но по исторической постановке своей власти царь не может привести эти свои средства в действие сам непосредственно, а его посредствующие органы или сами не в состоянии привести их в действие, или могут заставить их действовать неправильно, разрушая сами себя. Главные органы царской власти — министры, и если бы царь подобрал министерство вполне солидарное и искренно ему преданное, он при других своих средствах мог бы сделать из России все, что хотел и умел бы сделать, подавить какое угодно противодействие. Но по способу назначения и по свойству среды, из которой обыкновенно назначаются министры, они по отношению друг к другу добровольные, но неприменные антагонисты, а по отношению к царю — озлобленные и коварные

¹ Далее зачеркнуто: оно.

² Над строкой: сочувствия.

³ Далее зачеркнуто: даже.

холопы, подличающие перед ним из чувства самосохранения, обманывающие общественное мнение по ремеслу и расстраивающие порядок по невежеству».

Письмо Вильгельма... — По-видимому, имеется в виду письмо Вильгельма I Александру II из Берлина от 23 октября (4 ноября) 1879 г., опубликованное на французском языке в книге: С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903, стр. 696—697. Проект этого письма был составлен Бисмарком. Письмо вошло в историю как «образец дипломатической мистификации, имевшей целью замаскировать истинную цель и содержание австро-германского союза» («История дипломатии», т. II. М., 1963, стр. 141).

1902 г.

5 [м а р т а]

Климент Аркадьевич Тимирязев — великий русский ученый, во времена студенческого движения открыто поддерживал революционное студенчество. В 1911 г. Тимирязев в знак протеста против политики Кассо подал в отставку. В своих воспоминаниях о М. М. Ковалевском Тимирязев писал о борьбе в Совете университета «между старой и начавшей кристаллизироваться молодой профессорской партией. К последней принадлежали: Чупров, Муромцев, Ковалевский, Янжул — из юристов, Стороженко и позднее Ключевский — из филологов, Остроумов, Эрисман, Склифасовский — из медиков, и мы со Столетовым — из физико-математиков» (К. А. Т и м и р я з е в. Соч., т. 8. М., 1939, стр. 328).

Владимир Иванович Вернадский — профессор минералогии и кристаллографии Московского университета, был в числе тех профессоров, которые подали в отставку в 1911 г. в знак протеста против политики Кассо.

29 [а п р е л я]

Григорий Эдуардович Зенгер — в 1902—1904 гг. министр народного просвещения.

М а й

... *моск[овский] ген[ерал]-губернатор.* — В 1891—1904 гг. московским генерал-губернатором был в. кн. Сергей Александрович.

18 [и ю н я?]

... *новой системой заправки продовольственных магазинов, предписанной Сипягиным.* — Очевидно, Ключевский имеет в виду циркуляр Д. С. Сипягина от 17 августа 1901 г., по которому резко были урезаны ссуды голодающим крестьянам и ограничивалась благотворительная деятельность общественных организаций и частных лиц.

Очерк войны... в «Моск[овских] вед[омостях]» 1902 г. — Возможно, речь идет о статье, подписанной Черноморец, ««Никакого мира нет!»...» («Московские ведомости», 2 июня 1902 г.).

Н о я б р ь 29

А. С. Суворин... Приезжал ставить в Худ[ожественном] театре свой «В о п р о с». Успех его «Д и м и т р и я С а м о з в а н ц а и К с е н и и» в Петербурге. — Комедия Суворина «Вопрос» была поставлена в Москве в декабре 1902 г., но не в Художественном театре, а в Малом; драма «Царь Димитрий Самозванец и царица Ксения» поставлена в Петербурге в Суворинском театре в октябре 1902 г.

Разговор о курсе... — Ключевский имеет в виду свой курс русской истории. ... *об издании для немногих при Дворе будто абастуманского курса.* — Ключевский имеет в виду курс политической истории, который он читал в Абастумане в кн. Георгию Александровичу в 1893/94 и 1894/95 гг.; возможно, этот курс был издан С. Ю. Витте в 20 экземплярах (см. примечание к записи от 31 декабря 1904 г.).

Дек [абрь] 1

Письмо к Плев[еве] о Милюкове...— Ключевский ходатайствовал о Милюкове и перед С. Д. Шереметевым (см. письмо 95). В своих воспоминаниях Милюков говорил о том, что во время его заключения в тюрьме «Кресты» он был вызван министром внутренних дел В. К. Плеве, который сообщил ему о разговоре Ключевского с царем и о поручении Плеве ознакомиться с делом Милюкова; вскоре Милюков был освобожден (П. Н. М и л ю к о в. Воспоминания (1859—1917), т. 1. Нью-Йорк, 1955, стр. 202—204; см. также письмо Ключевского к Милюкову —96).

1903 г.

17 [февраля]

Выписки и отметки из газет к Пособию.— Речь идет о «Кратком пособии по русской истории», которое Ключевский в это время готовил к 3-му изданию с дополнениями.

18 [февраля]

Гизо — продолжение VIII лекции.— Речь идет о работе Ключевского над 8-й лекцией курса русской истории.

Абрамовича диспут о Патерике Печерском.— Речь идет о магистерской защите Д. И. Абрамовича «Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике» (СПб., 1902), состоявшейся 14 февраля.

19 [февраля]

Гельмгольца — «Отношение естествознания к системе наук».— Речь идет о статье «Об отношении естествознания к системе наук вообще» (Г. Г е л ь м г о л ь ц. Популярные научные статьи, вып. 1, СПб., 1866).

20—22 [февраля]

... исправление статьи о популяризации...— Возможно, Ключевский имеет в виду свою статью «Задачи научной популяризации» («Научное слово», 1903, кн. 1, стр. 7—12). См. об этой статье письмо 95.

Гр[аф] Л. Толстой ... как он попался впросак с крон-принцессой саксонской.— Речь идет о жене крон-принца Фридриха-Августа III (впоследствии король Саксонии) — Луизе-Антуанетте-Марии Тосканской, которая в декабре 1902 г. бежала от него с учителем своих детей Жиროном. При судебном рассмотрении дела о разводе она заявила, что ее поступок был совершен под влиянием сочинений Толстого.

Гельмгольца — сохранение энергии.— Очевидно, речь идет о работе Гельмгольца «О сохранении силы», в которой он впервые дал математическую трактовку закона сохранения энергии, указывая на всеобщность этого закона (Г. Г е л ь м г о л ь ц. Популярные речи, ч. 1. СПб., 1898).

25 [февраля]

«Пролегомена к Ибн-Фадлану».— Имеется в виду работа В. Р. Розена «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» («Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XV. СПб., 1902, стр. 29—72).

26 фев[раля]

Доклад Витте о поездке на Дальний Восток.— Ключевский, видимо, намекает на отказ Николая II выслушать доклад С. Ю Витте о его поездке на Дальний Восток. Вскоре после этого инцидента (в августе 1903 г.) Витте получил отставку с поста министра финансов, который он занимал с августа 1892 г.

27 фев[раля]

«Тезей».— Речь идет о шуточной поэме В. Е. Гиацинтова и А. А. Венкстерна «Тезей...» (Ревель, 1892).

Говорили о манифесте 26 фев[раля]...— Ключевский имеет в виду манифест «О предпачертаниях к усовершенствованию государственного порядка»

от 26 февраля 1903 г. («Полное собрание законов Российской империи» т. XXIII, отд. I. СПб., 1905, № 22581).

Пересмотр статьи о Петре В[еликом] и сотрудниках.— Ключевский имеет в виду свою статью «Петр Великий среди своих сотрудников», впервые опубликованную в «Журнале для всех», 1901, № 1, 3, 4.

28 [февраля]

В Синодаль[ной] типографии отдал сентябрьские листки.— Речь идет о работе Ключевского над первой частью «Курса русской истории», которая печаталась в Синодальной типографии.

Елена Алексеевна Бородина — жена Сергея Михайловича Бородина (см. о нем примечание к письму 24), слушательница лекций Ключевского в Политехническом музее. Ключевский часто диктовал ей. Лекции Ключевского в записи Е. А. Бородиной хранятся в ГПИБ, ф. В. О. Ключевского.

1 марта

От Рождественского «История Мин[истерства] нар[одного] просвещения».— Речь идет о работе С. В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902». СПб., 1902.

13 [марта]

Письма...Н[а]дежде М[ихайловне] — см. письмо 6 приложения.

18—19 авг[уста]

Витте — председатель Комитета министров.— Ключевский говорит об отставке Витте с поста министра финансов и о его назначении на почетную, но не дававшую власти должность. С 1903 г. Э. Д. Плеске был управляющим Министерством финансов.

21 [апреля]

Баладури и Табари о славянах...— Рассказы арабских географов Баладури и Табари изданы А. Я. Гаркави в книге «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1870, стр. 25—43, 72—81.

1904 г.

13 мая

Цзинь-чжоу. — Цзинь-чжоу-тин был взят японцами 13 мая.

1 и 2 июня

Бой... у Вафангоу.— Этот бой был третьей военной неудачей русского командования после Тюренчена и Цзинь-чжоу-тина.

Н о я б р ь 6—9

Съезд город[ских] и земских деятелей в Петербурге...— Съезд состоялся 6—8 ноября. В декларации, принятой на съезде, говорилось о необходимости покончить со всевластием бюрократии и о созыве народных представителей.

Банкеты.— В связи с сорокалетием судебных уставов во многих городах России в ноябре деятели либеральной буржуазии устраивали банкеты, на которых принимались резолюции с требованием гражданских свобод. Об этой кампании см. статью В. И. Ленина «Земская кампания и план «Искры» (Полн. собр. соч., т. 9, стр. 75—98).

Д е к а б р я 31

По изданию указа 12 дек[абря]...— Речь идет об указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», проект которого был подготовлен Витте и Нольде.

Прочат на время Платонова-старика...— Речь идет о Степане Федоровиче Платонове, члене Государственного совета.

Курс издан Витте в 20 экземплярах.— Книга на правах рукописи под названием «Лекции по русской истории профессора Московского универси-

тета В. О. Ключевского» была папечатана по распоряжению Витте в 20 экземплярах, причем автор не получил ни одного. Этот факт, по свидетельству историка Сергея Федоровича Платонова, побудил Ключевского подготовить к изданию и опубликовать свой «Курс русской истории».

1905 г.

11 января

Сегодня в «Моск[овских] в[едомостях]» решительное объявление и [сполняющего] д[олжность] градоначальника.— Ключевский имеет в виду объявление, в котором под угрозой применения вооруженной силы запрещались «сборища и демонстративные шествия по улицам».

«М[осковские] в[едомости]», № 170.— Имеется в виду рескрипт об учреждении Постоянного совета Государственной обороны, который был подписан Николаем II 5 мая 1905 г. и опубликован в «Московских ведомостях», № 125 от 9 мая 1905 г., а не в № 170, как ошибочно указал Ключевский.

«Р[усские] в[ед[омости]», № 167.— Имеется в виду статья «13—17 июня в Одессе».

До 500 вышек сожжено.— В сообщении, опубликованном в «Русских ведомостях», 26 августа 1905, № 231, на которое ссылается Ключевский, не дается число сожженных вышек. Там сказано: «Балаханы уже выжжены [...] Биби-Эйбат горит».

15 сентября

В академии о возможности отставки.— Ключевский имеет в виду свою отставку из Московской духовной академии, в которой он преподавал с 1871 г. Под влиянием недовольства начальства духовной академии тем, что Ключевский баллотировался в Думу от кадетской партии, Ключевский, по свидетельству И. А. Голубцова, вынужден был подать прошение об увольнении от духовно-учебной службы. Его прошение было удовлетворено указом Синода от 24 ноября 1906 г. за № 13132.

3 октября

«Марсельеза русская».— В архиве Ключевского хранится текст «Русской марсельезы» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 3).

4 октября

... в 50-ю годовщину смерти Грановского.— К этой дате Ключевский написал статью «Памяти Т. Н. Грановского», впервые опубликованную в газете «Русские ведомости», 8 октября 1905 г. (см. также: В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 390—395).

16 авг[уста] Портсмутский мир.— Портсмутский мирный договор между царской Россией и Японией был заключен 23 августа 1905 г.

1906 г.

9 января

Лиза †.— Речь идет о смерти Елизаветы Верещагиной (см. о ней примечание к письму 98).

20 апреля

Харитоновский проект.— В начале 1906 г. Николай II поручил разработать проект основных законов, который был подготовлен государственным секретарем бароном Ю. А. Иксулем и товарищем государственного секретаря П. А. Харитоновым.

«М[осковские] в[едомости]», № 249.— Указ об отмене некоторых стеснений для крестьян был подписан Николаем II 5 октября 1906 г. и опубликован в «Московских ведомостях» 13 октября 1906 г.

14 октября понижение платежей заемщиков Кр[естья]нского банка.— «Именной... указ... о понижении платежей заемщиков Крестьянского поземельного банка и об изменении условий выпуска государственных свидетельств названного банка» был подписан Николаем II 14 октября 1906 г. и опубликован в «Московских ведомостях» 17 октября 1906 г.

17 октября по постановлению сходки накануне должна была начаться трехдневная забастовка в память Баумана.— Николай Эрнестович Бауман был убит 18 октября 1905 г.

30 окт[ября] покушение на Рейнбота. Около того же времени покушение на Реннекамфа... Неистовство М[осковских] вед[омостей] по этому поводу.— В «Московских ведомостях» 31 октября 1906 г. были напечатаны статьи «Новое злодейское покушение» и «Неудавшееся злодейское покушение».

Д е к а б р ь

Убийство гр[афа] А. П. Игнатъева.— Алексей Павлович Игнатъев 2-й — председатель особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания 9 декабря 1906 г. был убит в Твери на земском собрании членом эсеровской террористической организации.

1907 г.

1 4 [м а р т а]

Убит Иоллос.— По поводу убийства Григория Борисовича Иоллоса — редактора «Русских ведомостей», одного из лидеров кадетской партии Ключевский написал статью «Памяти Г. Б. Иоллоса» («Русские ведомости», 16 марта 1907 г.):

«С покойным Г[ригорием] Б[орисовичем] судьба свела меня в конце 80-х годов, в памятную тяжелую пору. Мы тогда разделили с ним много дружеских печальных бесед. Мне глубоко симпатичен был прямой и ясный взгляд покойного в оценке исторических явлений, полный тонкого понимания жизни, чуждый догматизма. Увидавшись после многих лет при ином настроении умов, при новом складе общественных отношений, мы встретились старыми друзьями. Герценштейн пал за русский народ, за русского земледельца, и Иоллос обогрил своею кровью чисто русскую землю, землю города Москвы, собирательницы и устроительницы русской земли. Пусть такие смерти останутся в русской памяти символом обновленной России, объединяющей в своем сердце собранные ею народности.

В. Ключевский.»

1 9—2 2 [м а р т а]

«Моск[овские] вед[омости]», № 61.— Ключевский имеет в виду информацию газеты «Московские ведомости» от 15 марта 1907 г. в разделе «Университетские известия»: «Московский университет. Положение дел в университете сильно осложнилось: Совет профессоров, по докладу Советской комиссии, выселил Ц[ентральный] у[ниверситетский] о[рган] из занимаемого им помещения, в ответ на что орган прибегнул к своей прежней тактике, выломав в одной из аудиторий двери. Совет профессоров сделал постановление, что в случае новых актов подобного насилия университет будет закрыт».

1909 г.

2 5 [а п р е л я]

«Правда воли монаршей» — название политического трактата Феофана Прокоповича (1722 г.).

1910 г.

«Р[усское] сл[ово]», № 18.— Очевидно, речь идет о статье А. Сергеева «Государственная дума. Заседание 22 января... Вопрос об имущественном цензе мировых судей...» («Русское слово», 23 января 1910 г.).

...описание в «Р[усском] слове». — Ключевский имеет в виду статью «Французские гости в Москве» («Русское слово», 10—12 февраля 1910 г.).

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1902—1911 гг.

Записи 1902—1904 гг. печатаются по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 40). Текст написан карандашом на сшитых от руки трех крошечных листах.

1905 г.

[Ранее 7 января—9 января]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на тетрадном листе.

14 фев[рала]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на двух отдельных листах.

19 июля

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на двойном листе бумаги.

Заседание 19 июля 1905, Петергоф.— С 19 по 26 июля 1905 г. в Петергофе проходили совещания о проекте Государственной думы, на которых присутствовал и неоднократно выступал В. О. Ключевский (подробнее см.: «Протоколы заседаний совещания под личным его императорского величества председательством для обсуждения предначертаний, указанных в высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 года. 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 года». СПб., Государственная типография, 1905. На правах рукописи).

Полит [и] ческая [г] оворильня.— В своем выступлении А. П. Игнатъев сказал, что «земские собрания обращаются нередко в политические говорильни...» («Протоколы...», стр. 20).

§ 42.— Имеется в виду статья 42 проекта учреждения Государственной думы, которая предусматривала возвращение законодательных предположений, отклоненных большинством членов Государственной думы и Государственного совета, соответствующему министру или главноуправляющему для дополнительного соображения.

Нет в проекте слова «самодержавие».— Об этом на совещании говорил не Ю. А. Иксуль, как ошибочно записал Ключевский, а П. Л. Лобко (там же, стр. 23).

99%.— В тексте выступления А. А. Голенищева-Кутузова указано 90% (там же, стр. 29).

Адресы рабочих.— А. П. Игнатъев говорил не об адресах рабочих, а о трех адресах сельского населения Екатеринославской и Херсонской губерний (там же, стр. 30).

21 окт[ября]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на отдельном листе.

Нач[ало] ноября

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на части извещения о заседании 30 октября 1905 г. в Училище живописи, ваяния и зодчества.

20 дек[абря]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на листе, сложенном вдвое.

[1905 г.]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1). Текст написан карандашом на узкой полоске бумаги. Датируется условно по содержанию.

1906 г.

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 15—15 об.). Текст написан карандашом на плотной бумаге.

1909 г.

Л е т о 1909 (с 10 мая)—17 июля

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178). Текст написан карандашом на сшитых от руки листах, на которых помещен текст об Обломове (мая 1909), обломовщине (14 мая 1909), героях Гоголя (Э. Г. Ч у м а ч е н к о. Обзор неопубликованных рукописей В. О. Ключевского о русской литературе XIX — начала XX в.— «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961).

20 д е к [а б р я]

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147). Текст написан карандашом на части оборота торговой рекламы.

Николай у А [лександры] О [сиповны]...— Имеются в виду император Николай I и А. О. Смирнова (урожденная Россет), фрейлина императорского двора, писательница, автор известных воспоминаний об А. С. Пушкине, В. А. Жуковском, Н. В. Гоголе (А. О. С м и р н о в а. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929).

1911 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, д. 12, лл. 89—90). Текст написан карандашом на двух одинакового формата листах, один лист — в клеточку, другой — гладкий.

Раздел III

АФОРИЗМЫ И МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ

ТЕТРАДЬ С АФОРИЗМАМИ

Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, лл. 5—9). Текст написан карандашом на листах, сложенных в тетрадь. Афоризмы пронумерованы Ключевским от № 1 до 134; 55-й зачеркнут, последний не пронумерован. Датируется условно на основании упоминания в тексте афоризма № 101 «26 сент[ября 18]91 г.» Афоризмы частично опубликованы Г. Н. Сапожниковой («Исторический архив», 1961, № 2).

II.— Вероятно, речь идет о К. П. Победопосцеве.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Печатается по подлиннику (ГПИБ, ф. В. О. Ключевского). Записная книжка из черного шелка с золотым обрезом страниц, текст написан карандашом. Книжка была подарена Ключевским Н. М. Бородинной (см. о ней примечание к приложению). Афоризмы частично опубликованы Р. А. Киреевой («Неделя», 1962, 23—29 сентября, № 39, перепечатаны в книге «Забытым быть не может». М., 1963) и М. Ф. Леонтьевым («Вопросы истории», 1965, № 7). Датируется по содержанию.

Глг-ва.— Вероятно, Александра Матвеевна Глаголева, участница международного движения суфражисток.

К.— Может относиться к П. И. Карееву или А. А. Кизеветтеру.

Иванов и *И. И. И.*— Вероятно, Иван Иванович Иванов, историк.

Ч-н.— Вероятно, имеется в виду Н. Д. Четулин и его работа, защищенная им в качестве магистерской диссертации, «Города Московского государства в XVI веке» (1889). В связи с выдвижением этой работы на Уваровскую премию Ключевским в 1892 г. был написан «Отзыв о исследовании Н. Д. Четулина «Города Московского государства в XVI в.»» (В. О. К л ю ч е в с к и й. Соч., т. 8, стр. 184—222).

Вот Ф[илипп] Ф[илиппыч] Вигель...— эпиграмма С. А. Соболевского. Известен другой вариант той же эпиграммы:

«Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Как жалка судьба твоя!
По-немецки ты Швейнигель,
А по-русски ты свинья».

Эпиграммы С. А. Соболевского изданы В. В. Каллашем (М., 1913).

К-ши.— Вероятно, речь идет о семье Корш.

К. и Л.— Вероятно, имеются в виду М. Н. Катков и П. М. Леонтьев.

РАЗРОЗНЕННЫЕ АФОРИЗМЫ

1889—1899 гг.

1. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 34). Текст написан карандашом на обороте части отзыва Ключевского о статье П. И. Цветкова «Аврелий Пруденций Клемент». Датируется на основании даты в отзыве «23 февраля 1889».
2. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 148, лл. 1, 3). Текст написан карандашом на двойном листе бумаги. Датируется условно: между листами текста лежат отпечатанные тезисы реферата Н. И. Кареева «К вопросу о свободе воли с точки зрения теории исторического процесса», на котором рукой Ключевского поставлена дата: «10 апр[еля] 1890».
3. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 1, оп. 1, д. 147, л. 36). Текст написан карандашом на обороте нижней части титульного листа книги с выходными данными «Рязань, 1892».
4. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 222, лл. 7,7 об., 10 об.). Текст написан карандашом на типографском тексте статьи И. В. Цветаева «Комитет для устройства в Москве музея античного искусства», на котором есть отметка цензора «марта 20 дня 1893 г.»
Он принес на профессор[скую] кафедру много мельничной пыли...— Возможно, относится к М. С. Корелину, так как в статье Ключевского о Корелине есть фраза, что последний прошел твердым шагом «очень плохо выровненный путь от сельской мельницы на р[еке] Рузе до кафедры в Московском университете» (В. О. К л ю ч е в с к и й. М. С. Корелин.— В кн.: М. С. К о р е л и н. Очерки из истории философской мысли в эпоху Возрождения. Миросозерцание Франческо Петрарки. М., 1899, стр. VI).
5. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 8). Текст написан карандашом на двух отдельных листах, вложенных в тетрадь «Афоризмы и мысли об истории. 1893».
«Спелые колосья» гр[афа] Толстого.— Имеется в виду сборник мыслей и афоризмов, собранных из писем Л. Н. Толстого и изданных с

разрешения автора Д. Р. Кудрявцевым в Женева (вып. I—IV, 1894—1896). Поскольку имеется предположение, что сборник «Спелые колосья» впервые был напечатан на гектографе, он мог попасть в руки Ключевского раньше 1894 г. (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 87. М., 1937, стр. 103).

6. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 2, д. 6). Текст написан карандашом. Находится среди материалов времени пребывания В. О. Ключевского в Абастумане, поэтому условно датируется 1893—1895 гг. (см. примечание к письму 72).
7. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 31 об.). Текст написан карандашом на последнем листе рукописи «Историография смутного времени», датированной Ключевским 1895 г.
8. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 18). Текст написан карандашом на отдельном листе плотной бумаги.
9. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 31, д. 27). Текст написан карандашом на обороте телеграммы, подписанной именем Бонсманг. К.— Возможно, речь идет о Ф. А. Корше.
10. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 1). Изречение и дата написаны карандашом. Далее идет текст проекта государственных реформ, написанный черными чернилами.
11. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 161). Текст написан карандашом на типографском извещении об общем собрании членов приходского попечительства 2 февраля 1899 г. вместе с наброском статьи о М. С. Корелине. Отдельные афоризмы этой рукописи были использованы Ключевским в статье «М. С. Корелин († 3 января 1899 г.)», опубликованной в книге: М. С. К о р е л и н. Очерки из истории философской мысли в эпоху Возрождения.

1890-е годы

Записи 12—17 датируются условно по почерку и бумаге.

12. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, лл. 24—25). Текст написан карандашом на узкой полоске бумаги. ee — Россию.
13. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, лл. 1—2 об.). Текст написан карандашом на сложенном вдвое листе бумаги.
14. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 20). Текст написан карандашом на отдельном листе бумаги.
15. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 19). Текст написан карандашом на половине листа «Распред[еления] испытаний историко-филологического исп...», наряду с выписками из источников и арифметическими подсчетами, которые опускаются.
16. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 17). Текст написан карандашом на плотном листе бумаги.
17. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 33). Текст написан карандашом на части титульного листа книги неустановленного содержания.

1900—1910 гг.

18. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 13). Текст написан карандашом на тетрадном листе, озаглавленном Ключевским «Мысли и цитаты». Выписки из источников опущены.
19. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 19). Текст написан карандашом на обороте письма из канцелярии совета Москов-

ского художественного общества, датированного «марта 7 дня 1900 г.»... *мадамами Sans-Gêne*. — Речь идет о героине пьесы Викторьена Сарду «Мадам Сан-Жен».

20. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 6 об.). Текст написан карандашом на отдельном тетрадном листе.
21. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 11). Текст написан карандашом на извещении о заседании Общества истории и древностей российских 26 октября, почтовый штамп 24 октября 1902 г.
22. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 2, д. 7, л. 15). Текст написан карандашом на обороте типографского извещения о созыве 12-го Археологического съезда в Харькове 15 августа 1902 г. На обороте есть запись Ключевского, датированная им 5 марта 1902 г.
23. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 27). Текст написан карандашом на иллюстративной таблице «Записок имп. Академии наук». Запись плохой сохранности, текст местами вытерт. Датируется условно на основании использования Ключевским отдельных изречений этой рукописи в статье «Памяти С. М. Соловьева», впервые напечатанной в журнале «Научное слово», 1904, кн. 8.
24. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 44). Текст написан карандашом на конверте письма А. А. Титова с почтовым штампом 19 февраля 1906 г.
25. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 70, л. 16 об.). Текст написан карандашом на обороте телеграммы Унковской от 3 марта 1906 г.
26. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 43 об.). Текст написан карандашом на конверте письма ректора Московской духовной академии епископа волоколамского Евдокима с почтовым штампом 20 июня 1906 г.
27. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 32). Текст написан карандашом на узкой и длинной полоске бумаги. Датируется на основании упоминания в тексте договора с Лидвалем.
Договор с Лидвалем... — Речь идет о договоре товарища министра внутренних дел В. И. Гурко с крупным спекулянтом Лидвалем, не занимавшимся хлебной торговлей, о поставке в 1906 г. в голодающие губернии России 10 миллионов пудов хлеба. При этом был выдан задаток в 800 000 руб. Это дело было вскрыто в ноябре 1906 г., и Гурко был предан суду Сената.
28. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 70, л. 44). Текст написан карандашом на обороте извещения о заседании Общества истории и древностей российских 21 февраля, почтовый штамп 20 февраля 1907 г. Среди записей текущих дел публикуемая запись очерчена Ключевским синим карандашом. Дата поставлена Ключевским.
29. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 72, л. 18). Текст написан карандашом на двойном листе бумаги. Датируется условно: рядом в деле лежит рукопись, озаглавленная «13 ок[тября] 1907. [Лекция] VI. Духовенство», вставкой к которой является публикуемый текст.
30. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 24). Текст написан карандашом на обороте титульного листа книги «*La vie automobile. Paraissant tous les samedis. Septième année 1907...*»
31. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 25). Текст написан карандашом на титульном листе книги «*La vie automobile. Septième année 1907 deuxième semestre*».
32. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 66, л. 14). Текст написан карандашом на отдельном листе бумаги, на обороте которого стоит дата: «9 февр[аля] 1908».

33. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 19). Текст написан карандашом на обороте почтового конверта со штампом 20 марта 1908 г.
34. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 60, лл. 13, 14, 1). Текст написан карандашом на сшитых листах и узкой полосе бумаги, служившей обложкой для рукописей, названных Ключевским «Обзор [русской] истории и значение П[етра] В[еликого]».
35. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 178, л. 12). Текст написан карандашом на плотном желтом двойном листе бумаги (обложке). *Сол[овьев, т.] 18, [стр.] 319.*— Ключевский имеет в виду описанный С. М. Соловьевым эпизод 1 апреля 1725 г., когда «жители Петербурга были разбужены страшным набатом во всем городе: императрица пошутила над ними, обманула их для 1 апреля».
36. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 72, л. 11). Текст написан карандашом на плотной желтой бумаге. Дата поставлена Ключевским: «Курс. 1908».
37. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 57, л. 26). Текст написан карандашом, является вставкой, приклеенной Ключевским к лекции LXVIII—«Значение Петра».
38. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 20). Текст написан карандашом на обороте визитной карточки А. С. Архангельского, на которой рукой Ключевского сделана запись: «Записки Смирн[ова] 2 янв[аря] 1910 со стр. 25».
39. Печатается по копии Я. Л. Барскова (ГБЛ, ф. 131, п. 22, д. 12). Имеется указание Барскова, что на обороте подлинника были наклеены Ключевским вырезки из газет 1910 г.

1900-е годы

Записи 40—53 датируются условно по почерку и бумаге. Две записи, публикуемые по копии А. А. Зимина, помещены в конце этого раздела.

40. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 30—30 об.). Текст написан карандашом на отдельном листе бумаги, слегка зачеркнут.
41. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 3). Текст написан карандашом на клочке неустановленной статьи.
42. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 6). Текст написан карандашом на обратной стороне неровно оторванной страницы неустановленной статьи.
43. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 7). Текст написан карандашом на клочке бумаги с оборванными краями, в желтых пятнах.
44. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 22). Текст написан карандашом на листе бумаги с оборванными краями.
45. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, лл. 28—29 об.). Текст написан карандашом на плотной бумаге, к которой подклеен узкий листок.
46. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 33 об.). Текст написан карандашом на пожелтевшем листе бумаги.
47. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 1 и без №). Текст написан карандашом на двух маленьких полосках бумаги.
48. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 30). Текст написан карандашом на оторванной тетрадной обложке фиолетового цвета, сильно выцветшей, с желтыми пятнами; сильно вытерт, отдельные слова и фразы обведены чернилами.

25 фев[раля] 1780 г.— Анна Ивановна приняла депутацию и подписала дворянские челобитные.

49. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 18). Текст написан карандашом на узкой полоске бумаги.
50. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39, л. 35). Текст написан карандашом на оборванном листе бумаги.
51. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 26). Текст написан карандашом на оборванном пожелтевшем листе бумаги. ...*варяжка*.— Речь идет о жене Александра III Марии Федоровне (урожденная Мария София Фридерика Дагмара), которая была дочерью датского короля Христиана IX и Луизы Гессенской.
52. Печатается по подлиннику (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 147, л. 28). Текст написан карандашом на листе бумаги с желтыми пятнами.
53. Печатается по подлиннику (ГБЛ, ф. 131, п. 15, д. 19). Текст написан карандашом на отдельных листах, на одном из которых стоит машинописная дата: «Москва, 31 октября 1902».
54. Печатается по копии А. А. Зими́на.
55. Печатается по копии А. А. Зими́на. Текст подлинника был написан карандашом на оборванном листе бумаги.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ, АДРЕСОВАННЫЕ Н. М. БОРОДИНОЙ

Все публикуемые письма и записки Ключевского, адресованные Н. М. Бородиной, хранятся в частной коллекции О. Я. Кудрявцевой. Письма написаны чернилами, записки — карандашом. Письма датированы автором, за исключением писем 2 и 5; для последнего дата восстановлена по почтовому штемпелю. Письмо 2 является ответом на письмо Н. М. Бородиной после получения ею письма 1. На конверте письма 1 — два почтовых штемпеля 2 и 8 июня 1875 г. Текст письма 7 является припиской Ключевского к письму Анисьи Михайловны Ключевской, рукой которой поставлена дата. Недатированные записки расположены условно по почерку и по упоминанию дачных мест, где в разные годы жил Ключевский.

Надежда Михайловна Бородина (1848—1919) — сестра А. М. Ключевской.

Варя — Варвара Ильинична Захарова, воспитанница семьи Бородиных.

Елизавета Михайловна Бородина — см. о ней примечание к письму 24. *Саввич*. — Речь идет о Николае Саввиче Тихонравове (см. о нем примечание к письму 59).

...*диссертация о Сенате*. — Видимо, речь идет о книге С. А. Петровского «О Сенате в царствование Петра Великого», М., 1875.

Твой крестник... — Имеется в виду Борис Васильевич Ключевский (см. о нем примечание к письму 118).

Маруся — Мария Ивановна Преображенская, воспитанница семьи Бородиных.

Александра Михайловна Бородина — см. о ней примечание к письму 27.

Николай Михайлович Бородин — см. о нем примечание к письму 100.

Сестрица моя пензенская... — Возможно, речь идет о Марии Ключевской [?] (см. о ней примечание к письму 3).

От старшей... — Возможно, речь идет об Анастасии Ключевской [?] (см. о ней примечание к письму 28).

«Ах, не знай сих страшных снов ты, моя Светлана» — цитата из баллады В. А. Жуковского «Светлана».

Александра Ильинична Бородина — мать Н. М. Бородиной.

...красна.— Имеется в виду Александра Михайловна Бородина.

Коля — Николай Михайлович Бородин.

Лидочка.— Возможно, речь идет о Лидии Николаевне Громогласовой.

Ниса — Анисья Михайловна Ключевская (см. о ней примечание к письму 24).

«Грусть».— Речь идет о статье «Грусть (Памяти М. Ю. Лермонтова, умер 15 июля 1841 г.)»; впервые издана без подписи с инициалом К. в журнале «Русская мысль», 1891, № 7, стр. 1—18; перепечатано в книге В. О. Ключеве в с к и й. Очерки и речи, стр. 117—139; он же. Соч., т. 8, стр. 113—132. В архиве Ключевского имеются наброски статьи (ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 9).

Черную книжку на днях вынимал...— Речь идет о записной книжке, обтянутой черным шелком с золотым обрезом страниц, куда Ключевский записывал свои афоризмы (см. стр. 332—361 настоящего издания). Впоследствии он подарил ее Н. М. Бородиной.

Долговы.— Речь идет о семье О. С. Долгова, в которой жила Анна Михайловна Бородина (см. о ней примечание к письму 23).

...в[еликий] к[нязь].— Речь идет о вел. кн. Георгии Александровиче.

...граф.— Речь идет об Александре Васильевиче Олсуфьеве.

...моя крестница.— Речь идет о Надежде Сергеевне Бородиной (в замужестве Воскресенская), дочь С. М. и Е. А. Бородиных. Впоследствии она передала ряд материалов Ключевского в ГПИБ.

...составляя известную злую эпиграмму...— Имеется в виду эпиграмма А. С. Пушкина на новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова:

«Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец».

Посылаю подснежник, крокус и какой-то фиолетовый цветок.— Эти цветы сохранились в отдельном маленьком конверте.

Елена Алексеевна Бородина — см. о ней примечание к записи в дневнике за 28 [февраля] 1903 г.

Павел Сергеевич Усов — врач, лечивший Ключевского.

Список сокращений

- ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей в Москве
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
д. — дело
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
л., лл. — лист, листы
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
об. — оборот
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
оп. — опись
ОРФ ИИ — Отдел рукописных фондов Института истории Академии наук СССР
п. — папка
ф. — фонд
ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив города Москвы
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

Именной указатель*

- А. см. Аксаков И. С.
- Абдул-Гамид II (1842—1918), в 1876—1909 гг. турецкий султан 304
- «Абрам» см. Смирнов А. П.
- Абрамович Дмитрий Иванович (1873—1955), историк древнерусской литературы, в 1898—1909 гг. проф. русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы С.-Петербургской духовной академии 282, 473
- Аввакум Петрович (1620/1621—1682), протопоп, один из основателей русского старообрядчества, писатель 259, 465
- Аврелий Пруденций Клемент см. Пруденций Аврелий Публий Клемент
- Автократов Рафаил Михайлович, старший товарищ В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, окончил ее в 1858 г. 96
- Агамемнон (миф). 226
- Агассис (Агасси) (в тексте Агази) Луи Жан Рудольф (1807—1873), швейцарский естествоиспытатель 122
- Адам (библ.) 229, 246, 315
- Айвазовский Иван Константинович (1817—1900) 409
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист и общественный деятель славянофильского лагеря, издатель газет «День» (1861—1865 гг.) и «Москва», затем «Москвич» (1867—1868 гг.) 94, 130, 426, 429
- Алгебров Иван Григорьевич, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 23, 30, 58
- Александр I (1777—1825), с 1801 г. император 298, 299, 316, 317, 373, 385, 391, 394, 395
- Александр II (1818—1881), с 1855 г. император 22, 41, 47, 50, 52, 121, 234, 279, 298, 299, 424, 430, 459, 460, 472
- Александр III (1845—1894), с 1881 г. император 299, 395, 444, 483
- Александр Македонский (356—323 до н. э.), полководец и государственный деятель древнего мира, македонский царь 103
- Алексеев Александр Семенович (1851—1916), юрист, с 1885 г. проф. государственного права Московского ун-та 273
- Алексей Михайлович (1629—1676), с 1645 г. русский царь 256
- Алмазов Александр Иванович (1859—1920), проф. Новороссийского ун-та по кафедре церковного права 302
- Алышевский Владимир Ясонович, почетный лейб-медик 265
- Альфонский Аркадий Алексеевич (1796—1869), проф. хирургии Московского ун-та, в 1842—1848, 1850—1863 гг. ректор 72, 425
- Амартола см. Георгий Амартола
- Амфилохий (до пострижения — Сергиевский Павел Иванович; 1818—1893), архимандрит, историк, архивист и палеограф, с 1868 г. чл.-корр. Академии наук, с 1870 г. настоятель Московского Даниловского монастыря 253, 461
- А. Н. см. Маклаков А. Н.

* Курсивом выделены номера страниц предисловия, археографического послесловия и примечаний.

Список сокращений

англ. — английский; бар. — барон; библ. — библейский; вел. кн. — великий князь, великая княгиня; ген. — генерал; ген.-ад. — генерал-адъютант; гр. — граф, графиня; ин-т — институт; исп. — испанский; кн. — князь; миф. — мифический; нем. — немецкий; об-во — общество; проф. — профессор; светл. кн. — светлейший князь, светлейшая княгиня; сов. — советский; ун-т — университет; чл.-корр. — член-корреспондент; фак-т — факультет; франц. — французский

- Анаксимандр из Милета (ок. 610—546 до н. э.), древнегреческий философ-материалист 86, 425
- Анаксимен из Милета (ок. 610—525 до н. э.), древнегреческий философ-материалист 86
- Андреев Александр Иванович, сов. историк 415
- Андреев Константин Алексеевич (1848—1921), математик, проф. Харьковского и Московского ун-тов, с 1879 г. председатель Математического об-ва при Харьковском ун-те 275, 279, 469, 470
- Андреева (Желябужская) Мария Федоровна (1872—1953), актриса и общественный деятель, жена А. М. Горького 195
- Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174), вел. кн. владимирский, сын Юрия Долгорукого 251
- Анисимов, студент Московского ун-та 447
- Анна Иоановна (1693—1740), с 1730 г. императрица 333, 483
- Анненков Павел Васильевич (1813—1887), публицист, литературовед и критик 101
- Антоний (до пострижения — Верковский Александр Васильевич; 1846—1912), епископ волынский и искириотский, с 1898 г. петербургский митрополит 302
- Антоний (до пострижения — Говоров; 1820—1858), проф. Пензенской духовной семинарии 35, 421
- Антонович Владимир Бонифатьевич (1834—1908), украинский историк, с 1878 г. проф. русской истории Киевского ун-та, в 1880—1883 гг. декан историко-филологического фак-та Киевского ун-та 126, 252, 255, 461, 462
- Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728), гр., генерал-адмирал русского флота, с 1700 г. начальник Адмиралтейского приказа, с 1717 г. президент Адмиралтейств-коллегии 385
- Аравийский Степан Васильевич, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 58
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), ген. от артиллерии, временщик при дворах Павла I и Александра I 298, 316
- Аристидов 24
- Аристипп из Кирены (435—355 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист 87
- Аристов Николай Яковлевич (1834—1882), историк, проф. Казанского (1868 г.), Варшавского (1869—1872 гг.) и Харьковского (1873—1874 гг.) ун-тов и Нежинского историко-филологического ин-та (1875—1882 гг.) 142
- Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ 75, 81, 87—89, 103
- Артоболовский Иван Алексеевич (1872—?), церковный историк 417, 426, 429
- Архангельский Александр Семенович (1854—1926), историк русской литературы, в 1882—1908 гг. проф. Казанского, а с 1908 г. Петербургского ун-тов 482
- А. С. см. Строгонова А. С.
- Аскольд (уб. ок. 882 г.), легендарный киевский кн. 57, 286, 423
- Афанасьев Федор Афанасьевич (1859—1905), рабочий-революционер, большевик, один из руководителей Иваново-Вознесенской стачки 1905 г. 281
- Афина Паллада (миф.) 61, 344
- Ахиллес (миф.) 226
- Б. см. Пафнутий (?)
- Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), экономист, проф. политической экономии Казанского (1851—1857 гг.) и Московского (1857—1874 гг.) ун-тов 132, 135, 430
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) 111, 406
- Баладури (Абуль Аббас Ахмед Ибн Яхья Ибн Джабира; ум. 892), арабский писатель, историк 286, 474
- Барский см. Григорович-Барский В. Г.
- Барсков Яков Лазаревич (1863—1937), историк литературы 193—195, 198—200, 207, 208, 212, 216, 282, 290, 415, 450—453, 455, 456, 458, 482
- Барскова Ольга Яковлевна, жена Я. Л. Барскова 194, 200, 208, 212, 450
- Барсов Елпидифор Васильевич (1836—1917), историк, этнограф, археолог, в 1881—1907 гг. секретарь Московского общества истории

- и древностей российских и редактор его «Чтений» 7, 177, 181, 208, 252, 253, 256, 433, 443, 462
- Барсуков Александр Платонович (1839—1914), историк, в 1883—1909 гг. член Археографической комиссии 193, 450
- Барсуков Иван Платонович (1841—1906), историк 164, 193, 439, 450
- Барсуков Николай Платонович (1838—1906), историк, библиограф, археограф, в 1863 г. поступил на службу в Археографическую комиссию, с 1883 г. заведовал архивом Министерства народного просвещения 7, 156, 162, 193, 436, 438, 450
- Барсукова Зинаида Ивановна, дочь И. П. Барсукова 164
- Бартев Петр Иванович (1829—1912), археограф и библиограф, издатель «Русского архива» 335
- Баршев Сергей Иванович (1808—1882), юрист, с 1834 г. преподаватель, вскоре проф. уголовных и полицейских законов Московского ун-та (до 1876 г.), в 1842—1845 гг. цензор, в 1863—1870 гг. ректор ун-та 132, 135, 360, 430
- Бауман Николай Эрнестович (1873—1905), выдающийся деятель большевистской партии 300, 476
- Безобразов Александр Михайлович (1855— ?), в 1903—1905 гг. статс-секретарь Николая II 289
- Беккер Иммануэль (1785—1871), нем. философ-классик 139, 141
- Беклемишева Вера Евгеньевна (1881—1944), писательница 270
- Белавенец [Петр Иванович?], историк русского флота 282
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) 298
- Белокуров Сергей Алексеевич (1862—1918), историк, археограф, с 1886 г. делопроизводитель Главного архива Министерства иностранных дел 7, 169, 175—178, 181, 417, 441—443
- Бельгард Александр Карлович (1855— ?), с 1892 г. харьковский вице-губернатор, в 1896—1902 гг. полтавский губернатор 280
- Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873), историк, славянофил, с 1852 г. проф. Московского ун-та по кафедре русского законодательства 132, 430
- Бенеке Фридрих-Эдуард (1798—1854), нем. философ 121
- Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1843), гр., с 1826 г. шеф Корпуса жандармов и главный начальник III Отделения 298, 314
- Бердников Илья Степанович (1839—1915), проф. Казанской духовной академии и Казанского ун-та 302
- Берте Н., педагог, автор учебника по всеобщей истории для гимназии 27, 28, 420
- Бершадский Сергей Александрович (1850—1896), юрист, с 1885 г. проф. Петербургского ун-та 442
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), историк, в 1865—1884 гг. проф. Петербургского ун-та 94, 146, 147, 426, 433
- Бегховен Людвиг Ван (1770—1827) 115, 130
- Бецкий (Бецкой) Иван Иванович (1704—1795), видный деятель в области просвещения, в 1763 г. президент Академии художеств и директор Кадетского корпуса 354
- Бирюков, студент Московского ун-та 179
- Бисмарк Отто, фон Шенгаузен (1815—1898), кн., государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, в 1859—1862 гг. прусский посол в Петербурге и в 1862 г. в Париже, с 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел, в 1871—1890 гг. рейхсканцлер Германской империи 246, 328, 472
- Благодарузов Николай Васильевич (1836—1907), старший товарищ В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, церковный писатель, магистр Петербургской духовной академии, протопресвитер Московского Успенского собора 96, 190, 450
- Блекстон Вильям (1723—1780), англ. юрист, проф. Оксфордского ун-та 304
- Бобриков Николай Иванович (1838—1904), ген-ад., с 1898 г. ген.-губернатор Финляндии 289, 290
- Бобринский Алексей Григорьевич (1762—1813), гр., сын Екатерины II и Г. Г. Орлова 234
- Бобров Александр Алексеевич (1850—1904), хирург, с 1881 г. доцент, а с 1885 г. проф. Московского ун-та 278, 469, 470

- Боголепов Николай Павлович (1846—1901), юрист, проф. Московского ун-та, в 1883—1887 и 1891—1893 гг. ректор Московского ун-та, с 1895 г. попечитель Московского учебного округа, в 1898—1901 г. министр народного просвещения 7, 153, 180, 182, 185, 186, 189, 269, 270, 274, 275, 279, 435, 443—446, 468, 471
- Боголепова Екатерина Александровна (урожд. Ливен), жена Н. П. Боголепова, автор «Записок» о муже 182, 279
- Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), историк, проф. Московского ун-та 216, 217, 281, 420, 449, 450, 457
- Богоявленский Василий Яковлевич, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 58
- Бодянский Осип Максимович (1808—1877), славист, с 1842 г. проф. Московского ун-та, в 1846—1848 и 1858—1877 гг. секретарь Московского общества истории и древностей российских 101
- Болтин Иван Никитич (1735—1782), историк, государственный деятель 264, 367
- Бонсманг 480
- Борис Владимирович (уб. 1015), кн. ростовский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 18
- Борис Федорович Годунов (1551—1605), с 1598 г. русский царь 171, 451
- Бородин Лев Сергеевич, сын С. М. и Е. А. Бородиных, врач-терапевт 216, 416, 458
- Бородин Николай Михайлович (ок. 1844—ок. 1918), товарищ В. О. Ключевского по Московскому ун-ту и брат его жены, впоследствии старший бухгалтер Петербургского ж/д узла 201, 403, 427, 453, 483, 484
- Бородин Сергей Михайлович (1850—1922), брат жены В. О. Ключевского, педагог, автор учебников по русскому языку 107, 428, 458, 474, 484
- Бородина Александра Ильинична (1816—1904), мать жены В. О. Ключевского 403, 408, 410, 484
- Бородина Александра Михайловна (ок. 1836—ок. 1905), сестра жены В. О. Ключевского 114, 115, 403, 427, 428, 483, 484
- Бородина Анна Михайловна (1840/1841—1912), сестра жены В. О. Ключевского 104—112, 114—118, 427, 428, 484
- Бородина Елена Алексеевна (урожд. Платонова; 1860—1936), жена С. М. Бородина, слушательница курсов В. О. Ключевского 285, 411, 458, 474, 484
- Бородина Елизавета Михайловна (ок. 1846—1919), сестра жены В. О. Ключевского 107, 114, 401, 403, 408, 410, 411, 428, 483
- Бородина Надежда Михайловна (1848—1919), сестра жены В. О. Ключевского 10, 104—108, 112, 115—117, 285, 400—404, 407, 408, 410—412, 427, 474, 478, 483, 484
- Бородины, семья жены В. О. Ключевского 104, 106, 115, 427, 428
- Бочкарев Валентин Николаевич (1880—1967), сов. историк 413, 415, 416, 421, 423, 449, 452
- Брандт Роман Федорович (1853—1920), проф. русской словесности и славянских наречий Петербургского ун-та, с 1886 г. проф. Московского ун-та 270, 303
- Брикнер Александр Густавович (1834—1896), в 1867—1871 гг. проф. русской истории Новороссийского, а с 1872 г. Дерптского ун-тов 260, 465
- Бровкович см. Никанор
- Брун Филипп Карлович (1804—1880), историк и археолог Причерноморья 257, 463
- Булатов, студент Московского ун-та 179
- Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), писатель, поэт, переводчик 195
- Бурлуцкая Мария Петровна, жена Я. П. Бурлуцкого 53
- Бурлуцкий Яков Петрович (в тексте «Урлук» и «Яшенька»; 1819—1887), проф. словесности Пензенской духовной семинарии, с 1858 г. инспектор и преподаватель духовной истории, первый редактор «Пензенских епархиальных ведомостей» 25, 53, 54, 63, 91, 92, 129, 420, 422, 425
- Буслаев Федор Иванович (1818—1897), историк литературы, с 1847 г. преподаватель, а позже проф. Московского ун-та, с 1860 г. академик 24, 26, 32, 34, 36, 39,

- 42, 43, 52, 55—58, 60, 69, 86, 92, 94, 101, 120, 133, 376, 419, 425, 426, 433, 434
- Бухарев Александр Матвеевич (архимандрит Феодор; 1822—1871), писатель, с 1846 г. проф. священного писания Московской духовной академии и с 1854 г. проф. догматического богословия Казанской духовной академии 427
- Бэкон Фрэнсис (1561—1626), англ. философ-материалист 46, 313
- Бэр Иоганн-Христиан Феликс (1798—1872), нем. филолог и археолог 139—141, 144
- Бюхнер Фридрих Карл Христиан Людвиг (1824—1899), нем. физиолог, проповедник вульгарного материализма 84, 97
- Вагнер Вильгельм (1843—1880), нем. филолог-классик, издатель 131, 135
- Валуа, в 1328—1589 гг. династия французских королей, ветвь Капетингов 28
- Валуев Петр Александрович (1814—1890), гр., с 1853 г. курляндский губернатор, с 1858 г. директор департамента Министерства государственных имуществ, в 1861—1868 гг. министр внутренних дел, в 1872—1879 гг. министр государственных имуществ, с 1877 г. председатель Комитета министров, в 1879—1881 гг. член Государственного совета 299
- Вальтер, нем. филолог-классик, издатель 131
- Ванновский Петр Семенович (1822—1904), в 1881—1898 гг. военный министр, в 1902—1904 гг. министр народного просвещения 269, 277, 278, 467, 469, 470
- Варлаам (до пострижения — Василий Иванович Успенский; 1801—1876), пензенский архиепископ, позднее тобольский архиепископ 17, 32, 33, 53, 418
- Варлаам Ясинский, в 1669—1673 гг. ректор Киевской духовной академии, позже настоятель Киево-Печерского монастыря, в 1690 г. митрополит Киева, Галича и всей Малороссии 250
- «Варяжка» см. Мария Федоровна Васенко Платон Григорьевич (1874—?), магистр русской истории 440
- Василий Амасийский (г. рожд. неизв.— ум. ок. 322), с 314 г. епископ в Амасии (в Кападокии) 254
- Василий I Македонянин (813—886), с 867 г. византийский император, первый из Македонской династии 461
- Василий II Темный (1415—1462), с 1425 г. вел. кн. московский, сын Василия Дмитриевича 463
- Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899), историк-византист, с 1870 г. проф. всеобщей истории Петербургского ун-та, с 1890 г. академик 265
- Васильков Егор, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 58
- В. Г. см. Герье В. И.
- Вебер Георг (1808—1888), нем. историк, директор высшей городской школы в Гейдельберге 27, 420
- Великий князь см. Георгий Александрович
- Венкстерн Алексей Алексеевич (1856—1909), поэт, переводчик, с 1879 г. преподаватель русского языка в Поливановской гимназии, служил в Московском комитете по делам печати, в 1884—1887 гг. секретарь Об-ва любителей российской словесности 284, 473
- Вергилий (в тексте Виргилий) Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт 31, 131, 134, 139
- Верещагина Елизавета (урожд. Преклонская; 1880/1882—1906), племянница и воспитанница В. О. Ключевского 200, 297, 453, 475
- Вернадский Владимир Иванович (1863—1940), минералог и общественный деятель, с 1898 г. проф. минералогии и кристаллографии Московского ун-та, с 1904 г. академик, с 1906 г. член Государственного совета 280, 472
- Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор и театральный деятель 423
- Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), историк литературы, с 1872 г. проф. Петербургского ун-та 145, 153, 154
- Веселовский Иван Павлович, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, затем архивариус Пензенской казенной палаты 58
- «Вечный Жид» см. Парадизов С. А.

- Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), чиновник Министерства внутренних дел 360, 479
- Вильгельм I (1797—1888), в 1861—1871 гг. король Пруссии, с 1871 г. император Германии 279, 472
- Вингус Андрей Андреевич (1641—1717), русский государственный деятель, один из ближайших сотрудников Петра I в ранние годы его царствования 304
- Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), в 1884—1902 гг. и 1908—1910 гг. проф. всеобщей истории Московского ун-та, с 1903 г. проф. Оксфордского ун-та по кафедре юриспруденции 156, 265, 268, 274, 275, 277—279, 436, 469, 470
- Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954), историк, академик, в 1894—1897 гг. проф. всеобщей истории Новороссийского ун-та, в 1899—1924 гг. проф. Московского ун-та 7, 210, 212, 217, 455
- Виргилий см. Вергилий
- Виргинская Елизавета Осиповна (1844—?), сестра В. О. Ключевского 17, 69, 119, 136, 141, 144, 417, 418, 420, 429, 432
- Виргинский И. В., муж сестры В. О. Ключевского, двоюродный брат Ф. М. Керенского 432
- Витте Сергей Юльевич (1849—1915), гр., с 1889 г. директор Департамента железнодорожных дел, в 1892—1903 гг. министр финансов, в 1903—1906 г. председатель Комитета и впоследствии Совета министров, в 1906—1915 гг. председатель Комитета финансов 284, 285, 290, 294, 295, 297, 298, 301; 380, 472—475
- В. Л. см. Легонин В. А.
- Владимир (до пострижения — Василий Никифорович Богоявленский; 1847—1918), с 1898 г. митрополит московский и коломенский 294, 302
- Владимир (Владимир-Василий) Всеволодович Мономах (1053—1125), с 1113 г. вел. кн. киевский, сын Всеволода Ярославича 32, 250
- Войденос Василий Петрович (1852—1904), преподаватель Московской духовной семинарии, церковный композитор 190
- Волконский Сергей Васильевич (ум. во второй половине 1880-х годов), член Рязанского губернского комитета, один из первых председателей Рязанской земской управы 97, 98, 102, 426, 427
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) 93, 304, 365, 371, 438
- Вольф Христиан (1679—1754), нем. философ-идеалист, проф. ун-тов в Галле и Марбурге 304
- Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), светл. кн., ген.-фельдмаршал, в 1823—1844 гг. ген.-губернатор Новороссии и наместник Бессарабской обл., с 1844 г. наместник Кавказа 408—410, 484
- Воронцова Елизавета Ксаверьевна (урожд. гр. Браницкая; 1792—1880), светл. кн., жена М. С. Воронцова 410
- Воскресенская Надежда Сергеевна (урожд. Бородина; 1883—1952), работник Исторического музея и Музея реконструкции Москвы 408, 413, 484
- Воскресенский 24, 92
- Воскресенский Григорий Александрович (1849—?), проф. Московской духовной академии 438
- Врангель Егор Егорович (1827—1875), бар., с 1867 г. сенатор, директор департамента Министерства юстиции 234
- Всеволод II Олегович (ум. 1146), с 1139 г. вел. кн. киевский, сын Олега Святославича 56, 254, 422
- Всеволод-Дмитрий Юрьевич («Большое Гнездо»; 1154—1212), с 1176 г. вел. кн. владимиристо-суздальский, сын Юрия Долгорукого 251
- Всеволод Святославович (ум. 1196), кн. курско-трубчевский 56, 422
- Вышеславцев Алексей, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 93
- Вышеславцев Ефим, старший товарищ В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 93
- Вышневецкие, польский княжеский род 256
- Вышневецкий К. И., киевский воевода (XVII в.) 256
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), инженер и ученый, директор Петербургского технологического ин-та и проф. Михайловской артиллерийской академии, с 1887 г. управляющий Министерством финансов, в 1888—1892 гг. министр финансов 311

- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), кн., поэт, критик и публицист, в 1856—1858 гг. товарищ министра народного просвещения, член Главного управления цензуры 156
- Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906), священник, провокатор, организатор об-ва «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» 292
- Гаркави Авраам Яковлевич (1839—1919), востоковед, гебраист, библиотечарь имп. Публичной библиотеки 257, 463, 474
- Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891), археолог, публицист, с 1886 г. издатель «Крестного календаря», в 1875—1890 гг. «Газеты А. Гатцука, политическо-литературной, художественной и ремесленной» 254
- Гвоздев Иван Петрович (1821—1873), брат П. П. Гвоздева, с 1849 г. проф. всеобщей гражданской истории Казанской духовной академии 132, 135, 140, 142, 144, 430
- Гвоздев Павел Порфирьевич (1872—?), сын П. П. Гвоздева, историк 167, 168
- Гвоздев Порфирий Петрович (1838/1840—1901), одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, преподаватель латинского языка в Казанской второй гимназии, в 1871—1883 гг. приват-доцент Казанского ун-та по кафедре римской словесности, с 1883 г. перешел на службу в Московский учебный округ 6, 7, 22—30, 35—43, 46, 50—58, 63—68, 70—73, 79, 80, 85, 86, 90—102, 129—135, 138—144, 167, 413, 418—427, 429—432, 440, 442
- Гвоздевы 7, 430
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) 75—77, 81—84, 265
- Гейне Генрих (1797—1856) 65, 245, 246, 424
- Гейнике, студент Московского ун-та 447
- Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894), нем. ученый, работавший в области физики, математики, физиологии и психологии 282, 284, 473
- Геннадий (Гонозов или Гонзов; ум. 1504), с 1484 г. архиепископ новгородский 154
- Георгий Александрович (1871—1889), вел. кн., второй сын Александра III 404, 405, 441, 444, 472, 484
- Георгий Амартола («Грешник»; сер. IX в.), византийский хронист 254
- Гераклит Эфесский (ок. 530—470 до н. э.), древнегреческий философ-материалист, один из представителей античной диалектики 77, 425
- Герbart Иоганн Фридрих (1776—1841), нем. философ-идеалист, психолог и педагог, проф. Геттингенского и Кенигсбергского ун-тов 77, 78, 84
- Герман, инок, монах Спасо-Каменного монастыря, составивший житие Филиппа Ирапского 436
- Геродот (ок. 484—425 до н. э.), древнегреческий историк 31, 54, 86
- Герц Карл Карлович (1820—1883), проф. археологии и истории искусств Московского ун-та, хранитель картин Московского Румянцевского музея 34, 421
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) 298, 423, 424
- Герценштейн Михаил Яковлевич (1859—1906), экономист и политический деятель, проф. политической экономии Московского сельскохозяйственного ин-та, один из лидеров кадетской партии, член I Государственной думы, убит агентами «Союза русского народа» 476
- Герье Александр Владимирович (1871—1893), сын В. И. Герье 173, 174, 441
- Герье Владимир Иванович (1837—1919), историк, в 1868—1904 гг. проф. всеобщей истории Московского ун-та, организатор Высших женских курсов в Москве 7, 134, 142, 144—148, 152, 153, 156—160, 170, 173—175, 180, 181, 269, 275, 279, 334, 414, 430, 432, 433, 435, 436, 438, 440, 441, 443, 469, 470
- Герье Евдокия (Авдотья) Ивановна (урожд. Токарева; 1844—1914), жена В. И. Герье, переводчица, слушательница курсов В. О. Ключевского 145, 148, 154, 158, 159, 162, 170, 174, 433, 435, 438
- Гессен Иосиф Владимирович (1866—1943), юрист, публицист и политический деятель, один из учредителей и бессменный член ЦК партии кадетов, редактор газеты «Речь» 457

- Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) 105
- Гетц Леопольд-Карл (1868—?), проф. Боннского ун-та, автор работ по истории древнерусского права и культуры 281
- Гиацинтов Владимир Егорович (1858—1933), приват-доцент Московского ун-та по кафедре истории искусства, впоследствии работал в Московском музее изящных искусств 473
- Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874), франц. историк и политический деятель 282, 384, 473
- Гиляров Александр Петрович (1804—1871), московский священник 55
- Гиляров Федор Александрович (1841—1895), педагог-словесник, публицист, автор пособий для школы по русскому языку, товарищ В. О. Ключевского по Московскому ун-ту 55, 422
- Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), славянофил, проф. Московской духовной академии, в 1867—1887 гг. издатель и редактор газеты «Современные известия» 55, 435
- Гирченко, студент Московского ун-та 447
- Глаголева Александра Матвеевна (1873—1954), участница международного движения суфражисток 338, 479
- Глеб Владимирович (уб. 1015), кн. муромский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 18
- Глебов Николай Федорович (1834—1893), в 1858—1860 гг. преподаватель математики и древних языков Пензенской духовной семинарии, впоследствии протоиерей Касимовского собора, с 1892 г. кафедральный протоиерей и редактор «Рязанских епархиальных ведомостей» 95, 97, 426
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857) 57, 423
- Глубоковский Николай Никанорович (1863—1917), богослов и историк, проф. Петербургской духовной академии, в 1905—1911 гг. редактор «Богословской энциклопедии» 302
- Гоббс (в тексте Гоббес) Томас (1588—1678), англ. философ-материалист 304
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) 61, 97, 120, 226, 386, 388, 389, 405, 414, 478
- Годунов *см.* Борис Федорович Годунов
- Годунова *см.* Ксения Борисовна Годунова
- Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), гр., поэт, в 1888—1895 гг. управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками, с 1896 г. заведующий канцелярией императрицы Марии Федоровны, с 1890 г. академик 309, 477
- Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737), кн., в 1711—1721 гг. киевский губернатор, в 1726—1730 гг. член Верховного тайного совета, член Сената 303, 304
- Головацкий Яков Федорович (1814—1888), украинский поэт, фольклорист и этнограф 252, 254, 255, 462
- Головачев, студент Московского ун-та 285
- Головин Федор Алексеевич (1650—1706), гр., государственный деятель и дипломат, ген.-фельдмаршал 365
- Головин Александр Васильевич (1821—1886), в 1861—1870 гг. министр народного просвещения, с 1870 г. член Государственного совета 132, 143, 163, 430
- Голубев Александр Алексеевич (1841—1895), старший товарищ В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, правовед, писатель 102
- Голубев Степан Тимофеевич (1849—1920), историк церкви, проф. Киевской духовной академии 302
- Голубцов Иван Александрович (1887—1966), сов. историк 475
- Голубцов Сергей Александрович (1893—1930), сов. историк 6, 413, 416, 418—420, 424, 425, 429, 430
- Гольцов Виктор Александрович (1850—1906), приват-доцент Московского ун-та, публицист, с 1885 г. фактический редактор журнала «Русская мысль», член партии кадетов 7, 161, 164, 282, 301, 438, 439, 442
- Гомер, легендарный эпический поэт Древней Греции 31, 56, 86, 122, 131, 134
- Гонзалес, исп. кардинал 342
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891) 386

- Гораций Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.), римский поэт 31, 122, 134, 139—141
- Горизонтов Тихон Алексеевич, в 1858—1861 гг. преподаватель физики, математики, латинского и еврейского языков Пензенской духовной семинарии, впоследствии протоиерей при Варшавском кафедральном соборе 15, 32, 50, 53, 60, 417, 418
- Горский-Платонов Павел Иванович (1835—1904), ректор Московской духовной академии и проф. священного писания, еврейского языка и археологии 149, 150
- Горчаков Михаил Иванович (1838—1910), протоиерей, проф. истории русской церкви Петербургского ун-та, член Государственного совета 146, 147, 433
- Горький Алексей Максимович (1868—1936) 195
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), ученый и общественный деятель, с 1839 г. проф. всеобщей истории Московского ун-та 142, 265, 294, 298, 475
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) 61
- Григорович Виктор Иванович (1815—1876), языковед, один из основоположников славянской филологии, с 1839 г. проф. Казанского ун-та, с 1849 г. проф. Московского ун-та, в 1854—1856 гг. проф. Казанского ун-та и Казанской духовной академии, в 1865—1876 гг. проф. Новороссийского ун-та 253, 255, 256, 461
- Григорович-Барский (в тексте Барский) Василий Григорьевич (1701—1747), путешественник, в 1724 г. поступил во Львовскую иезуитскую академию под вымышленной фамилией Барский 254
- Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), критик и поэт 101, 224, 459
- Гримальди Энрикетта, итальянская балерина, в 1899—1906 гг. танцевала в России 195
- Гримм Вильгельм (1786—1859), нем. филолог, проф. Геттингенского, затем Берлинского ун-тов, член Прусской Академии наук 55, 126
- Гримм Якоб (1785—1863), нем. филолог, историк права 43, 46, 55, 71, 96, 99, 126
- Гримов М. С., товарищ В. О. Ключевского по Московскому ун-ту, впоследствии славист и общественно-политический деятель 92, 425
- Гринблат Натан Яковлевич 293
- Громека Степан Степанович (1823—1877), либеральный публицист, сотрудник «Отечественных записок» и «С.-Петербургских ведомостей» 94, 426
- Громогласова Лидия Николаевна 403, 484
- Грот Джордж (1794—1871), англ. историк античности 34, 421
- Гроций Гуго де Гроот (1583—1645), голландский историк, юрист и дипломат 394
- Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934), украинский историк буржуазно-националистического направления, с 1894 г. проф. всеобщей истории Львовского ун-та 205
- Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859), нем. естествоиспытатель, путешественник, один из основоположников современной географии растений, геофизики, гидрографии 122, 126
- Гумбольдт Вильгельм (1767—1835), нем. филолог и прусский государственный деятель 126
- Гурко Владимир Иосифович (1863—1927), в 1902 г. управляющий земским отделом Министерства внутренних дел, в 1906 г. назначен товарищем министра внутренних дел 384, 481
- Гусев Дмитрий Федотович (1811—?), проф. греческого языка и физико-математических наук Казанской и Петербургской духовных академий 167
- Гучков Александр Иванович (1862—1936), лидер партии октябристов, с 90-х годов XIX в. член Московской городской думы 309, 310
- Давид (библ.) 147, 433
- Давыдов Николай Васильевич (1848—1920), проф. Московского ун-та по кафедре уголовного права, в 1881—1885 гг. редактор журнала «Зритель», с 1897 г. председатель Московского окружного суда 279, 281, 282, 284, 388
- Даль Владимир Иванович (псевд.— Казак Луганский; 1801—1872), ученый-диалектолог, этнограф, пи-

- сатель, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» 459
- Данилевский [Григорий Петрович (1829—1890), писатель?] 304
- Данилович Григорий Григорьевич (1825—1906), ген. от инфантерии, член Главного военно-учебного комитета, воспитатель детей имп. Александра III—Николая и Георгия 182, 444
- Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) 122, 368, 418
- Деделейн Людвиг (1791—1863), нем. философ и педагог, автор работ в области синонимики и этимологии 134
- Дейбнер, московский книгопродавец 134, 139, 144
- Делькель Юлий, преподаватель немецкого языка в Московском ун-те 40, 61, 62, 423
- Десянов Иван Давыдович (1818—1897), гр., член Главного цензурного управления, в 1861—1866 гг. попечитель Петербургского учебного округа, с 1866 г. товарищ министра народного просвещения, в 1882—1897 гг. министр народного просвещения 7, 171—173, 439, 441
- Демокрит из Абдеры (во Фракии) (ок. 460—370 до н. э.), древнегреческий философ-материалист 87
- Демьяненко, генерал 182
- Ден Владимир Эдуардович (1867—1933), экономист и эконом-географ, с 1898 г. приват-доцент Московского ун-та, с 1902 г. проф. экономической географии Политехнического ин-та в Петербурге 281
- Державин Гавриил Романович (1743—1816) 120
- Державин Рафаил Иванович, инспектор Московского ун-та, преподаватель латинского языка в 5-й Московской гимназии 285, 468
- Десницкий Семен Ефимович (г. рожд. неизв.—1789), выдающийся русский ученый в области социологии и права, проф. Московского ун-та, член Академии наук 304
- Дзяловский Сигизмунд (Зыгмунт) (1843—1878), польский общественный деятель, археолог 255, 462
- Дмитриев Федор Михайлович (1829—1894), историк русского права, в 1859—1868 гг. проф. Московского ун-та по кафедре иностранного государственного права, с 1882 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа, с 1886 г. сенатор 132, 135, 430
- Дмитрий Иванович (1582—1591), царевич, сын Ивана IV Грозного 170, 171, 441
- Дмитрий Павлович, муж А. Е. Колпиковой 16, 418
- Дмитрий Ростовский (до пострижения — Даниил Саввич Туптало; 1651—1709), церковный деятель и писатель, в 1684—1705 гг. создал многотомный свод житий святых — «Четьи-Минеи» 87, 255, 425
- Дмитрий Юрьевич Шемяка (1420—1453), кн. галицкий 463
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) 63, 423, 424
- Добросердов Василий Александрович, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 30, 58
- Добросердов Дмитрий Александрович, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 30, 58
- Долгов Осип Семенович (ум. до 1904 г.) 427, 484
- Долговы 404, 428, 484
- Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927), кн., в 1905 г. один из основателей партии кадетов, в 1906 г. член I Государственной думы, в которой был товарищем председателя, принял участие в составлении Выборгского воззвания, за что был посажен в тюрьму 207, 455
- Долгорукова Наталья Борисовна (1714—1771), кн., дочь фельдмаршала графа Б. П. Шереметева 256
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) 63, 209, 359
- Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895), украинский историк, этнограф и публицист 252, 253, 255, 461
- Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), военный деятель, теоретик и педагог, историк, в 1897—1903 гг. киевский ген.-губернатор 270
- Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), адмирал, ген.-ад., в ноябре 1905—июле 1906 гг. московский ген.-губернатор, с 1906 г. член Государственного совета 298
- Дубровин Николай Федорович (1837—1904), историк, ген.-ад., непрременный секретарь Академии

- наук, с 1896 г. редактор «Русской старины» 195, 302, 451
- Дудиц Беда-Франц (1815—1890), моравский историк, проф. Венского ун-та 255, 462
- Дурново Петр Николаевич (1844—1915), в 1883—1884 гг. вице-директор, в 1884—1893 гг. директор Департамента полиции, с октября 1905 г. по апрель 1906 г. министр внутренних дел, член Государственного совета 298
- Духовской Михаил Васильевич (1849—1903), юрист, в 1873—1874 гг. приват-доцент уголовного права Демидовского лицея, с 1885 г. преподаватель, а с 1892 г. проф. Московского ун-та 273, 275, 280, 469, 470
- Дюран или Дюранти Гильом (1230—1296), прозванный Мыслителем, епископ меранский 103, 420, 427
- Дютш Оттон (Отто) Иванович (1823—1863), композитор, дирижер и педагог, родился в Копенгагене, с 1847 г. жил в России 423
- Евдоким (до пострижения — Василий Иванович Мещерский, 1869—1936), церковный писатель, проф. и ректор Московской духовной академии, затем епископ волоколамский, викарий Московской епархии, с 1909 г. епископ каширский, викарий Тульской епархии 481
- Евпсхий (в тексте «Псих»; до пострижения — Гиренко; 1803—1875), в 1843—1862 гг. ректор Пензенской духовной семинарии 25—27, 33, 53, 91, 92, 95, 420, 425
- Европейцев Иван Васильевич (1823—1867), дядя В. О. Ключевского, в 1847—1867 гг. священник Боголюбской церкви в Пензе 13, 16, 17, 20—22, 47, 50, 67—70, 98, 102, 103, 118, 119, 121, 126—129, 136, 413, 417, 418, 420, 422, 424, 426—429
- Европейцев Михаил Иванович (1851— после 1917 г.), двоюродный брат В. О. Ключевского, сын И. В. Европейцева 17, 21, 68, 119, 121, 418
- Европейцев Павел Иванович (1846—?), двоюродный брат В. О. Ключевского, сын И. В. Европейцева 17, 18—21, 68, 69, 119—127, 418, 429
- Европейцева Евдокия Федоровна (урожд. Мошкова; 1826—1866), жена И. В. Европейцева, сестра матери В. О. Ключевского 13, 17, 20—22, 67, 118, 121, 126—129, 413, 417, 418, 420, 424, 428, 429
- Европейцева Екатерина Ивановна (в тексте Катюра; 1859—до 1913 г.), двоюродная сестра В. О. Ключевского, дочь И. В. Европейцева 17, 68, 121, 418
- Европейцевы, родственники В. О. Ключевского 7, 132, 418, 429
- Екатерина I (1684—1727), с 1725 г. императрица 388, 389, 482
- Екатерина II (1729—1796), с 1762 г. императрица 165, 206, 207, 228, 234, 264, 304, 316, 333, 352, 369, 383, 385, 388, 395, 396, 439, 457, 458
- Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария; 1806—1873), вел. кн., жена вел. кн. Михаила Павловича 214, 215
- Елизавета Петровна (1709—1761), с 1741 г. императрица 382
- Емельянов Юрий Николаевич, сов. историк 416
- Ефрем, переяславский епископ, с 1072 г. киевский митрополит, канонизован православной церковью 249
- Ешевский Степан Васильевич (1829—1865), историк, в 1853—1854 гг. читал русскую историю и статистику в Ришельевском (Одесском) лицее, в 1855—1857 гг. проф. русской истории Казанского, а с 1857 г. Московского ун-тов 24, 33, 34, 36—39, 52, 60, 419, 421
- Жирон, губернатор детей Луизы-Антуанетты-Марии Тосканской 473
- Жорж Себастиан (сер. XVIII в.—нач. XIX в.), нем. композитор, в 70-х годах XVIII в. переселился в Петербург 423
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) 58, 108, 419, 478, 484
- Забелин Иван Егорович (1820—1908), историк и археолог, один из основателей и в 1883—1908 гг. фактический руководитель Исторического музея в Москве 7, 168, 169, 253, 255, 343, 435, 440, 443, 461, 462
- Загоскин 132
- Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель 423

- Заозерский Пиколай Александрович (1851—1919 г.), историк, проф. церковного права Московской духовной академии, в 1906—1907 г. член предсоборного присутствия при св. Синоде 301
- Захарова Варвара Ильинична, воспитанница в доме Бородининых 401, 483
- Захарын Григорий Антонович (1829—1897), врач-терапевт, основатель Московской терапевтической школы, проф. Московского ун-та 157, 158
- Зенгер Григорий Эдуардович (1853—1919), филолог, в 1901—1902 г. попечитель Варшавского учебного округа, товарищ министра, а в 1902—1904 г. министр народного просвещения 280, 472
- Зенгер Николай Карлович (1877—?), член Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии 154, 157
- Зенон Элейский (490—430 до н. э.), древнегреческий философ 86, 87
- Зернов Дмитрий Николаевич (1843—1917), анатом, с 1869 г. доцент, с 1873 г. проф. анатомии Московского ун-та, в 1898—1899 г. ректор 269, 270, 273—275, 466—470
- Зямин Александр Александрович, сов. историк 413, 414, 416, 419, 423, 456, 482, 483
- З-н см. Забелин И. Е.
- Знаменский Петр Васильевич (1836—1917), историк русской церкви, проф. русской церковной истории Казанской духовной академии 7, 166, 167, 440
- Зограф Николай Юрьевич (1854—1919), с 1888 г. проф. зоологии Московского ун-та 270
- Золотницкий Николай Иванович (1829—1880), этнограф, языковед, инспектор чувашских школ, составитель первого букваря для начальных чувашских школ 254, 461
- Ибн Фадлан Ахмед, арабский путешественник и писатель, в 921—922 г. совершил поездку в составе посольства багдадского халифа через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию 282, 473
- Иван III Васильевич (1440—1505), с 1462 г. вел. кн. московский 463
- Иван IV Васильевич (1530—1584), с 1533 г. вел. кн. московский, с 1547 г. царь 200, 451, 453, 458
- Иванов 468
- Иванов Гавриил Афанасьевич (1826—1904), филолог, проф. римской словесности Московского ун-та 135, 163, 254
- Иванов Иван Иванович (в тексте И. И. И.; 1862—1920), историк литературы, критик 339, 357, 479
- Ивашенко Петр Семенович (1846—1880); проф. русской словесности в лицее кн. Безбородко 255, 462
- Игнатъев, московский домовладелец 468
- Игнатъев Алексей Павлович (1842—1906), гр., государственный деятель, с 1896 г. член Государственного совета, в 1905 г. председатель особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания 301, 308, 476, 477
- Игорь Олегович (ум. 1147), кн. новгородский, с 1146 г. кн. киевский 256
- Игорь Святославович (1151—1202), кн. новгород-северский и черниговский, герой «Слова о полку Игореве» 56, 57, 120, 183, 256, 422, 444, 445, 462
- Извольский Александр Петрович (1856—1919), дипломат, в 1906—1910 г. министр иностранных дел, в 1910—1917 гг. посол в Париже 389
- Извольский Петр Петрович (1851—1916), обер-прокурор св. Синода 302
- Износков Илиодор Александрович (1835—?), историк Казанского края, товарищ председателя Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, директор Казанского реального училища, позже чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. Синода 253, 461
- Изяслав Мстиславич (г. рожд. неизв.—ум. 1154), с 1146 г. вел. кн. киевский, сын Мстислава Владимировича 251
- И. И. И. см. Иванов И. И.
- Иксуль фон Гильденбандт Юлий Александрович (1852—?), бар., сенатор, в 1904—1909 гг. государственный секретарь, член Государственного совета и присутствующий член 308, 475, 477
- Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), историк и публицист,

- адъюнкт Московского ун-та по кафедре всеобщей истории, автор официальных учебников по истории для начальных и средних школ 67, 146, 147, 255, 336, 421, 433, 435, 462
- Ильминский Николай Иванович (1822—1891), сын пензенского протоиерея, ориенталист, проф. Казанского ун-та и Казанской духовной академии 132, 135, 190, 430, 449
- Илья Муромец (миф.) 60, 254
- Иннокентий III (1161—1216), с 1198 г. римский папа 432
- Иоанн (до пострижения — Владимир Соколов; 1818—1869), ректор Казанской духовной академии, архимандрит 166, 167
- Иоанн Атиохийский, византийский хронист VII в. 254
- Иоанн Малала, сирийско-византийский хронист второй половины VI в. 254
- Иоллос Григорий Борисович (1859—1907), редактор «Русских ведомостей», один из лидеров кадетской партии, член I Государственной думы, убит черносотенцами 302, 476
- Иорданская Александра Ивановна, жена казанского протоиерея 430
- Иорданский Андрей Никитич, казанский протоиерей 430
- Исаков Николай Васильевич (1821—1891), ген.-ад., в 1859—1863 гг. попечитель Московского учебного округа, с 1863 г. главный начальник военных учебных заведений, с 1881 г. член Государственного совета 48, 51, 72, 422
- Искра Иван (г. рожд. неизв.— ум. 1708), полковник Полтавского казачьего полка 256
- Истомин В. А., правитель канцелярии московского ген.-губернатора 270
- Ишутин, Николай Андреевич (1840—1879), народник, организатор кружка, после покушения Каракозова (1866 г.) был привлечен к суду и сослан в Сибирь, где и умер 459
- К. см. Кавелин К. Д.
К. см. Кареев Н. И.
К. см. Керженский М. И.
- Кабанов Андрей Киприанович (1876—1922), историк-краевед Нижегородского края 275
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, правовед и социолог, публицист государственной школы, в 1857—1861 гг. проф. Петербургского ун-та 343
- Калачов Николай Васильевич (1819—1885), историк, юрист, сенатор, в 1848—1852 гг. проф. Московского ун-та по кафедре истории русского законодательства, в 1859 г. член редакционных комиссий по выработке положений о крестьянах, с 1865 г. управляющий Московским архивом Министерства юстиции, в 1877 г. основатель в Петербурге археологического ин-та для подготовки ученых архивистов, с 1883 г. академик 7, 149, 154, 195, 435, 451
- Каллаш Владимир Владимирович (1866—1919), историк литературы, преподаватель литературы в Практической академии коммерческих наук и в других учебных заведениях, член партии кадетов 479
- Кальдерон де ла Барка Педро (1600—1681), исп. драматург 437
- Камаровский Леонид Алексеевич (1846—1912), гр., юрист, с 1874 г. преподаватель, а с 1881 г. проф. Московского ун-та по кафедре международного права, в 1890—1903 гг. преподаватель в Лицее цесаревича Николая 274, 469, 470
- Кант Иммануил (1724—1804) 81, 82, 327
- Капнист Павел Александрович (1840—1904), гр., писатель, с 1880 г. попечитель Московского учебного округа, с 1895 г. сенатор 443
- Капустин Михаил Николаевич (1828—1899), юрист, проф. международного права Московского ун-та, позднее директор Демидовского лицея, попечитель Дерптского, затем С.-Петербургского учебных округов 132, 135, 430
- Каракозов Алексей Владимирович, сербский уездный врач, брат Д. В. Каракозова 459
- Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), революционер, член кружка Ишутина; 4 апреля 1866 г. совершил неудачное покушение на Александра II; был повешен 227, 228, 459, 460
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) 120

- Каргер Михаил Константинович, сов. историк 461
- Кареев Николай Иванович (1850—1931), историк и публицист, в 1879—1884 гг. проф. Варшавского, в 1885—1899 гг. и с 1907 г. проф. Петербургского ун-тов 338, 479
- Карл Великий (ок. 742—814), с 768 г. франкский король, с 800 г. император 286
- Карл XII (1682—1718), с 1697 г. шведский король 392
- Карнович (в тексте Коронович) Евгений Петрович (1824—1895), историк, писатель и переводчик 426
- Карпов Геннадий Федорович (1848—1890), проф. русской истории Харьковского ун-та 147, 151, 155, 433
- Карпов Федор Иванович, окольный, дипломат и писатель XVI в. 253
- Карпова Анна Тимофеевна (урожд. Морозова; 1859—1918), жена Г. Ф. Карпова 177, 408
- Карпович Петр Владимирович (1874—1917), студент Московского ун-та, эсер, за покушение на Н. П. Боголепова был приговорен к 20 годам каторги, в 1907 г. бежал за границу и стал одним из помощников Азефа в «боевой организации» эсеров 471
- Кассо Лев Аристидович (1865—1914), в 1910—1914 гг. министр народного просвещения 469, 470
- Катилина Луций Сергей (108—62 до н. э.), политический деятель Древнего Рима периода кризиса Республики 28
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный публицист, в 1850—1855, 1863—1887 гг. редактор (с 1863 г. и арендатор) «Московских ведомостей», с 1856 г. издавал (совместно с П. М. Леонтьевым) журнал «Русский вестник» 130, 131, 299, 360, 425, 429, 479
- Катон Старший Марк Порций (234—149 до н. э.), политический деятель и писатель Древнего Рима 58, 120, 122
- Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842), историк и публицист, в 1805—1830 гг. издавал журнал «Вестник Европы», с 1810 г. проф. теории изящных искусств и археологии, с 1821 г. проф. истории, статистики и географии России, с 1835 г. проф. истории и литературы славянских народов, с 1837 г. ректор Московского ун-та 145
- Кашин Данило Никитич (1769—1841), композитор, издатель журнала «Отечественная муза» 423
- Квачевский Александр Андреевич (1830—1891), юрист 135, 142
- Керенский Александр Федорович (р. 1881), адвокат, эсер, в 1917 г. министр-председатель Временного правительства 430
- Керенский Федор Михайлович (1839—1913), по окончании Пензенской духовной семинарии сельский учитель, затем последовательно учитель и инспектор Казанской мужской гимназии, директор гимназии в Вятке, Симбирске, после чего возглавил учебный округ в Ташкенте 132, 140—142, 144, 430, 432
- Керженский (в тексте К.) М. И., товарищ Н. М. Бородина 105, 112, 427
- Кетчер Николай Христофорович (1809—1886), врач и переводчик Шекспира, в молодости входил в кружок Станкевича и был близок к Огареву и Герцену 147, 157
- Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), историк, публицист, с 1893 г. проф. Московского ун-та и позднее Высших женских курсов по кафедре русской истории, член II Государственной думы, в 1906 г. член ЦК кадетской партии, с 1922 г. проф. Пражского ун-та 198, 216, 416, 435, 452, 457, 458, 479
- Киприан (г. рожд. неизв.—ум. 1406), церковный писатель; по национальности болгарин (из Тырнова), с 1390 г. московский митрополит 253
- Киреева Раиса Александровна, сов. историк 414, 416, 419, 432, 435, 440, 463, 465, 478
- Кирилл святой (монашеское имя Константина; 827—869), выдающийся славянский просветитель и проповедник 255
- Кирпичников Александр Иванович (1845—1903), историк литературы, проф. Харьковского и Новороссийского ун-тов, с 1894 г. чл.-корр. Академии наук 421
- Кирхманн П. Ф. 431
- Китченер (в тексте Кичинер) Гораций Герберт (1850—1916), лорд,

- англ. политический деятель, фельд-маршал 379
- Климентова Мария Николаевна (в замужестве Муромцева; 1856—1917), певица, артистка театра С. И. Зимина и Большого театра 178
- Клин Эрнст Федорович, преподаватель латинской стилистики и истории русской литературы в Московском ун-те 33, 61
- [Ключевская?] Анастасия (в тексте Настя; 1856—?), внебрачная дочь А. Ф. Ключевской 22, 121, 403. 429, 483
- Ключевская Анисья Михайловна (в тексте Ниса, Нисочка; урожд. Бородина; 1837—1909), жена В. О. Ключевского 10, 106, 153, 161, 174, 179, 200, 403, 409, 416, 427, 428, 453, 483, 484
- Ключевская Анна Федоровна (урожд. Мошкова; 1821—1866), мать В. О. Ключевского 9, 13, 17, 21, 22, 70, 119, 121, 126—128, 136, 417, 418, 429
- [Ключевская?] Мария (в тексте Машенька), внебрачная дочь А. Ф. Ключевской 22, 403, 418, 483
- Ключевский Борис Васильевич (1869—1944), сын В. О. Ключевского 174, 197, 200, 207, 212, 213, 215—217, 286, 403, 409, 412—415, 445, 449, 452, 457, 458, 483
- Ключевский Василий Степанович (1786—1816), дед В. О. Ключевского, дьячок Дмитриевской церкви с. Ключи Кирсановской округи 9
- Ключевский Иван Афанасьевич (ум. 1764 г.), прапрадед В. О. Ключевского, священник в с. Поляны Нижегородской округи Пензенского наместничества 9
- Ключевский Осип (Иосиф) Васильевич (1815—1850), отец В. О. Ключевского, дьякон Никольской церкви в Пензе, затем священник в с. Можаровка Городищенского у. Пензенской губ. 9, 56
- Ключевский Степан Иванович (1758—1802), прадед В. О. Ключевского, дьячок Дмитриевской церкви с. Ключи Кирсановской округи 9
- Клюшников Виктор Петрович (1841—1892), писатель 427, 428
- Коба, англичанин, губернатор при сыне гр. А. В. Олсуфьева 404
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), юрист, историк, социолог, в 1877—1887 гг. проф. государственного права Московского ун-та, с 1905 г. проф. Петербургского ун-та 434, 435, 472
- Ковалевский Михаил Николаевич (1874—1923), историк 468
- Кокочкин Федор Федорович (1871—1918), юрист, приват-доцент Московского ун-та, с 1897 г. гласный московского земства, с 1903 г. член губернской земской управы, член кадетской партии, депутат I Государственной думы, с 1907 г. сотрудник «Русских ведомостей», государственный контролер Временного правительства 205—207, 454, 455
- Колпиков Алексей Евфимович, двоюродный брат В. О. Ключевского, сын Е. П. Колпикова 119, 429
- Колпиков Евфимий Петрович, дядя В. О. Ключевского, протоиерей Христо-Рождественской церкви в г. Саранске 16, 119, 418, 429
- Колпиков Михаил Евфимович, двоюродный брат В. О. Ключевского, сын Е. П. Колпикова 16, 119
- Колпикова Александра Евфимовна, двоюродная сестра В. О. Ключевского, дочь Е. П. Колпикова 16, 119, 418
- Колпикова Евлампия Евфимовна, двоюродная сестра В. О. Ключевского, дочь Е. П. Колпикова 16, 119, 429
- Колпикова Мария Федоровна (урожд. Мошкова), сестра матери В. О. Ключевского, жена Е. П. Колпикова 16, 119, 418, 429
- Колпиковы, родственники В. О. Ключевского, жившие в Саранске 119, 429
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт 26, 57, 107, 420, 423, 428
- Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, общественный деятель, с 1891 г. сенатор, с 1890 г. академик, с 1892 г. почетный член Московского ун-та, в 1918—1922 гг. проф. Петроградского ун-та 7, 204, 205, 209, 210, 213—215, 279, 351, 454—456
- Коновязев 379
- Константин, полоцкий князь XIII в. 464
- Константин VII Багрянородный (Порфирородный) (905—959), с 913 г. византийский император 257

- Константин Константинович (1858—1915), вел. кн., поэт, с 1889 г. президент Академии наук 208, 455 «Констехтер» см. Смирнов К. Ф.
- Корелин Михаил Сергеевич (1855—1899), историк, с 1889 г. приват-доцент, а с 1893 г. проф. Московского ун-та по кафедре истории искусств 7, 174, 175, 178—180, 364, 441—443, 479, 480
- Корелина Надежда Петровна (1854—после 1940), жена М. С. Корелина, в 1897—1900 гг. сотрудничала в журнале «Русская мысль», работала секретарем журнала «Вопросы философии и психологии», возглавляла благотворительную комиссию доставления средств Высшим женским курсам 175, 178, 179, 181, 441
- Корнеев Я. А., в 1899 г. инспектор Московского ун-та 468
- Корнелий Непот с. Непот Корнелий Коровин Константин Алексеевич (1861—1939), художник 195
- Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) 359
- Коронович см. Карнович Е. П.
- Корсаков Дмитрий Александрович (1843—1910), историк, экономист, проф. Казанского ун-та 175, 253
- Корф Николай Александрович (1834—1883), общественный деятель и публицист, деятель народного просвещения, пропагандист идеи всеобщего обязательного обучения 265, 465
- Корш Евгений Федорович (1810—1897), публицист и переводчик, в 1843—1848 гг. редактор «Московских ведомостей» и в 1858—1859 гг. — журнала «Атеней» 141, 360, 479
- Корш Федор Адамович (1852—1923), адвокат, театральный деятель, в 1882 г. открыл собственный театр 371, 480
- Корш Федор Евгеньевич (1843—1915), филолог-классик, славист и востоковед, проф. классической филологии Московского ун-та, с 1900 г. академик 146, 269
- Корш, семья 360, 479
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк и писатель, один из идеологов украинского буржуазного национализма, с 1846 г. проф. Киевского ун-та, с 1859 г. экстраординарный проф. русской истории Петербургского ун-та 94, 145, 250—253, 426, 461
- Котляревский Александр Александрович (1837—1881), славист, археолог, этнограф, в 1864 г. основатель Московское археологическое об-во, в 1867—1872 гг. проф. Дерптского ун-та по кафедре славянского и русского языкознания, с 1875 г. проф. Киевского ун-та 143, 144
- Котляревский Нестор Александрович (1863—1925), историк литературы, с 1909 г. академик, первый директор Пушкинского дома 194, 199, 208, 212, 456
- Котошихин (Копихин) Григорий Карпович (ок. 1630—1667), подъячий Посольского приказа, автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» 120
- Кохановская см. Соханская Н. С.
- Кочубей Василий Леонтьевич (г. рожд. неизв. — ум. 1708), один из видных представителей украинской старшины конца XVII — нач. XVIII в., генеральный писарь, генеральный судья 256
- Кошелев Александр Иванович (1806—1883), публицист, общественный деятель, славянофил, с 1852 г. издатель «Московского сборника», в 1856—1860 гг. «Русской беседы» и в 1871—1872 гг. «Беседы» 147
- Кравченко Николай Иванович (1867— ?), художник 281
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, в 1839—1884 гг. издатель «Отечественных записок» 433
- Крандиевский Василий Афанасьевич (1861—1928), публицист 195
- Крижанич Юрий (1617—1683), хорват, католический миссионер, автор сочинений о Московском государстве 303
- Кронпринцесса Саксонская см. Луиза-Антуанетта-Мария
- Крузиус, нем. издатель, филолог-классик 131
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) 120
- Крюгер Карл-Вильгельм (1796—1874), нем. филолог 135
- Ксения Борисовна Годунова (ум. 1622 г.), царевна, дочь Бориса Годунова 281, 472
- Ксенофан из Колофона (VI—V вв. до н. э.), древнегреческий философ

- и поэт, основатель элейской школы 86, 87
- Ксенофонт (ок. 430—355/354 до н. э.), древнегреческий историк 31, 131, 134
- Кудрявцев Дмитрий Ростиславович (ум. 1906), «толстовец», издатель сборника мыслей и афоризмов Л. Н. Толстого «Спелые колосья» 480
- Кудрявцева Ольга Яковлевна 10, 483
- Кузнецов Николай Дмитриевич, в 1911—1913 гг. преподаватель церковного права в Московской духовной академии, московский присяжный поверенный 302
- Куманин, московский домовладелец 198
- Кундасова Ольга Петровна (ум. 1941), математик, работала в Московской обсерватории, друг семьи Шалапиных 195
- Кунт (Кундт) Эдмонт, московский книгопродавец 134
- Курочкин Василий Степанович (1831—1875), поэт-демократ, переводчик, в 1859—1873 гг. (совместно с художником Н. А. Степановым) издавал журнал «Искра» 424
- Кюнер Рафаэль (1802—1878), нем. филолог и педагог 125
- Лавров Александр Федорович (1829—1890), проф. греческого языка, церковной словесности и церковного законодательства Московской духовной академии, впоследствии архиепископ литовский и виленский 7, 148—150, 434
- Лавров Кронид Васильевич (ум. 1880), преподаватель Пензенской духовной семинарии 53
- Лавров П. 469
- Лаврова Мария Николаевна (1833—1877), жена А. Ф. Лаврова 148
- Лавровский Петр Алексеевич (1827—1886), филолог, в 1851—1859 гг. проф. славянских наречий Харьковского ун-та, с 1861 г. проф., а позже ректор Варшавского ун-та 145
- Ланге Людвиг (1825—1885), нем. философ 139, 140
- Ланской Сергей Степанович (1787—1862), государственный деятель, в 1855—1861 гг. министр внутренних дел, член Государственного совета 299
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919), историк, с 1890 г. проф. Петербургского ун-та 303, 460
- Ларошфуко Франсуа де (1613—1680), герцог, франц. писатель-моралист 347
- Ласицкий Ян (Иоанн) (1534—нач. XVII в.), польский писатель 255, 462
- Ласточкин Аркадий Александрович, в 1899 г. исключен из Московского ун-та за участие в студенческих волнениях 269
- Латышев Василий Алексеевич (1850—1912), преподаватель Гатчинской учительской семинарии и С.-Петербургского учительского ин-та, с 1892 г. директор народных училищ С.-Петербургской губернии, с 1880 г. издатель и редактор журнала «Русский народный учитель» 284, 285
- Лауниц фон дер Владимир Федорович (уб. 1906), ген.-майор, в 1905—1906 гг. градоначальник С.-Петербурга 302
- Лебедев Михаил Анатольевич 416
- Лебединцев Петр Гаврилович (1819—1896), историк русской церкви 249, 253, 461
- Лев VI Мудрый (в тексте Лев Философ; 866—912), с 886 г. византийский император из Македонской династии, ок. 890 г. издал законодательный сборник «Василики» 257,
- Левина Светлана Арамовна, сов. историк 416
- Левшин Дмитрий Сергеевич (1801—1871), ген. от инфантерии, в 1858—1863 гг. полечитель Харьковского, затем Московского учебного округа 145
- Легонин Виктор Алексеевич (1831—1899), проф. судебной медицины Московского ун-та, неоднократно избирался деканом юридического факультета 152, 435
- Ледваль см. Лидваль Э. Л.
- Леже Луи (1844—1923), франц. славист, проф. College de France, преподаватель славянских языков в парижской школе восточных языков 256
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 453, 454, 457, 469, 474
- Ленский (псевдоним; настоящая фамилия Вервиццотти) Александр Павлович (1847—1908), актер, ре-

- жиссер и театральный педагог 388
- Ленинман Яков Абрамович (1908—1967), сов. историк 416
- Леонтьев Михаил Федорович, сов. историк 414, 416, 478
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1875), филолог, с 1847 г. проф. Московского ун-та по кафедре римской словесности, с 1856 г. сотрудник «Русского вестника», с 1863 г. редактор (вместе с М. Н. Катковым) «Московских ведомостей» 28, 29, 132, 135, 360, 420, 479
- Леопарди Джакомо (1798—1837), итал. поэт 329
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 58, 386, 428, 484
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781), нем. писатель и критик 126
- Лешков Василий Николаевич (1810—1881), юрист, проф. Московского ун-та по кафедре полицейского права, в 1865—1880 гг. первый председатель Московского юридического об-ва, в 1866—1867 гг. редактор «Юридической газеты» и в 1871—1880 гг. «Юридического вестника» 430
- Лжедмитрий I (в тексте Растрига; г. рожд. неизв.—ум. 1606) 171, 281, 431, 472
- Ливий Тит (59 до н. э.—17 н. э.), римский историк 139
- Лидваль Эрик Леонард, крупный спекулянт и аферист, шведский подданный 383, 384, 481
- Литаврия Геннадий Григорьевич, сов. историк 416
- Лобко Павел Львович (1838—1905), ген.-ад., ген. от инфантерии, с 1898 г. член Государственного совета, в 1899—1905 гг. государственный контролер 477
- Локк Джон (1632—1704), англ. философ 304
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 27, 120, 420
- Лопатин Лев Михайлович (1855—1920), философ-идеалист, один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии» 178, 282
- Лопе де Вега Карпью Феликс (1562—1635) 437
- Лопухин Александр Федорович, директор Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел 280
- Лошаревский, московский домовладелец 17, 22, 30
- Лоран Франсуа (1810—1887), бельгийский историк и юрист, автор работ, направленных против клерикализма 101
- Лорис-Меликов Михаил Гариелович (1825—1888), гр., государственный деятель, ген., в 1880—1881 гг. министр внутренних дел 279
- Луиза-Антуанетта-Мария (1870—?), герцогиня Тосканская, жена саксонского короля Фридриха-Августа III 282, 473
- Луиза Гессенская (1817—1898), датская королева 483
- Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925), кн., тульский помещик, председатель Временного правительства 280
- Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936), историк, проф. Московского ун-та по кафедре русской истории, в 1911—1917 гг. ректор 7, 175, 212, 213, 216, 217, 442, 456, 458
- Любимов Александр Иванович, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 30, 58
- Любимов Николай Алексеевич (1830—1897), физик и публицист, проф. Московского ун-та, один из ближайших сотрудников Каткова и Леонтьева по «Русскому вестнику», с 1882 г. член Совета министра народного просвещения 132
- Любимов Павел Иванович, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 58
- Любомудров Андрей Петрович (1828—?), учитель Пензенской духовной семинарии, позже протоиерей Богоявленской церкви 28
- Людювик XI (1423—1483), с 1461 г. франц. король из династии Валуа 28
- Магомет см. Мухаммед
- Мадвиг Иоганн-Николай (1804—1886), датский филолог и государственный деятель, проф. Копенгагенского ун-та 139
- Мазепа Иван Степанович (1644—1709), с 1687 г. украинский гетман 250
- Майков Аполлон Александрович (1826—1902), славист, проф. Московского ун-та 176, 177, 181, 442
- Майков Леонид Николаевич (1839—1900), историк литературы, с 1893 г.

- вице-президент Академии наук 175, 365, 442
- Макарий (1482—1563), церковный и политический деятель, с 1542 г. московский митрополит 200
- Маклаков Алексей Николаевич (1838—1905), окулист, проф. Московского ун-та по кафедре глазных болезней 177, 178
- Маклакова (псевд.— Нелидова) Лидия Филипповна (1851—1936), жена А. Н. Маклакова, беллетристка и публицистка 177, 178
- Малиновский Михаил Афанасьевич (1821—1888), педагог, директор училищ Харьковской губ., в 1861—1863 гг. инспектор Московского ун-та, затем директор училищ Московской губернии и 1-й Московской гимназии, в 1871—1879 гг. помощник попечителя Виленского учебного округа, после чего занимал ту же должность в Казанской губ. 41, 42, 47, 60, 423
- Манассия Константин, византийский летописец и романист XIII в. 254
- Мансветов Иван Данилович (1843—1885), археолог и литургист, проф. гомилетики, литургии и церковной археологии Московской духовной академии 161, 438
- Мануилов Александр Аполлонович (1861—1929), юрист и экономист, проф. (а в 1905—1911 гг. ректор) Московского ун-та и Коммерческого ин-та; в 1917 г. министр просвещения Временного правительства 275, 278, 280, 294, 300, 469
- Манухин Сергей Сергеевич (1856—?), в 1902 г. товарищ министра юстиции, в 1905 г. министр юстиции, член Государственного совета 308
- Мария Мстиславовна, дочь вел. княжеского Мстислава Владимировича 254
- Мария Федоровна (в тексте «Варяжка») (Мария София Фридерика Дагмара; 1847—1928), жена Александра III, дочь датского короля Христиана IX и Луизы Гессенской 395, 396, 483
- Маркевич Алексей Иванович (1847—1903), с 1879 г. приват-доцент, а в 1888—1895 гг. проф. русской истории Новороссийского ун-та 255, 462
- Марков Николай Евгеньевич (1866—?), реакционный политический деятель, один из руководителей организаций «Союз русского народа» и «Палата Михаила Архангела», крупный помещик, депутат III и IV Государственных дум от Курской губ., после Великой Октябрьской социалистической революции белоэмигрант 304
- Маршев, пензенский винозаводчик 15, 21, 60, 67, 68, 417, 421
- Маршев Александр, сын пензенского винозаводчика, в 1861 г. окончил 1-ю Пензенскую мужскую гимназию 13, 14, 68, 70, 86, 95, 98, 126, 417
- Маршев Иван, сын пензенского винозаводчика, в 1862 г. окончил 1-ю Пензенскую мужскую гимназию 67, 68, 417
- Маршвы 13, 17, 68, 70, 90, 92
- Масловский Степан Васильевич (1831—1891), преподаватель психологии, патрологии и латинского языка Пензенской духовной семинарии, впоследствии кафедральный протоиерей 25, 92, 420
- Массильон Жан-Батист (1663—1742), франц. проповедник 86
- Матфей (библ.) 423
- Медем Георгий Петрович, фон (1850—?), бар., ген.-майор, в 1903—1905 гг. помощник начальника штаба Корпуса жандармов, с 1905 г. московский градоначальник 292, 293, 475
- Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956), историк, журналист, сотрудник «Русских ведомостей» 214, 456
- Мендельсон-Бартольди Феликс (Яков Людвиг Феликс) (1809—1847), нем. композитор, музыкально-общественный деятель, дирижер, пианист, органист 130, 404
- Мензбир Михаил Александрович (1855—1935), зоолог, с 1908 г. проф. Московского ун-та 469
- Меншиков Александр Данилович (1673—1729), политический деятель, ближайший сподвижник Петра I, с 1718 г. президент Военной коллегии, с 1727 г. генералиссимус 365, 385
- Мержинский Антон, польский историк 255, 462
- Мизеровский Николай Иванович, товарищ В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 7, 136—138, 413, 431

- Миллер Орест Федорович (1833—1889), литературовед, фольклорист, публицист 145, 154, 252, 253
- Миллер Федор Богданович (1818—1881), поэт-переводчик, в 1859—1881 г. редактор журнала «Развлечение» 91, 425
- Мильгаузен Федор Богданович (1820—1878), проф. финансового права Московского ун-та 132
- Милюков Павел Николаевич (1859—1943), историк, публицист, общественный деятель, в 1886—1895 гг. приват-доцент Московского ун-та по кафедре русской истории, в 1897—1898 гг. проф. всеобщей истории Софийского ун-та, с 1905 г. председатель кадетской партии и редактор газеты «Речь» 7, 174, 197, 198, 201, 202, 215, 281, 370, 438, 452, 453, 457, 473
- Милюкова Анна Сергеевна (урожд. Смирнова; 1861—1935), жена П. Н. Милюкова, слушательница курсов В. О. Ключевского, в 90-х годах сотрудничала в журналах «Мир божий» и «Русская мысль» 161, 197, 198, 201, 281, 438, 452, 453
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), военный и государственный деятель, ген.-фельдмаршал, в 1861—1881 гг. военный министр 299
- Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), государственный деятель, в 1859—1861 гг. товарищ министра внутренних дел, с 1863 г. статс-секретарь Царства Польского 299
- Мишаков Петр Андреевич (1865—1931), антрополог, проф. судебной медицины, в 1909—1911 гг. проректор Московского ун-та 469
- Минин Козьма Захарович (г. рожд. неизв.—ум. 1616), один из организаторов народного ополчения против польской интервенции 99, 228
- Михаил I (ум. 998), первый киевский митрополит 256
- Михаил Всеволодович (г. рожд. неизв.—ум. 1246), с 1225 г. вел. кн. черниговский 141
- Михаил Саллос (ум. 1456), юридич. Клопского монастыря 147, 434
- Михаил Федорович Романов (1596—1645), с 1613 г. первый царь из династии Романовых 94
- Михаил Черниговский см. Михаил Всеволодович
- Михалко (Михаил) Юрьевич (ум. 1176), с 1175 г. вел. кн. владимиросудальский, сын Юрия Долгорукого 251
- Мицкевич Адам (1798—1855) 460
- Мишле Жюль (1798—1874), франц. историк, проф. истории Collège de France, заведующий отделом Национального архива 82
- Мищенко Федор Герасимович (1848—1906), проф. Казанского ун-та по кафедре античной филологии и истории 254, 462
- Могила Петр Симеонович (1596—1647), с 1632 г. митрополит киевский и галицкий 249, 256
- Модестов Василий Иванович (1839—1907), филолог и историк, проф. римской истории и литературы Новороссийского (1864—1867 гг.), Казанского (1867—1868 гг.) и Киевского (1869—1878 гг.) ун-тов, Киевской и Петербургской духовных академий 254, 462
- Моисей (библ.) 248
- Мокиевский, полковник украинского казачьего войска (XVII в.) 256
- Молебот Якоб (1822—1893), физиолог, представитель вульгарного материализма, проф. ун-тов в Гейдельберге, Цюрихе, Турине и Риме 97
- Молох (миф.) 322
- Мольер Жан Батист (1622—1673) 130
- Мопассан Анри Рене Альбер Ги де (1850—1893) 347, 357, 407
- Морозова Варвара Алексеевна, вдова владельца текстильной фабрики А. А. Морозова 282
- Мошков Александр Федорович (1824—?), брат матери В. О. Ключевского 17, 118, 121, 418
- Мошков Николай Федорович (1827—?), брат матери В. О. Ключевского 17, 69, 121, 418
- Мошкова Анастасия Алексеевна (1795—?), бабушка В. О. Ключевского, мать А. Ф. Ключевской 17, 22, 70, 119, 121, 129, 418
- Мстислав Владимирович («Храбрый», «Удалой»; г. рожд. неизв.—ум. 1036 г.), кн. тмураканский, сын Владимира Святославича 254
- «Музыкантка», дочь казанского протоерея А. Н. Иорданского 132, 430

- Муравьев 96
- Муравьев Николай Михайлович, в 1860—1862 гг. рязанский гражданский губернатор 97, 426
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881), гр., ген.-ад., губернатор Восточной Сибири, член Государственного совета 439
- Муретов Митрофан Дмитриевич (1850—1917), богослов, проф. Московской духовной академии по кафедре священного писания 382
- Муракевич Николай Никифорович (1806—1883), историк и археолог, проф. русской истории Ришельевского лицея, позже директор, основатель Одесского общества истории и древностей российских 256, 462
- Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910), в 1877—1884 гг. проф. Московского ун-та, один из лидеров кадетской партии 215, 457, 472
- Муромцева М. Н. см. Климентова М. Н.
- Мухаммед (Магомет; ок. 570—632), основатель ислама 25, 350, 351
- Мышцын Василий Никанорович (1866—1936), проф. церковного права в Демидовском лицее 382
- Навуходоносор II (в тексте Небукадцизар), в 604—562/561 до н. э. вавилонский царь 222, 459
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 103, 104, 371, 379, 386
- Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт; 1808—1873) 34, 103, 246
- Нарышкин Александр Алексеевич (1839—1916), крупный помещик Орловской губ., в 1894 г. товарищ министра государственных имуществ, с 1898 г. сенатор, с 1906 г. член Государственного совета, был товарищем председателя Совета объединенного дворянства 270, 279
- Наук Август Карлович (Иоганн) (1822—1892), филолог-классик, в 1859 г. переселился из Галля в Петербург, с 1861 г. академик, в 1869—1883 гг. ординарный проф. греческого языка и литературы Историко-филологического ин-та 139, 140
- Н. В. Д. см. Давыдов Н. В.
- Небольсин Павел Иванович (1817—1893), писатель, историк-этнограф 423
- Небукандцизар см. Навуходоносор II
- Нежданова, хозяйка квартиры, у которой жил в Москве В. О. Ключевский 17, 22, 30
- Нейман 273
- Некрасов 135
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) 58, 209, 423, 424, 444
- Некрасов Павел Алексеевич (1853—1928), математик, с 1885 г. приват-доцент, с 1886 г. экстраординарный, а с 1890 г. ординарный проф. чистой математики Московского ун-та, в 1893—1897 гг. ректор, с 1891 г. вице-президент Московского математического об-ва, преподаватель Московского учебного округа, член Совета министра народного просвещения 180, 443
- Некрасова Анна Степановна, сестра Е. С. Некрасовой 177, 178, 442
- Некрасова Екатерина Степановна (1847—1905), писательница, литературовед, собирательница материалов об А. И. Герцене 7, 177, 178, 442
- Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1828), поэт 423
- Немезида (миф.) 372
- Нецот Корнелий (ок. 100—ок. 27 до н. э.), древнеримский историк и писатель 69, 125
- Нестор, древнерусский летописец XI—начала XII в. 120, 254
- Нечаев Николай Павлович 436
- Нечкина Милица Васильевна, сов. историк, академик 10, 413, 414, 416, 422, 423, 426
- Нибур Бартольд Георг (1776—1831), нем. историк, проф. античной истории Берлинского и Боннского ун-тов 142
- Никанор (до пострижения — Александр Иванович Бровкович; 1827—1890), церковный писатель, философ, ректор Казанской духовной академии 167
- Никита (ум. 1108), монах Киево-Печерского монастыря, с 1096 г. новгородский архиепископ 141
- Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), писатель, критик, проф. русской словесности Петербургского ун-та, в 1839—1841 гг. редактор журнала «Сын отечества», в 1847—1848 гг. редактор «Современника», с 1859 г. член негласного комитета над цензурой, в конце 50-х годов редактор «Журнала Министерства народного про-

- свещения», с 1857 г. председатель театрального комитета 360
- Никитский Александр Иванович (1842—1886), историк, проф. и декан Варшавского ун-та, автор трудов по истории Новгорода и Пскова 253, 255, 461, 462
- Николаева Вера Петровна, по-видимому слушательница Высших женских курсов в Петербурге 184, 445
- Николай I (1796—1855), с 1825 г. император 121, 256, 269, 298, 314, 316, 317, 365, 371, 373, 385, 395, 478
- Николай II (1868—1918), в 1894—1917 гг. император 265, 272, 282, 296, 442, 444, 465, 471, 473, 475—477
- Никольский Владимир Николаевич (1821—1874), юрист, проф. Демидовского лицея, с 1859 г. проф. гражданского права Московского ун-та 132, 255, 269
- «Никсочка», «Ниса» см. Ключевская А. М.
- Новакович Стоян (1842—1915), филолог и историк, сербский политический деятель, один из лидеров Прогрессивной партии 255, 462
- Новгородцев Павел Иванович (1866—1924), юрист, философ, публицист, преподаватель философии на Высших женских курсах, до 1911 г. проф. Московского ун-та, в 1906 г. директор Московского коммерческого ин-та, в 1906 г. член I Государственной думы, подписал Выборгское воззвание 275, 281, 293
- Нольде Эммануил Юльевич (1854—1909), бар., статс-секретарь, в 1902—1906 гг. управляющий делами Комитета министров 474
- Оболенский, кн. 149
- Оболенский Алексей Дмитриевич (1855—?), кн., с 1905 г. член Государственного совета, с октября 1905 г. обер-прокурор св. Синода 281
- Оболенский Иван Михайлович (1854—1910), кн., с начала 900-х годов херсонский, затем харьковский губернатор, в 1904—1906 гг. ген.-губернатор Финляндии 280
- Овидий (Публий Овидий Назон; 43—17 до н. э.), римский поэт 139
- Оку (1850— ?), бар., ген.-лейтенант, командующий 2-й японской армии 289
- Олимпиада (ок. 375—ок. 315 до н. э.), жена македонского царя Филиппа II, мать Александра Македонского 103
- Олсуфьев Александр Васильевич (1843—?), ген.-ад., помощник командующего имп. Главной квартиры 265, 404, 408, 484
- Ольга (в крещении Елена; г. рожд. неизв.—ум. 969), киевская княгиня 28, 249
- Ордин Кесарь Филиппович (ум. 1892), публицист, занимавшийся финским вопросом 391
- Орлов Василий Иванович, сов. историк 468, 470
- Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), гр., фаворит Екатерины II, в 1765 г. президент Вольного экономического об-ва 234
- Орнатский Сергей Николаевич (1806—1884), юрист, проф. Киевского и Харьковского ун-тов, с 1848 г. проф. энциклопедии права, законоведения и российских государственных законов Московского ун-та 360
- Осокин Николай Алексеевич (1839—1895), историк-медиевист, проф. всеобщей истории Казанского ун-та 134, 142, 430, 432
- Оссовский Готфрид Осипович (1835—1897), геолог, исследователь Волыни 256, 462
- Остапова 401
- Остен-Сакен Роман Федорович (1791—1864), бар., член Совета министра иностранных дел, с 1835 г. старший советник Министерства иностранных дел 256
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) 57, 61, 130, 167, 465
- Острожские, западнорусский княжеский род 256
- Острожский, кн. 213
- Остроумов Алексей Александрович (1844—1908), терапевт, в 1880—1903 гг. проф. госпитальной терапевтической клиники Московского ун-та 180, 443, 472
- Остроумов Михаил Андреевич (1847—?), с 1884 г. проф. истории философии Московской духовной академии, с 1886 г. проф. церковного права Харьковского ун-та 302

- Отто, лейб-медик 281
 Оуэн Роберт (1771—1858) 423
 Очев, родственник Маршевых, живший в Москве 13, 14, 70
- П. см. Победоносцев К. П.
 П. см. Погодин М. П.
 Павел (библ.) 329, 431
 Павел I (1754—1801), с 1796 г. император 316, 385, 386, 389, 395
 Павел Алексей Петрович (1854—1929), геолог, с 1886 г. проф. геологии и палеонтологии Московского ун-та 275
 Павлов Владимир Петрович (уб. 1906 г.), ген.-лейтенант, в 1905—1906 гг. главный военный прокурор 302
 Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель и журналист, в 1860—1862 гг. издатель газеты «Наше время», переименованной в 1863 г. в «Русские ведомости» 360
 Павлов Платон Васильевич (1823—1895), историк и общественный деятель, в 1847—1849 гг. адъюнкт-проф. русской истории Киевского ун-та, с 1849 г. проф. Московского ун-та, с 1861 г. проф. Петербургского ун-та, с 1870 г. член Археологической комиссии, в 1875—1885 гг. ординарный проф. Киевского ун-та по кафедре истории и теории искусств 153, 253, 435, 461
 Пален фон дер Константин Иванович (1833—1912), гр., в 1867—1878 гг. министр юстиции, затем член Государственного совета 279
 Паллада см. Афина Паллада
 Панков Александр Александрович 302
 Панченко Борис Амфианович (1872—1920), историк-византист, секретарь Русского археологического института в Константинополе 199, 452
 Парадизов Степан Андреевич («Вечный Жид»; ум. 1909), одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, судебный следователь в Казани, затем адвокат в Нижнем Новгороде 23, 25, 30, 39, 46, 54, 58, 79, 80, 86, 94, 98, 99, 102, 131, 132, 135, 142, 419, 430
 Парменид из Элен (вторая половина VI— начало V в. до н. э.), древнегреческий философ, виднейший представитель элейской школы 87
 Пастрана Юлия (1834—1860), мексиканская танцовщица, получила известность благодаря обильному развитию волосного покрова, в 1859 г. была на гастролях в России 21, 418
 Пафнутий, священник 433
 Перетяткович Георгий Иванович (1840—1908), историк, с 1877 г. проф. Новороссийского ун-та 156
 Петр (г. рожд. неизв.— ум. 1526), с 1308 г. митрополит всея Руси 141
 Петр Могила см. Могила П. С.
 Петр I (1672—1725), с 1682 г. русский царь, с 1721 г. император 57, 150, 228, 264, 268, 284, 285, 303, 304, 326, 353, 365, 366, 377, 379, 381—383, 385, 388, 391—396, 420, 434, 451, 454, 474, 482, 483
 Петр II (1715—1730), с 1727 г. император 388
 Петрарка Франческо (1304—1374), великий итальянский поэт эпохи Возрождения 479
 Петров В. А. 436
 Петров Николай Иванович (1840—1921), проф. Киевской духовной академии, архивист, историк украинской литературы 252, 253, 256, 461
 Петровский Сергей Александрович (1846—1917), юрист, в 1873—1878 гг. проф. Московского ун-та по кафедре русского права, с 1880 г. сотрудник, а в 1887—1896 гг. редактор-издатель «Московских ведомостей» 150, 402, 434, 483
 Пеховский Осип Иванович (1816—1891), с 1849 г. адъюнкт, а в 1854—1869 гг. проф. Московского ун-та по кафедре греческой словесности, в 1871—1885 гг. ординарный проф. Харьковского ун-та 135
 Пешкова Екатерина Павловна (1878—1965), жена А. М. Горького 195
 Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), литературный критик и революционный публицист 459
 Писарев Рафаил Алексеевич (1850—1906), предводитель дворянства Епифанского у. Тульской губ., земский деятель 279
 Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель 209

- Плавт Тит Макций (ок. 254—184 до н. э.), древнеримский поэт-комедиограф 134
- Платон (427—347 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист 75, 81, 87, 131, 134
- Платонов Сергей Федорович (1860—1933), историк, с 1888 г. проф. русской истории С.-Петербургского ун-та, с 1909 г. чл.-корр. Академии наук, с 1920 г. академик 7, 165, 194, 196, 200, 216, 439, 440, 451, 453, 458
- Платонов Степан Федорович (1844—?), сенатор, с 1902 г. член Государственного совета, в 1903—1905 гг. заседал в Департаменте гражданских и духовных дел, с 1906 г. присутствующий член Государственного совета 290, 474
- Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), в 1881—1884 гг. директор Департамента полиции, в 1884—1894 гг. товарищ министра внутренних дел, с 1899 г. министр, стат-секретарь Финляндии, с 1902 г. министр внутренних дел и шеф жандармов 7, 194, 195, 198, 280, 281, 289, 451, 452, 473
- Плеске Эдуард Дмитриевич (1852—1904), в 1892—1894 гг. директор кредитной канцелярии Министерства финансов, в 1894—1903 гг. управляющий Государственным банком, в 1903—1904 гг. управляющий Министерством финансов, член Государственного совета 285, 474
- Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд; ок. 62—ок. 114 н. э.), древнеримский государственный деятель и писатель 139
- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), реакционный государственный деятель, в 1860—1865 гг. проф. Московского ун-та по кафедре гражданского права, с 1868 г. сенатор, с 1872 г. член Государственного совета, в 1880—1905 гг. обер-прокурор св. Синода 302, 329, 478
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и публицист, проф. Московского ун-та, в 1827—1830 гг. издатель журнала «Московский вестник», в 1835—1839 гг. (совместно с В. П. Андросовым и С. П. Шевыревым) издавал журнал «Московский наблюдатель», а в 1841—1856 гг. издавал журнал «Москвитянин» 147, 162, 343, 433, 434, 438
- Погожев, П., однокурсник В. О. Ключевского по Московскому ун-ту 421
- Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—ок. 1642), кн., один из организаторов народного ополчения против польской интервенции 99, 228
- Позднев Петр Алексеевич (1853—?), преподаватель арабского, татарского языков, логики, психологии в Оренбургской духовной семинарии, с 1894 г. ректор Пензенской духовной семинарии 191, 450
- Покровские Василий и Степан Яковлевичи, товарищи В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, с одним из них он жил в Москве 13, 14, 53, 68, 70, 96, 102, 417, 418, 424
- Покровский Иван Яковлевич, ученик Пензенской духовной семинарии 69, 424
- Полоцкий Симеон см. Симеон Полоцкий
- Попов Василий Александрович, брат Н. А. Попова 148
- Попов Михаил Митрофанович (1830—?), в 1858—1864 гг. преподаватель церковно-библейской истории и греческого языка Пензенской духовной семинарии 15, 17, 22, 98, 418
- Попов Нил Александрович (1833—1891), историк и славяновед, с 1860 г. проф. русской словесности Московского ун-та, директор Московского архива Министерства юстиции 7, 37, 148, 155, 157, 159, 160, 250, 254, 255, 421, 433, 436, 437, 461
- Попова, жена В. А. Попова 148
- Поппэ Андрей, польский историк-славист 461
- Поссарт Эрнст (1841—1921), нем. актер-трагик, неоднократно приезжавший на гастроли в Россию 162, 438
- Преллер Людвиг (1809—1863), филолог, проф. Дерптского ун-та 141
- Преображенская Мария Ивановна, воспитанница в доме Бородиных 403, 408, 410, 411, 483
- Преображенский Петр Алексеевич (1828—1893), церковный писатель,

- протоперей, с 1877 г. редактор «Православного обозрения» 72, 425
- Прилуцкий Владимир Васильевич (1840—1919), одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, с 1868 г. священник в г. Мокшаны 30, 58, 416, 420
- Прокопович Феофан (1681—1736), русский церковный и общественный деятель, ученый и поэт 304, 476
- Протагориз Абдеры (481—411 до н.э.), древнегреческий философ-софист 74
- Прохоров Василий Александрович (1818—1882), археолог, в 1862—1865, 1871—1872, 1875, 1877 гг. издатель журналов «Христианские древности» и «Русские древности», создатель коллекции предметов древнерусского искусства и быта 253, 461
- Пруденций Аврелий Публий Клемент (348—405), поэт, представитель христианско-римской поэзии 479
- «Псих» см. Евпсихий
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) 279, 280
- Пулятин Евфимий Васильевич (1803—1883), гр., адмирал, в 1861 г. министр народного просвещения и член Государственного совета 47, 424, 425
- Пуфендорф Самуэль (1632—1694), нем. юрист и историк 303, 394
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 58, 85, 104, 111, 120, 209, 273, 386, 410, 425, 428, 456, 460, 478, 484
- Пушкин Иван Николаевич (ум. 1901) 157, 158
- Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), исследователь русской и зарубежной литературы и фольклора, с 1863 г. сотрудник «Современника», с 1886 г. до 90-х годов активный сотрудник «Вестника Европы» 7, 94, 183, 199, 365, 426, 444, 453
- Пятницкий Константин Петрович (1864—1938), заведовал издательством «Знание» 195
- Разумов Евфим Васильевич (1843—1910), одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, с 1868 г. товарищ прокурора Вятского окружного суда 24, 30, 54, 58, 62, 63, 79, 80, 86, 94, 98, 99, 102, 132, 134, 135, 419, 420
- Рамзес II (1292—1225 до н.э.), египетский фараон 222
- Растрига см. Лжедмитрий I
- Рахманина, московская домовладелица 151
- Рахманов Георгий Карлович, метеоролог, приват-доцент Московского ун-та, коллекционер, основатель «Научного слова» 198, 215, 282
- Рачинский Сергей Александрович (1836—1902), ботаник, проф. Московского ун-та, в 1867 г. ушел в отставку, с 1875 г. занимался вопросами народного образования 132, 133, 135, 430
- Рейнбот Анатолий Анатольевич (1868—1918), ген.-майор, в 1906—1907 гг. московский градоначальник, в 1911 г. осужден за взяточничество и казнокрадство, но вскоре был освобожден 301, 476
- Рекамье Юлия Аделаида (1777—1849), хозяйка одного из парижского салонов времен Директории, империи Наполеона I и Реставрации 344
- Ренан Эрнест Жозеф (1823—1892), франц. историк религии, семиолог, философ-идеалист 71, 96, 99, 376
- Ренненкампф Павел Карлович (1854—1918), ген., один из душетелей революционного движения 301, 476
- Репин Илья Ефимович (1844—1930) 451
- Рибейра-Рибера (по прозвищу — Спаньолетто) Хосе (Хосеф, Хусепе) (ок. 1591—1652), исп. живописец и гравер 356
- Робеспьер Максимильян Мари Изидор (1758—1794), выдающийся деятель Великой Французской революции, руководитель якобинского революционного правительства 265, 435
- Рождественский Алексей Андреевич, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, впоследствии заштатный священник 419
- Рождественский Сергей Васильевич (1868—1934), историк, с 1920 г. чл.-корр. Академии наук 285, 474
- Рожков Николай Александрович (1868—1927), историк, с 1898 г.

- преподаватель Московского ун-та, после Великой Октябрьской социалистической революции проф. Института красной профессуры, состоял директором Академии Коммунистического воспитания и Московского исторического музея 7, 182, 183, 444
- Розанов Леонтий Иванович, в 1859—1861 гг. преподаватель словесности в Пензенской духовной семинарии, был близок к семинарскому кружку В. О. Ключевского 53, 95, 422
- Розен Виктор Романович (1849—1908), бар., ученый-арабист, проф., в 1893—1902 г. декан ф-та восточных языков Петербургского ун-та, с 1885 г. председатель Восточного отделения Российского археологического общества, с 1879 г. академик 473
- Розенберг Исая Самуилович (ум. 1920), театральный критик 195
- Романовы, царская фамилия 395, 396
- Россет с.м. Смирнова-Россет А. О.
- Рот Владимир Карлович (1848—1916), невропатолог, в 1902—1911 гг. проф. Московского ун-та, один из учредителей Об-ва невропатологов и психиатров в Москве 278
- Рубан Василий Григорьевич (1742—1795), поэт, писатель и журналист 254
- Руссо Жан Жак (1712—1778) 83, 365
- Рюрики (Рюриковичи), династия русских князей и царей 31, 395, 396
- Рязанцев В. И., товарищ В. О. Ключевского по Московскому ун-ту 96
- Савонаролла Джи роламо (1452—1498), итальянский проповедник, религиозно-политический реформатор во Флоренции, монах-доминиканец 134, 430
- Сагайдачный (Коношевич-Сагайдачный) Петр Кононович (г. рожд. неизв.—ум. 1622), украинский политический деятель, неоднократно избирался гетманом Запорожской сечи 256
- Сазонов Егор Сергеевич (1879—1910), член партии эсеров, 15 июля 1904 г. убил министра внутренних дел Плеве 451
- Саллюстий Гай Крисп (86—35 до н. э.), римский историк 31, 125, 139
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) 304, 424
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист, общественный деятель, славянофил, в 1859—1860 гг. эксперт Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы, участвовал в разработке и проведении (в 1864 г.) крестьянской реформы в Польше 299
- Самодурова Зинаида Гавриловна, сов. историк 416
- Самойлович Иван (г. рожд. неизв.—ум. 1690), в 1672—1687 гг. гетман Левобережной Украины и в 1674—1681 гг. Правобережной 250
- Самоковасов Дмитрий Яковлевич (1843—1914), археолог и историк русского права, с 1877 г. проф. истории русского права Варшавского, с 1894 г. Московского ун-тов, с 1892 г. управляющий Московским архивом Министерства юстиции 280
- Сангушки, княжеский род литовского происхождения 256
- Сапожникова Галина Николаевна, сов. историк 414, 478
- Сарачев, московский домовладелец 114, 144
- Сарду Викторьен (1831—1908), франц. драматург 481
- Сатурнов Андрей Никитич, одноклассник В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии, директор мужской гимназии в Оренбурге, в 1906 г. директор Костромского дворянского пансиона-приюта 30, 58, 421
- Святополк Владимирович Окаянный (ок. 980—1019), вел. кн. киевский, сын кн. Владимира Святославовича 18, 259
- Святополк-Мирский Петр Данилович (1857—1914), государственный деятель, в 1900—1902 гг. товарищ министра внутренних дел и шеф жандармов, в 1902—1904 гг. ген.-губернатор Виленской, Гродненской и Ковенской губерний, в 1904—1905 г. министр внутренних дел 290, 292
- Святослав Всеволодович (ум. 1194), в 1141—1146 гг. кн. гуровский и владимирово-волинский, в 1158—1164 гг. владел Новгород-Северским уделом, с 1177 г. вел. кн. киевский 253

- Святослав Игоревич (г. рожд. неизв.— ум. 972/973), ок. 945—972 гг. кн. киевский 250, 392
- Селиванов Александр Федорович (1856—1923), писатель, казанский историк-краевед 190, 449
- Семевский Василий Иванович (1848—1916), историк, в 1882—1886 гг. читал необязательный курс в Петербургском ун-те, сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Голос минувшего» 290
- Семенович (псевд.— Черноморец) Владимир Николаевич (1861—?), публицист, проф. Московского археологического ин-та 472
- Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794), деятель Великой Французской революции, один из якобинских вождей 435
- Сент-Бев Шарль Огюстен (1804—1869), франц. критик и писатель 268
- Серафимович (Попов) Алексей Серафимович (1863—1949), писатель 195
- Сергеев Александр Матвеевич, сотрудник «Русского слова» 476
- Сергеевич Василий Иванович (1835—1911), историк русского права, с 1871 г. проф. Московского и с 1872 г. Петербургского ун-тов 147, 433
- Сергей Александрович (1857—1904), вел. кн., 4-й сын Александра III; с 1891 г. московский ген.-губернатор, командующий войсками Московского военного округа, член Государственного совета 280, 444, 472
- Сергей Ал[ександров?]ич 210, 455
- Сергиевский Николай Александрович (1827—1892), проф. богословия Московской духовной академии, в 1860—1869 гг. издатель и редактор журнала «Православное обозрение» 24, 26, 27, 32—36, 38, 43, 58, 64, 72, 79, 85, 86, 145, 421
- Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), революционер, общественный деятель, сотрудничал в «Современнике», в изданиях Герцена и Огарева, один из организаторов тайного общества «Земля и воля» 459
- Серов Валентин Александрович (1865—1911), художник 195
- Сечинский Иван Иванович, полковник, в 1849—1869 гг. московский полицмейстер 48, 51, 422
- Сизов Владимир Ильич (1840—1904), историк и археолог, один из основателей (вместе с И. Е. Забелиным) Исторического музея в Москве и с 1881 г. ученый секретарь музея 153, 154, 282
- Сийэс (в тексте Сизэ) Эммануил Жозеф (1748—1836), аббат, деятель Великой Французской революции, член Конвента 268
- Сильвестр (род. в конце XV в.— ум. в 60—70-х годах XVI в.), русский политический и церковный деятель, писатель 120
- Симеон (ум. 1289 г.), первый тверской епископ 464
- Симеон Полоцкий (до пострижения — Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович; 1629—1680), русский общественный и церковный деятель, писатель и переводчик, участвовал в организации Славяно-греко-латинской академии 303, 304
- Симов Виктор Андреевич (1858—1935), театральный художник 195
- Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), с 1899 г. министр внутренних дел и шеф жандармов 280, 472
- Сизэ см. Сийэс Э. Ж.
- Скарятин Владимир Дмитриевич, публицист, с 1863 г. издатель-редактор газеты «Весть» 460
- Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870—1928), партийный и советский государственный деятель, литератор-марксист, историк и экономист 444
- Скимборович И. Ф., польский историк 256, 462
- Скирмунт С. А., издатель 195
- Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869—1941), писатель, поэт 195
- Склифосовский Николай Васильевич (1836—1904), хирург, в 1870 г. проф. Киевского ун-та, с 1871 г. Медико-хирургической академии, в 1880—1893 гг. проф. и декан медицинского ф-та Московского ун-та, в 1893—1900 гг. проф. и директор Клинического ин-та усовершенствования врачей в Петербурге 472
- Слуцкий Сергей Сергеевич (1861—1903), историк, секретарь Восточной комиссии Московского археологического об-ва, делопроизво-

- датель Московского архива Министерства иностранных дел 282
- Смарагд (до пострижения — Александр Крыжановский; ум. 1863), в 1863 г. архиепископ рязанский и зарайский 97, 426
- Смирнов Абрам Павлович (отец Авраамий, в тексте «Абрам»; 1816—1872), протоиерей, преподаватель патриотики, психологии и латинского языка в Пензенской духовной семинарии 54, 92, 136, 422
- Смирнов Константин Федорович (в тексте иногда «Констехтер»; 1828—1900), преподаватель всеобщей гражданской истории в Пензенской духовной семинарии 23, 25, 30, 419
- Смирнов Николай Михайлович (1807—1870), с 1857 г. губернатор в Калуге, затем гражданский губернатор в Петербурге, муж А. О. Смирновой-Россет 213, 456
- Смирнов Сергей Иванович (1870—1916), писатель, проф. русской церковной истории Московской духовной академии 211, 282, 286, 482
- Смирнов Сергей Константинович (1818—1889), протоиерей, инспектор, а затем ректор Московской духовной академии 7, 149, 161, 197, 281, 437, 438, 452
- Смирнова Софья Мартыновна, (1830—1915), жена Смирнова С. К. 161
- Смирнова-Россет Александра Осиповна (1809—1882), фрейлина имп. двора, мемуаристка 213, 314, 478
- Смирновы, московские домовладельцы 182, 183
- Смит Адам (1723—1790), англ. экономист 304
- Смурова, владелица дачи в Алушке 410
- Снегирев Владимир Федорович (1847—1916), гинеколог, с 1875 г. проф. Московского ун-та, с 1896 г. директор Гинекологического ин-та усовершенствования врачей, открытого по его инициативе 271, 273, 274, 469
- Соболевский Василий Михайлович (1846—1913), редактор газеты «Русские ведомости» 215, 282, 457
- Соболевский Сергей Александрович (1803—1870), поэт, биограф 479
- Соколовский П. Э. (1860—?), юрист, проф. Московского ун-та 268, 270, 275
- Сократ (ок. 469—399 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист 81, 83, 86—90
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), философ-идеалист, богослов, публицист и поэт, в 1877—1881 гг. читал лекции по философии в Московском и Петербургском ун-тах, в 1881 г. оставил ун-т 258, 259, 357, 368, 464, 465
- Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903), старший сын С. М. Соловьева, писатель 157, 402, 436
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, с 1847 г. проф. Московского ун-та, с 1872 г. академик 7, 42, 52, 55, 67, 68, 76, 94, 103, 132, 135, 143, 145, 156—160, 172, 191, 286, 381, 389, 392, 402, 419, 422, 426, 430, 432, 433, 436, 437, 456, 460, 481, 482
- Соловьева Поликсена Владимировна, жена С. М. Соловьева 157, 402, 436
- Солонков 57
- Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910), гр., статс-секретарь, в 1867—1873 гг. государственный секретарь, в 1873—1889 гг. государственный контролер, в 1904—1906 гг. председатель Государственного совета 294
- Сорель Альбер (1842—1906), франц. историк, академик 265
- Соснецкий Иван Ермолаевич (ум. 1876), учитель 3-й Московской гимназии, филолог-классик 27, 40
- Соханская Надежда Степановна (псевд.— Кохановская; 1825—1884), писательница 117, 428
- Спасович Владимир Данилович (1829—1906), юрист, в 1857—1861 гг. проф. Петербургского ун-та по кафедре уголовного права, в 1861—1864 гг. преподавал в Училище правоведения, после этого занимался адвокатской деятельностью 351
- Сперанский Владимир, студент Московского ун-та 447
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель, автор ряда законопроектов в начале царствования Александра I 298
- Спиноза Бенедикт (1632—1677), голландский философ-материалист 109, 110

- Срезневский Измаил Иванович (1812—1880), филолог, с 1842 г. проф. Харьковского, с 1847 г. Петербургского ун-тов 250, 256
- Станкевич Александр Владимирович (1821—1907), брат П. В. Станкевича, писатель, критик 269
- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, публицист и общественный деятель, проф. Петербургского ун-та, в 1866—1908 гг. издатель и редактор журнала «Вестник Европы» 210, 269, 294
- Стахович Михаил Александрович (1861—1923), умеренный либерал, земский деятель, член I и II Государственных дум 279
- Степанов Николай Александрович (1807—1877), русский художник-карикатурист, издатель журнала «Искра» (совместно с В. С. Курочкиным), с 1865 г. издатель журнала «Будильник» 424
- Столетов Александр Григорьевич (1839—1896), физик, с 1873 г. проф. Московского ун-та 472
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), государственный деятель, с апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июля одновременно председатель Совета министров 204, 300, 454
- Стороженко Василий А[лександрович?] (ок. 1869—?), врач 269, 457
- Стороженко Николай Ильич (1836—1906), историк западноевропейской литературы, с 1872 г. проф. Московского ун-та, в 1894—1901 гг. председатель Об-ва любителей российской словесности, в 1893—1902 гг. главный библиотекарь Румянцевского музея 152, 154, 178, 279, 435, 472
- Страбон (ок. 63 до н. э.— ок. 20 н. э.), древнегреческий географ и историк 253, 461
- Строгонова Анна Семеновна (в тексте А. С.), соседка семьи Бородиных 107, 116—118, 428
- Стюарт В. Д., бар., петербургский знакомый Ф. И. Шаляпина 195
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист, с 1876 г. издатель газеты «Новое время», владелец созданного им театра в Петербурге 281, 472
- Суворов Александр Васильевич (1730—1800) 280, 368, 369
- Сумароков Александр Петрович (1717/1718—1777), писатель, драматург, в 1756—1761 гг. первый директор Российского театра в Петербурге, издатель журнала «Трудолюбивая пчела» 106
- Сусанин Иван Осипович (г. рожд. неизв.—1613), герой народно-освободительной войны русского народа против польских интервентов 94, 426
- Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901), историк литературы, с 1860 г. проф. Петербургского ун-та 420
- Сухонин Петр Петрович (1821—1884), писатель 423
- Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934), книгопродавец, издатель газеты «Русское слово» 292
- Табари (ат-Табари) Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир (838 или 839—923), персидский историк 286, 474
- Тамара (ок. 60-х годов XII в.—1213), с 1184 г. царица Грузии 406
- Тарасов Иван Трофимович (1849—1929), юрист, с 1889 г. проф. Московского ун-та по кафедре полицейского права 278, 280, 469, 470
- Татищев Василий Никитич (1686—1750), историк и государственный деятель 366, 421
- Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906), историк и публицист 472
- Тацит Публий Корнелий (ок. 55—ок. 120), древнеримский историк, оратор и политический деятель 131, 134, 377
- Тейфель Вильгельм-Сигизмунд (1820—1878), проф. классической филологии Тюбингенского ун-та 139, 141
- Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957), писатель, организатор литературного кружка «Среда», в последний период жизни директор музея МХАТ 195, 451
- Терновский Филипп Алексеевич (1838—1884), историк, проф. Киевской духовной академии и Киевского ун-та по кафедре церковной истории 254, 462
- Терпсихора (миф.) 130
- Тестов, владелец ресторана в Москве 195, 279, 451
- Тетеря (Моржковский) Павел Ива-

- нович (г. рожд. и смерти неизв.), в 1663—1665 гг. гетман Правобережной Украины 145
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), ген.-ад., с 1856 г. начальник Корпуса жандармов и управляющий III Отделением, с 1861 г. временный ген.-губернатор Казанской, Пермской и Вятской губ., с 1867 г. министр почт и телеграфов, в 1868—1877 гг. министр внутренних дел 299
- Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель-дарвинист, ботаник-физиолог, в 1877—1898 гг. проф. Московского ун-та по кафедре анатомии и физиологии растений, в 1869—1902 гг. преподаватель ботаники в Петровской земледельческой и лесной академии 180, 271, 280, 443, 472
- Тит Ливий см. Ливий Тит
- Титмар (Дитмар) Мерзбургский (975—1018), нем. хронист, с 1009 г. епископ мерзбургский 461
- Титов Андрей Александрович (1844/1845—1911), писатель, археолог и этнограф 481
- Тихомиров Александр Андреевич (1850—1931), зоолог, с 1888 г. проф. и в 1896—1904 гг. директор зоологического музея Московского ун-та, в 1899—1904 гг. ректор, в 1911—1917 гг. попечитель Московского учебного округа 270, 271, 280, 381, 468, 469
- Тихомиров Иоасаф Александрович (1872—1908), актер Художественного театра, с 1903 г. режиссер театра, организованного А. М. Горьким в Нижнем Новгороде при Народном доме 195
- Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк литературы, в 1859—1889 гг. проф. истории русской литературы Московского ун-та, в 1876 г. декан историко-филологического фак-та, в 1877—1883 гг. ректор, с 1890 г. академик 7, 154, 155, 163, 165, 168, 174, 175, 183, 253—255, 402, 433, 438, 439, 442, 444, 445, 461, 462, 483
- Ткаченко Петр Семенович, сов. историк 422, 468, 470
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875), гр., писатель 386, 405
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), гр., государственный деятель, с 1867 г. обер-прокурор св. Синода, в 1866—1880 гг. министр народного просвещения, в 1882—1889 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов 299
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) 209, 271, 282, 343, 344, 347, 357, 368, 371, 386—388, 407, 473, 479, 480
- Толстой Михаил Владимирович (1812—1896), гр., писатель 256, 462
- Томазиус Христиан (1655—1728), нем. философ и юрист, проф. Галльского ун-та 304
- Торнаги Иоле (Иола) Игнатьевна (1873—1965), прима-балерина Русской частной оперы, жена Ф. И. Шаляпина 195
- Торопов, московский домовладелец 302
- Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) государственный деятель, в 1896—1905 гг. московский обер-полицеймейстер, с 11 января 1905 г. петербургский ген.-губернатор и начальник Петербургского гарнизона, с 1905 г. товарищ министра внутренних дел, с ноября 1905 г. комендант Зимнего дворца 201, 202, 271, 287, 297, 308, 453
- Троицкий Александр Иванович (1865— ?), пензенский историк 190, 449
- Троицкий Матвей Михайлович (1835—1899), психолог и философ-позитивист, проф. Казанского, Варшавского и Московского ун-тов, основатель и первый председатель Московского психологического об-ва 182, 184, 270
- Трубецкая Елизавета Эсперовна (1840—1908), кн., фрейлина имп. Марии Александровны, издательница родословной кн. Трубецких 311
- Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905), кн., философ-идеалист, с 1900 г. проф. философии Московского ун-та, в 1905 г. ректор, редактор журнала «Вопросы философии и психологии» 269, 278, 293, 294, 388, 469, 470
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) 90, 91, 209, 386, 425, 428
- Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), ген.-ад., сенатор, с 1859 г. военный ген.-губернатор Москвы 48, 49, 51, 52

- Тэн Ипполит (1828—1893), франц. теоретик искусства и литературы, философ и историк 265
- Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781), франц. государственный деятель и экономист 438
- Уваров Алексей Сергеевич (1825—1884), гр., археолог 205, 250, 253, 255, 433, 439, 454, 462, 479
- Угимова 270
- Умов Николай Алексеевич (1846—1915), физик, с 1875 г. проф. Новороссийского, а с 1893 г. Московского ун-тов 189, 198, 275, 278, 469, 470
- Ундина (миф.) 360
- Ундольский Вукол Михайлович (1815—1864), библиограф и собиратель памятников славянской письменности 141, 431
- Унковская [Александра Васильевна, член теософического об-ва?] 481 «Урлук» *см.* Бурлуцкий Я. П.
- Усов Павел Сергеевич (ок. 1860—ок. 1917), врач, лечивший В. О. Ключевского 411, 484
- Ухтомский, кн. 463
- Фалес из Милета (ок. 624—547 до н. э.), древнегреческий ученый и мыслитель, родоначальник греческой стихийно-материалистической философии 86
- Федор Алексеевич (1661—1682), с 1676 г. русский царь 303
- Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872) 32, 33, 64, 66, 70, 72, 423, 424
- Фелитесы *см.* Филитисы
- Феодосий Печерский (г. рожд. неизв.—ум. 1074), церковный писатель, один из первых игуменов Киево-Печерского монастыря 256
- Феопемпт, киевский митрополит (XI в.) 249
- Феофан, патриарх иерусалимский (нач. XVII в.) 254
- Феофан Прокопович *см.* Прокопович Феофан
- Ферсит (миф.) 226
- Фетида (миф.) 61
- Фивейский, товарищ В. О. Ключевского по Московскому ун-ту 55
- Филарет (до пострижения — Дроздов Василий Михайлович; 1783—1867), с 1826 г. московский митрополит 99, 130
- Филимонов Георгий (иногда Юрий) Дмитриевич (1828—1898), археолог и историк искусства, заведующий Оружейной палатой Московского Кремля 147, 148, 175, 442
- Филипп Ирапский (светское имя — Феофил; 1493—1537), инок-подвижник и проповедник 156, 436
- Филиппов Александр Никитич (1853—1927), юрист, в 1885—1892 гг. приват-доцент Московского ун-та по кафедре истории русского права, с 1892 г. проф. Дерптского ун-та по кафедре государственного права 293, 300
- Филитисы, семья; Филитис Николай Степанович, педагог, автор ряда работ по подвижным детским играм 195
- Фирсов Николай Алексеевич (1831—1896), историк, проф. Казанского ун-та, автор работ по истории народов Поволжья 184, 445
- Фирсов Николай Николаевич (1864—1934), историк, проф. Казанского ун-та 7, 169, 183, 184, 440, 445
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), нем. философ-идеалист, педагог и общественный деятель 74, 126, 242
- Флоринский Степан И., старший товарищ В. О. Ключевского по Пензенской духовной семинарии 16, 24, 39—41, 54, 66, 71, 72, 79, 85, 96, 99, 418
- Фогт (в тексте Фойгт) Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель и философ, с 1852 г. проф. Женевского ун-та 97
- Фойницкий Иван Яковлевич (1847—1913), юрист-криминалист, с 1871 г. проф. Петербургского ун-та и одновременно с 1876 г. служил в Сенате 204, 454
- Фонвизин Денис Иванович (1744—1792) 120, 264, 444
- Фотий (ок. 820—891), видный церковный деятель, в 858—867 и 878—886 гг. византийский император 286
- Фохт Александр Богданович (1848—1930), патолог, с 1880 г. проф. Московского ун-та, в 1891 г. организовал институт общей и экспериментальной патологии при клиниках ун-та, в 1911 г. оставил ун-т 275, 470
- Фридрих-Август III (1865—1932), в 1904—1918 гг. король Саксонии, муж Луизы-Антуанетты-Марии Тосканской 473
- Фукидид (ок. 460—ок. 400 до н. э.),

древнегреческий историк 122, 134
Фюстель де Куланж Ньюма Дени
(1830—1888), франц. историк,
проф. Страсбургского и Парижского
ун-тов 141

Харитонов Петр Алексеевич (1852—
?), сенатор, в 1904—1906 гг.
товарищ государственного секретаря,
с 1906 г. сенатор и присутствующий
член Государственного совета,
с 1907 г. государственный
контролер 298, 475

Хвостов Вениамин Михайлович
(1868—1918), историк римского
права, проф. Московского ун-та,
один из деятелей кадетской партии
278, 280

Хлебников Николай Иванович
(1840—1880), юрист, проф. государственного
права Варшавского ун-та,
затем проф. философии и энциклопедии
права Киевского ун-та 147, 433

Хлудов Алексей Иванович (1818—
1882), московский купец, заводчик
130

Хмельницкий Зиновий Богдан Михайлович
(ок. 1595—1657), украинский
гетман 145

Холмовская Авдотья Яковлевна
(1830—?), жена П. В. Холмовского
31, 35, 59, 421

Холмовская Александра Васильевна,
сестра В. В. Холмовского 59

Холмовская Прасковья Егоровна,
жена В. В. Холмовского 191, 198

Холмовский Василий Васильевич
(1839—?), одноклассник В. О. Ключевского
по Пензенской духовной семинарии,
в начале 900-х годов мировой судьей в
Сухум-Кале 7, 30—35, 39, 46, 54, 58—63, 66,
79, 85, 86, 94, 98, 189—191, 198,
413, 421, 423, 449, 450, 452

Холмовский Ордалион Васильевич,
брат В. В. Холмовского, помощник
бухгалтера Пензенского приказа
общественного призрения 31, 35,
59, 421

Холмовский Петр Васильевич (ум.
1879), брат В. В. Холмовского 31,
35, 59, 421

Хомяков Николай Алексеевич
(1850—1925), крупный помещик,
окабрист, в 1886—1896 гг. смоленский
губернский предводитель дворянства,
в 1896—1902 гг. директор

Департамента земледелия в Министерстве
земледелия и государственных имуществ,
в 1906 г. член Государственного совета,
депутат II, III и IV Государственных дум,
председатель III Государственной думы
до марта 1910 г. 279

Храбровицкий Александр Вениаминович,
сов. журналист 413, 416

Хрисанф (до пострижения — Владимир
Николаевич Ретивцев; 1832—1883),
проф. богословия Казанской и Петербургской
духовных академий, впоследствии епископ
в Астрахани и Нижнем Новгороде
100, 101, 427

Христиан IX (1818—1906), с 1863 г.
датский король 483

Хрущов Иван Петрович (1841—1904),
член Совета министра народного просвещения,
с 1870 г. проф. кафедры русской истории
Киевского ун-та, один из учредителей
Об-ва Нестора летописца, с 1879 г. член
ученого комитета ведомства имп. Марии
Федоровны, затем председатель Комиссии
по устройству народных чтений 194,
450

Цветасев Иван Владимирович (1847—
1913), искусствовед, проф. Петербургского,
Варшавского, Киевского и с 1877 г.
Московского ун-тов, создатель и первый
директор Музея слепков (Музей изящных
искусств) 479

Цветков Петр Иванович (1845—1914),
литературовед 479

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.)
69, 139

Цераский Витольд Карлович (1849—
1925), астроном, с 1889 г. проф. Московского
ун-та, в 1890—1916 гг. директор астрономической
обсерватории Московского ун-та 274,
469, 470

Цитович Петр Павлович, член Совета
Министерства финансов 271

Цицерон Марк Тулий (106—43 до н. э.)
28, 40, 80, 122, 133, 134, 139

Черепнин Лев Владимирович, сов. историк 414

Черинов Михаил Петрович (1838—1905),
терапевт, проф. Московского ун-та,
в 1876—1892 гг. состоял гласным
Московской городской думы и председателем
санитарного

- отдела комиссии по канализации Москвы 269
- Черноморец *см.* Семенкович В. Н.
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) 10, 73, 94, 126, 420, 423, 425, 430, 444, 459
- Чехов Антон Павлович (1860—1904) 7, 195, 290, 451
- Чехова Мария Павловна (1863—1957), сестра А. П. Чехова, художница-педагог 195
- Чечулин (в тексте Ч-и) Николай Дмитриевич (1863—1927), историк, в 1891—1897 гг. читал курс русской истории в Петербургском ун-те 360, 479
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк, философ и публицист, в 1861—1868 гг. проф. Московского ун-та, в 1882—1883 гг. московский городской голова 42, 70, 72, 94, 131, 132, 135, 145, 158, 269, 422, 424, 426, 430, 443
- Ч-и *см.* Чечулин Н. Д.
- Чумаченко Эрика Георгиевна, сов. историк 414, 416, 478
- Чупров Александр Иванович (1842—1908), экономист, публицист и либеральный общественный деятель, с 1874 г. проф. Московского ун-та до кафедры политической экономии, а с 1876 г. и по статистике 342, 443, 472
- Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) 7, 195, 451
- Шанявский Альфонс Леонович (1837—1905), ген., общественный деятель, в 1908 г. на его средства был открыт в Москве народный ун-т, просуществовавший до 1918 г. 210
- Шатобриан Франсуа Рене (1768—1848), франц. писатель 152
- Шауман Евгений-Владимир (1875—1904), финский террорист, чиновник Главного училищного управления 289, 290
- Шахов Александр Александрович (1850—1877), историк западно-европейской литературы, с 1872 г. проф. Высших женских курсов и с 1876 г. Московского ун-та 7, 152—154, 434, 435
- Швабе Людвиг (1835—1909), в 1863—1872 гг. проф. классической филологии и археологии Дерптского, а с 1872 г. Тюбингенского ун-тов 143, 144
- Шварц Александр Николаевич (1848—1915), филолог-классик, с 1875 г. читал лекции в Московском ун-те, директор Константиновского Межевого ин-та, с 1900 г. попечитель Рижского, затем Варшавского учебных округов 275
- Шекспир Вильям (Уильям) (1564—1616) 162, 379, 437
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), нем. философ, с 1798 г. проф. Йенского ун-та 75, 78
- Шемяка Дмитрий Юрьевич *см.* Дмитрий Юрьевич Шемяка
- Шервуд Владимир Осипович (1833—1897), архитектор, скульптор, живописец 179, 443
- Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), с 1900 г. член Государственного совета, с 1885 г. московский губернский предводитель дворянства, председатель Археологической комиссии, член Об-ва любителей древней письменности, член Русского генеалогического об-ва 7, 170, 171, 184, 185, 197, 413, 441, 445, 452, 473
- Шестаков Петр Дмитриевич (1826—1889), педагог и писатель, в 1860—1863 гг. инспектор Московского ун-та, с 1865 г. попечитель Казанского учебного округа 142, 432
- Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920), крупный помещик, видный деятель земского движения, один из организаторов и председатель ЦК партии «Союз 17 Октября», в 1906 г. вышел из партии октябристов и стал одним из лидеров партии «мирного обновления», член Государственного совета 279, 289
- Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862— ?), кн., в 1903—1904 гг. прокурор Московской синодальной конторы, сенатор, в 1905 г. товарищ обер-прокурора св. Синода, а в 1906 г. обер-прокурор св. Синода, с 1907 г. присутствующий член Государственного совета 309
- Шеман Николай Эдуардович (1850— ?), юрист, в 1900 г. управляющий межевой частью Министерства юстиции, в 1905 г. член Государственного совета, с 1906 г. присутствующий член Государственного совета 274

- Шмоллер Густав (1838—1917), нем. экономист, глава т. н. «исторической школы» 350
- Шопен Фридерик (1810—1849) 375
- Шпенер Филипп-Яков (1635—1705), нем. богослов, лютеранин, основатель pietизма 304
- Штакельберг Георгий Карлович (1851— ?), ген.-лейтенант 289
- Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913), журналист и историк, в 1875—1879 гг. редактор журнала «Древняя и Новая Россия», в 1880—1913 гг. редактор журнала «Исторический вестник» 7, 150, 151, 434
- Щапов Афанасий Прокопьевич (1830—1876), историк и публицист, в 1856—1861 гг. читал лекции в Казанской духовной академии, а затем в Казанском ун-те, в 1861—1863 гг. занимался в Петербурге публицистической и научной деятельностью, в 1864 г. выслан в Иркутск, где и умер 50, 53, 144, 418, 422, 432
- Щуровский Григорий Ефимович (1803—1884), с 1835 г. проф. геологии и минералогии Московского ун-та 26
- Эвтерпа (миф.) 130
- Эпикур (341—270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист 87
- Эрдман Иоганн-Эдуард (1805—1892), нем. философ, проф. Галльского ун-та 82
- Эрисман Федор Федорович (1842—1915), русский гигиенист, по национальности швейцарец, в 1882—1896 гг. проф. Московского ун-та по кафедре гигиены, в 1896 г. уволен за ходатайство в пользу смягчения участи студентов, участвовавших в волнениях 180, 443, 472
- Юлий Цезарь см. Цезарь Гай Юлий Юматов Николай Николаевич (псевд.—Китти), редактор газеты «Весть» 460
- Юрий Владимирович Долгорукий (ок. 1090—1157), кн. суздальский (1125 г.) и вел. кн. киевский (1150 г.) 251
- Юркевич Памфил Данилович (1827—1874), философ-идеалист, с 1861 г. проф. философии Московского ун-та, в 1869—1873 гг. декан истори-
- ко-филологического факультета 72, 73, 75—80, 84, 86—88, 93, 132, 135, 425
- Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888), литературный деятель, переводчик, в 1871—1872 гг. издатель журнала «Беседа», в 1880—1885 гг. редактор журнала «Русская мысль», с 1878 г. председатель Об-ва любителей российской словесности, после смерти А. Н. Островского председатель Об-ва русских драматических писателей 147, 159, 433, 437
- Юрьевичи см. Всеволод-Дмитрий Юрьевич и Михалко (Михаил) Юрьевич
- Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич; 1838—1923), славист, по национальности хорват, в 1872—1874 гг. проф. сравнительного языкознания и санскрита Новороссийского, в 1875—1880 гг. Берлинского, в 1880—1886 гг. Петербургского и в 1886—1908 гг. Венского ун-тов 255
- Яковлев Алексей Иванович (1878—1951), сов. историк, в 1899 г. был уволен из Московского ун-та за участие в студенческих волнениях 269—271, 420, 459, 465, 466, 468
- Яковлев Владимир Алексеевич (1840—1896), историк литературы, проф. Варшавского и Новороссийского ун-тов 252, 253, 255
- Янжул Иван Иванович (1845/1846—1914), экономист и статистик, с 1876 г. проф. Московского ун-та по кафедре финансового права 472
- Ярин, имя раба (славянского происхождения), упомянутого в одной из надписей, найденной в Помпеях 254
- Ярослав I Владимирович Мудрый (978—1054), кн. новгородский, сын Владимира Святославича, с 1019 г. кн. киевский 249, 259
- Ярославна, жена Игоря Святославича, кн. новгород-северского и черниговского 56, 422
- Ярославский Емельян Михайлович (партийный и литературный псевдоним Губельмана Минейя Израилевича; 1878—1943), видный деятель Коммунистической партии, историк и публицист, с 1939 г. академик 413
- Ярцев Алексей Алексеевич (1858—1907), историк русского театра 282
- «Яшенька» см. Бурлуцкий Я. П.

Содержание

Предисловие	5
-----------------------	---

Раздел I

ПИСЬМА

1861 г.

1. И. В. и Е. Ф. Европейцевым — 23--25 июля	13
2. П. И. Европейцеву — [26 июля]	18
3. И. В. и Е. Ф. Европейцевым — 19 августа	20
4. П. П. Гвоздеву — 3 сентября	22
5. В. В. Холмовскому — 27 сентября	30
6. П. П. Гвоздеву — 27 сентября	35
7. П. П. Гвоздеву — 11 октября	39
8. И. В. Европейцеву — 18 октября	47
9. П. П. Гвоздеву — 27 октября	50
10. В. В. Холмовскому — 18 ноября	59
11. П. П. Гвоздеву — 25 ноября	63
12. И. В. и Е. Ф. Европейцевым — 2 декабря	67
13. П. П. Гвоздеву — 9 декабря	70

1862 г.

14. П. П. Гвоздеву — 27 января	71
15. П. П. Гвоздеву — 14 февраля	79
16. П. П. Гвоздеву — 17 марта	85
17. П. П. Гвоздеву — 21 апреля	90
18. П. П. Гвоздеву — 14 июня	95
19. И. В. Европейцеву — 14 июня	98
20. П. П. Гвоздеву — 20 ноября	99

1863 г.

21. И. В. Европейцеву — 20 марта 102
 22. И. В. Европейцеву — 20 декабря 103

1864 г.

23. [А. М. Бородиной] — 23 июня 104
 24. [А. М. Бородиной] — 29 июня — 1 июля 106
 25. [А. М. Бородиной] — 13 июля 109
 26. [А. М. Бородиной] — 23 июля 112
 27. [А. М. Бородиной] — 9 августа 114
 28. И. В. и Е. Ф. Европейцевым — 12 августа 118
 29. П. И. Европейцеву — [Ранее 28 октября] 121
 30. П. И. Европейцеву — [28 октября] 125

1866 г.

31. И. В. Европейцеву — 20 апреля 126

1867 г.

32. П. П. Гвоздеву — 22 января 129
 33. П. П. Гвоздеву — 9 февраля 132
 34. П. П. Гвоздеву — 16 февраля 134

1868 г.

35. Н. И. Мизеровскому — 25 февраля 136

1869 г.

36. П. П. Гвоздеву — 2 сентября 138
 37. П. П. Гвоздеву — 15 сентября 140

1870 г.

38. С. М. Соловьеву — 9 марта 143
 39. П. П. Гвоздеву — 30 марта 144

1871 г.

40. В. И. Герье — 9 июля 144

1872 г.

41. В. И. Герье — 15 июля 146
 42. А. Ф. Лаврову — [Не позднее 6 сентября] 148

1875 г.

43. С. Н. Шубинскому 150

1876 г.

44. А. А. Шахову — 13 марта 152
 45. В. И. Герье — 18 августа 153

1877 г.

46. Н. В. Калачову — июнь 154
 47. Н. А. Попову — 11 ноября 155

1878 г.

48. Н. П. Барсукову 156

1879 г.

49. В. И. Герье — 23 июля 156
 50. В. И. Герье — 5 августа 158
 51. Н. А. Попову — 21 ноября 159
 52. С. А. Юрьеву — 8 декабря 159

1883 г.

53. Н. А. Попову — 17 октября 160

1884 г.

54. Н. А. Попову — 18 апреля 160
 55. С. К. Смирнову — 22 июня 161

1886—1887 гг.

56. В. А. Гольцову 161

1887 г.

57. А. И. Герье — 1 марта 162

1888 г.

58. Н. П. Барсукову — 15 марта 162
 59. Н. С. Тихонравову — 16 ноября 163

1889 г.

60. В. А. Гольцову — 18 декабря 164

1891 г.

61. И. П. Барсукову — 11 апреля 164
 62. Н. С. Тихонравову — 27 ноября 165

1892 г.

63. С. Ф. Платонову — 15 января	165
64. П. В. Знаменскому — [После 6 июня]	166
65. П. П. Гвоздеву — 11 октября	167

1893 г.

66. И. Е. Забелину — 9 января	168
67. Н. Н. Фирсову — 5 мая	169
68. В. И. Герье — 5 июня	170
69. С. Д. Шереметеву — 29 августа	170
70. И. Д. Делянову — 3 октября	171
71. В. И. Герье — 24 октября	173
72. М. С. Корелину — 9 декабря	174
73. С. А. Белокурову — [Не позднее 31 декабря]	175

1894 г.

74. С. А. Белокурову — [Не позднее 3 февраля]	176
75. Е. С. Некрасовой — 5 февраля	177
76. М. С. Корелину — 7 февраля	178
77. В. О. Шервуду — 16 сентября	179

1895 г.

78. М. С. Корелину — 3 февраля	180
79. С. А. Белокурову — 5 февраля	181
80. Н. П. Боголепову — 1 октября	182

1896 г.

81. Н. А. Рожкову — 9 июня	182
--------------------------------------	-----

1897 г.

82. А. Н. Пыпину — 15 января	183
83. Н. Н. Фирсову — 9 марта	183
84. В. П. Николаевой — 19 октября	184

1899 г.

85. С. Д. Шереметеву — 14 января	184
86. Н. П. Боголепову — [Апрель]	185
87. Н. П. Боголепову — 17 мая	189

1900 г.

88. В. В. Холмовскому — 3 декабря	189
---	-----

1900—1901 гг.

89. В Академию наук	192
-------------------------------	-----

1902 г.

90. Я. Л. Барскову — 26 апреля	193
91. В. К. Плеве — 17 июня	194
92. Н. Ф. Дубровину — 16 октября	195
93. А. П. Чехову — 4 декабря	195
94. С. Ф. Платонову — 7 декабря	196
95. С. Д. Шереметеву — [Декабрь]	197

1903 г.

96. [П. Н. Милюкову] — [Начало года]	197
97. В. В. Холмовскому — 22 ноября	198
98. Я. Л. Барскову — 26 декабря	198

1904 г.

99. [С. Ф. Платонову] — 22 октября	200
--	-----

1905 г.

100. Н. М. Бород[ину] — 13 августа	201
101. Д. Ф. Трепову — [Не ранее 13 августа]	201

1906 г.

102. В редакцию газеты «Русские ведомости» — 8 апреля	203
103. В редакцию газеты «Русские ведомости» — 13 июня	203
104. А. Ф. Кони — 21 июля	204
105. В комиссию по присуждению премий Уварова при Академии наук — 23 октября	205
106. В редакцию газеты «Русские в[едомости]» — [Не ранее 17 декабря]	205

1908 г.

107. Я. Л. Барскову — 8 октября	207
108. Я. Л. Барскову — 8 ноября	208
109. А. Ф. Кони — 13 ноября	209

1909 г.

110. Сергею Ал-чу — 8 марта	210
111. Р. Ю. Вишперу — 23 мая	210
112. Я. Л. Барскову — 7 июня	212
113. М. К. Любавскому — [Ранее 5 декабря]	212
114. А. Ф. Кони — 25 декабря	213

1910 г.

115. С. П. Мельгунову — 12 февраля	214
116. А. Ф. Кони — 3 марта	214

1911 г.

117. П. Н. Мялюкову — [Не ранее 4 — не позднее 19 февраля]	215
118. Б. В. Ключевскому — [Ранее 10 апреля]	216
119. М. К. Любавскому — [Ранее 10 апреля]	216
120. Б. В. Ключевскому	217

Р а з д е л II

ДНЕВНИКИ И ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Дневниковые записи 1861—1866 гг.	221
Дневник 1867—1877 гг.	231
Дневник заседаний III Археологического съезда в Клеве, 1874 г.	249
Дневниковые записи 1891—1901 гг.	258
Дневник 1901—1910 гг.	277
Дневниковые записи 1902—1911 гг.	305

Р а з д е л III

АФОРИЗМЫ И МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ

Тетрадь с афоризмами, [1891 г.]	321
Записная книжка, [1890-е годы]	332
Разрозненные афоризмы:	
1889—1899 гг.	362
1890-е годы	373
1900—1910 гг.	378
1900-е годы	390
Приложение	400
Археографическое послесловие	413
Примечания	417
Список сокращений	485
Именной указатель	486

Василий Осипович Ключевский
Письма. Дневники.
Афоризмы и мысли об истории

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *С. А. Левина*. Художник *М. В. Серёгин*
Технический редактор *Л. И. Курьянова*

Сдано в набор 22/ХІ 1967 г. Подписано к печати 29/VIII 1968 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 33.

Уч.-изд. л. 33,8. Тираж 40 000. Т-04241. Тип. зак. 1221.

Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Набор изготовлен в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28

Отпечатано в 1-й типографии издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ
К ПЕЧАТИ:**

Алексеева Г. Д.

**ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ
НАУКА (1917—1923 гг.).** 17 л. 1 р. 30 к.

Первые шаги советской исторической науки — таково содержание книги. В ней на большом фактическом материале раскрыта роль Коммунистической партии и ее основателя В. И. Ленина в развитии исторической науки в нашей стране. На страницах книги показано, как в период становления советской исторической науки историки-марксисты вели решительную борьбу с буржуазной идеологией и ее влиянием. Перед читателем проходит плеяда видных деятелей Коммунистической науки: Н. Н. Батурин, М. Н. Лядов, П. Н. Лешинский, М. Н. Покровский, А. С. Бубнов и др. Рассказывается также о молодых историках-марксистах: А. М. Панкратовой, С. М. Дубровском, С. А. Пионтковском и др. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Веселовский С. Б.

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КЛАССА СЛУЖИЛЫХ
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ.** 40 л. 2 р. 60 к.

Блестящий знаток источпиков, талантливый ученый, замечательный мастер слова академик С. Б. Веселовский оставил много неопубликованных трудов, в которых вдохновенно воссоздана яркая картина жизни Руси.

Публикуемая книга посвящена истории крупнейших боярских родов, стоявших на протяжении столетий у кормила власти. Огромный интерес представляет очерк «Род и предки А. С. Пушкина в истории». Книга содержит богатейший материал для изучения социально-экономической и политической истории Руси XIV—XVI вв. Она, несомненно, привлечет внимание не только специалистов, но и всех любителей русской старины.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОВРЕМЕННОСТЬ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ).

27 л. 2 р.

Сборник состоит из статей, которые объединяются в несколько взаимосвязанных комплексов: теоретические проблемы изучения социальных революций, проблема единства всемирно-исторического процесса и методы воспроизведения его, методологические аспекты исследования истории социалистических и демократических движений, новые моменты в развитии зарубежной исторической мысли (марксистской и немарксистской). Издание рассчитано на историков, философов, преподавателей высшей школы, пропагандистов.

Предварительные заказы принимаются всеми магазинами «Академкнига» и книготоргов.

Своевременно заказывайте необходимые Вам книги.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
308	18 сн.	или классы	и классы
316	3 сн.	годы 14	годы. 14
339	18 сн.	Занть	Знать
346	15 сн.	пос	нос
374	18 сн.	умеет	не умеет

В. О. Ключевский

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

В. Ключевский

ПИСЬМА * ДНЕВНИКИ * АФО-
РИЗМЫ И МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ

Настоящая книга представляет собой первое, наиболее полное издание рукописей личного архива виднейшего историка дореволюционной России Василия Осиповича Ключевского (1841—1911).

Письма, дневники и афоризмы Ключевского — блестящего мастера слова, талантливого лектора и тонкого исследователя русской истории, воспроизводят не только эволюцию его взглядов и размышления о жизни, науке, людях. Они отражают жизнь Московского университета, студенческое движение, общественно-политические события, взгляды и настроения русской интеллигенции конца XIX — начала XX в.